

Мих. КРАСОВСКІЙ
Преподаватель Института Гражданскихъ Инженеровъ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

КУРСЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ.

Часть I.

ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО.

ПЕТРОГРАДЪ.
Товарищество Р. Голике и А. Вильборгъ. Звенигородская, 11.
1916.

Предисловіе.

Исторія Русской Архитектуры входитъ въ настоящее время въ число обязательныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, при чемъ въ однихъ изъ нихъ она преподается какъ часть курса Исторіи Искусствъ, а въ другихъ выдѣлена въ самостоятельный предметъ. Однако, до сихъ поръ единственнымъ систематически составленнымъ пособіемъ по этому предмету была „Исторія Русской Архитектуры“, изданная въ 1894 году Академикомъ А. М. Павлиновымъ и представляющая теперь большую библиографическую рѣдкость, пріобрѣсти которую почти невозможно; вслѣдствіе этого учащимся, при подготовкѣ ихъ къ экзамену, приходится извлекать необходимыя имъ свѣдѣнія изъ различныхъ изданій, не предназначенныхъ для учебной цѣли и по-этому отличающихся то излишней полнотой, то чрезмѣрной краткостью, отчего готовится по нимъ къ экзамену очень затруднительно.

Желаніе облегчить трудъ учащейся молодежи побудило меня къ изданію курса Исторіи Русской Архитектуры, первой частью которой является эта книга, охватывающая Исторію деревяннаго зодчества. Издать же одновременно обѣ части было бы при современномъ положеніи книжнаго рынка очень тяжело въ матеріальномъ отношеніи и, кромѣ того, изданіе затянулось бы на долгое время.

При составленіи плана курса я не придерживался программы какого нибудь одного учебнаго заведенія, а старался только не обойти молчаніемъ ни одного изъ тѣхъ памятниковъ русскаго зодчества, которые являются типичными представителями того или иного его направленія. Къ сожалѣнію, это не во всѣхъ случаяхъ оказалось достижимымъ, за отсутствіемъ въ литературѣ хорошихъ изображеній или исчерпывающихъ описаній многихъ памятниковъ; поэтому для иллюстраціи нѣкоторыхъ изъ нихъ пришлось ограничиться одной только фотографіей или рисункомъ, исполненнымъ

съ полувыцвѣтшей фотографіи. Послѣднимъ способомъ иллюстрирована, наримѣръ, большая часть малороссійскихъ колоколенъ, отчего перспектива этихъ изображеній страдаетъ значительнымъ искаженіемъ, обычнымъ на фотографіяхъ.

Описаніе памятниковъ второстепеннаго значенія или аналогичныхъ уже описаннымъ напечатаны мелкимъ шрифтомъ съ цѣлью придать курсу бѣольшую сжатость, а мѣстами для сохраненія цѣльности его изложенія.

М. К.

ВВЕДЕНИЕ.

Первобытное зодчество каждого народа, только что осѣвшаго на новыхъ мѣстахъ, всегда находится въ тѣсной связи съ географическими условіями этихъ мѣстъ, даже и въ томъ случаѣ, если народъ этотъ обладаетъ извѣстной долей культуры и уже успѣлъ выработать кое-какіе строительные приемы, живя на своей первоначальной родинѣ. Связь эта продолжаетъ оставаться тѣсной до того времени, когда народъ, образовавъ государство, достигнувъ высокихъ ступеней культуры и заведя оживленныя сношенія не только съ ближайшими сосѣдями, но и съ отдаленными странами, получаетъ возможность привозить къ себѣ тѣ строительные матеріалы, въ которыхъ родина ему отказываетъ, но которые становятся ему необходимыми для постройки зданій, удовлетворяющихъ его развившимся потребностямъ и облагороженнымъ культурой вкусамъ.

До этого же времени каждый человѣкъ, строя свое жилище, думаетъ лишь о томъ, чтобы оно, во-первыхъ, укрывало его и весь его домашній скарбъ отъ господствующихъ въ данной мѣстности атмосферныхъ явленій, во-вторыхъ, ограждало отъ нападеній хищныхъ звѣрей и враждебныхъ сосѣдей и, наконецъ, чтобы это жилище можно было скоро и дешево построить, пользуясь всегда имѣющимися подъ рукой строительными матеріалами.

Въ такомъ же положеніи должно было находиться и первоначальное зодчество славянъ, спустившихся съ Карпатскихъ горъ и расселявшихся въ предѣлахъ нынѣшней Европейской Россіи. Если они до своего переселенія и выработали даже нѣкоторые строительные приемы, то, попавъ въ совершенно иную обстановку, они волей-неволей должны были ей подчиниться. Какова же была эта обстановка? Равнина Европейской Россіи дѣлится на двѣ различныя по характеру полосы: южную-степную и сѣверную-лѣсную, граница между которыми опредѣляется линіей, проведенной отъ устья Камы къ Кіеву. Расселяясь на новыхъ мѣстахъ, славяне, въ силу многихъ условій, явно стремились въ лѣсную область, предпочитая ее степной, которая была во власти кочевниковъ, страшныхъ всякому осѣдлому племени. Сѣверная же область представляла собою сплошной дремучій лѣсъ, съ рѣдкими поселеніями различныхъ полудикихъ финскихъ племенъ, у которыхъ единственными путями сообщеній, являлись рѣки. Горныя породы встрѣчались тамъ либо въ видѣ относительно глубоко залегавшихъ въ почвѣ пластовъ песчаниковъ или известняковъ, лишь кое-гдѣ, преимущественно по

берегамъ рѣкъ, выступавшихъ на поверхность земли, либо въ видѣ крупныхъ или мелкихъ валуновъ, разсѣянныхъ по лѣсу. Послѣднихъ, правда, почти всюду было въ изобиліи, но употреблять ихъ для строительныхъ цѣлей, въ особенности большіе, было не подъ силу славянамъ, не знавшимъ строительной техники; поэтому они пользовались только мелкими валунами, примѣняя ихъ какъ второстепенный, а не основной, строительный матеріалъ. Что касается разложившихся горныхъ породъ, т. е. глины и песка, то хотя они такъ же, какъ и валуны, встрѣчались повсюду, но все-же играли роль только второстепенныхъ матеріаловъ, такъ какъ, если умѣніе изготовлять кирпичъ и было извѣстно, то все-таки послѣдній требовалъ для его изготовленія большой затраты времени и, слѣдовательно, примѣнялся первоначально лишь въ случаяхъ крайней необходимости, а впослѣдствіи для сооруженій исключительной важности.

Сравнительно недолгое тепло въ лѣтнюю пору и суровыя зимнія стужи заставляли славянъ заботиться о теплотѣ ихъ жилищъ, а сильныя и частыя дожди вмѣстѣ съ обильными росами принуждали ихъ строиться изъ такого матеріала, который не особенно скоро разрушался отъ дѣйствія атмосферной влаги.

Наконецъ, живя въ близкомъ сосѣдствѣ съ дикими и сильными звѣрями, которыми кишѣли лѣса, славянамъ приходилось думать о томъ, чтобы хоть у себя дома они сами и ихъ скотъ были бы въ безопасности отъ этихъ соперниковъ въ обладаніи лѣсными чащами; другими словами, жилища славянъ должны были быть настолько крѣпкими, чтобы въ нихъ не могъ вломиться ни могучій зубръ, ни медвѣдь, ни свирѣпый вепрь.

Итакъ, славянамъ былъ нуженъ такой строительный матеріалъ, который обладалъ бы слѣдующими качествами: легкостью обработки примитивными орудіями, нетеплопроводностью, сопротивляемостью дѣйствию атмосферныхъ осадковъ, прочностью и, наконецъ, повсемѣстной распространенностью. Такимъ матеріаломъ являлось дерево, во всемъ разнообразіи его породъ; ближе къ сѣверу простирался боръ съ его колоссальной величины соснами, лиственницами и елями; въ центральной полосѣ къ хвойнымъ породамъ примѣшивались лиственные, т. е. береза, осина, ольха, липа, кленъ, вязъ и т. д.; говоря иначе, здѣсь царило преимущественно чернолѣсье, которое на границѣ степной полосы уступало мѣсто почти исключительно дубовымъ лѣсамъ. Вначалѣ славяне употребляли, вѣроятно, для построекъ различныя породы лѣса, болѣе или менѣе отличающіяся прямизной, но, надо полагать, очень скоро начали отдавать предпочтеніе хвойнымъ породамъ, въ особенности соснѣ и лиственницѣ, цѣня ихъ смолистость, хорошо сопротивляющуюся гніенію, исключительную прямизну, плотность древесины, свойство относительно легко поддаваться раскалыванію по слоямъ (доски) и, наконецъ, отсутствіе дупель даже въ многовѣковыхъ представителяхъ этихъ породъ.

Если даже допустить мысль, что славяне въ своей прежней родинѣ были мало знакомы съ употребленіемъ для строительныхъ цѣлей именно хвойныхъ породъ, то ихъ скоро должны были этому научить, во-первыхъ, аборигены ихъ новой родины—финскія племена, а во-вторыхъ, какъ ближ-

ніе, такъ и дальніе сосѣди, жившіе въ такихъ же лѣсахъ, т. е. различныя литовскія племена и заморскіе варяги (норманы). Многочисленныя дружины послѣднихъ не только бродили среди русскихъ славянъ, но часто и осѣдали у нихъ, довольно быстро съ ними ассимилируясь, такъ какъ въ отношеніи культуры варяги въ то время не были выше славянъ.

У всѣхъ этихъ народовъ орудіемъ для обработки дерева служилъ топоръ ¹⁾, первоначально, быть можетъ, тотъ же самый, съ которымъ они выходили въ бой; въ послѣдствіи онъ, конечно, видоизмѣнился, будучи приспособленъ къ специальной цѣли, и въ помощь къ нему появились долото и молотъ; однако, послѣдній и до сихъ поръ часто замѣняется обухомъ топора, поэтому вѣроятноже предположить, что славяне обходились, въ большинствѣ случаевъ, безъ молота, дѣлая почти все топоромъ, которымъ они владѣли въ совершенствѣ. Не даромъ, вплоть до петровской эпохи, плотники не знали слова „строить“; они не строили свои избы, хоромы, церкви и города ²⁾, а „рубили“ ихъ, почему и самихъ плотниковъ именовали иногда „рубленниками“.

Въ зависимости отъ орудія и виды обработки матеріала, подготовлявшагося для постройки, были ограничены; это были: 1) *Бревна*—„деревья“ или „деревя“, „бсѣяди“, или „сѣяги“, какъ ихъ еще и до сихъ поръ часто называютъ плотники. Въ зависимости отъ ихъ назначенія бревна употреблялись различной длины, но для рубки стѣнъ домовъ и церквей примѣнялись, вѣроятно, бревна такой же длины, какъ и теперь, т. е. 4-хъ и 3-хъ саженныя, такъ какъ при бревнахъ бѣльшей длины работа становится очень затруднительной и медленной. Въ старину же работа съ длинными бревнами была бы еще болѣе трудной, такъ какъ толщина послѣднихъ превышала нынѣшнюю вдвое и болѣе; такъ, напримѣръ, церковь Іоанна Богослова на рѣкѣ Ишнѣ (близъ Ростова Ярославскаго. XVII вѣкъ) срублена изъ 10-ти и 12-ти вершковыхъ бревенъ. Дворецъ и конюшни подмосковнаго села Кускова срублены изъ 10-ти вершковыхъ бревенъ; дворецъ этотъ построенъ въ концѣ XVIII вѣка, слѣдовательно еще сравнительно недавно даже въблизи такихъ центровъ, какъ Москва, лѣса были богаты многовѣковыми деревьями и строителямъ было изъ чего выбирать матеріалъ для своихъ построекъ.

2) *Брусъ*, т. е. бревна, отесанныя на четыре канта.

3) *Пластины*—бревна, расколотыя по длинѣ на двѣ части, и

4) *Доски*—„тѣсь“. Въ старину пиленыхъ досокъ не было, такъ какъ пилы вошли во всеобщее употребленіе только въ послѣ-петровское время, а до этого для полученія досокъ деревья раскалывались клиньями на нѣсколько частей, которыя затѣмъ обтесывались топорами, откуда и возникло само названіе—„тѣсь“ ³⁾. Работа была медленная, требовала большого навыка и была связана съ непроизводительной тратой матеріала потому, что деревья раскалываются не всегда удачно и при обтескѣ неизбежно

¹⁾ Топоръ назывался также—„Тесѣль, тесляца, тесло“.

²⁾ Крѣпости.

³⁾ Слово „доска“ того же корня: „тска“, „цка“, „дска“.

остается много непримѣнимой въ дѣло щепы; въ силу этого тесъ расходывали весьма бережно, замѣняя его, гдѣ только было возможно, пластинами.

Таковы были главнѣйшіе виды подготовленнаго для постройки дерева, но кромѣ нихъ примѣнялись въ дѣло и другіе, какъ то: жерди—тонкій круглый лѣсъ, жерди съ частями сучьевъ, бревна съ частями корней и, наконецъ, лѣмехъ называвшійся также гонтомъ. Пока остановимся нѣсколько только на послѣднемъ; лѣмехъ употреблялся для покрытія крышъ, которыя имѣли кривыя поверхности, какъ, напримѣръ, главы церквей и которыя поэтому было почти невозможно крыть тесомъ, такъ какъ при небольшихъ размѣрахъ крыши послѣдній приходилось сильно выгибать, что при относительной толщинѣ его было весьма затруднительно.

Лѣмехъ приготавливался обыкновенно изъ тонкаго и узкаго осиноваго теса; послѣдній разрубали на короткія дощечки и одинъ конецъ ихъ обдѣлывали или въ формѣ острія (рис. № 1а), или въ формѣ полукруга (рис. № 1б), или, наконецъ, въ формѣ городковъ (рис. № 1в).

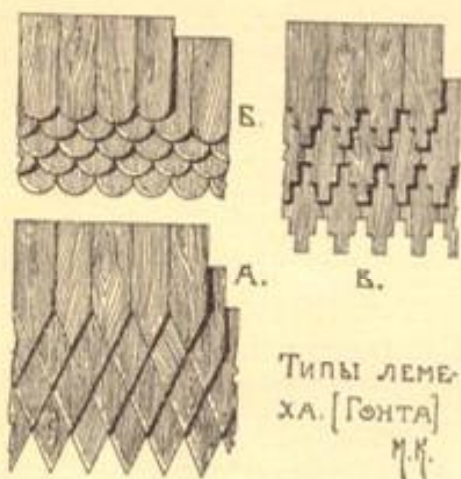

Рис. № 1.

Дощечки прибивались плотно одна рядомъ съ другой послѣдовательными рядами, начиная съ низа крыши, при чемъ каждый послѣдующій рядъ закрывалъ стыки дощечекъ нижележащаго ряда. Кровли сдѣланныя изъ лѣмеха съ полукруглыми концами казались покрытыми рыбьей чешуей, почему и существовали выраженія: „крыть въ чешую“ и „по чешуйному обиванію“.

Покрытіе лѣмехомъ отличалось удивительной прочностью и сопротивляемостью влагѣ, но и требовало не мало искусства, почему появленіе его не можетъ быть отнесено къ глубокой древности, равно какъ и покрытіе тесомъ. Послѣдній, въ силу уже упомянутой

трудности его изготовленія, употреблялся въ дѣло первоначально лишь для зданій исключительной важности, а обычныя сооруженія крылись, надо полагать, просто соломой, отчего еще болѣе усиливалась опасность пожара, этого Дамоклова меча всѣхъ старорусскихъ селъ и городовъ. Наши лѣтописи пестрятъ упоминаніями о грандіозныхъ пожарахъ, уничтожавшихъ иногда цѣлые города, при чемъ въ пламени гибли всѣ, кто не успѣлъ во время выбраться вонъ изъ горящей части города, представлявшей сплошной костеръ. Горѣли не только скученные дома узкихъ улицъ, переулковъ и тупиковъ, но горѣли и бревенчатыя мостовыя, заборы, мосты и, наконецъ, стѣны городовъ. Борьба съ огнемъ, имѣя для этой цѣли лишь бочки, ведра и багры, было почти невысказуемо; пожары прекращались тогда, когда уже больше нечему было горѣть, или случайно—въ силу перемѣнивашагося направленія вѣтра или проливнаго дождя, поэтому избѣгнуть общей участи могли лишь такія зданія, которыя стояли совершенно изолированно, среди большой площади или большого, густого сада. Въ такомъ благопріятномъ положеніи могли

находиться только дома привилегированных лицъ и церкви, но какъ тѣ, такъ и другія, строились обычно очень высокими, къ чему славяне, какъ это присуще жителямъ равнинъ, имѣли особое пристрастіе и, слѣдовательно доминируя надъ другими зданіями города, чаще притягивали къ себѣ удары молній и въ концѣ концовъ также становились жертвой пламени, если не успѣвали ранѣе сгнить.

Отсюда понятно, почему до насъ дошло сравнительно мало памятниковъ деревяннаго зодчества нашихъ предковъ, а тѣ, которые уцѣлѣли, не старше начала XVII вѣка, такъ какъ деревянное зданіе можетъ просуществовать болѣе четырехсотъ лѣтъ только при исключительно счастливыхъ условіяхъ и любовно-бережной о немъ заботѣ. У насъ же заботы и любовь къ памятникамъ родной старины—явленіе сравнительно новое и еще въ недалекомъ прошломъ эти памятники уничтожались не только стихіями, но и гибли отъ руки невѣжественныхъ строителей, не умѣвшихъ или не хотѣвшихъ понять ихъ красоты.

Такимъ образомъ время, стихіи и, наконецъ, наши же собственные предки лишили насъ возможности возстановить картину послѣдовательнаго развитія деревяннаго русскаго зодчества, пользуясь сохранившимися его памятниками. Положеніе было бы безвыходнымъ, если бы на помощь не являлись съ одной стороны нѣкоторыя историческія условія и особенности быта русскаго народа, а съ другой стороны какъ наши, такъ и иностранные памятники письменности.

Начнемъ съ условій историческихъ и бытовыхъ.

Первымъ важнымъ фактомъ въ исторіи объединенныхъ славянскихъ племенъ, начавшихъ называть себя Русью, является принятіе ими христіанства. Послѣдствія этого факта весьма разнообразны, но насъ можетъ интересовать только одно изъ нихъ, а именно то, что съ принятіемъ новой вѣры возникла необходимость въ сооруженіи новыхъ храмовъ и при томъ, храмовъ каменныхъ, тогда какъ существовавшія до крещенія Руси весьма малочисленныя христіанскія церкви, конечно, были деревянныя. Для сооруженія первыхъ каменныхъ храмовъ были вызваны греческіе мастера, такъ какъ до этого времени славяне совершенно не были знакомы съ каменнымъ строительствомъ. Однако, они относительно быстро освоились съ этимъ видомъ зодчества и уже въ XI вѣкѣ каменные церкви начинаютъ строиться собственными силами, своими мѣстными мастерами, научившимися этому искусству отъ грековъ (византійцевъ). Само собою понятно, что каменными строились лишь тѣ храмы, которые имѣли исключительное значеніе, какъ напримѣръ, Св. Софія кіевская и Св. Софія новгородская; такіе храмы требовали на ихъ постройку большихъ средствъ, каковыхъ, конечно, не имѣлось для постройки обычныхъ церквей, вслѣдствіе чего послѣднія приходилось рубить изъ дерева. По той же причинѣ постройку обычныхъ церквей невозможно было поручать мастерамъ греческимъ, трудъ которыхъ оплачивался, вѣроятно, весьма дорого.

Если наши первые каменные храмы, сооруженные греческими или нашими зодчими, должны были быть похожими на храмы византійскіе, то врядъ ли это сходство распространялось и на деревянныя церкви; этому

мѣшали, во-первыхъ, трудность передачи въ деревѣ формъ каменныхъ, а, во-вторыхъ, то обстоятельство, что строились эти церкви, какъ было уже сказано, мѣстными мастерами—простыми плотниками, уже успѣвшими ко времени принятія христіанства выработать вполне опредѣленные конструктивные приемы, а слѣдовательно и нѣкоторыя архитектурныя формы.

Понятно, что русское духовенство, строго слѣдившее не только за соблюденіемъ догматовъ восточной церкви, но также и за неизмѣнностью ея обрядовъ, должно было стремиться къ тому, чтобы и деревянныя церкви въ основныхъ чертахъ были такими же, какъ и каменные; но это въ сущности сводилось къ соблюденію лишь очень немногихъ условій, для чего не было необходимости придавать формамъ деревянной церкви видъ формъ каменныхъ, разъ только это противорѣчило основнымъ правиламъ плотничнаго искусства.

Такимъ образомъ новая религія, создавъ на Руси новую область строительства, каменные храмы, весьма мало отразилась на формахъ деревянныхъ, и наши плотники, сооружая деревянныя церкви, приспособили для нихъ тѣ конструктивные и художественные приемы, которые имъ были уже хорошо знакомы, а тѣ немногіе, которыхъ не хватало въ ихъ запасѣ, имъ пришлось изобрѣтать самимъ. Заимствовать было неоткуда потому, что въ области плотничнаго искусства русскіе, конечно, стояли впереди византийцевъ, строившихъ почти исключительно изъ камня и кирпича.

Вторымъ важнымъ для насъ историческимъ фактомъ является татарское иго, надолго исковеркавшее общественную жизнь древней Руси. Все замерло; замерли и наладившіяся было сношенія съ сосѣдними странами и лишь въ силу необходимости оставались подневольныя сношенія съ Ордой. Послѣдняя, конечно, не могла такъ или иначе не вліять на укладъ русской жизни и на искусство Руси, но Русь поддавалась этому вліянію не сознательно, не по доброй волѣ, а лишь въ силу, такъ сказать, тѣснаго сожителства. Во всякомъ случаѣ, если вліяніе татаръ и отразилось на чемъ либо, то только не на нашемъ храмосозидательствѣ; объ этомъ говоритъ тотъ упадокъ каменнаго церковнаго дѣла, который явно виденъ въ памятникахъ эпохи первой половины зависимости отъ татаръ. Что же касается деревянныхъ церквей, то и на нихъ владычество татаръ не могло отразиться, такъ какъ, будучи сперва кочевниками, татары не возводили никакихъ постоянныхъ сооружений и, слѣдовательно, не имѣли никакой архитектуры, а затѣмъ, осѣвъ преимущественно въ степныхъ областяхъ, татары стали строить свои зданія изъ камня. Но даже и при другихъ условіяхъ жизни татаръ русскіе не могли бы заимствовать у нихъ какихъ либо архитектурныхъ формъ потому, что для православныхъ казалось великимъ грѣхомъ заимствовать что либо при постройкѣ храма отъ „поганныхъ“, каковыми татары, вначалѣ язычники, а затѣмъ магометане, всегда были въ глазахъ русскихъ. Наконецъ, вопреки общепринятому мнѣнію, татары вовсе не стѣсняли искусства; наоборотъ, въ мирное время они даже поощряли его и оберегали всякихъ мастеровъ и людей науки, о чемъ ясно говорили ханскіе ярлыки: „Мастера трогать нельзя—Мастеръ избранное лицо, Богомъ хранимое, и если его тронуть, то Богъ накажетъ

монгола". „А что будутъ церковные люди, ремесленники или писцы, или каменные здатели, или дровяные или иные мастера, каковы ни буди, и въ наши никто не заступаються и наше дѣло да не емлютъ ихъ“.

Такимъ образомъ и татарское иго не отразилось непосредственно на русскомъ деревянномъ строительствѣ церквей; во всякомъ случаѣ это иго не направило его въ отношеніи формъ въ какое нибудь новое русло. Оно могло только, если судить по памятникамъ каменнаго зодчества, нѣсколько *задержать развитіе* существовавшихъ архитектурныхъ формъ и сократить какъ число строившихся церквей, такъ и число возникавшихъ новыхъ формъ.

Слѣдующимъ весьма важнымъ для насъ историческимъ моментомъ является вступленіе Іоанна III въ бракъ съ Софіей, внучкой Константина Палеолога. Бракъ этотъ привлекъ въ Москву много грековъ и несомнѣннымъ его слѣдствіемъ является тотъ наплывъ иноземныхъ художниковъ, которому положилъ начало своимъ пріѣздомъ Аристотель Фіоравенти, вызванный въ Москву для постройки Успенскаго собора (1475—1485 годы). Само собою понятно, что такіе мастера, какъ Маркъ Фрязинъ, Петръ Антоній, Алевизъ изъ Милана и прочіе, не могли не вліять на русское искусство вообще, но въ частности на церковной архитектурѣ ихъ работы на Руси, какъ это ни кажется страннымъ съ перваго взгляда, отразились весьма мало; подробное разсмотрѣніе причины этого явленія намъ предстоитъ въ дальнѣйшемъ ¹⁾, а пока сошлемся лишь какъ на фактъ, что церкви села Коломенскаго и Покровскій соборъ въ Москвѣ (Василій Блаженный), построенные при сынѣ и внукѣ Іоанна III, являются по общей ихъ идеѣ и большинству деталей вполне самобытными сооружениями, не имѣющими ничего общаго ни съ архитектурой Западной Европы, ни съ архитектурой Византіи, при чемъ для насъ особенно знаменателенъ тотъ фактъ, что строившіе ихъ зодчіе явно подражали формамъ нашихъ *деревянныхъ* церквей.

Отсюда мы вправѣ заключить, что вліяніе иностранныхъ зодчихъ совершенно не коснулось нашего деревяннаго церковнаго строительства, продолжавшаго развиваться въ искони опредѣлившемся направленіи.

Насколько это направленіе было самобытно и устойчиво говоритъ слѣдующій фактъ: во второй половинѣ XVI вѣка духовенство во главѣ съ патріархомъ Никономъ стало запрещать сооруженіе церквей шатроваго типа, находя, что подобная архитектурная форма не соотвѣтствуетъ „церковному чину“ и допустима лишь въ качествѣ вѣнчающей части колокольни, но никоимъ образомъ самого храма. Въ самой Москвѣ и ближайшихъ къ ней областяхъ запрещеніе это имѣло фактическую силу, но отъ глухихъ мѣстъ Сѣвера и Заволжья власти были далеко, а съ формой шатра русскіе люди такъ сжились, красота ея была такъ понятна и дорога имъ, что отказаться отъ нея ради отвлеченныхъ догматическихъ соображеній, мало понятныхъ и въ сущности не имѣвшихъ подъ собой почвы, казалось имъ досаднымъ и вовсе ненужнымъ. Поэтому тамъ продолжали

¹⁾ Въ исторіи каменнаго зодчества.

расти чудныя по своей простотѣ и стройности деревянныя церкви, тогда какъ въ каменномъ церковномъ зодествѣ большихъ городовъ шатеръ долженъ былъ уступить мѣсто пятиглавію.

Что касается жилыхъ сооружений, то появленіе на Руси каменной архитектуры, могло оказать на нихъ вліяніе лишь весьма въ незначительной степени. Дѣйствительно, вполне понятно, что строить себѣ каменныя палаты могли только цари и люди, владѣвшіе исключительными богатствами, всѣ же остальные должны были довольствоваться, иногда очень сложными и обширными, но все же деревянными хоромами. Въ отношеніи же тѣхъ формъ, въ которыя отливался домъ русскаго человѣка, слѣдуетъ предположить, что онѣ мало мѣнялись. Въ самомъ дѣлѣ, если даже князья, а впослѣдствіи цари, имѣвшіе возможность болѣе кого либо другого ознакомиться съ обычаями и жизнью иноземцевъ, неуклонно и любовно придерживались въ своей интимной жизни обычаевъ старины, то ужъ, конечно, подражавшіе во всемъ государю бояре, купцы и прочіе горожане не стремились къ измѣненію исконнаго уклада домашней жизни. Если же послѣдній не мѣнялся, вѣрнѣе мѣнялся очень медленно, то такъ же медленно долженъ былъ преобразовываться и основной типъ дома горожанъ, а характеръ жилья деревенскаго люда оставался неизмѣннымъ, распадаясь быть можетъ на нѣсколько областныхъ типовъ.

Слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о военной архитектурѣ. Здѣсь дѣло должно было обстоять нѣсколько иначе потому, что какъ бы замкнуто ни жилъ любой народъ, какъ бы свято онъ ни хранилъ свои обычаи и завѣты старины, онъ не можетъ въ области военного искусства не идти въ ногу съ окружающими его сосѣдями, если только онъ выше всего цѣнитъ свою свободу и независимость. Поэтому, перенимая отъ болѣе свѣдующихъ въ военномъ дѣлѣ сосѣдей усовершенствованія въ оружіи наступательнаго характера, народъ долженъ зорко слѣдить и за успѣхами въ искусствѣ оборонительномъ, которое главнымъ образомъ заключается въ сооруженіи различнаго вида крѣпостей. Русскіе же люди любили свою свободу и къ тому же всегда славились умѣніемъ обороняться—„отсиживаться“ въ укрѣпленныхъ городахъ, поэтому военная архитектура должна была у нихъ стоять высоко; говоря иначе, она должна была постоянно видоизмѣняться въ зависимости отъ собственнаго опыта и знаній, почерпнутыхъ у иноземцевъ.

Итакъ, изъ приведенныхъ выше теоретическихъ соображеній, основанныхъ на историческихъ данныхъ и условіяхъ быта, мы можемъ вывести заключеніе, что основные архитектурныя приемы древне-русскаго плотничнаго дѣла, какъ художественные, такъ и конструктивные, весьма мало отражая въ себѣ внѣшнюю историческую жизнь народа, мѣнялись очень мало и отвѣчая только постоянству уклада внутренней жизни Руси—ея быта, постепенно лишь совершенствовались, оставаясь по существу такими же, какими были въ глубокой старинѣ. Другими словами, тѣ памятники церковнаго и гражданскаго деревяннаго зодчества XVI вѣка, которые сохранились до нашего времени и распадаются на нѣсколько типовъ, должны представлять по ихъ формамъ повтореніе тѣхъ аналогичныхъ по своему

назначенію деревянныхъ зданій, которыя строились нашими предками въ XV, XIV и т. д. вѣкахъ.

Этотъ теоретическій выводъ подтверждается также различными памятниками письменности и отчасти иконографіи и картографіи. Къ первымъ относятся описанія путешествій по Россіи иноземцевъ; изъ нихъ наиболее интересными являются произведенія Адама Олеарія, Мейерберга и Эрика Пальмквиста, такъ какъ всѣ они богато иллюстрированы. Среди гравюръ этихъ изданій встрѣчаются не только виды городовъ, но также сель и деревень съ многочисленными изображеніями церквей и домовъ; изображенія эти для насъ очень цѣнны, такъ какъ, относясь къ нимъ съ извѣстной долей осторожности, т. е. исправляя мѣстами не понятія иностранными художниками чуждыя имъ формы деревянной русской архитектуры и потому невѣрно изображенныя, мы имѣемъ въ нихъ образцы нашего деревяннаго зодчества, существовавшіе въ XVI и XVII вѣкахъ. Если же мы примемъ въ соображеніе то обстоятельство, что еще и по настоящее время сохранились нѣкоторыя деревянные церкви, построенныя въ XVI и XVII вѣкахъ, т. е. существующія болѣе трехсотъ лѣтъ, то можемъ съ увѣренностью предположить, что нѣкоторыя изъ изображенныхъ у Олеарія, Мейерберга и Пальмквиста церкви были построены не въ тотъ годъ, когда ихъ зарисовывали художники этихъ путешественниковъ, но значительно ранѣе, т. е. имъ въ то время могло быть болѣе трехсотъ лѣтъ, подобно существующимъ нынѣ церквамъ. А между тѣмъ вглядываясь въ изображенія деревянныхъ церквей у Мейерберга мы видимъ все тѣ же архитектурные принципы, тѣ же формы, какъ и въ уцѣлѣвшихъ памятникахъ нашего деревяннаго зодчества, что и подтверждаетъ высказанное выше предположеніе о живучести и постоянствѣ архитектурныхъ принциповъ нашихъ плотниковъ до-петровской эпохи.

Что касается мѣстныхъ источниковъ—различныхъ „лицевыхъ“, т. е. иллюстрированныхъ миниатюрами рукописей, какъ, напримѣръ, „Житіе Николая Чудотворца“, „Лицевое житіе Святыхъ Бориса и Глѣба“ и другихъ, то, представляя громадный интересъ въ отношеніи каменнаго зодчества, они въ очень малой степени затрагиваютъ зодчество деревянное потому, что авторы миниатюръ этихъ рукописей не считали деревянные зданія достойными удивленія, а стало быть и изображенія; для нихъ дерево было слишкомъ обычнымъ, такъ сказать будничнымъ, матеріаломъ и поэтому они изображали сдѣланныя изъ него сооруженія только тогда, когда этого нельзя было избѣжать; поэтому въ лицевыхъ рукописяхъ мы встрѣчаемся лишь съ изображеніями деревянныхъ оградъ, заборовъ, частоколовъ, воротъ и въ рѣдкихъ случаяхъ звонницъ ¹⁾).

Сказанное о лицевыхъ рукописяхъ относится въ равной мѣрѣ и къ памятникамъ иконографіи, т. е. къ такимъ иконамъ, на которыхъ имѣется „палатное письмо“—изображенія городовъ, монастырей, церквей и жилыхъ зданій. За рѣдкими исключеніями изображенія эти настолько фантастичны и вычурны, что въ нихъ иногда трудно угадать какую именно реальную

¹⁾ Звоница—видъ сооруженія для помѣщенія церковныхъ колоколовъ.

форму иконописецъ изобразилъ, украсивъ ее богатствомъ своей фантазіи. Къ тому же, подобно миниатюристамъ, иконописцы наши писали почти исключительно каменные зданія, считая ихъ для иконъ болѣе умѣстными, нежели деревянные.

Гораздо болѣшую цѣнность въ смыслѣ матеріала по исторіи нашего деревяннаго зодчества имѣютъ старинные планы городовъ и монастырей, составленные русскими чертежниками. Планы эти отличаются одной особенностью, а именно тѣмъ, что представляютъ собою нѣчто среднее между планами или картами, какъ мы ихъ понимаемъ въ настоящее время, и видами съ птичьего полета. Послѣднимъ-то они особенно интересны, такъ какъ всѣ зданія нанесены на нихъ не въ видѣ плановъ, а въ видѣ перспективныхъ изображеній; правда, перспектива эта очень своеобразна, условна и подчасъ не вѣрна, но это нисколько не мѣшаетъ составить себѣ ясное представленіе объ изображенномъ зданіи. Однимъ изъ такихъ плановъ мы будемъ въ дальнѣшемъ пользоваться потому, что на немъ въ большомъ масштабѣ изображены не только деревянные церкви и монастырскія стѣны, но и весьма разнообразныя жилыя и хозяйственныя сооруженія, а пока только назовемъ, этотъ въ высшей степени цѣнный документъ—это планъ Тихвинскаго монастыря, составленный въ 1679 году.

Такихъ плановъ сохранилось очень не много, при чемъ большинство изъ нихъ, подобно тихвинскому, составлено довольно поздно, а именно въ XVII вѣкѣ, что впрочемъ не уменьшаетъ ихъ значенія, такъ какъ относительно изображенныхъ на нихъ деревянныхъ зданій можно сдѣлать такое же предположеніе, какое было сдѣлано въ отношеніи изображеній на гравюрахъ иностранныхъ путешественниковъ.

Итакъ, всѣ указанные источники, въ особенности описанія путешествій по Руси иноземцевъ и мѣстные планы, подтверждаютъ теоретическія предположенія о томъ, что наше плотничное искусство представляло собою само-бытную, изолированную область, куда постороннія вліянія проникали въ очень малой степени; другими словами, принципы этого искусства передавались по наслѣдству изъ рода въ родъ, при чемъ выработанные съ теченіемъ времени типы зданій въ основѣ не мѣнялись ¹⁾, а лишь варіировались, совершенствовались и украшались иногда новыми деталями.

Какъ еще одно доказательство этого приведемъ выписку изъ лѣтописей: въ Великомъ Устюгѣ существовала, построенная въ 1290 г., церковь Успенія, которая сгорѣла въ 1397 году; на ея мѣсто ростовскій епископъ Григорій поставилъ новую, по образцу сгорѣвшей, но и эта церковь тоже сгорѣла ²⁾ въ 1490 году. Вопреки приказанію московскаго великаго князя, пожелавшаго, чтобы новая церковь была точно такая же, какъ прежняя, мастеръ Алексѣй Вологжанинъ, вѣроятно, по указанію епископа Тихона началъ рубить церковь не многогранную въ планѣ („въ окладѣ“), а крест-

¹⁾ Недаромъ же въ старинныхъ актахъ (договорахъ о постройкахъ) часто встрѣчаются выраженія: „по подобію“, „какъ водится“, т. е. сдѣлать ту или иную часть зданія по образцу существующихъ.

²⁾ „Вознеслась“—какъ выражались въ старину наши лѣтописцы.

чатую, чѣмъ и возбудилъ сильное недовольство устюжанъ, собиравшихся даже жаловаться на это ведикому князю и успокоившихся только тогда, когда епископъ обѣщалъ, что начатое будетъ передѣлано, и церковь срубятъ по старому. Это и было исполнено.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что до нашего времени дошли лишь такіе памятники старо-русского деревяннаго зодчества, древность которыхъ не восходитъ далѣе XVI вѣка, мы все-таки имѣемъ возможность возстановить безъ серьезныхъ погрѣшностей картину послѣдовательнаго развитія нашей до-петровской деревянной архитектуры, руководствуясь тѣмъ, что отъ нея сохранилось, и тѣми источниками, о которыхъ было сказано выше.

Въ какомъ же порядкѣ производилась постройка задуманнаго зданія? Какъ это дѣлалось въ глубокой древности мы не знаемъ потому, что объ этомъ не сохранилось никакихъ свидѣтельствъ; извѣстно только, что нѣкоторыя области особенно славились своими искусными плотниками: такъ, воины Святополка Окаяннаго, переругиваясь съ новгородцами, пришедшими къ Кіеву съ Ярославомъ Великимъ, кричали имъ: *„Ахъ, вы плотники! А вотъ мы поставимъ васъ наши хоромы рубить“*. Что же касается болѣе поздняго времени—XVI и XVII вѣковъ, то отъ нихъ сохранились „наемныя записи“—договоры, которые заключались для постройки церквей между различными лицами или цѣлыми волостями съ одной стороны и старостами плотничныхъ артелей съ другой. Изъ этихъ договоровъ можно почерпнуть много любопытнаго. Такъ, напримѣръ, изъ нихъ видно, что у насъ существовали плотничныя артели, нѣчто вродѣ западныхъ братствъ свободныхъ каменщиковъ (масоновъ), состоявшія изъ опытныхъ мастеровъ, всецѣло посвятившихъ себя плотничному искусству, и учениковъ, исполнявшихъ черную подготовительную работу. Во главѣ такой организованной артели стоялъ староста (мастеръ)¹⁾, который заключалъ условія съ нанимателями и руководилъ всей постройкой, исполняя такимъ образомъ функціи архитектора. Избирался ли онъ изъ своей среды артелью или, наоборотъ, онъ подбиралъ членовъ артели по своему усмотрѣнію—этого мы не знаемъ, но, очевидно, что это былъ самый опытный и одаренный членъ артели. Артели не сидѣли на одномъ мѣстѣ, а бродили повсюду, идя на приглашенія различныхъ нанимателей построить то или иное серьезное зданіе; мелкія же сооруженія возводились, конечно, собственными силами данной мѣстности, такъ какъ почти всѣ русскіе люди были по природѣ отличными плотниками, а съ основными приемами плотничнаго мастерства, т. е. съ умѣніемъ владѣть топоромъ, былъ знакомъ каждый.

Договоры составлялись очень подробно: уславливались о формѣ плана, о высотѣ церкви, о формѣ ея верха, о числѣ, высотѣ и формѣ „прирубовъ“, т. е. боковыхъ второстепенныхъ ея частей, о числѣ оконъ, дверей, крылецъ—„рундуковъ“, о величинѣ и числѣ главъ и т. д. Словомъ, оговаривали каждую деталь, каждую мелочь и это объяснялось той простой причиной, что староста не составлялъ ни эскиза, ни проекта зданія. Послѣдніе если и

¹⁾ Слово „мастеръ“ болѣе поздняго происхожденія, отъ нѣмецкаго „Meister“.

дѣлались, то лишь въ концѣ XVII вѣка иноземными мастерами для каменныхъ сооружений исключительной важности. Въ болѣе же раннее время въ нихъ не было надобности, такъ какъ, во-первыхъ, ни одинъ заказчикъ не понималъ бы проектныхъ чертежей, а, во-вторыхъ, какъ формы деревяннаго зодчества, такъ и терминологія были чисто народными и, слѣдовательно, понятными каждому. Если въ договорѣ говорилось: „срубить стопы церковной сорокъ рядовъ до повалу“, то какъ плотники, такъ и заказчикъ не только понимали, что главную часть церкви нужно сдѣлать въ основаніи квадратной и высотой до покрытія въ сорокъ вѣнцовъ, но и вполне ясно представляли себѣ, какой видъ будетъ имѣть эта часть церкви. Если же желали избѣжать малѣйшей неоговоренности, то писали, что такую-то деталь надо сдѣлать „по подобію“, „какъ водится“, т. е. по старымъ образцамъ или же, наконецъ, ссылались на формы существующаго зданія: „... а бочки и главы построить какъ на Тифенскомъ посадѣ у Флора и Лавра ...“. Несмотря однако на совершенное незнакомство съ искусствомъ черченія и чтенія чертежей, которое такъ сильно облегчаетъ работу строителя, наши предки мастерски справлялись со своимъ дѣломъ и построенныя ими зданія отличались, какъ можно судить по сохранившимся памятникамъ, удивительной правильностью, такъ какъ всѣ прямыя части, какъ-то: стѣны и крыши рубились плотниками „въ правіло“, т. е. по линейкѣ или причалкѣ, а дуговыя, напримѣръ, крыши въ видѣ бочки или луковичныя главы—„въ кружалѣ“, то есть по циркулю, хотя циркуль (въ смыслѣ инструмента) врядъ ли имъ былъ знакомъ и вмѣсто него они, вѣроятно, употребляли ворѣбу ¹⁾).

Намъ уже нѣсколько разъ пришлось столкнуться съ своеобразной и не лишенной образности терминологіей старо-русскихъ плотниковъ. Лексиконъ ихъ былъ очень богатъ, но многіе термины теперь уже частью забылись, частью же замѣнены новыми словами русскаго же происхожденія или иноземными, подчасъ странными для русскаго уха, какъ напримѣръ, мауерлатъ, замѣнившій собою „повальную слегу“ ²⁾. Останавливаться сейчасъ на этой терминологіи мы не станемъ, но въ дальнѣйшемъ будемъ попутно приводить старые термины, полагая, что русскому зодчему не мѣшаетъ ихъ знать, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ еще употребляются по мѣстамъ плотниками наравнѣ съ новыми выраженіями.

¹⁾ Ворѣба—деревянная планка, на одномъ концѣ которой прилаженъ гвоздь, вокругъ котораго планка вращается, а на другомъ, кусокъ угля или мѣла, чертящій дугу.

²⁾ „Поваль“—уширеніе верхней части сруба; „повальныя слѣги“—верхнія вѣнцы стѣны, которыми заканчивался поваль и въ которые врубались нижніе концы стропиль крыши.

ГЛАВА I.

Стѣны бревенчатого зданія могутъ быть срублены двоякимъ образомъ: изъ бревенъ, расположенныхъ вертикально, или изъ бревенъ, расположенныхъ горизонтально. Въ первомъ случаѣ длина стѣны безъ опасности ея обрушенія можетъ быть произвольной, во второмъ же случаѣ длина стѣны не можетъ превышать 4-хъ—5-ти сажень, если только она не будетъ подперта какими либо контрфорсами. Однако преимущество перваго способа, практиковавшагося народами западной и сѣверной ¹⁾ Европы, въ значительной мѣрѣ ослабляется тѣмъ, что при усыханіи дерева между бревнами образуются щели, въ которыхъ конопатка держится плохо, тогда какъ при второмъ способѣ, практиковавшемся славянами, бревна при усушкѣ опускаются одно на другое (стѣна даетъ осадку), что позволяетъ стѣну плотно проконопатить. Славяне не знали сращиванія бревенъ, т. е. соединенія ихъ другъ съ другомъ при помощи врубки *замкомъ*, появившейся у насъ относительно поздно, поэтому срубы славянскихъ жилищъ не могли по своей длинѣ и ширинѣ превышать естественную среднюю длину бревенъ; послѣднія же, въ силу упомянутыхъ выше причинъ, врядъ ли были длиннѣе трехъ—четырехъ сажень.

Такимъ образомъ существенной частью славянскаго жилья, его начальной формой, отъ которой шло дальнѣйшее его развитіе, являлся квадратный въ планѣ и произвольный по высотѣ срубъ изъ горизонтальныхъ рядовъ („вѣнцовъ“) бревенъ, связанныхъ въ углахъ врубками съ остаткомъ ²⁾ или безъ остатка ³⁾. Такой срубъ назывался клѣтью, а послѣдняя, въ зависимости отъ ея назначенія или положенія въ отношеніи другихъ клѣтей, именовалась: „избою“ или „истопкою“, если предназначалась для жилья, и въ ней была печь; „горницею“, если она находилась надъ нижней клѣтью, которая въ такомъ случаѣ называлась „подклѣтомъ“ или „порубомъ“. Нѣсколько клѣтей, стоящихъ рядомъ и связанныхъ въ одно цѣлое, назывались, въ зависимости отъ числа ихъ, „двойней“, тройней и т. д., или „хороминой“; также называлась совокупность двухъ клѣтей, поставленныхъ одна на другую.

Хоромина, конечно, появилась впослѣдствіи, а первоначально славяне довольствовались одною клѣтью—истопкой, вѣроятно, очень мало отличав-

¹⁾ Въ Швеціи и Норвегіи.

²⁾ „Въ обло“.

³⁾ „Въ лапу“, „въ шапъ“.

шейся отъ современной крестьянской избы, которая хотя и устраивается теперь въ разныхъ областяхъ по деталямъ различно, но по существу одинаково.

Разсмотримъ нѣкоторые типы жилья, существующіе теперь и наиболѣе отличающіеся другъ отъ друга по степени ихъ развитія, при чемъ замѣтимъ, что финскія племена съ теченіемъ времени переняли отъ славянъ очень много обычаевъ и пріемовъ устройства жилищъ и остановились на нихъ, почему мы можемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ найти у нихъ то, что у русскихъ уже исчезло совершенно или въ значительной мѣрѣ измѣнило свою прежнюю форму.

Начнемъ съ самаго примитивнаго типа, а именно: съ избы остзейскаго крестьянина. Какъ видно изъ рисунка № 2, его жилье состоитъ изъ двухъ

Финская изба изъ окрестностей
Дерпта.
По Лб. Далю.

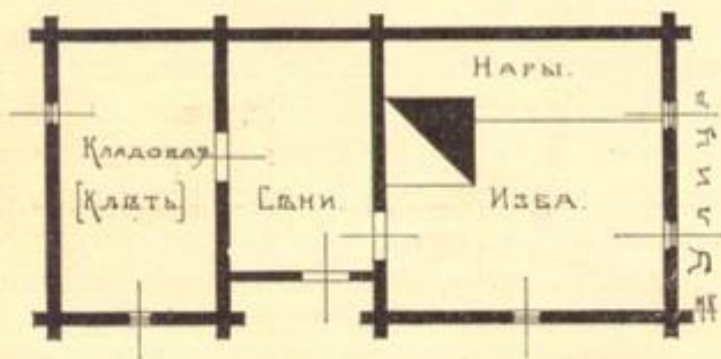

Рис. № 2.

срубовъ: большаго — теплаго (самой избы) и меньшаго — холодной клѣти, соединенныхъ между собою стѣнами безъ потолка, при чемъ стѣны обычно устраиваются не такими глубокими, какъ изба и клѣть, вслѣдствіе чего передъ ними получается нѣчто вродѣ крыльца, покрытаго свѣсомъ соломенной крыши, общей надъ всѣмъ зданіемъ. Очагъ устраивается изъ камней и не имѣетъ трубы (курная изба), почему его ставятъ по возможности ближе къ двери, чтобы дымъ выходилъ черезъ нее въ стѣни кратчайшимъ путемъ; изъ стѣней дымъ поднимается на чердакъ и выходитъ наружу черезъ отверстія въ крышѣ, устроенныя подъ ея конькомъ. Около печи и вдоль всей задней стѣны избы дѣлаются нары для сна. Клѣть служитъ для помѣщенія въ ней

того домашняго скарба, который можетъ пострадать отъ дыма, напримѣръ, сундуковъ съ платьемъ, а также для сна въ ней лѣтомъ. Какъ изба, такъ и клѣть освѣщаются маленькими „волоковыми“, т. е. задвигающимися окнами, а стѣны остаются темными. Все зданіе дѣлается „поземнымъ“ ¹⁾, т. е. ставится непосредственно на землѣ безъ фундамента, отчего и полы обычно устраиваются изъ утрамбованной земли, или глины.

¹⁾ „На пошвъ“.

Къ улицѣ зданіе обращено своей узкой стороною ¹⁾, такимъ образомъ, на нее выходятъ два окна избы, а входная дверь въ сѣни выходитъ во дворъ.

Литовская изба (рис. № 3) отличается отъ разсмотрѣнной главнымъ образомъ тѣмъ, что она „пятистѣнная“, т. е. основной срубъ раздѣленъ рубленной же стѣной на двѣ почти равныя части, а клѣть отъ сѣней отдѣляется перегородкой.

Большая часть Малороссіи безлѣсна; поэтому стѣны ея хатъ въ большинствѣ случаевъ не рубленныя, а мазанковыя. Останавливаться на устройствѣ хаты не будемъ; замѣтимъ только, что въ сравненіи съ жильемъ остзейцевъ и литовцевъ она по деталямъ является слѣдующей степенью развитія, оставаясь въ то же время по размѣщенію основныхъ частей такой же, какъ и предыдущее; это совершенно опредѣленно говоритъ объ общности первоначальнаго уклада жизни и о томъ, что предки малороссовъ строили свои жилища изъ дерева, которое имъ пришлось замѣнить хворостомъ и глиной послѣ того, какъ они были вытѣснены въ безлѣсную степь. Подтверждается это также и тѣмъ, что хаты болѣе лѣсистыхъ губерній, какъ, напримѣръ, Волынской, очень похожи по типу на уже разсмотрѣнныя жилища. Дѣйствительно, хата Волынской губерніи состоитъ изъ пятистѣннаго сруба, большая часть котораго отведена подъ теплое жилье (рис. № 4), а меньшая, раздѣленная въ свою очередь стѣною, образуетъ сѣни и чуланъ; къ послѣднимъ примыкаетъ клѣть, сдѣланная изъ столбовъ, промежутки между которыми забраны досками, и покрытая самостоятельной крышей. Печь, хотя и снабжена трубою, но остается по старой памяти у двери; къ печи примыкаетъ коникъ (нары), переходящій у двухъ другихъ стѣнъ въ лавки для сидѣнія. Въ красномъ углу, подъ образами, находится столъ, врытый ножками въ земляной полъ. Снаружи хаты, у ея теплой части, устраивается заваленка, нѣчто вродѣ земляной скамьи, служащей также для удержанія тепла въ хатѣ, почему съ тѣхъ сторонъ, гдѣ нѣтъ оконъ, заваленка поднимается иногда почти подъ самую крышу. Для той же цѣли, т. е. для сохраненія тепла, все жилье нѣсколько врывается въ землю такъ, что въ сѣни приходится спускаться по нѣсколькимъ ступенямъ.

Литовская изба. Модель
Московскаго Этнографическаго Музея.
По Л. В. Далю.

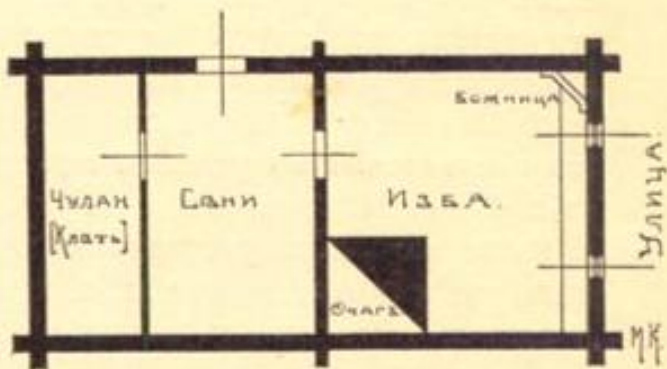

Рис. № 3.

¹⁾ Поставлено „точкомъ“.

Малороссійская хата ставится не у самой улицы, а нѣсколько отступя за садикомъ, окнами и дверью ориентуруется на югъ и подъ нее дѣлается насыпь для отвода дождевой воды; хозяйственныя постройки и помѣщенія для скота никогда не примыкають къ жилью, а разстанавливаются безъ опредѣленнаго порядка, какъ удобнѣе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по всему двору, обнесенному плетнемъ¹⁾.

Почти такое же устройство имѣеть и наиболѣе примитивная великорусская изба, встрѣчающаяся преимущественно въ мѣстностяхъ бѣдныхъ лѣсомъ; она состоитъ изъ двухъ срубовъ, соединенныхъ сѣнями (рис. № 7). Передній срубъ, выходящій окнами на улицу, служитъ жилымъ помѣщеніемъ, а задній, выходящій во дворъ, такъ называемая клѣть, или боковуша, служитъ кладовой и лѣтней спальней. Оба сруба имѣють потолки, тогда какъ сѣни покрыты только крышей, общей для всего зданія. Входная дверь ведетъ со двора въ сѣни, изъ которыхъ уже попадаютъ въ избу и въ клѣть. Такія избы бывають обыкновенно поземными, окружаются для тепла заваленками и еще очень недавно большинство изъ нихъ дѣлалось курными²⁾, поэтому печь поварачивалась отверстіемъ („хайломъ“) не къ окнамъ, а къ двери, какъ у чухонъ Остзейскаго края.

Слѣдующимъ по степени развитія типомъ избы является тотъ, въ которомъ все зданіе поставлено на подклѣтъ; дѣлается это для облегченія доступа въ избу во время зимы, когда на улицѣ лежитъ толстымъ слоемъ снѣгъ, и во дворѣ набираются груды навоза. Къ тому же подклѣтъ не безполезенъ какъ лишнее помѣщеніе для склада различнаго менѣ цѣннаго имущества, для храненія продуктовъ и, наконецъ, для мелкаго скота. При наличности подклѣта появилась необходимость въ наружной лѣстницѣ ко входной двери сѣней; лѣстница почти всегда идетъ вдоль дворовой стѣны по направленію къ улицѣ и вмѣстѣ съ обѣими ея площадками покрывается общей крышей, доходящей до улицы. Такія лѣстницы называются крыльцами и появленіе ихъ въ русскомъ зодчествѣ надо отнести къ глубокой древности, такъ какъ слово „крыльцо“, и при томъ именно въ этомъ значеніи, встрѣчается въ лѣтописномъ сказаніи объ убіеніи въ Кіевѣ варяговъ Θεодора и

¹⁾ Болѣе развитой характеръ имѣють старыя избы въ области Войска Донскаго; основной срубъ дѣлается здѣсь низкимъ и дѣлится продольной капитальной стѣной на двѣ равныя части, которая въ свою очередь дѣлится перегородками на сѣни (А), кладовую (Б), чистую комнату (В), спальню (Д) и кухню (Е). Три послѣднихъ помѣщенія отапливаются одной печью, кромѣ которой въ кухнѣ имѣется очагъ для приготовленія пищи (рис. № 5). Во избѣжаніе затопленія во время разлива рѣкъ, по берегамъ которыхъ обычно ставятся жилья, послѣднія устраиваются на высокихъ подвалахъ, что вызываетъ необходимость устройства лѣстницъ („ступеницъ“), ведущихъ къ крылечкамъ, которыя сливаются съ галлерейками, охватывающими жилье съ трехъ сторонъ. Галлерейки эти поддерживаются или столбами, или кронштейнами изъ выпускныхъ бревенъ (рис. № 6). У болѣе старыхъ избъ галлерейки дѣлались съ навѣсами на рѣзныхъ столбикахъ, являясь благодаря этому однородной формой съ тѣми „опасаніями“ (галлерейками), которыя часто охватываютъ кругомъ малороссійскія и прикарпатскія церкви. Отверстія оконъ окаймляются снаружи наличниками и снабжаются для защиты отъ жгучихъ лучей южнаго солнца ставнями; стѣны снаружи выравниваются какъ и у малороссійскихъ хатъ толстымъ слоемъ глины и бѣлятся известью. Крыши дѣлаются или соломенные или тесовыя.

²⁾ „Черными“, „Рудными“. („Рудиться“ — мараться, пачкаться).

Хата Волын-
ской губ.

Модель Московского Этнографического музея.

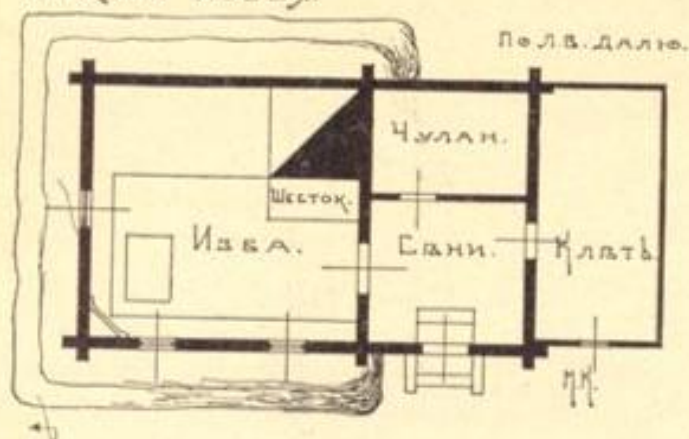

Рис. № 4.

Изда на Дону.

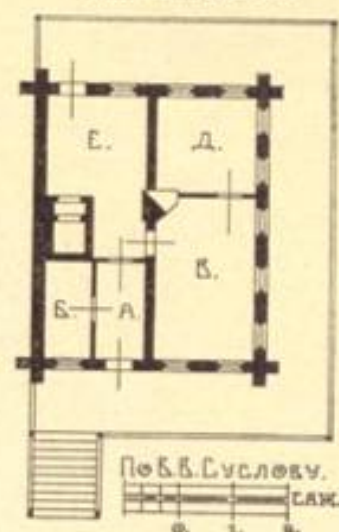

Рис. № 5.

Рис. № 6.
Донская изба. По В. Сулову.

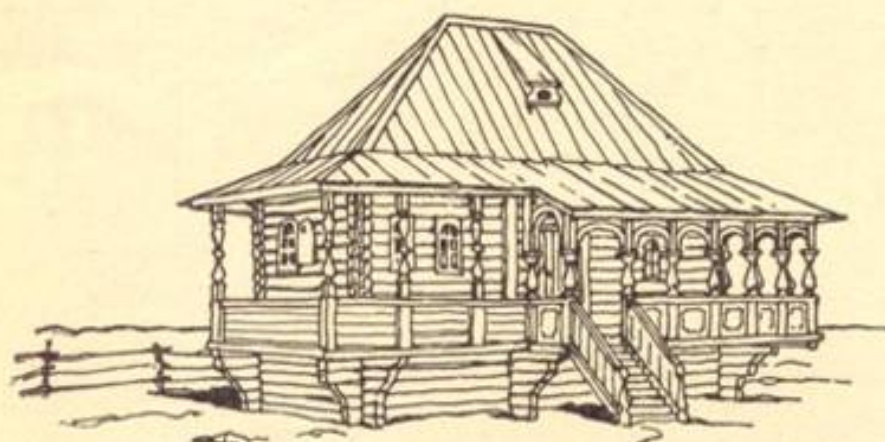
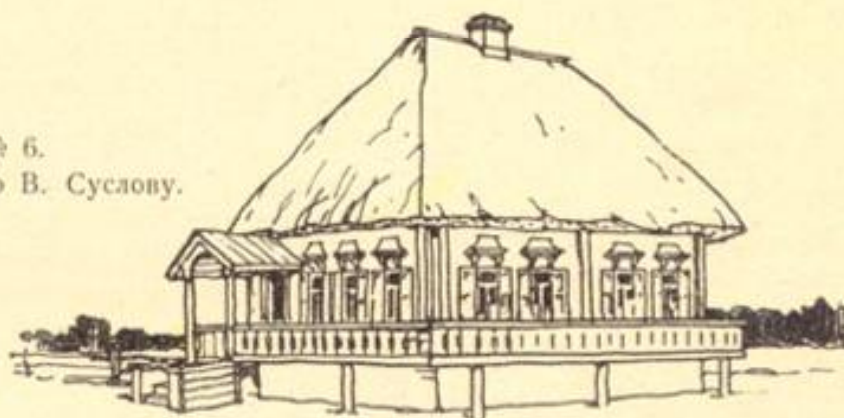

Рис. № 6.
Донская изба. По В. Сулову.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ДВОРЪ ВЛАДИМИРСКОЙ
ГУБЕРНІИ.

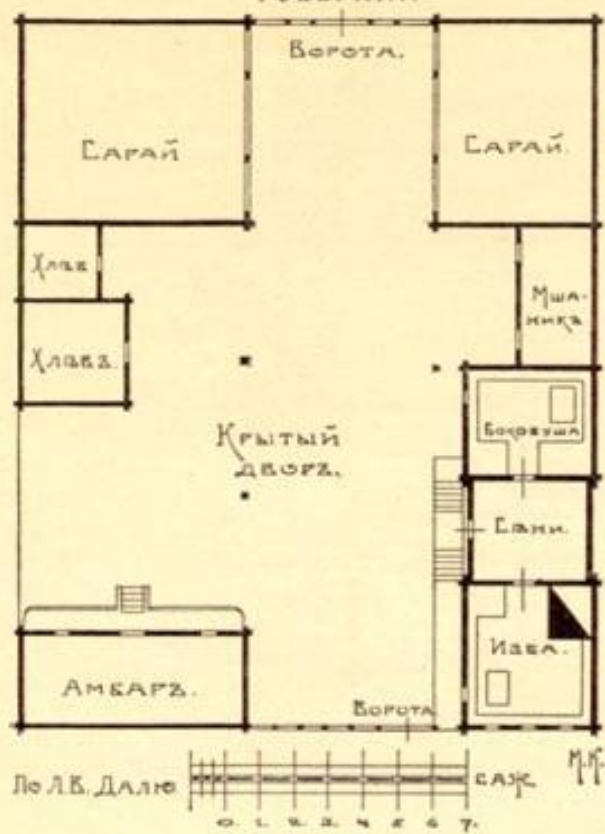

Рис. № 7.

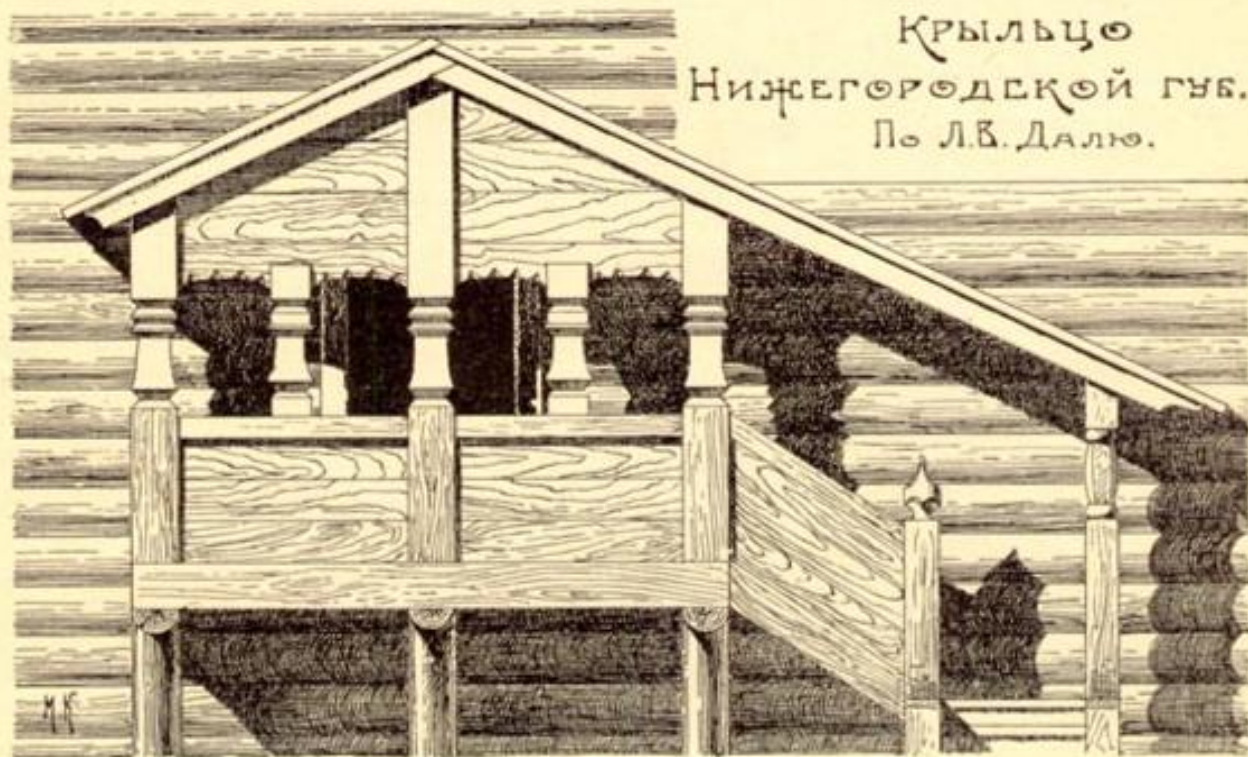

Рис. № 8.

Іоанна (первыхъ христіанскихъ мучениковъ на Руси). Первоначально крыльца дѣлались съ боковъ открытыми, какъ это встрѣчается въ церквахъ (рис. № 8), а затѣмъ ихъ стали иногда забирать досками и тогда пришлось отказаться отъ устройства оконъ въ сѣнѣ, вдоль которой идетъ крыльцо. Вслѣдствіе этого явилась необходимость повернуть печь хайломъ къ уличнымъ окнамъ, такъ какъ иначе было бы темно работать стряпухамъ. Если изба устраивалась курной, то при такомъ поворотѣ печи дымъ съ трудомъ уходилъ изъ нея въ сѣни и поэтому встрѣчались избы, въ которыхъ печь была выдвинута хайломъ въ сѣни, и прорѣзала такимъ образомъ сѣну избы. Однако, въ большинствѣ случаевъ печи въ такихъ избахъ имѣютъ трубы и это даетъ возможность отгородить въ избѣ переборкой особое помѣщеніе—стряпущую, которая является исключительно бабьимъ владѣніемъ (рис. № 9).

Въ остальномъ внутренній распорядокъ жилья остается почти такимъ же: вокругъ избы идутъ лавки, но коникъ перешелъ отъ печи къ противоположной сѣнѣ; въ „красномъ“ углу (правомъ, дальнемъ отъ двери) подъ образами столъ; около печи, у двери въ стряпущую, находится шкафъ, а два другихъ шкапа устроены: первый съ другой стороны печного хайла, а второй около окна стряпущей, но дверцей въ избу. Въ стряпущей имѣются свои столы и скамья. Чтобы спать было теплѣе устраиваются полати—досчатый настилъ, который представляетъ собою продолженіе верхней поверхности печи и занимаетъ половину площади избы (не считая стряпущей). Влѣзаютъ на палати по двумъ ступенямъ, прилаженнымъ къ сѣнѣ печи.

Иногда клѣтъ такихъ избъ обращается въ чистое помѣщеніе—въ „боковушу“, а складами для разнаго добра служатъ чуланчики, устраиваемые въ сѣняхъ и освѣщаемые маленькими оконцами. Въ боковушѣ же дѣлаютъ коники, скамьи и ставятъ въ красномъ углу столъ.

Сложившійся такимъ образомъ типъ избы вполне удовлетворялъ весьма незатѣйливымъ личнымъ потребностямъ русскаго крестьянина и его семьи, но для хозяйственныхъ надобностей одной избы мало: нужны помѣщенія для телѣгъ, саней, сельско-хозяйственныхъ орудій и, наконецъ, для скота, т. е. разныя сараи, амбары, овины ¹⁾, мшанники ²⁾, хлѣва и т. д. Всѣ эти самостоятельныя постройки лѣпятся частью къ избѣ, частью другъ къ другу и образуютъ „дворъ“ великорусскаго крестьянина (рис. № 7 и № 10). Часть двора дѣлается крытой, а въ старину весь дворъ вымощивался бревнами, какъ это выяснилось при раскопкахъ въ Старой Ладогѣ ³⁾.

На подклѣтѣ ставится иногда только часть зданія: передняя изба или боковуша, или же обѣ онѣ вмѣстѣ, а сѣни дѣлаются значительно ниже, на нѣсколько ступеней, какъ, на примѣръ, устроено въ одной изъ избъ села Мурашкина ⁴⁾ (рис. № 11).

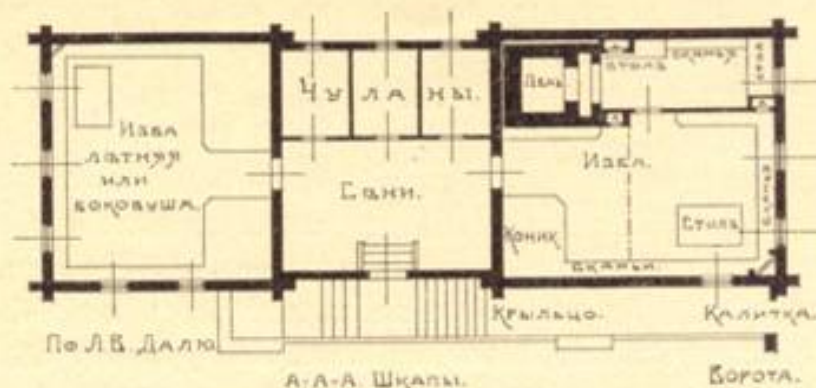
При дальнѣйшемъ развитіи боковуша дѣлается теплой, въ ней ставится печь, и тогда она получаетъ названіе „задней избы“; при этомъ сѣни и

¹⁾ На сѣверѣ ихъ называютъ „ригачами“.

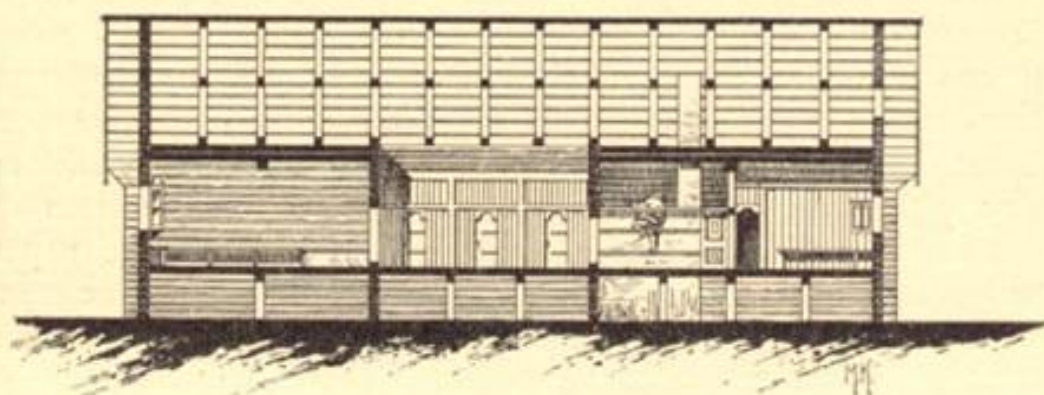
²⁾ Теплыя, проконопаченныя мохомъ помѣщенія для скота.

³⁾ Бревнами мостились не только дворы, но даже и улицы деревень, подобно городскимъ улицамъ.

⁴⁾ Княгининскаго уѣзда, Нижегородской губерніи.

ИЗБА ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

ИЗБА ВЛАДИМИРСКОЙ
ГУБЕРНИИ.
По Л. В. Далю.

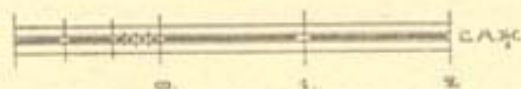

Рис. № 9.

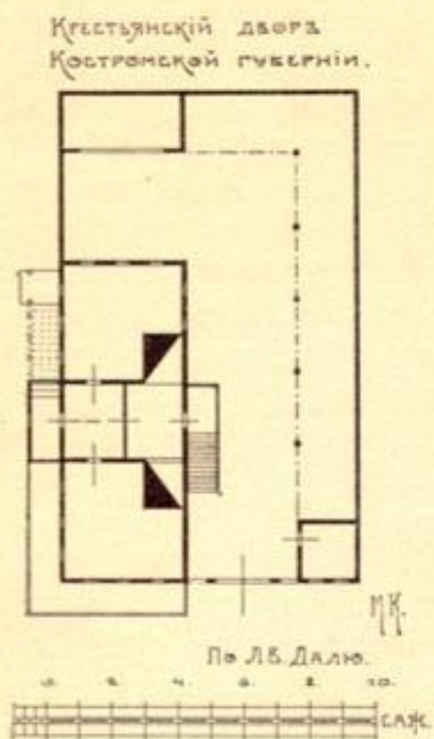

Рис. № 10.

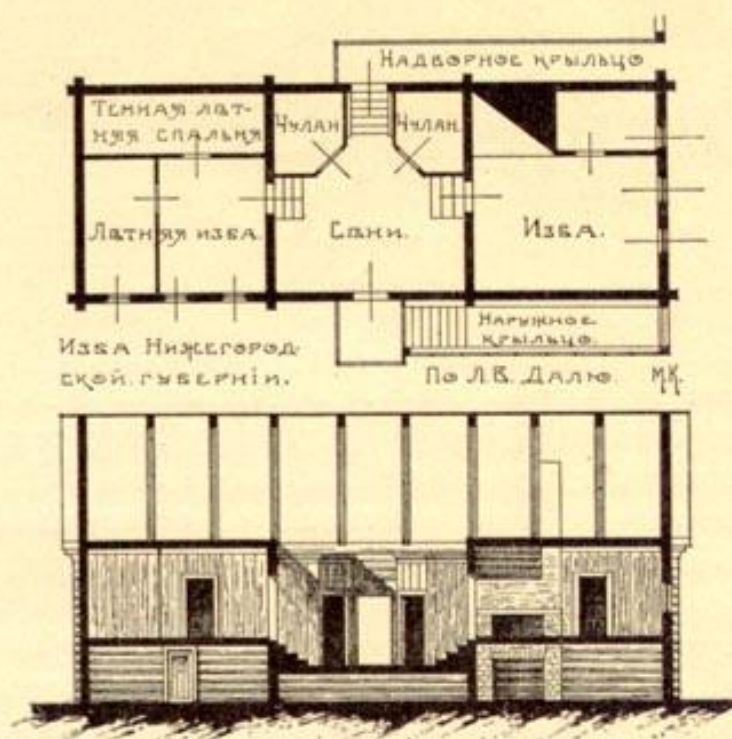

Рис. № 11.

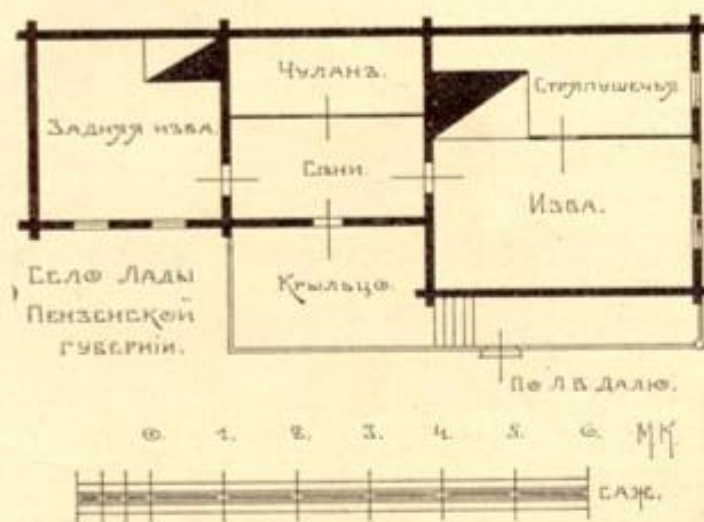

Рис. № 12.

Рис. № 13.

задняя изба дѣлаются иногда по площади нѣсколько меньше передней избы (рис. № 12), а иногда какъ задняя, такъ и передняя изба дѣлаются равными по занимаемой ими площади и притомъ пятистѣнными, т. е. раздѣленными внутренней капитальной (рубленной) стѣной на двѣ части (рис. № 17 А).
Наконецъ, при очень многочисленной семьѣ и при извѣстной зажиточности ея является необходимость въ отдѣльномъ помѣщеніи для наемныхъ работниковъ, поэтому для нихъ рубится отдѣльная изба, по другую сторону воротъ, но подъ одну крышу съ главной избой, что позволяетъ устроить надъ воротами „горницу“, т. е. холодную комнату съ маленькими окнами и поломъ, поднятымъ выше пола главной избы (рис. № 13); горница соединяется непосредственно со стряпущей и подобно ей предоставляется въ полное владѣніе бабъ.

Всѣ разсмотрѣнные типы избъ—одноэтажные, но встрѣчаются часто и двухъэтажные „двужирныя“¹⁾ избы, въ особенности въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ лѣса еще много. Такія избы по своему плану повторяютъ, въ сущности, приемы избъ одноэтажныхъ, такъ какъ подклѣтъ ихъ замѣняется первымъ этажемъ; но назначеніе отдѣльныхъ помѣщеній видоизмѣняется. Такъ, подклѣтъ передней избы, становясь выше чѣмъ въ одноэтажныхъ, перестаетъ быть кладовой и наравнѣ съ верхомъ служить жилымъ помѣщеніемъ; нижній ярусъ задней избы превращается въ конюшню и въ хлѣвъ, а верхній ея ярусъ служитъ сараемъ и отчасти сѣноваломъ, при чемъ для въѣзда въ него телѣгъ и саней устраивается особый „взвозъ“, т. е. бревенчатый наклонный помостъ (рис. № 14).

Въ чердакѣ передней избы дѣлается иногда жилая комната, называемая свѣтелкой, передъ которой обыкновенно тянется балконъ. Впрочемъ, балконы эти представляютъ собою, повиди-

Рис. № 14.

„Двужирная изба“ въ селѣ Гавриловскомъ, Одонской губ., Каргопольскаго уѣзда.

По В. Суслову.

¹⁾ Вѣроятно раньше ихъ называли „двужильными“, т. е. избами въ два жилья.

тому, явление сравнительно позднее, равно какъ и маленькіе балконы на столбахъ, вродѣ изображеннаго на рисункѣ 14-мъ. Послѣдніе очевидно суть не что иное, какъ трансформировавшіяся крыльца.

Разсмотримъ еще одинъ аналогичный примѣръ сѣверной избы, находящейся въ селѣ Воробьевскомъ ¹⁾ (Кладниковскій уѣздъ Вологодской губерніи). Изба эта двухъэтажная (рис. № 15). Середину первого этажа занимаетъ проѣздъ („подсѣнье“), влѣво отъ котораго находятся „подклѣтъ“ ²⁾ и „голубецъ“, т. е. кладовая для

провизіи; вправо отъ проѣзда находятся „мшанникъ“, т. е. теплая кладовая для крупы и муки, и „стайка“, т. е. стойло для мелкаго скота. Во второмъ этажѣ надъ подсѣньемъ находятся сѣни, надъ подклѣтью и надъ голубцомъ—изба, печь которой помѣщена въ дальнемъ углу, а не у двери, хотя изба и курная; около печи устроена лѣстница, ведущая въ голубецъ. По другую сторону сѣней находятся: боковуша ³⁾, окно которой выходитъ на улицу, и полутемная кладовая. Всѣ эти помѣщенія размѣщены въ одномъ шестистѣнномъ срубѣ, повернутомъ одной изъ своихъ длинныхъ стѣнъ на улицу такъ, что на послѣднюю выходитъ и крыльцо (рис. № 16).

Къ противоположной стѣнѣ примыкаютъ еще два сруба, находящіеся подъ одной крышей съ первымъ. Въ нижнемъ этажѣ средняго сруба находится „большой подсѣнникъ“—помѣщеніе для лошадей, надъ которымъ приходится „большой сѣнникъ“; въ послѣднемъ лежитъ сѣно, стоятъ телѣги, сани, хозяйственныя орудія и хранится сбура. Къ сѣннику ведетъ взвозъ, покрытый самостоятельной односкатной крышей. Наконецъ, въ нижнемъ этажѣ задняго сруба размѣщены двѣ „стайки“ и обширный коровникъ, надъ которыми находятся „задцы“ или „придѣльцы“, служащіе складомъ овса, и „малый сѣнникъ“, который, благодаря своей относительной чистотѣ, является

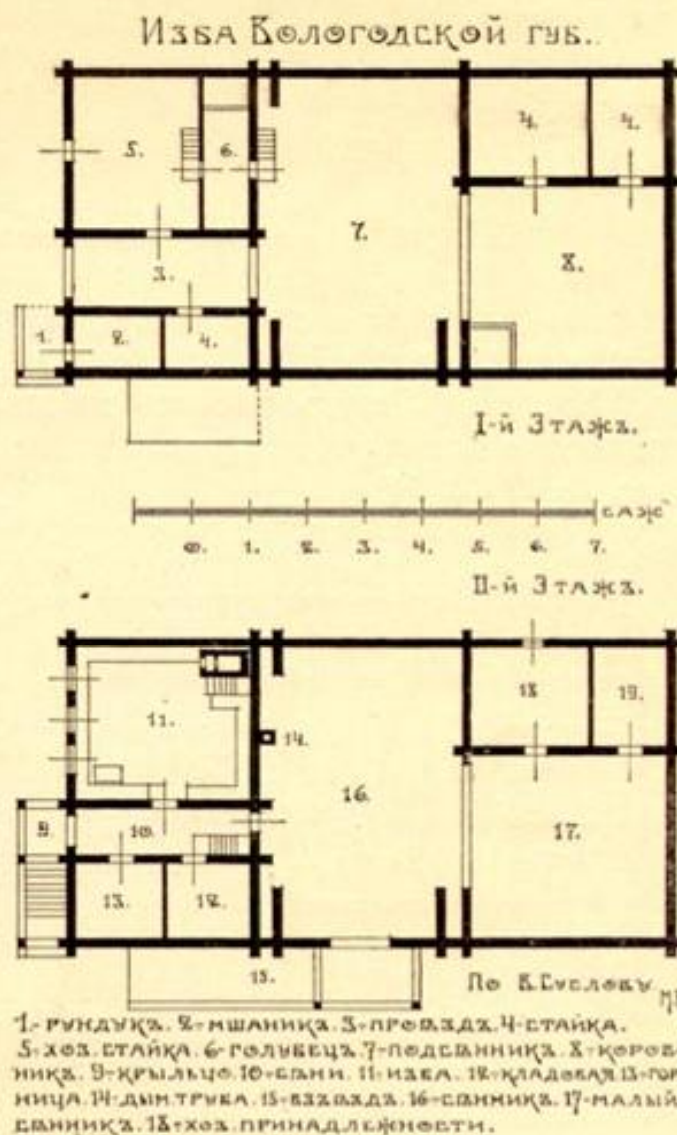

Рис. № 15.

¹⁾ Изба эта построена болѣе ста лѣтъ тому назадъ.

²⁾ Подклѣтъ иногда служитъ жильемъ, а иногда въ ней помѣщается мелкій скотъ.

³⁾ Горница.

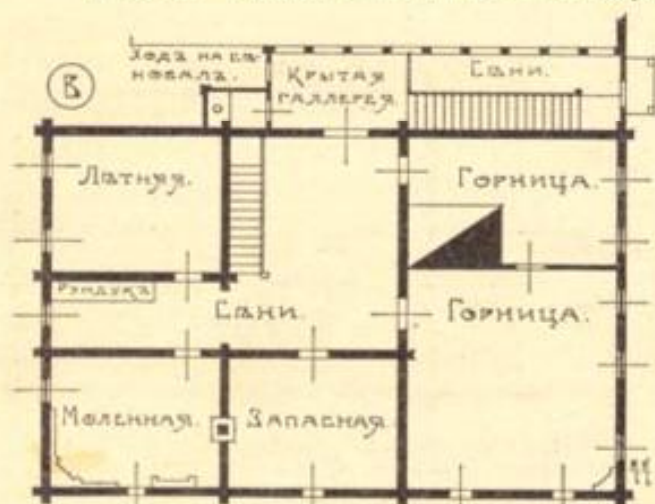

Рис. № 16. Двухэтажная изба въ селѣ Воробьевскомъ. По В. Суслову.

мѣстомъ для сна въ лѣтнюю пору, а также мѣстомъ, въ которомъ производятся домашнія работы.

Иногда въ двухэтажныхъ избахъ дѣлается только одно наружное крыльцо, а для внутренняго сообщенія устраивается лѣстница въ сѣняхъ (рис. № 17 в и 18).

Таковы главные типы избъ сѣверныхъ и центральныхъ губерній; что же

Двухэтажная раскольничья изба въ Семеновѣ Нижегородской губ.

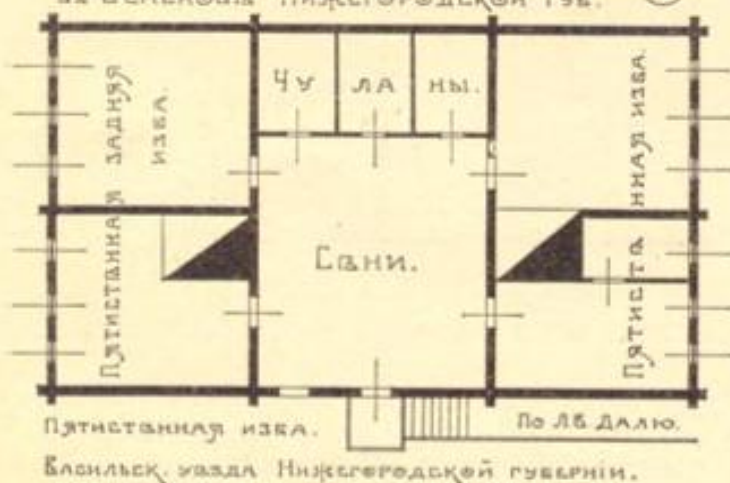

Рис. № 17.

касается избъ южныхъ губерній, то онѣ по существу такія же, отличаясь главнымъ образомъ тѣмъ, что размѣщаются къ улицѣ не короткой стороной, а длинной такъ, что все крыльцо выходитъ на улицу, а также тѣмъ, что печь часто ставится не у двери, а въ противоположномъ углу, несмотря на то, что избы въ большинствѣ случаевъ курныя.

Конечно, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ лѣсу мало, избы тѣсны, низки и очень часто не имѣютъ подклѣтовъ (рис. № 19), въ болѣе же богатыхъ губерніяхъ крестьянскіе дворы подчасъ не менѣе сложны, нежели на сѣверѣ (рис. № 20). Дѣйствительно, въ послѣднемъ примѣрѣ къ избѣ примыкаетъ цѣлый рядъ разнообразныхъ хозяйственныхъ построекъ, изъ которыхъ наиболѣе интересны амбары, какъ сохранившіе до сихъ поръ свой старинный типъ, о чемъ ясно говоритъ ихъ простая

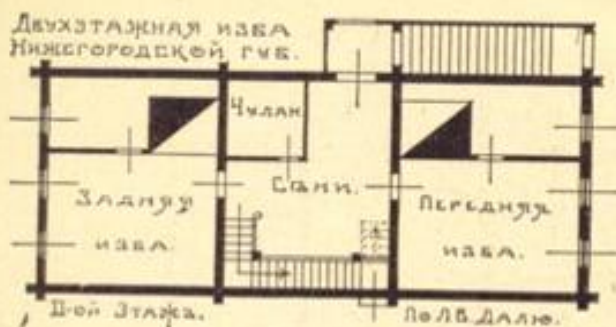

Рис. № 18.

Разсмотримъ теперь нѣкоторыя детали конструкціи избъ.

Какъ было уже замѣчено выше, стѣны рубятся изъ горизонтальныхъ рядовъ бревенъ, связанныхъ въ углахъ врубками; пазы вдоль бревенъ выбираются теперь всегда въ нижней ихъ части, однако, лѣтъ 60 тому назадъ, встрѣчалась рубка и съ обратными пазами, что, по словамъ академика Л. В. Даля, считалось признакомъ древности зданія, но по нашему убѣжденію такую рубку стѣнъ, весьма не логичную ¹⁾, могли примѣнить къ дѣлу лишь въ силу какого нибудь недоразумѣнія, или для такихъ зданій, на долговѣчность которыхъ почему-либо не рассчитывали.

Внутреннія стѣны, дѣлящія срубъ на отдѣльные помещенія, дѣлаются или досчатыми (перегородками), иногда не достигающими до потолка, или бревенчатыми (рубленными), при чемъ въ двухъэтажныхъ избахъ даже послѣднія иногда не приходятся непосредственно одна надъ другой, а сдвинуты въ сторону, смотря по надобности, такъ, что верхнія стѣны получаютъ на вѣсу. Такъ, напримѣръ, правыя стѣны подстѣны и сѣней въ избѣ села Воробьевскаго (смотри рисунки №№ 15 и 16) не представляютъ одна продолженія другой.

Въ простыхъ одноэтажныхъ избахъ стѣны сѣней

и логичная конструкція, примѣняющаяся повсемѣстно лишь съ небольшими варіаціями, т. е. они дѣлаются обыкновенно или съ крытой галлереей, или съ глубокимъ уступомъ нижней части сруба, служащихъ защитой отъ дождя при входѣ въ амбаръ. Въ мѣстахъ сырыхъ, или заливаемыхъ вѣшной водой, амбары ставятся на высокихъ подклѣткахъ, или на столбахъ (рис. №№ 21, 22 и 23).

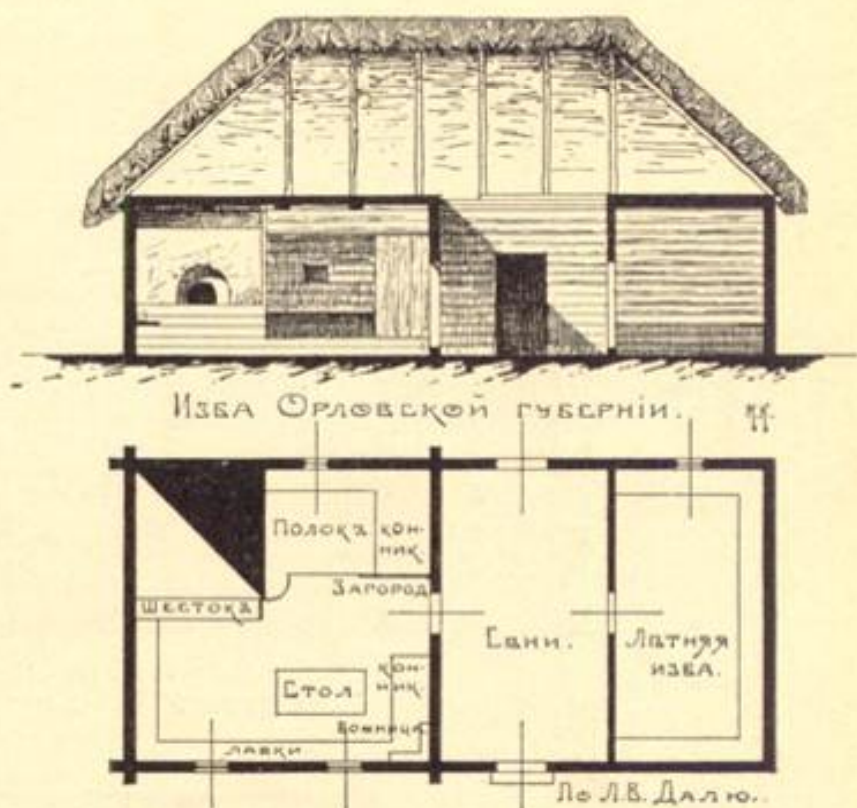
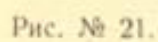
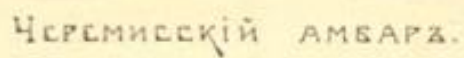
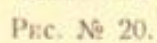

Рис. № 19.

¹⁾ Дождевая вода при такомъ способѣ рубки гораздо легче проникаетъ въ пазы и, слѣдовательно, загниваніе бревенъ должно наступать значительно ранѣе, нежели при обычномъ теперь способѣ устройства пазовъ.

не врубаются обычно въ стѣны срубовъ самой избы и клѣти, а забираются горизонтальными бревнами, концы которыхъ входятъ въ пазы вертикальныхъ стоекъ, прикрѣпленныхъ къ срубамъ. Въ болѣе сложныхъ типахъ, какъ на примѣръ, въ избѣ села Воробьевскаго (рис. №№ 15 и 16), примѣняется иногда весьма оригинальный способъ, ведущій свое начало съ того времени, когда еще наши плотники не умѣли сращивать бревна и дѣлать ихъ такимъ образомъ произвольной длины. Состоитъ онъ въ слѣдующемъ: одна изъ стѣнъ, соединяющихъ два основныхъ сруба, въ данномъ примѣрѣ

Рис. № 22. Амбаръ. По В. Суслову.

лѣвая стѣна подсѣнника и сѣнника, представляетъ собою продолженіе стѣны задняго сруба и торцы ея бревенъ касаются торецъ бревенъ передней избы; за шесть вершковъ отъ свободно стоящаго конца этой стѣны въ нее врублена короткая поперечная стѣнка, нѣчто вродѣ контрфорса, обращеннаго внутрь

Рис. № 23. Амбары. По А. Бобринскому.

зданія, обеспечивающая устойчивость первой. Правая же стѣна сѣнника и подсѣнника совершенно не связана со стѣнами передняго и задняго срубовъ, почему поперечныя короткія стѣнки врублены у обоихъ ея концовъ; такимъ образомъ эта стѣна была бы совершенно отдѣльно стоящей, если бы ее не соединяли со срубами потолочныя балки перваго этажа.

Полы жилыхъ помѣщеній въ первомъ этажѣ устраиваются или набивные (изъ земли или глины), или изъ досокъ по лагамъ („мостить по кладямъ“); въ верхнихъ же жилыхъ комнатахъ полы стелются по балкамъ („по матицамъ“), при чемъ только въ большихъ избахъ послѣднихъ дѣлаютъ двѣ; обыкновенно же кладется одна матица, концы которой врубаются всегда въ стѣны такимъ образомъ, что торцы ея снаружи стѣнъ не видны. Направленіе матицы всегда параллельно входной двери въ избу; въ серединѣ, а иногда въ двухъ мѣстахъ матицы подпираются стойками. Половые доски причерчиваются въ четверть („въ причертъ съ вытесомъ“), или просто притесываются. Полы же такихъ помѣщеній, какъ большой сѣнникъ, дѣлаются не изъ досокъ, а изъ тонкихъ бревенъ („кругляковъ“), просто притесанныхъ другъ къ другу. Точно также дѣлаются и потолки верхнихъ помѣщеній, при чемъ въ жилыхъ комнатахъ кругляки иногда прирубаются въ пазъ, проконопачиваются и поверхъ нихъ всегда дѣлается смазка, состоящая изъ нижняго слоя глины и верхняго болѣе толстаго слоя песку.

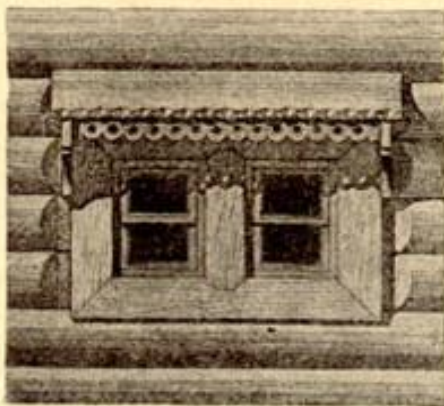

Рис. № 24.
Окно. По В. Суслову.

Для поддержанія досчатаго настила пола въ стойку врубается горизонтальный брусъ, называемый „воронцомъ“; онъ располагается въ направленіи, перпендикулярномъ къ матицѣ. Если въ избѣ имѣется досчатая перегородка, отдѣляющая, напримѣръ, стряпушую, то доски ея прибиваются также къ воронцу.

Окна устраиваются двухъ видовъ: „волоковые“ и красныя“.

Первыя имѣютъ очень малый просвѣтъ и закрываются не переплетами, а задвижными щитами,двигающимися или по горизонтальному направленію, или по вертикальному; такія окна уцѣлѣли до сихъ поръ даже въ нѣкоторыхъ церквахъ, какъ, напримѣръ, у Іоанна Богослова въ селѣ Ишнѣ близъ Ростова Ярославскаго. (Смотри главу VIII).

„Красными“ окнами называются такія, просвѣтъ которыхъ закрывается не щитомъ, а переплетомъ; первоначально переплеты такихъ оконъ поднимались вверхъ, подобно щитамъ волоковыхъ оконъ ¹⁾ и только, вѣроятно, сравнительно недавно получили широкое распространеніе переплеты на петляхъ. Оконныя стекла, какъ извѣстно, стали не рѣдкостью на Руси только послѣ Петра, а до него ихъ мѣсто замѣнялъ бычій пузырь или въ лучшемъ случаѣ, слюда, высокая цѣна которой, конечно, исключала возможность употребленія ея въ крестьянскихъ избахъ.

Что касается художественной обработки оконъ, а именно досчатыхъ наличниковъ, украшенныхъ порѣзками и наружными ставнями (рис. №№ 9, 16, 25 и 26), то они могли получить широкое примѣненіе опять таки лишь въ послѣ - петровскую эпоху, когда тесъ сталъ быстро вытѣсняться досками,

¹⁾ Такія красныя окна еще часто можно встрѣтить въ избахъ Рязанской и Архангельской губерній. (Рис. № 24).

Рис. № 25.
Окно. По В. Суслову.

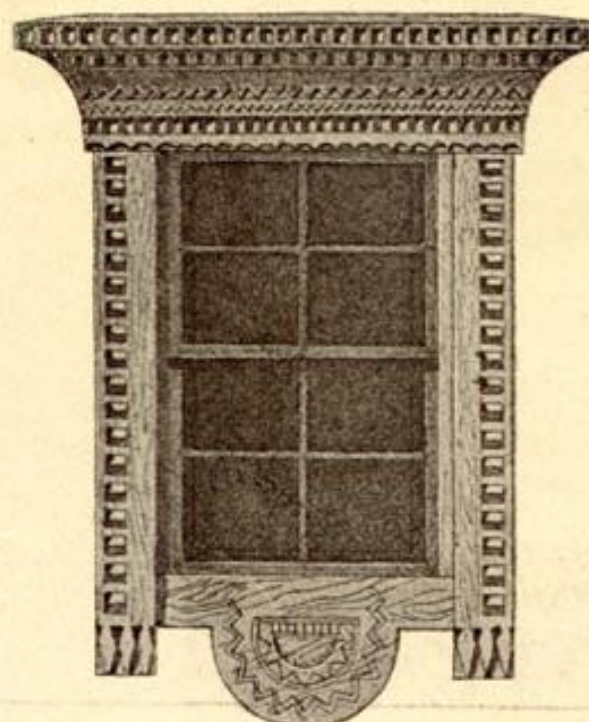

Рис. № 26.
Окно. По В. Суслову.

Рис. № 27.
Амбаръ въ деревнѣ Шуныгѣ. Фот. О. Каликина.

Рис. № 28.
Ворота. По А. Бобринскому.

лались изъ отдѣльныхъ брусевъ, что давало возможность оставлять надъ колодой зазоръ, исключавшій возможность ломки или перекашиванія колоды при осадкѣ стѣны. Зазоръ снаружи закрывался брускомъ или широкой украшенной порѣзками тесиной, которая составляла вѣначающую часть наружной обработки окна.

Точно также украшались и двери.

Что же касается воротъ, то и при ихъ устройствѣ избѣгали декоративныхъ частей, не обусловленныхъ логикой конструкціи, и вся красота воротъ, этой одной изъ немногихъ казовыхъ частей избы, заключалась въ общей ихъ формѣ, да въ немногихъ порѣзкахъ, какъ это видно на приводимыхъ примѣрахъ (рис. №№ 28, 29, 30, 31 и 32).

Наиболѣе интереснымъ и сохранившимъ свой древній пріемъ является устройство крышъ, въ особенности на сѣверѣ, гдѣ солома еще не вытѣснила теса, какъ это наблюдается въ губерніяхъ, потерявшихъ лѣса. Основу крыши образуютъ стропильныя ноги („быки“)

¹⁾ Олонецкой губерніи.

получавшимися путемъ распиловки бревенъ и, слѣдовательно, гораздо болѣе дешевыми нежели тесъ; до этого же времени рама окна („колода“) обычно не закрывалась наличникомъ и порѣзки дѣлались непосредственно на ней, какъ, напримѣръ, это имѣетъ мѣсто въ очень старомъ амбарѣ деревни Шуньги ¹⁾ (рис. № 27), при чемъ верхняя и нижняя вязки рамы подчасъ представляли собою не самостоятельныя части, но вытесанныя изъ вѣнцовъ стѣны. Конечно, такого типа колоды могли устраиваться лишь въ хозяйственныхъ сооруженіяхъ, въ жилыхъ же какъ горизонтальныя, такъ и вертикальныя ихъ части дѣлались изъ отдѣльныхъ брусевъ, что давало возможность оставлять надъ колодой зазоръ, исключавшій возможность ломки или перекашиванія колоды при осадкѣ стѣны. Зазоръ снаружи закрывался брускомъ или широкой украшенной порѣзками тесиной, которая составляла вѣначающую часть наружной обработки окна.

Рис. № 29.
Ворота. По А. Бобринскому.

(рис. № 33—11), нижніе концы которыхъ врубаются въ „подкуретники“, т. е. въ верхніе вѣнцы сруба, а верхніе концы въ „князевую слегу“ (33—6). Основа эта обрѣшечивается „лотоками“ („слегами“¹⁾), т. е. тонкими жердями, къ которымъ прикрѣпляютъ „курицы“ — брусья, сдѣланные изъ корневищъ деревьевъ; послѣднимъ придаютъ видъ различныхъ фигуръ, украшенныхъ порѣзками (33—10). На загнутыхъ концахъ курицъ укладывается дождевой жолобъ — „водотечникъ“ (33—19), представляющій собою выдолбленное въ видѣ корыта бревно, концы котораго имѣютъ раструбы и украшены очень часто порѣзками.

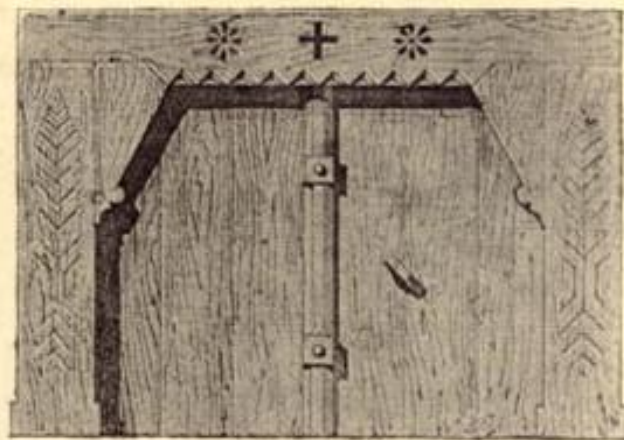

Рис. № 30.
Ворота. По В. Суслову.

Кровля дѣлается изъ двухъ слоевъ теса, между которыми прокладывается для устраненія течи древесная кора, обыкновенно березовая („скала“), отчего нижній слой теса называется подскальникомъ. Нижніе концы тесинъ упираются въ водотечники, а верхніе зажаты по коньку „охлупнемъ“ (33—1), т. е. толстымъ выдолбленнымъ бревномъ, заканчивающимся на фасадѣ корнемъ, обработаннымъ въ видѣ коня, оленьей головы, птицы и т. п. По верхнему ребру охлупня иногда ставятъ или рѣшетку, или рядъ „стамиковъ“ (33—12); первая, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Л. В. Даль, плохо вяжется съ фронтоной фигурой охлупня и представляетъ собою явленіе, повидимому, довольно позднее; послѣдніе же, вѣроятно, имѣютъ

Рис. № 31.
Ворота. По А. Бобринскому.

древнее происхожденіе, на что отчасти указываетъ тотъ фактъ, что раскольники очень любили украшать ими свои моленныя²⁾.

Такъ какъ охлупень одинъ не можетъ удерживать досокъ кровли отъ срыванія ихъ сильнымъ вѣтромъ, то приходится устраивать „гнеты“ (33—4), т. е. толстыя бревна, концы которыхъ схвачены на обоихъ фрон-

¹⁾ Или „подтечинами“.

²⁾ Во время гоненій на раскольниковъ ихъ тайныя моленныя очень часто узнавались полиціей именно по стамикамъ, почему ихъ въ это время часто избѣгали устраивать и теперь стамики почти совсѣмъ вывелись изъ употребленія.

Рис. № 32.
Ворота. Фот. Ф. Чудновского.

Рис. № 33.
Конструкция крыши. По В. Суслову.

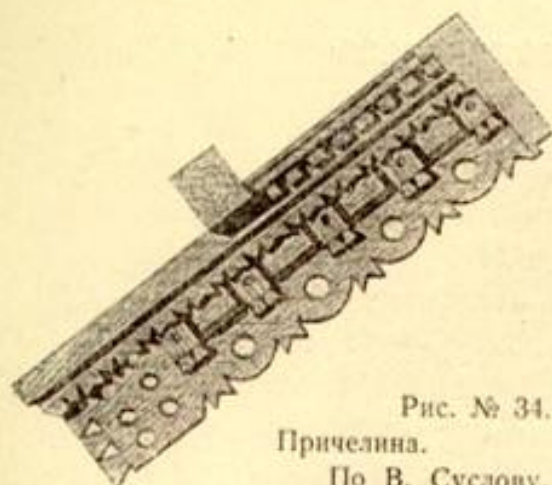

Рис. № 34.
Причелина.
По В. Суслову.

тонахъ рѣзными досками, называемыми „огнивами“ (33—2). Иногда вмѣсто одного гнета на каждомъ скатѣ кровли кладутъ нѣсколько, болѣе тонкихъ бревенъ или жердей; въ послѣднемъ случаѣ слѣги должны имѣть загнутые въ видѣ крючьевъ концы, за которые закладываются жерди. (Правая сторона рисунка № 33).

Если слѣги не имѣютъ загнутыхъ концовъ, то къ нимъ прибиваютъ доски, очень часто богато украшенныя порѣзками. Доски эти называются „причелинами“ или „под-

крылками“ (33—3 и 34) и оберегаютъ торцы слѣгъ отъ загниванія. Л. В. Даль полагаетъ, что причелины ведутъ свое начало отъ соломенныхъ крышъ, гдѣ онѣ предохраняютъ солому отъ сползанія на фронтоны, и по—
этому закладываются за крючья слѣгъ (рис. № 35). Стыкъ двухъ причелинъ, приходящійся на торцѣ князевой слѣги, закрывается доской, которая обычно также богато украшается рѣзбой и называется „вѣтреницей“ (рис. № 14).

Для того, чтобы свѣсъ крыши надъ фронтономъ былъ больше, концы бревенъ верхнихъ вѣнцовъ постепенно свѣшиваютъ одинъ надъ другимъ; эти выступающіе впередъ концы называются „повалами“ (рис. № 33—8) и зашиваются иногда вмѣстѣ съ повальной слѣгой (33—7) „малыми подкрылками“—рѣзными досками, защищающими торцы поваловъ и слѣги отъ загниванія (рис. № 36). Если торецъ повальной слѣги очень толстъ и его нельзя закрыть однимъ малымъ подкрылкомъ, то рядомъ съ послѣднимъ прибиваютъ особую доску, которой придаютъ видъ какой либо фигуры, большей частью коня или птицы (рис. № 36).

Самые фронтоны дѣлаются почти всегда не досчатыми, а рублеными изъ бревенъ, которые тутъ носятъ названіе „самцовъ“.

Въ курныхъ избахъ и по настоящее время устраиваются деревянныя трубы¹⁾, удаляющія дымъ изъ подъ крыши сѣней. Трубы эти дѣлаются изъ досокъ и иногда имѣютъ очень живописный видъ, такъ какъ ихъ украшаютъ порѣзками и ставками (рис. № 37).

Приемы композиціи крылецъ очень разнообразны, но все же ихъ можно раздѣлить на три основныхъ типа: на крыльца безъ лѣстницъ или съ двумя-тремя ступенями, на крыльца съ лѣстницами и

По Л. В. Далю.

Рис. № 35.

¹⁾ „Дымницы“, „Дымники“.

По Л.В. Далю

ПРОИСХОЖДЕ-
НІЕ МАЛЫХ
ПОДКРЫЛ-
КОВЪ

Рис. № 36.

Рис. № 37.
Дымовыя трубы. По В. Суслову.

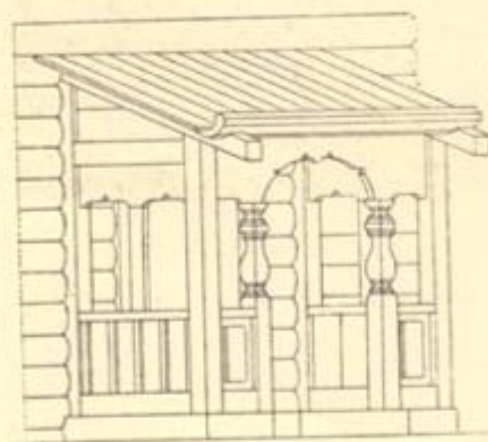

Рис. № 38.
Крыльцо. По В. Суслову.

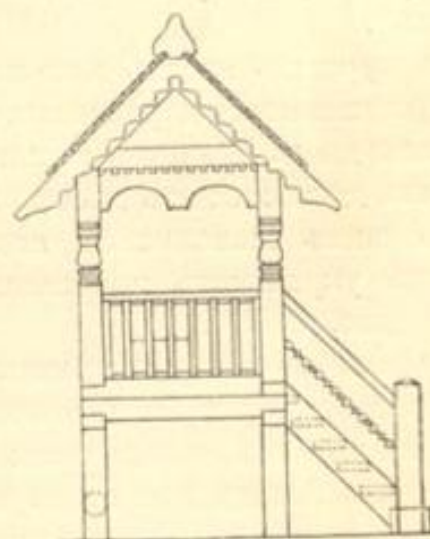

Рис. № 39.
Крыльцо. По В. Суслову.

на крыльца съ лѣстницами и рундуками, т. е. съ крытыми нижними площадками, предшествующими маршу лѣстницы.

Первая устраиваются обыкновенно такимъ образомъ, что ихъ свободная отъ периль сторона находится прямо противъ двери, и покрываются односкатной кровлей (рис. № 38) или двухскатной, поддерживаемой обычно двумя столбиками.

Марши лѣстницъ, у которыхъ нѣтъ нижнихъ площадокъ, обыкновенно оставляются безъ крышъ (рис. №№ 39, 40 и 41), хотя, конечно, встрѣчаются и исключенія (рис. №№ 42 и 43).

Лѣстницы съ нижними площадками („рундуками“) всегда имѣютъ крыши, которыя устраиваются односкатными, часто съ переломомъ надъ первой ступенькой марша (рис. №№ 44, 45, 45а и 8). Верхняя площадка (верхнй рундукъ) кроется однимъ, двумя или тремя скатами (рис. № 44), при чемъ опорою

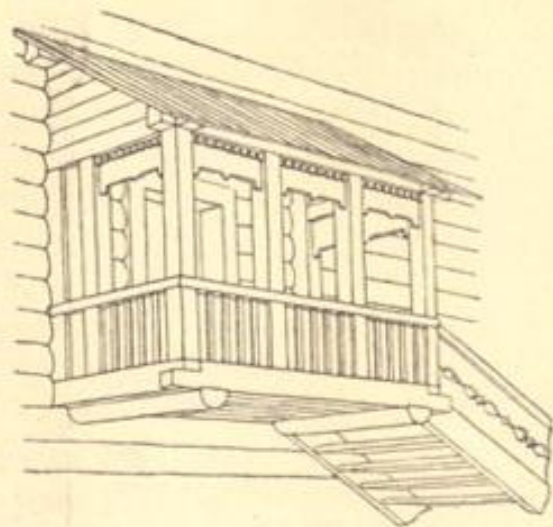

Рис. № 40.
Крыльцо. По В. Сулову.

Рис. № 41.
Крыльцо. По А. Бобринскому.

ей служить или выпускныя изъ стѣны брусъя („повалы“) (рис. № 40), или стойки—одна или двѣ (рис. № 46). Особенно живописны крыльца на одиночныхъ столбахъ, какъ это видно на приведенныхъ примѣрахъ (рис. №№ 44 и 45).

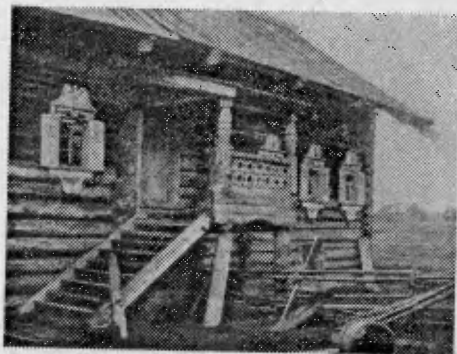

Рис. 41.
Крыльцо. По А. Бобринскому

Рис. 42.
Крыльцо. По А. Бобринскому

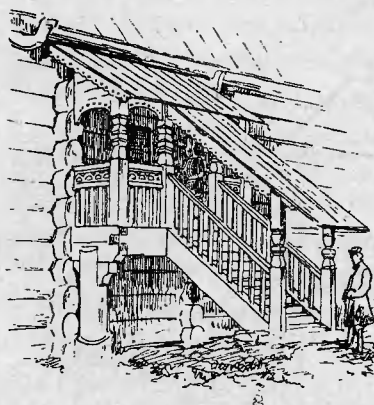

Рис. 43.
Крыльцо. По В. Суслову

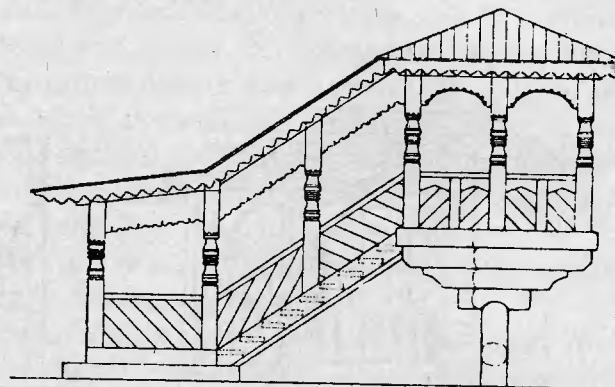

Рис. 44.
Крыльцо. По В. Суслову

Лестницы с нижними площадками («рундуками») всегда имеют крыши, которые устраиваются односкатными, часто с переломом над первой ступенькой марша (рис. 44, 45, 45а и 8). Верхняя площадка (верхний рундук) кроется одним, двумя или тремя скатами (рис. 44), причем опорой ей служат или выпускные из стены бруссы («повалы») (рис. 40), или стойки – одна или две (рис. 46). Особенно живописны крыльца на одиночных столбах, как это видно на приведенных примерах (рис. 44 и 45).

Как на особый тип крылец, очень нарядных и ведущих, по-видимому, свое начало от крылец церковных или хоромных, нужно указать на крыльца с двумя маршами, сходящимися к одной верхней площадке.

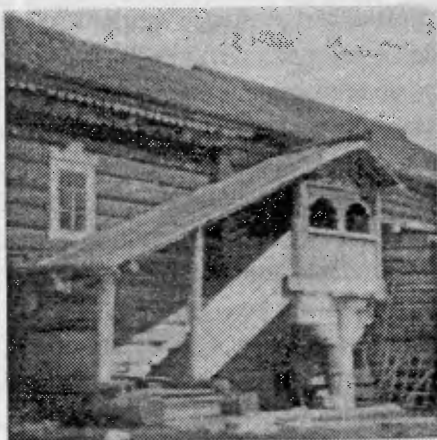

Рис. 45.
Крыльцо. По А. Бобринскому

Рис. 45 а.
Крыльцо. По А. Бобринскому

Очевидно, что два марша вызываются тут не утилитарными соображениями, а исключительно эстетическими и, вероятно, поэтому такие крыльца встречаются относительно редко.

Что касается художественной обработки крылец, то останавливаться на ней не будем, так как она ясно видна на рисунках 38–46; заметим только, что так же, как на других частях изб, доски с богатыми порезками, то есть чисто декоративные части, могли появиться на крыльцах только в послепетровскую эпоху, а до этого удовлетворялись исключительно конструктивными частями, придавая им те или иные художественные формы.

Печи во многих местах еще и теперь делаются не кирпичные, а глинобитные («битые»), какими они в прежнее время были, вероятно, везде, так как кирпич и изразцы («образцы»), вследствие их высокой цены, были недоступны для крестьян, и, кроме того, изразцы применялись лишь для печей, предназначавшихся исключительно для отопления; печи же в избах и в настоящее время устраиваются всегда так, что служат главным образом для варки пищи, хотя в то же время являются и единственными источниками тепла, так как отдельных печей для отопления жилых помещений в избе не делается.

Мы рассмотрели главнейшие типы современных изб; такими же в существенных своих частях являются и те, весьма немногие, избы конца XVII века и первой половины XVIII, которые сохранились до нашего времени или были зарисованы во второй половине прошлого века академиком Л. В. Далем и другими исследователями русского зодчества. Очевид-

Рис. 46.
Крыльцо. По А. Бобринскому

но, что эволюция основных форм в этой области нашего строительства совершается очень медленно, и даже быстро растущая сеть железных дорог затрагивает нашу деревню, так сказать, поверхностно, не колебля веками сложившегося уклада жизни, зависящего, главным образом, от условий экономических. О керосине и фабричного производства материях теперь знают у нас в самых глухих углах, но наравне с ними продолжают существовать лучина и домотканый холст, как предметы, требующие только времени, но не денег. Если у нас народные костюмы только в недавнем прошлом стали сравнительно быстро вытесняться уродливыми подражаниями городским

модам, тогда как обычно костюмы, в особенности женские, раньше всего другого меняют свои формы под влиянием внешних причин, то естественно, что приемы устройства деревенской избы должны видоизменяться у нас еще более медленно, и происшедшие изменения должны были коснуться только деталей, как конструктивных, так и художественных, но не основных форм, корни которых питаются соками, вырабатываемыми в глубинах организма народа, а не у внешних его покровов.

Попробуем найти подтверждение сказанного в результатах раскопок и в памятниках письменности, отыскав в них формы, однородные нынешним или аналогичные с ними. Очень ценные сведения относительно жилых деревянных сооружений начала великокняжеского периода дали раскопки в усадьбе М. М. Петровского в Киеве и в селе Белгородке (Киевского уезда). По словам археолога В. В. Хвойка, постройки эти, представлявшие собой полуземлянки, производились в четырехугольной выемке, глубиной около полутора метров, доведенной до материковой глины, служившей полом жилых помещений и помещений иного назначения. Жилища эти были не велики (площадью 6,75 x 4,5 метра) и, судя по остаткам, сооружались из соснового материала; стены их, несколько возвышавшиеся над поверхностью земли, были срублены из толстых бревен, но особой прочностью отличались нижние бревна, представлявшие собой основу стен и укладывавшиеся всегда в нарочно вырытые для этой цели канавки. Внутренние стены, не достигавшие обычно потолка и делившие основной сруб на две равные части,

Рис. № 42.
Крыльцо.
По А. Бобринскому.

Рис. № 43.
Крыльцо. По В. Суслову.

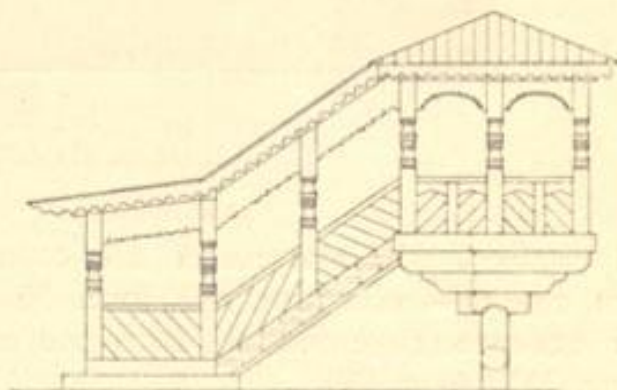

Рис. № 44.
Крыльцо. По В. Суслову.

Рис. № 45.
Крыльцо. По А. Бобринскому.

Рис. № 45 а.
Крыльцо. По А. Бобринскому.

нынѣшнимъ, или аналогичныя съ ними. Очень цѣнныя свѣдѣнія, относительно жилыхъ деревянныхъ сооружений начала великокняжескаго періода, дали раскопки въ усадьбѣ М. М. Петровскаго въ Кіевѣ и въ селѣ Бѣлгородкѣ (Кіевскаго уѣзда). По словамъ археолога В. В. Хвойка, постройки эти, представлявшія собою полуземлянки, производились въ четырехугольной выемкѣ, глубиною около полутора метра, доведенной до материковой глины, служившей поломъ жилыхъ помѣщений и помѣщений иного назначенія. Жилища эти были не велики (площадью около $6,75 \times 4,5$ метра) и, судя по остаткамъ, сооружались изъ сосноваго матеріала; стѣны ихъ, нѣсколько возвышавшіяся надъ поверхностью земли, были срублены изъ толстыхъ бревенъ, но особой прочностью отличались нижнія бревна, представлявшія собою

Рис. № 46.
Крыльцо. По А. Бобринскому.

основу стѣнъ и укладывавшіяся всегда въ нарочно вырытыя для этой цѣли канавки. Внутреннія стѣны, не достигавшія обычно потолка и дѣлившія основную срубъ на двѣ равныя части, устраивались изъ горизонтальныхъ или вертикальныхъ рядовъ бревенъ, иногда обтесанныхъ съ обѣихъ сторонъ, или же изъ досокъ. Какъ наружныя, такъ и внутреннія стѣны обмазывались съ обѣихъ сторонъ толстымъ слоемъ глины, которая внутри богатыхъ жилищъ выстилалась гончарными плитками; послѣднія имѣли различную форму и были украшены слоемъ поливы желтаго, коричневаго, чернаго или зеленаго цвѣтовъ. Къ одной изъ короткихъ стѣнъ основнаго сруба часто примыкала пристройка, представлявшая собою родъ крытыхъ сѣней, при чемъ полъ ихъ былъ выше пола самаго жилища, къ

которому вели отъ пола сѣней три—четыре земляныхъ ступени, но въ то же время самъ онъ былъ ниже уровня земли на 5—6 ступеней. Въ одномъ изъ внутреннихъ помѣщеній этихъ жилищъ находилась печь, устроенная изъ бревенъ или досокъ, обмазанныхъ съ обѣихъ сторонъ толстымъ слоемъ глины; снаружи печь тщательно сглаживалась и часто расписывалась узорами въ два или три цвѣта. Около печи въ глинѣ пола устраивалась для кухонныхъ отбросовъ котлообразная яма, стѣнки которой тщательно сглаживались. Къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ, какъ устраивались потолки, крыши, окна и двери; свѣдѣнія о такихъ конструктивныхъ частяхъ не могли быть добыты раскопками, такъ какъ большинство описанныхъ жилищъ погибло отъ огня, который, конечно, прежде всего уничтожилъ крыши, окна и двери.

Свѣдѣнія о жилыхъ сооруженіяхъ болѣе поздняго времени находимъ у иностранцевъ въ описаніяхъ ихъ путешествій въ „Московію“.

Адамъ Олеарій приложилъ къ описанію своего путешествія въ Московское государство изображенія почти исключительно городовъ. Правда, нѣкоторыя народныя сцены, какъ, на примѣръ, бродячіе скоморохи и увеселенія женщинъ, происходятъ, повидимому, не въ городѣ, но все вниманіе художника было обращено въ нихъ преимущественно на изображенія фигуръ, а пейзажъ и изображенія зданій пририсованы, вѣроятно, впоследствии, по памяти, и поэтому особенно довѣрять этимъ изображеніямъ врядъ ли представляется возможнымъ. Зато на картѣ Волги у Олеарія есть рисунокъ избы луговыхъ черемисъ, которая въ существенныхъ своихъ частяхъ мало чѣмъ отличается отъ нынѣшнихъ избъ наиболѣе примитивнаго устройства (рис. № 47). Дѣйствительно, два ея бревенчатыхъ сруба сдѣланы изъ горизонтальныхъ вѣнцовъ, рубленныхъ съ остаткомъ; между срубами видны ворота, ведущія въ крытый дворъ (въ сѣни). Передній срубъ представляетъ собою жилую часть зданія — саму избу, такъ какъ черезъ открытую дверь въ ней видны сидящіе на полу люди; задній срубъ, изображающій, вѣроятно, клѣть, находится подъ общей крышей съ избой и сѣнями; оконъ въ стѣнахъ задняго сруба не видно, тогда какъ въ переднемъ есть маленькое лежащее окно безъ переплета — вѣроятно, волоковое. Крыша сдѣлана изъ теса, при чемъ тесины настланы въ закрой. Трубы у этой избы нѣтъ, но у двухъ другихъ избъ, расположенныхъ сзади,

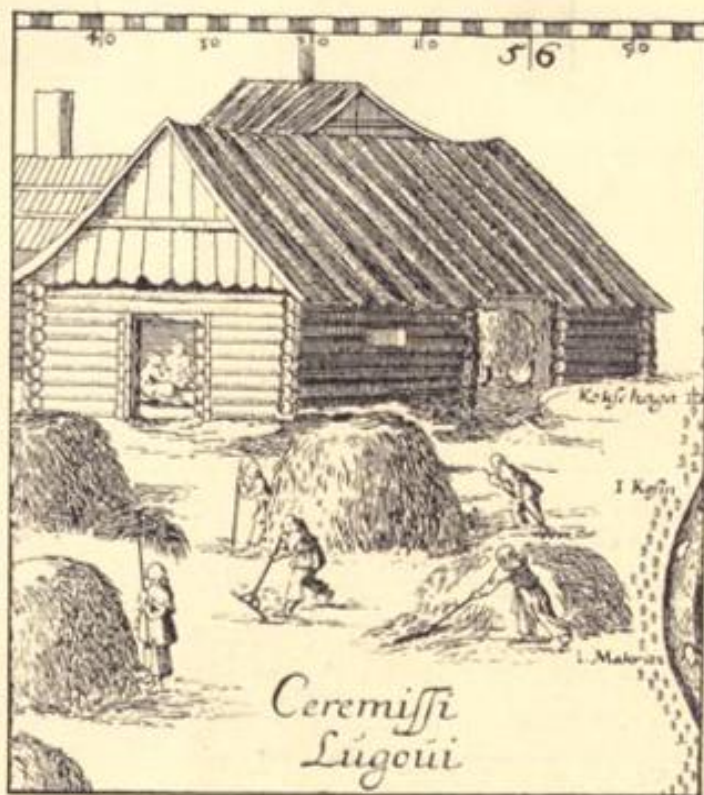

Рис. № 47.

Изда луговыхъ черемисъ. По Олеарію.

Рис. № 48. Деревня Рахино.
По Мейербергу.

Рис. № 49. Рѣка Шлина.
По Мейербергу.

Рис. № 50.
Вышній Волочекъ.
По Мейербергу.

Рис. № 51.
Торжокъ. По Мейербергу.

Рис. № 52.
Избы. По плану Тихвинскаго м.

трубы имѣются, и на одной изъ крышъ изображены даже гнеты, о которыхъ было упомянуто выше. Необычнымъ, по сравненію съ нынѣшними избами, является на рисункѣ Олеарія устройство досчатого фронтона и размѣщеніе входной двери не изъ сѣней, а съ улицы. Последнее однако было сдѣлано, очень вѣроятно, съ той только цѣлью, чтобы показать, что передній срубъ является жилой частью зданія, о чемъ нельзя было бы догадаться, если бы вмѣсто дверей, черезъ которыя видны люди, были бы изображены окна.

Въ противоположность Олеарию, Мейербергъ ¹⁾ даетъ въ своемъ путевомъ альбомѣ очень много изображеній селъ и деревень, которыя своими околицами съ воротами, церквями, колодцами и общимъ типомъ жилыхъ и хозяйственныхъ зданій, совершенно аналогичны современнымъ деревнямъ и селамъ. Къ сожалѣнію, стремясь схватить общій характеръ того или иного селенія, авторъ этихъ рисунковъ, очевидно, не гнался за деталями, да и не могъ этого сдѣлать, вслѣдствіе относительно небольшого масштаба этихъ рисунковъ. Тѣмъ не менѣе, среди изображенныхъ имъ избъ можно найти избы такого типа, какъ и описанная выше изба у Олеарія, напримѣръ, въ деревнѣ Рахинѣ (рис. № 48), а также пятистѣнные избы (рис. № 49), при чемъ всѣ избы изображены у него рубленными, крытыми на два ската съ рубленными же фронтонами. Особенно интересна одна изба села Вышняго Волочка и изба подъ Торжкомъ, на противоположномъ берегу рѣки Тверцы (рис. № 50 и № 51); обѣ онѣ имѣютъ крыльца, ведущія во второй этажъ, или въ жилыя помѣщенія надъ подклѣтками, при чемъ одно крыльцо устроено на столбахъ, а другое сдѣлано висячимъ и лѣстница его покрыта крышей, т. е. каждое изъ нихъ подходит по своей конструкціи къ одному изъ типовъ крылецъ, которыя встрѣчались намъ при обзорѣ современныхъ избъ.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію русскихъ источниковъ, изъ которыхъ для нашей цѣли особенно интересенъ упомянутый выше планъ Тихвинскаго монастыря. Изображенные на немъ избы можно раздѣлить на четыре группы. Первую изъ нихъ образуютъ избы, состоящія изъ одного сруба, покрытаго на два ската, съ тремя оконцами, расположенными въ видѣ треугольника и высоко поднятыми надъ землей (рис. № 52).

Ко второй группѣ относятся избы, состоящія изъ двухъ срубовъ—передняго и задняго, крытыхъ самостоятельными двухскатными крышами, такъ какъ передній срубъ нѣсколько выше задняго (рис. № 53). Въ обоихъ срубахъ имѣются окна, расположенныя какъ на фасадной (короткой) сторонѣ, такъ и на боковыхъ, при чемъ первыя образуютъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, фигуру треугольника. Въ этомъ типѣ избъ передній срубъ, повидимому, является жилою частью зданія, а задній—служебною, т. е. клѣткою. Подтверждается это тѣмъ, что у нѣкоторыхъ избъ такого типа ихъ заднія части нарисованы не бревенчатыми, а досчатыми (забранными въ столбы), при чемъ въ нихъ показаны ворота, находящіяся не въ серединѣ стѣны, а значительно придвинутыя къ переднему срубѣ. Очевидно, что эти ворота

¹⁾ Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовые картины Россіи XVII вѣка.

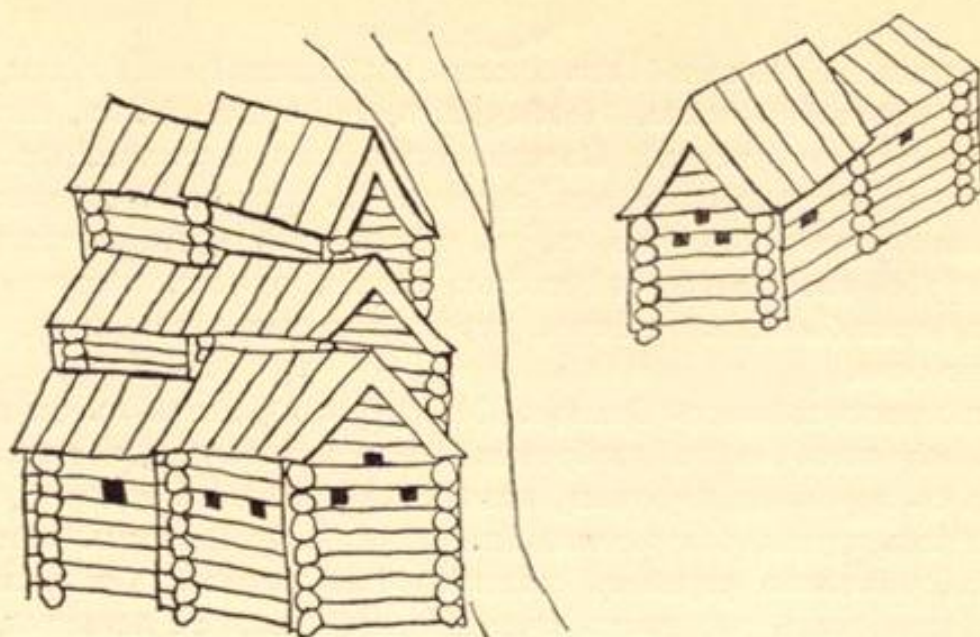

Рис. № 53.
Избы. По плану Тихвинского м.

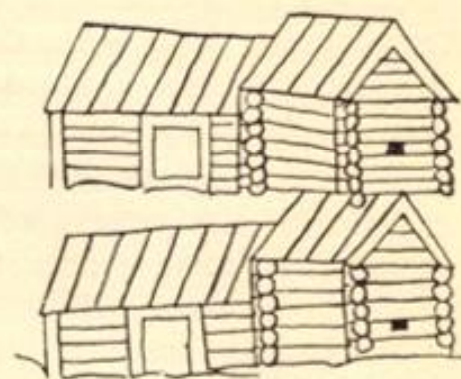

Рис. № 54.
Избы. По плану
Тихвинского м.

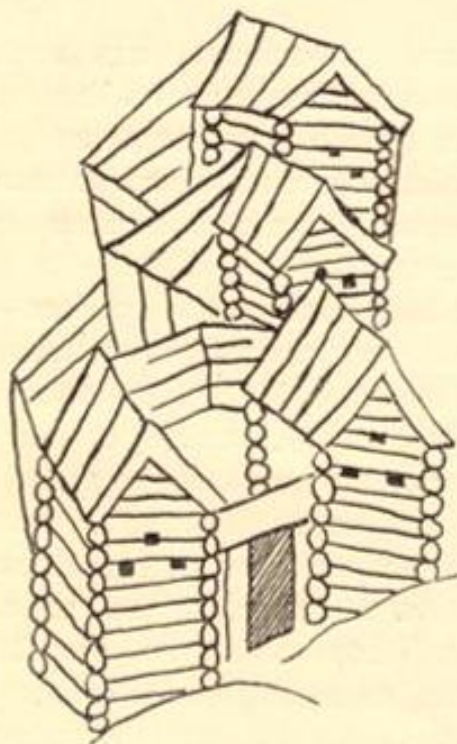

Рис. № 55.
Избы. По плану Тихвинского м.

Рис. № 56.
Избы. По плану Тихвинского м.

ведутъ въ крытый дворъ или сѣни, влѣво отъ которыхъ находится клѣтъ. Къ улицѣ эти избы обращены фронтономъ передняго сруба, и такимъ образомъ не только общей своей планировкой, но и положеніемъ относительно улицы очень походятъ на современныя двухсрубныя избы, такъ какъ отличаются отъ нихъ лишь тѣмъ, что срубы ихъ не одинаковой высоты (рис. № 54).

Третья группа распадается на двѣ подгруппы; къ первой относятся избы, состоящія изъ двухъ самостоятельныхъ срубовъ, соединенныхъ на фасадѣ воротами, а сзади заборомъ, образующимъ открытый дворъ (рис. № 55), при чемъ каждый изъ срубовъ сконструированъ совершенно такъ же, какъ и срубы избы первой группы. Вторая подгруппа отличается отъ первой тѣмъ, что за соединяющими два сруба воротами находится не открытый дворъ, какъ въ предыдущемъ случаѣ, а крытый (сѣни), при чемъ высота его значительно ниже высоты срубовъ, одинаковыхъ по высотѣ (рис. № 56). Какъ въ первой, такъ и во второй подгруппѣ избы повернуты фронтонами къ улицѣ, и на фасадныхъ ихъ стѣнахъ изображены такія же, расположенныя треугольникомъ, окна, какъ и въ избахъ предыдущихъ группъ.

Наконецъ, къ четвертой группѣ относятся такія избы, которыя такъ же, какъ предыдущія, состоятъ изъ двухъ срубовъ, но соединяющія эти срубы сѣни примыкаютъ не къ длиннымъ, а къ короткимъ сторонамъ послѣднихъ такъ, что на улицу выходитъ только одинъ срубъ, обращенный къ ней своей фронтоной стороной, въ которой виднѣются опять таки три окошечка (рис. № 57). Передняя изъ изображенныхъ на рисункѣ № 57 избы особенно интересна въ томъ отношеніи, что нижняя часть ея сѣней изображена сдѣланной изъ бревенъ, а верхняя, въ которой видно большое, повидимому, красное окно, изображена сдѣланной изъ досокъ, забранныхъ въ косякъ. Это обстоятельство ясно говоритъ, что средняя часть избы представляетъ собою именно сѣни, которыя всегда дѣлались холодными и, слѣдовательно, могли быть досчатыми. Въ большинствѣ случаевъ сѣни такихъ избы изображены болѣе низкими, нежели срубы, но въ одномъ случаѣ (рис. № 58), а

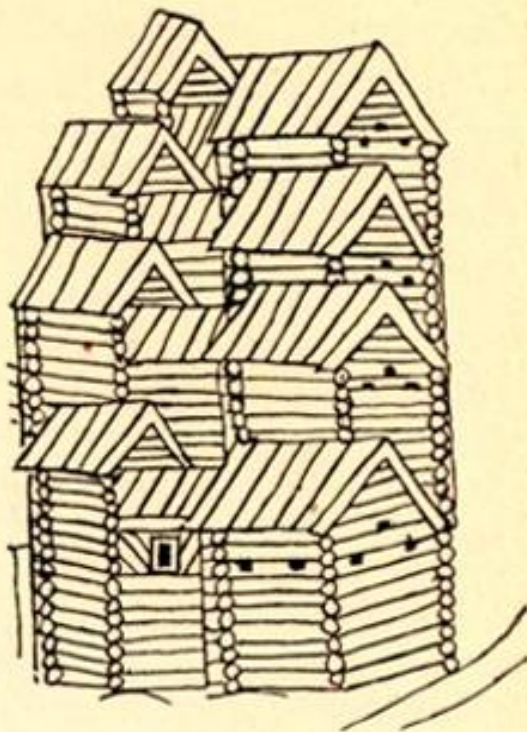

Рис. № 57.
Избы. По плану Тихвинскаго м.

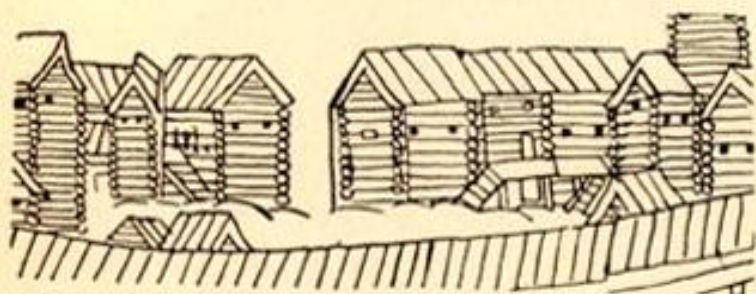

Рис. № 58.
Избы. По плану Тихвинскаго м.

Рис. № 59.
Избы. По плану Тихвинскаго м.

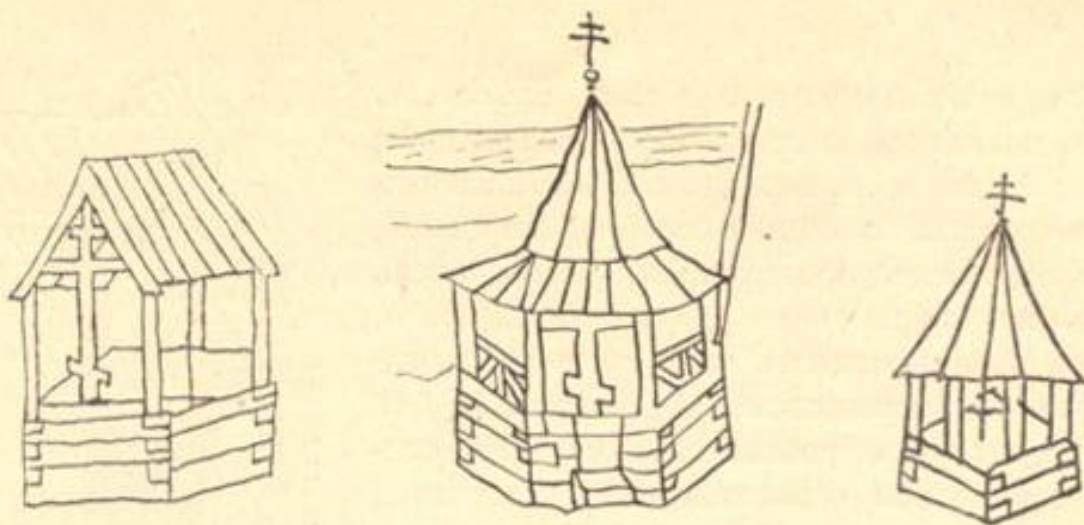

Рис. № 60.
Придорожная часовня. По плану Тихвинского м.

Рис. № 61.
Часовня въ С. Даниловѣ. Фот. О. Каликина.

именно у избы, стоящей въ оградѣ женскаго Тихвинскаго монастыря, оба сруба и сѣни имѣютъ одинаковую высоту. Изба эта, очевидно, двухъярусная, такъ какъ у нея виденъ взвозъ, ведущій къ воротамъ верхнихъ сѣней, а подъ площадкой взвоза видны ворота нижнихъ сѣней. Влѣво отъ этой избы изображена другая, у которой имѣется крыльцо, ведущее къ особому прирубѣ, перспектива котораго сильно искажена составителемъ плана. Крыльцо состоитъ изъ марша и верхняго рундука (самого крыльца), столбы котораго намѣчены очень неясно, нѣсколькими штрихами.

Гораздо детальнѣе изображено крыльцо у избы, стоящей внѣ ограды того же монастыря, за рѣкой (рис. № 59). Изба эта состоитъ изъ двухъ корпусовъ: лѣваго—низкаго (однояруснаго) и праваго—высокаго (двухъяруснаго); корпуса соединены другъ съ другомъ воротами, за которыми находится открытый дворъ. Крыльцо ведетъ во второй ярусъ праваго корпуса и состоитъ изъ лѣстницы и верхняго рундука, опирающагося на два столба и покрытаго односкатной крышей; вдоль лѣвой стѣны праваго корпуса видна еще одна односкатная крыша, принадлежащая галлерей, выходящей, вѣроятно, на рундукъ крыльца. Рисунокъ этотъ, подобно большинству остальныхъ изображеній зданій, находящихся на планѣ Тихвинскаго монастыря, приходится исправить и дополнить, но все же онъ даетъ полное представление объ общемъ характерѣ зданія.

Но, можетъ быть, составитель Тихвинскаго плана фантазировалъ, подобно иконописцамъ, изображавшимъ на иконахъ зданія, очень далекія отъ натуры, и рисовалъ на своемъ чертежѣ то, что ему хотѣлось изобразить, а не то, что существовало въ дѣйствительности? Этому противорѣчитъ характеръ изображеній плана, имѣющій явно портретное, если можно такъ выразиться, сходство, о которомъ можно судить, сопоставляя рисунки плана съ тѣмъ, что существуетъ и до сихъ поръ въ Тихвинскомъ монастырѣ, на примѣръ, съ соборомъ Большаго (мужскаго) монастыря, съ его колокольницей и съ соборомъ Малаго (женскаго) монастыря. Наконецъ, можетъ быть авторъ плана срисовалъ съ натуры только такія важныя, каменные зданія, какъ только что перечисленные, а менѣе важныя, т. е. деревянные рисовалъ по памяти? Къ сожалѣнію, ни одного изъ деревянныхъ зданій, изображенныхъ на планѣ, до настоящаго времени не уцѣлѣло и поэтому отвѣтить на поставленный вопросъ путемъ непосредственнаго сравненія невозможно. Но мы имѣемъ полное право сравнивать рисунки рассматриваемаго плана съ аналогичными зданіями, сохранившимися въ другихъ мѣстахъ, и это сравненіе вполне убѣдитъ насъ въ томъ, что чертежникъ Тихвинскаго плана педантично копировалъ натуру. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только сопоставить изображенные имъ придорожныя часовни надъ большими крестами (рис. № 60) съ фотографіями такихъ же часовенъ, построенныхъ въ XVIII вѣкѣ (рис. №№ 61 и 62), чтобы отдать справедливую дань удивленія тому любовному вниманію и добросовѣстности, съ которыми авторъ плана отнесся къ возложенной на него задачѣ.

Не менѣе пунктуальнымъ въ изображеніи натуры является и авторъ иконы Св. Александра Свирскаго ¹⁾. Дѣйствительно, нарисованныя имъ ды-

¹⁾ Икона эта находится въ Музеѣ Александра III въ Петроградѣ.

Рис. № 62.
Придорожная часовня. Фот. Ф. Каликина.

мовыя трубы на крышахъ жилыхъ зданій монастыря имѣютъ совершенно такой же характеръ, какъ и у тѣхъ „дымницъ“, которыя употребляются на сѣверѣ и по настоящее время и съ которыми мы познакомились выше (рис. № 63).

Сопоставляя всѣ приведенныя изображенія сельскихъ построекъ съ существующими теперь, или съ существовавшими въ недавнемъ прошломъ крестьянскими избами, убѣждаемся въ вѣрности нашего апріорнаго предположенія, что не только основныя приемы сельскаго строительства, но и большинство его деталей оставались до сихъ поръ такими же, какими онѣ были въ XVII вѣкѣ и ранѣе. Въ самомъ дѣлѣ, на разсмотрѣнныхъ рисункахъ иностранцевъ и нашихъ рисовальщиковъ („знаменщиковъ“, какъ ихъ называли въ старину) мы видѣли избы съ клѣтками, отдѣленными отъ нихъ сѣнями, съ висячими крыльцами или съ крыльцами на столбахъ, со взвозами и рубленными фронтонами. Видѣли, что въ отношеніи улицъ избы располагались такъ же, какъ и теперь, при чемъ сами избы дѣла-

лись то малыми, то пятистѣнными, то одноярусными, то, наконецъ, двухъярусными. То же самое мы наблюдали и въ отношеніи деталей; такъ, напримѣръ, теплыя части избъ изображены рубленными, а холодныя клѣтки—досчатыми; затѣмъ, среди малыхъ, очевидно, волоковыхъ оконъ, мы видѣли большія окна—красныя и, наконецъ, надъ крышами курныхъ избъ нашли совершенно такія же дымницы, какъ и на существующихъ сейчасъ избахъ сѣвера.

Такимъ образомъ, дополняя существующее сейчасъ изображеніями давняго прошлаго, мы имѣемъ возможность возсоздать почти полную картину тѣхъ въ сущности не мудренныхъ приемовъ строительства, которые вырабатывались издавна и продолжали удовлетворять крестьянъ до настоящаго времени, когда, наконецъ, мало-по-малу начинаютъ прививаться новыя приемы, стоящіе въ связи съ повышающимся уровнемъ культуры.

Рис. № 63.
Икона Александра Свирского.
Собрание Н. Лихачева.

Рис. № 64.
Внутренний видъ избы.
По А. Бобринскому.

Рис. № 65.
Внутренний видъ избы.
По А. Бобринскому.

Нѣсколько труднѣе представить себѣ внутренній видъ крестьянской избы прежняго времени потому, что даже въ избахъ сѣвера, гдѣ исконные обычаи держатся гораздо крѣпче, чѣмъ въ губерніяхъ центральныхъ, теперь уже всюду, гдѣ живутъ побогаче, имѣются самовары, лампы, бутылки и т. д., присутствіе которыхъ мгновенно разсѣиваетъ иллюзію старины (рис. № 64). Однако, наравнѣ съ этими издѣліями городского рынка можно найти еще предметы прежней обстановки и утвари: по мѣстамъ еще встрѣчаются стариннаго типа лавки (рис. № 65), столы, шкапы (рис. № 64) и полки для иконъ (Божницы), украшенные порѣзками и росписью. Если же дополнить это образцами крестьянской утвари, хранящимися по нашимъ музеямъ—разными ткацкими станками, прялками, вальками, свѣтцами, чашками, корцами, ковшами и т. п.¹⁾, то можно довольно близко подойти къ тому, что представлялъ собою въ старину внутренній видъ крестьянскихъ избъ, бывший, повидимому, далеко не такимъ убогимъ, какъ это обыкновенно думаютъ, составляя себѣ представленіе по нынѣшнимъ избамъ болѣе бѣдныхъ теперь центральныхъ губерній.

Попробуемъ теперь составить себѣ представленіе о типѣ древне-русского помѣщичьяго дома.

Само собою понятно, что быстро измѣнившіяся послѣ Петра Великаго условія жизни высшихъ слоевъ русскаго общества должны были снести съ лица земли образцы усадебныхъ построекъ, существовавшихъ до реформы. Если бытъ нашего крестьянства до сихъ поръ остается во многихъ отношеніяхъ такимъ же, какимъ онъ былъ въ XVI и XVII вѣкахъ, то бытъ дворянства, ставъ такимъ же, какъ и у нашихъ сосѣдей, почти во всемъ потерялъ свои національныя черты, что неминуемо должно было кореннымъ образомъ измѣнить и тѣ требованія, которыя предъявлялись къ жилому дому, хотя бы и къ загородному. Поэтому вполне понятно, что мы не имѣемъ теперь въ натурѣ ни одного образца деревяннаго усадебнаго зодчества до-петровской эпохи и не можемъ, основываясь на манерѣ строиться нынѣшнихъ помѣщиковъ, судить о томъ, какъ жило и обстраивалось въ деревнѣ боярство и дворянство до Петра Великаго. Остаются, такимъ образомъ, въ качествѣ источниковъ одни только памятники древней письменности, къ которымъ, какъ мы видѣли изъ предыдущаго, можно относиться съ большою долей довѣрія. Поэтому вернемся снова къ этимъ источникамъ и установимъ, пользуясь ими, прежде всего тотъ фактъ, что въ до-петровской Руси бытъ низшихъ слоевъ населенія по существу былъ такимъ же, какъ и бытъ высшихъ, отличаясь отъ него лишь масштабомъ и деталями; современной разницы міровоззрѣній не могло существовать, такъ какъ общими были и религіозныя вѣрованія и отношенія другъ къ другу членовъ семьи и, наконецъ, средства къ жизни, опредѣлявшіяся въ большинствѣ случаевъ или величиною земельной собственности, или размѣрами торговыхъ оборотовъ. Не существовало ни умственного труда, ни служебной дѣятельности въ томъ видѣ, въ какомъ мы понимаемъ ихъ

¹⁾ Образцы старой крестьянской утвари см. у графа А. А. Бобринскаго „Народныя русскія деревянныя издѣлія“.

теперь; по существу все население, не исключая даже людей ратныхъ и купцовъ, было по укладу жизни землевладѣльцами, сообразовавшими свою жизнь почти исключительно съ размѣрами своихъ владѣній. Какъ люди средней руки, такъ и богатые строили въ городѣ свои дворы такъ же, какъ и въ деревнѣ, а въ послѣдней бытъ людей средняго достатка былъ совершенно аналогиченъ быту крестьянъ, слѣдовательно и средняя дворянская усадьба отличалась отъ крестьянскаго двора только размѣрами, да богатствомъ убранства, равно какъ и богатая усадьба отъ средней отличалась тѣмъ же самымъ. При этомъ помѣщики, подобно крестьянамъ, строили свои дворы, строго придерживаясь обычаевъ предковъ, о чемъ явно свидѣлствуютъ такія выраженія какъ „изба, клѣтъ, сѣни, горница, теремъ, хоромы“ и т. д., которыя какъ въ X, такъ и въ XVII вѣкѣ отвѣчали однимъ и тѣмъ же строительнымъ понятіямъ, которыя, исчезнувъ изъ языка горожанъ, уцѣлѣли до сихъ поръ, въ большей части своего объема, въ языкѣ деревни.

Нѣкоторыя указанія на то, что представляли собою загородные дома богатыхъ помѣщиковъ, даютъ намъ былины. Такъ, напримѣръ, въ былинѣ о Чурилѣ Пленковичѣ старый Бермята, рассказывая князю Владиміру о чурилиномъ дворѣ, говоритъ:

Я, государь-свѣтъ, Владиміръ князь,
Знаю Чурилову поселицу ¹⁾,
Знаю, гдѣ Чурила и дворомъ стоитъ.
Какъ не здѣсь живетъ Чурила, не во Кіевѣ,
Какъ живетъ онъ да пониже Мала Кіевца.
Дворъ у Чурилы на семи верстахъ,
Около двора булатный тынъ.
Верхи на тычинкахъ точеные,
Каждая со маковкой-жемчужинкой;
Подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Надъ воротами иконъ до семидесяти;
Середъ двора терема стоятъ,
Терема все златоверховатые;
Первыя ворота—валящетыя ²⁾,
Среднія ворота—стекольчатая,
Третьи ворота—рѣшетчатая ³⁾.

Несмотря на то, что былина, конечно, сильно сгущаетъ краски, описывая этотъ дворъ, она все же позволяетъ составить себѣ о немъ болѣе или менѣе опредѣленное представленіе. Во-первыхъ, дворъ этотъ безспорно загородный: онъ стоитъ „пониже Мала Кіевца“; во-вторыхъ, онъ, очевидно, внушительныхъ размѣровъ, что въ былинахъ обычно опредѣляется семи-верстнымъ размѣромъ³⁾; дворъ этотъ обнесенъ тыномъ, крѣпость котораго такъ велика, что былина называетъ его булатнымъ—стальнымъ. Внутри двора ведутъ трое воротъ, имѣющихъ, какъ это видно изъ дальнѣйшихъ словъ былины,

¹⁾ Помѣстье.

²⁾ Рѣзня.

³⁾ Такой же величины дворы у боярина Ставра, у Соловья-Разбойника и у другихъ.

различное назначеніе: первая—вальящетыя предназначаются для самыхъ почетныхъ гостей, такъ какъ черезъ нихъ вступили во дворъ князь съ княгиней, вторая—стекольчатая для менѣ важныхъ лицъ—черезъ нихъ прошли бояре и, наконецъ, послѣднія—рѣшетчатая служатъ для входа „малыхъ людей“.

Надъ воротами повѣшены иконы; эта незначительная сама по себѣ деталь для насъ очень цѣнна, такъ какъ она указываетъ насколько описаніе двора близко къ истинѣ. Конечно, врядъ ли надъ тремя воротами можно помѣстить „до семидесяти“ иконъ, но это „семьдесятъ“, какъ и семиверстное протяженіе двора нужно понимать просто какъ указаніе на большое число иконъ, помѣщенныхъ надъ пролетами воротъ. Обычай же ставить иконы надъ воротами еще и до сихъ поръ не перевелся въ сѣверныхъ губерніяхъ, въ особенности у старообрядцевъ и раскольниковъ.

Посреди двора стоятъ златоверхіе терема, которые нѣсколькими стихами ниже называются высокими. Трудно предположить, чтобы здѣсь подъ выраженіемъ „терема“ подразумѣвалось нѣсколько отдѣльно стоящихъ зданій, служащихъ для жилья владѣльца и его семьи; скорѣе слово „терема“ замѣняетъ здѣсь слово „хоромы“, обозначающее одно богатое жилое зданіе, которое представляетъ совокупность отдѣльныхъ помѣщеній.

Въ былинѣ о Чурилѣ Пленковичѣ ничего не говорится о переднемъ высокому крыльцу, тогда какъ въ другихъ былинахъ оно фигурируетъ очень часто; зато въ ней упоминается о *заднемъ* „перѣномъ крылечкѣ“, на которомъ отецъ Чурилы предупреждаетъ его о дорогомъ гостѣ—князѣ Владимірѣ. При упоминаніи былиной объ этомъ „перѣномъ“, т. е. обнесенномъ перилами, крыльцу невольно вспоминаются тѣ крыльца, съ которыми мы познакомились выше. При этомъ крылечко это *заднее*: былина какъ бы подчеркиваетъ это расположеніе тѣмъ, что отецъ Чурилы выбралъ именно это крылечко для тайной бесѣды съ сыномъ, а не пошелъ для этой цѣли на *переднее* крыльцо, несомнѣнно существующее, но непосредственно примыкающее къ сѣнямъ—гриднѣ, гдѣ пируютъ гости, которые могли бы услышать разговоръ. О такомъ размѣщеніи переднихъ крылецъ мы узнаемъ изъ другихъ былинъ.

Что касается внутренняго убранства терема, то былина рисуетъ его сказочно роскошнымъ и мѣстами неправдоподобнымъ, но опять таки эта гипербола говоритъ лишь о богатствѣ убранства. Наконецъ, въ былинѣ говорится, что за подарками для князя и его дружины Чурило спускается „во глубокъ погребъ“, гдѣ хранятся наиболѣе драгоцѣнныя вещи и который какъ бы противопоставляется другимъ, не столь крѣпкимъ хранилищамъ, гдѣ находятся менѣ цѣнное имущество и запасы.

Приведенное описаніе загороднаго двора во многомъ совпадаетъ съ рисункомъ изъ альбома Мейерберга, изображающимъ боярскій дворъ XVII вѣка съ селѣ Никольскомъ (рис. № 66). Дѣйствительно, на этомъ рисункѣ мы видимъ внушительныхъ размѣровъ дворъ, огороженный высокимъ сплошнымъ заборомъ, состоящимъ изъ парныхъ столбовъ, между которыми забраны горизонтальные ряды досокъ. Въ лѣвомъ углу ограды стоятъ высокія ворота съ рѣшетчатыми полотнищами и двухскатной тесовой

крышей; ворота эти, вѣроятно, не единственные—другія, надо полагать, или находятся за зданіями, или просто пропущены художникомъ, такъ какъ рисунокъ его набросанъ очень эскизно. Вблизи воротъ находится длинное, покрытое односкатной крышей, зданіе съ тремя широкими входами—воротами, имѣющее, очевидно, служебное назначеніе; другія, такія же низкія и длинныя службы видны у противоположной стороны ограды.

Внутри двора, ближе къ лѣвому его краю, высятся хоромы, состоящія изъ трехъ главныхъ частей. Первая изъ нихъ представляетъ собою высокій, почти квадратный въ планѣ срубъ, покрытый крутой крышей, имѣющей форму палатки и украшенной по концамъ конька двумя остріями („тычками“). Средняя часть нѣсколько ниже первой и въ планѣ имѣетъ сильно вытянутую форму—изъ всѣхъ трехъ частей хоромъ она самая длинная, а ея двухскатная крыша самая пологая; почти подъ самымъ свѣсомъ послѣдней видно три небольшихъ квадратныхъ оконца.

Вдоль этой части хоромъ тянется вверхъ крыльцо, которое также состоитъ изъ трехъ частей: нижняго „рундука“ (нижней площадки), покрытаго пирамидальной крышей, опирающейся на четыре столба, затѣмъ лѣстницы („всхода“) съ перилами и односкатной крышей и, наконецъ, „верхняго рундука“, опорой которому служитъ особый высокій срубъ. Верхній рундукъ такъ же, какъ и нижній покрытъ самостоятельной крышей, но онъ не открытый—его столбы обшиты тесомъ, въ которомъ прорѣзаны два небольшихъ окна.

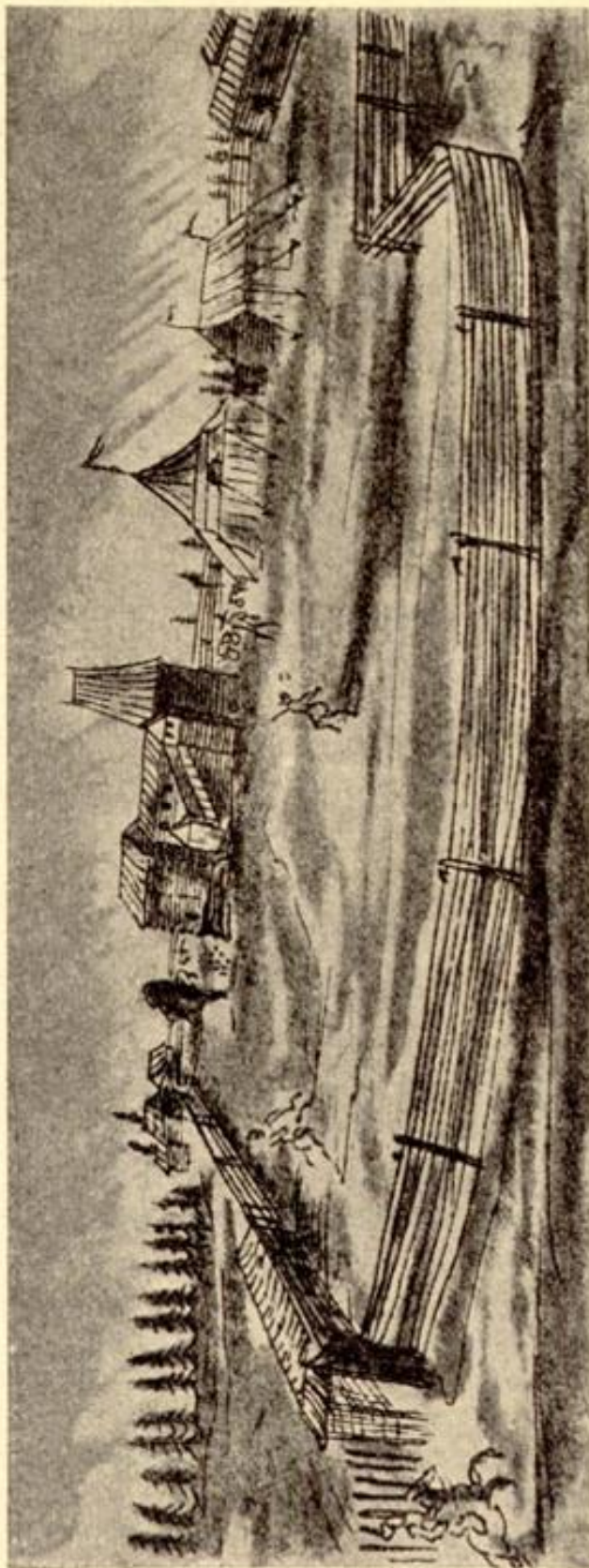

Рис. № 66. Боярскій дворъ. По Мейербергу.

Наконецъ, послѣдняя часть хоромъ представляетъ собою срубъ почти равный по высотѣ первому срубѣ; въ планѣ же эта часть хоромъ имѣетъ форму прямоугольника, менѣе длиннаго, нежели средняя часть хоромъ, но болѣе широкаго. Срубъ этотъ, очевидно, пятистѣнный, такъ какъ художникъ провелъ посерединѣ лицевой его стѣны вертикальную черту, изображающую торцы бревенъ внутренней (рубленной) стѣны. Изъ трехъ оконъ этой части хоромъ два расположены вверху, близко къ свѣсу двухскатной крыши, а одно внизу, однако, на значительной высотѣ отъ земли, что какъ бы указываетъ на существованіе здѣсь подклѣта, такъ что эта часть зданія является трехэтажной. Объ этомъ говоритъ и вся высота хоромъ, которая представляется весьма значительной по сравненію со стоящимъ рядомъ деревомъ, уже не молодымъ, на что явно указываетъ его форма.

О назначеніи каждой изъ этихъ трехъ частей хоромъ можно только догадываться, опираясь на уже имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о крестьянскомъ жильѣ и отчасти на внѣшнемъ видѣ самихъ хоромъ. А именно, крыльцо ведетъ прямо въ верхній этажъ хоромъ, въ которомъ, слѣдовательно, живетъ самъ владѣлецъ и его семья, какъ объ этомъ поется и въ былинахъ: „Въ терему сидитъ все, во златомъ верху“. На рисункѣ верхній рундукъ крыльца примыкаетъ, повидимому, къ правой части хоромъ, но это, вѣроятно, произошло отъ того, что художникъ далеко не въ совершенствѣ владѣлъ перспективой, въ чемъ можно убѣдиться, рассматривая другіе рисунки альбома Мейерберга. Если же это дѣйствительно ошибка, то тогда верхній рундукъ придется у конца средней части хоромъ, т. е. у сѣней, куда обычно ведутъ крыльца, какъ нынѣшнихъ крестьянскихъ избъ, такъ и тѣхъ хоромъ, которыя описываются въ былинахъ.

„По ступенцамъ ставится тихошенько,
По сѣнямъ идетъ да полегошенько,
Входитъ въ гридню княженецкую“...

Кромѣ того, эту часть хоромъ можно признать за сѣни потому, что она служитъ соединительнымъ звеномъ между двумя главными срубамъ, изъ которыхъ лѣвый отвѣчаетъ той части крестьянскаго жилья, которая называется передней избой, а правый отвѣчаетъ задней избѣ или клѣти. Повидимому, передняя часть рассматриваемыхъ хоромъ заключаетъ въ себѣ жилыя комнаты—„покоевыя хоромы“, т. е. спальни („ложни“, „ложницы“); объ этомъ можно судить основываясь на томъ, что срубъ этотъ пятистѣнный и, слѣдовательно, въ немъ можетъ помѣститься нѣсколько отдѣльныхъ спаленъ, правый же срубъ четырехстѣнный, поэтому въ верхнемъ его этажѣ можно предположить существованіе одного большаго помѣщенія, служащаго для пріема гостей, т. е. „гридни“.

Второй этажъ лѣваго сруба, очевидно, тоже жилой; на это указываетъ окно, о которомъ было сказано выше. Здѣсь, надо полагать, помѣщаются ближніе слуги, а можетъ быть и кухня („стряпущая изба“). Наконецъ, въ нижнемъ этажѣ, лишенномъ оконъ, въ „подклѣтѣ“, сгруппированы различныя кладовыя для храненія имущества и сѣстныхъ запасовъ.

Такимъ образомъ, разсмотрѣнный нами рисунокъ хоромъ изъ альбома Мейерберга и описаніе загородныхъ хоромъ въ былинахъ не только не противорѣчатъ, но мѣстами даже поясняютъ другъ друга и въ то же время подтверждаютъ сдѣланное выше предположеніе о близкомъ сходствѣ въ приемахъ постройки жилья у болѣе зажиточныхъ крестьянъ и помѣщиковъ.

Къ сожалѣнію, приведенный рисунокъ Мейерберга является, насколько намъ извѣстно, единственнымъ, на которомъ изображены хоромы помѣщичьей усадьбы средней руки; всѣ остальные памятники касаются или загородныхъ дворцовъ, или городскихъ домовъ, которые по существу, какъ увидимъ, мало чѣмъ отличались отъ домовъ загородныхъ, и къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь перейдемъ.

ГЛАВА II.

Болѣе подробныя свѣдѣнія, чѣмъ о крестьянскихъ избахъ и загородныхъ домахъ, мы имѣемъ о домахъ городскихъ.

Вотъ что говорятъ о нихъ иностранцы: *Герберштейнъ* (1517—1525). „Самый городъ Москва деревянный... большіе сады и дворы при каждомъ домѣ придаютъ ему обширность... Замокъ (Кремль) по величинѣ таковъ, что помимо обширнаго и великолѣпно выстроеннаго изъ камня княжескаго дворца, въ немъ имѣютъ большіе *деревянные* дома митрополитъ, братья князья, бояре и весьма многіе другіе... Дома въ немъ (въ городѣ) вообще деревянные, раздѣляющіеся на столовую, кухню и спальню, помѣстительные и постройкою не очень огромные, да и не слишкомъ низкіе. Громадной величины бревна привозятся изъ герцинскаго (?) лѣса, ихъ обтесываютъ по шнуру и подъ прямымъ угломъ, прилаживаютъ и сколачиваютъ (?) одно противъ другого; такимъ образомъ образуются наружныя стѣны, очень прочныя, безъ большой траты денегъ и времени. При каждомъ почти домѣ есть сады для овощей и для удовольствія“...

Матвій Мѣховскій (1521 г.). „Москва деревянная, а не каменная, имѣетъ много улицъ и гдѣ одна улица кончается, тамъ не тотчасъ же начинается другая, а лежитъ промежуткомъ поле (площадь). И между домами тоже тянутся изгороди, такъ что они идутъ непрерывными рядами одинъ за другимъ. У знати дома побольше, а у простыхъ людей—низкіе... Избы всѣ черныя (курныя)“...

Ричардъ Ченслеръ (1553—1556). „Москва выстроена безо всякаго порядка. Дома тамъ все деревянные, очень опасные на случай пожара“.

Барберини (1565 г.). „Городъ Москва очень великъ, но строенія по большей части деревянные... Дома ихъ какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ другихъ, точно также и по деревнямъ, малы, неудобны, не соотвѣтствуютъ условіямъ вѣжливости и приличія. Въ нихъ одна комната, гдѣ ѣдятъ, работаютъ и дѣлаютъ все; въ комнатѣ для тепла—печь, гдѣ обыкновенно спитъ вся семья, и однако у нихъ нѣтъ смысла, чтобы сдѣлать трубу, по которой бы выходилъ дымъ; они даютъ ему вылетать черезъ дверь и окна, такъ что быть тамъ не малая мука“...

Николай Варначъ (1593 г.). „Дома въ городѣ (Москвѣ) всѣ деревянные. У бояръ очень обширные дворы, на которыхъ они имѣютъ свои жилища“...

Степанъ Какашъ (1602 г.). „Дома же и постройки всѣ вообще, большею частью, деревянные и безобразны и стоятъ не въ рядъ, какъ у насъ; комнаты обыкновенно снабжены печами безъ трубъ и въ окнахъ нѣтъ стеколъ“...

Петръ Петрей (1608 г.). „Дома у нихъ (въ московскомъ государствѣ) строятся чрезвычайно высокіе изъ простой сосны, въ 3 или 4 комнаты, одна надъ другой. И тотъ, кто выстроилъ себѣ самыя высокія хоромы, съ крышкою надъ лѣстницею крыльца, тотъ и считается въ городѣ самымъ пышнымъ и богатымъ тузомъ. Такіе дома особенно стараются строить богатые дворяне и купцы, хотя внутри этихъ домовъ найдешь немного такого, чѣмъ бы можно было похвалиться. Кровли спускаютъ на обѣ стороны внизъ и кроютъ древесною корою, снятою съ березъ и сосенъ, также и другимъ плохимъ матеріаломъ, а доски приколачиваютъ желѣзными (?) гвоздями. У небогатыхъ и бѣдныхъ—курныя избы, такъ же, какъ и у мужиковъ по деревнямъ; когда топятъ эти избы, тамъ быть никому отъ дыма невозможно—всѣ должны оттуда уходить, пока не прогоритъ огонь; тогда опять входятъ въ избы, которыя теплы и жарки, точно баня. А знатные и богатые—тѣ кладутъ печи у себя въ домахъ изразцовыя; строятъ также на своихъ дворахъ каменные домики и склепы (кладовыя), гдѣ хоронятъ отъ пожара лучшее оружіе и проч... На дворѣ у нихъ строятъ также и другіе покои, гдѣ живутъ и спятъ они въ жаркую лѣтнюю пору. У нѣкоторыхъ такіе дворы, что могутъ помѣститься 3000—4000 человекъ“...

Адамъ Олеарій (1636 г.), подобно Петрею, также говоритъ кое что о конструкціи московскихъ домовъ: „Жилыя строенія въ городѣ, за исключеніемъ домовъ бояръ и нѣкоторыхъ богатѣйшихъ купцовъ и нѣмцевъ, имѣющихъ на дворахъ своихъ каменные дворцы, построены изъ дерева или изъ скрещенныхъ и насаженныхъ другъ на друга сосновыхъ и еловыхъ балокъ, какъ это можно видѣть на нѣкоторыхъ рисункахъ. Крыши крыты тесомъ, поверхъ котораго кладутъ бересту, а иногда—дернъ. Поэтому то часто происходятъ сильныя пожары... Тѣ, чьи дома погибли отъ пожара, легко могутъ обзавестись новыми домами: за Бѣлою стѣной на особомъ рынкѣ стоитъ много домовъ, частью сложенныхъ, частью разобранныхъ. Ихъ можно купить и задешево доставить на мѣсто и сложить... Въ этой части (города) находится лѣсной рынокъ и вышеназванный рынокъ домовъ, гдѣ можно купить домъ и получить его готово-отстроеннымъ (для установки) въ другой части города черезъ два дня: балки уже пригнаны другъ къ другу, и остается только сложить и законопатить щели мхомъ“.

Карлейль (1663 г.). „Г. Москва вмѣстѣ съ другими городами Москвы (Московского Государства) имѣетъ тотъ недостатокъ, что выстроены подобно имъ изъ дерева, за исключеніемъ главныхъ зданій“...

Эрколе Зани (1672 г.). „Хотя большая часть строеній тамъ (въ Москвѣ) изъ дерева, однако снаружи они довольно красивы и въ перемежку съ хоромами бояръ представляютъ чудесный видъ... При каждомъ жилищѣ или боярскихъ хорамахъ—дворы, службы, баня и садъ“...

Лизекъ (1675 г.). „Строенія (въ Москвѣ) и некрасивы и строятся изъ перекрещенныхъ сосновыхъ, либо еловыхъ бревенъ, кроются гонтомъ, берестою, дерномъ—матеріаломъ весьма горючимъ... Боярскіе хоромы и купеческіе дома строятся однакожъ изъ камня—великолѣпные и прочныя“...

Въ дополненіе къ описаніямъ иностранцевъ приводимъ выдержки изъ двухъ русскихъ памятниковъ письменности. Первую изъ нихъ заимствуемъ

изъ дарственной 1543 года: ... „дворъ свой въ городѣ на Белѣ озерѣ и с огородомъ в Ондрѣевской улицѣ, по своей душе в домѣ, в вѣкы вѣкомъ... А во дворѣ хоромъ: изба да сенникъ с подклѣтомъ, да клѣтъ плоская, да мыльна“...

Нижеслѣдующая же выдержка заимствована изъ купчихъ записей (псковскаго) купца Поганкина на покупку имъ одного владѣнія въ 1644 году: „Вдова Христина Ефремова продала есми Псковетину... сыну Поганкину... дворъ свой, со всѣмъ пазовымъ запасомъ. А на дворѣ хоромъ—горница съ подызбицою, да сѣни досчатые съ подсѣньемъ, да подвалыша о двухъ вылазахъ, да на крыльцѣ чуланъ, да на томъ же дворѣ погребъ каменноі съ выходомъ, да ворота досчатые съ дороги, да поднавѣсъ, да назади двора огородъ“...

Приведенныя выдержки интересны не только тѣмъ, что подтверждаютъ обширность нѣкоторыхъ дворовъ городскихъ жителей, на которую указываютъ иностранцы, но также и встрѣчающимися въ нихъ названіями отдѣльных частей зданія—„сѣнникъ, клѣтъ, подызбица, подклѣтъ“ и т. д., существующими въ деревняхъ и по настоящее время, что опять таки подтверждаетъ общность уклада жизни у горожанъ и жителей деревень.

На первый взглядъ всѣ эти и подобныя описанія иностранцами русскихъ городскихъ домовъ (преимущественно московскихъ) кажутся мѣстами

очень разнорѣчивыми, иногда даже противорѣчащими другъ другу; въ особенности это сильно замѣтно тамъ, гдѣ рѣчь заходитъ о красотѣ построекъ. Тѣмъ не менѣе въ общемъ картина получается довольно ясная; въ самомъ дѣлѣ, основываясь на приведенныхъ выпискахъ мы можемъ заключить, что городскія жилья бѣдняковъ представляли собою такія же жалкія курныя избы, въ какихъ ютилась бѣднота и по деревнямъ. (Барберини, Какашъ и Петрей). Дома средняго класса были очень разнообразны, отличаясь одинъ отъ другого по площади ихъ дворовъ, по высотѣ, числу этажей и, наконецъ, по красотѣ внѣшняго вида (Герберштейнъ, Петрей и Зани). Наконецъ, дворы богатыхъ купцовъ и знати представляли собою чуть ли не цѣлыя помѣстья, а сами хо-

Рис. № 67.
Кремлевскіе дома. По Олеарію.

Рис. № 68.
Городскіе дома. По Олеарію.

обывательскіе дома Москвы и другихъ городовъ. Дома эти въ общемъ очень похожи на деревенскія избы и отличаются отъ нихъ главнымъ образомъ лишь болѣею высотой; приемы же конструкціи совершенно аналогичны. Даже внутри московскаго Кремля (рис. № 67), всегда бывшаго лучшею частью города, картина не мѣняется: вокругъ большой каменной церкви въ безпорядкѣ ютятся высокіе срубы, съ углами рубленными въ обло, съ крутыми двухскатными крышами и маленькими оконцами, размѣщенными треугольникомъ подъ фронтомъ крыши. Нижнія части этихъ срубовъ или глухія, или въ нихъ видны двери; такимъ образомъ дома эти, очевидно, двухэтажные, какъ объ этомъ говоритъ Петрей, причемъ, подобно двухъяруснымъ избамъ, жилыя помѣщенія находятся, вѣроятно, во второмъ этажѣ, а въ нижнемъ, отвѣчающемъ деревенскому подклѣту, размѣщены служебныя помѣщенія. Повидимому, дома эти односрубные, или же къ нимъ примыкаютъ болѣе низкіе, на рисункѣ невидные, прирубы служебнаго назначенія, какіе изображены на другомъ рисункѣ того же автора (рис. № 68). На этомъ же рисункѣ виденъ домъ болѣе помѣстительный, состоящій изъ двухъ высокихъ, двухъярусныхъ срубовъ и соединяющаго ихъ въ одно цѣлое низкаго, однояруснаго сруба — сѣней,

ромы были настолько внушительны и красивы, что даже большинство изъ видѣвшихъ ихъ иностранцевъ отзываются о нихъ съ похвалою (Герберштейнъ, Варначъ, Петрей и Зани).

Приведеннымъ описаніемъ вполне отвѣчаютъ и рисунки въ книгѣ Адама Олеарія, изображающіе

Рис. № 69.
Городскіе дома. По Олеарію.

Рис. № 70.
Нижній Новгородъ. По Олзарію.

Рис. № 71.
Московскій Кремль. По Олзарію.

очевидно теплыхъ, такъ какъ надъ ними высится такая же труба, какъ и надъ каждымъ изъ двухъярусныхъ срубовъ. Какъ и въ предыдущемъ случаѣ, окна срубовъ высоко подняты надъ землей, что заставляетъ предположить существованіе въ нихъ подклѣта, являющагося такимъ образомъ третьимъ этажемъ въ боковыхъ частяхъ и вторымъ въ сѣняхъ.

Аналогичнаго типа дома видны на рисункѣ № 69 и на изображеніи Нижняго Новгорода (рис. № 70), при чемъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримеръ, находящійся слѣва отъ козелъ съ колоколами, имѣетъ свой открытый дворъ, въ который ведутъ ворота, а нѣкоторые (смотри правую часть рисунка) состоятъ изъ нѣсколькихъ, прилѣпленныхъ другъ къ другу срубовъ.

Въ противоположность многоэтажнымъ или многосрубнымъ домамъ встрѣчались, даже подъ самыми стѣнами московскаго Кремля (рис. № 71), крошечныя односрубныя и одноэтажныя зданія, явно служившія жильемъ, такъ какъ надъ ихъ крышами видны трубы.

Близкое сходство этихъ домовъ съ нѣкоторыми изъ домовъ, изображенныхъ на планѣ Тихвинскаго монастыря, бросается въ глаза, подтверждая высказанное выше предположеніе о томъ, что укладъ жизни городскихъ обывателей не могъ сильно разниться отъ уклада сельской жизни.

Останавливаясь на конструкціи разсмотрѣнныхъ типовъ домовъ не будемъ, такъ какъ она, судя по изображеніямъ ихъ, могла лишь въ мелкихъ деталяхъ отличаться отъ конструкціи деревенскихъ избъ; равнымъ образомъ мало чѣмъ могла отличаться и внутренняя отдѣлка жилыхъ помѣщеній, разнившихся отъ деревенскаго жилья только болѣею, да и то, вѣроятно, въ очень незначительной мѣрѣ комфортабельностью мебелировки. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто деревенской курной избы, или клѣти, здѣсь была изба бѣлая, раздѣлявшаяся перегородками на нѣсколько комнатъ. Если такая изба стояла на подклѣтѣ, то ее называли „горницею“, т. е. верхнею въ отношеніи къ подклѣту. Горница освѣщалась красными окнами (съ рамами и слюдяными или „паюсными“¹⁾ переплетами—„окончинами“, размѣщавшимися по лицу зданія и волоковыми, устраивавшимися въ боковыхъ и задней стѣнахъ; отапливалась горница изразцовой, круглой или прямоугольной печью, тогда какъ въ подклѣтѣ ставилась обыкновенная (русская) печь. При существованіи горницы подклѣтъ игралъ служебную роль, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, въ немъ находились стряпушая, людскія комнаты и кладовыя („казенки“), въ которыхъ хранилась казна, т. е. имущество; жилыя комнаты подклѣта освѣщались волоковыми окнами, а казенки были глухія—безъ свѣта и даже иногда безъ дверей, такъ какъ ходъ въ нихъ всегда бывалъ сверху изъ горницы.

У болѣе богатаго хозяина двѣ или нѣсколько горницъ ставились рядомъ, называясь, въ такомъ случаѣ, „двойнею“, „тройнею“ и „четвернею“, но каждый верхній срубъ продолжалъ называться горницей или комнатою²⁾.

¹⁾ Паюсныя или „пансныя“ окончины: переплеты затянутыя рыбьимъ пузыремъ („паюсомъ“).

²⁾ Нѣкоторое представленіе о внутреннемъ расположеніи подобныхъ рядовыхъ домовъ мы можемъ себѣ составить по дому Шукиной, развалины котораго существовали еще въ 1874 году въ городѣ Калугѣ и были зарисованы графомъ де-Рошфоръ. По наведеннымъ графомъ справкамъ, домъ этотъ былъ построенъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Какъ видно

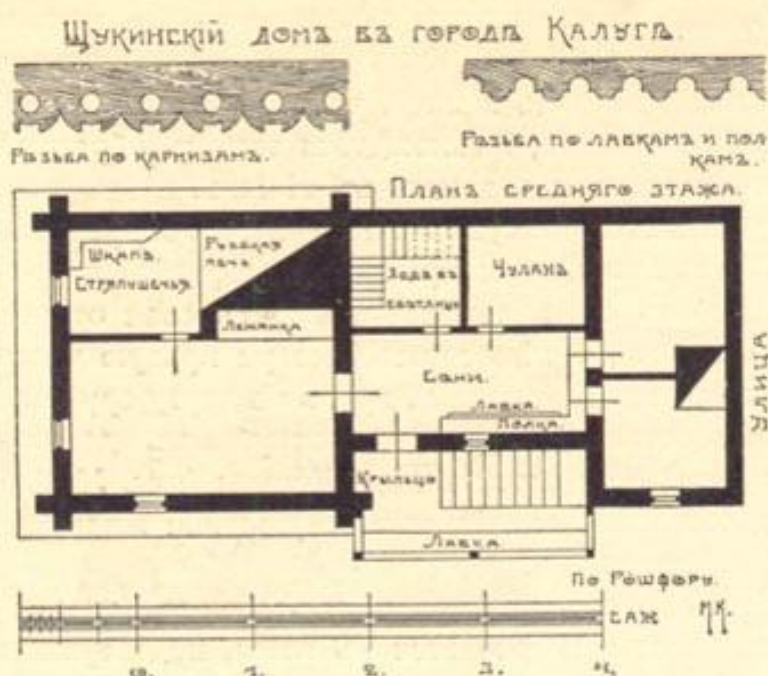

Рис. № 72.

Таковы были рядовые городскіе дома, въ которыхъ жили небогатые и средніе классы населенія; совокупность этихъ домовъ создавала улицы довольно унылаго вида, такъ какъ внѣшность ихъ архитектуры, какъ видно изъ рисунковъ Олеарія, была весьма бѣдна; вѣрнѣе, нижніе и средніе классы городского населенія въ большинствѣ случаевъ очень мало обращали на нее вниманія, довольствуясь, быть можетъ, лишь кое какимъ внутреннимъ убранствомъ, которое удовлетворяло ихъ эстетическое чувство и которое,

кромѣ того, можно было надѣяться спасти во время пожаровъ, свирѣпствовавшихъ такъ часто.

Конечно, среди такихъ, лишенныхъ всякаго изящества обывательскихъ домовъ встрѣчались болѣе или менѣе красивые дома, какъ объ этомъ говорятъ нѣкоторые иностранные писатели, но болѣе всего неприглядный видъ улицъ скрашивался площадями, на которыхъ стояли церкви, и многочисленными садами, о которыхъ упоминаютъ какъ иноземные памятники письменности, такъ и мѣстные.

Наконецъ, особенно интересными и, въ большинствѣ случаевъ, живописными пунктами являлись дворы богатыхъ купцовъ и бояръ, а также нѣкоторые дворы принадлежавшіе казнѣ, на которыхъ на ряду съ каменными зданіями встрѣчались даже въ XVI и XVII вѣкахъ большія деревянныя зданія. А въ предшествующее время и среди казенныхъ зданій каменные были рѣдкостью; слѣдовательно, на такихъ дворахъ деревянныя зданія должны были быть въ то

Реставрація Шукинскаго дома въ Калугѣ.

Рис. № 73.

изъ рисунковъ №№ 72 и 73, только часть подклѣта дома была каменная, а все остальное было сдѣлано изъ дерева, при чемъ бревна вѣнцовъ отличались значительной толщиной (до 9 вершковъ). Типовое сходство плана съ планомъ обычной великорусской избы бросается въ глаза (сравни съ рисункомъ № 18) и свидѣтельствуя о живучести приѣмовъ нашего деревяннаго строительства, допускаетъ предположеніе, что средней руки дома строились въ началѣ XVIII вѣка въ захолустной Калугѣ такъ же, какъ и значительно раньше, отвѣчая вѣковому строю жизни, еще не успѣвшему нарушиться подъ напоромъ западныхъ вѣяній.

время тоже исключительными какъ по ихъ величинѣ, такъ, вѣроятно, и по красотѣ.

Къ сожалѣнію, изображеній такихъ зданій до насъ дошло мало. Наиболѣе интереснымъ изъ нихъ представляется рисунокъ Мейерберга, изображающій внутренній видъ посольскаго дома въ Китай-городѣ (Москва) рис. 74. Безъ сомнѣнія, доминирующимъ зданіемъ всего посольскаго двора былъ центральный каменный корпусъ, въ которомъ размѣщались члены посольства; однако, и одно изъ деревянныхъ сооружений двора было не безынтересно. На рисункѣ Мейерберга оно изображено на первомъ планѣ въ правомъ углу. Зданіе это состояло, повидимому, изъ трехъ срубовъ, при чемъ средній былъ нѣсколько выше боковыхъ, вслѣдствіе чего каждый изъ нихъ былъ покрытъ самостоятельной двухскатной крышей. Срубы эти были значительной высоты и вмѣщали въ себѣ нѣсколько этажей, о чемъ можно судить по нѣсколькимъ ярусамъ оконъ различной величины и формы. По фасаду средняго и дальняго отъ зрителя срубовъ было помѣщено оригинально скомпонованное крыльцо на рѣзныхъ стойкахъ. Верхній рундукъ (площадка) лѣстницы былъ закрытый, т. е. зашитый досками, съ интересной формы окнами, рѣзными подоконками и дверью на маршѣ. Надъ нижней площадкой находился такого же вида полувисячій балконъ, покрытый односкатной крышей, сливавшейся въ одно цѣлое съ крышей верхняго рундука. Все это, вмѣстѣ взятое, даже на рисунокѣ Мейерберга,

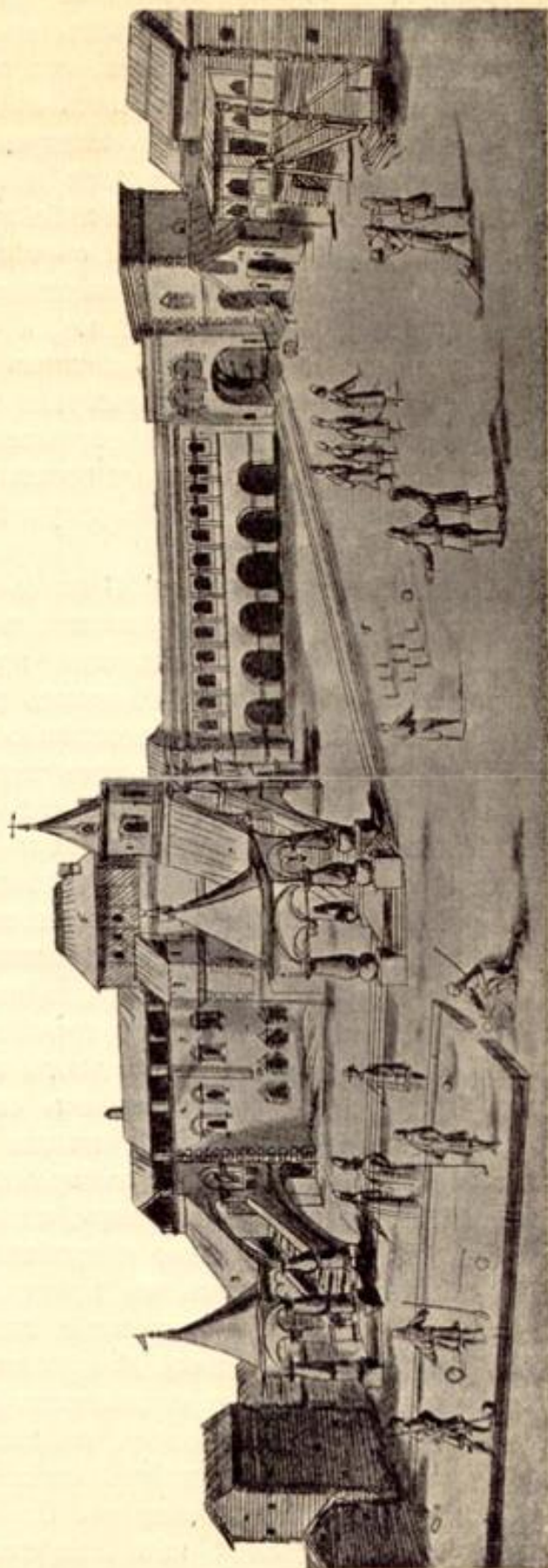

Рис. № 74. Посольскій домъ. По Мейербергу.

сильно грѣшащемъ въ отношеніи перспективы и детальности, даетъ очень красивую группу. Надъ крышами этого корпуса не видно трубъ, но онъ, очевидно, не могъ быть курнымъ, такъ какъ въ немъ жили пристава и царскій живописецъ, т. е. люди сравнительно высокаго общественнаго положенія, про которыхъ Петрей говоритъ, что у нихъ въ домахъ имѣются изразцовыя печи.

Два другихъ деревянныхъ корпуса этого двора, служившіе помѣщеніями для толмача и для секретаря и изображенные въ лѣвомъ углу рисунка, были совсѣмъ лишены какой либо художественной отдѣлки; по своему типу они совершенно аналогичны съ тѣми домами, которые мы видѣли на рисункѣ Адама Олеарія, изображающемъ кремлевскую церковь; поэтому останавливаться на нихъ не будемъ, а скажемъ нѣсколько словъ о верхѣ (теремѣ) главнаго корпуса, сдѣланномъ также изъ дерева. Основу этого терема составляли стойки, промежутки между которыми были забраны въ косякъ; островерхія окна были обрамлены наличниками, а четырехскатная кровля была украшена по коньку богатымъ рѣзнымъ гребнемъ. Нѣкоторыя детали, вѣроятно, пропущены на рисункѣ, а съ ними теремъ долженъ былъ казаться очень наряднымъ.

Для насъ этотъ деревянный верхъ надъ каменнымъ зданіемъ важенъ въ томъ отношеніи, что онъ указываетъ на то, что даже вторая половина XVII вѣка была не далека отъ того времени, когда такой важности зданія, какъ посольскія хоромы, цѣликомъ рубились изъ дерева.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію дворовъ хоромныхъ, принадлежавшихъ богатому купечеству и людямъ знатымъ.

Если даже люди средняго достатка ставили иногда свои жилища на обширныхъ дворахъ, то, конечно, люди богатые могли и подавно это дѣлать, окружая свои хоромы всевозможными служебными зданіями, огородами и садами. Самыя хоромы ставились обыкновенно въ центрѣ двора, который, какъ говорятъ путешественники (Петрей), былъ иногда такъ великъ, что на немъ смѣло можно было поставить не одну тысячу человѣкъ. Въ силу привычки сохранять въ городской жизни всѣ порядки жизни деревенской, т. е. имѣть у себя на дворѣ все свое, каждый богатый хозяинъ долженъ былъ кромѣ хоромъ строить еще цѣлый рядъ зданій самаго разнообразнаго назначенія, начиная иногда съ часовни или церкви и кончая разными сараями, погребями и амбарами, въ которыхъ хранились всевозможные запасы пищи, питья, утвари, одежды и инструментовъ, т. е. всего, что необходимо въ совершенно обособленномъ хозяйствѣ.

Въ подклѣткахъ хоромъ, въ пристройкахъ къ нимъ и въ отдѣльных избахъ размѣщались многочисленные дворовые („дворяне“), руками которыхъ исполнялось все нужное для хозяина и его семьи; тутъ были и простые слуги и всевозможные спеціалисты ремесленники: кузнецы, плотники, маляры, ткачи и т. д. Наконецъ, въ дальнихъ углахъ двора стояли помѣщенія для скота: конюшни, хлѣва, коровники, птичники и голубятни съ не менѣе многочисленнымъ населеніемъ. Все это обносилось крѣпкимъ тыномъ или заборомъ („заметомъ“ или „заплотомъ“), изолировавшимъ дворъ отъ внѣшней жизни, которой по возможности сторонились, желая жить какъ на необитаемомъ островѣ, гдѣ нельзя рассчитывать на услуги сосѣдей.

Служебныя зданія хоромнаго двора отличались отъ деревенскихъ строе- ній такого же назначенія лишь бѣльшими размѣрами и бѣльшею солидно- стью въ смыслѣ качества матеріала и работы, зато сами хоромы во всей совокупности своихъ отдѣльныхъ частей, т. е. общимъ своимъ планомъ и внѣшнимъ видомъ, во многомъ разнились не только отъ деревенскихъ избъ, но и отъ рядовыхъ городскихъ домовъ.

Тѣмъ не менѣе основными элементами даже самыхъ богатыхъ хоромъ, какими являлись царскіе дворцы, все же оставались тѣ же самыя *клѣть* и *спѣни*, что вполне понятно, такъ какъ изъ ихъ предѣловъ не выходила и про- сторная жизнь богатаго человѣка. „Его жилое размѣщеніе, говоритъ про- фессоръ Забѣлинъ¹⁾, отличалось отъ простого сельскаго или обыкновеннаго городского только тѣмъ, что для каждой статьи его бытового обихода отдѣлялся не уголь въ избѣ, а ставилась особая клѣть или особая связь клѣтей, смотря по широтѣ потребностей. Строилась клѣть особо для спальни— одрина, особо для столовой и гостинной—грядня, особо для жены, для дѣ- тей, какъ малыхъ, такъ и взрослыхъ, особо для каждаго разряда служащихъ людей и для каждаго порядка людской службы и т. д... Притомъ каждая клѣть ставилась въ томъ именно размѣрѣ, какой требовался для той или другой статьи обихода. Къ стѣнѣ большой клѣти приставлялась малая, а возлѣ нея другая еще меньшая, одна высокая, другая ниже и т. д. И у са- маго знатнаго и богатаго человѣка основною задачею его хозяйскаго оби- хода было то, чтобы ставить клѣти, какія надобны и на такихъ мѣстахъ, гдѣ для хозяйства удобнѣе. Въ этомъ отношеніи и великокняжескій и цар- скій дворъ со всѣми его хоромами и палатами ничѣмъ не отличался отъ простого крестьянскаго двора. Какъ тотъ, такъ и другой устраивались не по тому плану, который заранее придумывается и чертится теперь на бу- магѣ и по сооруженіи зданія очень рѣдко вполне отвѣчаетъ всѣмъ настоя- щимъ потребностямъ хозяина: тогда строились больше всего по плану самой жизни и по вольному начертанію самого обихода строителей, хотя всякое отдѣльное строеніе всегда исполнялось по чертежу²⁾. Въ какомъ направленіи распространялась жизнь, въ такомъ направленіи размножались и постройки, выраставшія одна подлѣ другой, именно только по направленію развивав- шихся настоящихъ потребностей, но отнюдь не по намѣренію заранее и однажды навсегда геометрически опредѣлить и, стало быть, безъ нужды стѣснить или безъ нужды расширить объемъ и просторъ своей жизни³⁾.

¹⁾ Ив. Е. Забѣлинъ. Русское искусство. Черты самобытности въ древне-русскомъ зодче- ствѣ. Москва 1900 г.

²⁾ Миѣніе И. Е. Забѣлина о томъ, что всякое отдѣльное строеніе исполнялось всегда по чертежу, кажется намъ нѣсколько смѣлымъ, т. к. мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ этого. Возможно, что каменные палаты строились, по примѣру иноземныхъ мастеровъ, по чертежамъ; но весьма сомнительно, чтобы наши плотники руководствовались въ своей работѣ какими либо проектами, заранее изображенными на бумагѣ (примѣчаніе автора).

³⁾ Конечно, каждый хозяинъ, заранее зная вполне опредѣленно, что именно онъ хотѣлъ имѣть, это и строилъ; но самый способъ постройки заключался въ томъ, что лѣпили одинъ срубъ (клѣть) къ другому или соединяли ихъ другъ съ другомъ при помощи стѣней, а не компановали планъ сообразно какимъ либо архитектурнымъ правиламъ. Такой способъ постройки дѣйствительно позволялъ расширять существующее зданіе въ любой моментъ, въ зависимости

Само собою разумѣется, что въ просторномъ обиходѣ всѣ клѣти строились въ два яруса, при чемъ нижній ярусъ составлялъ уже подклѣтье, т. е. часть строенія подчиненную, служившую только основаніемъ для главныхъ клѣтей, вообще какъ бы только служебною принадлежностью главной постройки. Такимъ образомъ, хоромами или клѣтями въ собственномъ смыслѣ именовался только горній ярусъ, заключавшій въ себѣ горницы и прозываемый иначе „верхомъ“.

Какъ во дворѣ крестьянина, такъ и въ обширномъ дворѣ великаго князя, клѣти, какъ мы говорили, ставились по деревенской идеѣ, особнякомъ другъ отъ друга, смотря по надобностямъ жилого простора и по удобству мѣста. Всѣ такія отдѣльныя и независимыя другъ отъ друга хоромины соединялись между собою сѣнями.

Это было крытое пространство (сѣнь—покрытіе вообще) между стѣнами отдѣльныхъ клѣтей, поэтому устройство сѣней зависѣло отъ количества и отъ извѣстнаго размѣщенія отдѣльныхъ хоромины.

Въ обширномъ хоромномъ строеніи всегда бывало по нѣскольку сѣней, такъ что клѣти и сѣни шли въ перемежку и, кромѣ того, неизмѣнно существовали переднія и заднія сѣни, которыя во всемъ составѣ хоромъ отдѣляли покоевыя помѣщенія отъ пріемныхъ или гостинныхъ. Такія сѣни бывали очень обширны, почему и самыя хоромы нерѣдко именовались, собирательно, тоже сѣнями¹⁾. Вообще, если клѣть была основою хоромныхъ построекъ, то и сѣни, какъ общая связь хоромъ, представляли тоже самую необходимую и типическую черту древняго жилого размѣщенія. Въ сущности это былъ крытый и притомъ чистый, свѣтлый дворъ между клѣтей; поэтому, естественно, что сѣни, въ качествѣ нашихъ залъ, служили и для пріема гостей, и для прогулокъ, и для всякихъ домашнихъ игръ. Въ этомъ смыслѣ онѣ воспѣвались даже въ городскихъ пѣсняхъ²⁾.

Въ подклѣтномъ ярусѣ сѣни не имѣли того значенія и занимали не столь обширное пространство, по той причинѣ, что для прочности зданія весь этотъ ярусъ долженъ былъ строиться изъ однихъ крѣпкихъ клѣтей или срубовъ, почти одинаковаго квадрата, на которыхъ и располагались верхнія сѣни. Въ немъ и самыя сѣни назывались только подсѣньемъ, или подсѣнничьемъ.

Само собою разумѣется, что, состоя изъ отдѣльныхъ и разнородныхъ клѣтей, по большей части неравныхъ даже и по своему объему, древнее хоромное зданіе, конечно, не могло имѣть правильнаго плана. Линіями размѣщенія построекъ своенравно управляла сама жизнь, а не чертежъ какого либо художническаго устава“.

отъ измѣнившихся условій жизни владѣльца, отчего въ результатѣ и послѣ существованія хоромъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ихъ планъ казался проектированнымъ случайно, безъ заранее обдуманной идеи (примѣчаніе автора).

¹⁾ Существовало выраженіе: „У царя на сѣняхъ“ или „У царя на верху“ (примѣчаніе автора).

²⁾ Ахъ вы, сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои!

Сѣни новыя, кленовыя, рѣшетчатыя!

Ужъ и знать, что мнѣ по сѣничкамъ не хаживати,

Мнѣ мила дружка за рученьку не важивати.

Приведенная выдержка изъ разсказа маститаго знатока старо-русской жизни даетъ ясное представленіе о томъ, что представлялъ собою въ общихъ чертахъ домъ русскаго боярина, или именитаго купца и какіе принципы ложились въ основу его сооруженія. Разсмотримъ теперь тѣ помѣщенія, въ которыхъ протекала жизнь нашихъ предковъ—какія комнаты были необходимы въ быту богатаго человѣка.

Всѣ помѣщенія большого хоромнаго зданія дѣлились на три главныя категоріи: хоромы *постельныя* или *покоевыя*, *непокоевыя* хоромы и, наконецъ, *служебныя* помѣщенія. Кромѣ того, помѣщенія первыхъ двухъ категорій распадались на хоромы самого владѣльца и на хоромы, составлявшія женскую половину. Въ постельныхъ хоромахъ протекала интимная жизнь владѣльца и его семьи, при чемъ въ самыхъ богатыхъ, даже царскихъ, хоромахъ лично главѣ семьи принадлежало всего три—четыре комнаты, изъ которыхъ самая дальняя была спальней („опочивальной, одриной, ложницей“), и находилась рядомъ съ моленной („крестовой“), затѣмъ шелъ кабинетъ, носившій названіе „комнаты“, и, наконецъ, пріемная для родственниковъ и близкихъ друзей, которая называлась „передней“. Такія же помѣщенія, за исключеніемъ развѣ „передней“, были и на женской половинѣ для хозяйки и въ тѣсной связи съ ними находились спальни маленькихъ дѣтей и взрослыхъ дочерей; помѣщенія же взрослыхъ сыновей, въ особенности же женатыхъ выдѣлялись въ особыя клѣтки, соединявшіяся съ другими хоромами при помощи сѣней или переходовъ. Къ числу покоевыхъ помѣщеній надо также отнести „сѣнники“, т. е. комнаты неотапливаемыя, полутемныя (исключительно съ волоковыми окнами) и съ холодными потолками, которыя предназначались какъ лѣтнія спальни. Сѣнникъ игралъ видную роль во время свадебъ, такъ какъ въ немъ стлали постель новобрачныхъ, надъ которыми по обычаю не должно было быть земли, служившей для устройства потолочной смазки въ покояхъ теплыхъ. Всѣ такія жилыя комнаты находились обыкновенно во второмъ ярусѣ хоромъ и потому, вообще, назывались „горницами“.

Среди непокоевыхъ помѣщеній хоромъ самое видное мѣсто занимала „повалуша“ ¹⁾, называвшаяся въ болѣе раннюю пору гридней. Это была большая, обычно неотапливаемая хоромина, предназначавшаяся для пировъ и празднествъ, а иногда также для пріема особо почетныхъ гостей. Повалуша всегда ставилась на подклѣтѣ, иногда двухъярусномъ, а такъ какъ надъ нею устраивалась еще клѣтѣ, съ возвышавшейся надъ ней вышкой, то вся эта часть зданія имѣла видъ башни, иногда круглой въ планѣ, господствовавшей надъ всѣми остальными частями хоромъ ²⁾.

Повалуша никогда не примыкала вплотную къ покоевымъ хоромамъ хозяина, такъ какъ между ними всегда находились сѣни, игравшія роль нашихъ залъ или пріемныхъ; сѣни поэтому дѣлались помѣстительными, свѣтлыми, по большей части съ холодными потолками (безъ смазки землей или глиной). Къ сѣнямъ вели крыльца съ ихъ лѣстницами и рундуками. Если между

¹⁾ „Павалыша“.

²⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что такія башни, по имени находившихся въ нихъ столовыхъ, также назывались повалушами. Въ болѣе раннюю пору повалуша называлась „вѣжею“.

сѣнями, игравшими роль зала или пріемной, и крыльцомъ устраивались вторыя сѣни, обычно меньшаго размѣра, то онѣ въ такомъ случаѣ назывались „передними сѣнями“ и играли роль нынѣшнихъ переднихъ ¹⁾).

Далѣе, къ числу непокоевыхъ хоромъ принадлежали свѣтлицы, т. е. просторныя горницы, освѣщавшіяся красными окнами, размѣщенными въ трехъ или даже во всѣхъ четырехъ стѣнахъ. Назначеніемъ свѣтлицъ было служить помѣщеніемъ для всевозможныхъ чистыхъ работъ и занятій, поэтому онѣ устраивались преимущественно на женской половинѣ хоромъ, гдѣ въ нихъ занимались различными рукодѣліями.

Кромѣ упомянутыхъ выше сѣней, имѣвшихъ опредѣленное назначеніе, существовали и другія сѣни, служившія соединительными звеньями между покоевыми комнатами и непокоевыми, а также для соединенія какъ тѣхъ, такъ и другихъ съ помѣщеніями служебными. На женской половинѣ такія сѣни дѣлались большаго размѣра, чѣмъ на мужской и служили мѣстомъ для дѣтскихъ и дѣвичьихъ игръ.

Всѣ эти помѣщенія устраивались обыкновенно во второмъ этажѣ, а надъ ними размѣщались терема и вышки, называвшіеся также чердаками, такъ какъ они находились подъ самой крышей хоромъ. Это были также нежилыя комнаты, безъ печей, но съ большими красными окнами, устроенными во всѣхъ четырехъ стѣнахъ, если теремъ имѣлъ свою крышу, или устраивался между стропилами четырехскатной крыши; если же теремъ устраивался между стропилами двухскатной крыши, то окна его дѣлались въ ея фронтонахъ. Говоря иначе, въ послѣднихъ двухъ случаяхъ терема находились въ тѣхъ подкровельныхъ пространствахъ, которыя мы теперь называемъ чердаками ²⁾. Терема и вышки имѣли такое же назначеніе, какъ и сѣни, надъ которыми они, по большей части, и устраивались. Обычно вышки по занимаемой ими площади были меньше нижележащихъ сѣней, что давало возможность устраивать вокругъ нихъ балконы—„гульбища“, какъ ихъ тогда называли. Въ очень затѣйливыхъ хоромахъ вышки устраивались иногда въ нѣсколько ярусовъ и увѣнчивались смотрильными—маленькими башенками, изъ которыхъ открывался широкій кругозоръ, т. е. по современной терминологіи—бельведерами.

Что же касается служебныхъ помѣщеній, а именно кухонъ, чулановъ, кладовыхъ, мыленокъ (бань) и жилья для прислуги, то они частью помѣщались въ подклѣтномъ этажѣ, частью же въ отдѣльныхъ срубахъ, соединенныхъ переходами или сѣнями, или же совершенно стоящихъ особнякомъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ сѣняхъ очень часто отдѣляли переборками маленькіе „чуланы“ и „каморки“, которыя служили кладовыми, а въ помѣщеніяхъ теплыхъ такіе же чуланы и каморки являлись спальнями тѣхъ прислугъ, которыхъ хозяева хотѣли имѣть всегда подъ руками.

¹⁾ Переднія сѣни именовались также иногда крыльцомъ, такъ какъ всегда находились въ непосредственной связи съ настоящимъ крыльцомъ.

²⁾ Очень вѣроятно, что именно такія помѣщенія именовались чердаками, хотя и не играли роли нашихъ современныхъ чердаковъ, а теремами и вышками назывались такія помѣщенія, которыя имѣли самостоятельныя стѣны и не занимали подкровельнаго пространства.

Наконецъ, въ различныхъ малозамѣтныхъ мѣстахъ хоромъ прирубались отхожія мѣста, называвшіяся „задцами“ и „придѣльцами“.

Таковы были типичныя богатыя хоромы въ отношеніи ихъ внутренняго распорядка, насколько объ этомъ можно судить по памятникамъ письменности и по тѣмъ, весьма немногимъ, чертежамъ, которые сохранились до нашего времени. Повторяемъ однако, что никакихъ шаблоновъ или нерушимыхъ традицій для размѣщенія отдѣльных помѣщеній хоромъ не существовало и каждый хозяинъ строился такъ, какъ находилъ для себя удобнѣе, примѣромъ чего можетъ служить древній планъ загородныхъ царскихъ хоромъ (рис. № 75).

Рис. № 75.

Какъ видно изъ названій отдѣльных помѣщеній, хоромы эти предназначались для отдѣльнаго житья самому хозяину и были очень помѣстительныя, такъ какъ имѣли подклѣтъ, о чемъ можно судить по повалушѣ, возвышавшейся надъ нижнимъ и среднимъ „жителями“¹⁾. Планъ этотъ особенно интересенъ тѣмъ, что онъ въ сущности представляетъ собою нѣчто среднее между планомъ и фасадомъ, какъ мы ихъ понимаемъ въ настоящее время. Наши же предки, очевидно, не считали нужнымъ имѣть отдѣльнаго чертежа для фасада зданія, а ухитрялись дать о немъ нѣкоторое представленіе, совмѣщая, такъ сказать, вертикальную проекцію зданія съ горизонтальной. Въ самомъ дѣлѣ, планъ собственно изображаетъ среднее жительство хоромъ, т. е. второй ихъ этажъ, но повалуша (не комната—а вся башня) начерчена какъ бы въ разрѣзѣ, съ показаніемъ даже ея островерхой крыши. Равнымъ образомъ, къ правому верхнему углу плана причерченъ чердакъ, который въ сущности находился выше, а именно надъ сѣнями и надъ третьей комнатой и былъ устроенъ въ ихъ четырехскатной крышѣ. Наконецъ, всѣ окна и двери показаны также въ ихъ вертикальной проекціи. Къ сожалѣнію, планъ не снабженъ масштабомъ, вслѣдствіе чего о величинѣ покоевъ

можно судить лишь приблизительно, основываясь на ширинѣ ступеней двухъ крылецъ; но за исключеніемъ этого древній чертежъ настолько ясенъ, что позволяетъ даже сдѣлать въ общихъ чертахъ реконструкцію этихъ хоромъ (рис. № 76)²⁾.

Рис. № 76.

Хоромы. Реконструкція А. Потапова.

Вполнѣ ясное представленіе о внутреннемъ распорядкѣ древнихъ хоромъ даютъ планы коломенскаго дворца, первоначальная постройка котораго относится ко времени Θεодора Іоанновича. Дворецъ этотъ не разъ ремонтировался

¹⁾ Т. е. этажами.

²⁾ Реконструкція исполнена А. А. Потаповымъ. „Очеркъ древней русской гражданской архитектуры“. Москва. 1902 г.

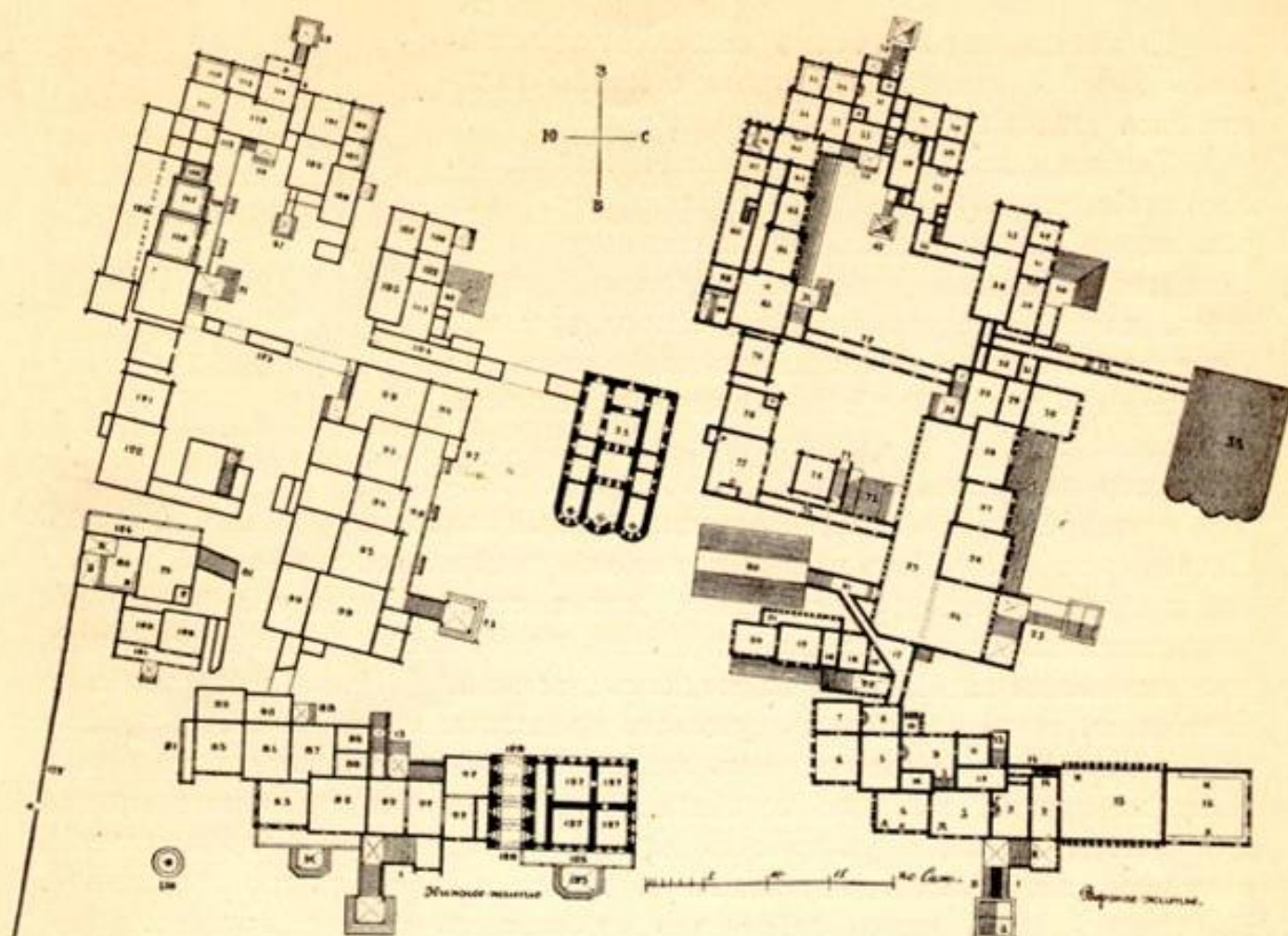

Рис. № 77.
Планы коломенскаго дворца. По И. Забѣлину.

и перестраивался; такъ, напримѣръ, въ 1640 году, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, на мѣстѣ стараго былъ построенъ новый, который въ свою очередь подвергся серьезнымъ измѣненіямъ въ 1649—1650 годахъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Тишайшій царь очень любилъ село Коломенское и подолгу въ немъ живалъ; поэтому, неудовлетворившись перестройкой 1649—50 годовъ, онъ приказалъ въ 1667 году снести старыя хоромы и срубить новыя, что и было приведено въ исполненіе плотничнымъ старостой Семеномъ Петровымъ и плотникомъ Иваномъ Михайловымъ Стрѣльцомъ, закончившими всѣ работы въ 1671 году. Наконецъ, послѣдняя серьезная передѣлка дворца была произведена при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, который приказалъ: „Отцовскую повалушу разобрать и на томъ мѣстѣ поставить столовую“. Въ 1767 году дворецъ былъ разобранъ, но, къ счастью, предварительно были сдѣланы подробные его чертежи и модель.

Останавливаться для подробнаго описанія помѣщеній этого обширнаго и великолѣпнаго дворца мы не станемъ, такъ какъ прилагаемые чертежи его плановъ (рис. № 77) сами собою даютъ яркую иллюстрацію всего сказаннаго о хоромѣхъ вообще, типичнымъ представителемъ которыхъ онъ являлся, но лишь въ значительно большемъ масштабѣ по сравненію съ хоромами купеческими или даже боярскими; тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что коло-

менскія хоромы были жилищемъ самого великаго государя, мы видимъ въ нихъ все тѣ же, и такъ же расположенныя помѣщенія, какъ и въ хоромахъ боярскихъ, съ присоединеніемъ лишь такихъ, безъ которыхъ царскій дворецъ обойтись не могъ, какъ, напримѣръ, „отхожая комната“ въ хоромахъ царицы, въ которой собирались боярыни передъ выходомъ царицы ¹⁾).

¹⁾ Нумерація рисунка 77-го.

Верхнее житье.

Хоромы государевы: 1. Крыльцо переднее: а. передній рундукъ, б. лѣстница или всходъ, в. верхній рундукъ.—2. Переднія сѣни: г. всхожій рундукъ въ переднюю.—3. Передняя: д. рундукъ „царскаго мѣста“.—4. Комната: д. рундукъ „царскаго мѣста“; е. среднее красное окно.—5. Комната третья.—6. Комната четвертая.—7. Комната пятая.—8. Сѣни проходныя.—9. Сѣни: ж. нужной чуланъ, з. лѣстница къ теремамъ.—10. Сѣнцы.—11. Боярская или отхожая избушка.—12. Сѣни.—13. Заднее крыльцо.—14. Сѣни и переходы къ столовымъ сѣнямъ; лѣстница внизъ, гдѣ всходили съ кушаньемъ; гульбище или парпетъ, съ котораго лѣстница вверхъ вела въ государевы чердаки или терема.—15. Столовая сѣни: и. особое отдѣленіе столовыхъ сѣней, гдѣ входили съ кушаньемъ.—16. Столовая, прежняя повалуша; к. лавки.

Хоромы царевича: 17. Сѣни или переходы къ хоромамъ царевича и царицы.—18. Сѣни царевичевыхъ хоромъ.—19. Передняя.—20. Комната.—21. Чуланъ свѣтлый, устроенный вѣроятно для дѣтскихъ игръ.—22. Всходъ въ чердаки или терема.

Хоромы царицы: 23. Крыльцо.—24. Сѣни переднія.—25. Сѣни заднія, обширныя, устроенныя несомнѣнно для дѣвичьихъ игръ.—26. Передняя.—27. Комната.—28. Комната третья.—29. Сѣни передъ отхожею комнатою боярынь.—30. Отхожая комната, гдѣ собирались боярыни.—31. Сѣнцы.—32. Всходъ вверхъ въ царицыну свѣтлицу и въ терема.—33. Сѣни или переходы.—34. Переходы къ церкви.—35. Церковь Казанской Богородицы.—36. Крыльцо заднее.—37. Переходы.

Хоромы большихъ царевенъ: 38. Сѣни заднія.—39. Сѣни переднія.—40. Крыльцо переднее.—41. Передняя.—42. Комната.—43. Комната третья.—44. Переходы къ среднимъ хоромамъ царевенъ.

Среднія хоромы царевенъ: 45. Сѣни.—46. Чуланъ.—47. Крыльцо.—48. Сѣни заднія.—49. Передняя.—50. Комната.—51. Комната третья.—52. Переходы.

Заднія угловыя хоромы царевенъ: 53. Сѣни.—54. Передняя.—55. Комната.—56. Комната третья.—57. Сѣни; и. чуланчикъ, о. чуланъ съ потайною дверью въ нижнія сѣни.—58. Крыльцо заднее, что къ портомоинымъ избамъ.—59. Крыльцо заднее.—60. Сѣни мыльныя.—61. Мыльня.

Четвертыя хоромы царевенъ: 62. Комната.—63. Комната.—64. Передняя.—65. Сѣни; п. всходъ въ терема.—66. Заднія сѣни къ саду.—67 и 68. Чуланы кладовые.—69. Мыльня.—70. Стряпущая избушка.—71. Крыльцо.—72. Переходы къ хоромамъ царицы.—73. Мыльня царицы.—74. Переходы къ стряпущей избушкѣ и къ оружейной избушкѣ.—75. Сходъ на низъ.—76. Стряпущая избушка.—77. Сѣни передъ оружейною, р. дверь въ садъ, с. сходъ на низъ.—78. Оружейная избушка, т. чуланъ или казенка.

Нижнее житье.

79. Сѣни государственной мыльни: у. чуланъ.—80. Мыльня государева: а. полоть, б. печь, в. лавки.—81. Лѣстница съ верху изъ хоромъ въ мыльныя сѣни.—82—86. Подклѣты подъ передними государевыми хоромами.—87. Сѣни.—88. Крыльцо.—89. Подклѣтъ.—90. Чуланъ.—91. Рундуки передъ подклѣтами.—92. Подсѣнье, гдѣ стояли кареты, колымаги, кошевые телѣги.—93—96. Мастеровой и другіе подклѣты подъ хоромами царицы.—97. Чуланъ нужной.—98. Крыльцо или рундуки передъ подклѣтами.—99. Подсѣнье.—100. Подклѣты подъ хоромами царевича.—101. Сѣни.—102. Подклѣты подъ хоромами царевенъ большихъ.—103. Подсѣнье.—104. Чуланъ, что съ кушаньемъ входятъ.—105—107. Подклѣты среднихъ хоромъ царевенъ.—108—109. Сѣни или подсѣнье.—110. Подсѣнье третьихъ царевинныхъ хоромъ.—111—113. Подклѣты.—114. Сѣни съ дверью на крыльцо къ портомоинымъ избамъ.—115. Мостъ или рундукъ.—116—118. Под-

Что касается внутренней отдѣлки покоевъ деревянныхъ хоромъ, то, къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ ея изображеній и говорить о ней приходится лишь на основаніи различныхъ памятниковъ письменности. Не говоря уже о томъ, что надъ внутреннимъ убранствомъ богатыхъ хоромъ работало много столяровъ—специалистовъ по мебели, а также обойщиковъ, надъ отдѣлкою покоевъ—надъ „хоромнымъ нарядомъ“ приходи-

клѣты четвертыхъ царевниныхъ хоромъ.—119. Рундукъ передъ подклѣтами.—120. Подсѣнье.—121. Подклѣтъ подъ оружейною.—122. Сѣни.—123. Чуланъ, изъ котораго съ кушаньемъ всходятъ.—124. Дворъ государевой мыльни.—125. Выходъ рундукъ передъ подклѣтами государевой столовой.—126. Мостъ или рундукъ передъ тѣми же подклѣтами, гдѣ стоялъ стрѣлецкій караулъ.—127. Подклѣты.—128. Круглая ворота подъ столовыми сѣнями, на внутренній дворъ къ хоромамъ царицы. 129. Каменная ограда, а. ворота въ садъ.—130. Каменный столбъ для солнечныхъ часовъ, называемый теперь челобитнымъ.

Примѣчаніе. Планъ коломенскаго дворца временъ царя Алексѣя Михайловича, изображающій первоначальное расположеніе этихъ хоромъ, находится въ собраніи чертежей XVII ст., изданныхъ при 2 томѣ записокъ Славяно-русскаго Отд. Археол. Общества, подъ № XXXIII. Хотя на этомъ древнемъ планѣ и нѣтъ обозначенія, что онъ изображаетъ коломенскія хоромы, но по сравненіи съ прилагаемымъ планомъ XVIII ст. легко убѣдиться, что это планъ одного и того же зданія, распространеннаго въ послѣдствіи пристройками.

ФАСАДЪ КОЛОМЕНСКАГО ДВОРЦА СЪ ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЫ. (Рис. № 84).

Государевы хоромы: а) Передній рундукъ крыльца, планъ, 1, а. б) Верхній рундукъ. в) Переднія сѣни, пл. 2. г) Передняя, пл. 3. д) Комната, пл. 4. е) Комната третья, пл. 6. ж) Свѣтлица, з) Сѣни передъ нею. и) Столовая, пл. 16. і) Столовая сѣни, пл. 15. к) Терема или чердаки. л) Подклѣты, пл. 82, 83, 127. м) Рундуки стрѣлецкихъ карауловъ, пл. 91, 125. н) Ворота во внутренній дворъ къ хоромамъ царицы.

Хоромы царевича: о) Комнаты, пл. 19, 20. п) Теремъ. р) Верхніе чердаки. с) Переходы межъ ними. т) Подклѣты съ рундукомъ. у) Государева мыленка, пл. 80.

ФАСАДЪ КОЛОМЕНСКАГО ДВОРЦА СЪ СѢВЕРНО-ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЫ. (Рис. № 85).

Государевы хоромы: боковая сторона столовой и передняго крыльца.

Хоромы царицы: а) Крыльцо, пл. 25. б) Верхній выходъ. в) Сѣни, пл. 24. г) Передняя, пл. 26. д) Комната, пл. 27. е) Комната третья, пл. 28. ж) Отхожая комната, гдѣ собирались боярыни, пл. 30. з) Свѣтлица. к) Терема подъ кровельною бочкою, въ которой также находились терема-чердаки. л) Подклѣты, пл. 93—96. м) Стрѣлецкіе рундуки, пл. 98. н) Чуланъ нужной, пл. 97. о) Ворота къ хоромамъ царевича.

Хоромы царевень: а) Крыльцо о двухъ выходахъ къ хоромамъ большихъ царевень, пл. 40. б) Верхній выходъ. в) Сѣни, пл. 39. г) Передняя, пл. 41. д) Комната, пл. 42. е) Сѣни другихъ царевниныхъ хоромъ, пл. 45. ж) Передняя, пл. 49. з) Комната, пл. 50. и) Крыльцо, пл. 58. к) Терема. л) Подклѣты, пл. 102, 105, 106. м) Заднія хоромы царевень, пл. 57. и пр. о) Поперечный разрѣзъ переходовъ къ церкви Казанской Богородицы.

ФАСАДЪ КОЛОМЕНСКАГО ДВОРЦА СЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ СТОРОНЫ. (Рис. № 86).

Государевы хоромы: задняя ихъ сторона со стороны Казанской церкви.

Хоромы царевень: 1) Хоромы большихъ царевень, пл. 42, 43. 2) Среднія хоромы царевень, пл. 50, 51. 3) Заднія угловыя хоромы царевень, пл. 55, 56.

лось потратить много силъ различнымъ мастерамъ чисто строительнаго цеха.

Если стѣны оставались бревенчатая, то онѣ или начисто обтесывались и даже выскабливались, но при этомъ каждое бревно сохраняло круглую форму, или же всю ихъ поверхность обтесывали подъ одну плоскость, что носило названіе „выскабливать въ лась“. Однако, въ большинствѣ случаевъ, стѣны комнатъ обшивались *краснымъ*, т. е. тщательно выстроганнымъ тесомъ, при чемъ очень часто вмѣсто гладкой обшивки прямою или въ косякъ, которую дѣлали плотники, обшивка стѣнъ дѣлалась столярной работы, т. е. въ видѣ различныхъ, подчасъ очень замысловатыхъ, филенокъ и кромѣ того покрывалась рѣзбой.

Междуэтажныя перекрытія хоромъ состояли изъ наката; въ менѣе важныхъ комнатахъ накатъ не подшивался тесомъ, но бревна его, подобно вѣнцамъ стѣнъ, или гладко обтесывались, или „выскабливались въ лась“. Въ болѣе парадныхъ помѣщеніяхъ устраивали „подволоки“¹⁾, т. е. подшивали накатъ тесомъ впрямь или въ косякъ. Къ подволокамъ относились съ особенной любовью и поэтому въ самыхъ парадныхъ или любимыхъ комнатахъ ихъ дѣлали филенчатыми (столярной работы), рѣзными, украшенными слюдою, литымъ оловомъ, вырѣзками изъ бѣлаго желѣза или жести; наконецъ, ихъ росписывали, серебрили и даже золотили. Существовалъ терминъ: „вислая подволока“, обозначавшій, вѣроятно, особенно рельефную рѣзбу потолка, нѣкоторыя части которой значительно свѣшивались внизъ, выступая изъ общей ея поверхности.

Полы²⁾ въ жилыхъ комнатахъ настилались („мостились“) обычно изъ теса, а въ непокоевыхъ хорамахъ устраивался особаго рода паркетъ. Такой паркетъ мостили „дубовымъ кирпичемъ“, т. е. дубовыми дощечками толщиной въ 2—3 вершка; дощечки имѣли или квадратную форму (6—8 вершковъ въ сторонѣ), или удлиненную. Въ послѣднемъ случаѣ бруски мостились въ косякъ, и самый полъ назывался тогда „косячатымъ“. Основою для дубоваго кирпича служилъ слой песка, смѣшаннаго со смолою или известью; паркетъ эти не натирали воскомъ, какъ современные, но раскрашивали подъ мраморъ или въ два тона.

Какъ уже не разъ говорилось выше, окна были красныя или волоковыя. Основою для тѣхъ и другихъ служили рамы (окончинныя станки), къ которымъ въ красныхъ окнахъ крючками или петлями прикрѣплялись „отворныя“ или „подъемныя“ окончины, т. е. переплеты. Въ волоковыхъ окнахъ окончины были по большей части „задвижныя“, но иногда устраивались и отворныя; въ такихъ случаяхъ волоковое окно отличалось отъ краснаго только меньшимъ размѣромъ. Выше мы уже говорили о томъ, что окончины обычно затягивались паюсомъ—рыбьимъ³⁾ пузыремъ, который былъ сравнительно дешевъ; гораздо выше цѣнилась слюда и въ особенности стекло. Такъ какъ

¹⁾ Слово „подволока“ обозначало, вообще, одежду; отъ этого же слова произошло современное слово—потолокъ.

²⁾ Полъ называли въ старину „мостъ“.

³⁾ Самымъ дешевымъ матеріаломъ былъ бычій пузырь, но его употребляли въ бѣдныхъ домахъ, такъ какъ онъ очень слабо пропускаетъ свѣтъ.

размѣры стеколъ того времени были очень невелики, а большіе куски слюды, вслѣдствіе ея хрупкости, по необходимости нужно было бы дѣлать толстыми и, слѣдовательно малопрозрачными, то горбыли оконныхъ переплетовъ приходилось дѣлать частыми. Обыкновенно переплеты дѣлались изъ желѣза въ видѣ различнаго узора рѣшетокъ, прикрѣпленныхъ къ желѣзнымъ же рамкамъ, которыя уже въ свою очередь вдѣлывались въ деревянную обвязку окончинъ. Самый узоръ рѣшетокъ былъ очень разнообразный: „обра- щатый, клинчатый, кубчатый, косячатый, кругчатый“ и т. д., т. е. въ зависимости отъ того, какую форму имѣлъ отдѣльный элементъ рѣшетки—форму прямоугольника, треугольника, квадрата, поставленнаго на уголь, ромба, круга и т. д. Въ центрѣ же рѣшетки обыкновенно устраивался кругъ для самаго большого куска слюды или стекла.

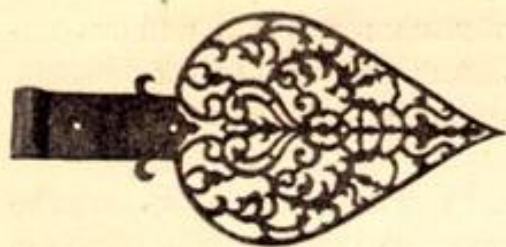

Рис. № 78.
Дверная петля („Жиковина“) XVIII в.
По Л. Далю.

Для болѣе плотнаго укрѣпленія слюды или стекла въ рѣшеткѣ окончинъ употреблялись сверхъ замазки оловянные бляшки различной формы: „денежки, репейки, орлики“ и т. д., такъ что все это вмѣстѣ взятое имѣло очень богатый и красивый видъ, въ особенности когда слюда росписывалась прозрачными красками, а бляшки покрывались позолотой. Само собою понятно, что одиночные переплеты, несмотря на то, что ихъ обивали сукномъ, сильно пропускали холодъ; поэтому всегда устраивались вторые (зимніе, какъ мы ихъ теперь называемъ) переплеты, называвшіеся „вставнями“ или „став- нями“. Ихъ дѣлали или сплошными деревянными (глухими), или такими же, какъ наружные окон- чины, т. е. въ видѣ рѣшетокъ со слюдою или стекломъ. Однако, въ сильные морозы даже и вставни не уберегали отъ стужи, поэтому въ богатыхъ хоромахъ всегда имѣлись „втулки“, т. е. деревянные щиты величиною во все окно, вставлявшіеся изнутри. Этими же втулками окна закрывались на ночь во всякое время года. Въ нижнемъ этажѣ втулки не дѣлались; ихъ замѣ- няли собою ставни („затворы“ или „притворы“) устраивавшіеся или вставными, какъ втулки, или затворяющимися—на петляхъ.

Такъ же, какъ и снаружи, просвѣты оконъ окаймлялись изнутри хоромъ наличниками, верхи которыхъ украшались „причелинами и подзо- рами“, т. е. своего рода сандриками и фронто- нами, которые вмѣстѣ съ наличниками укра- шались въ каждой комнатѣ тѣмъ же спосо- бомъ, что и потолокъ, а именно, если потолокъ былъ рѣзной, то и наличники покрывались

Рис. № 79.
Замки. Музей Щукина.
Москва.

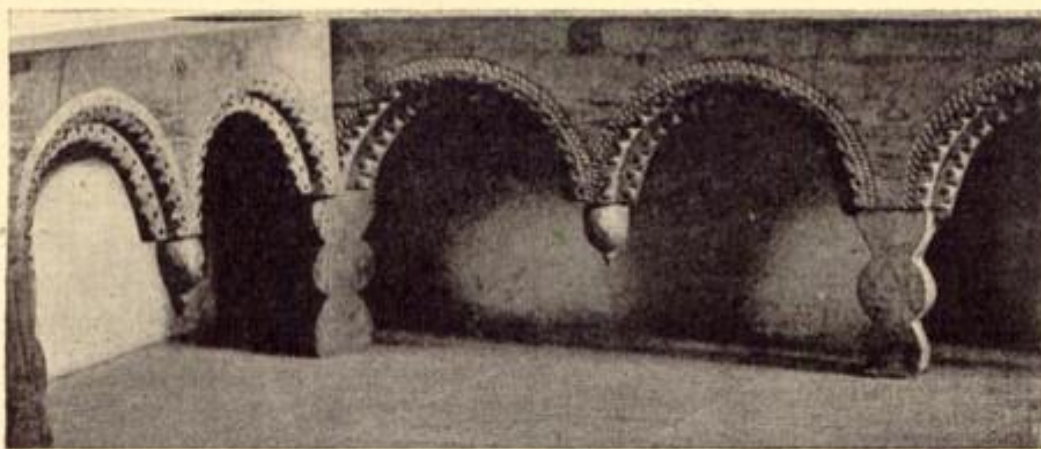

Рис. № 80.
Лавки. По А. Бобринскому.

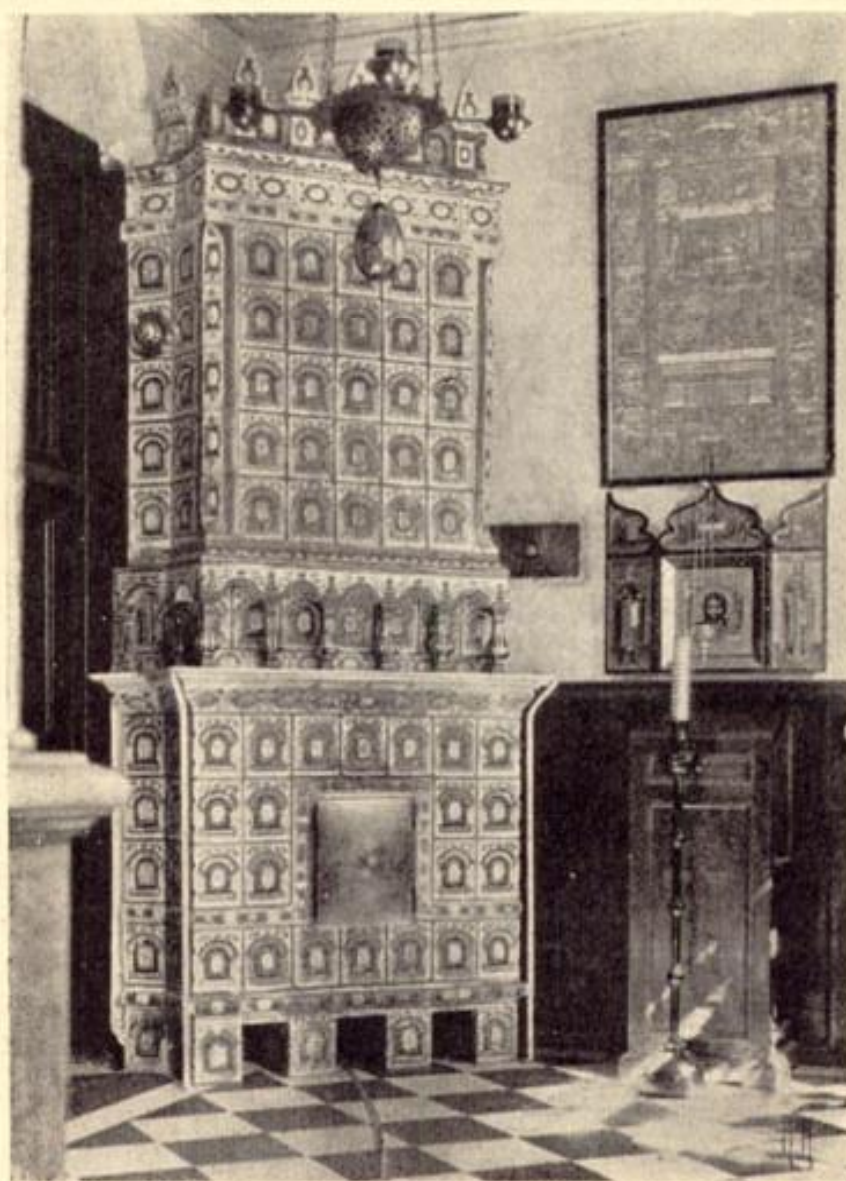

Рис. № 81.
Старинная изразцовая печь. Село Михайловское,
Московской г. Фот. М. Красовского.

рѣзьбою, если потолокъ былъ росписной, то и наличники росписывались и т. д.

Наличниками же украшались и дверные проемы; а дверныя полотнища получали удивительно красивую внѣшность благодаря узорчатымъ приборамъ тонкой кузнечной ¹⁾ работы. Насколько затѣйливы были всѣ эти „жиковины“ ²⁾ скобы и личинки можно судить по рисункамъ № 78 и 79, на которыхъ изображены части приборовъ внутреннихъ дверей, а именно петля—„жиковина“, и замки XVII вѣка. Весь приборъ обыкновенно покрывался полудой, серебромъ или даже золотомъ, отчего онъ очень выигрывалъ въ особенности тогда, когда дверныя полотнища обивались цвѣтнымъ сукномъ.

Въ каждомъ покоѣ, у всѣхъ его стѣнъ устраивались лавки—обычай цѣликомъ вынесенный изъ деревенской избы, при чемъ даже названія лавокъ оставались тѣ же: у оконъ—красныя лавки, вдоль стѣны передняго угла (стѣна противоположная двери)—переднія лавки, а лавки около двери—коникъ. Лавки дѣлались изъ толстыхъ и широкихъ досокъ и утверждались на рѣзныхъ или точеныхъ ножкахъ, называвшихся „подставками“ или „стамиками“. Обрѣзъ досокъ сидѣній закрывался обыкновенно тесомъ („опушкой“) который часто покрывался рѣзьбой (рис. № 80).

Однимъ изъ самыхъ видныхъ украшеній всякихъ хоромъ являлись изразцовыя („образчатые“) печи. Изразцы („образцы“) были двухъ сортовъ: поливные и красные (не покрытые глазурью); поливные въ свою очередь различались по цвѣту поливы, при чемъ преимущественно употреблялись „ценинные“ (синяго цвѣта) и „мурамленные“ (зеленые); однако, въ большемъ ходу были также изразцы, покрытые узорами или изображеніями травъ, цвѣтовъ, животныхъ и даже людей. Такія изображенія иногда дѣлались рельефными и расцвѣчивались иногда поразительно красивыми сочетаніями тоновъ.

Печи изъ красныхъ изразцовъ обыкновенно сплошь раскрашивались въ одинъ тонъ, а у печей изъ поливныхъ изразцовъ прописывались въ соотвѣтственные тона только швы.

По общей своей формѣ печи были прямоугольныя или круглыя, но по богатству деталей онѣ были очень разнообразны, начиная отъ самыхъ простыхъ, гладкихъ и кончая весьма сложными, т. е. съ карнизами, колонками, арочками, городками, ножками, полочками и т. д. Податливость матеріала (глина) и богатство красокъ поливы давали полный просторъ художественной фантазіи, и русскіе гончарные мастера умѣли использовать этотъ просторъ и показать при этомъ свое, подчасъ удивительно тонкое, пониманіе красочныхъ эффектовъ, красоты цѣлаго и изящества деталей. Для примѣра помѣщаемъ три снимка (рис. № 81 и 82), которые, къ сожалѣнію, только на половину передаютъ впечатлѣніе, производимое печами въ натурѣ, такъ какъ на нихъ не видно прелестнаго сочетанія красокъ ихъ изразцовъ.

¹⁾ Въ старину всякая работа изъ металла, независимо отъ степени ея тонкости, называлась „кузнью“; напримѣръ, „ларечной кузнью“, т. е. такою, которая хранится въ ларцахъ назывались ювелирныя издѣлія.

²⁾ „Жиковины“—дверныя петли.

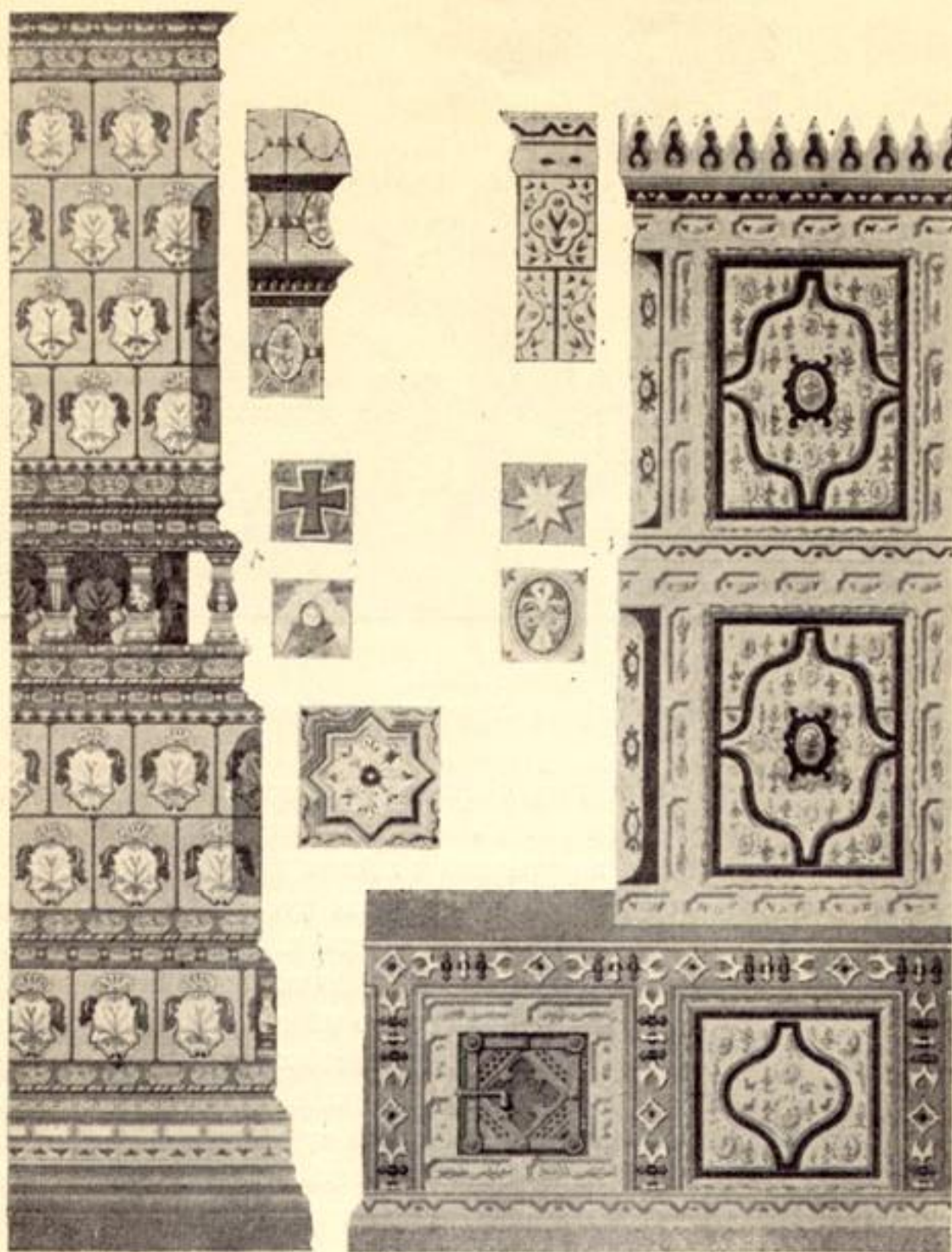

Рис. № 82.
Изразцовыя печи и изразцы. По В. Суслову.

Большія печи, на примѣръ, съ лежанками, клались обыкновенно въ нижнихъ этажахъ, верхніе же этажи отапливались или болѣе легкими, на примѣръ, круглыми или угловыми печами, или же согрѣвались особыми „проводными трубами“ съ душниками, черезъ которые проникалъ теплый воздухъ изъ особыхъ печей (вродѣ калориферовъ), устраивавшихся въ подклѣткахъ. Какъ проводныя, такъ и обыкновенныя трубы очень часто отдѣлывались изразцами, а поверхъ кровли имъ придавали художественную обработку въ видѣ теремковъ или шатриковъ, украшали узорочной кладкой или также обкладывали изразцами, и, наконецъ, завершали металлическими,

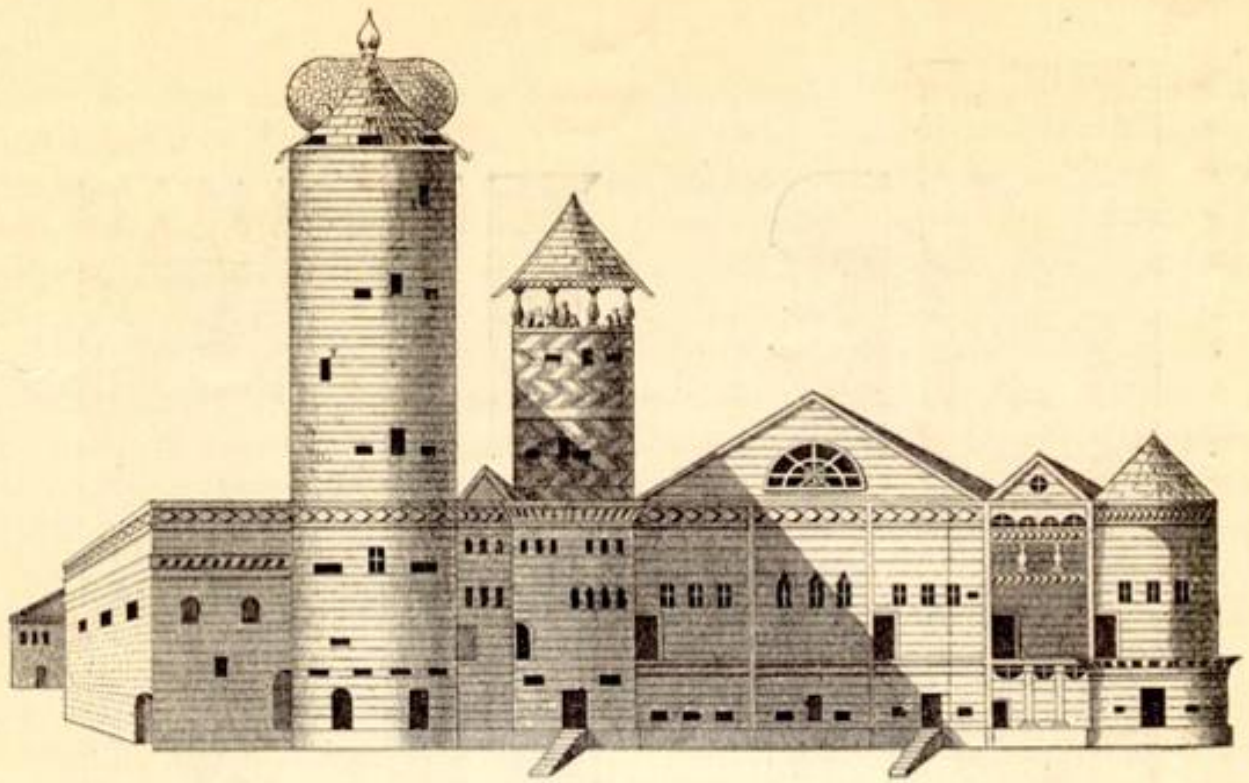

Рис. № 83.

Сольвычегодскія хоромы Строгановыхъ. По И. Забѣлину.

подчасъ тоже затѣйливой формы сѣтками, охранявшими отверстія трубъ отъ сора и отъ посягательства галокъ вить въ нихъ гнѣзда.

Изъ всего сказаннаго о внутренней отдѣлки хоромъ видно, насколько пристрастенъ былъ Петрей, говоря, что внутри русскихъ домовъ найдешь немного такого, чѣмъ бы можно было похвалиться. Въ дѣйствительности же, если судить по тѣмъ деталямъ внутренней отдѣлки, которыя до насъ дошли, а именно по двернымъ приборамъ и печамъ, то можно придти къ заключенію, что русскіе зодчіе любовно и со вкусомъ разрѣшали вопросы внутренней отдѣлки хоромъ. Если же принять во вниманіе, что не только стѣны и двери, но также полы и лавки, подоконники и втулки очень часто обивались („наряжались“) сукномъ ¹⁾, то придется придти къ заключенію, что наши предки умѣли и любили устраиваться у себя въ хорамахъ не только красиво, но и очень уютно.

Теперь перейдемъ къ внѣшнему виду хоромъ.

Подобно тому, какъ въ планѣ русскіе зодчіе не стремились къ симметріи, не втискивали планъ въ заранѣе придуманную схему, такъ и во внѣшней композиціи они вовсе не считались съ симметріей и не находили нужнымъ какъ нибудь замаскировать фасадомъ разбросанность очертаній плана. Поэтому хоромы, внѣшнимъ своимъ видомъ, обыкновенно представляли сложную и на современный взглядъ быть можетъ нѣсколько пеструю группу разнообразныхъ частей, то высокихъ, то низкихъ, то тѣсно прижатыхъ другъ къ другу, то отдѣльно стоящихъ и соединенныхъ лишь въ одно цѣлое переходами, при чемъ почти каждая изъ нихъ носила отпечатокъ своеобразнаго склада красоты. Надъ всѣмъ этимъ высились не менѣе богатые по разно-

¹⁾ „Шатерный нарядъ“—отдѣлка сукномъ.

образію своихъ формъ крыши, на художественную обработку которыхъ русскіе люди обращали особенное вниманіе, считая ихъ какъ бы головными уборами зданій; съ одинаковой заботливостью и любовью отдѣльвались крыльца и окна; первыя—какъ одна изъ самыхъ видныхъ частей зданія, ранѣе другихъ останавливавшая на себѣ взоры входившихъ на дворъ, а окна—въ силу того, что наши предки отождествляли ихъ съ очами хоромъ и поэтому они, какъ людскіе глаза, должны были глядѣть ясно и красиво.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ точно такъ же, какъ и въ болѣе отдаленное время, крылецъ въ каждомъ хоромѣ было нѣсколько, иногда очень значительное число, что объясняется тѣмъ, выше указаннымъ обстоятельствомъ, что отдѣльныя части хоромъ имѣли совершенно самостоятельное назначеніе и, слѣдовательно, должны были обслуживаться специально построенными для нихъ крыльцами. Насколько подчасъ велико было число крылецъ въ хоромѣ мы можемъ судить по дошедшимъ до насъ изображеніямъ наружнаго вида соловычегодскихъ хоромъ Строгановыхъ (рис. № 83) и дворца въ селѣ Коломенскомъ (рис. № 84, 85 и 86). Къ сожалѣнію, на первомъ рисункѣ крыльца не изображены, однако, наружныя двери второго этажа ясно говорятъ о томъ, что къ нимъ вели отдѣльныя высокія крыльца, такъ какъ черезъ подклѣты устраивались лишь служебныя или потайныя лѣстницы и, слѣдовательно, двери второго этажа не могли выходить на балконы („гульбища“). Въ зависимости отъ той же самостоятельности назначенія отдѣльныхъ частей хоромъ, крыльца раздѣлялись на „переднія“ и „заднія“, отвѣчая такимъ образомъ современнымъ параднымъ и чернымъ подъѣздамъ и лѣстницамъ.

„Заднія“ крыльца устраивались, сообразуясь только съ требованіями удобства, т. е. безъ особой заботы о красотѣ ихъ внѣшняго вида, но зато „переднія“ крыльца отличались богатствомъ своихъ архитектурныхъ формъ и затѣйливостью. Тѣмъ не менѣе, сильно отличаясь другъ отъ друга по размѣрамъ и деталямъ, основныя формы переднихъ крылецъ компоновались зодчими—плотниками подъ вліяніемъ не случайной фантазіи, а опять таки

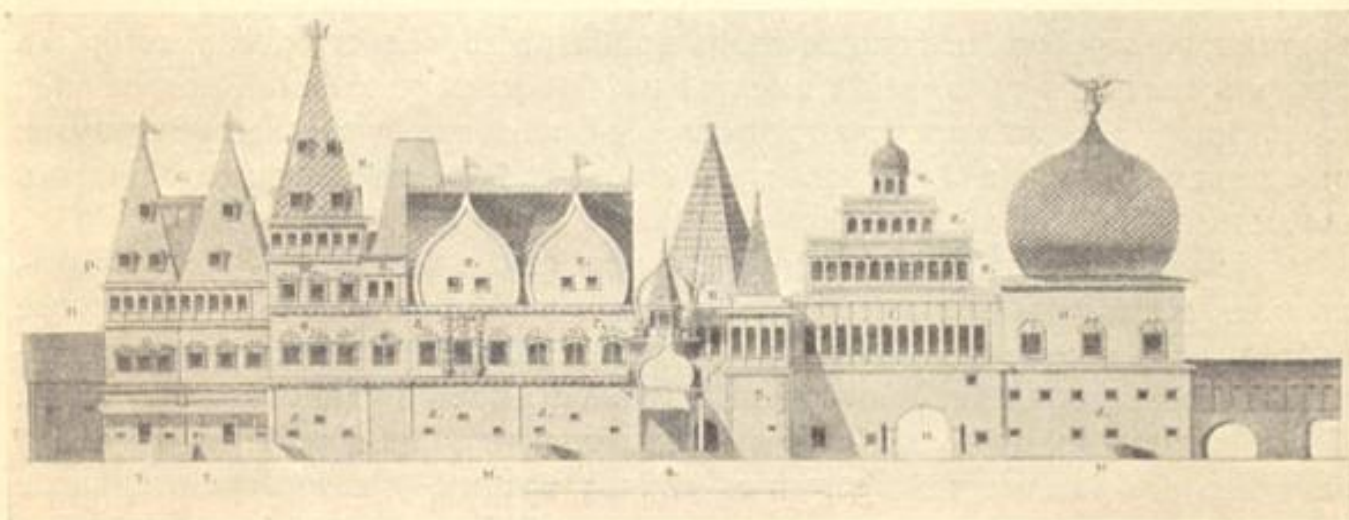

Рис. № 84.
Восточный фасадъ коломенскихъ хоромъ. По И. Забѣлину.

въ силу прочно сложившихся уставовъ и обрядовъ жизни, въ зависимости отъ которыхъ хозяинъ долженъ былъ встрѣчать гостей. Поэтому каждое переднее крыльцо, какъ бы просто или сложно оно ни было, необходимо должно было имѣть нижній рундукъ (площадку), на которомъ хозяинъ встрѣчалъ болѣе почетныхъ гостей, и верхній рундукъ, на которомъ онъ поджидалъ поднимающагося по лѣстницѣ менѣе важнаго или знатнаго гостя.

Если крыльцо имѣло одинъ лѣстничный маршъ, который обыкновенно располагался перпендикулярно къ лицу зданія, то крыльцо имѣло только два рундука, а если маршей было два, устраивавшихся подъ прямымъ угломъ другъ къ другу, то необходимо появлялся третій—средній рундукъ. Устраивались, повидимому, и такія крыльца, въ которыхъ отъ средняго рундука шли два марша въ противоположныя стороны къ двумъ дверямъ стоящихъ рядомъ самостоятельныхъ помѣщеній, и тогда крыльцо было о четырехъ рундукахъ. Изображеній такого типа хоромныхъ крылецъ не сохранилось, но нѣтъ причины отрицать ихъ существованія, такъ какъ они, во-первыхъ, существовали въ хоромахъ каменныхъ, которыя по существу своему были такими же, какъ и хоромы деревянные, и, во-вторыхъ, въ деревянныхъ церквахъ.

Таковы были общіе приемы композиціи крылецъ; что же касается ихъ деталей, то останавливаться на разборѣ ихъ мы не будемъ, такъ какъ онѣ ясно видны на приведенныхъ изображеніяхъ Коломенскаго дворца и по существу своему мало чѣмъ отличаются отъ уже знакомыхъ намъ деталей крылецъ крестьянскихъ избъ.

Тѣ же рисунки фасадовъ коломенскаго дворца позволяютъ намъ составить себѣ представленіе о разнообразіи характера обработки оконъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ здѣсь очень разнообразныя типы наличниковъ, начиная отъ самыхъ простыхъ, въ видѣ гладкихъ рамокъ (подклѣтъ хоромъ царицы), и кончая такими богатыми, какъ средній наличникъ государевыхъ комнатъ и наличникъ средняго же окна во второмъ ярусѣ хоромъ царицы ¹⁾. Промежуточными типами являются, во-первыхъ, наличники оконъ во второмъ ярусѣ хоромъ царевенъ, гдѣ гладкія обрамленія прикрыты сверху сливными досками, во-вторыхъ, наличники оконъ въ шатрѣ хоромъ царицы, у которыхъ поверхъ гладкихъ обрамленій высятся гладкіе же треугольные фронтоны; въ шатрахъ хоромъ царевича треугольные фронтоны замѣнены дугowymi; въ-третьихъ, наличники съ различной степенью богатства орнаментаціи какъ обрамленій, такъ и вѣнчающихъ частей.

Не менѣе разнообразную форму имѣютъ самые просвѣты оконъ. Такъ, въ подклѣтахъ они преимущественно квадратныя или нѣсколько вытянутыя въ горизонтальномъ направленіи; послѣдніе, однако, встрѣчаются и во второмъ этажѣ, напримѣръ, по бокамъ красныхъ оконъ въ хоромахъ царевенъ. Далѣе идутъ прямоугольныя окна всевозможныхъ пропорцій, начиная отъ близкихъ къ квадратной формѣ и кончая такими, у которыхъ отношеніе

¹⁾ Нѣкоторыя окна, преимущественно малыя окна подклѣтовъ, совершенно лишены наличниковъ, подобно окнамъ бѣдныхъ крестьянскихъ избъ. (Смотри хоромы царевенъ).

ширины къ высотѣ равняются 1:2; затѣмъ просвѣты съ килевиднымъ верхомъ, треугольнымъ или лучковымъ. Наконецъ, на изображеніи хоромъ Строгановыхъ видны окна съ полуциркульными верхами и окна полукруглыя.

На изображеніяхъ коломенскихъ хоромъ совершенно не видно оконныхъ переплетовъ, а между тѣмъ богатство и разнообразіе ихъ формъ, съ которыми мы уже познакомились выше, въ значительной мѣрѣ способствовали общей красотѣ оконъ, маскируя не совсѣмъ иногда удачныя пропорціи ихъ просвѣтовъ. То же самое можно сказать и о наружныхъ ставняхъ, о которыхъ мы также упоминали нѣсколько выше.

Что касается обработки дверныхъ проемовъ, то они или совсѣмъ не обрамлены наличниками, или послѣдніе представляютъ собою гладкія рамки. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что на рисункахъ видны только двери подклѣтовъ, которыя обыкновенно оставлялись безъ всякой художественной обработки, двери же второго яруса, закрытыя на изображеніяхъ хоромъ крыльцами, имѣли, вѣроятно, болѣе богатую обработку, въ видѣ рѣзныхъ наличниковъ съ различными вѣнчающими композиціями, т. е. обрабатывались такъ же, какъ и двери внутреннія: съ красивыми наличниками и створами, украшенными разною „кузнью“.

Скажемъ нѣсколько словъ объ отдѣлкѣ поля стѣнъ хоромъ. Если рубленныя стѣны оставлялись не обшитыми тесомъ, то бревна вѣнцовъ кантовались, т. е. приводились къ одному діаметру по всей ихъ длинѣ, и гладко выстругивались, при чемъ углы клѣтей, какъ это видно на рисункахъ Коломенскихъ хоромъ, очень

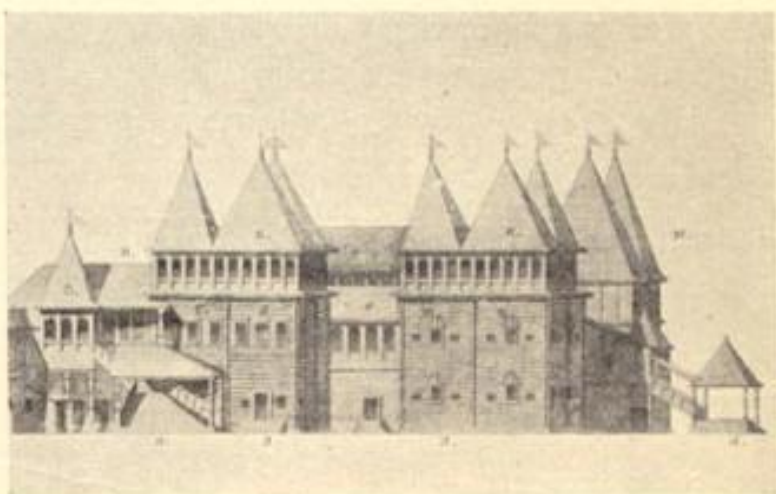

Рис. № 85.
Сѣверо-восточный фасадъ коломенскихъ хоромъ.
По И. Забѣлину.

часто рубились съ остаткомъ. Если же стѣны обшивались тесомъ, то это дѣлалось не съ одной только цѣлью сдѣлать ихъ менѣе теплопроводными, но также и съ эстетической цѣлью, поэтому обшивка дѣлалась или „въ закрой“ ¹⁾, или „вгладь“, т. е. горизонтальными или вертикальными рядами, или же, наконецъ, „въ косякъ“, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ получались иногда довольно сложные узоры, какъ, напримѣръ, на верхней части средней повалуши Строгановскихъ хоромъ. Стѣны верхнихъ ярусовъ хоромъ, а именно, чердаковъ и теремовъ дѣлались легкими „забирались въ столбы“, т. е. состояли изъ нижнихъ и верхнихъ обвязокъ и стоекъ, пространства между которыми задѣлывались или тонкими бревнами, или досками, какъ, напримѣръ, въ хоромахъ царицы коломенскаго дворца ²⁾. При стѣнахъ обшитыхъ тесомъ этажи хоромъ отдѣлялись одинъ отъ другого междуэтажными карнизами, состоявшими изъ

Рис. № 86.

Сѣверо-западный фасадъ коломенскихъ хоромъ. По И. Забѣлину.

рѣзныхъ тесинъ („подзоринъ“), прикрытыхъ сверху отливными досками („полицами“). Такимъ образомъ, междуэтажные карнизы не только служили украшеніемъ стѣнъ, но и защищали ихъ отъ потоковъ дождевой воды. Вѣнчающихъ карнизовъ никогда не дѣлали—ихъ замѣняли полицы крышъ, которыя устраивались значительнаго выноса и, подобно междуэтажнымъ карнизамъ, украшались подзоринами съ богатой рѣзьбой.

Не малую красоту хоромамъ придавали огражденія гульбищъ и перила лѣстницъ. Какъ тѣ, такъ и другія дѣлались или сплошныя, или же сквозныя, т. е. рѣшетчатая, или изъ балясинъ („балясы“, „гудки“). Послѣдними, напримѣръ, были ограждены гульбища теремовъ государевыхъ хоромъ въ коломенскомъ дворцѣ, а перила лѣстницы хоромъ царевенъ въ томъ же дворцѣ были устроены сплошными.

¹⁾ Горизонтальными рядами, при чемъ нижняя часть каждой тесины прикрывала верхнюю часть нижележащей.

²⁾ Можно предположить, что обшивныя стѣны иногда оштукатуривались; однако, такой пріемъ могъ появиться въ болѣе позднюю эпоху, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, въ подражаніе стѣнамъ каменныхъ хоромъ, которыя появились въ значительномъ количествѣ именно въ этихъ вѣкахъ.

Переходя къ обзору типовъ хороменныхъ крышъ отмѣтимъ, что въ старину ихъ приходилось дѣлать гораздо круче, нежели въ настоящее время, такъ какъ обычнымъ матеріаломъ для кровель служило дерево (тесъ, дрань, гонть и лемехъ), которое при пологихъ крышахъ загнивало бы очень быстро. Поэтому, какую бы ни придавали форму крышѣ, на первомъ мѣстѣ всегда стояла забота о томъ, чтобы на ней не задерживались ни дождевая вода, ни снѣгъ, а затѣмъ уже думали о красотѣ ея формъ и пропорцій. Наименѣе сложными были двухскатныя крыши, устраивавшіяся какъ надъ квадратными, такъ и надъ прямоугольными въ планѣ срубами, при чемъ въ городскихъ постройкахъ такимъ крышамъ придавали обыкновенно большую высоту по сравненію съ высотой крышъ деревенскихъ, но все же въ зависимости отъ ширины зданія; обычно высота подъема двухскатной крыши равнялась приблизительно ширинѣ помѣщенія, какъ это видно на изображеніи хоромъ Строгановыхъ.

Четырехскатныя крыши устраивались очень часто и, въ зависимости отъ ихъ высоты, а также отъ формы ихъ плана, носили различныя наименованія. Такъ, четырехскатная крыша надъ квадратнымъ въ планѣ срубомъ, имѣвшая высоту, равную сторонѣ квадрата плана, называлась *колпакомъ*; если же высота крышъ такой формы равнялась сторонѣ квадрата основанія, увеличенной въ полтора или два раза, то такія крыши назывались *шатрами*. Однако, шатрами же назывались также высокія пирамидальныя крыши, имѣвшія въ планѣ форму многоугольниковъ, преимущественно шестиугольниковъ или восьмиугольниковъ¹⁾. Такіе многогранные шатры ставились по большей части надъ крыльцами, тогда какъ четырехгранные шатры вѣнчали собою обыкновенно повалуши. Что же касается пирамидальныхъ крышъ надъ квадратными срубами, имѣвшихъ высоту меньшую величины стороны квадрата, то такія крыши особаго названія не имѣли, быть можетъ потому, что устраивали ихъ, въ силу указанной выше причины, сравнительно рѣдко.

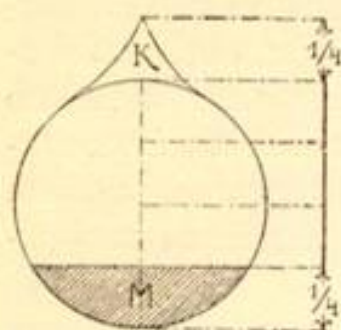
Четырехскатныя крыши съ горизонтальнымъ конькомъ (кнесомъ, княземъ), т. е. такія, у которыхъ планъ имѣлъ форму прямоугольника, назывались, въ зависимости отъ высоты ихъ подъема, *полатками*, *епанчами* и *скирдами*. У первыхъ высота подъема равнялась длинѣ покрываемого крыши прямоугольника, у вторыхъ—его ширинѣ, а у третьихъ высота была средней между длиною прямоугольника и его шириной. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ трехъ формъ самыми высокими были крыши-палатки, поэтому коньки у нихъ были самыми короткими.

Очень красивый видъ имѣли крыши, называвшіяся *бочками*. Такія крыши ставились обыкновенно надъ прямоугольными въ планѣ частями хоромъ и, дѣйствительно, имѣли видъ бочекъ, положенныхъ по длинѣ строенія и срубанныхъ для этой цѣли въ ихъ нижнихъ округлостяхъ, а вверху заостренныхъ ребромъ для предохраненія отъ дождя и снѣга. Иначе говоря, контуръ торцевыхъ частей бочкообразныхъ кровель имѣлъ килевидную форму, вполне отвѣчая контуру церковныхъ главъ луковичной формы, при чемъ плотники любили придавать ему опредѣленныя пропорціи, а именно:

¹⁾ Многогранные шатры назывались круглыми.

высота срубываемаго внизу сегмента М (рис. № 87) равнялась $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ діаметра, а высота заостренія бочки К равнялась высотѣ этого сегмента. Такою крышей были покрыты въ коломенскомъ дворцѣ хоромы царицы.

Если срубъ имѣлъ квадратную въ планѣ форму, то его иногда покрывали двумя крышами-бочками, поставленными крестъ-на-крестъ, такъ что ихъ обрѣзы приходились на всѣ четыре стороны, образуя особые фронтоны („очелья“). Такія крыши устраивались также часто и надъ крыльцами, при чемъ надъ ними иногда возвышались еще „круглые“ шатрики, какъ, на примѣръ, надъ крыльцомъ государевыхъ хоромъ въ коломенскомъ дворцѣ.

Построеніе Бочки.

Рис. № 87.

Наконецъ, надъ квадратными или многогранными помѣщеніями устраивались также кровли въ видѣ граненыхъ куполовъ, называвшихся въ первомъ случаѣ „кубами“, а во-второмъ — шестигранниками и восьмигранниками; верхъ такихъ кровель всегда сводился въ остріе. Если же кубовастыя крыши устраивались надъ прямоугольными въ планѣ частями хоромъ, то тогда верхъ ихъ естественно долженъ былъ вытягиваться въ горизонтальный конекъ. Какъ на примѣръ крыши кубомъ укажемъ на крышу столовой государевыхъ хоромъ въ селѣ Коломенскомъ.

Таковы были наиболѣе употребительныя формы крышъ, однако, перечисленными примѣрами не исчерпывалось все ихъ разнообразіе, такъ какъ въ тѣхъ же коломенскихъ хорахъ и хорахъ Строгановыхъ мы видимъ такія формы крышъ, которыя или представляютъ комбинаціи формъ разсмотрѣнныхъ, на примѣръ, надъ комнатами государевыхъ хоромъ и надъ хорами царевича, или же формы совсѣмъ своеобразныя, подчасъ даже вычурныя, какъ, на примѣръ, надъ большой повалушей строгановскихъ хоромъ.

Какъ уже указывалось ранѣе, въ высокихъ крышахъ хоромъ часто устраивались жилия помѣщенія, для освѣщенія которыхъ приходилось устраивать въ скатахъ крыши окна и слуховики, иногда въ нѣсколько рядовъ, что придавало крышамъ большую живописность, равно какъ этому же способствовалъ и самый матеріалъ кровель — лемехъ или чешуя, употреблявшіеся, впрочемъ, только для крышъ криволинейной формы, тогда какъ прямые скаты крылись въ большинствѣ случаевъ просто тесомъ.

Наконецъ, красоту крышъ дополняли различные, часто очень богатые гребни, стамики, шары и „прапорцы“ (флюгарки), вѣнчавшіе ихъ острія и коньки. Пристрастіе русскихъ зодчихъ къ такимъ украшеніямъ кузнечной работы было, повидимому, очень велико, такъ какъ на одномъ коломенскомъ дворцѣ ихъ можно сосчитать нѣсколько десятковъ и притомъ очень разнообразныхъ какъ по формѣ, такъ и по величинѣ.

Въ памятникахъ письменности XVI и XVII вѣковъ есть указанія на раскраску нѣкоторыхъ наружныхъ частей хоромъ, на примѣръ, ставней; это даетъ возможность предположить, что красками покрывались и другія части,

хотя бы съ цѣлью предохраненія ихъ отъ загниванія. Если же принять во вниманіе, что влеченіе къ полихроміи всегда было свойственно русскому народу и, что крестьяне и до сихъ поръ очень часто прибѣгаютъ къ этому способу украшенія внѣшности своихъ избъ, то вполне допустимо предположить, что фасады древнихъ хоромъ богато раскрашивались, чѣмъ и заканчивалась ихъ наружная отдѣлка.

ГЛАВА III.

Время возникновенія на Руси первыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ относится къ IX вѣку, т. е. къ тому времени, когда хозары стали уже безсильны выдерживать натискъ хлынувшихъ съ востока печенѣговъ, которые въ серединѣ IX вѣка настолько близко подошли къ Кіеву, что начали грозить торговлѣ славянъ и послѣдніе, не надѣясь болѣе на хозаръ, были вынуждены сами приняться за охрану своихъ торговыхъ центровъ и соединявшихъ ихъ путей сообщенія. Поэтому первыя указанія на существованіе укрѣпленныхъ пунктовъ встрѣчаются въ самомъ началѣ нашихъ лѣтописей; такъ, въ рассказѣ о княженіи Рюрика Несторъ говоритъ: *„И прія власть свою Рюрикъ одинъ и пришедъ къ Ильменю и сруби городъ надъ Волховымъ и прозва Новгородъ и съде ту и княжа, раздая волости мужемъ своимъ и города рубити овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро“*. Насколько крѣпки были города и какъ долго они могли выдерживать осаду—указываетъ слѣдующее мѣсто лѣтописи: *„Ольга же устремися со сыномъ своимъ на Искоростѣнь градъ, яко тѣ бяху убили мужа ея, и ста около со сыномъ своимъ, а Деревляне затворишася въ градъ и боряхусь крѣпко изъ града: въдаху бо яко сами убили князя, и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто, и не можаше взяти градъ...“*. Въ дальнѣйшемъ лѣтописи перестраютъ упоминаніями о различныхъ укрѣпленныхъ пунктахъ, называя ихъ „городами, городками, дѣтинцами, кремлями, острогами и т. д.“, при чемъ названіямъ этимъ отвѣчали опредѣленные виды фортификаціонныхъ сооруженій. А именно: городомъ („градомъ“) назывался ¹⁾ каждый заселенный пунктъ, который для охраны его отъ вражескихъ нападеній былъ окруженъ укрѣпленіемъ въ видѣ земляныхъ валовъ, каменныхъ или деревянныхъ (но непременно вѣнчатыхъ) стѣнъ. „Понятіе о городѣ, говоритъ Ѳ. Ласковскій, какъ о жиломъ мѣстѣ, и объ укрѣпленіяхъ, его ограждавшихъ, совершенно сливались между собою; городъ не могъ быть безъ оборонительной ограда, съ уничтоженіемъ ея онъ терялъ значеніе и самое названіе города; съ другой стороны, сооружая одну изъ вышеупомянутыхъ оградъ на мѣстѣ не населенномъ, въ видахъ собственной обороны какого-либо пункта, всегда придавали ему, независимо отъ гарнизона, поселеніе, которое давало этому пункту жизнь, а вмѣстѣ и значеніе города въ гражданскомъ бытѣ государства“.

¹⁾ По опредѣленію Ѳ. Ласковского. Смори его „Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи“. С. Петербургъ. 1885 г.

Небольшіе заселенные пункты обносились однимъ кольцомъ такихъ стѣнъ и, вѣроятно, къ такого рода пунктамъ относилось собственно названіе „городка“ или „городца“, хотя, повидимому, лѣтописцы и не особенно строго разграничивали эти понятія, называя иногда относительно большіе города — „городками“ или „городцами“, а незначительные по населенію пункты — „городами“.

Рис. № 88.
По Н. Султанову.

Рис. № 89.
По Н. Султанову.

Большіе города или имѣли нѣсколько, примыкавшихъ другъ къ другу, колецъ укрѣплений, или нѣсколько концентричныхъ колецъ. Какъ тотъ, такъ и другой видъ расположенія укрѣплений не представляли собою заранѣе обдуманной системы, но просто являлись слѣдствіемъ увеличенія числа гражданскихъ сооружений города, возникавшихъ внѣ первоначальной линіи укрѣплений и требовавшихъ для ихъ охраны устройства новой линіи укрѣплений. Въ случаѣ концентричнаго расположенія стѣнъ или валовъ, каждая часть города вмѣстѣ съ окаймлявшимъ ее кольцомъ стѣнъ носила особое названіе: центральная часть называлась первоначально „дѣтинцемъ“, „дѣньшимъ градомъ“, а впослѣдствіи „кремлемъ“ или „крѣмникомъ“, наружныя кольца города съ ихъ стѣнами назывались „окольнымъ градомъ“, охабнемъ кромомъ или кромьнымъ градомъ“.

Укрѣпленные пункты, ограды которыхъ были не вѣнчатыя, а состояли изъ тына съ заостренными верхушками бревенъ, назывались „острогами“, при чемъ, если въ такихъ пунктахъ имѣлось постоянное населеніе, то такіе остроги назывались „жилыми“, а „стоялыми“ острогами назывались такіе, которые только временно вмѣщали въ себѣ гарнизоны, посылавшіеся въ нихъ лишь на время военныхъ дѣйствій. Въ болѣе глубокой древности остроги, вѣроятно, устраивались въ большинствѣ случаевъ безъ башенъ, но впослѣдствіи башни стали дѣлать постоянно, при чемъ, если замкнутая линія тыновой ограды имѣла не болѣе четырехъ башенъ, то такое укрѣпленіе сохраняло названіе острога; если же число башенъ превышало четыре, то тогда укрѣпленіе получало названіе „города“. Такой терминологіи придерживался по крайней мѣрѣ Семенъ Ремезовъ, составившій въ 1701 году свою „Чертежную книгу Сибири, въ которой имѣется много изображеній различныхъ укрѣпленныхъ

Рис. № 90.
По Н. Султанову.

Рис. № 91.
По Н. Султанову.

Рис. № 92.
Черный Яръ. По Олеарию.

Рис. № 93.
Самара. По Олеарию.

пунктовъ Сибири, являющихся весьма цѣнными для исторіи древне-русской фортификаціи. Приводимъ четыре чертежа изъ этой книги (рис. №№ 88, 89, 90 и 91), на которыхъ ясно видна не только конструкція стѣнъ и башенъ, но также названія укрѣпленныхъ пунктовъ, указывающія на терминологию „городового дѣла“¹⁾ въ XVII в.

Упомянутый трудъ Семена Ремезова не является единственнымъ источникомъ древней письменности и картографіи, въ которомъ мы находимъ изображенія старо-русскихъ военныхъ сооружений. Такія изображенія встрѣчаются въ уже знакомыхъ намъ трудахъ Адама Олеарія (рис. №№ 92 и 93), Мейерберга (рис. №№ 94 и 95)²⁾, а также въ альбомѣ Эрика Пальмквиста—члена шведскаго посольства, бывшаго въ московскомъ государствѣ въ 1673 г. Однако, всѣ такія изображенія даютъ болѣе или менѣе ясное представленіе лишь объ общемъ видѣ или планѣ того или иного укрѣпленнаго пункта, позволяя только догадываться о деталяхъ устройства стѣнъ или башенъ, и лишь у одного Пальмквиста имѣется изображеніе разрѣза стѣны и башни города Торжка (рис. № 96). Тѣмъ не менѣе, мы не лишены возможности составить себѣ полное представленіе о деталяхъ устройства деревянныхъ сооружений древней Руси, такъ какъ еще недавно существовали остатки такихъ сооружений въ Сибири, на примѣръ, въ Красноярскѣ, въ Илимскѣ, въ селеніи Братскомъ³⁾ и т. д., а остатки Якутскаго острога существуютъ и по настоящее время.

Въ нашу задачу не можетъ входить изученіе чисто фортификаціон-

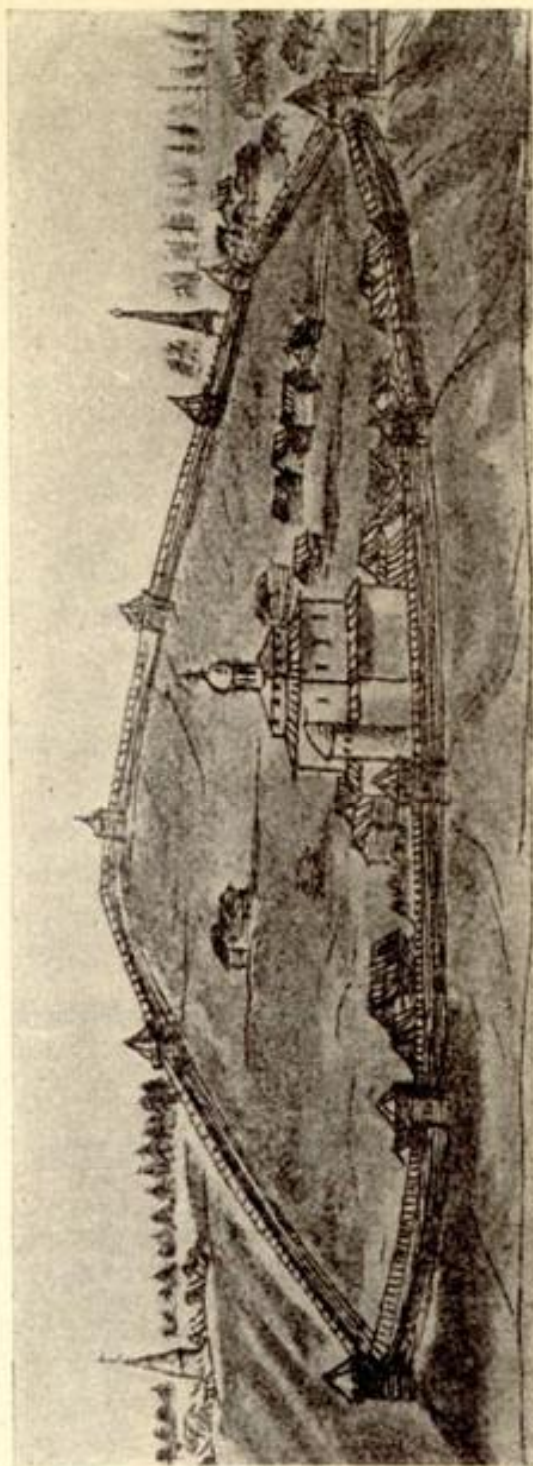

Рис. № 94.
Торжокъ. По Мейербергу.

¹⁾ „Городовое дѣло“—фортификація.

²⁾ На 95-омъ рисункѣ изображенъ Иверскій (Валдайскій) монастырь, крѣпкія стѣны котораго имѣли цѣлю не только ограждать иноковъ отъ вторженія къ нимъ виѣшней—мірской жизни, но и служить оплотомъ при нападеніи враговъ, такъ какъ большинство нашихъ монастырей представляло собою серьезные укрѣпленные пункты и братія этихъ монастырей нерѣдко приходилось поверхъ рясы надѣвать кольчуги и мѣнять клобуки на шлемы.

³⁾ Иркутской губерніи.

Рис. № 95.
Валдайскій монастырь. По Мейербергу.

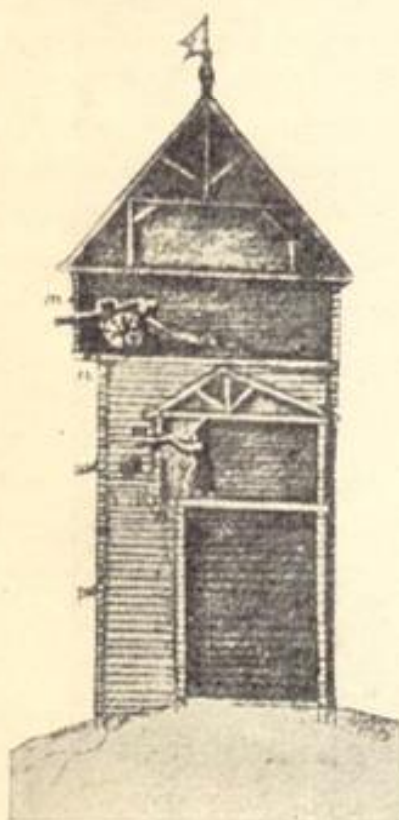

Рис. № 96.
Башня г. Торжка.
По Пальмквисту.

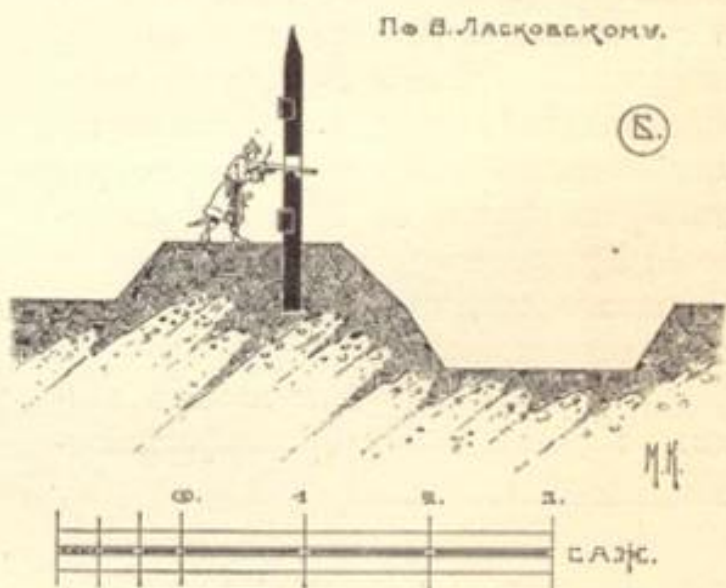
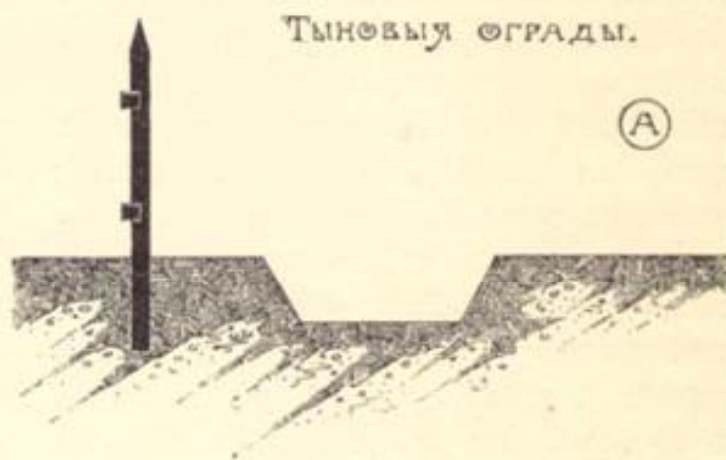

Рис. № 97.

ныхъ вопросовъ, какъ-то: разсмотрѣніе общихъ плановъ фортификаціонныхъ сооружений, вопросовъ наивыгоднѣйшаго размѣщенія башенъ и устройства земляныхъ сооружений, — мы познакомимся только съ устройствомъ отдѣльных, и при томъ главныхъ частей оборонительныхъ сооружений: съ устройствомъ тыновъ, вѣнчатыхъ стѣнъ и башенъ, т. е. съ областью древне-русской военной архитектуры, а не фортификаціи.

Менѣе всего конструктивныхъ затрудненій при ихъ устройствѣ представляли тыновые ограды, которыя поэтому вошли, вѣроятно, въ употребленіе значительно ранѣе оградъ рубленныхъ, т. е. вѣнчатыхъ. Когда именно появились впервые тыновые ограды — въ точности неизвѣстно, но упоминанія объ острогахъ встрѣчаются въ лѣтописяхъ при описаніи событій, относящихся къ первой половинѣ XIII вѣка.

Основываясь на нѣкоторыхъ лѣтописныхъ разсказахъ, можно предположить, что тыновые ограды различались, главнымъ образомъ, по высотѣ, а именно, если тынъ устраивался для образованія стѣны острога, то его дѣлали значительной высоты (отъ 2-хъ до 3-хъ сажень), такъ какъ его вкапывали или непосредственно въ грунтъ за рвомъ (рис. № 97А), или въ невысокій валъ, образованный землею, вынутой изъ рва (рис. № 97Б). Если же тынъ предназначался лишь для усиленія земляного укрѣпленія, валы котораго сами имѣли значительную высоту (рис. № 98), то онъ дѣлался

невысокимъ, играя лишь роль бруствера, т. е. прикрытія для защитниковъ, а не главной преграды, мѣшавшей врагамъ приступить къ проникнутію внутрь укрѣпленія. Въ послѣднемъ случаѣ оборона производилась обычно поверхъ тына или сквозь узкіе перерывы его, тогда какъ въ острогахъ на высотѣ груди человѣка прорѣзались бойницы — небольшія отверстія, черезъ

Рис. № 98.

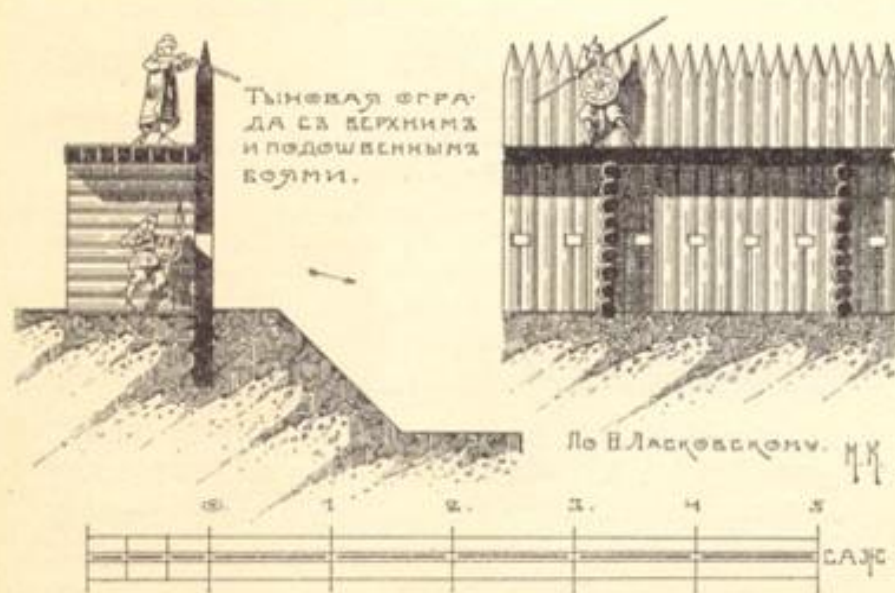

Рис. № 99.

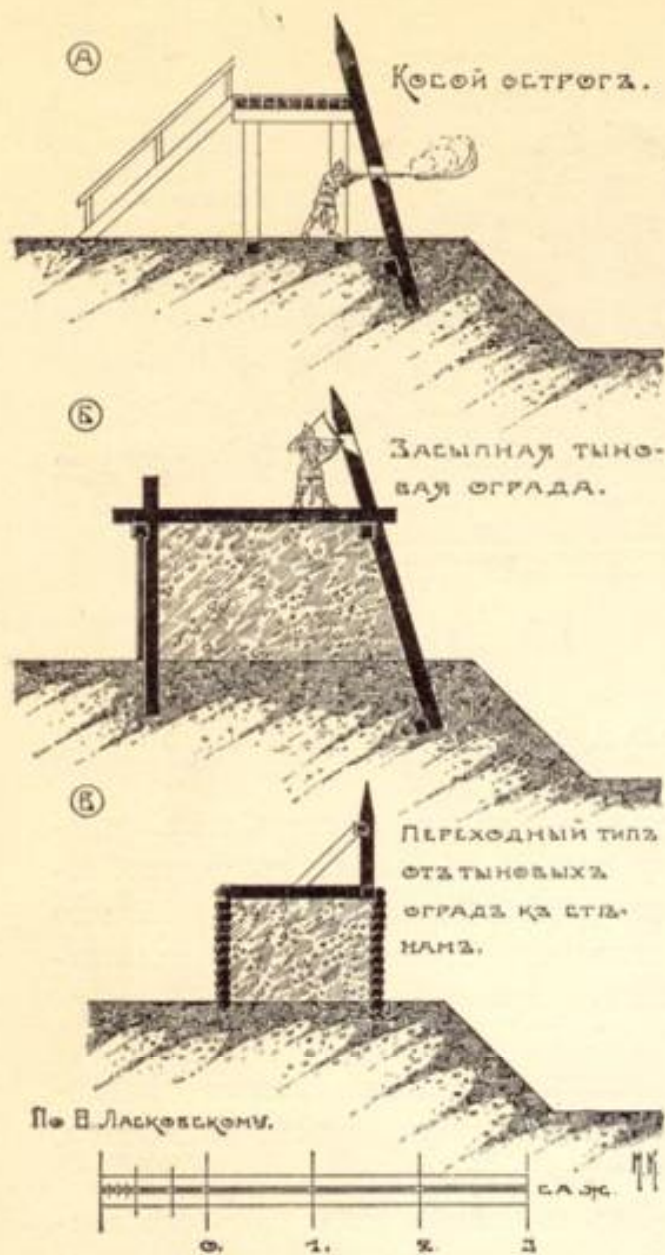

Рис. № 100.

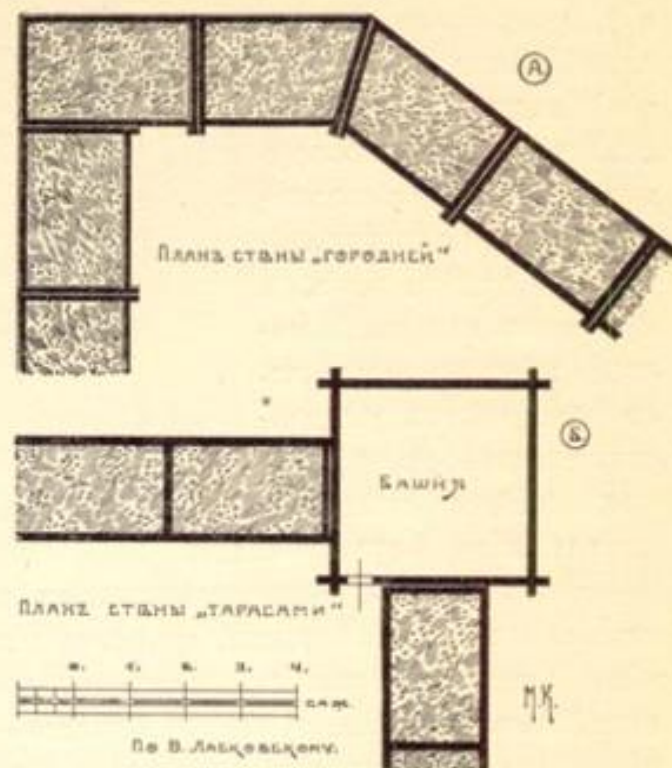

Рис. № 101.

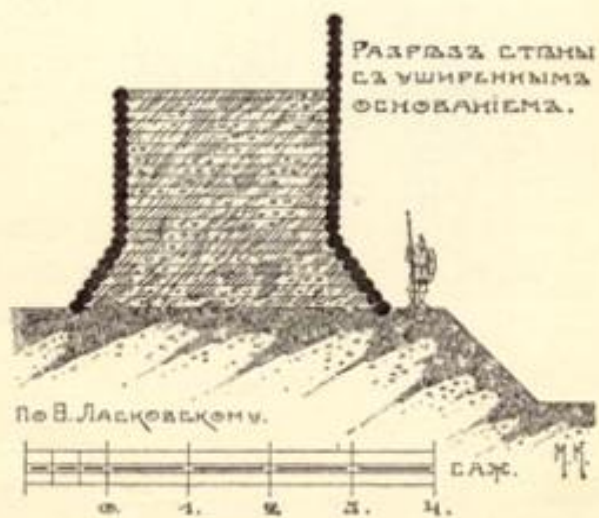

Рис. № 102.

которыя производилъ обстрѣлъ непріятеля; другими словами, въ острогахъ простаго типа оборона производилась изъ-за тыновой ограды.

Болѣе сложнымъ видомъ тыновой ограды являлся такой, при которомъ оборона производилась какъ поверхъ тына, такъ и изъ-за него, т. е. такая тыновая ограда, которая имѣла и „верхній бой“ и „подошвенный“. Для образованія перваго въ тынъ врубались, на равномъ разстояніи другъ отъ друга (отъ 1 до 1½ сажень), поперечныя рубленныя стѣнки, служившія опорой для бревенчатаго настила (наката), поверхность котораго опускалась отъ верха тына приблизительно на высоту груди ратника (рис. № 99). Такой типъ тыновой ограды безъ сомнѣнія отличался бѣльшей устойчивостью, нежели первый, такъ какъ его рубленныя стѣнки представляли солидные контрфорсы, и назывался въ XVII вѣкѣ „стоячимъ острогомъ“ въ отличіе отъ „косаго острога“, разнившася отъ стоячаго лишь тѣмъ, что ему придавали наклонъ въ сторону ограждаемаго пространства. Иногда конструкція какъ косаго острога, такъ и стоячаго имѣла видъ, показанный на рисункѣ № 100А. На помостъ верхняго боя защитники острога поднимались или по лѣстницамъ башенъ, или по особымъ всходамъ, которые отчасти играли также роль контрфорсовъ.

Очень серьезную защиту давали такія тыновыя ограды, у которыхъ все пространство между тыномъ, настиломъ и задними стойками засыпалось землею (рис. № 100Б); такія тыновыя ограды по существу уже близки къ стѣнамъ, изображеннымъ на рисункѣ № 100В. По мнѣнію О. Ласковскаго, онѣ появились въ XVII вѣкѣ, но въ дѣйствительности такой типъ огражденій примѣнялся, вѣроятно, и ранѣе, такъ какъ онъ представляетъ собой переходъ отъ тыновыхъ оградъ къ вѣнчатымъ стѣнамъ. Въ самомъ дѣлѣ, невысокая тыновая ограда, играющая роль бруствера, помѣщена здѣсь на стоящихъ вплотную другъ къ другу низкихъ срубахъ, заполненныхъ землею и замѣняющихъ невысокій земляной валъ описанныхъ выше остроговъ, который, вѣ сомнѣнія, представлялъ меньше затрудненій для штурмующихъ, нежели такіе срубы.

Наиболѣе древнимъ типомъ рубленныхъ стѣнъ является тотъ, въ которомъ каждое прясло ¹⁾ стѣны состояло изъ нѣсколькихъ поставленныхъ рядомъ вѣнчатыхъ срубовъ („городней“), засыпанныхъ внутри землей или камнями (рис. № 101 А). Длина каждой городни зависѣла отъ имѣвшагося въ распоряженіи строителей лѣса, а толщина находилась въ зависимости отъ условій удобнаго дѣйствія оборонявшихся ратниковъ. Неудобство такого приѣма устройства стѣнъ заключалось, во-первыхъ, въ томъ, что боковыя части городней, примыкавшія вплотную другъ къ другу, быстро загнивали и, во-вторыхъ, въ томъ, что отдѣльные элементы такой стѣны (городни), будучи одинъ съ другимъ ничѣмъ не связаны, получали различную осадку, вслѣдствіе чего уничтожалась общая ровная горизонтальная поверхность стѣны и потому затруднялись дѣйствія защитниковъ.

Указанные недостатки въ значительной мѣрѣ устранялись при устройствѣ стѣнъ „тарасами“, главное отличіе которыхъ отъ городни заключалось

¹⁾ Пряслоу назывался участокъ стѣны, расположенный между двумя башнями.

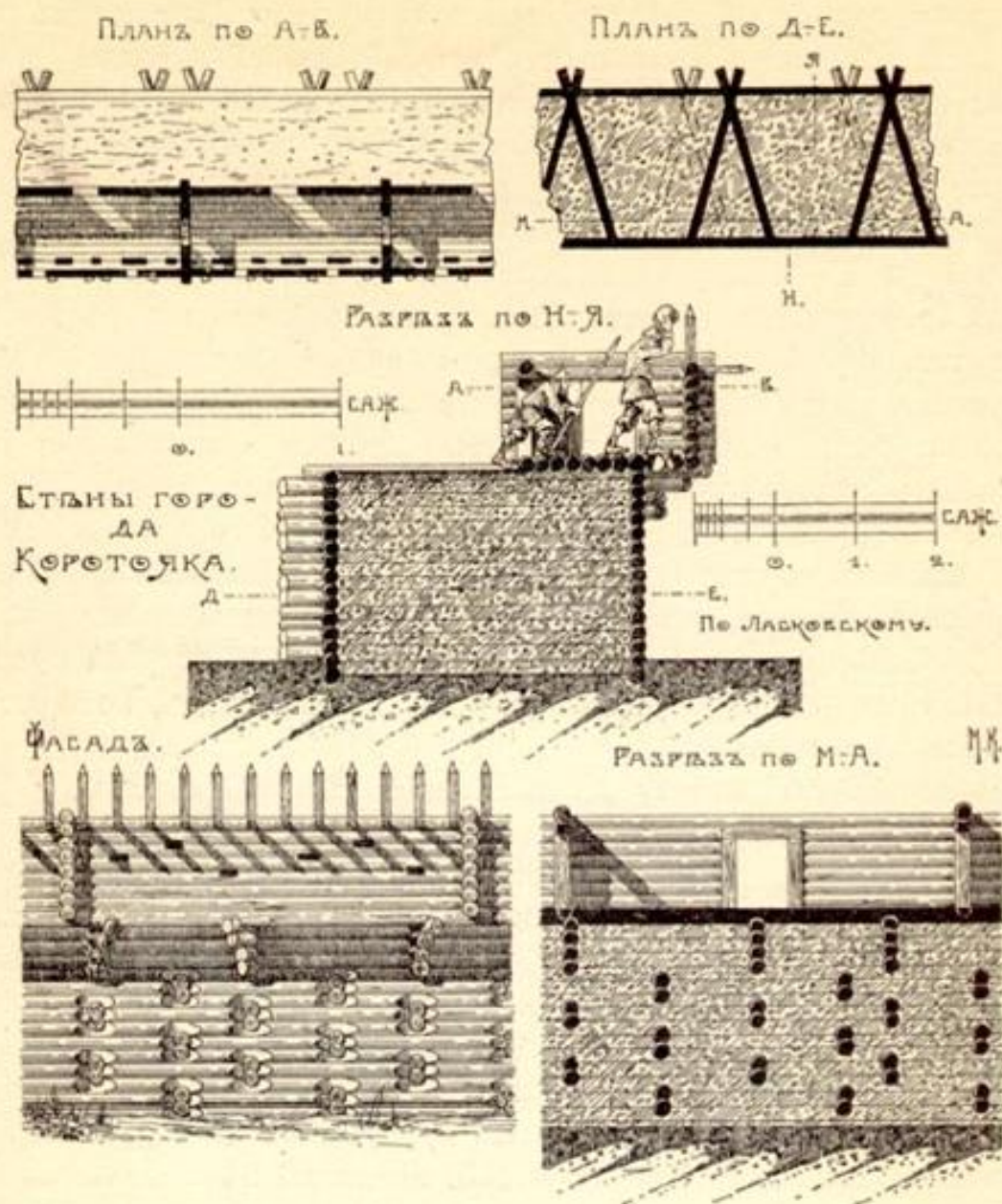

Рис. № 103.

въ томъ, что ихъ наружныя и внутреннія (продольныя) стѣны были цѣльными, какъ это видно на рисункѣ № 101 Б. Наружная и внутренняя стѣны соединялись перпендикулярными къ нимъ поперечными стѣнами, врубленными въ нихъ на разстояніи 3—4 сажень другъ отъ друга и засыпались землею или камнями; участокъ ограды между двумя поперечными стѣнками и назывался собственно „тарасой“. Толщина такихъ стѣнъ колебалась отъ одной до трехъ сажень, а высота ихъ была очень различна, въ зависимости отъ того, ставилась ли стѣна непосредственно на поверхности грунта, или же на вершинѣ земляного вала; впрочемъ, ниже одной сажени рубленныя стѣны, вѣроятно, не дѣлались, при чемъ такую высоту имъ придавали въ сравнительно позднюю эпоху, когда стали болѣе полагаться на численность защитниковъ и на ихъ военное искусство, нежели на неприступность самихъ стѣнъ; первоначально же стѣнамъ придавали значительную высоту, никогда, однако, не превышавшую стѣнъ каменныхъ, что, конечно, зависѣло исключительно отъ свойствъ матеріала деревянныхъ стѣнъ. Для приданія стѣнамъ

большей устойчивости, въ особенности тѣмъ, которыя имѣли значительную высоту, ихъ рубили не подъ одну вертикальную плоскость, а уширяли ихъ основанія откосами, устраивавшимися какъ съ наружной, такъ и со внутренней стороны ограды (рис. № 102).

Существовалъ и другой типъ стѣнъ „тарасами“, появившійся, вѣроятно, позднѣе только что разсмотрѣннаго; примѣромъ этого типа можетъ служить ограда города Коротояка, перестроенная при царѣ Іоаниѣ Грозномъ (1648 г.). Какъ видно изъ рисунка № 103, поперечныя стѣны этой ограды отстояли у ея наружной поверхности на одну сажень другъ отъ друга, а у внутренней сходились попарно, образуя треугольныя клѣтки, при чемъ положеніе бревенъ поперечныхъ стѣнъ чередовалось черезъ каждыя два вѣнца стѣнъ продольныхъ. Такая конструкція рубленной стѣны придавала ей значительно большую устойчивость по сравненію съ первымъ типомъ и затрудняла для осаждающихъ возможность сдѣлать въ ней частичный обвалъ.

Описанные типы стѣнъ тарасами примѣнялись въ теченіе долгаго времени, такъ какъ только въ XVI вѣкѣ, когда стали обороняться „огненнымъ боемъ“, т. е. огнестрѣльнымъ оружіемъ, въ нѣсколько ярусовъ, явилась необходимость въ измѣненіи первоначальной конструкціи стѣнъ тарасами. А именно: для образованія нижняго (подошвеннаго) боя въ толщѣ стѣнъ приходилось устраивать особыя камеры, въ которыхъ могли бы помѣщаться стрѣлки, защищенные отъ огня непріятеля (рис. № 104); для этой цѣли тарасы черезъ одну снабжались дополнительными продольными короткими стѣнками, врубавшимися въ поперечныя стѣны или на половинѣ глубины тарасы, или же на глубинѣ двухъ ея третей; сверху камера пере-

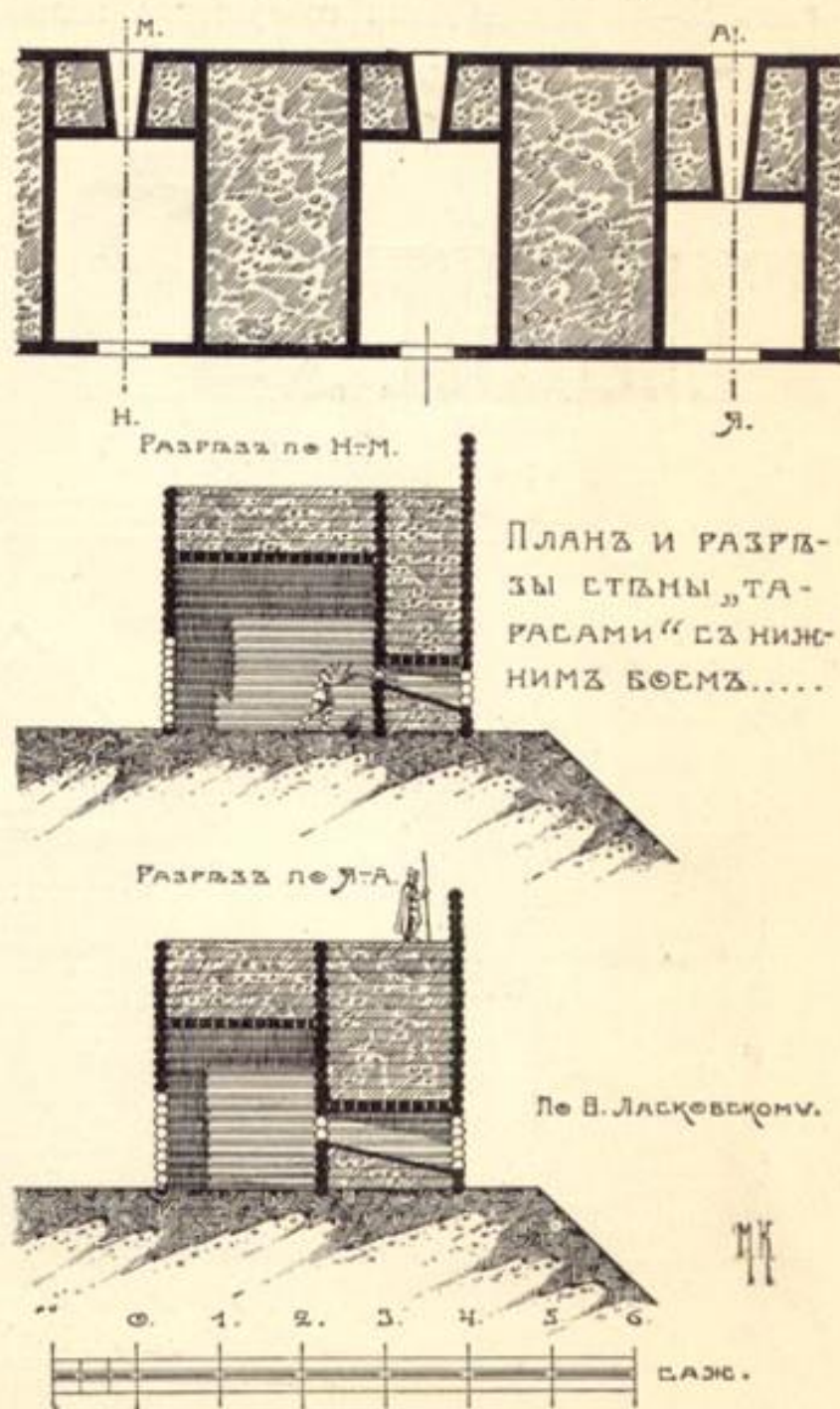

Рис. № 104.

крывалась на высотѣ 2—3 сажень накатомъ, настилавшимся по балкамъ, поверхъ котораго тараса засыпалась землею или камнями, точно такъ же, какъ это дѣлалось въ сосѣднихъ—цѣльныхъ тарасахъ. Въ остающейся передъ камерой толщѣ стѣны устраивалась бойница (М, А), бока и верхъ которой дѣлались рубленными изъ бревенъ, а низъ изъ тѣса; во внутренней продольной стѣнѣ прорубались двери (Н. Я).

Тарасы стѣнъ города Олонца (1649 годъ) отличались отъ только что рассмотрѣнныхъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ нихъ были устроены бойницы не только въ полахъ тарасахъ, но также и въ засыпанныхъ земляхъ (а—а), (рис. № 105); кромѣ того, дополнительныя продольныя стѣнки (Б) шли здѣсь не до верху стѣны, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ, а лишь на сравнительно незначительную высоту, нѣсколько превышавшую грудь человека. Послѣдній приемъ нельзя назвать удачнымъ, такъ какъ выше стѣнокъ Б.—Б. тарасы были совершенно полыми и, слѣдовательно, лишь въ весьма малой степени могли сопротивляться дѣйствию осадныхъ орудій.

Для стрѣлковъ „верхняго боя“ поверхъ тарасъ былъ насланъ бревен-

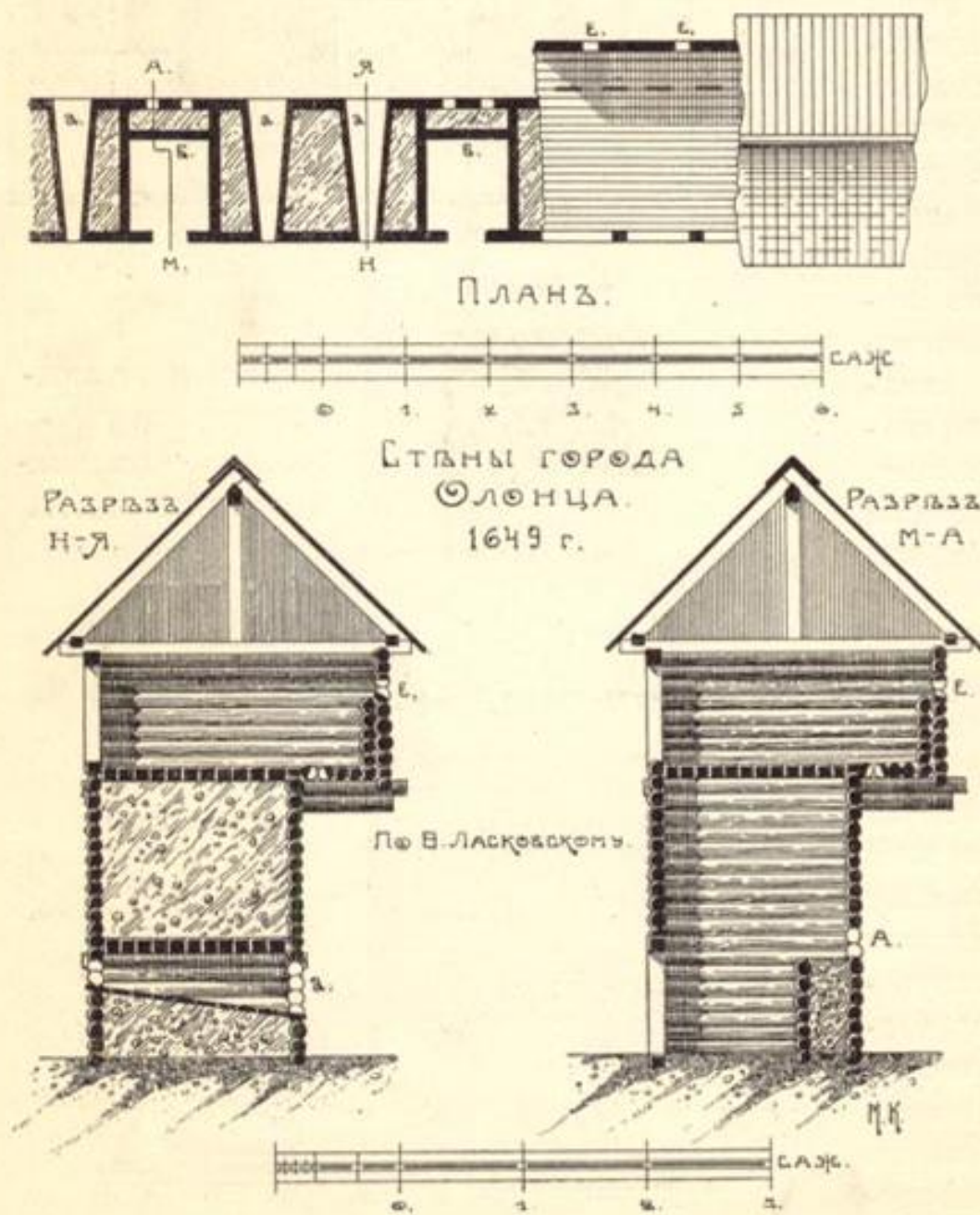

Рис. № 105.

чатый полъ („мостъ“), прикрытый со стороны поля брустверомъ, о которомъ скажемъ ниже, и покрытый двухскатной крышей.

Совершенно иную конструкцию имѣла ограда Красноярска (рис. № 106); она состояла изъ одной только сплошной продольной стѣны (рубленной), въ которую на разстояніи двухъ сажень другъ отъ друга были врублены тарасы, имѣвшія въ планѣ форму треугольниковъ. Тесовый мостъ, насланный поверхъ тарасъ, служа поломъ для стрѣлковъ верх-

ного боя, образовывалъ закрытыя помѣщенія для стрѣлковъ подошвеннаго боя; для дѣйствій послѣднихъ въ продольной стѣнѣ были прорѣзаны три ряда бойницъ, а прикрытіемъ для первыхъ служилъ брустверъ, забранный между столбами тесомъ, въ которомъ имѣлось два ряда бойницъ, и прикрытый сверху односкатной крышей.

Само собою понятно, что такія стѣны, какъ у города Красноярска, не могли долго выдерживать огня осадныхъ батарей, но зато, будучи снабжены достаточнымъ количествомъ стрѣлковъ, открывавшихъ сильный огонь, онѣ могли хорошо сопротивляться приступамъ, и поэтому устраивались, по мнѣнію Ласковскаго, въ тѣхъ случаяхъ, когда нечего было опасаться разрушительнаго дѣйствія артиллеріи.

Разсматривая приемы конструкціи деревянныхъ крѣпостныхъ стѣнъ, мы оставляли въ сторонѣ приемы устройства прикрытій для защитниковъ, размѣщавшихся по верху стѣнъ, т. е. прикрытій, отвѣчавшихъ современнымъ брустверамъ. Первоначально этихъ прикрытій быть можетъ и совсѣмъ не устраивали, такъ какъ слова „заборолъ“, „забролы“, обозначающія такія защитныя стѣнки, появляются въ лѣтописяхъ только въ XI вѣкѣ: „Мстиславу хотящу стрѣлити внезапно ударенъ бысть подѣ пазуху стрѣлою на заборолехъ сквозь доску скважею и сведоша и на ту ночь умре (1098 г.).

Изъ этой лѣтописной выдержки видно, что первоначально заборолы устраивались изъ брусчатыхъ обвязокъ, сплошь забранныхъ досками, какъ это дѣлалось иногда впослѣдствіи и въ XVII вѣкѣ, но съ нѣкоторыми измѣненіями ¹⁾

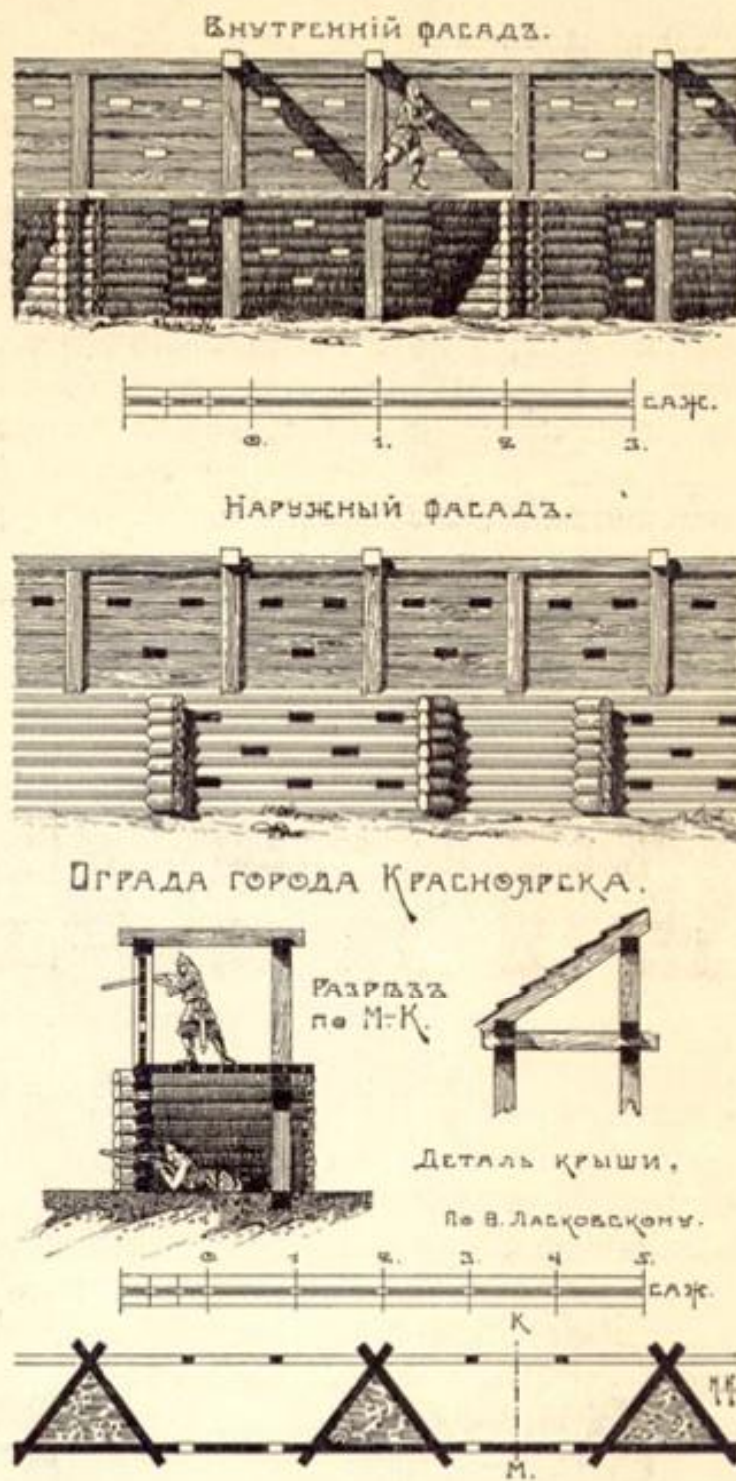

Рис. № 106.

¹⁾ Позднѣйшіе досчатые брустверы дѣлались выше человѣческаго роста и въ нихъ прорѣзывались ряды бойницъ.

Двойной
Заборолъ.

Рис. № 107.

Рис. № 108.
Заборолъ съ кроватью.
По О. Ласковскому.

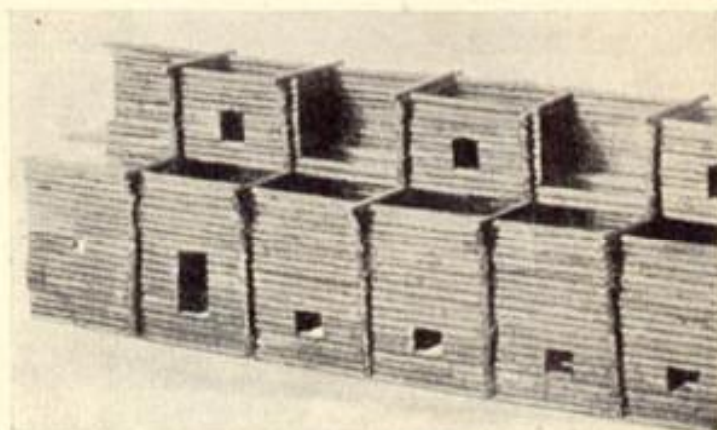

Рис. № 109.
Модель стѣны г. Якутска. По Н. Суланову.

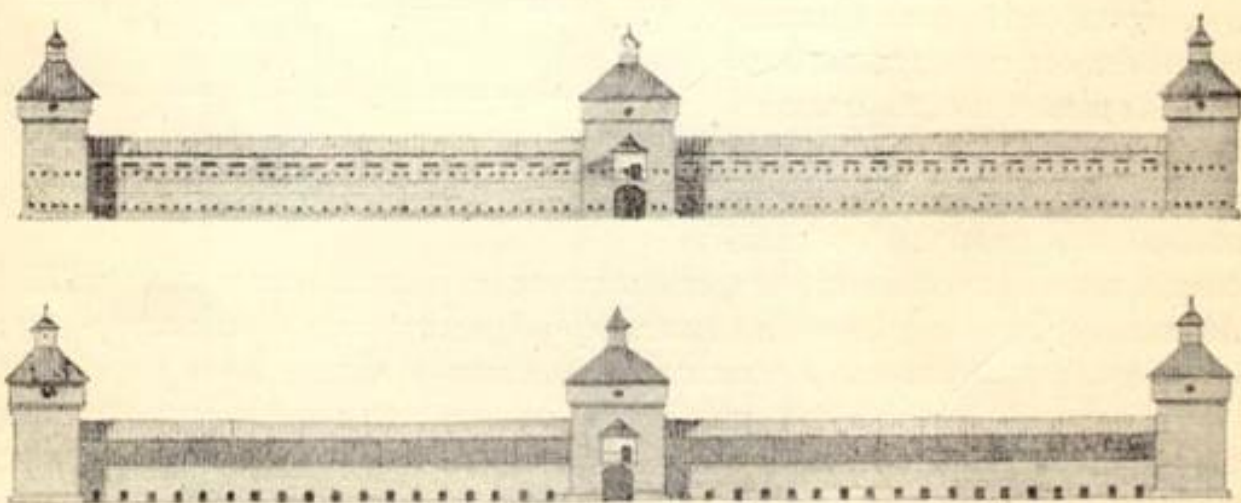

Рис. № 110.
Стѣны г. Якутска. По Н. Суланову.

(рис. № 106). Позднѣе стали дѣлать заборы бревенчатыми, но высота ихъ оставалась такая же, какъ и у досчатыхъ, т. е. 3—4 фута, чтобы ратникамъ было удобнѣе поражать непріятеля, подошедшаго къ стѣнамъ вплотную (рис. № 102). Болѣе усовершенствованный типъ бруствера состоялъ изъ выпускныхъ концовъ бревенъ (консолей), по которымъ настилался бревенчатый полъ и нарубалась вертикальная стѣнка — самый брустверь; для болѣе безопасности защитниковъ, послѣдній иногда дѣлался двойной толщины (рис. 107). Такой типъ брустверовъ получилъ въ XVII вѣкѣ названіе „облама“ или „облома“. Въ полу облама устраивались навѣсныя бойницы (стрѣльницы) М, черезъ которыя на подступившихъ къ подошвѣ стѣнъ враговъ лили кипятокъ или горячую смолу и бросали камни или чугунныя ядра. Если передняя стѣнка облама превышала высоту груди человѣка на незначительную вышину (рис. № 107), то въ ней устраивали бойницы (З), если же она была выше человѣческаго роста, то для удобнаго изъ за нея дѣйствія бойцовъ приходилось дѣлать особыя скамейки (рис. № 108), называвшіяся „кроватями“. Для приданія передней стѣнкѣ облама болѣе устойчивости въ нее врубались иногда поперечныя стѣнки, въ которыхъ прорѣзались двери для свободного перемѣщенія защитниковъ по всему пряслу стѣны; торцы этихъ стѣнокъ связывались вверху, со внутренней стороны ограды, брусьями, ниже которыхъ все зашивалось досками, но оставлялись двери. Получавшійся такимъ образомъ корридоръ, шириною около сажени, покрывался крышею и въ мирное время могъ служить складомъ для боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ, для каковой цѣли и устраивалась, вѣроятно, задняя досчатая стѣнка; во время же боя она, по видимому, могла лишь стѣснять дѣйствія защитниковъ и поэтому, надо полагать, что ее передъ осадой удаляли. Такого устройства обламъ существовалъ у стѣнъ города Коротояка (рис. № 103), гдѣ онъ былъ еще вооруженъ вертикальнымъ и горизонтальнымъ рядомъ острыхъ кольевъ (штурмфалловъ), мѣшавшихъ осаждающимъ пользоваться осадными лѣстницами.

Въ стѣнѣ города Якутска задняя стѣнка облама была бревенчатая, но она была не сплошная, а прерывалась черезъ каждую тарасу и всюду имѣла отверстія, такъ что въ каждую замкнутую клѣтку облама можно было проникнуть не только черезъ ея боковыя двери, но и черезъ эти заднія отверстія, величина которыхъ равнялась одному квадратному аршину (рис. № 109). Позади клѣтокъ облама въ стѣнѣ города Якутска шелъ круговой обходъ въ видѣ галлерей, стойки которой и перила были врублены въ горизонтальныя брусья, лежавшіе на выпускныхъ кронштейнахъ, ясно видныхъ на рисункѣ № 109.

Галлерей эта была покрыта общей съ обломомъ двухскатной крышей (рис. № 110). Крыши обычно устраивались надъ крѣпостными оградами, такъ какъ онѣ не только предохраняли деревянныя стѣны отъ порчи ихъ атмосферными осадками, но служили также для обороняющихся защитой отъ навѣсной стрѣльбы нападающихъ. Наконецъ, на скатахъ крышъ, обращенныхъ въ сторону поля, укрѣплялись иногда бревна, которыя скатывались внизъ на враговъ, подступившихъ вплотную къ стѣнамъ. Конструкція такихъ крышъ видна на рисункахъ №№ 96, 105 и 106.

Мы уже нѣсколько разъ упоминали о бойницахъ, черезъ которыя производился обстрѣлъ осаждающихъ; онѣ назывались также „городовыми, боевыми и стрѣльными окнами“ и способъ ихъ устройства находился въ зависимости отъ того, для какого рода стрѣльбы онѣ предназначались. Такъ, для пищалей (ружей) прорубались въ двухъ смежныхъ вѣнцахъ небольшія отверстія прямоугольной формы, ширина которыхъ колебалась между половиной и полутора футами, а высота — отъ полу-фута до фута, при чемъ притолки боевыхъ отверстій срубались отвѣсно, верхъ горизон-

ДЕТАЛЬ ПИЩАЛЬНЫХЪ БОЙНИЦЪ.

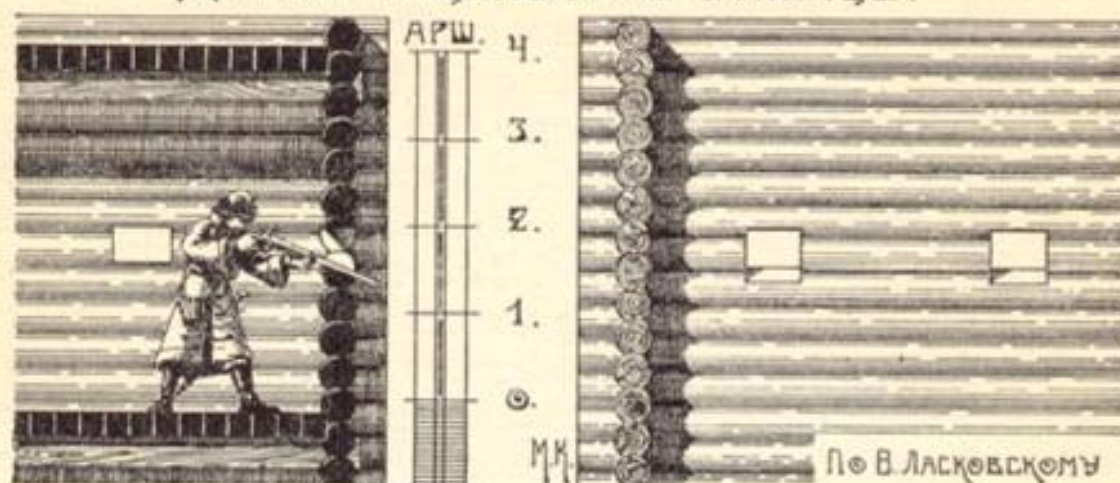

Рис. № 111.

тально, а низъ скашивался наружу съ цѣлью приблизить площадь обстрѣла возможно ближе къ подошвѣ стѣны (рис. № 111). Одна отъ другой ружейныя бойницы размѣщались на разстояніи 5-ти и 7-ми футовъ. Боевыя отверстія для пушекъ устраивались какъ волоковыя окна (рис. № 112) и, вслѣдствіе малаго калибра пушекъ, имѣли размѣры около $2\frac{1}{2} \times 2$ фута. Послѣдняго типа бойницы устраивались, вѣроятно, только въ башняхъ, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для предположенія, что пушки устанавливались когда либо на деревянныхъ стѣнахъ, толщина которыхъ была относительно не велика и, слѣдовательно, либо откатъ пушки послѣ выстрѣла, мѣшая свободному перемѣщенію по стѣнѣ живой обороны, производилъ бы среди нея нежелательную сумятицу, либо приходилось бы устраивать особыя приспособленія для упомянутаго отката орудій; но ни въ

Рис. № 112.

памятникахъ письменности, ни въ уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени деревянныхъ крѣпостныхъ стѣнахъ нѣтъ никакихъ намековъ на устройство такихъ приспособленій.

Намъ еще нужно рѣшить вопросъ, какимъ образомъ защитники укрѣпленій поднимались на

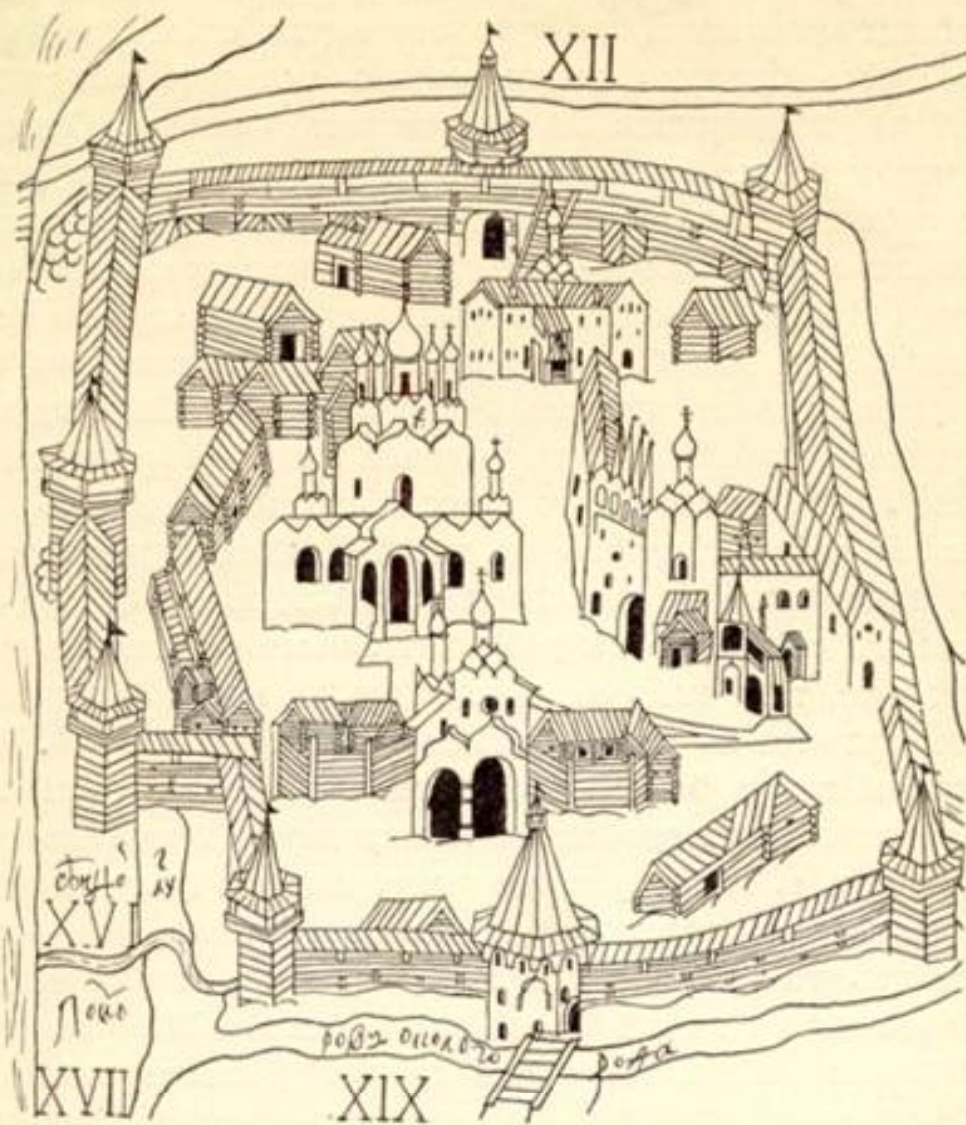

Рис. № 113.
По плану Тихвинского м.

Рис. № 114.

верхъ стѣнъ. Какъ увидимъ въ послѣдствіи, полъ одного изъ ярусовъ башенъ почти всегда находился на уровнѣ верха стѣнъ и въ башняхъ всегда имѣлись здѣсь боковыя двери, черезъ которыя защитники могли попадать на стѣны, поднявшись по лѣстницамъ башенъ. Однако, трудно предположить, чтобы защитники стѣнъ могли подниматься на нихъ такимъ путемъ во время боя, такъ какъ при этомъ неминуемо должна была происходить толкотня и, слѣдовательно, безцѣльная трата времени, драгоценнаго во время боя и въ особенности въ моментъ приступа. Поэтому слѣдуетъ предположить, что для быстрого и массоваго подъема на стѣны ихъ защитниковъ устраивались въ нѣсколькихъ пунктахъ особыя открытыя лѣстницы, расположенныя, конечно, со внутренней стороны укрѣплений и, вѣроятно, не менѣе одной для каждого прясла стѣны. Въ этомъ насъ убѣждаетъ изображеніе такой лѣстницы на планѣ Тихвинскаго монастыря (рис. № 113); правда, лѣстница эта была, если судить по этому плану, единственной во всемъ кольцѣ стѣнъ; но въ дѣйствительности лѣстницъ, надо полагать, было нѣсколько, такъ какъ одна, конечно, не могла бы удовлетворить условія быстрого подъема на стѣну большого числа ратниковъ. Что же касается упомянутыхъ выше боковыхъ дверей башенъ, то онѣ преимущественно предназначались для сообщенія между двумя пряслами стѣны, раздѣленными башней, т. е. для круговаго непрерывнаго прохода по стѣнамъ.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію типовъ башенъ.

Примѣненіе ихъ въ „городовомъ дѣлѣ“ началось очень рано, такъ какъ упоминанія о „вѣжахъ“¹⁾, въ смыслѣ башенъ, встрѣчаются въ лѣтописяхъ о событіяхъ XII вѣка: „Вѣжа же средѣ города (Холма) высока яко же бити съ нея окрестъ града, подздана каменьемъ въ высоту 15 лакотъ, создана же сама древомъ тесанымъ и убелена яко сыръ свѣтящися на вси стороны...“ (1159 г.). Судя по лѣтописямъ, въ глубокой древности башни ставились у насъ внутри укрѣпленныхъ пунктовъ и дѣлались очень высокими, во-первыхъ, съ цѣлью наблюденія за вражескими ратями, а во-вторыхъ, какъ это видно изъ приведенной выписки, съ цѣлью получить значительную площадь обстрѣла.

Впослѣдствіи башни стали устраивать въ линіи огражденій, размѣщая ихъ различнымъ образомъ и придавая имъ въ планѣ форму то квадратовъ, то многоугольниковъ, а именно шести и восьмиугольниковъ. Квадратныя въ планѣ башни, въ зависимости отъ того, были ли онѣ угловыя или стояли на прямой линіи стѣнъ, смотрѣли въ поле двумя или одною своею стороною, при чемъ изъ-за стѣны онѣ выступали на 1—1,5 сажени; это дѣлалось для того, чтобы изъ башенъ было возможно стрѣлять въ стороны, т. е. вдоль линіи стѣны, для пораженія враговъ, подошедшихъ къ ней вплотную. Шестигранныя башни смотрѣли въ поле тремя или четырьмя сторонами, а восьмигранныя—тремя или пятью (рис. № 115).

¹⁾ Первоначально словомъ „вѣжа“ называлась палатка кочевниковъ; въ послѣдствіи же, по сходству остроконечныхъ крышъ башенъ съ палатками такой же формы, сами башни стали также именоваться „вѣжами“. Башни назывались также „столпами“ и позднѣе (въ XIV вѣкѣ)—„кострами“.

Образцовъ деревянныхъ многогранныхъ башенъ, насколько намъ извѣстно, до нашего времени въ натурѣ не дошло, но что онѣ применялись довольно часто, можно заключить изъ того, что изображенія ихъ встрѣчаются въ памятникахъ письменности и картографіи; такъ, на изображеніи Тихвинскаго монастыря (рис. № 113) видно, что нѣкоторыя изъ башенъ его ограды

были шестигранныя, а на старинномъ изображеніи укрѣпленій Колы видимъ восьмигранныя башни (рис. № 114). Остатки одной громадной восьмиугольной въ планѣ башни, принадлежавшей когда-то кемскому „городу“, сфотографировалъ проф. В. В. Сусловъ (рис. № 116). Срубъ башни съ виѣшней стороны укрѣпленія былъ сдѣланъ двойнымъ, что ясно видно на фотографіи; съ внутренней стороны укрѣпленія въ башнѣ уцѣлѣлъ воротный пролетъ, а на верху ея два горизонтальныхъ бревна, свѣшивавшихся изъ-за сруба на пропускныхъ балкахъ—остатки облама ¹⁾; на фотографіи также ясно видно, гдѣ къ башнѣ примыкала рубленая стѣна ограды съ обламомъ и крышей, слѣдовательно кемское укрѣпленіе было, вѣроятно, „городомъ“, а не „острогомъ“, такъ какъ его стѣны и башни были слишкомъ солидно сдѣланы для „ostroга“, число башенъ котораго ограничивалось всегда четырьмя и стѣны дѣлались тыновыми.

Что касается прямоугольныхъ въ планѣ башенъ, то образцы ихъ, хотя и весьма немногочисленные, уцѣлѣли до нашего времени; такъ, напримеръ, сохранились башни Якутскаго острога, дающія ясное представленіе о сооруженіяхъ подобнаго рода, которое дополняется еще многочисленными

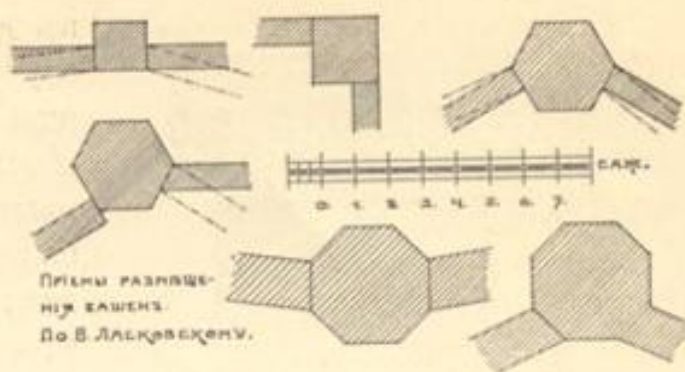

Рис. № 115.

Рис. № 116.

Башня Кемскаго города. По фот. В. Суслова.

древними изображеніями деревянныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ и не менѣе многочисленными ихъ описаніями.

Пользуясь этими данными, является возможнымъ установить существованіе нѣсколькихъ типовъ прямоугольныхъ въ планѣ башенъ. Наименѣ сложными изъ нихъ были двухъ-ярусныя башни, т. е. такія, которыя имѣли подошвенный рядъ бойницъ и одинъ ярусъ верхняго боя. Казалось бы, что полъ верхняго яруса этихъ башенъ долженъ былъ быть на одномъ уровнѣ съ верхомъ стѣнъ;

¹⁾ Объ обламахъ башенъ смотри ниже.

Рис. № 117.

въ дѣйствительности же въ большинствѣ случаевъ полъ былъ на значительно большей высотѣ, такъ что попасть на него можно было лишь по особымъ лѣстницамъ, которыя устраивались или внутри башенъ (рис. № 118), или же снаружи ихъ, въ видѣ крылецъ, выходившихъ, конечно, внутрь укрѣпленного пункта. Объясняется это тѣмъ, что двухъ-ярусныя башни рубили обыкновенно при низкихъ городскихъ стѣнахъ или при тыновыхъ оградахъ, часто совсѣмъ не имѣвшихъ верхняго боя, обстрѣль съ которыхъ не захватывалъ значительной площади противолежащаго поля; а между тѣмъ ее необходимо было имѣть, и для этой-то цѣли верхній ярусъ башенъ устраивали выше верха стѣнъ, предпочитая остаться безъ круговаго хода по верху огражденій, нежели не имѣть въ нѣкоторыхъ ихъ мѣстахъ относительно высокихъ точекъ. Верхъ такихъ башенъ оставлялся иногда открытымъ (рис. №№ 117 и 118), но въ большинствѣ случаевъ надъ нимъ устраивались крыши колпакомъ, при чемъ ихъ часто дѣлали не стропильчатыми, а рубленными изъ бревенъ, вѣнцами, какъ, напримѣръ, у двухъ башенъ въ селеніи Братскомъ, сохранившихся по настоящее время (рис. №№ 119 и 120).

Многоярусныя башни, имѣя то же назначеніе, что и двухъ-ярусныя, слу-

жили также для наблюденія за дѣйствіями непріятеля, поэтому относительная ихъ высота была велика и, кромѣ того, для послѣдней цѣли на верху ихъ имѣлись обыкновенно особыя дозорныя вышки („смотрѣльни“). Полъ второго яруса такихъ башенъ приходился по большей части на уровнѣ пола облама стѣнъ, какъ, напримѣръ, въ Якутскомъ острогѣ (рис. №№ 121 и 121 а); полъ третьяго яруса—на уровнѣ пола облама самой башни (рис. № 122) и, наконецъ, послѣднимъ ярусомъ являлась дозорная вышка, которая обыкновенно дѣлалась не рубленной вѣнцами, какъ остальные части башенъ, а стойчатой, обшитой или не обшитой тесомъ (рис. №№ 122 и 123). Вокругъ вышки устраивался часто балконъ, который собственно и служилъ наблюдательнымъ пунктомъ, а сама вышка играла роль современной будки часового. На конструкціи многоярусныхъ башенъ останавливаться не будемъ—она ясно видна на прилагаемыхъ рисункахъ башенъ города Красноярска (рис. №№ 122 и 124).

Особый типъ составляли „проѣзжія“ башни, черезъ которыя производилось сообщеніе „города“ съ полемъ, такъ какъ не въ башняхъ (непосредственно въ стѣнахъ) ворота никогда не устраивались; это объясняется тѣмъ, что ворота, являясь наиболѣе слабымъ мѣстомъ ограды, требовали особо усиленной обороны и сосредоточеннаго огня, чего гораздо легче, нежели въ стѣнахъ, можно было добиться въ башняхъ. Наружныя и внутреннія воротныя полотнища устраивались или въ противоположащихъ одна другой стѣнахъ башни, и тогда проѣздъ получался прямой (рис. № 124), или же наружныя полотнища навѣшивались на боковой стѣнѣ, и тогда проѣздъ получался подъ прямымъ угломъ (рис. № 118). Послѣдній способъ размѣщенія примѣнялся въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли нѣсколько скрыть переднія ворота или тогда, когда этого требовало само положеніе башни.

Для непосредственной обороны воротныхъ полотнищъ, въ особенности наружныхъ, также приходилось прибѣгать къ особымъ мѣрамъ, сводившимся въ сущности къ тому, чтобы было наиболѣе удобно поражать враговъ, подступившихъ къ воротамъ вплотную и уже ломающихъ ихъ. На Западѣ для этой цѣли примѣняли при каменныхъ оградахъ, такъ называемые, „мушараби“, т. е. глухіе, значительно выступающіе надъ воротами балконы, черезъ сквозныя полы которыхъ можно было очень успѣшно поражать влѣзающихъ въ укрѣпленіе непріятелей. Аналогичные выступы-балконы сохранились и на нѣкоторыхъ нашихъ деревянныхъ проѣзжихъ башняхъ.

Такъ какъ балконы имѣли значительный выносъ, то для ихъ прочной поддержки пропускали черезъ двѣ противоположныя стѣны башни длинныя бревна-кронштейны (рис. № 125), на которыхъ устанавливали брусчатый каркасъ балкона, сплошь забиравшійся тесомъ и покрывавшійся крышей. Такой конструктивный приемъ былъ примѣненъ при устройствѣ балконовъ въ проѣзжихъ башняхъ города Якутска (рис. №№ 126 и 127), а также въ башняхъ города Илимска. Одна изъ нихъ—Спаская имѣла выступъ, обращенный въ сторону поля (рис. № 128), другая же—Никольская имѣла выступъ, обращенный

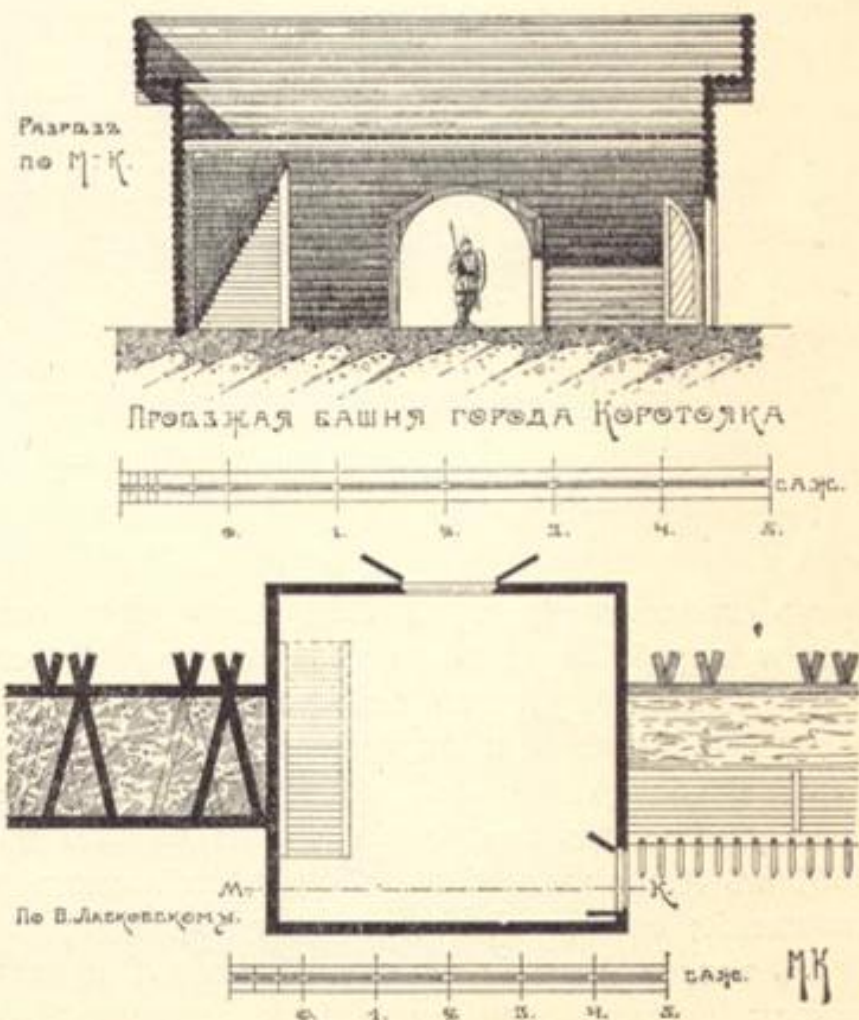
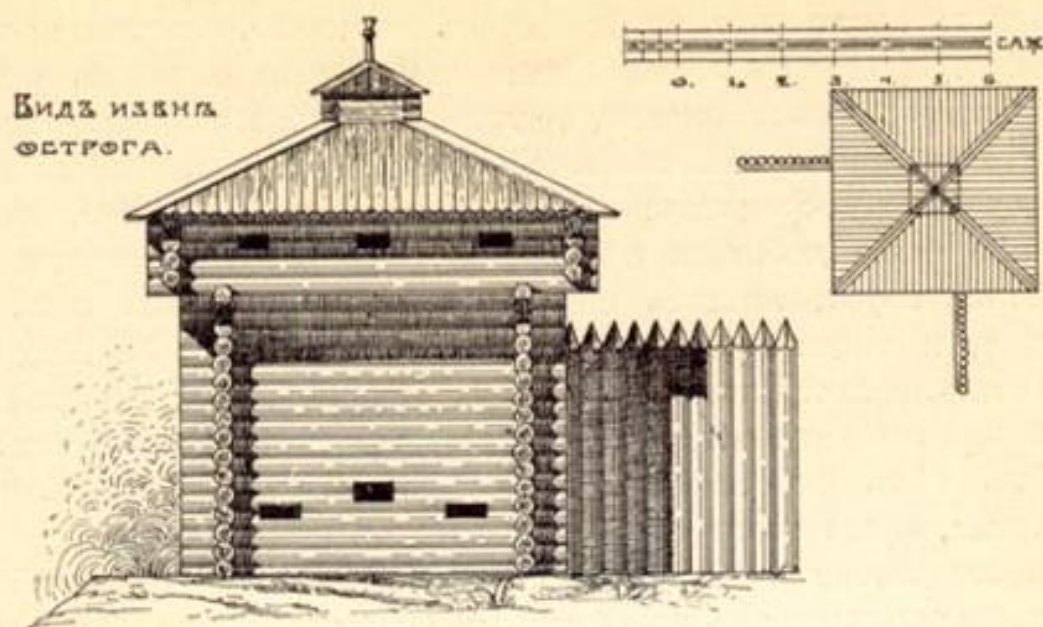

Рис. № 118.

БАШНЯ БРАТСКАГО ОСТРОГА. По В. Ласковскому и
чертежамъ Мини-
стерства В. Д.

Видъ изнутри Острога.

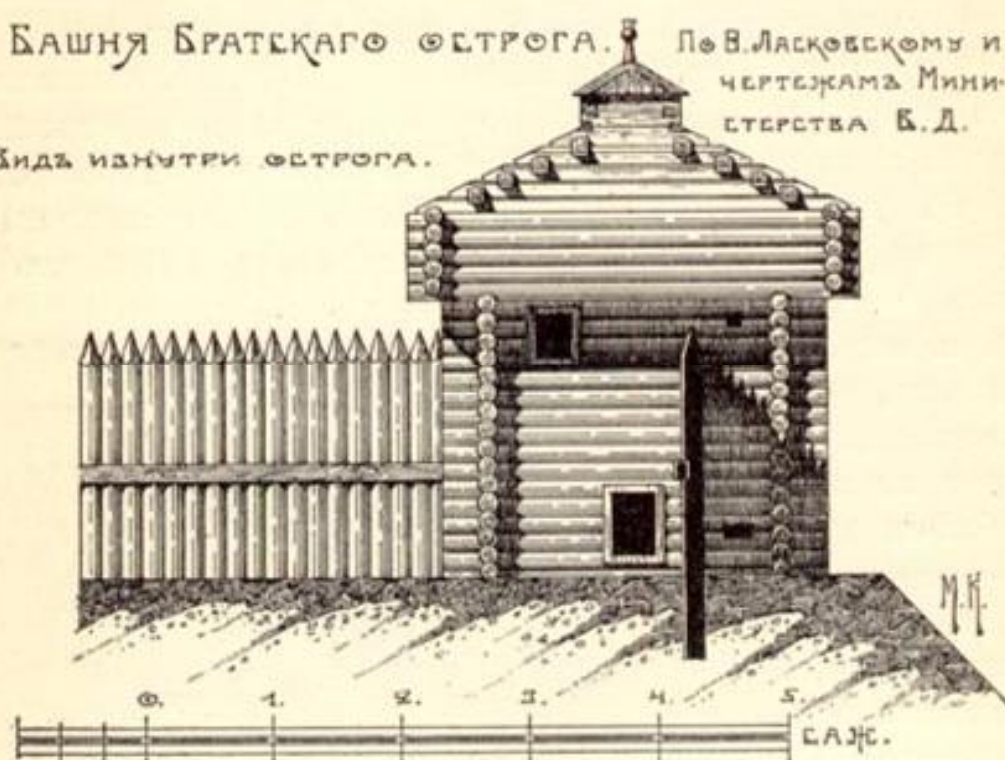

Рис. № 119.

внутри крѣпости (рис. № 129), такъ какъ онъ одновременно служилъ какъ мушараби и какъ верхняя площадка лѣстницы; наконецъ, въ проѣзжей башнѣ Якутскаго острога выступы были устроены съ двухъ ея сторонъ — наружной и внутренней такъ, что имѣлась возможность поражать не только враговъ, подступившихъ къ наружнымъ воротамъ, но и уже разбившихъ внутреннія и врывающихся въ крѣпость. Изображенные у обѣихъ Илимскихъ башенъ подкосы имѣютъ, конечно, позднѣйшее происхожденіе; они относятся къ тому времени, когда Илимскій острогъ потерялъ всякое значеніе какъ укрѣпленный пунктъ, такъ какъ, если бы эти подкосы существовали вначалѣ и служили бы существенной поддержкой для балконовъ, когда они еще не загнили, то такая конструкція съ военной

Рис. № 120.
Башня Братского острога.
По И. Серебrenникову.

Рис. № 121.
Южная башня Якутского
острога. По Н. Султанову.

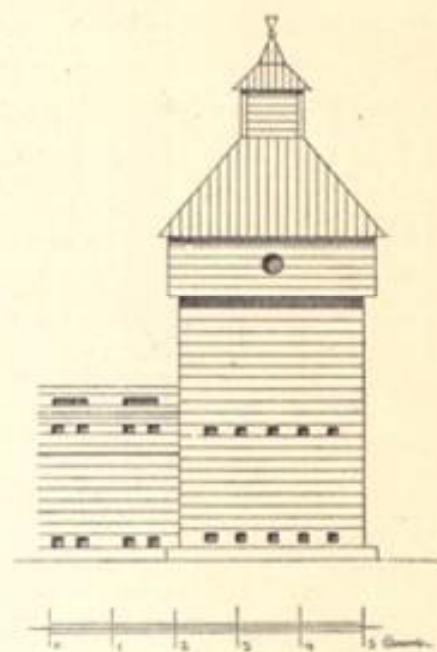

Рис. № 121а.
Остатки Якутского „города“. По Н. Султанову.

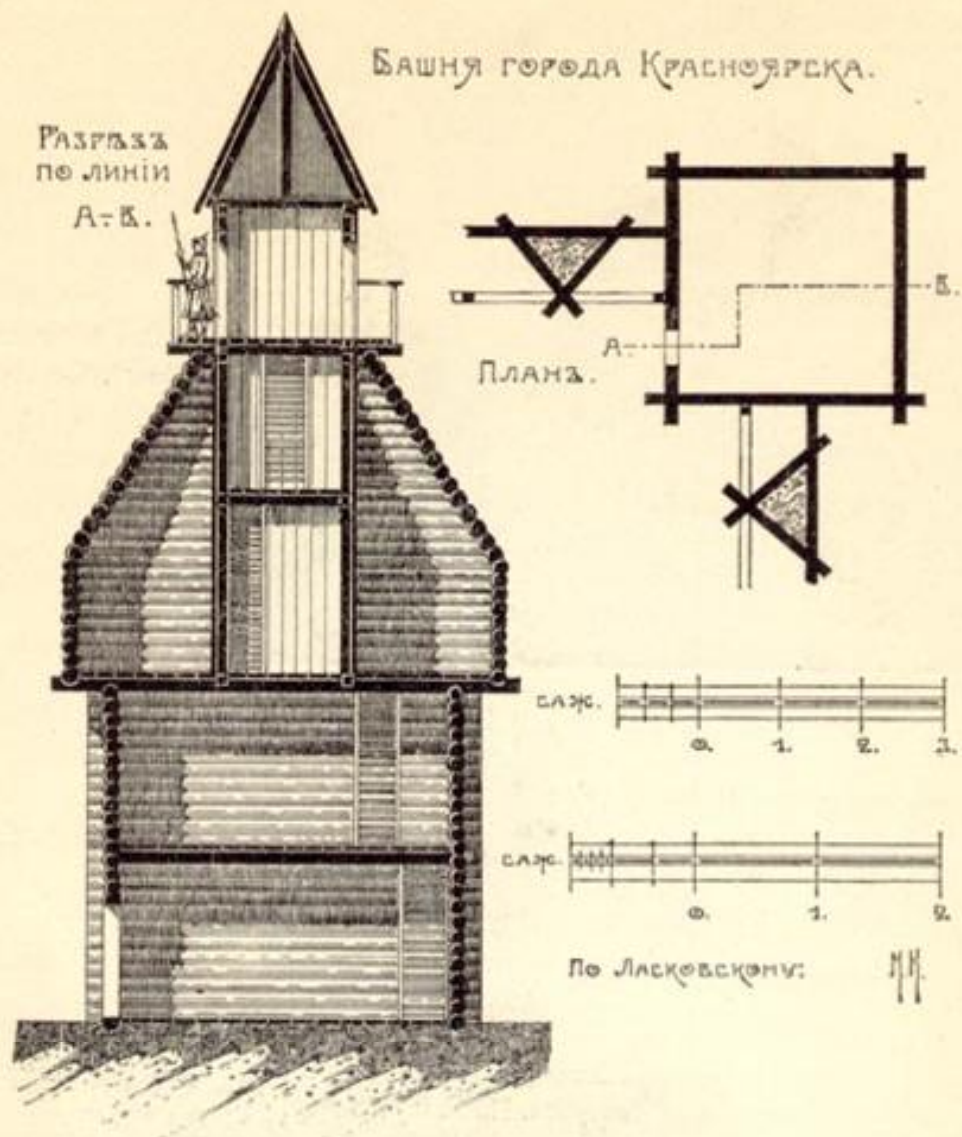

Рис. № 122.

Рис. № 123.
Башня въ Бѣльскомъ
Иркутской губерніи.

По рисунку Скорнякова.

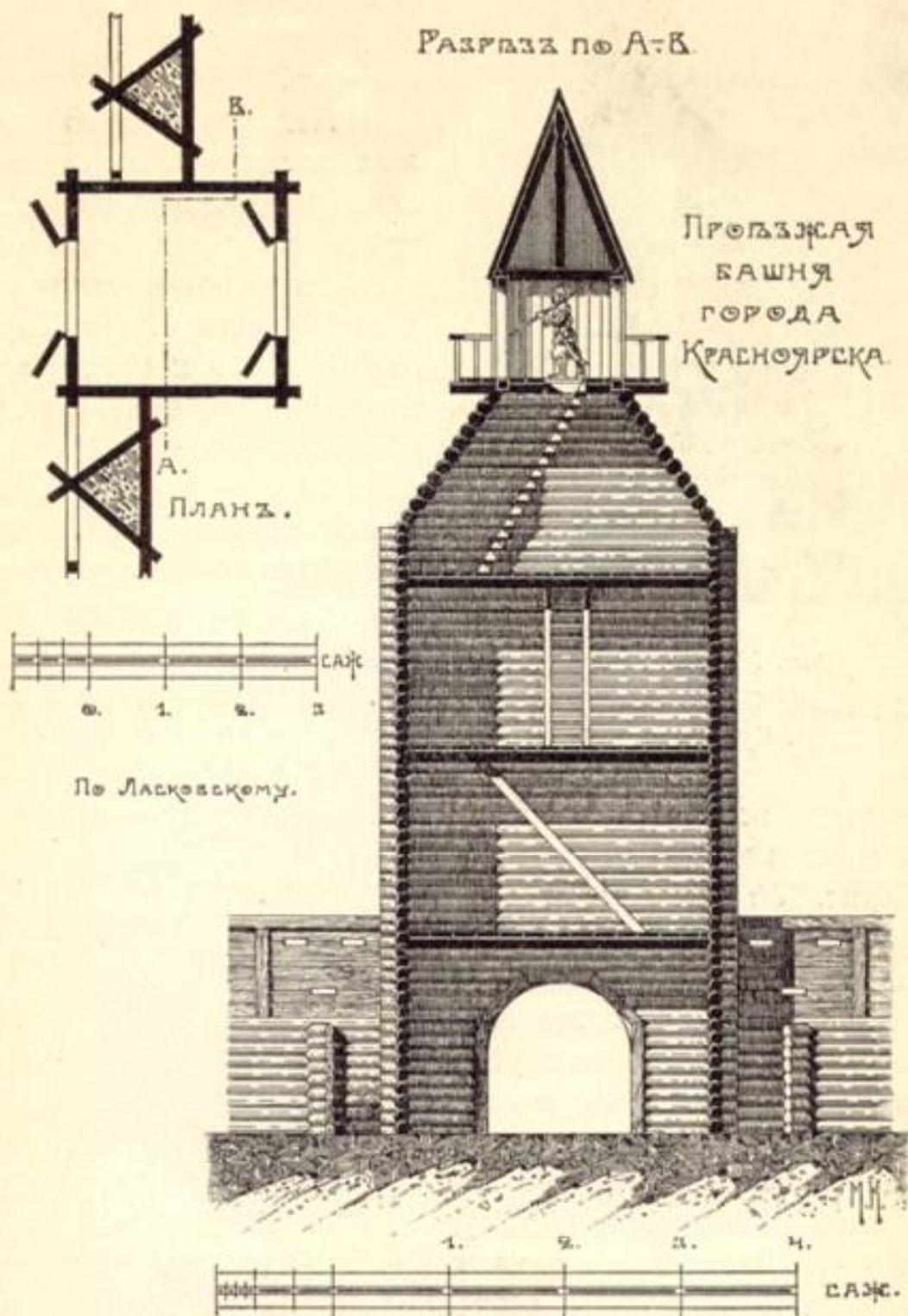

Рис. № 124.

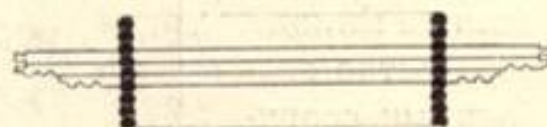

Рис. № 125.
Конструкция балкона.
По Н. Суланову.

Рис. № 126.
Средняя башня Якутскаго острога.
По Н. Суланову.

выступы; такъ, на примѣръ, обломовъ нѣтъ у Никольской башни Илимскаго острога (рис. № 129), у проѣзжей башни города Красноярска (рис. № 124) и у Спасской башни, уцѣлѣвшей до 1900 года ¹⁾, въ селѣ Торговищѣ (Пермской губерніи, Красноуфимскаго уѣзда) отъ существовавшаго тамъ когда-то острога (рис. № 130). Вѣроятно, какъ исключеніе устраивались и не проѣзжія башни безъ обломовъ; такъ, судя по чертежу Ѳ. Ласковскаго, одна изъ угловыхъ башенъ Илимскаго острога не имѣла облама (рис. № 131).

На этомъ мы закончимъ разсмотрѣніе нашихъ древнихъ фортификаціонныхъ сооруженій изъ дерева. Замѣтимъ еще только, что, если на взглядъ челоѣка, хотя бы поверхностно знакомаго съ фортификаціонными сооружениями и артиллеріей нынѣшняго времени, деревянные крѣпости нашихъ предковъ кажутся оплотами совершенно

точки зрѣнія не могла выдержать критики потому, что врагъ легко могъ, подрубивъ подкосы, обрушить весь балконъ.

Подобно стѣнамъ, башни въ цѣляхъ защиты ихъ подошвы, устраивались иногда съ обламами; изъ разсмотрѣнныхъ нами примѣровъ обламы имѣются у нѣкоторыхъ башенъ городовъ Красноярска и Коротояка (рис. №№ 117, 118 и 122), у всѣхъ башенъ Якутскаго острога (рис. № 121а), у нѣкоторыхъ башенъ Илимскаго острога (рис. № 128) и у всѣхъ башенъ Братскаго острога (рис. № 119). Однако, не рѣдко башни рубились и безъ обломовъ, но, повидимому, отсутствіе облама допускалось обычно лишь для проѣзжихъ башенъ, и притомъ только тогда, когда онѣ имѣли надвратные

Рис. № 127.
Проѣзжая башня Якутскаго острога.
По Н. Суланову.

¹⁾ Башня сгорѣла въ 1899 году.

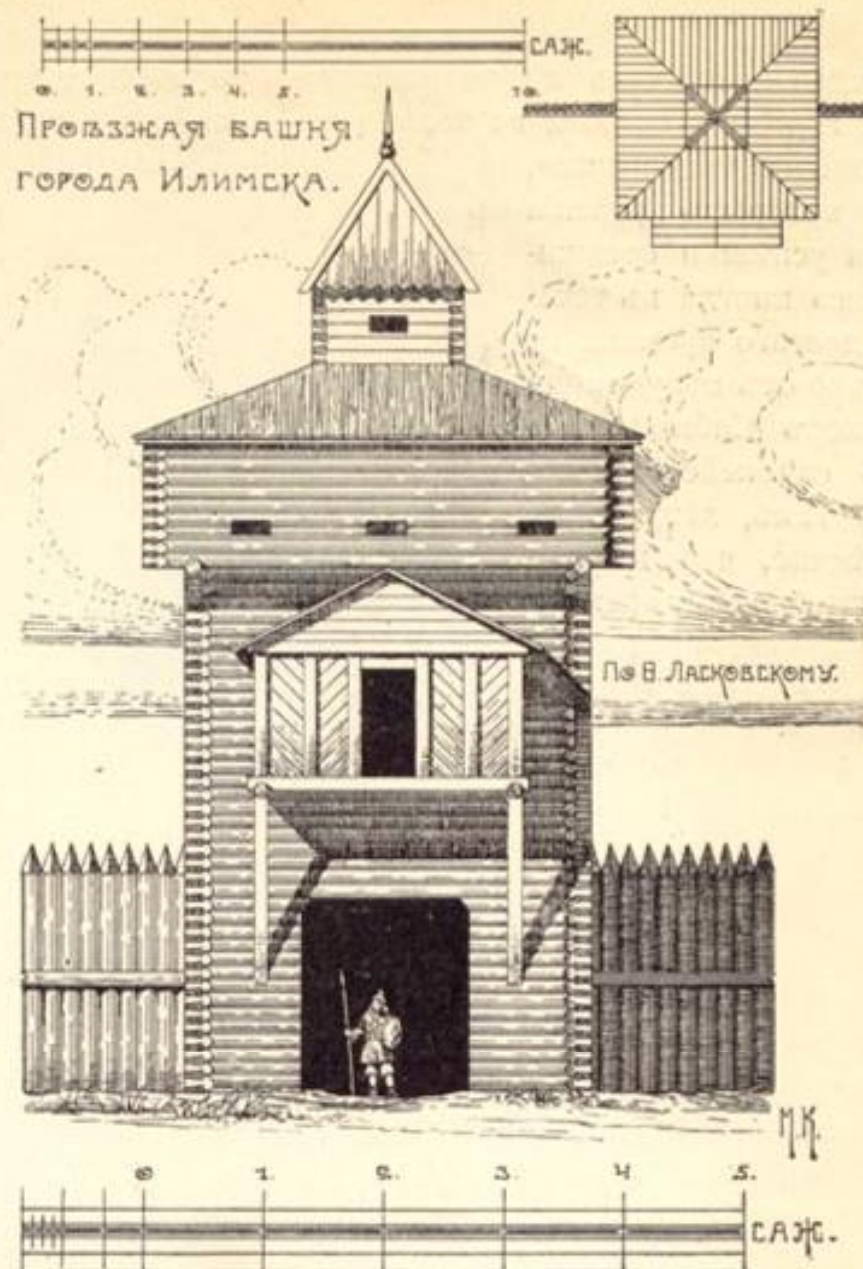
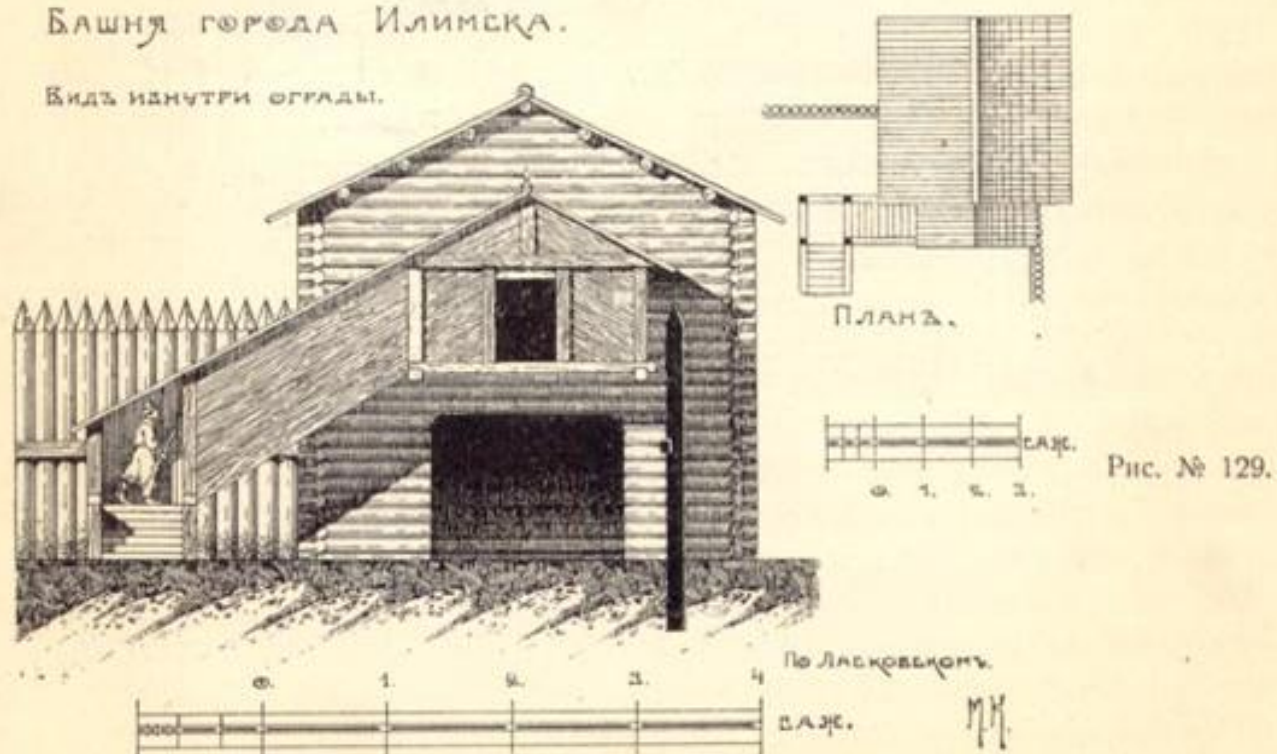

Рис. № 128.

Башня города Илимска.

Видъ изнутри ограды.

ненадежными, чуть ли не наивными, то въ свое время подобные деревянные города и остроги не только казались, но и въ дѣйствительности были грозными твердынями, въ которыхъ русскія рати успѣшно отсиживались иногда въ теченіе долгаго времени не только отъ полудикихъ племенъ Сибири, но и отъ европейскихъ армій. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что великолѣпныя по тому времени

шведскія войска, осадившія въ началѣ XVII вѣка Тихвинскій монастырь, не могли овладѣть его деревянными стѣнами и башнями, несмотря на то, что сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы сломить эту твердыню.

Рис. № 130.
Дозорная башня въ селѣ
Торговищахъ.
Фот. Л. Браиловскаго.

БАШНЯ ГОРОДА ИЛИМСКА.

Рис. № 131.

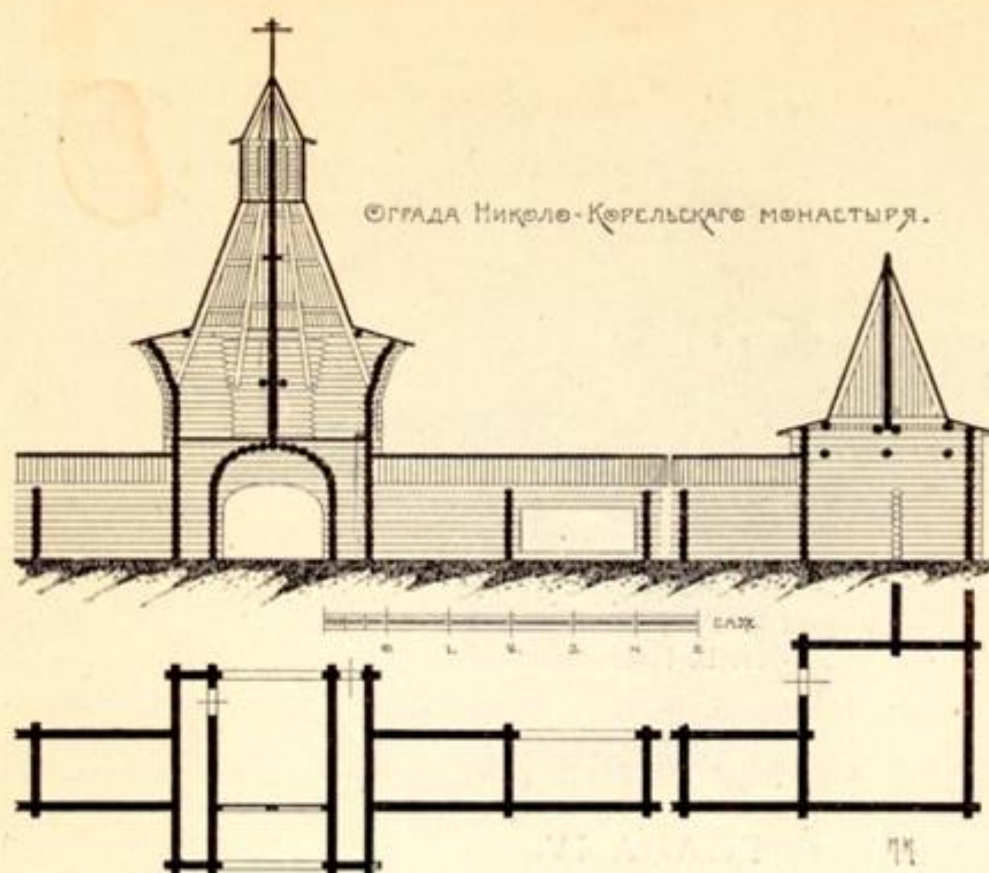

Рис. № 132.
Ворота Николо-Корельскаго мон.
Фот. В. Плотникова.

ГЛАВА IV.

Въ предыдущей главѣ мы отмѣтили, что большая часть нашихъ древнихъ монастырей представляла собою важные стратегическіе пункты, вслѣдствіе чего ихъ стѣны и башни устраивались въ большинствѣ случаевъ такъ же, какъ и у специальныхъ „городовъ“ и „остроговъ“. Нѣкоторые же монастыри и скиты, а также погосты, т. е. церкви съ окружающими ихъ кладбищами, никогда не имѣли стратегическаго значенія, но тѣмъ не менѣе ихъ приходилось обносить крѣпкими оградами, такъ какъ въ былое время на Руси жилось не спокойно, надо было беречься не только нападеній иноземцевъ, но и своихъ „лихихъ людей“, которыхъ было не мало, и которые вѣчно угрожали спокойному теченію жизни. Всѣмъ приходилось огораживаться прочными заборами, а въ особенности монастырямъ, скитамъ и погостамъ, часто стоявшимъ на значительномъ разстояніи отъ населенныхъ пунктовъ. Конечно, по мѣрѣ увеличенія общественной безопасности, такіа ограды постепенно теряли свое стратегическое значеніе и превращались изъ грозныхъ оплотовъ, противъ всякихъ недруговъ, въ простыя ограды, отдѣлявшія замкнутый міръ иноковъ или отшельниковъ отъ волненій жизни мірянъ, или же разграничивавшія владѣнія живыхъ отъ владѣній мертвыхъ—отъ погостовъ.

Поэтому среди монастырскихъ оградъ встрѣчались такіа, которыя, не будучи въ дѣйствительности оборонительными сооруженіями, по внѣшнему виду были очень на нихъ похожи; въ особенности ихъ башни. До нашего времени такихъ деревянныхъ оградъ дошло очень мало, но примѣромъ того, насколько ихъ строили прочно и въ то же время художественно, можетъ служить ограда Николо-Корельскаго монастыря подъ Архангельскомъ, построенная въ концѣ XVII столѣтія (рис. № 132). Въ 1880 году стѣны этой ограды пришли въ такую ветхость, что ихъ замѣнили новыми; башни же

ОГРАДА НИКОЛО-КОРЕЛЬСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Рис. № 133.
По Д. В. Милёву.

были только обшиты тесомъ, вслѣдствіе чего онѣ, конечно, въ значительной мѣрѣ утеряли свою живописность. Тѣмъ не менѣе, это не мѣшаетъ замѣтить съ одной стороны тѣсное сродство главной башни монастыря съ башнями древнихъ крѣпостей, а съ другой стороны нѣкоторыя такія детали, которыя говорятъ о томъ, что она никогда не предназначалась для оборо-

нительныхъ цѣлей, а была лишь „святыми воротами“ ¹⁾ монастыря. Въ самомъ дѣлѣ, первое, считая снизу, уширеніе восьмерика разсматриваемой башни, являющееся безспорнымъ подражаніемъ обламамъ боевыхъ башенъ, никогда въ дѣйствительности таковымъ не было, такъ какъ устраивать обламъ надъ выступами нижележащаго четверика съ военной точки зрѣнія не имѣло никакого смысла потому, что все бросаемое или выливаемое изъ облама въ этихъ мѣстахъ не причиняло бы ни малѣйшаго вреда непріятелямъ, такъ какъ попадало бы не въ нихъ, а на выступы четверика. Вообще различіе въ планахъ перваго и втораго ярусовъ у башни стратегическаго назначенія нельзя считать удачнымъ, такъ какъ выступы нижняго яруса могли бы являться весьма удобными точками для штурмующихъ башню враговъ; вѣроятно, въ силу этого почти всѣ разсмотрѣнныя нами крѣпостныя башни имѣли одну и ту же форму плана отъ ихъ низа до самаго облама. Для башни же мирнаго назначенія такое различіе формы плановъ ея этажей весьма желательно, такъ какъ придаетъ ей большую живописность.

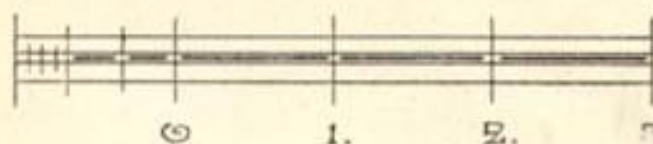
Не безынтересна и конструкція главной башни Никола-Корельскаго монастыря; ея квадратный въ планѣ срубъ значительно выступаетъ впередъ какъ внутри ограды, такъ и снаружи ея и раздѣленъ двумя внутренними стѣнами на три части, изъ которыхъ средняя покрыта цилиндрическимъ сводомъ изъ бревенъ и служитъ воротнымъ проѣздомъ (рис. №№ 133 и 134), а два боковыхъ предназначаются, вѣроятно, для кладовыхъ. Основу шатра составляютъ восемь стропильныхъ ногъ, схваченныхъ вверху восьми-

¹⁾ Т. е. главными.

ГЛАВНАЯ БАШНЯ
НИКОЛО-КОРЕЛЬСКА-
ГО МОНАСТЫРЯ...

По Д.В. Милеву.

Рис. № 134.

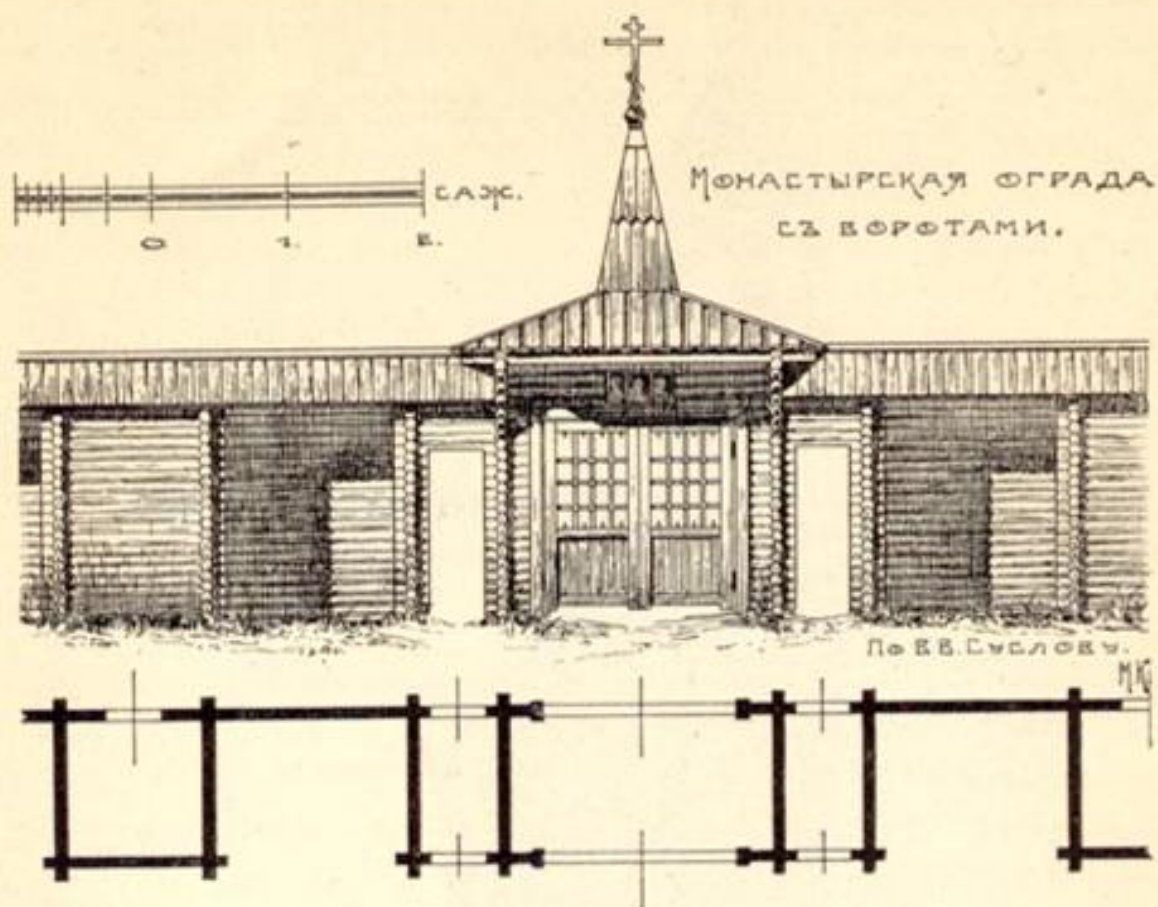
САЖ.

МК.

Рис. № 135.
Ворота Данилова
Скита.

Фот. В. Плотникова.

угольной обвязкой, въ которую врублены стойки восьмерика, въ свою очередь схваченныя вверху обвязкой, служащей основаніемъ для стропиль вѣнчающаго шатрика. Сквозь весь верхъ башни проходитъ мачта, низъ которой зажатъ между двумя балками, а верхъ служитъ основаніемъ для креста.

Что касается угловыхъ башенъ того же монастыря, то онѣ кажутся придавленными, вслѣдствіе малой высоты ихъ четырехгранныхъ шатровъ и слишкомъ пологихъ полицъ.

Повидимому, не менѣе серьезную и красивую ограду имѣлъ Даниловъ скитъ, основанный въ началѣ XVII вѣка на дальнемъ сѣверѣ (на рѣкѣ Выгѣ) и представлявшій собою значительный культурный центръ. Въ 1855 году скитъ этотъ, какъ старообрядческій, былъ упраздненъ; многія его моленныя и часовни были уничтожены и въ настоящее время отъ бывшаго его великолѣпія осталось лишь нѣсколько срубовъ ограды, да ворота, имѣвшія, повидимому, второстепенное значеніе, т. е. не „святыя ворота“ (рис. № 135). Особенно оригинально въ этихъ воротахъ расположеніе вѣнчающей ихъ бочки, повернутой ея днищами по линіи стѣнъ, а не по линіи проѣзда, какъ это дѣлалось обычно. Что касается самихъ стѣнъ этой ограды, то онѣ были срублены такъ же, какъ изображенныя на рисункѣ № 136, т. е. состояли изъ наружной прямой стѣны, въ которой были прорублены небольшія дверцы. Эти дверцы вели въ маленькіе, прямоугольные въ планѣ срубы, которые имѣли двойное назначеніе: служили контрфорсами для прямой стѣны, а въ праздничные или въ базарные дни играли роль ларьковъ для нанимавшихъ ихъ пріѣзжихъ купцовъ. Вся ограда была покрыта въ ширину срубовъ общей двухскатной крышей изъ теса. Аналогично устроены стѣны и у Николо-Корельскаго монастыря (рис. № 133).

Нельзя не замѣтить близкаго сходства описанной ограды съ крѣпостными стѣнами, рубленными тарасами.

Подобный же характеръ имѣетъ ограда Спасскаго погоста ¹⁾ (рис. № 137), отличающаяся отъ только что разсмотрѣнной главнымъ образомъ тѣмъ, что отверстія въ ларьки устроены не изнутри ограды, а снаружи ея, и также тѣмъ, что наружная стѣна въ промежуткахъ между ларьками не сплошная: непрерывно идутъ лишь нѣсколько бревенъ вверху стѣны и внизу ея, а остающіеся длинные прямоугольники забраны вертикальными брусками, повернутыми по діагонали.

Нѣсколько иной характеръ имѣетъ

Рис. № 138.

Ограда Лядинскаго погоста. По А. Бобринскому.

¹⁾ Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи.

Рис. № 139.
Ограда
Спасского погоста.
По А. Бобринскому.

Рис. № 140.
Ограда церкви села
Ошевенского.
Фот. И. Билибина.

ограда Лядинскаго погоста ¹⁾ (рис. № 138), у которой срубы разставлены сравнительно далеко другъ отъ друга и настолько малы въ планѣ, что устроить въ нихъ ларьки было невозможно; поэтому они глухіе и нѣкоторые изъ нихъ немного превышаютъ крышу ограды, образуя какъ бы миниатюрныя башенки, покрытыя куполками и увѣнчанныя высокими шпильями (тычками). Промежутки между срубами внизу ограды сплошныя (на высоту 6 и 7 вѣнцовъ), по серединѣ забраны брусками (на высоту трехъ вѣнцовъ), а въверху ограды, подъ самой ея крышей, опять идутъ два сплошныхъ вѣнца.

Почти такъ же устроена ограда, изображенная на рисункѣ № 139; она отличается отъ предыдущей лишь тѣмъ, что срубы ея имѣютъ въ планѣ не квадратную, а пятигранную форму, отчего на нихъ получается болѣе богатая игра свѣта и тѣней, а также тѣмъ, что подъ вертикальными брусками пропущено только по три горизонтальныхъ бревна.

Очень интересна церковная ограда въ селѣ Ошевскомъ ²⁾; ея сплошныя рубленныя стѣны и стройныя угловыя башенки производятъ издали впечатлѣніе „города“, и только въблизи, по крестамъ на шатрахъ башенокъ, да по ставнямъ ларьковъ, которыя повѣшены снаружи ограды, можно догадаться, что послѣдняя никогда не имѣла стратегическаго назначенія (рис. № 140).

Весьма просто сконструирована ограда Введенской церкви Осиновскаго прихода ³⁾; ея стѣны образованы восемью рядами бревенъ, схваченныхъ

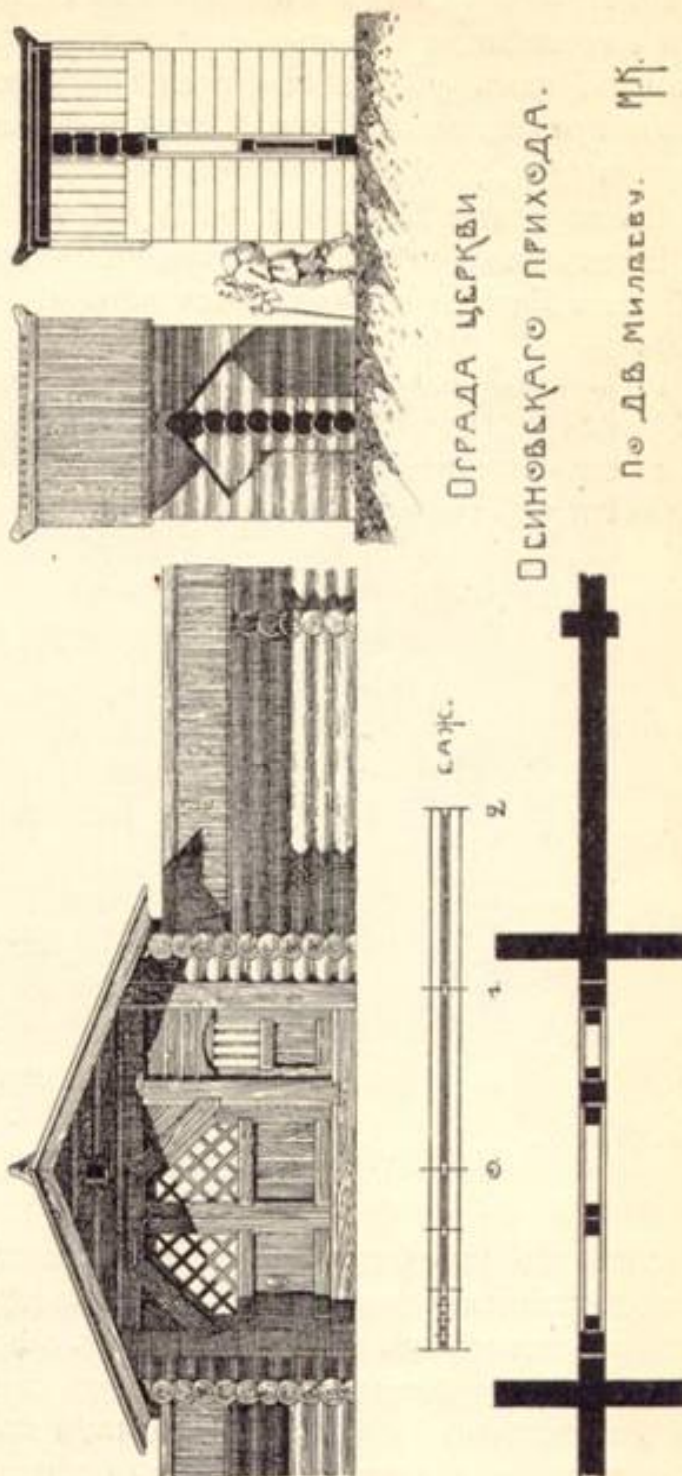

Рис. № 141.

¹⁾ Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи.

²⁾ Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи.

³⁾ Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

бревенчатыми же контрфорсами, профиль которых приспособленъ вверху для поддержанія двухскатной крыши (рис. № 141).

Каждая ограда имѣла обыкновенно нѣсколько воротъ и калитокъ. Ворота по большей части устраивались въ двухъ противолежащихъ частяхъ ограды, при чемъ одинъ изъ нихъ были главными и назывались „святыми“. Приемы композиціи воротъ были очень разнообразны—начиная отъ такихъ сложныхъ, какъ у Николы-Корельскаго монастыря (рис. № 132), и кончая самыми примитивными, вродѣ воротъ монастырскаго кладбища близъ села Данилова (рис. № 142).

Съ воротами Данилова скита мы уже знакомы (рис. № 135).

Нѣсколько болѣе художественнымъ приемомъ, нежели ворота на кладбищѣ села Данилова, отличаются ворота, изображенныя на рисункѣ № 143;

Рис. № 142.

Ворота монастырскаго кладбища с. Данилова. Фот. Ѳ. Киликина.

онѣ состоятъ изъ двухъ крестообразныхъ въ планѣ срубовъ, покрытыхъ крутой двухскатной крышей, фронтоны которой украшены рѣзьбой. Въ центрѣ конька крыши такихъ воротъ ставилась обыкновенно главка, покрытая лемехомъ, а между срубами устраивалась подъ самой крышей полка, на которую ставились иконы, чтобы каждый входящій въ ограду могъ бы на нихъ помолиться и этимъ подготовить себя къ благоговѣйному входу въ самый храмъ. Въ такомъ же родѣ скомпанованы ворота ограды Введенской церкви Осиновскаго прихода; онѣ отличаются отъ предыдущихъ главнымъ образомъ тѣмъ, что конекъ ихъ крыши направленъ параллельно линіи проѣзда, а не линіи ограды (рис. № 141).

Повидимому, очень распространеннымъ типомъ воротъ былъ тотъ, который примѣненъ въ уже знакомомъ намъ Спасскомъ погостѣ (рис. №№ 137 и 139). Ворота этого типа состояли изъ двухъ срубовъ, противолежащія

стѣнки которыхъ рубились выше нижней линіи крыши ограды со значительнымъ, но постепеннымъ напускомъ (повалами) въ наружную сторону ограды. Оба конца двухъ верхнихъ повальныхъ бревенъ схватывались поперечинами и въ образованную такимъ образомъ раму врубались концы стропильныхъ ногъ плоской четырехскатной крыши, поверхъ которой ставилась дополнительная крыша, въ видѣ четырехграннаго шатра, увѣнчаннаго крестомъ.

Очень часто въ срубахъ такихъ воротъ устраивались калитки (рис. № 136) и тогда онѣ получали еще болѣе затѣйливый видъ; иногда же калитка ютилась рядомъ съ полотнищами воротъ, находясь также между срубами (рис. № 137).

При оградахъ большаго протяженія калитокъ у воротъ было недостаточно, поэтому въ такихъ случаяхъ устраивали отдѣльныя калитки, образцомъ которыхъ можетъ служить калитка въ оградѣ Лядинскаго погоста,

Рис. № 144.

Калитка Лядинскаго погоста. По А. Бобринскому.

¹⁾ Бѣлозерскаго уѣзда, Новгородской губерніи.

Рис. № 143.

спокойныя, даже суровыя формы которой какъ бы подчеркиваютъ богатство формъ высящагося за оградой храма (рис. № 144).

Что касается полотнищъ воротъ и калитокъ, то ихъ дѣлали глухими, тесовыми (рис. № 144), или съ глухимъ низомъ и рѣшетчатымъ верхомъ, или же рѣшетчатыми отъ верха до низа, какъ, напримѣръ, въ оградѣ Покровской церкви на погостѣ Замошіи ¹⁾ (рис. № 145).

Говоря объ оградахъ погостовъ, нельзя не сказать нѣсколько словъ о надгробіяхъ и могильныхъ крестахъ, толпящихся за этими оградами. Ко-

нечно, самыя древнія изъ дошедшихъ до насъ деревянныхъ надгробій не могутъ быть старше конца XVII, начала XVIII столѣтій, но въ этой области, болѣе чѣмъ гдѣ либо, должна сказаться приверженность русскихъ людей придерживаться стародавнихъ традицій и, слѣдовательно, ставить надъ могилами своихъ отцовъ такія же надгробія, какія ставили прадѣды надъ могилами своихъ отцовъ.

Древній стиль надгробій сохранилъ свою чистоту дольше всего на сѣверѣ, гдѣ въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ старообрядцы и до сихъ поръ во многомъ придерживаются древнихъ обычаевъ и часто ставятъ на своихъ погостахъ надгробія по стариннымъ образцамъ.

Рис. № 145.
Ворота погоста Замошія.
По А. Бобринскому.

Хотя такія надгробія безконечно разнообразны по деталямъ, но по основнымъ чертамъ композиціи они могутъ быть раздѣлены на три главныя группы, а именно: на „гробницы“, на „срубы“ и на „намогильнички“, или „намогильные столбики“. Первыя представляли собою въ сущности часовни, т. е. небольшіе, квадратные или прямоугольные въ планѣ срубы, покрытые двухскатными крышами, тесовые коньки которыхъ увѣнчивались иногда луковичными главками и крестами (рис. № 146), а фронтоны украшались порѣзками. Стѣны рубились изъ бревенъ или брусьевъ съ углами въ „лапу“, или съ „остаткомъ“ (рис. № 147), при чемъ стѣны параллельныя коньку крыши дѣлались иногда внизу съ откосами, какъ, напримѣръ, у одной гробницы на погостѣ села Тихвинъ-Бора ¹⁾ (рис. № 148). Въ гробницѣ всегда устраивалась дверь,

а иногда и небольшія оконца; внутри по стѣнамъ размѣщались полки для иконъ и крестовъ и лавка, на которой можно было присѣсть, чтобы не утомляясь подольше побыть въ гостяхъ у дорогого покойника. Идея сооруженія такого типа надгробій вытекала, вѣроятно, съ одной стороны изъ желанія оградить могильные холмики отъ оскверненія ихъ животными, случайно попадавшими въ ограды погостовъ, а также отъ зарастанія ихъ травой и кустами, или отъ размыванія ихъ дождевой водой; съ другой стороны, идея этихъ надгробій могла зародиться еще въ глубокой древности, на почвѣ языческихъ вѣрованій въ необходимость пристанища для души покойника, въ которое его родственники приносили пищу и питье. Очевиднымъ отголоскомъ этихъ вѣрованій является обычай, сохранившійся у насъ во многихъ мѣстахъ до настоящаго времени, и заключающійся въ томъ, что родственники, приходящіе на Красную Горку къ могиламъ, приносятъ съ собою пасхальныя яйца, которыми христосуются съ покойниками и которыя оставляютъ на могилахъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приносятъ не только яйца, но также кусочки куличей и пасохъ.

¹⁾ Олонецкой губерніи.

Рис. № 146.
„Гробницы“ въ Тогозерѣ. Фот. О. Каликина.

Рис. № 147.
„Гробницы“. С. Данилово. Фот. О. Каликина.

Рис. № 148.
„Гробница“. С. Тихвинъ - Боръ.
Фот. О. Каликина.

Рис. № 149.
„Срубешъ“. По А. Бобринскому.

Аналогичными гробницамъ по идеѣ и по формѣ являлись „срубцы“, такъ какъ они отличались отъ первыхъ одними только размѣрами, являясь какъ бы плотно пригнаннымъ футляромъ для могильнаго холмика (рис. № 149). Въ самомъ дѣлѣ, это были прямоугольные ящики, сколоченные изъ теса или срубленные изъ брусьевъ, надъ двухскатной крышкой которыхъ ставились кресты (рис. № 150). Иногда кресты ставили за срубцемъ—въ головахъ могилы, а въ противоположномъ фронтончикѣ прорѣзали небольшое квадратное отверстіе, очевидно, имѣвшее лишь символическое значеніе, связанное съ упомянутыми выше вѣрованіями, такъ какъ никакого практическаго смысла оно, конечно, имѣть не могло (рис. № 151).

Наконецъ, „намогильнички“ представляли собою иногда очень богато украшенныя стойки, къ верху которыхъ прикрѣплялись доски съ вырѣзанными на нихъ крестами, окруженными священными текстами, датами и именами усопшихъ (рис. № 147 и 148). Для предохраненія этихъ досокъ отъ дождя и снѣга поверхъ нихъ устраивались двухскатныя тесовыя крышки, украшенныя иногда рѣзными подзорами, спускавшимися часто до земли, какъ, напримѣръ, у одного намогильнаго столбика 1866-го года, находящагося на старообрядческомъ кладбищѣ села Данилова (рис. № 152). Нѣсколько иную композицію верха имѣютъ нѣкоторые намогильнички другого старообрядческаго кладбища ¹⁾; у нихъ надъ стойками помѣщены двухстороннія, не рѣдко большаго размѣра, кіоты, прикрытыя двухскатными крышками болѣе пологими, нежели у предыдущаго типа (рис. № 153).

Весьма близкое сходство съ только что разсмотрѣнными надгробіями имѣютъ тѣ часовенки и кресты, которыми русскіе люди любили въ старину отмѣчать различные пункты, имѣвшіе для нихъ особое значеніе, а именно: мѣста нахожденія явленныхъ иконъ, сгорѣвшихъ или упраздненныхъ церквей, сраженій, тамъ, гдѣ кто нибудь былъ убитъ молніей или умеръ отъ другаго рода смерти, но тоже внезапно, безъ покаянія; ихъ ставили также у околицъ, у вѣздовъ на мосты, на перекресткахъ дорогъ и, наконецъ, въ деревняхъ, т. е. всюду, гдѣ считали почему либо нужнымъ осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ.

Какъ на образецъ наиболѣе примитивной композиціи такого рода можно указать на придорожный крестъ-часовню въ Тотемскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи (рис. № 154), состоящій изъ гладкаго толстаго столба и двухскатной крышки, прикрывающей икону и увѣнчанной восьмиконечнымъ крестомъ.

Въ такомъ же родѣ, но гораздо изящнѣе скомпонованъ столбикъ-часовенка въ Холмогорскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи (рис. № 155); его верхъ изображаетъ собою церковку съ восьмискатной крышей, четырьмя башенками по угламъ и съ пятью главами, завершенными крестиками. Къ четыремъ ея фронтонамъ прилажены бруски, поддерживающіе двухскатную крышу, украшенную рѣзными подзорами и полотенцами и служащую защитой для четырехъ иконъ, которыя написаны на стѣнахъ церковки и окаймлены рамками. Вблизи деревни Ерыгиной ²⁾ надъ гладкимъ, покрытымъ крышкой

¹⁾ С. Лумбуша Олонецкой губерніи.

²⁾ Тоже Тотемскаго уѣзда.

Рис. № 150.
„Срубецъ“. По А. Бобринскому.

Рис. № 151.
„Срубецъ“. По А. Бобринскому.

Рис. № 152.
„Намогильный столбик“. С. Данилово.
Фот. О. Каликина.

столбикомъ возвышается довольно сложное сооруженіе, которое защищаетъ его отъ непогоды; оно состоитъ изъ двухъ врытыхъ въ землю столбовъ, поддерживающихъ двѣ соединенныя точеными балясинами рамы съ опирающейся на нихъ четырехскатной крышей, увѣчанной крестомъ на высокой тычкѣ (рис. № 156). Конечно, эта часовня не можетъ быть древней; для этого конструкція ея слишкомъ не прочна, но типъ ея, вѣроятно, древній, если только въ ней не цѣликомъ повторены стародавнія формы, какъ это достовѣрно извѣстно относительно нѣкоторыхъ другихъ аналогичныхъ памятниковъ, какими, напримеръ, являются уже знакомыя намъ придорожныя часовни съ большими крестами (стр. 49 рис. № 61 и 62).

Разсмотримъ ихъ теперь нѣсколько подробнѣе. На древнемъ планѣ Тихвинскаго монастыря изображено три типа такихъ часовенъ; первый изъ нихъ имѣетъ квадратный въ планѣ срубъ, четыре столба и двухскатную крышу (рис. № 60); второй при такой же формѣ плана покрытъ четырехграннымъ шатромъ и, наконецъ, третій имѣетъ восьмигранный низъ, надъ которымъ возвышаются восемь столбиковъ, поддерживающихъ восьмискатный шатеръ съ широкою полицей. Композицію послѣдняго типа совершенно точно повторяютъ часовни села Данилова, построенныя въ XVIII вѣкѣ (рис. № 61 и 62). Въ самомъ дѣлѣ, первая изъ нихъ представляетъ собою низкій восьмигранный въ планѣ срубъ изъ брусевъ съ углами, вязаными въ лапу; надъ углами сруба утверждены квадратнаго сѣченія стойки, пространства между которыми заполнены внизу сплошными тесовыми огражденіями, окаймленными профилированными рамками. Надъ одной гранью сруба огражденія нѣтъ—это проходъ ко кресту, и въ этомъ мѣстѣ, очевидно, существовали когда-то передъ срубомъ ступени, подобно тому, какъ это изображено у часовни на планѣ Тихвинскаго монастыря. Посреди сруба высится длинный стоякъ, низъ котораго зарытъ въ землю, середина, обдѣ-

Рис. № 153.
„Намогильные столбики“. Село Лумбуша.
Фот. Ѳ. Каликина.

Рис. № 154.
Крестъ-часовня.
По А. Бобринскому.

Рис. № 155.
Часовня.
По А. Бобринскому.

Рис. № 156.
Крестъ-часовня.
По А. Бобринскому.

Рис. № 157.
Крестъ на мѣстѣ разобранной церкви.
По А. Бобринскому.

ланная тесомъ въ видѣ квадратнаго въ планѣ столба, служить опорой для креста, а въ вершину врублены верхніе концы стропильныхъ ногъ шатра и восьмиконечный крестъ. Тесовая кровля шатра имѣетъ внизу широкую полицу, торцы досокъ которой украшены вырѣзками. Подъ полицей и подъ рамой, соединяющей верхи угловыхъ стоекъ, находятся рѣзные подзоры простого, но очень красиваго рисунка. Между вершиной шатра и крестомъ помѣщена маленькая, луковичной формы главка на тонкой шейкѣ; какъ главка, такъ и шейка покрыты лемехомъ. Вся часовенка сдѣлана, видимо, съ большою любовью и съ тонкимъ пониманіемъ какъ общихъ пропорцій, такъ и деталей.

Совершенно аналогична, но далеко не такъ изящна по силуэту и деталямъ вторая часовня (рис. № 62); срубъ у нея низкій, шатеръ грузноватъ, главка мала, полица излишне крута, рисунокъ подзоровъ мелковатъ, а рѣшетка огражденія между низами стоекъ непріятно напоминаетъ рѣшетки безвкусныхъ бесѣдокъ дешевыхъ пригородныхъ дачъ. Всѣ эти неудачныя детали заставляютъ предполагать, что послѣдняя часовня болѣе поздняго происхожденія, нежели первая.

Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ, подобныя только что разсмотрѣннымъ, сооруженія изъ дерева строились въ старину съ гораздо большимъ художественнымъ вкусомъ и заботой о долговѣчности, нежели это дѣлается въ настоящее время. Примѣромъ такого поверхностнаго отношенія можетъ служить крестъ на мѣстѣ Успенской церкви ¹⁾, построенной въ 1675 году и перенесенной въ 1893 году на другое мѣсто (рис. № 157). Въ общихъ чертахъ крестъ этотъ сохранилъ древнія формы, но о его долговѣчности строители не подумали, такъ какъ не поставили его въ часовнѣ и не сдѣлали даже надъ нимъ двухскатной крыши, какъ это дѣлалось прежде.

Выше мы отмѣтили, что кресты и часовенки ставились не гдѣ попало, а на тѣхъ мѣстахъ, которые почему либо были отмѣчены народной памятью; такія мѣста приходились иногда на лугахъ („пожняхъ“), затопляемыхъ въ большинствѣ случаевъ вѣсной водой, что заставляло высоко поднимать надъ землею полы устраивавшихся тамъ часовенокъ. Для этой цѣли такія „пожненныя“ часовенки устраивались на особыхъ срубахъ, придававшихъ имъ своеобразный и иногда очень живописный видъ. Одна изъ такихъ часовенокъ (рис. № 158) существовала въ 1875 году въ деревнѣ Житнухинѣ ²⁾; вѣнцы ея нижняго сруба не составляли сплошныхъ стѣнокъ, а были лишь немного врублены одинъ въ другой, чтобы вода, проходя свободно сквозь щели, не могла снести часовенку. По словамъ Ф. Н. Берга ³⁾, житнухинская часовенка была построена въ 1727 году и въ 1875 году въ ея окнѣ еще существовала сдѣланная изъ бѣлаго желѣза оконница (переплетъ), въ которую на твердой замазкѣ были вставлены кусочки слюды, прихваченные кромѣ того оловянными бляшками.

¹⁾ Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

²⁾ Вельскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

³⁾ „Нѣчто о древности типа деревянныхъ чостроекъ и рѣзбы въ Важскомъ краѣ“. (Памятники древней письменности и искусства. 1882 годъ).

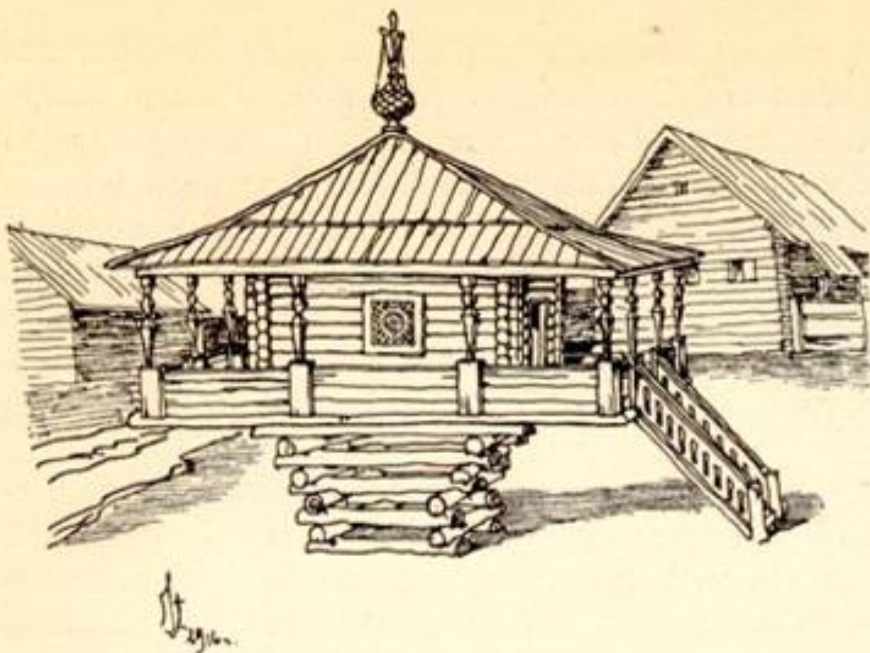

Рис. № 158.
Поженная часовня. По Ф. Бергу.

(рис. № 159). Въ данномъ случаѣ часовенка не „поженная“, она утверждена на столбѣ, во-первыхъ, въ силу ея малыхъ размѣровъ, а, во-вторыхъ, вѣроятно, и съ той цѣлью, чтобы уберечь отъ собакъ и кошекъ тѣ приношенія, которыя черемисы по старой памяти продолжаютъ въ нее складывать.

На этомъ закончимъ нашъ обзоръ крестовъ и часовенокъ и перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію отдѣльно стоящихъ колоколенъ, сдѣлавъ предварительно краткій очеркъ исторіи самихъ колоколовъ.

Русская Церковь, ревниво оберегая преданія и обычаи Восточной Церкви, всегда стремилась избѣгнуть малѣйшаго подражанія обычаямъ „латинцевъ“; тѣмъ не менѣе, столь излюбленный нами и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не получившій такого широкаго развитія призывъ къ богослуженію при помощи колокольнаго звона, заимствованъ Русью преимущественно отъ Запада, т. е. отъ тѣхъ же „латинцевъ“. Правда, что и наставница древней Руси, Византія, употребляла колокола; но до завоеванія Константинополя крестоносцами въ 1204 г., греки гораздо охотнѣе пользовались бѣлами (смотри

Подобнаго типа старинная часовенка стоитъ на мѣстѣ стараго кереметища ¹⁾ около деревни Одошнуръ ²⁾. Размѣры ея гораздо меньше, чѣмъ у предыдущей: это, въ сущности, небольшой квадратный ящикъ, высотой около двухъ аршинъ, поставленный не на срубѣ, а просто на столбѣ и покрытый четырехскатной крышкой съ возвышающейся надъ ней луковичной главкой и крестомъ

Рис. № 159.
Часовня на старомъ кереметищѣ.

¹⁾ Кереметище—мѣсто, гдѣ стоятъ идолы черемисовъ и чувашей, которымъ они приносятъ въ жертву коровъ и лошадей.

²⁾ Тоншаевской волости, Костромской губерніи.

Рис. № 160.

Било Малое.

Рис. № 161.

Звонница въ Мос-
квѣ. по Уларино. М.К.

Рис. № 162.

ниже), а колокола составляли скорѣе исключеніе и, несмотря на то, что появились они въ Греціи уже въ первыхъ вѣкахъ христіанства, на нихъ все-таки смотрѣли нѣсколько косо; на это имѣются указанія какъ у нашихъ, такъ и у греческихъ писателей ¹⁾).

Что же касается Запада, то тамъ колоколами пользовались уже въ VII—IX вѣкахъ; но когда они окончательно вытѣснили другіе способы призыва (напримѣръ, трубы, дверные молотки, тройное пѣніе аллилуія и т. п.) сказать опредѣленно трудно, такъ какъ введеніе ихъ приписывалось лицамъ, жившимъ въ разное время.

Несмотря на стремленіе подражать своему идеалу—Греціи, нѣкоторые русскіе монастыри и церкви все-таки довольно рано обзавелись колоколами, что можетъ быть объяснено отсутствіемъ врожденнаго среди русскихъ предубѣжденія противъ колоколовъ. Однако, такая роскошь была, повидимому, доступна лишь богатымъ монастырямъ и большимъ соборамъ, а бѣдныя церкви должны были довольствоваться одними билами или клепалами.

Эти инструменты были трехъ родовъ. *Било великое* представляло собою просто деревянную доску, концамъ которой придавалась различная форма; доска эта подвѣшивалась либо къ козламъ, либо къ специально устраивавшимся башенкамъ, носившимъ названіе „бильницъ“ (рис. № 160). *Било малое* устраивалось изъ деревяннаго длиннаго бруска, при чемъ концы послѣдняго закруглялись, а по серединѣ дѣлался перехватъ, чтобы удобнѣе было взяться за него рукою (рис. № 161). При употребленіи этихъ билъ въ нихъ ударяли (клепали) особыми деревянными колотушками. Наконецъ, послѣдній типъ била имѣлъ форму узкой полосы, выгнутой по дугѣ; матеріаломъ для такихъ билъ служило желѣзо или мѣдь.

Эти призывные инструменты, какъ указано выше, перешли къ намъ, вѣроятно, одновременно съ христіанствомъ изъ Византіи и продержались очень долго, во всякомъ случаѣ до конца XIV столѣтія, какъ это видно изъ лѣтописей ²⁾, а быть можетъ и позднѣе, такъ какъ била кое гдѣ уцѣлѣли еще и по настоящее время, но висятъ безъ употребленія и сохраняются только какъ образцы стариннаго церковнаго обихода, напримѣръ у Троицкаго собора во Псковѣ.

Била иногда называли „клепалами“, но, повидимому, послѣднее имя было присвоено собственно другому, близкому по формѣ къ колоколу, инструменту, состоявшему изъ желѣзнаго, полаго полушарія съ желѣзнымъ же языкомъ; такимъ образомъ, клепало отличалось отъ колокола только по матеріалу и, надо полагать, появилось лишь какъ имитация, обусловленная бѣдностью или незнакомствомъ съ литейнымъ искусствомъ.

Постепенное распространеніе колоколовъ въ Россіи шло, повидимому, съ сѣвера, а не съ юга. Это явленіе можно объяснить тѣмъ, что Кіевъ, болѣе близкій къ Византіи, естественно долженъ былъ сильнѣе проникнуться

¹⁾ „...а колоколъ не держать во Святой Софіи, но бильце мало въ рукѣ держа, клепаютъ на заутрени... а въ колоколы латинны звонять.“

²⁾ При нашествіи Тохтамыша на Москву „не бѣ звоненія въ колоколы, ни въ била“.

взглядами грековъ и пользовался поэтому почти исключительно одними билами. Вотъ почему, несмотря на находку при раскопкахъ у Десятинной церкви двухъ небольшихъ колоколовъ, слѣдуетъ предположить, что въ Кіевѣ, подобно Византіи, колокола не пользовались особымъ почетомъ. Предположеніе это подтверждается также и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Кіевѣ не сохранилось ни одного спеціальнаго сооруженія для вѣшанія колоколовъ, которое относилось бы ко времени первыхъ христіанскихъ князей и удѣльно-вѣчевому періоду.

Совершенно другое положеніе вещей было на сѣверѣ Россіи. Основываясь на лѣтописныхъ указаніяхъ, можно предположить, что здѣсь колокола были обычнымъ явленіемъ уже въ XI столѣтіи, а въ началѣ XVI въ Новгородѣ умѣли даже лить довольно большіе колокола, хотя все-таки колоколъ въ 250 пудовъ, сооруженный въ 1530 году архіепископомъ Макаріемъ, считался еще чудомъ ¹⁾. Въ житіи Преподобнаго Антонія Римлянина имѣется указаніе, что этотъ святой привезъ съ собою колоколъ изъ Рима. Имѣя же въ виду тѣсныя торговыя сношенія Новгорода и Пскова съ западной Европой, родиной колоколовъ, можно предположить, что подобные факты привоза колоколовъ, а быть можетъ даже и заказы ихъ, не были единичными, тѣмъ болѣе, что какъ Новгородъ, такъ и Псковъ не скупились на церковное благолѣпіе и не особенно считались съ обычаями Кіева.

Небольшіе и немногочисленные колокола, первоначально находившіеся въ распоряженіи церквей, конечно, не требовали для нихъ подвѣшиванія какихъ либо сложныхъ приспособленій; обыкновенно для этой цѣли служили простыя козла, форма которыхъ находилась въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Такъ, самымъ простымъ приспособленіемъ являлось соединеніе двухъ брусьевъ или бревенъ въ видѣ буквы глаголя, при чемъ свободный конецъ одного изъ нихъ закапывали въ землю, а другой или клали на подоконникъ, или закладывали въ нарочно выбранное въ стѣнѣ гнѣздо. Такого типа козла при одной изъ церквей Московскаго Китай-города изображены на рисункѣ Адама Олеарія (рис. № 162); изъ его же сочиненія заимствованъ рис. № 163, изображающій другую форму деревянныхъ козелъ, состоявшихъ изъ двухъ вертикальныхъ брусьевъ, укрѣпленныхъ въ подставкахъ раскосами и соединенныхъ вверху горизонтальнымъ брусомъ; къ

Рис. № 163.

¹⁾ Привезенный изъ Рима Препод. Антоніемъ колоколъ вѣсилъ всего 1 п. 10 ф.

послѣднему подвѣшивались колокола. Этотъ типъ, вѣроятно, примѣнялся лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда козла по какимъ либо соображеніямъ должны были быть переносными ¹⁾. Обычно же нижніе концы вертикальныхъ брусьевъ, конечно, просто зарывали въ землю.

На одной изъ иконъ, находящихся въ часовнѣ „Владычній Крестъ“ во Псковѣ, изображенъ третій видъ деревянныхъ козелъ-звоницъ; онъ состоялъ изъ двухъ легкихъ крестовинъ, должно быть, соединенныхъ вверху рамой, съ легкой досчатой крышей, и особенно интересенъ тѣмъ, что предназначался, какъ видно изъ рисунка № 164 А. для установки на стѣнахъ церковной ограды или на крышѣ церкви. Изъ соединенія этого типа съ предыдущимъ образовалась настѣнная звонница въ точномъ смыслѣ слова, хотя все еще деревянная, но по формѣ своей почти тождественная съ первыми каменными звонницами; она представляла собою два вертикальныхъ столба, установленныхъ на краю кровли и соединенныхъ горизонтальнымъ брусомъ, поверхъ котораго устраивалась двухскатная крыша (рис. № 165 А). Двѣ такихъ звоницы, соединенныя въ одно цѣлое, образовали двухпролетную о двухъ фронтонахъ звоницу, т. е. именно тотъ типъ, который наиболѣе былъ распространенъ въ формахъ каменныхъ (рис. № 165 В).

Авторъ миниатюръ древней рукописи, репродукцію съ одной изъ которыхъ представляетъ рисунокъ № 165 В, очевидно, изобразилъ каменные столбы съ деревяннымъ перекрытіемъ; но вполнѣ естественнымъ переходомъ отъ описанныхъ выше деревянныхъ козелъ къ рассматриваемой формѣ являются деревянные столбы съ деревяннымъ же перекрытіемъ; что такія звоницы существовали въ дѣйствительности, можно заключить изъ рисунка № 164 Б, на которомъ какъ формы капителей столбовъ, такъ и нижняя забирка (баллюстрада) между послѣдними, напоминаютъ скорѣе формы деревянные, тогда какъ капители столбовъ на рисунокѣ № 165 А и В, безспорно, должны быть отнесены къ формамъ каменнымъ.

Въ альбомѣ Мейерберга на изображеніяхъ мѣстечка Дубровны и Великаго Новгорода видны деревянные звоницы (рис. № 166); разобраться въ ихъ конструкции, вслѣдствіе неясности рисунка, довольно трудно; однако, можно предположить, что это были поставленные въ рядъ столбы (въ первомъ случаѣ 3, а во второмъ 5), связанные вверху горизонтальнымъ брусомъ, на которомъ висѣли колокола. На верхніе торцы вертикальныхъ столбовъ былъ насаженъ второй горизонтальный брусъ, подпертый подкосами и служившій основой для двухскатной крыши (рис. № 167). Эти сооруженія являются прототипомъ многопролетныхъ, отдѣльно стоящихъ каменныхъ звоницъ, часто встрѣчающихся во Псковѣ. Возможно также, что звонница въ Дубровнѣ состояла изъ четырехъ столбовъ, образовавшихъ въ планѣ узкій прямоугольникъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ вся звонница была бы гораздо устойчивѣе; однако, четвертаго столба на рисунокѣ не видно, что впрочемъ можетъ быть объяснено спѣшностью наброска, сдѣланнаго художникомъ. Если это такъ, то весьма близкимъ къ ней по характеру представляется сооруженіе для колоколовъ, стоявшее у церкви Воскресенія въ

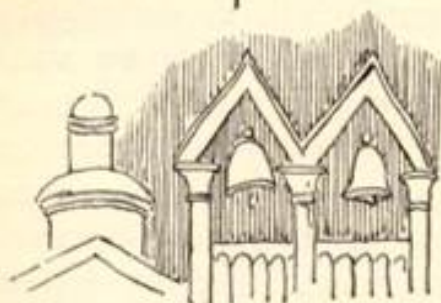
¹⁾ Олеарій нарисовалъ эти козла несоразмѣрно большими.

Бз иконы вѣ Владимѣрѣ А.
КРЕСТѢ.

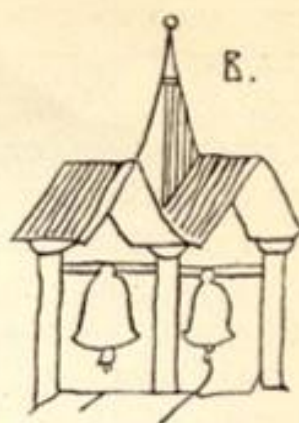
По Горностаеву.

Сздраней иконы. Б.

По Горностаеву.

Рис. № 164.

Б.

А.

По рукописи „Житіе
Николая Чудотворца.

Рис. № 165.

Дубровна.

Новгородъ.

По Мейербергу

Рис. № 166.

М.К.

Усть-Паденгъ (рис. № 168), построенной въ 1675 году ¹⁾. Оно представляло собою четыре размѣщенныхъ по квадрату и врытыхъ въ землю столба, приблизительно на срединѣ высоты которыхъ находился помостъ для звоняря; для устойчивости столбы были связаны внизу тремя рамами, а вверху одной, къ которой были подвѣшены колокола и которая служила мауэрлатомъ для концовъ стропильныхъ ногъ четырехскатной крыши, увѣнчанной крестомъ. На помостъ надо было взбираться по приставной лѣстницѣ.

Такія относительно примитивныя сооруженія для подвѣшиванія колоколовъ устраивались въ теченіе очень долгаго періода времени—объ этомъ свидѣлствуютъ своими рисунками Олеарій и Мейербергъ, путешествовавшіе по Московскому государству въ XVII вѣкѣ, а также усть-паденгская звонница. Однако, наравнѣ съ подобными козлами и звонницами строились въ это время и колокольни, первоначальное время появленія которыхъ съ точностью установить трудно. Болѣе или менѣе широкое распространеніе колокола получили у насъ въ XV вѣкѣ; къ этому же времени надо отнести и появленіе деревянныхъ, квадратныхъ въ планѣ колоколенъ, такъ какъ упоминанія о восьмигранныхъ колокольняхъ встрѣчаются въ лѣтописяхъ въ началѣ XVII вѣка; такъ, напримѣръ, въ лѣтописи вологодскаго собора подъ 1621 годомъ сказано: „рубить колокольню о восьми стѣнахъ“, т. е. говорится какъ о типѣ вполне извѣстномъ. Отсюда можно вывести заключеніе, что въ началѣ XVII вѣка наши плотники окончательно освоились съ этимъ типомъ сооруженій, исходной точкой для котораго имъ могли послужить крѣпостныя башни и восьмигранныя церкви. Что же касается колоколенъ съ квадратнымъ планомъ, то онѣ, какъ сооруженія менѣе сложныя, могли такимъ образомъ возникнуть и ранѣе, т. е. въ XV столѣтіи. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что колокольни (въ полномъ смыслѣ этого слова, а не звоницы) появились сначала въ видѣ отдѣльно стоящихъ сооруженій и только во второй половинѣ XVII вѣка дѣлаются первыя попытки связать колокольню въ одно цѣлое съ храмомъ. Это явленіе можно объяснить тѣмъ, что къ тому времени, когда колокола окончательно утвердились въ нашемъ церковномъ обиходѣ и размѣры ихъ стали значительными, къ этому времени успѣли также вылиться въ окончательно сложившуюся форму и типы нашихъ древнихъ деревянныхъ храмовъ. Не рискуя нарушать установившихся архитектурныхъ традицій, наши плотники вышли изъ этого затрудненія тѣмъ путемъ, что стали трактовать колокольни какъ самостоятельныя сооруженія, располагавшіяся или съ юго-восточной стороны храма, или съ сѣверо-западной.

Слѣдующей ступенью развитія сооруженій для колоколовъ послѣ звоницы въ Усть-Паденгѣ является весьма интересное сооруженіе въ Кимжѣ ²⁾, построенное въ 1763 году и являющееся образчикомъ тѣхъ колокольницъ, „о пяти столбахъ“, упоминанія о которыхъ часто встрѣчаются въ старинныхъ церковныхъ описяхъ (рис. № 169). Какъ и въ предыдущемъ случаѣ,

¹⁾ Въ 1893 году церковь эта перенесена на новое мѣсто и переименована въ Успенскую—Кладбищенскую.

²⁾ Мезенскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

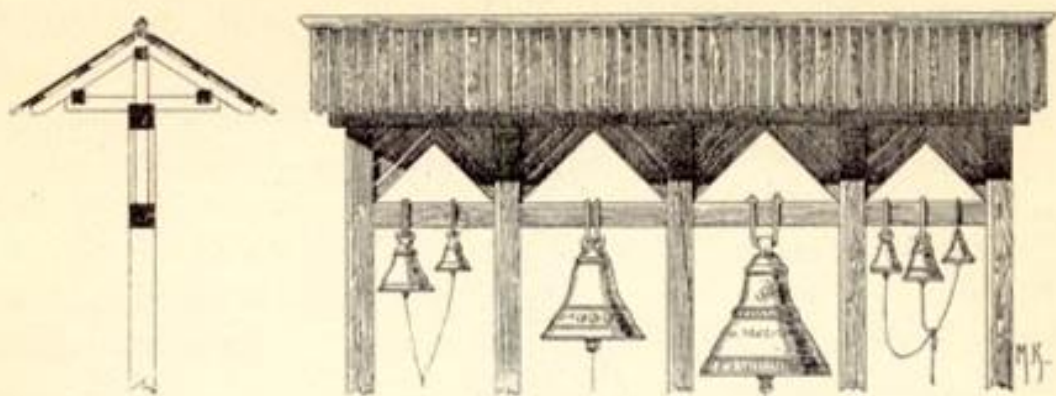

Рис. № 167.

Рис. № 168.

Церковь и звонница въ Усть-Паденгѣ. Фот. И. Билибина.

Рис. № 169.
Звоница въ Кимжѣ. Фот. Ѳ. Каликина.

основу колокольницы составляютъ четыре столба, но здѣсь они образуютъ не призму, а усѣченную, съ квадратнымъ основаніемъ пирамиду; такая форма, очевидно, придана сооруженію для бѣльшей его устойчивости. Съ тою же цѣлью центральную ось всего сооруженія занимаетъ высокій столбъ, нижній конецъ котораго зарытъ въ землю, а верхній служитъ опорой для креста, луковичной главки на круглой шеѣ и для восьмиграннаго шатра съ широкой полицей, покоящейся на трехъ брусчатыхъ вѣнцахъ, нарубленныхъ на верхніе торцы угловыхъ стоекъ. Между нижнимъ изъ этихъ вѣнцовъ и дополнительной тесовой рамой помѣщена декоративная рѣшетка изъ тоненькихъ брусковъ, служащая граціознымъ переходомъ отъ глухой массы шатра къ сквозной пирамидѣ самой колокольницы. Вокругъ нижняго помоста послѣдней уцѣлѣлъ только поручень огражденія, а у верхняго, находившагося

непосредственно подъ колоколами ¹⁾, сохранились еще тесовые рѣзные балясы. Между первымъ и вторымъ помостомъ видна лѣстница (стремянка); такая же лѣстница, очевидно, существовала также между первымъ помостомъ и землею. Когда время еще не унесло многихъ частей кимженской колокольной, она должна была производить очень художественное впечатлѣніе, въ особенности ея крытый лемехомъ верхъ, несмотря на то, что восьмигранная форма шатра не совсѣмъ архитектурно вяжется съ квадратной формой основанія колокольной.

Такого же типа колокольной дѣлались также „о девяти столбахъ“, изъ которыхъ восемь располагались въ вершинахъ угловъ и по серединамъ сторонъ квадрата, а девятый утверждался въ центрѣ плана. Такое количество столбовъ обуславливало гораздо бѣльшую устойчивость сооруженія, такъ какъ при загниваніи одного изъ столбовъ колокольная еще не грозила обрушеніемъ, тогда какъ при пяти столбахъ оно было неизбежно. Примѣромъ такой девятистолбной конструкціи является колокольная въ погостѣ Ракулахъ ²⁾ (рис. № 170), построенная въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII вѣка. Каркасъ колокольной выше уровня верхняго помоста закрытъ пирамидальнымъ срубомъ, во-первыхъ, предохраняющимъ его отъ загниванія и, во-вторыхъ, придающимъ сооруженію еще бѣльшую устойчивость. Верхъ колокольной гораздо живописнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ памятникѣ: середину образуетъ стройный восьмигранный шатеръ, увѣнчанный изящной луковичной главкой и стройнымъ крестомъ, а по сторонамъ его высятся четыре четырехгранныхъ шатрика, отвѣчающихъ квадратному плану колокольной. Подъ шейками всѣхъ главокъ сдѣланы полицы—словно кружевные воротники, а подъ рѣшеткой „звона“ ³⁾ прилажены тесины, вырѣзанные въ видѣ висячихъ полуциркульныхъ арочекъ. Въ настоящее время ракульская колокольная

Рис. № 170.
Колокольная въ Ракулахъ. По В. Суслову.

¹⁾ Теперь колокола перенесены на новую колокольную.

²⁾ Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

³⁾ „Звонъ“—верхняя часть колокольной, гдѣ висятъ колокола.

Рис. № 171.
Колокольница въ Цывозерѣ.
Фот. И. Билибина.

Рис. № 172.
Колокольня церкви Спаса
на Ренѣ. Фот. И. Билибина.

уже не имѣетъ первоначальнаго вида—въ 80 годахъ прошлаго столѣтія ее изуродавали безобразной тесовой обшивкой, при чемъ не пощадили прелестныхъ деталей ея „звона“. Описанная колокольница представляетъ собою какъ бы соединительное звено между болѣе или менѣе примитивными сооружениями для подвѣшиванія колоколовъ и окончательно сложившимися типами сооружений этого рода, которые могутъ быть уже въ полномъ смыслѣ слова названы колокольнями, или „колокольницами“, какъ ихъ называютъ у насъ на сѣверѣ, и которыя сохранились тамъ въ большомъ числѣ, хотя и въ полуразрушенномъ видѣ. Въ центральныхъ губерніяхъ деревянныхъ колоколенъ уцѣлѣло сравнительно мало, такъ какъ тамъ онѣ относительно быстро были вытѣснены каменными.

Если колокольницы такого типа, какъ ракульская, являются достаточно устойчивыми сооружениями, то еще болѣе удачную конструкцію съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ признать у такихъ колоколенъ, у которыхъ наружные восемь столбовъ каркаса расположены не по контуру квадрата, а по восьмиграннику, девятый же, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, занимаетъ центръ плана. Во всякомъ случаѣ, восьмигранныя колокольни подвергаются значительно меньшей опасности быть опрокинутыми вѣтромъ, нежели квад-

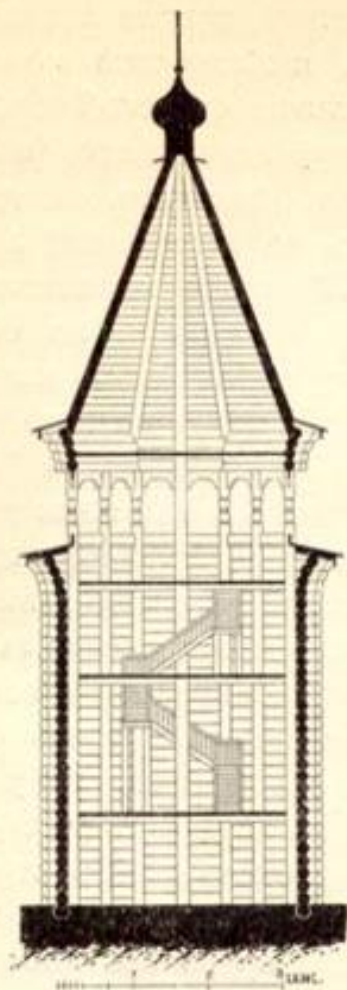
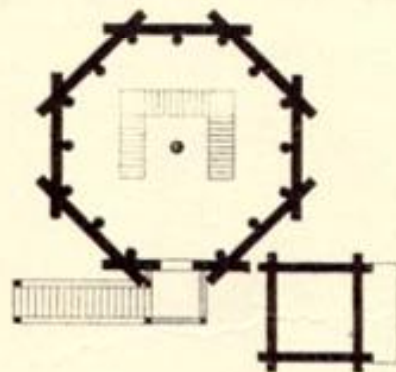

Рис. № 173.
Колокольня
Нижне-Уфтюгского
погоста.
По В. Сулову.

ратныя въ планѣ, почему, вѣроятно, большинство сѣверныхъ колоколенъ имѣютъ именно восьмигранную форму. Образцомъ наиболѣе простыхъ по формамъ колоколенъ такого типа можетъ служить колокольня въ Цыво-зерѣ ¹⁾, построенная въ XVII вѣкѣ и имѣющая восьмигранную (призматическую форму отъ самаго основанія до звона (рис. № 171). Надъ рѣзными вершинами восьми столбовъ ея каркаса нарубленъ карнизъ „поваломъ“, прикрытый широкой полицей, поверхъ которой высятся восьмигранный шатеръ, шейка, луковичная маковица и крестъ. Срубъ этой колокольни рубленъ съ остаткомъ, какъ это, повидимому, обычно практиковалось на сѣверѣ, тогда какъ въ центральной Руси предпочитали рубить колокольни въ лапу, насколько объ этомъ можно судить по громадной колокольнѣ Спаса на Ренѣ ²⁾,

¹⁾ Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

²⁾ Весьегонскаго уѣзда, Тверской губерніи.

Типъ сѣверной
колокольни.

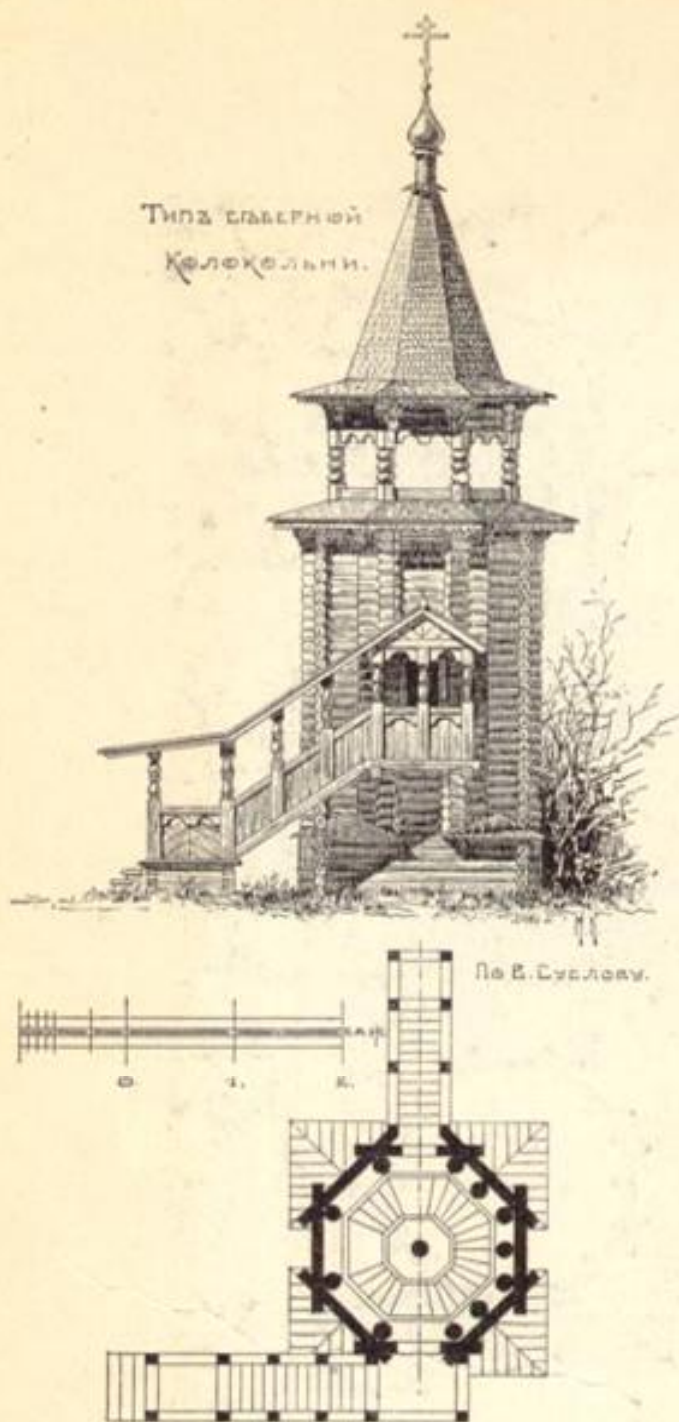

Рис. № 174.

построенной приблизительно одновременно съ цывозерской колокольней ¹⁾. Другое отличие спасской колокольни отъ цывозерской заключается въ томъ, что каркасъ ея образуютъ не девять столбовъ, какъ въ послѣдней, а семнадцать (рис. № 172); такое количество столбовъ примѣнялось также и на сѣверѣ, примѣромъ чего служить колокольня на Нижне-Уфтюгскомъ погостѣ ²⁾, построенная въ XVII вѣкѣ (рис. № 173).

Врытые въ землю низы столбовъ каркаса всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами звонницъ и колоколенъ загнивали, вѣроятно, довольно часто, что повлекло за собою примѣненіе нѣсколько иной конструкціи, а именно: въ нижнюю треть сруба стали врубать изъ стѣны въ стѣну балки („переводы“), на которыхъ уже утверждался каркасъ колокольни. Съ теченіемъ времени срубъ колоколенъ до той высоты, гдѣ въ него врубались концы этихъ балокъ, стали дѣлать квадратнымъ въ планѣ, а выше ихъ — восьмиграннымъ, что, если не въ дѣйствительности, то по внѣшности придавало колокольнямъ еще большую устойчивость. Такимъ образомъ сложился самый распространенный на сѣверѣ типъ колоколенъ (рис. № 174), состоявшихъ изъ нижняго квадратнаго сруба, надъ которымъ возвышался срубъ восьмигранный; этотъ срубъ составлялъ какъ бы одежду каркаса колокольни, образованнаго восемью или шестнад-

цатью столбами, вертикальными или слегка наклоненными къ оси, представлявшей собою длинное бревно, проходившее сквозь всю колокольню и заканчивавшееся вверху крестомъ. На вершины столбовъ, поднимавшихся аршина на 2—3 выше сруба, нарубался вѣнчатый карнизъ, сдѣланный „поваломъ“ или „съ пропусками“; незакрытыя срубомъ верхи столбовъ обдѣлывались иногда въ видѣ колонокъ, между которыми вверху звона вставлялись особая доски, вырѣзанныя въ видѣ арочекъ; доски эти служили съ одной стороны какъ украшеніе, а съ другой пред-

¹⁾ Переходъ отъ шатра ко главкѣ этой колокольни сдѣланъ, очевидно, позднѣе—въ XVIII вѣкѣ.

²⁾ Мезенскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

Рис. № 175.
Колокольня села Тихвинъ-Бора. Фот. О. Каликина.

Рис. № 176.
Колокольня села Шелтопорла.
Фот. О. Каликина.

упреждали расшатываніе столбовъ колокольни. Лѣстница къ звону устраивалась обыкновенно внутри, но иногда ея нижнюю часть дѣлали снаружи, объ одномъ или двухъ рундукахъ, и располагали ее или перпендикулярно къ стѣнѣ колокольни или параллельно ей. Надъ повалами сруба и карниза дѣлались полицы, концы досокъ которыхъ украшались порѣзкой; въ большинствѣ случаевъ полица устраивалась также подъ шейкой главки (рис. № 174). Шатеръ крылся тесомъ, иногда также съ вырѣзными концами, какъ, напримѣръ, у колокольни погоста Тихвинъ-Бора ¹⁾ (рис. № 175), а шейка и луковичная главка всегда крылись лемехомъ (рис. № 176).

Разсмотрѣнный типъ колоколенъ, оставаясь съ конструктивной стороны неизмѣннымъ, видоизмѣнялся, конечно, въ отношеніи пропорцій, при чемъ главнымъ образомъ варьировалась нижняя часть колоколенъ, т. е. высота ихъ квадратныхъ срубовъ, которые съ теченіемъ времени рубились все выше и выше, пока, наконецъ, высота ихъ не стала равняться половинѣ всей высоты отъ основанія колокольни до звона. Такъ, напримѣръ, у одной изъ колоколенъ Мезенскаго уѣзда, Архан-

гельской губерніи (рис. № 177) квадратный въ планѣ срубъ только превышаетъ ростъ человѣка, а у колокольни Кожскаго ²⁾ погоста (рис. № 178), построенной въ 1695 году, онъ уже равняется половинѣ высоты сруба. Верхіе обѣихъ этихъ колоколенъ перестроены въ XVIII вѣкѣ, поэтому вмѣсто шатровъ онѣ покрыты куполками съ высокими шпилями. Въ кожской колокольнѣ, а также въ колокольнѣ села Унежмы ³⁾ (рис. № 179) особенно интересны кокошники (бочки), покрывающіе выступы квадратнаго сруба и примѣнявшіеся, повидимому, довольно часто, о чемъ можно судить по иконѣ Св. Александра Свирскаго, на которой изображена колокольня совершенно такого же типа и съ такими же бочками надъ выступами четверика (рис. № 63).

¹⁾ Олонецкой губерніи.

²⁾ Онежскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

³⁾ Онежскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

Наконецъ, у колоколенъ въ селѣ Унежѣ и въ селѣ Кижѣхъ ¹⁾ (рис. № 180) высота нижняго сруба (четверика) значительно больше высоты верхняго сруба (восьмерика), вслѣдствіе чего колокольня получила своеобразный силуэтъ, сильно отличающій ее отъ колоколенъ, у которыхъ весь срубъ сдѣланъ восьмерикомъ.

Таковы были колокольни на сѣверѣ и въ центральной Руси, на югѣ же онѣ имѣли совершенно другой обликъ, хотя и ставились, подобно сѣвернымъ, отдѣльно отъ церквей, въ видѣ самостоятельныхъ сооружений. Окончательно сложившіеся типы южныхъ колоколенъ появляются, повидимому, въ концѣ XVII вѣка, но примитивныя колокольни, подобныя той, что стоитъ у церкви Св. Николая въ городѣ Овручѣ (рис. № 181), существовали, вѣроятно, и ранѣе.

Южныя колокольни—„звіниці“ или „дзвониці“, какъ называютъ ихъ малороссы, можно раздѣлить на нѣсколько типовъ, изъ которыхъ самымъ простымъ и, пожалуй, наиболее распространеннымъ является типъ квадратной въ планѣ, двухъярусной колокольни. Одна изъ такихъ колоколенъ стояла еще недавно ²⁾ въ прекрасной сохранности у Благовѣщенскаго собора въ городѣ Ковлѣ; ея нижній ярусъ былъ срубленъ изъ брусевъ, съ углами въ лапу, и былъ глухимъ—въ него вела одна лишь дверь (рис. № 182). Внизу сруба былъ устроенъ досчатый отливъ, а вверху—напускныя брусчатые консоли, поддерживавшія широкій свѣсъ высокой, драичной кровли, переходившей плавнымъ изгибомъ въ огражденіе верхняго яруса колокольни, т. е. ея звона, который представлялъ собою четырехгранную башенку, состоящую изъ четырехъ арочекъ съ каждой стороны. На стойки этихъ арочекъ было насажено нѣсколько вѣнцовъ, рубленныхъ „съ остаткомъ“; выступающіе концы послѣднихъ, а также выдвинутые изъ-за вѣнцовъ концы

Рис. № 177.
Колокольня Мезенскаго уѣзда.
Фот. Ѳ. Каликина.

¹⁾ Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губерніи; построена въ началѣ XVIII вѣка.

²⁾ Теперь она, кажется, уже снесена.

Рис. № 178.
Колокольня Кожскаго погоста.
Фот. В. Суслова.

Рис. № 179.
Колокольня въ Унежмѣ.
По В. Суслову.

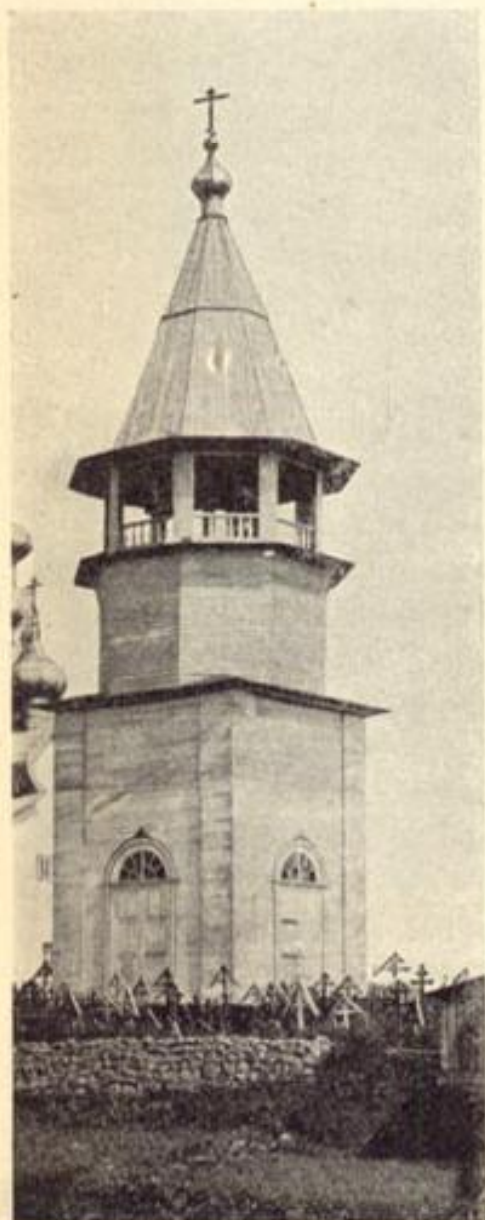
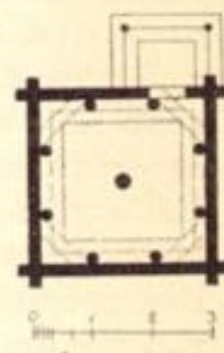

Рис. № 180.
Колокольня
въ Кижахъ.
Фот. Э. Каликина.

Рис. № 181.
Колокольня при церкви
Св. Николая въ Овручѣ.
По Э. Волкову.

потолочныхъ балокъ поддерживали свѣсъ высокой крыши „колпакомъ“, увѣнчанной небольшимъ крестикомъ.

Совершенно аналогичными по общему приему композиціи являются одна изъ колоколенъ Подольской губерніи (рис. № 183) и колокольня въ Губинѣ¹⁾ (рис. № 184). Первая изъ нихъ, врядъ ли сейчасъ существующая, отличалась отъ ковльской колокольни, во-первыхъ, тѣмъ, что у крыши ея звона не было значительнаго свѣса; во-вторыхъ, тѣмъ, что крыша звона имѣла видъ четырехграннаго купола, потому что ребра ея были въ ихъ нижнихъ частяхъ закруглены и, наконецъ, тѣмъ, что вся композиція завершалась изящной луковичной главкой на стройной шейкѣ.

Губинская колокольня разнится отъ только что рассмотрѣнныхъ главнымъ образомъ ея пропорціями; у предыдущихъ колоколенъ периметры нижнихъ ярусовъ больше периметровъ верхнихъ ярусовъ, тогда какъ у губинской колокольни они одинаковаго размѣра, вслѣдствіе чего она кажется однояруснымъ зданіемъ, перехваченнымъ на серединѣ

Рис. № 182.
Колокольня при Благовѣщенскомъ соборѣ въ Ковлѣ. По В. Волкову.

нижняго, а стойчатая, обшитая вертикально расположенными тесинами, стыки которыхъ прикрыты тонкими нащельниками, упирающимися вверху въ горизонтальныя доски, вырѣзанныя въ видъ ряда арочекъ. Такая обшивка очень характерна для малорусскаго зодчества, но является, по-видимому, приемомъ сравнительно недавнимъ, появившимся не ранѣе конца XVIII вѣка. Крыша надъ звономъ губинской колокольни болѣе низкая, нежели у двухъ предыдущихъ памятниковъ, и заканчивается далеко не такой изящной главкой, какъ въ предыдущемъ случаѣ.

Къ такому же типу относится и колокольня, изображенная на рисункѣ № 185²⁾, но особенностью ея является отсутствіе междуярусной крыши. Однако, весьма вѣроятно, что нынѣшній видъ колокольни иной, чѣмъ онъ былъ первоначально: возможно, что прежде колокольня не была обшита тесомъ—ея рубленный низъ оставался не закрытымъ, а верхъ былъ такимъ же, какъ

высоты широкимъ карнизомъ — поясомъ, въ видѣ крыши или полицы. Второе существенное отличіе губинской колокольни отъ двухъ предыдущихъ заключается въ томъ, что ея верхній ярусъ имѣетъ не видъ арочной (открытой) башенки, а башенки со стѣнами, въ каждой изъ которыхъ прорѣзано только по два просвѣта, относительно небольшихъ размѣровъ. Стѣны верхняго яруса не рубленныя, какъ у

¹⁾ У Волинской губерніи.

²⁾ Волинской губерніи.

Рис. № 183.
Колокольня Подольской губ.
Рис. Д. Савицкого.

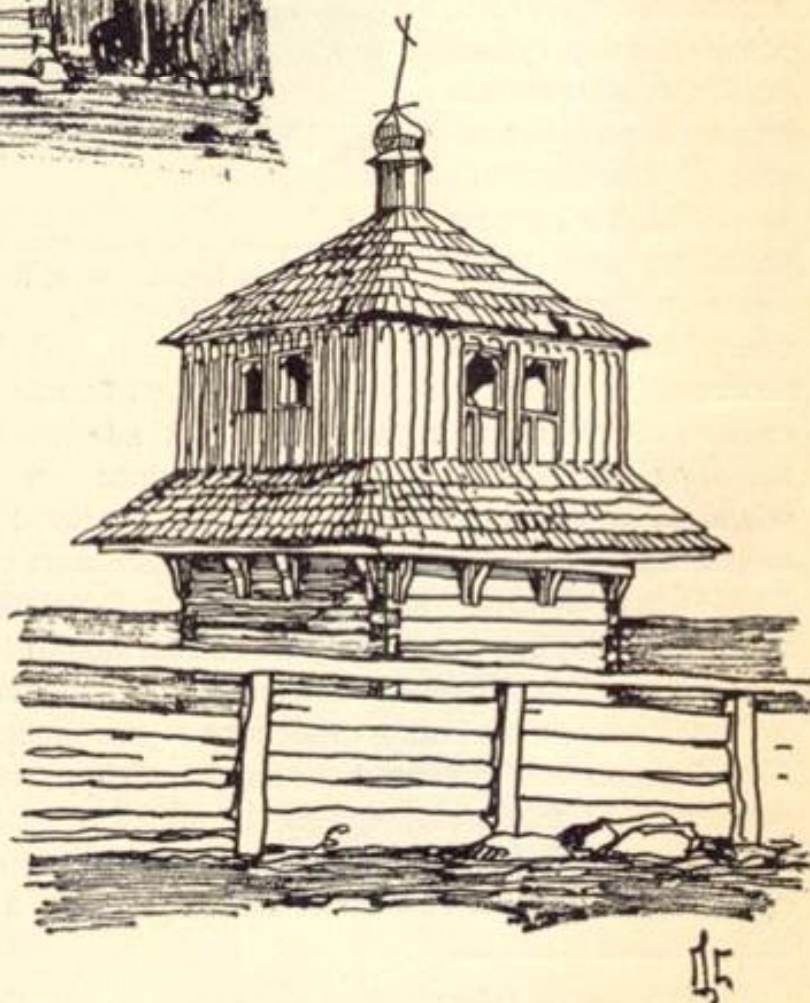
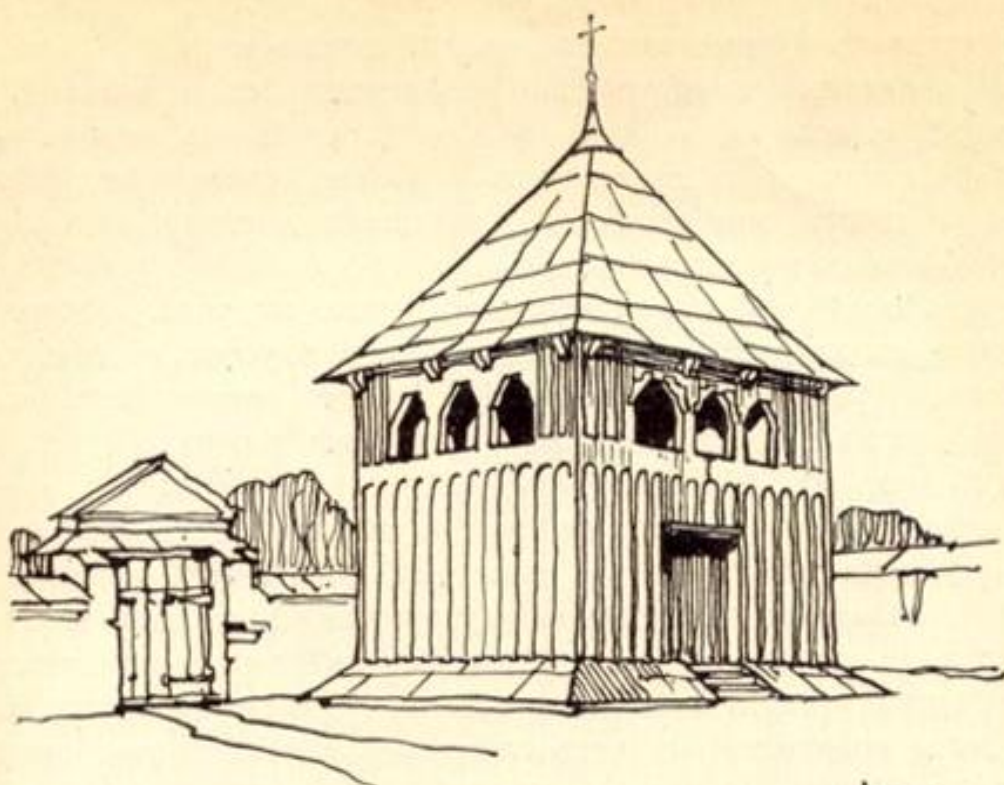

Рис. № 184.
Колокольня въ Губинѣ.
Рис. Д. Савицкого.

185

Рис. № 185.
Колокольня Волынской губ. Рис. Д. Савицкого.

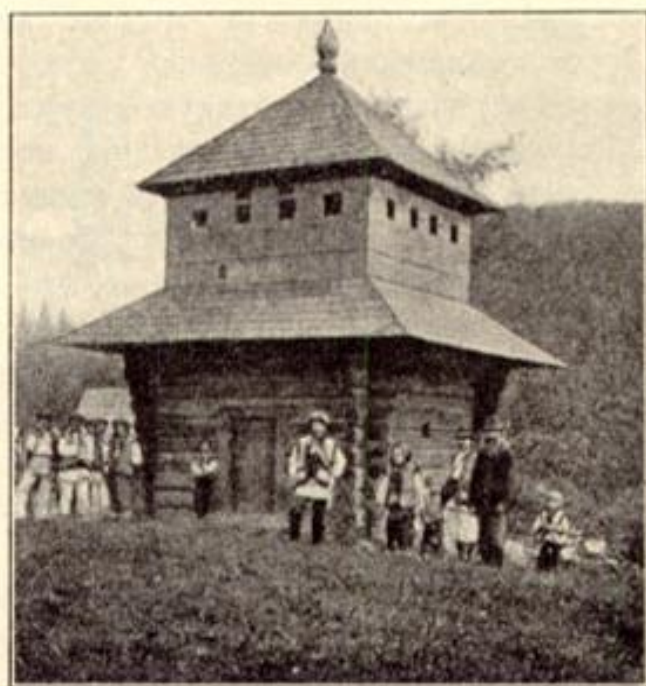

Рис. № 186.
Колокольня въ Поздахаричахъ.
По В. Щербакивскому.

у колокольні, изображенной на рисункѣ № 183, при чемъ между ярусами могла существовать крыша или полица. Въ такомъ случаѣ рассматриваемая колокольня являлась бы совершенно однотипной съ ковльской. Если же это не такъ, т. е. если колокольня всегда была обшита тесомъ, то во всякомъ случаѣ ея кровля и отливъ надъ цоколемъ были или досчатые, или драничные, а теперь они покрыты желѣзными листами, которые сильно портятъ общій видъ колокольні.

Слѣдуетъ отмѣтить, что совершенно такого же типа колокольні, т. е. двухъярусныя, съ квадратнымъ планомъ обоихъ ярусовъ, встрѣчаются часто и на Червонной Руси—въ Буковинѣ и Восточной Галиціи. Какъ на примѣръ, укажемъ на колокольню XVIII вѣка въ селѣ Подзахаричахъ близъ Вижницы, въ Буковинѣ (рис. № 186).

Описаннаго типа колокольні иногда обогащаются открытыми галлереями—навѣсами на столбахъ („опасань“, „опасаніе“), которыя, въ сущности говоря, являются тѣми же междуярусными крышами, уже намъ знакомыми, но лишь со значительно бѣльшимъ свѣсомъ, вслѣдствіе чего ихъ приходится поддерживать кольцомъ стоекъ. Примѣромъ такого, очень живописнаго вида колоколенъ можетъ служить колокольня въ Мартинювкѣ ¹⁾, кровли которой сдѣланы теперь изъ желѣза, но первоначально были, вѣроятно, тесовыя или драничныя, при чемъ нижній ярусъ оставался, надо полагать, не обшитымъ тесомъ (рис. № 187).

Вторую группу образуютъ также двухъярусныя колокольні, но такія, у которыхъ какъ нижній, такъ и верхній ярусъ имѣютъ въ планѣ форму восьмиугольника. Этимъ, въ сущности, онѣ лишь и отличаются отъ колоколенъ перваго типа, такъ какъ детали остаются все тѣ же самыя. Такъ, на примѣръ, у колокольні села Яворовки ²⁾ (рис. № 188) мы видимъ рубленый нижній ярусъ, обшивной стойчатый верхній, широкую междуэтажную крышу и крутую верхнюю, увѣчанную фигурной главкой въ видѣ куполка и луковицы. Говоря иначе, рассматриваемая колокольня, за исключеніемъ формы плана, очень близка по мысли къ колокольнѣ города Ковля (рис. № 182); равнымъ образомъ колокольня села Люлинецъ ³⁾ (рис. № 189) аналогична колокольнѣ въ Губинѣ, несмотря на то, что въ общихъ чертахъ она имѣетъ пирамидальную форму и ребра обѣихъ ея крышъ представляютъ собою не прямыя лініи, а кривыя. Въ этой колокольнѣ мы впервые сталкиваемся съ наружной лѣстницей, ведущей къ звону; лѣстница эта далеко не рациональна и съ успѣхомъ могла бы быть замѣнена внутренней, вполне защищенной отъ дѣйствія дождя и снѣга, какъ это и было у всѣхъ рассмотрѣнныхъ выше колоколенъ.

Нѣсколько своеобразнымъ характеромъ отличается колокольня, изображенная на рисункѣ № 190 ⁴⁾, что объясняется ея очень высокимъ, по сравненію съ предыдущими примѣрами, нижнимъ ярусомъ и крылечкомъ. По

¹⁾ Новоградволинскаго уѣзда, Волынской губерніи.

²⁾ Новоградволинскаго уѣзда, Волынской губерніи.

³⁾ Конца XVII—начала XVIII вѣка.

⁴⁾ Волынской губерніи.

Рис. № 187.
Колокольня въ Мартиновкѣ.
Рис. Д. Савицкаго.

Рис. № 188.
Колокольня въ Яворовкѣ.
Рис. Д. Савицкаго.

Рис. № 189.
Колокольня въ Люлинцахъ.
По В. Щербакивскому.

Рис. № 190.
Колокольня въ Волынской губ.
Рис. Д. Савишскаго.

Рис. № 191.
Колокольня Троицкой церкви
въ Зиньковѣ.
По Г. Павлуцкому.

пропорціямъ и деталямъ колокольна эта очень интересна и, безъ сомнѣнія, была еще лучше, когда кровли ея не были еще желѣзными, а тесовыми или чешуйчатыми.

Слѣдующую, такъ сказать, переходную группу образуютъ такіа колокольни, у которыхъ третій ярусъ, не получивъ еще полного развитія, находится какъ бы въ зачаточномъ состояніи. Къ числу такихъ колоколенъ относится колокольна, построенная въ 1726 году при Троицкой церкви въ мѣстечкѣ Зиньковѣ¹⁾; въ общихъ чертахъ она очень приближается къ ковльской колокольнѣ, но крыша ея нижняго яруса устроена съ заломомъ и между нею и открытой частью звона вставлена довольно высокая глухая часть, которая вмѣстѣ съ верхней частью крыши нижняго яруса образуетъ дополнительную часть—какъ бы намекъ на третій ярусъ (рис. № 191). У колокольни Преображенской церкви въ мѣстечкѣ Полонномъ²⁾, построенной, вѣроятно, въ XVIII вѣкѣ (рис. № 192), добавочная часть имѣетъ болѣе самостоятельный характеръ, но все же ее еще нельзя признать за отдѣльный ярусъ, такъ какъ, во-первыхъ, она очень не высока, во-вторыхъ, кровля ея очень узка—это скорѣе покрытіе горизонтальной тяги, нежели самостоятельная крыша и, наконецъ, стѣны ея прорѣзаны очень маленькими, еле замѣтными оконцами.

Третью группу образуютъ колокольни, имѣющія три вполне развитыхъ яруса, при чемъ всѣ ярусы имѣютъ у нихъ въ планѣ форму квадрата; колокола находятся въ третьемъ ярусѣ, надъ крышей котораго высится обыкновенно небольшая главка въ видѣ луковицы (рис. № 193), или въ видѣ граненаго куполка (рис. № 194). Отличительной чертой первой изъ этихъ колоколенъ³⁾ является то обстоятельство, что планы ея первого и второго ярусовъ имѣютъ одинаковый размѣръ, вслѣдствіе чего колокольна кажется двухъярусной, перехваченной по нижнему ярусу широкимъ и съ большимъ выносомъ карнизомъ, защищеннымъ крутой крышей. У второй же колокольни⁴⁾ планы всѣхъ трехъ ярусовъ имѣютъ различную величину,

Рис. № 192.
Колокольня въ Полонномъ.
По Г. Павлуцкому.

¹⁾ Летичевского уѣзда, Подольской губерніи.

²⁾ Новоградволинскаго уѣзда, Волынской губерніи.

³⁾ Подольской губерніи.

⁴⁾ Кіевской губерніи.

Рис. № 193.
Трехъярусная колокольня. Рис. Д. Савицкого.

отчего каждый ярус имѣетъ самостоятельный характеръ, а все сооруженіе— характеръ логичности, опредѣленно выраженной въ его силуэтѣ, чего нельзя сказать про силуэтъ первой колокольни. Къ сожалѣнію, звонъ кіевской колокольни закрытъ ставнями, придающими зданію какой-то глухой видъ, противорѣчащій его назначенію.

Къ четвертой группѣ относятся также трехъярусныя колокольни, но такія, у которыхъ планы ярусовъ имѣютъ восьмиугольную форму. Соединительнымъ звеномъ между этой и предшествующей группой являлась, теперь уже разобранная, колокольня при церкви Успенія въ мѣстечкѣ Ярышевѣ¹⁾ (рис. № 195), такъ какъ ея нижній ярусъ имѣлъ въ планѣ форму

¹⁾ Могилевского уѣзда, Подольской губерніи.

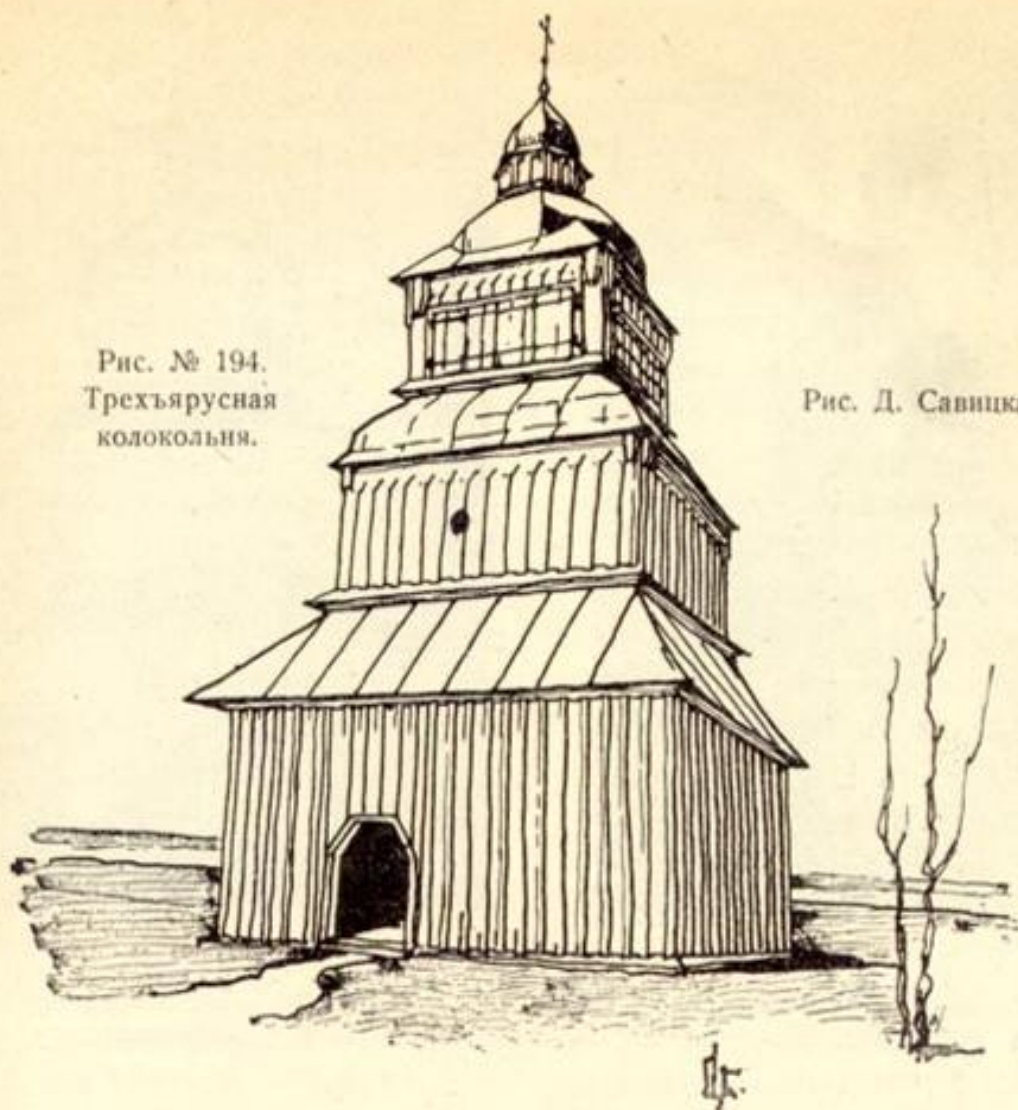

Рис. № 195.
Колокольня и церковь въ Ярышевѣ. По Г. Павлуцкому.

Рис. № 196.
Колокольня въ Водотин.
По В. Щербакивському.

Рис. № 197.
Колокольня въ Очеретинѣ.
По В. Щербакивському.

Д.

Рис. № 198.
Колокольня въ Осіевкѣ.
Рис. Д. Савицкаго.

квадрата, а планы двухъ верхнихъ ярусовъ были восьмигранные. Несмотря на то, что верхній ярусъ этой колокольни имѣлъ нѣсколько придавленные пропорціи, она въ общемъ производила очень пріятное впечатлѣніе своими спокойными массами и благородными очертаніями шлемовиднаго, покрытаго чешуей, купола, плавно сливавшагося съ прелестной главкой.

Образцомъ колоколенъ типа четвертой группы могла служить колокольня села Водотія¹⁾, теперь тоже уже не существующая; у нея всѣ три яруса имѣли въ планѣ форму восьмиугольниковъ, вѣрнѣе, квадратовъ со слегка скошенными углами (рис. № 196), тогда какъ планы ярусовъ колокольни въ селѣ Очеретнѣ²⁾ (рис. 197) близки къ правильнымъ восьмиугольникамъ. Обѣ эти колокольни были построены въ началѣ XVIII вѣка и по красотѣ ихъ силуэтовъ онѣ значительно уступали колокольнѣ въ мѣстечкѣ Ярышевѣ. Та и другая колокольня, какъ и колокольни, изображенныя на рисункахъ № 193 и № 194, вѣроятно, не были въ прежнее время обшиты тесомъ и производили тогда, надо полагать, болѣе пріятное впечатлѣніе.

Подобно двухъяруснымъ, трехъярусныя колокольни устраивались часто съ поясами галлереекъ; такъ, у колокольни села Осіевки³⁾ (рис. № 198) „опасаніе“ окаймляетъ ея нижній ярусъ, у колокольни же села Немировки⁴⁾ надъ нижней галлереей высится второй рядъ столбиковъ съ крышей, образующихъ какъ бы не совсѣмъ сформировавшійся второй ярусъ галлерей (рис. № 199). Колокольня эта, построенная въ 1760 году, сохранила еще свои тесовыя кровли, придающія ей такъ много характерности. Въ противоположность немировской колокольнѣ, второй ярусъ колокольни, изображенной на рисункѣ № 200⁵⁾, имѣетъ уже совершенно законченныя формы опоясывающей его галлерей, между тѣмъ какъ нижній ярусъ не имѣетъ „опасанія“ и крыша его поддерживается совершенно такимъ же грубымъ и тяжелымъ карнизомъ, съ какимъ мы уже одинъ разъ встрѣчались (рис. № 193). Что же касается верхняго яруса разсматриваемой колокольни, то онъ скомпанованъ по тому же типу, что и верхъ ковльской колокольни, отчего вся колокольня имѣетъ видъ трехъяруснаго сооруженія съ двумя ярусами галлерей. Ей нельзя отказать въ живописности, но и нельзя назвать логичной съ архитектурной точки зрѣнія потому, что стойки галлерей ея второго яруса нѣсколько свѣшиваются надъ нижними стѣнами и это придаетъ ей безпокойный характеръ неустойчивости.

Совершенно иное впечатлѣніе производитъ „дзвоница“, при церкви Св. Николая въ Шоломкахъ (рис. № 201); надъ нижнимъ срубомъ, окруженнымъ „опасаніемъ“, высится второй срубъ, также опоясанный галлереей, надъ крышей которой помѣщена сквозная башенка звона съ ея крутой гонтовой кровлей и главкой, хотя и наивной, но не лишенной оригинальности. Годъ сооруженія этой колокольни неизвѣстенъ, но она безспорно древ-

1) Кіевской губерніи.

2) Кіевской губерніи.

3) Ольгопольскаго уѣзда, Подольской губерніи.

4) Овручскій уѣздъ. Волинь.

5) Волинской губерніи.

няя, что подтверждаютъ ея типичныя формы древне-украинской церковной архитектуры, въ послѣднее время безжалостно скрытыя досчатой обшивкой.

Такимъ же древнимъ характеромъ архитектурныхъ формъ какъ въ деталяхъ, такъ и по общему приему композиціи, отличается прекрасная колокольня въ Староселицахъ (рис. № 202), построенная въ XVIII вѣкѣ. Особенно хороши тонко прочувствованныя линіи ея купола и маковицы, а также правильные полуциркули арочекъ ея звона, сконструированныхъ совершенно такъ же, какъ арочки „опасанія“ Троицкой церкви въ мѣстечкѣ Полонномъ ¹⁾ (рис. № 203).

Конечную стадію развитія южно-русскихъ сооружений для колоколовъ представляютъ собою многоярусныя колокольни. Великолепнымъ образцомъ ихъ можетъ служить колокольня въ селѣ Ходакахъ ²⁾, близкая по формамъ къ Староселицкой, но отличающаяся отъ нея, во-первыхъ, числомъ ярусовъ—у нея ихъ пять, а во-вторыхъ, тѣмъ, что нижній ея ярусъ не имѣетъ „опасанія“; онъ глухой и обшитъ те-

Рис. № 199.
Колокольня въ Немировкѣ.
По Ѳ. Волкову.

куполомъ послѣдняго громоздятся одна надъ другой двѣ маковки со своими, тоже сложной формы, куполами, вслѣдствіе чего колокольню эту приходится отнести къ группѣ многоярусныхъ колоколенъ. Нельзя не замѣтить, что на этой колокольнѣ гораздо больше, чѣмъ на нѣкоторыхъ другихъ разсмотрѣнныхъ нами выше, на примѣръ, на колокольнѣ въ мѣстечкѣ Ярышевѣ (рис. № 195), отразилось вліяніе Запада, гдѣ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ царилъ стиль Барокко, отличительной чертой котораго являлось стремленіе къ сильнымъ эффектамъ, сплошь и рядомъ переходившимъ въ крикливую вычурность. Подобное стремленіе явно господствуетъ надъ другими въ разсматриваемой колокольнѣ, отчего на ней и лежитъ отпечатокъ упадка народнаго стиля, тогда какъ колокольни въ Ковлѣ, въ Шоломкахъ и въ Староселицахъ своими спокойными и здоровыми, если

сомъ, по уже знакомому намъ приему, но обшивка эта появилась, вѣроятно, впоследствии, а первоначально вѣнды нижняго сруба оставались, надо полагать, ничѣмъ не закрытыми.

Совершенно другимъ приемомъ композиціи отличается колокольня, находящаяся въ Кіевской губерніи (рис. № 204). Въ сущности, она двухъярусная, такъ какъ колокола помѣщаются во второмъ ярусѣ, но надъ затѣйливымъ

¹⁾ Новоградволинскаго уѣзда, Волынской губерніи.

²⁾ Овручскій уѣздъ. Волынь. Смотри матеріалы по Этнографіи Россіи. Подъ редакціей Ѳ. К. Волкова. С.-Петербургъ 1910. Томъ I, стр. 38. Рис. 27.

Рис. № 200.
Колокольня въ Волынской губ.
Рис. Д. Савицкаго.

15.

Рис. 201.
Колокольня въ Шоломкахъ.
По Ѳ. Волкову.

Рис. № 202.
Колокольня въ Староселищахъ.
Фот. В. Савинскаго.

КОНСТРУКЦІЯ ОПАІАНІА
По Г. Павлуцкому. М. П.

Рис. № 203.

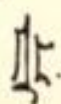

Рис. № 204.
Колокольня Кіевской губ.
Рис. Д. Савицкаго.

можно такъ выразиться, формами говорятъ о чистомъ народномъ стилѣ, еще не зараженномъ постороннимъ вліяніемъ.

Аналогичны, но отличаются бѣльшимъ богатствомъ формъ и бѣльшей живописностью колокольні древней Червонной Руси—нынѣшней Буковины, Гуцульщины и Восточной Галиціи. Съ одной изъ этихъ колоколенъ мы уже познакомились, разсматривая двухъярусныя колокольні Малороссіи; остановимся еще на нѣсколькихъ памятникахъ западныхъ славянъ, которые, несмотря на сильное стремленіе германцевъ и мадьяръ ассимилировать ихъ съ собою, сумѣли отстоять свою самобытность и сохранить почти въ стародавней неприкосновенности свою оригинальную архитектуру и живописные костюмы. Оставляя въ сторонѣ тѣ колокольні, подобныя которымъ мы видѣли среди памятниковъ Малороссіи, разсмотримъ нѣкоторые типичные образцы, аналогичныхъ которымъ на югѣ Россіи не сохранилось. Къ числу

Рис. № 205.
Колокольня въ Чесникахъ.
По В. Щербакивскому.

спроектированъ въ видѣ четырехгранной аркатуры, уже знакомой намъ по колокольнямъ Малороссіи, но покрывающій ее шатеръ сдѣланъ съ мягкимъ переломомъ посерединѣ, что и придаетъ ему особую прелесть; такого типа шатры въ малороссійскомъ искусствѣ намъ не встрѣчались. Ниже звона устроенъ, на легкихъ консоляхъ, отвѣсный выступъ, имѣющій лишь эстетическій смыслъ, но несомнѣнно ведущій свое начало отъ „обламовъ“ крѣпостныхъ башенъ. Шатеръ и вся средняя часть колокольні вмѣстѣ съ обламомъ и нижней крышей покрыты деревянной чешуей (гонтомъ, лемехомъ), дающей богатѣйшую игру красокъ, свѣта и тѣни.

такихъ памятниковъ относится колокольня въ селѣ Чесникахъ¹⁾, построенная въ XVIII вѣкѣ (рис. № 205). Основу ея образуютъ четыре мощныя стойки, утвержденныя на лежахъ и раскошенныя подкосами; вся нижняя часть этого каркаса оставлена открытой и только на значительной высотѣ отъ земли начинается свѣсъ крыши, низъ которой покоится на рамѣ, поддерживаемой кронштейнами. Верхняя часть колокольні — ея звонъ

¹⁾ Въ Галичинѣ.

Рис. № 206.
Колокольня въ Подгородѣ.
По В. Щербакивскому.

Колокольня въ селѣ Подгородѣ ¹⁾ (XVIII вѣкъ) имѣетъ совершенно такой же низъ, какъ у предыдущей, но средняя ея часть и верхъ скомпанованы иначе, со стремленіемъ придать этимъ частямъ общій характеръ пирамидальности (рис. № 206). Зодчему вполне удалось осуществить это намѣреніе и, несмотря на открытый низъ, все зданіе имѣетъ очень устойчивый видъ.

Совершенно другой характеръ композиціи имѣетъ очень оригинальная колокольня села Быстреца ²⁾; точное время сооруженія этой колокольни неизвѣстно, но вѣроятно, она относится также къ XVIII столѣтію. Колокольня эта двухъярусная (рис. № 207), причемъ оба ея яруса имѣютъ въ планѣ форму шестиугольника — приемъ не обычный, но благодаря ему колокольня очень оригинальная и кажется повторяющей стародавнія формы, происходя-

щія, подобно обламамъ, отъ крѣпостной архитектуры; планъ верхняго яруса, отдѣленнаго широкой крышей отъ нижняго, нѣсколько меньше его по площади. Особенно интересна форма верхней крыши: она представляетъ собою низкій шатеръ, грани котораго въ его нижней части вдавлены внутрь, какъ бы будучи стянуты крѣпкимъ кольцомъ. Такая форма покрытій, какъ увидимъ ниже, является довольно обычной на малороссійскихъ церквахъ, но на колокольняхъ она намъ не встрѣчалась. Нижній ярусъ колокольни бревенчатый — состоящій изъ вертикальныхъ угловыхъ стоекъ, въ пазы которыхъ загнаны концы горизонтальныхъ бревенъ, образующихъ стѣны; верхній ярусъ, въ каждой грани котораго оставлено по одному большому отверстию квадратной формы, состоитъ изъ каркаса, обшитаго гонтомъ.

Колокольня при церкви Св. Юрія въ Драгобычѣ ³⁾ является однимъ изъ древнѣйшихъ сооружений этого рода — она построена около 1600 года (рис. № 208). Нижній ея ярусъ представляетъ собою очень внушительныхъ размѣровъ усѣченную пирамиду съ квадратнымъ основаніемъ; внизу этотъ ярусъ охваченъ навѣсомъ, поддерживаемымъ кронштейнами, а вверху, также

¹⁾ Въ Галичинѣ.

²⁾ Въ Гуцульщинѣ.

³⁾ Въ Галичинѣ.

на кронштейнахъ, устроенъ высокій, но съ незначительнымъ выносомъ „обламъ“, окаймленный въ верхней части плоскими арочками, надъ которыми слегка свѣшивается край крыши въ формѣ колпака. Въ послѣднюю врѣзается невысокій восьмерикъ, заканчивающійся арочками такой же формы, какъ и у „аблама“; надъ восьмерикомъ высится граненый куполь, красивый силуэтъ котораго завершёнъ маленькой маковицей луковичной формы, несущей небольшой крестикъ. Пропорціи разсматриваемаго памятника настолько же прекрасны, насколько спокойны и благородны его детали; съ художественной точки зрѣнія въ немъ нѣтъ ничего лишняго: здѣсь все на своемъ мѣстѣ и дышетъ увѣренностью самобытныхъ формъ, совершенствовавшихся въ теченіе не одного вѣка.

Чтобы закончить очеркъ южныхъ колоколенъ, скажемъ еще нѣсколько словъ о приемахъ ихъ сооруженія

Рис. № 208.
Колокольня Св. Юрія въ Драгобычѣ.
Фот. О. О. Маркова.

Рис. № 207.
Колокольня въ Быстрецѣ.
По В. Щербаквиѣскому.

въ Области Войска Донскаго. По изслѣдованіямъ профессора В. В. Суслова, колокольни на Дону, подобно колокольнямъ на Сѣверѣ и въ Малороссіи, ставились первоначально отдѣльно отъ церквей, а затѣмъ вошло въ употребленіе ставить ихъ надъ папертью или „бабникомъ“¹⁾. Отдѣльно стоящія колокольни состояли обыкновенно изъ двухъ частей: нижней части — низкой, квадратной въ планѣ призмы и верхней — восьмиграннаго сруба съ отвѣсными стѣнами или слегка расширяющимися къ верху, гдѣ устраивались полуциркулярныя отверстія для образованія „звона“. Покрывалась колокольня плоскимъ граненымъ сводикомъ — „банькою“, надъ которымъ ставился верхъ въ видѣ луковичной главки съ шейкою и крестомъ

¹⁾ Слѣдующая къ востоку часть церкви за папертью (смотри ниже).

Чтобы закончить очерк южных колоколен, скажем еще несколько слов о приемах их сооружения в Области Войска Донского. По исследованиям профессора В. В. Суслова, колокольни на Дону, подобно колокольням на Севере и в Малороссии, ставились первоначально отдельно от церквей, а затем вошло в употребление ставить их над папертью или «бабником»*. Отдельно стоящие колокольни состояли обыкновенно из двух частей: нижней части — низкой, квадратной в плане, призмы и верхней — восьмигранного сруба с отвесными стенами или слегка расширяющимися кверху, где устраивались полуциркульные отверстия для образования «звона». Покрывалась колокольня плоским граненым сводиком — «банькою», над которым ставился верх в виде луковичной главки с шейкой и крестом (рис. 209). Самые стены устраивались из размещенных в углах стоек, между которыми горизонтально загонялись обтесанные с двух сторон бревна.

Из сказанного видно, что из всех рассмотренных нами южных колоколен донские, если оставить в стороне способ их конструирования, более других похожи на северные, отличаясь от них главным образом тем, что их увенчивали не шатры, а «баньки». На причинах, обусловивших это сходство, и вообще на влияниях, отразившихся на южнорусском деревянном зодчестве, останавливаться сейчас не будем, так как нам придется столкнуться с этим вопросом при изучении церквей, к рассмотрению которых теперь перейдем.

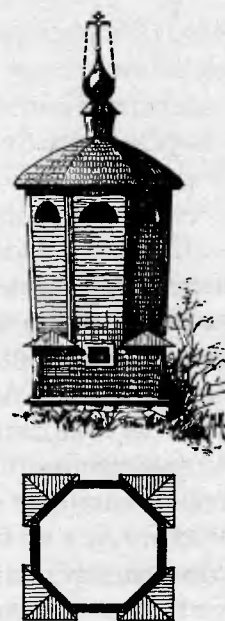

Рис. 209.
Донская колокольня.
По В. Суслову

* Следующая к востоку часть церкви за папертью (см. ниже).

ГЛАВА V.

Послѣ ознакомленія съ памятниками гражданскаго и военнаго древне-русскаго зодчества не остается сомнѣнія, что русскимъ людямъ никогда не было чуждо чувство красоты, а если оно руководило ими даже при постройкѣ простой избы или крѣпостныхъ башенъ, то, само собой понятно, что стремленіе къ красотѣ должно было достигать высшаго напряженія при созиданіи храмовъ. Какія бы темныя черты характера, а подчасъ и нравственной распущенности ни гнѣздились въ людяхъ до-петровской Руси, въ какія бы уклоненія отъ догматовъ главенствующей церкви они ни впадали, имъ не было знакомо отрицаніе религіи и, какъ прямое слѣдствіе ихъ глубокой вѣры, было непрестанное желаніе видѣть храмы своихъ селъ и городовъ „преудивленными“ и „преукрашенными“.

Хотя уже задолго до крещенія Руси многіе славяне и варяги были христіанами, но все же это были лишь отдѣльныя личности среди общей языческой массы, которая такъ же искренно и глубоко любила своего Перуна и стремилась видѣть богато украшенными капища его кумировъ, какъ искренно и всей душой Русь отдалась впослѣдствіи служенію Богу истинному. Вѣдь сущность основныхъ чертъ народа, въ особенности молодого, мѣняется очень медленно; поэтому, если христіанская Русь быстро освоилась съ идеей новыхъ храмовъ и прониклась любовью къ ихъ благолѣпію, то необходимо признать за непреложный фактъ, что и языческая Русь не только имѣла идольскіе храмы, но и умѣла ихъ строить красиво и любила ихъ украшать всѣмъ, что только могла достать. Существованіе у насъ капищъ отрицается многими изслѣдователями на томъ основаніи, что нигдѣ не сохранилось ихъ описаній; между тѣмъ это явленіе вполне объяснимо: въ самомъ дѣлѣ, наши первые лѣтописцы, которые еще могли своими глазами видѣть послѣднія капища, были люди, принадлежавшіе къ духовенству, большей частью монахи, т. е. носители и учителя новой вѣры, которымъ невмѣстно было подробно описывать и восхвалять красоту языческихъ идоловъ и ихъ храминъ; лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда этого никакъ нельзя было избѣжать, да и то весьма неохотно, они только вскользь упоминаютъ о нихъ, противопоставляя имъ обыкновенно храмы христіанскіе. Такъ, напримѣръ, первый русскій митрополитъ Илларионъ, восхваляя крещеніе Руси говоритъ: „...Уже не *капищъ* сграждаемъ, но Христовы церкви зиждемъ... капища разрушишась и церкви поставляются... идоли сокрушаются и иконы святыхъ являхуся...“ Хотя „капищами“ назывались не только помѣщенія для идоловъ, но также и самые идолы, тѣмъ не менѣе въ данномъ мѣстѣ этимъ словомъ обозначены, мнѣ кажется, именно какія-то *зданія*,

„согражданію“, т. е. постройкѣ которыхъ митрополитъ Илларіонъ противопоставляетъ созиданіе церквей, называя самыя изображенія языческихъ божествъ идолами и противопоставляя имъ иконы святыхъ. Если въ отношеніи къ этому свидѣтельству допустимы иныя толкованія, то всякое сомнѣніе исчезаетъ при чтеніи Похвалы Св. Владиміру, написанной монахомъ Іаковомъ, который раздѣляетъ понятія о языческихъ храмахъ и требищахъ, т. е. урочищахъ, гдѣ стояли идолы и ихъ жертвенники. Дѣйствительно, говоря: „Храмы идольскыя и требища всюду раскопа и посѣче и идолы съкруши“, онъ явно имѣлъ въ виду три рода различныхъ предметовъ: самихъ идоловъ, урочища¹⁾, гдѣ они стояли подъ открытымъ небомъ и, наконецъ, цѣлыя сооруженія для помѣщенія ихъ.

Кое какія упоминанія о храмахъ славянъ-язычниковъ встрѣчаются въ скандинавскихъ сагахъ; такъ, въ сагѣ Олафа—сына норвежскаго конунга говорится, что во время пребыванія его въ Кіевѣ у Владиміра, тогда еще не крестившагося, послѣдній приносилъ жертвы въ храмъ. Клитлинга—сага повѣствуетъ, что въ храмахъ славянъ хранилось много золота, серебра, тканей и оружія.

Масъ-Удій, арабскій писатель X вѣка²⁾ описываетъ, правда весьма фантастично, три каменныхъ храма восточныхъ, повидимому, приуральскихъ славянъ.

Гораздо болѣе многочисленны свидѣтельства средневѣковыхъ нѣмецкихъ путешественниковъ о языческихъ капищахъ въ городахъ славянъ Поморья³⁾; эти капища („контыны“, „kontyny“) видѣли собственными глазами и описывали епископъ Дитмаръ (1018 годъ), каноникъ Адамъ Бременскій (1076 г.), Отто изъ Бамберга и другіе⁴⁾, и нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ правдивости ихъ описаній, изъ которыхъ, какъ увидимъ ниже, явствуетъ, что славяне Поморья строили для изображеній своихъ боговъ зданія, а не просто ставили ихъ подъ открытымъ небомъ въ различныхъ урочищахъ. Если же Поморяне имѣли капища, то вѣдь всякаго сомнѣнія ихъ имѣли и всѣ другіе славяне, а слѣдовательно не представляли собою исключенія и тѣ, изъ которыхъ впослѣдствіи сложилась Русь, такъ какъ существенной разницы ни въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, ни въ обычаяхъ, ни, наконецъ, въ культурѣ различныхъ славянскихъ племенъ на зарѣ нашей исторіи существовать не могло.

Приведенныхъ свидѣтельствъ, хотя мы исчерпали ихъ далеко не всѣ⁵⁾, вполне достаточно и они являются неоспоримымъ доказательствомъ того,

¹⁾ Урочища были обыкновенно у священныхъ рощъ или деревьевъ—дубовъ; послѣдніе окружались оградами (тынами) съ нѣсколькими воротами; внутри ограды, подъ вѣтвями деревьевъ ставились идолы.

²⁾ Алій, Абуль-Хассанъ Масъ-Удій. Историкъ и географъ. Родился въ концѣ IX вѣка; умеръ въ Египтѣ въ 956 году.

³⁾ Нынѣшней Помераніи.

⁴⁾ Смоторъ К. Mokłowski. Sztuka ludowa w Polsce. Lwow. 1903. Страница 281.

⁵⁾ Въ Кіевѣ, подъ холмомъ Десятинной церкви между остатками другихъ древнихъ сооружений были найдены каменные фундаменты, вокругъ которыхъ находился полъ изъ толстаго слоя глины, а внутри ихъ, съ западной стороны, массивный столбъ, состоявшій изъ послѣдова-

что религиозная архитектура бесспорно существовала у наших предков, еще не познавших свѣта христіанства.

Какой же видъ имѣли эти капища или божницы? Отвѣта на этотъ вопросъ у нашихъ лѣтописцевъ мы не находимъ нигдѣ, но все же можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о религиозномъ зодествѣ славянъ, основываясь на тѣхъ данныхъ, которыя почерпаемъ изъ записокъ упомянутыхъ выше нѣмецкихъ путешественниковъ. Такъ, епископъ Дитмаръ говоритъ, что во священномъ лѣсу Лютичей ¹⁾, находившихся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ цесаремъ Генрихомъ II, „стоитъ капище, художественно срубленное изъ дерева; его наружныя стѣны украшены чудесно вырѣзанными изображеніями боговъ и богинь“. Отто изъ Бамберга видѣлъ въ Щетинѣ контыну ²⁾ на горѣ, посвященной Триглаву; она была великолѣпно построена и ея стѣны какъ снаружи, такъ и изнутри были такъ красиво и естественно покрыты рѣзными изображеніями людей, звѣрей и птицъ, что казалось будто они дышатъ. Очарованію способствовала раскраска этихъ изображеній. Наружной оградой служилъ заборъ, старательно сдѣланный и украшенный рѣзьбой.

Датскій историкъ Saxo Grammaticus, описывая контыну, которая была разрушена при взятіи города Арконы датскимъ королемъ Эрикомъ, говоритъ: „Въ центрѣ равнины находился городъ; въ городѣ этомъ выдѣлялось святилище, чудесно исполненное изъ дерева; въ этомъ святилищѣ не только почитали Добро, но въ немъ были также изображенія тѣхъ боговъ, которыхъ боялись. Наружную оболочку (стѣны?) составляла связная конструкція (срубъ?); верхъ былъ покрытъ красной (червоной) краской; внутренней опорой служили четыре столба, а вмѣсто стѣнъ (внутреннихъ?) были повѣшены пышныя ткани“.

Основываясь на этихъ и подобныхъ имъ архивныхъ данныхъ, затѣмъ на изслѣдованіяхъ Крашевскаго и Соколовскаго ³⁾, а также на томъ, что храмы всѣхъ народовъ, стоящихъ на первыхъ ступеняхъ культуры всегда близки по приему ихъ плана къ человѣческому жилью той же эпохи ⁴⁾, Казиміръ Мокловскій даетъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ „Sztuka ludowa w Polsce“ слѣдующую реконструкцію типичнаго языческаго храма славянъ.

тельныхъ слоевъ сильно обожженной глины, золы и углей. Около столба нашли много костей домашнихъ животныхъ.

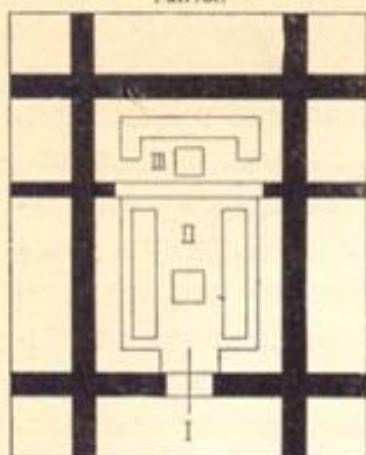
Возстановить общій видъ этого зданія по формѣ фундаментовъ (эллипсъ съ прямоугольными пристройками, ориентированными по странамъ свѣта), конечно, не представляется возможнымъ, но, судя по упомянутымъ даннымъ раскопокъ, зданіе это, очевидно, имѣло ритуальное назначеніе, но во всякомъ случаѣ не могло быть христіанской церковью. (Смотри В. В. Хвойка. Древніе обитатели средняго Приднѣпровья. Кіевъ 1913 г.).

1) Лютичи или Угличи—славянское племя, жившее въ южныхъ степяхъ у Чернаго моря и по берегамъ Лабы (Эльбы).

2) Слово „контына“, очевидно, имѣетъ связь съ культомъ Святовита—бога боговъ, которому поклонялись въ Арконѣ. Онъ былъ наѣздникъ и побѣдоносецъ; ему былъ посвященъ бѣлый конь—первый слогъ разсматриваемаго слова; конецъ же этого слова—это тѣ ограды, т. е. тыны, которыми окружались, какъ мы упоминали выше, священныя урочища.

3) J. Kraszewski, Prof. M. Sokolowski.

4) Смотри первые храмы Элады.

По К. Мокловскому.

Рис. № 210.

Въ планѣ (рис. № 210) храмъ (контина) представлялъ собою длинный прямоугольникъ, раздѣленный внутренней стѣной на двѣ части, первая изъ которыхъ (II), отвѣчавшая жилой части избы, была значительно больше второй (III) и являлась собственно храмомъ. Въ нее вела единственная во всемъ храмѣ дверь, у трехъ ея стѣнъ стояли скамьи и столы¹⁾, а въ серединѣ находился жертвенникъ. Широкая арка соединяла первую часть храма со второй (III), въ которой стояло изображеніе божества, также окаймленное съ трехъ сторонъ лавками; такимъ образомъ, эта задняя часть храма, отвѣчавшая клѣти жилой избы, была главной частью—святилищемъ и являлась какъ бы прототипомъ нашего алтаря, тогда какъ передняя часть являлась прототипомъ нашего „корабля“—помѣщенія для молящихся, хотя въ языческіе храмы

имѣли доступъ только жрецы, а народъ во время жертвоприношенія стоялъ внѣ капища. Кромѣ этихъ двухъ частей въ континахъ была еще третья, а именно, стѣни (I), предшествовавшая первой части; въ сущности стѣни не были помѣщеніемъ, такъ какъ не были со всѣхъ сторонъ окружены стѣнами—это просто была площадка передъ дверью капища, закрытая сильнымъ свѣсомъ кровли, поддерживаемой повалами, т. е. консолями, образованными при помощи постепеннаго напуска бревенъ.

Таковъ былъ планъ храма славянъ язычниковъ, такой же простой, какъ и ихъ примитивныя избы. Матеріаломъ для континъ служили колоссальныя²⁾ бревна, отесанныя на четыре канта, и такія же доски; стѣны рубились въ углахъ „съ остаткомъ“ (рис. № 211) и для поддержанія широкихъ свѣсовъ кровель устраивались упомянутые выше „повалы“. Вокругъ капища, приблизительно на одной трети высоты его стѣнъ, устраивалась дополнительная кровля, которая, по предположенію К. Мокловскаго, предохраняла нижнюю часть зданія отъ дѣйствія атмосферной влаги; однако, для такой цѣли эту кровлю не слѣдовало бы подымать такъ, относительно, высоко и придавать ей такой большой свѣсъ. Скорѣе эта дополнительная кровля играла такую же роль, какъ аналогичные свѣсы у крышъ нынѣшнихъ церквей Галиціи и галлерей („нищевники“) нашихъ деревянныхъ храмовъ, т. е. служила прикрытіемъ для народа, не вмѣщающагося въ самомъ храмѣ или для ожидающихъ начала богослуженія.

¹⁾ Эти столы и лавки предназначались преимущественно не для моментовъ жертвоприношенія, а для засѣданій старшинъ племени (гминъ), происходившихъ также въ континахъ.

²⁾ Тотъ же Отто изъ Бамберга такъ говоритъ объ одной изъ континъ Щетина. „...palatium trabibus et tabulis ingentibus compactum, quod stubam vel purale vocant“, т. е. зданіе сдѣланное изъ громадныхъ бревенъ и досокъ, которое они называютъ избой (стопой) или истопкой. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что на реконструкціи К. Мокловскаго бревна контины изображены такой большой толщины, какая врядъ ли когда могла существовать.

Какъ верхняя, такъ и нижняя крыша крылись чешуей изъ гонта, прибитого деревянными гвоздями; такой же чешуей защищались отъ сырости и наружныя поверхности стѣнъ въ верхнихъ ихъ частяхъ.

Задняя часть контыны, само святилище, въ которомъ стояли изображенія божествъ, имѣла потолокъ, устроенный по балкамъ; передняя же часть, гдѣ стоялъ алтарь, на которомъ сжигались жертвы, потолока не имѣла и для выхода жертвеннаго дыма въ переднемъ щипцѣ зданія, надъ навѣсомъ стѣней, устраивалось отверстіе—дымница. Никакихъ другихъ отверстій, за исключеніемъ входной двери, въ контынѣ не устраивали, вслѣдствіе чего внутри она была погружена въ полумракъ, который придавалъ изображе-

Рис. № 211.
Реконструкція контыны. По К. Мокловскому.

ніямъ, украшавшимъ стѣны, таинственность и ту жизненность, о которой упоминаетъ Отто изъ Бамберга.

Исполненная К. Мокловскимъ реконструкція наружнаго вида контыны (рис. № 211), конечно, произвольна, но все же она лишь въ деталяхъ, быть можетъ, отличается отъ того, что было въ дѣйствительности, а въ общихъ чертахъ весьма близка къ истинѣ, такъ какъ очень похожа на старинныя церкви Галиціи, каждая деталь которыхъ пропитана духомъ чистаго народнаго творчества, сохранившаго свои многовѣковые идеалы.

Таковы были языческіе храмы сѣверныхъ славянъ—Поморянъ и Лютичей; но тѣ же Лютичи жили и на югѣ, а именно у береговъ Чернаго моря, поэтому и ихъ храмы не могли сильно отличаться отъ сѣверныхъ; другими словами, храмы всѣхъ славянъ должны были быть въ общихъ чертахъ одинаковы и близки къ той реконструкціи ихъ, которую даетъ К. Мокловскій.

Вотъ въ краткихъ словахъ то немного, что добыто до сихъ поръ наукою по вопросу о языческихъ храмахъ славянъ; немного больше свѣдѣній имѣется въ нашемъ распоряженіи и о первыхъ нашихъ христіанскихъ

храмахъ, храмахъ деревянныхъ, которые первые должны были вытѣснить языческія божницы.

Когда послѣ крещенія Руси Владиміръ, какъ говоритъ лѣтописецъ: „...нача ставити по градамъ церкви...“, то онѣ были не первыми на Руси, такъ какъ уже значительно задолго до 988 года многіе изъ славянъ и жившихъ среди нихъ варяговъ были христіанами и имѣли свои храмы. Такъ, напри- мѣръ, изъ лѣтописнаго разсказа объ убійствѣ Аскольда и Дира (882 годъ) извѣстно о существованіи тогда двухъ деревянныхъ ¹⁾ церквей—божницы св. Николая и св. Орины. О христіанской церкви, и при томъ соборной, лѣтописецъ упоминаетъ въ разсказѣ о договорѣ князя Игоря съ греками: „Наутрѣя призва Игорь послы и приде на холмы кде стояше Перунъ и покладоша оружья и щиты и золото и ходи Игорь ротъ и мужи его и елико поганья Руси а христьяную Русь водиша въ церковь святого Ильи яже есть... се бо бѣ сборная церкви мнози бо быша Варязи христьяни“. Повидимому, были также церкви въ Новгородѣ, такъ какъ объ одной изъ нихъ, о церкви Преображенія, построенной якобы до прихода въ Новгородъ епископа Іоакима, посланнаго княземъ Владиміромъ для крещенія новгородцевъ, имѣются кое-какія свѣдѣнія, съ достовѣрностью, правда, не доказанныя ²⁾. Конечно, до 988 года христіанскія церкви не могли быть многочисленными, но послѣ крещенія Руси онѣ быстро начали всюду воздвигаться и сооруженію ихъ не могло препятствовать отсутствіе у славянъ какихъ либо техническихъ знаній, такъ какъ громадное большинство этихъ церквей строилось изъ дерева и лишь немногіе храмы большихъ городовъ могли быть сооружены изъ камня потому, что для этого приходилось вызывать изъ Византіи мастеровъ, такъ какъ своихъ специалистовъ по каменному дѣлу на Руси тогда еще не было. Да и позднѣе, когда у насъ появились свои собственные зодчіе, которые умѣли строить каменные храмы, послѣдніе, вслѣдствіе ихъ дороговизны, были подъ силу только большимъ городамъ и монастырямъ, а вся сельская Русь рубила свои храмы изъ дерева.

Какова же была архитектура нашихъ первыхъ деревянныхъ храмовъ, а также тѣхъ, которые строились до XVII вѣка и изображеній которыхъ нигдѣ не сохранилось?

Попытаемся рѣшить этотъ вопросъ, взявъ за исходную точку тѣ приемы сооруженія деревянныхъ церквей, образцы которыхъ уцѣлѣли до нашего времени. Если сопоставить эти памятники нашего церковнаго деревяннаго зодчества, построенные въ XVII вѣкѣ и въ началѣ XVIII, съ тѣми изображеніями деревянныхъ церквей, которыя встрѣчаются въ описаніяхъ иностранцевъ, путешествовавшихъ по Русскому государству въ XVII вѣкѣ, то можно вывести вполне опредѣленное заключеніе, что путешественники изобразили церкви совершенно такихъ же типовъ, какихъ придерживались зодчіе тѣхъ храмовъ, что сохранились до нашего времени. Но вѣдь изъ

¹⁾ Говоря объ этихъ церквяхъ, лѣтописецъ называетъ ихъ „срубленными“ и говоритъ, что онѣ сгорѣли.

²⁾ Исслѣдованіе о лѣтописи Якимовской. П. Лавровскій 1856 г., прим. 199.

числа церквей, зарисованных иностранцами, многія были построены задолго до того момента, какъ ихъ увидѣли эти путешественники, и этотъ промежутокъ времени могъ равняться 150—200 годамъ, т. е. возможному сроку службы деревяннаго зданія. Другими словами, нѣкоторыя изъ церквей, изображенныхъ въ книгахъ иностранцевъ, безъ сомнѣнія, могли быть построены въ XVI и XV вѣкахъ. Кромѣ того, благодаря тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы можемъ почерпнуть въ различныхъ памятникахъ нашей древней письменности, является возможнымъ установить фактъ, что въ XVI и XV столѣтіяхъ церкви строились „по подобію“ и „какъ водится“, т. е. наши плотники, слѣдуя за желаніемъ народа, строго придерживались въ своихъ постройкахъ существовавшихъ тогда образцовъ—древнихъ храмовъ и строили „по старинѣ“¹⁾. Само собою понятно, что такое руководство старинными образцами, хорошо знакомыми не однимъ лишь спеціалистамъ—плотникамъ, но также и всѣмъ прочимъ какъ городскимъ, такъ и сельскимъ людямъ, практиковалось не только въ теченіе XVI и XV столѣтій, но, конечно, и раньше потому, что на такое положеніе вещей нисколько не вліяли внѣшнія причины—ни владычество татаръ, безразлично относившихся къ вѣроисповѣданіямъ покоренныхъ ими народовъ, ни дѣятельность на Руси иностранныхъ зодчихъ, имѣвшихъ дѣло только съ каменными постройками. Такимъ образомъ, область строительства деревянныхъ церквей являлась какъ бы замкнутымъ кругомъ, внутри котораго, внѣ сферы постороннихъ вліяній, жили и развивались исконныя традиціи чистаго народнаго творчества. Поэтому, продолжая двигаться въ глубь вѣковъ тѣмъ же путемъ и основываясь на чрезвычайной медленности развитія народнаго искусства, а также на свидѣтельствѣ писцовыхъ книгъ XV вѣка, упоминающихъ о высокихъ деревянныхъ церквяхъ²⁾ различныхъ селъ и погостовъ, напримѣръ, „Сельцо Удосоль, а въ немъ церковь Великій Михаилъ Архангилъ... Погостъ Городенскій, а на погостѣ церковь Дмитрей Велики Солуньски...“, мы придемъ къ заключенію, что въ XIV и XIII столѣтіяхъ, а быть можетъ и въ XII и XI, т. е. у порога эпохи распространенія христіанства, деревянные церкви имѣли тѣ же основные типы, что и въ вѣкахъ XV и XVI, для которыхъ онѣ служили образцами.

Однако, на протяженіи пяти вѣковъ (съ XI по XVII), внѣ всякаго сомнѣнія, должна была произойти извѣстная эволюція формъ, но легче предположить, что сущность этой эволюціи заключалась въ накопленіи новыхъ формъ, нежели въ отбрасываніи старыхъ, т. е. наравнѣ съ болѣе совершенными новыми приѣмами какъ общей композиціи, такъ и деталей, продолжали повторяться менѣе конструктивные и художественные приемы глубокой старины. Вѣдь и среди сохранившихся по настоящее время древнихъ деревянныхъ церквей есть много такихъ, которыя по примитивности ихъ замысла могли бы быть построены въ XII вѣкѣ, тогда какъ въ дѣйствительности онѣ относятся только къ XVII столѣтію. Поэтому едва ли

¹⁾ Смори у И. Е. Забѣлина: „Русское Искусство. Черты самобытности въ древне-русскомъ зодествѣ“. Стр. 101. Разсказъ о построеніи соборной церкви въ Великомъ Устюгѣ.

²⁾ Очевидно, шатровой формы.

будетъ ошибочнымъ предположить, что на всемъ протяженіи нашей исторіи, вплоть до второй половины XVIII вѣка, богатые села рубили красивые, большіе и сложные храмы, а села бѣдныя довольствовались незамысловатыми церквами, мало чѣмъ отличавшимися отъ простыхъ избъ, при чемъ какъ первый, такъ и второй типъ церквей повторяли въ основныхъ чертахъ приемы стародавніе, сложившіеся искони.

Итакъ, основные типы нашихъ деревянныхъ храмовъ не могли существенно мѣняться, но это можно сказать лишь въ отношеніи тѣхъ областей, которыя не подвергались вліянію католичества, т. е. въ отношеніи сѣверной и центральной Россіи; малороссійское же искусство, подъ давленіемъ католической Польши, значительно уклонилось въ сторону не только въ области каменнаго строительства, но также и въ области деревянной архитектуры.

Придя къ заключенію о почти незыблемой устойчивости сложившихся у насъ типовъ деревянныхъ церквей, мы этимъ все же не рѣшили еще вопроса, какимъ образомъ выработались эти основные типы, говоря иначе, не выяснили вопроса о формѣ нашихъ первыхъ христіанскихъ храмовъ, какъ тѣхъ, что строились до принятія христіанства, такъ и тѣхъ, что возводились на Руси въ первые два вѣка послѣ ея крещенія. Предполагать здѣсь полное заимствование формъ у какого либо народа или подражаніе этимъ формамъ совершенно невозможно, несмотря на то, что такое рѣшеніе вопроса являлось бы самымъ простымъ и само собою напрашивается; невозможно же оно по той простой причинѣ, что Русь вошла въ семью христіанскихъ народовъ черезъ посредство Византіи, принявъ отъ нея вмѣстѣ съ догматами вѣроученія и всю внѣшнюю—обрядовую сторону религіи, а слѣдовательно и принципы храмостроительства. Но если греки могли быть, да и въ дѣйствительности были нашими первыми учителями постройки каменныхъ храмовъ, то въ дѣлѣ сооруженія деревянныхъ церквей они ничѣмъ не могли намъ помочь, такъ какъ, имѣя дѣло исключительно съ каменными матеріалами, они врядъ ли много смыслили въ деревянной архитектурѣ, тогда какъ славянамъ плотничное искусство было искони знакомо, а ко времени принятія Русью крещенія они успѣли въ немъ выработать свои приемы какъ конструктивные, такъ и художественные. Однако, если Русь языческая не задумывалась надъ постройкой жилыхъ зданій и капищъ для боговъ, а опытной рукой принималась за ихъ постройку по уже сложившимся приемамъ, то Русь, только что крестившаяся, должна была робко конструировать свои первыя деревянныя церкви, отыскивая для нихъ новыя формы, такъ какъ пользоваться готовыми приемами сооруженія капищъ она не смѣла, если не изъ боязни возврата къ старой вѣрѣ, то изъ нежеланія сравненія дома Бога истиннаго съ обиталищами ложныхъ боговъ, недавно отринутыхъ.

Въ этомъ отношеніи на помощь строителямъ нашихъ первыхъ деревянныхъ храмовъ пришло то обстоятельство, что отъ грековъ мы получили религію съ уже окончательно установившеюся обрядностью и, слѣдовательно, со вполне опредѣленными частями храма, а именно алтаремъ, помѣщеніемъ для молящихся (каѳоликономъ) и притворомъ (нартексомъ), въ которомъ

стояли оглашенные (готовящіеся къ принятію крещенія). Въ каменной архитектурѣ грековъ каждая изъ этихъ частей храма уже вылилась къ тому времени въ типичныя формы, которыя цѣликомъ были пересажены греческими мастерами на русскую почву для нашихъ первыхъ каменныхъ храмовъ. Но для дерева эти формы были въ большинствѣ случаевъ если не непригодны совсѣмъ, то во всякомъ случаѣ несвойственны ему, что русскіе люди, какъ природные плотники, сейчасъ же почувствовали. Поэтому нашимъ мастерамъ была предложена, если такъ можно выразиться, одна только схема плана, и наше духовенство всегда очень строго, насколько это только ему удавалось, требовало отъ зодчихъ точнаго осуществленія этой схемы. Последняя, при минимумѣ требованій, была, какъ мы указали выше, очень проста, состоя всего изъ трехъ частей, даже изъ двухъ, такъ какъ въ крайнемъ случаѣ можно было обойтись безъ притвора. Первая изъ этихъ частей должна была быть относительно просторной, чтобы вмѣстить въ себя возможно большее число молящихся; при этомъ ее нужно было такъ сконструировать, чтобы послѣдніе хорошо видѣли и слышали богослуженіе, слѣдовательно она должна была непосредственно примыкать къ алтарю и быть относительно свѣтлой; въ планѣ каѳоликонъ имѣлъ обыкновенно прямоугольную, близкую къ квадрату форму. Вторая часть—алтарь, опять таки при минимумѣ требованій, должна была вмѣщать въ себя престолъ и жертвенникъ и быть лишь настолько просторной, чтобы священнику было удобно совершать богослуженіе. Сплошные иконостасы, совершенно изолирующіе алтарь отъ помѣщенія для молящихся, появились сравнительно поздно, а въ первые вѣка эти двѣ части отдѣлялись одна отъ другой лишь алтарной преградой, т. е. невысокой рѣшеткой. Въ греческой архитектурѣ ¹⁾, ко времени занесенія ея формъ на Русь, алтарь всегда имѣлъ въ планѣ форму прямоугольника или квадрата (вима), къ которому съ востока примыкала апсида—полукруглая или граненая пристройка ²⁾, открывавшаяся въ алтарь аркой и покрытая половиной сферического свода. Алтарь примыкалъ къ каѳоликону всегда со стороны востока. При болѣе высокихъ требованіяхъ алтарная часть храма усложнялась жертвенникомъ и діаконикомъ; первый служилъ, какъ показываетъ его названіе, помѣщеніемъ для жертвенника, а второй предназначался для храненія священныхъ сосудовъ, книгъ и облаченій. Оба эти помѣщенія дѣлались меньшихъ размѣровъ, нежели самъ алтарь, но подобно ему состояли изъ прямоугольныхъ частей съ примыкавшими къ нимъ апсидами; жертвенникъ располагался съ сѣверной стороны алтаря ³⁾, а діаконикъ съ противоположной стороны—съ южной и непременно соединялись съ алтаремъ арками или дверями. Наконецъ, притворъ (нартексъ) представлялъ собою самостоятельную пристройку, расположенную съ западной стороны каѳоликона, обычно вытянутую въ планѣ по линіи сѣверъ—югъ и соединявшуюся съ каѳоликономъ одной или тремя дверями.

¹⁾ Смотри: Мих. Красовскій. Планы Древне-Русскихъ храмовъ. Петроградъ, 1915.

²⁾ Иногда полукруглая изнутри и снаружи, иногда граненая съ обѣихъ сторонъ, иногда, наконецъ, изнутри полукруглая и граненая снаружи.

³⁾ Слѣва, если стоять лицомъ къ алтарю.

Вотъ тѣ основныя части храма, которыя Русь получила отъ Византіи, и для которыхъ нашимъ плотникамъ предстояло подыскать соотвѣтствующія формы. Откуда же они могли ихъ почерпнуть? Единственнымъ источникомъ для этого являлось свое же гражданское зодчество (хоромное дѣло), владѣвшее, однако, ко времени крещенія Руси уже значительнымъ запасомъ архитектурныхъ формъ. По взглядамъ того времени въ этомъ не было ничего предосудительнаго, такъ какъ понятія о „храмѣ“, какъ церкви, и „храминѣ, хороминѣ, хорамахъ“, какъ о богатомъ жилищѣ, очевидно, совпадали; послѣднія были богатымъ и красивымъ домомъ человѣка, а первый также домомъ, но „преукрашеннымъ и преудивленнымъ“ домомъ Бога. Основнымъ элементомъ всякаго жилища, а въ частности и хоромъ, являлась, какъ мы видѣли, „клѣть“, т. е. срубъ („стопа“) изъ горизонтальныхъ вѣнцовъ бревенъ; этотъ же срубъ являлся основнымъ элементомъ и для церковныхъ сооружений, при чемъ, какъ и въ хоромномъ дѣлѣ, каждое церковное зданіе образовывалось комбинаціей нѣсколькихъ срубовъ. Въ самомъ дѣлѣ, для каѳоликаона нуженъ былъ одинъ, наибольшій какъ по площади, такъ и по высотѣ, срубъ, къ которому съ востока примыкалъ второй срубъ, сравнительно незначительныхъ размѣровъ; форма второго сруба у наиболѣе простыхъ храмовъ была, вѣроятно, также прямоугольная, какъ и у нѣкоторыхъ существующихъ еще и теперь древнихъ храмовъ, но надо полагать, что духовенство, изъ подражанія апсидамъ греческихъ храмовъ, предпочитало видѣть восточную часть алтарныхъ срубовъ граненой, тѣмъ болѣе, что это не могло составить какого нибудь затрудненія для плотниковъ, умѣвшихъ рубить многогранныя („круглыя“) башни. Наконецъ, нуженъ былъ еще одинъ срубъ, а именно для притвора, передъ которымъ устраивалось, вѣроятно, крылечко. Притворъ и алтарь рубились, вѣроятно, меньшей высоты, нежели каѳоликонъ, первый—какъ часть второстепеннаго назначенія, а второй—по соображеніямъ художественнаго характера; поэтому каждая часть церкви крылась самостоятельной крышей. Вотъ и все, что было нужно для композиціи церкви, и всѣ эти формы имѣлись уже, безъ сомнѣнія, въ хоромной архитектурѣ, поэтому первыя наши христіанскія церкви должны были быть очень похожи по внѣшности на простыя избы и отличались отъ нихъ главнымъ образомъ тѣмъ, что надъ коньками ихъ крышъ возвышались кресты или маковки. Послѣднія были, очевидно, подражаніемъ главамъ каменныхъ храмовъ и поэтому могли появиться спустя лишь нѣкоторое время, послѣ того, какъ наши плотники освоились съ идеей церковной главы и сумѣли осуществить ее такъ или иначе въ деревянныхъ формахъ. Сущность послѣднихъ, а также климатическія условія страны были причиной того, что форма маковицы, т. е. главы деревяннаго храма, получила совершенно иной видъ, чѣмъ видъ каменныхъ главъ византійскихъ храмовъ и никогда не могла достигнуть ихъ размѣровъ.

Такъ сложился тотъ типъ деревянныхъ храмовъ, которые впослѣдствіи именовались храмами „клѣтскими“ ¹⁾, отъ слова „клѣть“, т. е. прямоугольный

¹⁾ „Древняя клецки“.

срубъ, который составлялъ ихъ основное ядро. Изъ сказаннаго видно, что они не могли отличаться импонирующей внѣшностью и, слѣдовательно, недолго удовлетворяли эстетическимъ запросамъ русскихъ людей; поэтому надо думать, что для удовлетворенія ихъ, вскорѣ нашли возможнымъ примѣнять и остальные формы хоромнаго дѣла, до того еще не использованныя. Въ стремленіи придать церкви большую высоту, которая всегда считалась у славянъ однимъ изъ необходимыхъ условій красоты, стали ставить церкви на подклѣты; однако высокій, квадратный въ планѣ срубъ не такъ устойчивъ и не такъ красивъ, какъ многогранный (восьмиугольный), поэтому послѣднюю форму, уже практиковавшуюся въ крѣпостномъ зодествѣ, стали примѣнять охотнѣе первой и съ теченіемъ времени она прочно привилась для каѳоликоновъ высокихъ храмовъ. Такого вида церковныя „стопы“ требовали многогранныхъ же покрытій, которыя опять-таки съ цѣлью приданія храму большей высоты, стали сильно вытягивать вверхъ; значительная высота стѣнъ требовала для защиты ихъ отъ дождя сильныхъ свѣсовъ кровли, а послѣдніе въ свою очередь требовали какихъ-нибудь опорныхъ частей, каковыми являлся плавный раструбъ верхней части сруба—такъ называемый „поваль“. При наличности подклѣтовъ полы храмовъ находились на значительной высотѣ отъ уровня земли, что вызывало необходимость устраивать крыльца съ длинными маршами лѣстницъ. Такъ сложился второй основной типъ нашихъ деревянныхъ храмовъ—шатровыхъ, или, какъ ихъ называли въ старину „древянныхъ вверхъ“ или „круглыхъ“. Когда именно появились впервые храмы этого типа сказать опредѣленно невозможно, но, судя по нѣкоторымъ стариннымъ актамъ, можно сказать почти съ увѣренностью, что они существовали уже въ концѣ XIII вѣка. Шатровые храмы являлись воплощеніемъ народныхъ представлений о красотѣ; они вполне отвѣчали эстетическимъ запросамъ русскихъ людей, но въ то же время они въ значительно большей степени, нежели церкви клѣтскія, уклонялись отъ той византійской схемы церкви, о которой мы упоминали выше. Это обстоятельство заставляло наше высшее духовенство относиться къ шатровымъ церквамъ весьма неодобрительно, вслѣдствіе чего возникла глухая, но упорная борьба, закончившаяся въ XVII вѣкѣ окончательнымъ запрещеніемъ строить шатровыя церкви. Но такъ какъ запрещеніе это исходило изъ Москвы и слѣдить за его строгимъ исполненіемъ она могла только поблизости отъ себя, то въ глухихъ мѣстахъ Московскаго государства народъ еще долго продолжалъ упорно строить близкія его сердцу „древянныя вверхъ“ церкви и лишь постепенно вырабатывалъ другіе типы, отвѣчавшіе его вкусамъ, успѣвшимъ, конечно, отчасти измѣниться въ теченіе трехъ слишкомъ вѣковъ. Въ результатъ этой эволюціи къ двумъ основнымъ и самымъ древнимъ типамъ нашихъ деревянныхъ церквей присоединились въ концѣ XVII вѣка еще четыре типа, а именно многоярусные храмы, пятиглавыя, многоглавыя и, наконецъ, кубастыя храмы. Эти типы продержались недолго—ихъ окончательно вытѣснили къ концу XVIII вѣка приемы композиціи западно-европейской архитектуры, которые долгое время были понятны лишь высшимъ слоямъ русскаго общества и совершенно чужды простому народу.

Такъ началось и такъ закончило свое существованіе наше народное религіозное деревянное зодчество, выработавъ на протяженіи семи съ половиной вѣковъ шесть основныхъ типовъ, къ подробному разсмотрѣнію которыхъ мы теперь перейдемъ, предварительно замѣтивъ, что наравнѣ съ церквами у насъ, повидимому, всегда существовалъ еще одинъ видъ религіозныхъ сооружений—часовни. Послѣднія отличаются отъ церквей главнымъ образомъ тѣмъ, что въ нихъ не совершаются таинства, для которыхъ необходимъ престолъ, а слѣдовательно, и самостоятельное помѣщеніе для него—алтарная часть храма; поэтому часовни могли строиться по тѣмъ же типамъ, что и церкви; но такъ какъ съ одной стороны въ отношеніи ихъ не распространялось, повидимому, гоненіе на шатры, а съ другой къ нимъ трудно было примѣнять формы послѣднихъ четырехъ группъ, свойственныхъ преимущественно большимъ церквамъ, то ихъ строили по большей части клѣтски и рѣдко, насколько объ этомъ можно судить по уцѣлѣвшимъ памятникамъ, шатровыми.

Съ древнѣйшими изображеніями клѣтскихъ церквей мы встречаемся у Мейерберга, въ альбомѣ котораго имѣется ихъ нѣсколько. Одна изъ этихъ церквей находилась въ посадѣ Печорскаго мо-

Рис. № 212.
Печорскій монастырь.
По Мейербергу.

востокъ; сѣверная стѣна этой части церкви нарисована имѣющей уступъ, который покрытъ односкатной крышей. Уступъ этотъ изображаетъ, надо полагать, галлерею („нищевникъ“), которая часто устраивалась, какъ увидимъ ниже, у клѣтскихъ церквей, но дѣлались стойчатые, а не рубленныя, какъ на рисункѣ Мейерберга. Надъ плоской двухскатной крышей церкви высится довольно большая глава на круглой шеѣ, непосредственно врѣзающейся въ конекъ крыши. Такой приѣмъ постановки главы встрѣчается и среди уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ древнихъ клѣтскихъ церквей, но размѣры главъ всегда гораздо меньше. Къ восточной стѣнѣ главной части примыкаетъ прямоугольный въ планѣ алтарь, крытый, какъ и главная часть, двухскатной крышей.

Другая церковь, также несомнѣнно клѣтская, находилась въ Дубровнѣ и интересна для насъ въ томъ отношеніи, что у нея было крыльцо съ высокой лѣстницей и, слѣдовательно, она стояла на подклѣтѣ (рис. № 213). У той стѣны, вдоль которой идетъ маршъ лѣстницы, изображена дополнительная горизонтальная кровля, долженствующая, повидимому, изображать крышу крыльца. Крышу эту нужно было нарисовать параллельной маршу лѣстницы, но рисуя, вѣроятно, на относительно далекомъ разстояніи,

настыря; повидимому, она представляла собою довольно большое зданіе (рис. № 212), состоявшее изъ двухъ частей, а именно: изъ самого храма и изъ алтаря. Вѣроятно существовало и крыльцо, но его на рисункѣ не видно, такъ какъ церковь изображена съ сѣверо-восточной стороны. Главная часть храма представляла въ планѣ прямоугольникъ, вытянутый по линіи западъ-

Рис. № 213.
Дубровна.
По Мейербергу.

Рис. № 214.
Спасъ-Заулки.
По Мейербергу.

Рис. № 215.
Черкизово.
По Мейербергу.

авторъ рисунка не разобрался въ деталяхъ и нарисовалъ ее неправильно—горизонтально.

Третья церковь, находившаяся въ селѣ Спасъ-Заулкахъ (рис. № 214), состояла изъ трехъ, почти равныхъ по высотѣ, срубовъ, расположенныхъ одинъ за другимъ по направленію западъ-востокъ, и крытыхъ невысокими двухскатными крышами. Одинъ изъ двухъ крайнихъ срубовъ служилъ трапезной, а другой алтаремъ; всѣ три сруба имѣли въ планѣ прямоугольную форму, но средній былъ, повидимому, слегка вытянутъ по линіи западъ-востокъ. Надъ конькомъ этого сруба былъ воодруженъ небольшой крестъ, подножіемъ которому служило яблоко.

На Спасъ-Заулскую была очень похожа церковь въ селѣ Черкизовѣ, отличавшаяся отъ первой тѣмъ, что, во-первыхъ, надъ ней возвышался не просто крестъ, а высокая шея, крытая плоскимъ куполкомъ, на которомъ уже непосредственно стоялъ крестъ; во-вторыхъ, передъ ея трапезной имѣлся навѣсъ на столбахъ—нѣчто вродѣ крыльца, однако безъ лѣстницы, которую, впрочемъ, художникъ не изобразилъ, вѣроятно, по той же причинѣ, что и въ предыдущемъ случаѣ (рис. № 215). Это подтверждается, повидимому, тѣмъ, что срубы церкви довольно ширины второго. Уступы были покрыты односкатными крышами, а верхній срубъ—двухскатной, надъ конькомъ которой высилась маковица съ крестомъ. Среди существующихъ теперь древнихъ церквей такихъ, какъ только что разсмотрѣнная, насколько намъ извѣстно, не существуетъ, но предположить, что Мейербергъ изобразилъ ее невѣрно, нѣтъ причины, такъ какъ въ сущ-

высокіе и, слѣдовательно, она стояла не „на пошвѣ“, а на „подклѣтѣ“.

Интересна еще одна церковь въ альбомѣ Мейерберга—это церковь села Крестцовъ (рис. № 216). Ея главная часть имѣла значительную высоту, такъ какъ состояла изъ трехъ, возвышавшихся одинъ надъ другимъ, срубовъ. Длина этихъ срубовъ была одинакова, но ширина второго была меньше нижняго, а верхняго—меньше

Рис. № 216.
Крестцы.
По Мейербергу.

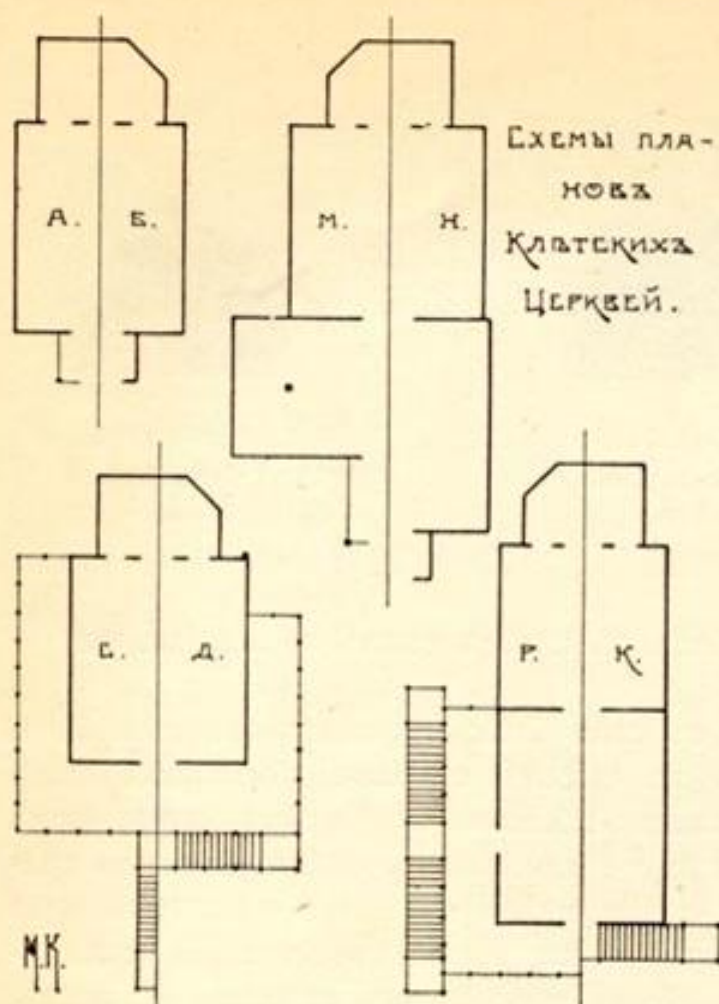

Рис. № 217.

ности она мало чѣмъ отличается отъ печорской церкви, а именно, однимъ только верхнимъ срубомъ, поставленнымъ съ очевидной цѣлью придать всему зданію большую высоту и этимъ отличить его отъ стоящихъ рядомъ жилыхъ срубовъ, т. е. избъ. Что же касается остальныхъ разсмотрѣнныхъ нами церквей въ альбомѣ Мейерберга, то аналогичныя имъ существуютъ среди уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ древнихъ клѣтскихъ храмовъ, къ разсмотрѣнію плановъ которыхъ мы теперь обратимся.

Приемы композиціи плановъ клѣтскихъ церквей не могли отличаться большимъ разнообразіемъ; тѣмъ не менѣе ихъ можно раздѣлить на нѣсколько типовъ. Наиболѣе примитивнымъ являлся планъ, представлявшій комбинацію изъ двухъ прямоугольных срубовъ—алтаря и помѣщенія для

молящихся ¹⁾, передъ входною дверью котораго находился навѣсъ, поддерживаемый двумя столбами (рис. № 217 А). Иногда этотъ навѣсъ забирался досками или дѣлался рубленнымъ, превращаясь въ сѣни (паперть) или въ зародышъ трапезной, а алтарный прирубъ получалъ пятигранную форму, т. е. дѣлался „по круглому“ (рис. № 217 Б).

Если церковь стояла не прямо на грунтѣ („на пошвѣ“), а была поднята на подклѣтъ ²⁾, то это вызывало новую часть—крыльцо, состоявшее изъ нижняго и верхняго рундуковъ, соединенныхъ маршемъ лѣстницы; послѣдняя располагалась или перпендикулярно къ западной стѣнѣ (рис. № 217 С), или параллельно ей (рис. № 217 Д). Иногда въ планъ церкви, стоявшей на подклѣтѣ, вводилась еще одна часть—это стойчатая, обшитая досками галлерея, такъ называемый „нищевникъ“, который охватывалъ церковь, вѣрнѣе помѣщеніе для молящихся, съ трехъ сторонъ: западной, сѣверной и южной (рис. № 217 С и Д). При болѣе сложномъ планѣ церковь образовывали три сруба, изъ которыхъ восточный и средній имѣли такую же

¹⁾ Помѣщеніе для молящихся (главная часть церкви) называлось иногда кораблемъ; этимъ же именемъ назывался и особый приемъ композиціи клѣтскихъ церквей, о которомъ скажемъ нѣсколько ниже.

²⁾ Устройство подклѣтовъ обуславливалось не только эстетическими соображеніями—придать церкви большую высоту, но также и утилитарными, вынуждавшими поднять полъ церкви и тѣмъ уберечь его отъ половодій и снѣжныхъ заносовъ.

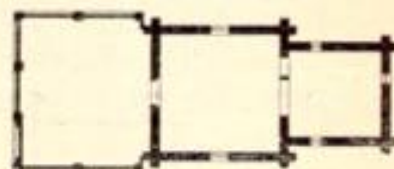
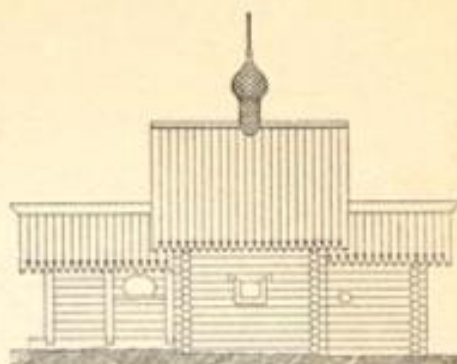
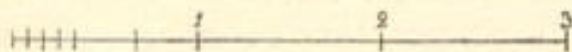
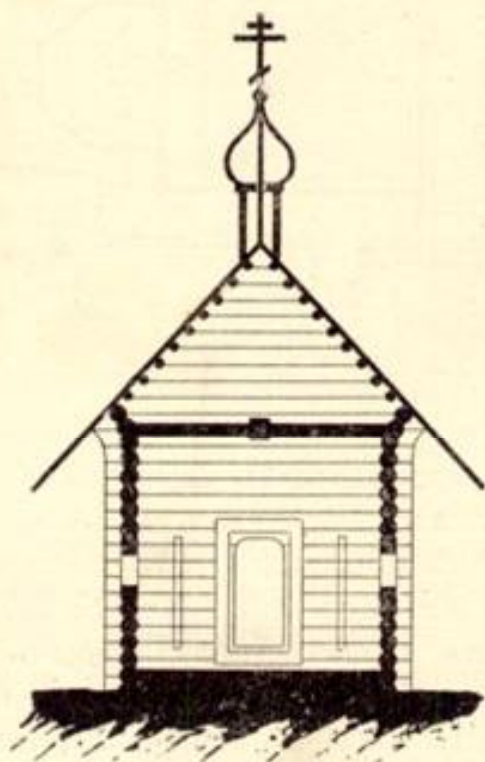

Рис. № 219.
Лазаревская церковь
Муромскаго монастыря.
По Л. Далю.

камъ. На мѣстѣ этого крыльца въ концѣ прошлаго столѣтія поставленъ тамбуръ (а); это возможно было сдѣлать, такъ какъ уровень земли вокругъ церкви настолько повисился, что высота двери южной кладовой имѣетъ въ настоящее время всего 1 арш. 12 вер., тогда какъ прежде въ нее свободно можно было входить.

Стѣны клѣтскихъ церквей рубились въ углахъ или въ лапу, или съ остаткомъ и ихъ спокойныя, не закрытыя тесомъ ²⁾ поверхности нѣсколько разнообразились лишь окнами, которыя устраивались какъ красными, такъ

¹⁾ Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

²⁾ Большинство старыхъ церквей обшито тесомъ, но это сдѣлано сравнительно недавно, якобы для лучшаго сохраненія обветшалыхъ стѣнъ отъ загниванія.

Рис. № 220.
Часовня въ Тагинцахъ. Фот. О. Каликина.

Рис. № 221.
Церковь села Данилова. Фот. О. Каликина.

и волоковыми и размѣщались преимущественно на южной стѣнѣ, менѣе подверженной дѣйствию холодныхъ вѣтровъ.

Въ самомъ способѣ рубить вѣнцы стѣнъ, прежніе мастера иногда отступали отъ нынѣшняго приема; а именно, особенность ихъ рубки заключалась въ томъ, что они вынимали пазы не въ нижнихъ частяхъ бревенъ, какъ это дѣлается теперь, а въ верхнихъ. Объяснить существованіе такого приема, съ современной точки зрѣнія совершенно недопустимаго, трудно; но фактъ тотъ, что онъ безспорно практиковался, доказательствомъ чему можетъ служить Лазаревская церковь Муромскаго монастыря ¹⁾, построенная, вѣроятно, въ XVI столѣтіи (рис. № 219). Кромѣ указанной особенности рубки стѣнъ, эта церковь очень интересна для насъ въ томъ отношеніи, что даетъ представленіе о тѣхъ крошечныхъ церковкахъ, которыя, по словамъ Адама Олеарія, вмѣщали въ себѣ только 5—6 человѣкъ. Дѣйствительно, она настолько мала, что не нашлось даже мѣста ни для клиросовъ, ни для солеи, такъ какъ вся-то ширина ея главной части не превышаетъ четырехъ аршинъ.

При устройствѣ самыхъ простыхъ клѣтскихъ церквей и часовенъ всѣмъ ихъ срубамъ придавали иногда одинаковую и при этомъ весьма незначительную высоту; такъ, напримѣръ, срублена старинная часовня въ деревнѣ Тагинцахъ ²⁾ (рис. № 220), у которой всѣ три сруба подведены подъ одну крышу, хотя надъ западнымъ концомъ послѣдней возвышается низенькая колоколенка. Обыкновенно же одному изъ срубовъ придавали доминирующую высоту. Такъ, у церкви села Данилова ³⁾ алтарный срубъ сдѣланъ выше, нежели срубы помѣщенія для молящихся и трапезной, подведенныхъ подъ одну крышу (рис. № 221); у Никольской же церкви, главный срубъ почти вдвое выше срубовъ алтаря и трапезной, что, конечно, вызвано не необходимостью, а исключительно желаніемъ придать храму живописный силуэтъ (рис. № 222).

Простымъ формамъ срубовъ клѣтскихъ храмовъ отвѣчаютъ, въ большинствѣ случаевъ, простыя же двухскатныя крыши, преслѣдующія исключительно утилитарную цѣль. Тѣмъ не менѣе можно указать на нѣсколько типовъ устройства крышъ у клѣтскихъ церквей. Такъ, у часовни въ деревнѣ Тагинцахъ и у церкви села Данилова мы видимъ такія двухскатныя, съ очень небольшимъ подъемомъ, крыши, какія дѣлаются обычно у заурядныхъ избъ, и при этомъ совершенно съ тѣми же деталями устройства, что особенно ясно видно на рисункѣ 220. Ко второму типу можно отнести двухскатныя крыши нѣсколько бѣльшаго подъема, какъ, напримѣръ, у часовни въ деревнѣ Чаростровѣ ⁴⁾ (рис. № 223), у Лазаревской церкви Муромскаго монастыря (рис. 219) и у древней церкви Свв. Петра и Павла въ городѣ Плесѣ ⁵⁾ (рис. № 224). У послѣдней всѣ три крыши имѣютъ высоту ⁶⁾,

¹⁾ Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи.

²⁾ Повѣнецкаго уѣзда, Олонецкой губерніи.

³⁾ Того же уѣзда. Церковь эта построена по типу бывшей прежде на этомъ мѣстѣ древней часовни.

⁴⁾ Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

⁵⁾ Костромской губерніи.

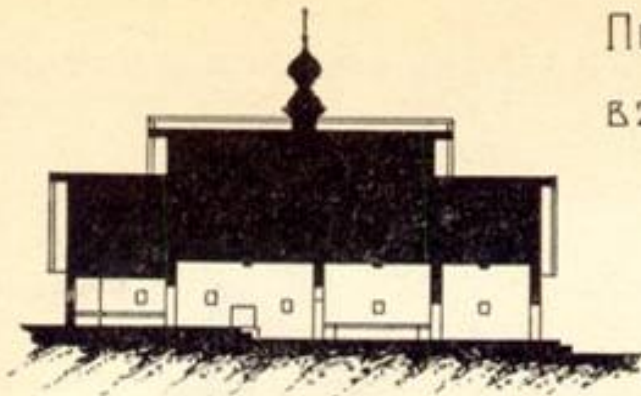
⁶⁾ Считаая по отвѣсу отъ конька крыши до плоскости ея основанія.

Рис. № 222.
Никольская церковь.
Фот. О. Каликина.

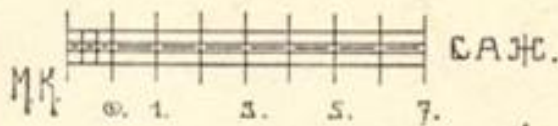
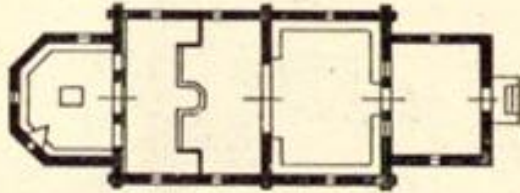

Рис. № 223.
Часовня въ Чароустровѣ.
Фот. Н. Невѣрова.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ Ц.
ВЪ ГОРОДѢ ПЛЕСѢ.

ДСТАЛИ
КРЫШЪ, ГЛАВЫ И
ОБШИВКИ.

По А. М. Павлинову.

Рис. № 224.

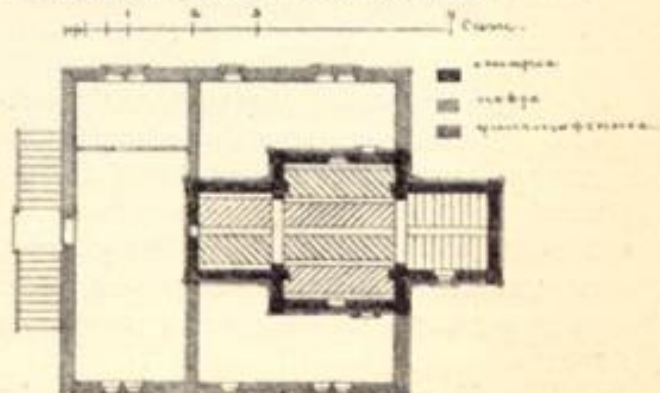
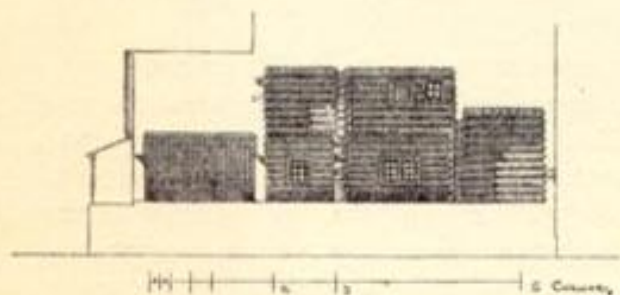
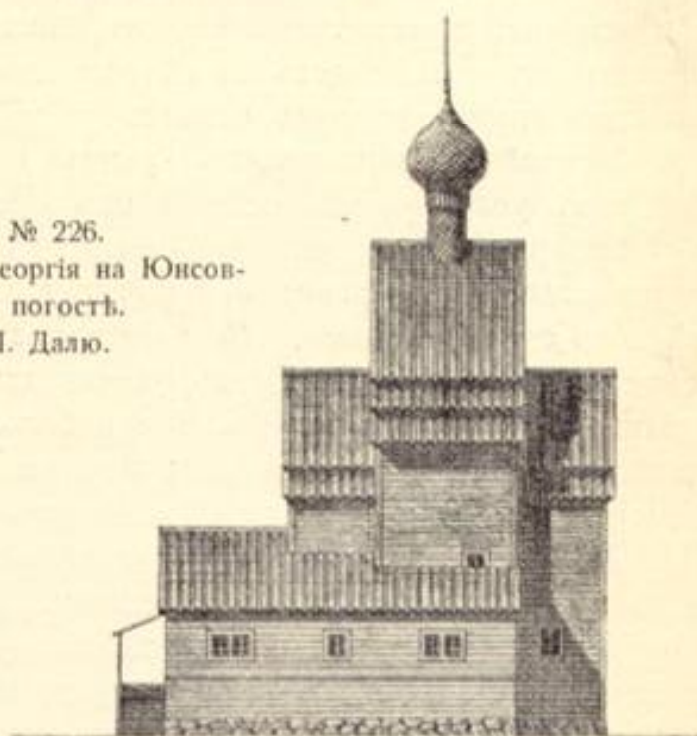
нѣсколько превышающую половину ширины покрываемыхъ ими частей церкви, слѣдовательно онѣ значительно выше, нежели въ предыдущихъ случаяхъ, и при этомъ скаты у нихъ прямые, тогда какъ у чаростровской часовни скаты въ нижней ихъ части имѣютъ переломы. Нижнія части такихъ крышъ съ переломами носили названіе „полицъ“; послѣднія устраивались съ цѣлю отвести подалѣе отъ стѣнъ край кровли, и тѣмъ уберечь ихъ отъ потоковъ дождевой воды, которые при крутыхъ крышахъ приближались къ стѣнамъ гораздо больше, чѣмъ при крышахъ пологихъ. Для поддержанія полицъ устраивали „повалы“, т. е. подходя къ крышѣ постепенно удлиняли бревна восточной и западной стѣнъ церкви, вслѣдствіе чего у сѣверной и южной стѣнъ получались вверху плавно свѣ-

Рис. № 225.
Церковь села
Билукова.

Фот. Д. Иванова.

Рис. № 226.
Церковь Св. Георгия на Юнсов-
скомъ погостѣ.
По Л. Далю.

шивающіеся карнизы. Иногда переломы скатовъ приходились какъ разъ въ продолженной плоскости отвѣсной части сѣверной и южной стѣнъ, т. е. повалы имѣли значительный свѣсъ, какъ у крыши надъ каѳоликономъ Никольской церкви (рис. № 222); иногда же подъ полицы захватывали значительныя части восточной и западной стѣнъ, говоря иначе, дѣлали повалы очень маленькими, какіе мы видимъ у крыши алтаря той же церкви и у часовни въ Чаростровѣ.

Наконецъ, къ третьему типу двухскатныхъ крышъ надо отнести „клинчатая крыша“, т. е. такія, у которыхъ подъемъ такъ великъ, что высота ихъ, считая по отвѣсу, превышаетъ подчасъ всю ширину перекрываемой части зданія, какъ, напримѣръ, у церкви въ селѣ Билюковѣ ¹⁾, построенной въ 1699 году (рис. № 225), и у Богоявленской церкви Елгомскаго прихода, построенной въ 1643—1644 годахъ (рис. № 245).

Разновидностью клинчатыхъ крышъ являлись крыши со ступенчатыми скатами, при чемъ число уступовъ дѣлалось различное; такъ, на главной части церкви Св. Георгія на Юнсовскомъ погостѣ ²⁾, построенной въ 1493 (?) году, скаты имѣютъ два уступа, а надъ алтаремъ и трапезной крыши сдѣланы одноуступными (рис. № 226). Уступы эти, придавая крышамъ болѣе сложную форму, обуславливавшую богатую игру свѣта и тѣни, имѣли преимущественно художественное назначеніе, но въ то же время они имѣли и нѣкоторый практическій смыслъ, такъ какъ нѣсколько ослабляли стремительность стекающихъ со скатовъ дождевыхъ потоковъ, сильно размывавшихъ грунтъ вокругъ церкви.

Устройство клинчатыхъ крышъ являлось легко исполнимымъ только при томъ условіи, что основу ихъ составляли не стропила, а рубленные изъ бревенъ щипцы западной и восточной стѣнъ, схваченные между собою горизонтальными бревнами, благодаря чему крыша церкви являлась однимъ цѣлымъ съ ея стѣнами, что и позволяло придавать крышамъ весьма внушительную высоту. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что такой пріемъ устройства крышъ примѣнялся не только при большой ихъ высотѣ, но имъ пользовались обычно и для плоскихъ крышъ, примѣромъ чему можетъ служить Успенская церковь въ селѣ Троицкомъ Лыковѣ ³⁾ (рис. № 227. Разрѣзъ).

Хотя высокія двухскатныя и клинчатая крыши придавали клѣтскимъ церквамъ внѣшность, въ значительной мѣрѣ отличавшую ихъ отъ жилыхъ зданій, тѣмъ не менѣе представленіе русскихъ людей о храмѣ не удовлетворялось постановкой одного креста на конькѣ его крыши. Это представленіе одновременно съ запросами эстетическими, которые зародились на

¹⁾ Юрьевского уѣзда, Владимірской губерніи. Въ окрестностяхъ Ростова Великаго.

²⁾ Лодейнопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. Существуетъ ли эта церковь въ настоящее время намъ неизвѣстно. Она была обмѣрена Л. В. Далемъ, по словамъ котораго въ концѣ прошлаго столѣтія въ ней были сдѣланы значительныя передѣлки, а именно церковь была обшита тесомъ, сдѣлана охватывающая съ трехъ сторонъ пристройка, въ нижней части старыхъ стѣнъ прорублены пролеты, при чемъ для поддержанія остающихся частей поставлены толстыя рѣзные столбы (смотри разрѣзъ) и, наконецъ, задѣланы древнія окна и прорублены новыя.

³⁾ Московской губерніи. Церковь эта упоминается въ переписныхъ книгахъ 1704 года.

Успенская церковь въ
Троицкомъ-лыковъ.

Рис. № 227.

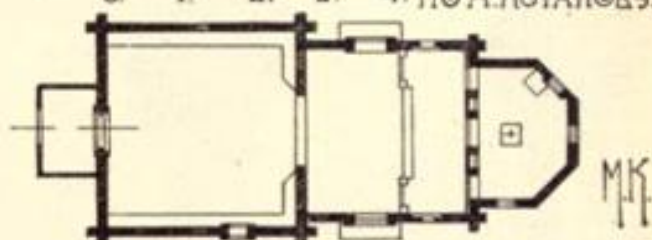

Рис. № 228.
Часовня въ Гѣпсельгѣ. Фот. О. Каликина.

почвѣ каменнаго церковнаго строительства, занесеннаго къ намъ греками, требовало, чтобы надъ крышею церкви возвышалась глава. Однако, конструктивные приемы клѣтскихъ церквей, въ частности конструкція ихъ крышъ, мѣшали воспроизведенію въ деревѣ формъ каменныхъ главъ, которыя въ первоначальномъ нашемъ зодчествѣ имѣли значительные размѣры, по сравненію съ общей величиной храма, а ихъ полые барабаны соединялись съ подсводными пространствами. Затруднительность устройства такихъ

Рис. № 229.

главъ изъ дерева, а также полная невозможность художественно связать ихъ барабаны съ высокими крышами и прямыми потолками клѣтскихъ церквей ¹⁾, принудили ихъ строителей довольствоваться одной лишь символизацией и, вслѣдствіе этого, главы каменныхъ храмовъ превратились на деревянныхъ церквахъ въ маковки, т. е. въ мотивы чисто декоративные. Наиболее простымъ и при томъ, вѣроятно, древнѣйшимъ является типъ маковки, состоящей изъ луковичной главки и шейки, которая непосредственно врѣзается въ конекъ крыши (рис. №№ 219, 220, 223 и 226). Несмотря на наивность, съ точки зрѣнія классической архитектуры, такого приѣма, онъ имѣетъ много прелести, въ особенности, если принять во вниманіе,

что какъ шейка, такъ и луковица всегда обивались въ старину лемехомъ, который современемъ пріобрѣталъ чарующій серебристый оттѣнокъ.

Слѣдующимъ по древности является, повидимому, приѣмъ, при которомъ шея маковки врѣзается не въ конекъ крыши, а въ небольшую дополнительную кровлю, имѣющую форму бочки, какъ это сдѣлано у часовни въ деревнѣ Гансельгѣ ²⁾ (рис. № 228). Здѣсь не только луковица и шея, но и скаты бочки обиты чешуей изъ лемеха. Разновидностью такого приѣма можно считать крещатую бочку (рис. № 229), вполне развившагося образца которой, насколько намъ извѣстно, ни на одной изъ клѣтскихъ церквей не сохранилось; есть только одинъ памятникъ, а именно церковь въ Васильевой слободѣ ³⁾, у которой крещатая бочка имѣетъ недоразвитую форму, такъ

¹⁾ Открытый барабанъ главы, пропущенный сквозь высокую крышу до потолка церкви, превратился бы въ длиннѣйшій колодезь, весьма не эстетическаго вида.

²⁾ Олонецкой губерніи.

³⁾ Горб. уѣзда, Нижегородской губерніи.

Рис. № 230.
Церковь Васильевой
слободы.

По Л. Далю.

Рис. № 231.
Упраздненная кладбищенская ц. въ Ивановѣ-Вознесенскѣ.

какъ ея поперечная часть имѣетъ гораздо меньшую величину по сравненію съ продольной (рис. № 230). Тѣмъ не менѣе пріемъ полной крещатой бочки навѣрно практиковался потому, что онъ довольно часто встрѣчается въ каменной архитектурѣ, копировавшей свои формы съ формъ деревяннаго зодчества. Кромѣ того, какъ увидимъ ниже, въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка складывается типъ деревянныхъ церквей съ крещатымъ вер-

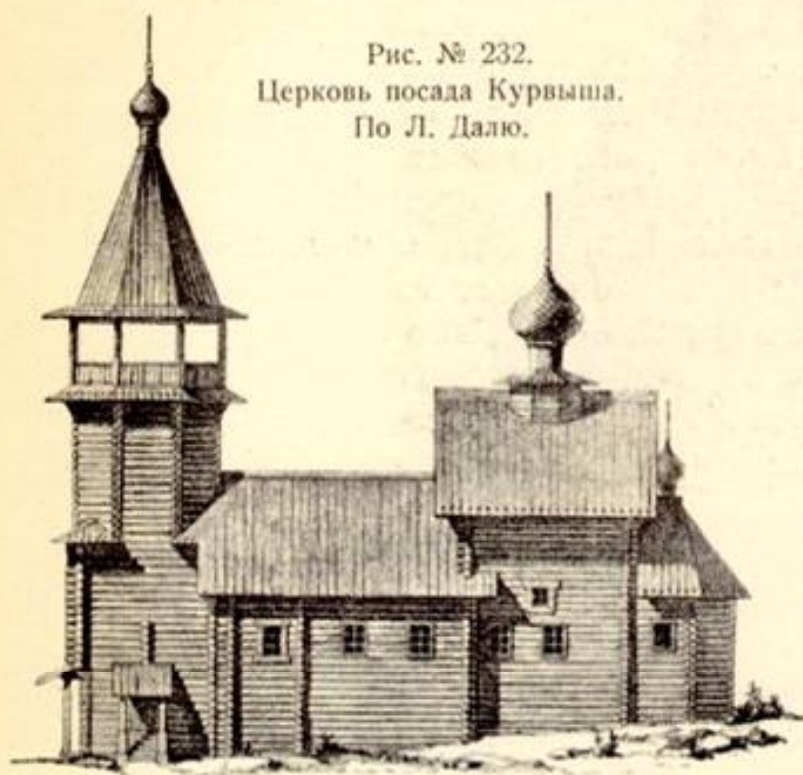

Рис. № 232.
Церковь посада Курвыша.
По Л. Далю.

хомъ, который покрывался крышами, имѣющимъ форму перекрещивающихся бочекъ; а такъ какъ въ это время зодчіе клѣтскихъ церквей стали въ композиціи маковокъ подражать общимъ очертаніямъ цѣлыхъ храмовъ, то рассматриваемый пріемъ маковки, въ особенности, если подъ крещатой бочкой имѣлось кубическое подножье (рис. № 229), безъ сомнѣнія долженъ былъ практиковаться.

Аналогичной по смыслу является маковка билуковской церкви (рис. № 225), такъ какъ она также представляетъ собою какъ бы модель церкви такого типа, который, какъ увидимъ впоследствии, также появился въ

XVIII вѣкѣ и былъ извѣстенъ подъ именемъ „восьмерикъ на четверикѣ“.

Къ этой же эпохѣ, т. е. къ концу XVII и началу XVIII вѣка, относятся такіе типы маволокъ клѣтскихъ храмовъ, которые представляютъ собою квадратный въ планѣ срубикъ, покрытый куполомъ, надъ которымъ высится шейка луковицы (рис. № 224); иногда квадратный въ планѣ пьедесталъ замѣнялся восьмиграннымъ, а вмѣсто куполка дѣлалась восьмискатная крыша, какъ, на примѣръ, у кладбищенской церкви въ городѣ Ивановъ-Вознесенскѣ, построенной въ XVIII вѣкѣ (рис. № 231), или у прелестной церкви посада Курвыша ¹⁾, интересной для насъ, какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ, и по другимъ причинамъ. Во второй половинѣ XVIII вѣка, т. е. въ эпоху упадка, такіа восьмигранныя основанія получаютъ нерѣдко утрированные размѣры и вся маковка теряетъ вслѣдствіе этого свой декоративный смыслъ, получая масштабъ самостоятельной части зданія, какъ, на примѣръ, въ церкви села Ивашкова ²⁾ (рис. № 233). Къ такимъ же немасштабнымъ маковкамъ нужно отнести и ту, что возвышается надъ средней частью черевковской церкви (рис. № 234), хотя сама по себѣ она не лишена пропорціональности и очень живописна.

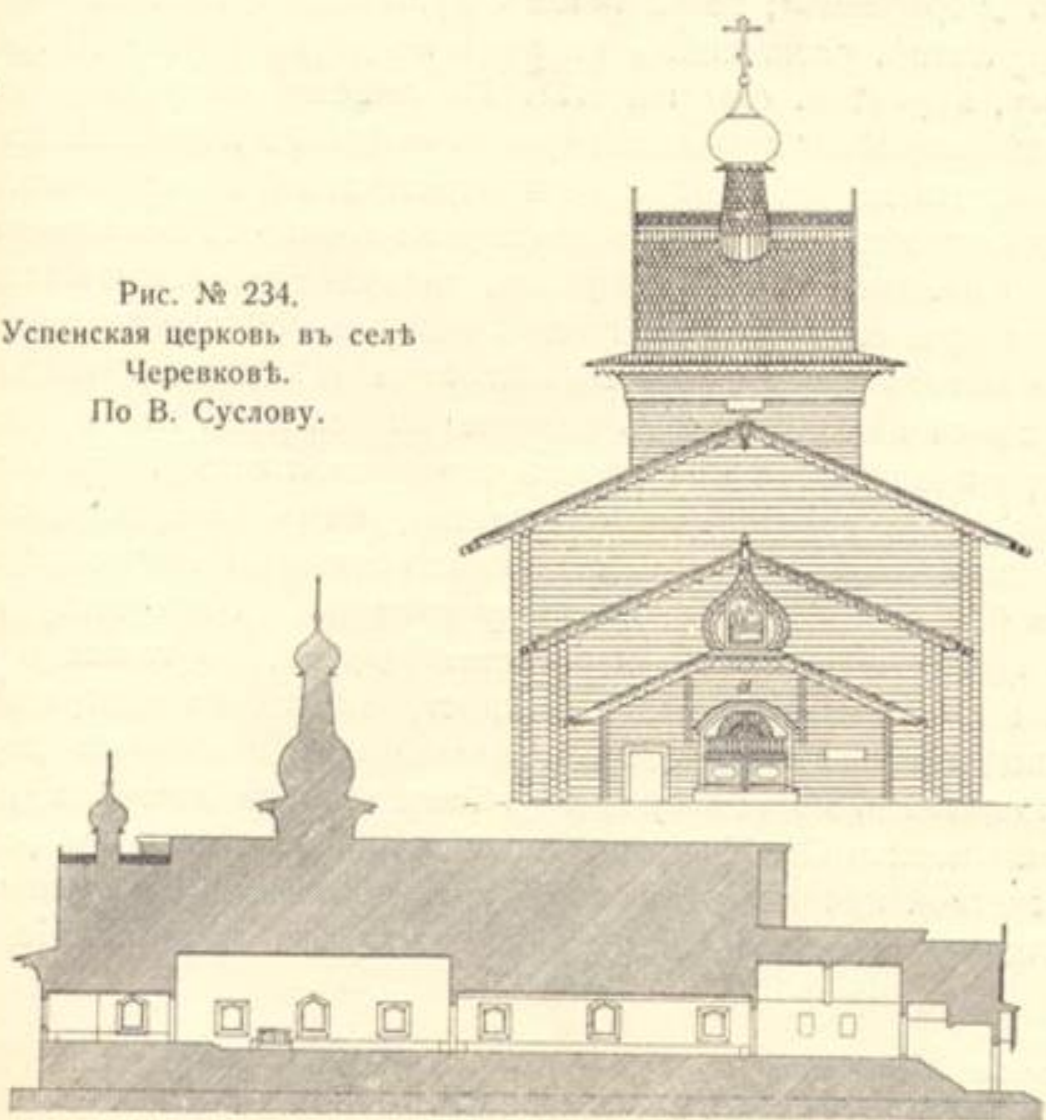
¹⁾ Олонецкой губерніи (рис. № 232).

²⁾ Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губерніи.

Рис. № 233.
Церковь села Ивашкова.

Рис. № 234.
Успенская церковь въ селѣ
Черевковѣ.
По В. Сулову.

Четырехскатныя крыши не имѣли, повидимому, большого распространенія въ примѣненіи къ церковному строительству; по крайней мѣрѣ такая форма покрытія на уцѣлѣвшихъ памятникахъ встрѣчается, сравнительно съ двухскатными крышами, рѣдко. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что наши плотники примѣняли четырехскатное покрытіе лишь при квадратныхъ въ планѣ срубахъ, понимая, что только при этомъ условіи такое покрытіе можетъ быть красивымъ. Квадратной же формы среднія части церквей, вслѣдствіе ихъ малой вмѣстительности, рубились относительно рѣдко, а между тѣмъ только средняя часть церкви и притомъ имѣвшая большую высоту, нежели трапезная и алтарь, могла быть покрыта четырехскатною крышею („колпакомъ“).

Тѣмъ не менѣе такія крыши все-таки встрѣчаются; образцами ихъ могутъ служить крыши надъ главными частями церквей въ селѣ Копотнѣ ¹⁾ и въ Георгіевской слободкѣ ²⁾. Первая изъ этихъ церквей (рис. № 235) построена во второй половинѣ XVII вѣка и кромѣ своего покрытія интересна для насъ тѣмъ, что на сѣверной стѣнѣ ея не имѣется ни одного окна, тогда какъ на остальныхъ стѣнахъ ихъ сдѣлано довольно много; о причинѣ такого приѣма размѣщенія оконъ мы говорили выше. Время сооруженія второй церкви (рис. № 236) неизвѣстно ³⁾; она представляетъ интересъ главнымъ образомъ тѣмъ, что является типичнымъ образцомъ церквей, построенныхъ „кораблемъ“; такой приѣмъ примѣнялся гораздо чаще въ каменномъ зодчествѣ, сложившись въ немъ не ранѣе начала XVI вѣка, а въ деревянномъ, вѣроятно, еще позднѣе. По такому же приѣму композиціи, т. е. въ видѣ „коробля“ срублена церковь въ посадѣ Курвышѣ, хотя главная ея часть покрыта двухскатной, а не четырехскатной крышей, что, впрочемъ, не составляло необходимаго признака церкви-корабля. Послѣднимъ именемъ обыкновенно называлась такая церковь, которая состояла изъ алтаря, имѣвашаго одинаковую высоту съ трапезной, изъ главной части (самой церкви), которая по высотѣ значительно превосходила двѣ первыя части и, наконецъ, изъ сѣней или паперти съ возвышавшейся надъ ней колокольней.

Гораздо привлекательнѣе крышъ четырехскатныхъ, крыши восьмискатныя, почему онѣ и пользовались болѣе широкимъ распространеніемъ, нежели первыя. Мѣстомъ ихъ зарожденія надо считать Новгородскую область, которая въ XIV столѣтіи, т. е. въ эпоху расцвѣта ея архитектуры, строила съ такими крышами не только деревянныя церкви, но также и каменные. Съ сѣвера восьмискатныя крыши распространились въ центральную Русь, гдѣ въ концѣ прошлаго вѣка существовало еще нѣсколько деревянныхъ церквей, покрытыхъ по такому приѣму. Такъ, въ селѣ Оскочихѣ ⁴⁾ существовали остатки церкви Св. Николая, освященной въ 1792 году; основою для ея восьмискатной кровли, увѣнчанной пятью главами, служили четыре рубленыхъ щипца, составлявшихъ непосредственное продолженіе стѣнъ по-

¹⁾ Московской губерніи.

²⁾ Гороховецкаго уѣзда, Московской губерніи.

³⁾ По преданію, ея колокольня построена въ 1365 году, что, конечно, не отвѣчаетъ истинѣ.

⁴⁾ Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи.

Церковь Рождества
П.Богородицы.
в селѣ Копотнѣ.

По А.Петалову.

Рис. № 235.

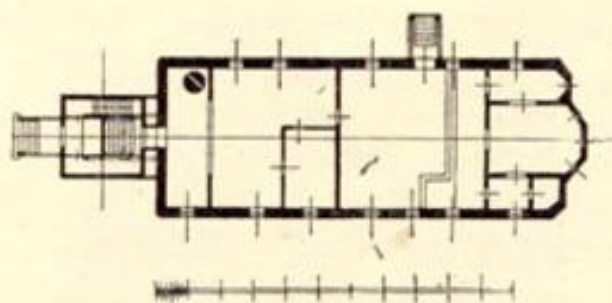
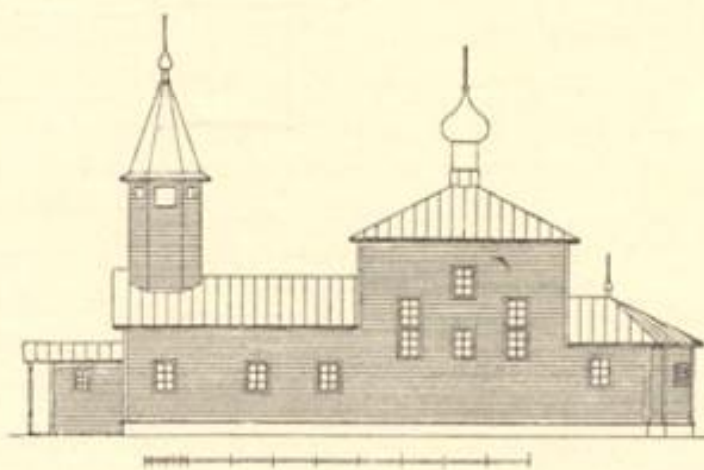

Рис. № 236.
Церковь Георгіевской слободы.

Рис. № 237.
Церковь въ селѣ
Оскочихѣ.
По Л. Далю.

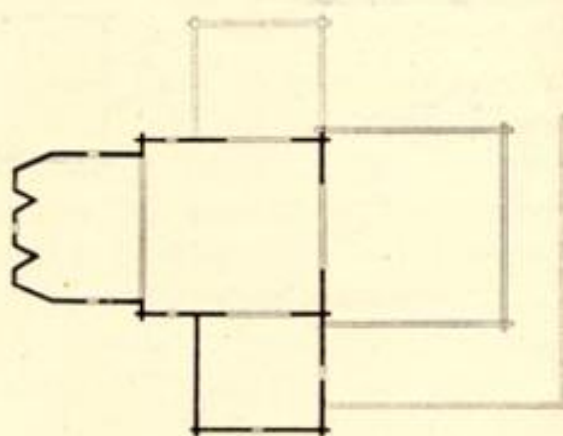

Рис. № 238.
Церковь въ Неклюдовѣ.
По Л. Далю.

мѣщенія для молящихся, имѣвшего въ планѣ форму квадрата (рис. № 237). У церкви села Неклюдова ¹⁾ щипцы не находились въ одной отвѣсной плоскости со стѣнами, а были немного заглублены и отдѣлены отъ нихъ неширокими полицами, почему нужно предположить, что щипцы эти были не рубленные, а досчатые — обшивные по стропиламъ и стойкамъ (рис. № 238).

Первая изъ этихъ церквей привлекаетъ также вниманіе своимъ крещатымъ планомъ и въ особенности трехъапсиднымъ алтаремъ съ двумя острыми входящими углами; такая форма алтаря, да и вообще всего плана несвойственна клѣтскимъ церквамъ и указываетъ на желаніе строителей оскочихской церкви подражать приѣмамъ каменныхъ храмовъ, на что указываетъ также и ея пятиглавіе, очень типичное для московскихъ церквей XVII вѣка. Вообще многоглавыя церкви образуютъ, какъ было упомянуто выше, особую группу памятниковъ, но оскочихскую и неклюдовскую церкви, основываясь на общемъ приѣмѣ композиціи и въ частности, вслѣдствіе формы ихъ покрытій, все же слѣдуетъ скорѣе отнести къ церквамъ клѣтскимъ, за каковую безспорно слѣдуетъ признать и церковь Св. Николая Чудотворца въ Уемскомъ приходѣ Архангельской губерніи ²⁾, построенную въ 1705 году. Сама церковь, имѣющая въ планѣ форму квадрата, и ея пятистѣнный алтарь срублены на подклѣтѣ, на консолеобразныхъ выпускахъ вѣнцовъ котораго основанъ нищевникъ, охватывающій церковь съ трехъ сторонъ и состоящій изъ стоекъ и обвязокъ, пространства между которыми забраны въ косякъ досками (рис. №№ 241 и 242). Въ точкѣ пересѣченія коньковъ восьмискатной крыши помѣщена маковка, шейка которой непосредственно врѣзается въ скаты крыши; какъ сама маковка, такъ и ея шейка сохранили свое древнее покрытие лемехомъ, тогда какъ бревна стѣнъ и щипцовъ закрыты теперь тесовой обшивкой, исполненной въ 1864 году и сильно измѣнившей древній обликъ церкви, который все же очень сближаетъ ее съ новгородскими церквами XIV вѣка.

Намъ остается рассмотреть еще одну форму покрытія церковныхъ срубовъ, которая хотя и рѣдко, но все же примѣнялась въ клѣтскихъ церквахъ; это покрытие бочкой. Очень интереснымъ памятникомъ, главная часть котораго, т. е. помѣщеніе для молящихся, покрыта бочкой, является Троицкая церковь въ селѣ

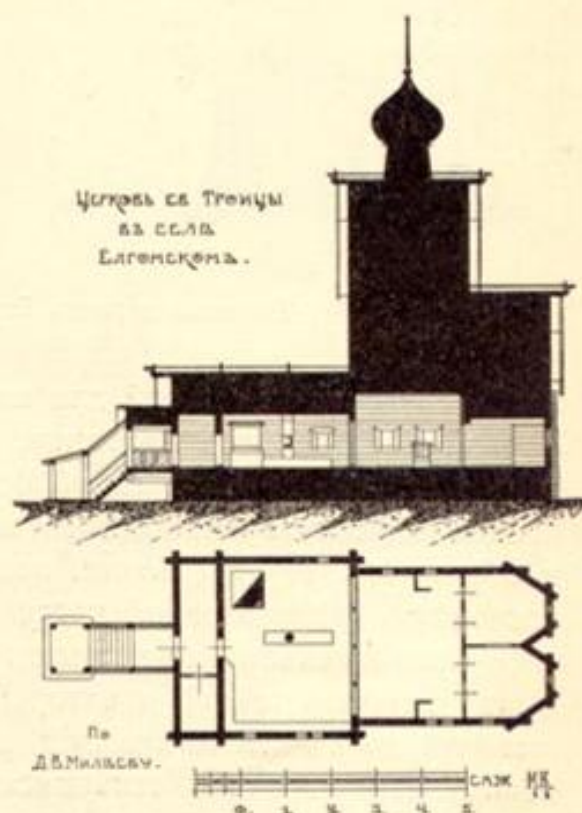

Рис. № 239.

¹⁾ Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губерніи.

²⁾ Архангельскаго уѣзда.

Елгомскомъ ¹⁾. Ея западная часть представляет собою пятистѣнный, квадратный въ планѣ срубъ, раздѣленный внутренней стѣной на двѣ неравныя части: узкую, совершенно темную паперть и просторную трапезную, посрединѣ которой находится столбъ, поддерживающій балки потолка (рис. № 239). Оба эти помѣщенія имѣютъ одинаковую высоту и крыты одной общей двухскатной крышей съ очень пологими скатами (рис. № 240). Главная часть храма имѣетъ внутри высоту немногимъ большую, чѣмъ трапезная, но снаружи она гораздо выше послѣдней и покрыта бочкой, торцевыя части которой являются продолженіемъ западной и восточной стѣнъ; сѣверная же и южная стѣны заканчиваются вверху пова-

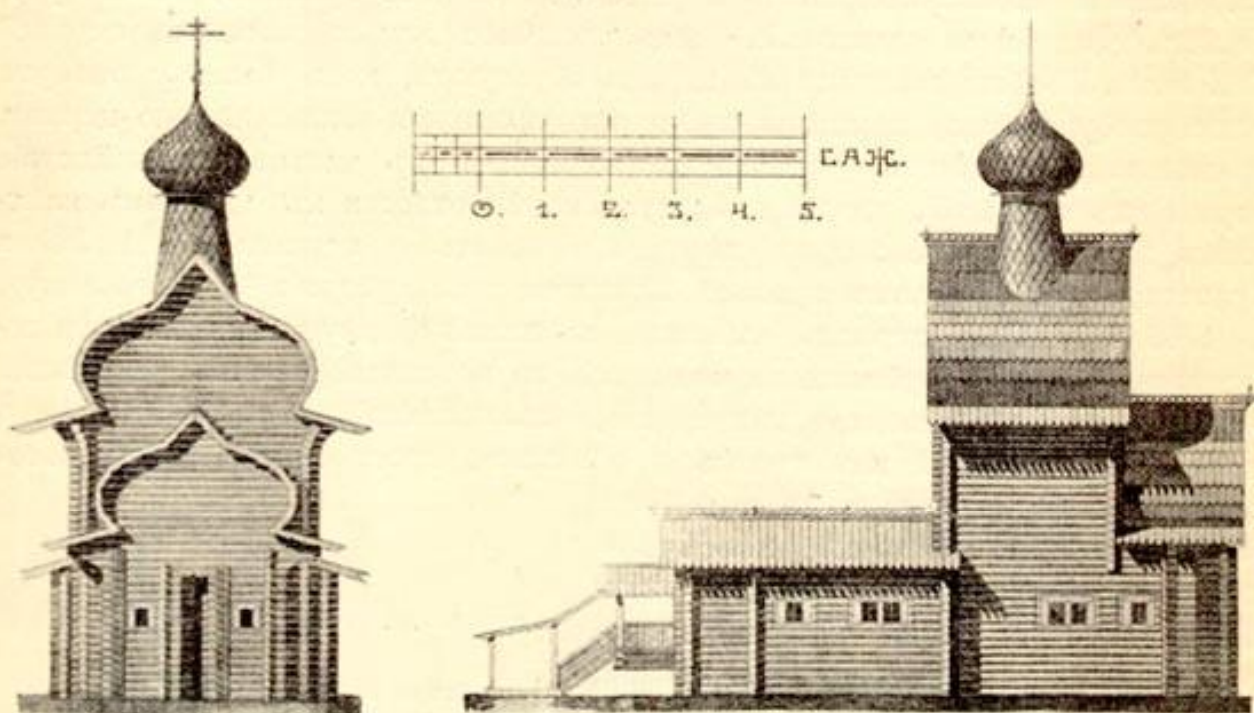

Рис. № 240.

Троицкая церковь Елгомскаго прихода. По Д. Милѣву.

лами, служащими опорой для широкихъ полицъ бочки (рис. № 240). Надъ бочкой высится одна маковица, коническая шея которой и луковица точно такъ же, какъ и скаты самой бочки, покрыты лемехомъ. Алтарь разсматриваемой церкви двухъапсидный; вверху восточныя стѣны апсидъ соединяются и образуютъ торецъ бочки, покрывающей весь алтарь и упирающейся въ восточную стѣну главной части церкви.

Сравнительно чаще крыши бочкой примѣнялись для покрытія трапезныхъ, папертей, сѣней и алтарей клѣтскихъ церквей, что въ соединеніи съ высокой двухскатной крышей помѣщенія для молящихся давало общему облику церкви очень живописный видъ. Примѣромъ такого сочетанія покрытій можетъ служить прекрасная по деталямъ и общимъ массамъ Успенская церковь въ Усть-Паденгѣ, построенная въ 1675 году ²⁾ (рис. № 243).

¹⁾ Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. Построена въ 1714 году.

²⁾ До 1893 года эта церковь стояла на другомъ мѣстѣ и называлась Воскресенской.

ЦЕРКОВЬ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА.

ВЪ УЕМСКОМЪ

ПРИХОДѢ.

По В. Суслову.

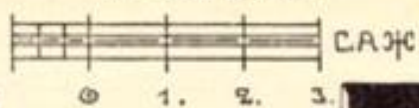
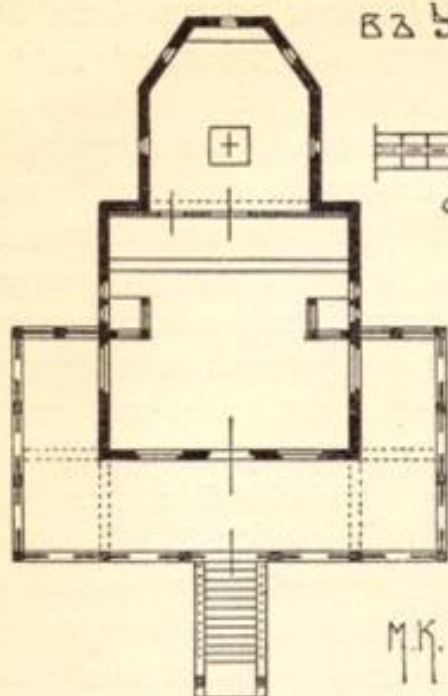
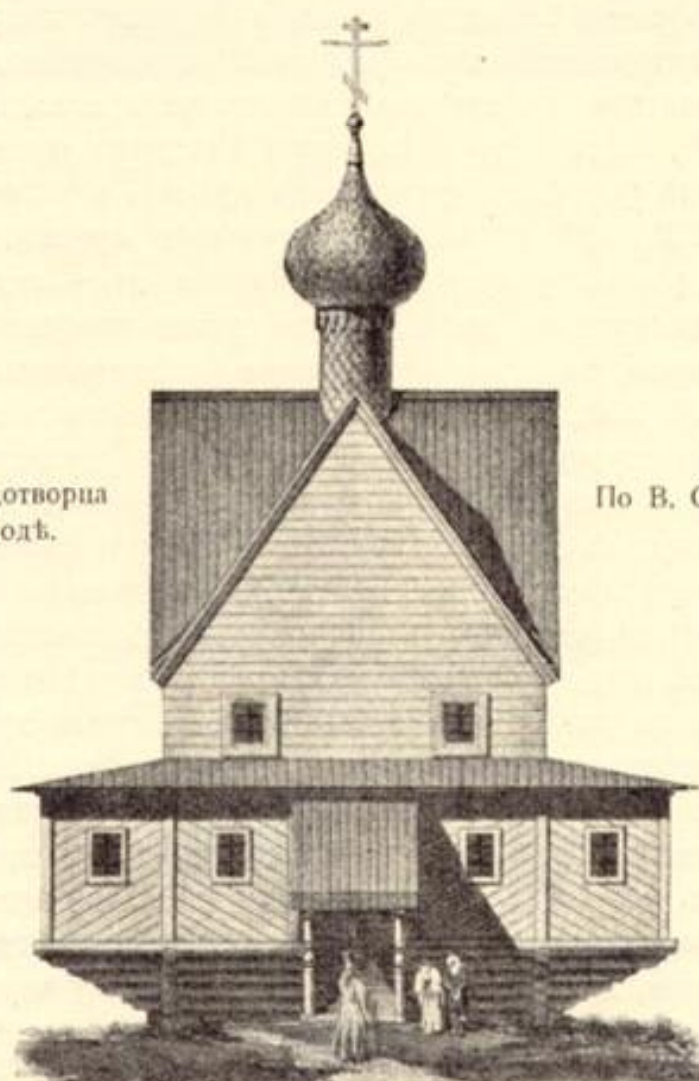

Рис. № 241.

Рис. № 242.

Церковь Николая Чудотворца
въ Уемскомъ приходѣ.

По В. Суслову.

Въ настоящее время ея бочки покрыты желѣзомъ, а ихъ „очелья“ (торцевыя части) защиты досками, тогда какъ прежде скаты бочекъ были окожушены лемехомъ, а бревна очелій оставались открытыми. Выше ¹⁾ мы указали на тѣ приемы и пропорціи, какіе были въ ходу у плотниковъ при сооруженіи круглыхъ бочекъ, идея которыхъ зародилась, повидимому, на почвѣ подражанія закаморамъ (кокошникамъ) каменной церковной архитектуры; но наравнѣ съ круглыми бочечными покрытіями наши плотники охотно дѣлали такія бочки, очелья которыхъ имѣли ломаный контуръ. Послѣдняго типа бочки гораздо больше подходили къ характеру деревяннаго зодчества и начало ихъ развитія, по мнѣнію профессора В. В. Суслова, вытекаетъ изъ простого покрытія съ „переламываніемъ“, т. е. изъ крышъ со ступенчатыми скатами (рис. № 244-А); постепенное увеличеніе числа уступовъ привело къ формѣ, изображенной на рисункѣ 244-В и могло даже въ концѣ концовъ вылиться въ дуговья формы (рис. 244-Е. Д. М.), подобныя тѣмъ, что мы видимъ надъ сѣнями и надъ алтаремъ церкви села Черевкова (рис. №№ 218 и 234). Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что, подобно крышамъ двухскатнымъ, бочечныя покрытія устраивались не по стропиламъ, а дѣлались изъ бревенчатыхъ вѣнцовъ, почему ихъ очельямъ и можно было придавать безъ затрудненія любой контуръ.

Чтобы закончить обзоръ крышъ, устраивавшихся надъ клѣтскими церквами, скажемъ еще нѣсколько словъ о формахъ покрытія ихъ алтарей. Какъ мы видѣли, алтари клѣтскихъ церквей устраивались или прямоугольными, или пятистѣнными, въ зависимости отъ чего находилась и форма ихъ покрытій: а именно, надъ прямоугольными алтарями примѣнялись всѣ уже разсмотрѣнныя нами формы двухскатныхъ крышъ, а также бочкообразныхъ (рис. №№ 219, 222, 226 и 245). Трехскатныя крыши, повидимому, никогда или очень рѣдко устраивались нашими плотниками и это можно объяснить нехудожественной виѣшностью такихъ покрытій. Что же касается пятистѣнныхъ алтарей, то надъ ними также устраивались иногда двухскатныя крыши (рис. № 224), а также бочки, при чемъ какъ тѣ, такъ и другія, конечно, являлись искусственнымъ приемомъ при пятистѣнномъ контурѣ, такъ какъ послѣдній приходилось подъ крышей приводить тѣмъ или инымъ способомъ къ прямоугольному контуру. Въ Усть-Паденгской церкви это было достигнуто тѣмъ, что бревна сѣверо и юго-восточныхъ стѣнъ алтаря постепенно отводились въ стороны, въ направленіяхъ, показанныхъ стрѣлками, до тѣхъ поръ, пока они не совпадали съ бревнами стѣнъ сѣверной и южной (рис. № 246). Гораздо раціональнѣе были пятискатныя крыши, которыя въ силу этого примѣнялись значительно чаще другихъ (рис. №№ 232 и 235); при этомъ, надо полагать, что ихъ скатамъ придавали различные уклоны, начиная съ относительно пологихъ и кончая очень крутыми; при послѣднихъ, конечно, приходилось устраивать повалы и полицы. Иногда надъ пятистѣнными алтарями устраивали довольно сложныя крыши, комбинируя ихъ изъ бочки и трехгранника, какъ это, напримѣръ, сдѣлано у черевковской церкви, гдѣ прямоугольная часть алтаря, его вима, покрыта бочкой, а сама апсида—

¹⁾ Смотри главу II.

Рис. № 243.
Церковь въ Усть-Паденгѣ. Фот. И. Билибина.

Рис. № 244.

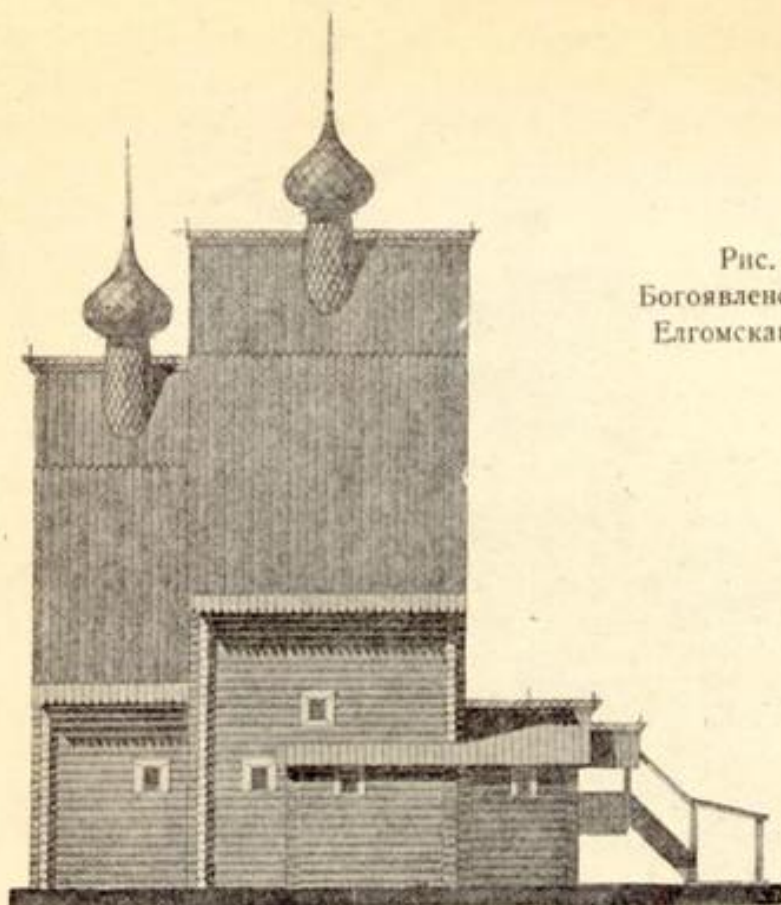

Рис. № 245.
Богоявленская церковь
Елгомского прихода.

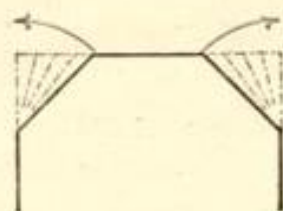
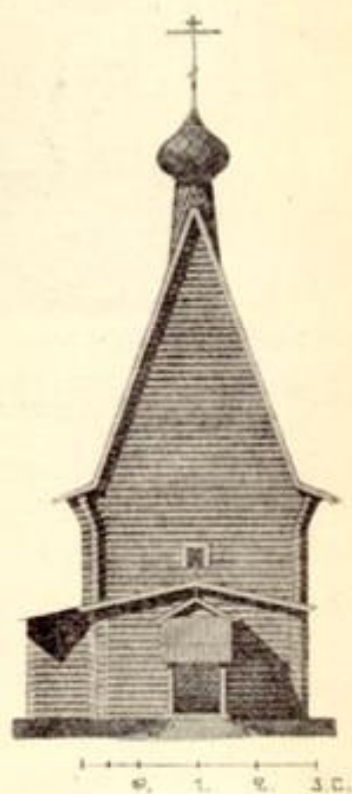
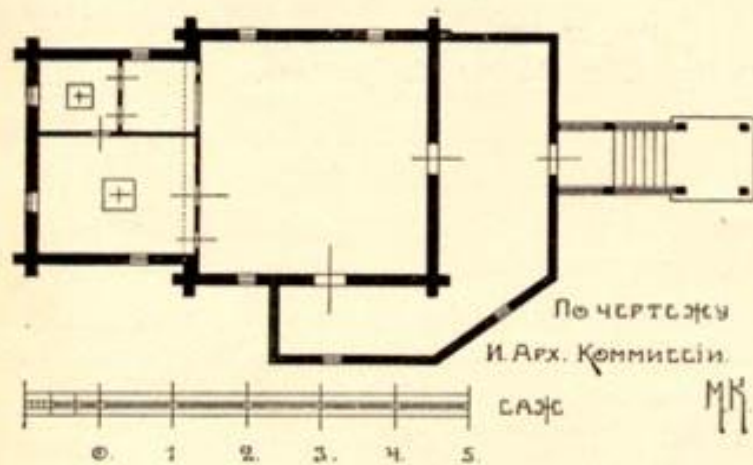

Рис. № 246.

Рис. № 247.
Церковь въ селѣ Чухчермѣ. Фот. Н. Невѣрова.

трехскатной крышей (рис. № 218). Наконецъ, видоизмѣненіемъ бочечныхъ крышъ можно считать крыши, имѣющія форму граненыхъ куполовъ; какъ на образецъ такихъ крышъ, укажемъ на покрытіе алтаря церкви въ селѣ Чухчермѣ ¹⁾. Церковь эта построена въ XVII вѣкѣ и, несмотря на то, что она теперь обшита тесомъ, она все же по благородной простотѣ и изяществу своихъ формъ является однимъ изъ лучшихъ памятниковъ церквей, построенныхъ клѣтски (рис. № 247).

Судя по уцѣлѣвшимъ памятникамъ, нищевники при церквяхъ, стоявшихъ на пошвѣ, т. е. не имѣвшихъ подклѣтовъ, устраивались рѣдко; равнымъ образомъ рѣдко дѣлались открытые нищевники, что объясняется суровостью климата и богатствомъ его атмосферныхъ осадковъ. Поэтому, если почему либо и желали имѣть открытый нищевникъ, то въ большинствѣ случаевъ дѣлали его такимъ только съ южной стороны, менѣе подверженной дѣйствию холодныхъ вѣтровъ, а также заливанію дождемъ и снѣжнымъ заносамъ. Тѣмъ не менѣе, образцомъ открытаго со всѣхъ сторонъ нищевника, устроеннаго при этомъ у церкви, не имѣющей подклѣта, можетъ служить нищевникъ церкви въ Васильевой слободѣ (рис. № 230). Выше мы замѣтили, что нищевники дѣлались обычно не рубленными, а „забирались въ столбы“, т. е. основу ихъ составлялъ каркасъ изъ нижнихъ и верхнихъ бревенчатыхъ обвязокъ и стоекъ; другими словами, конструкція нищевниковъ была такого же характера, какъ у чердаковъ и теремовъ хоромъ.

¹⁾ Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

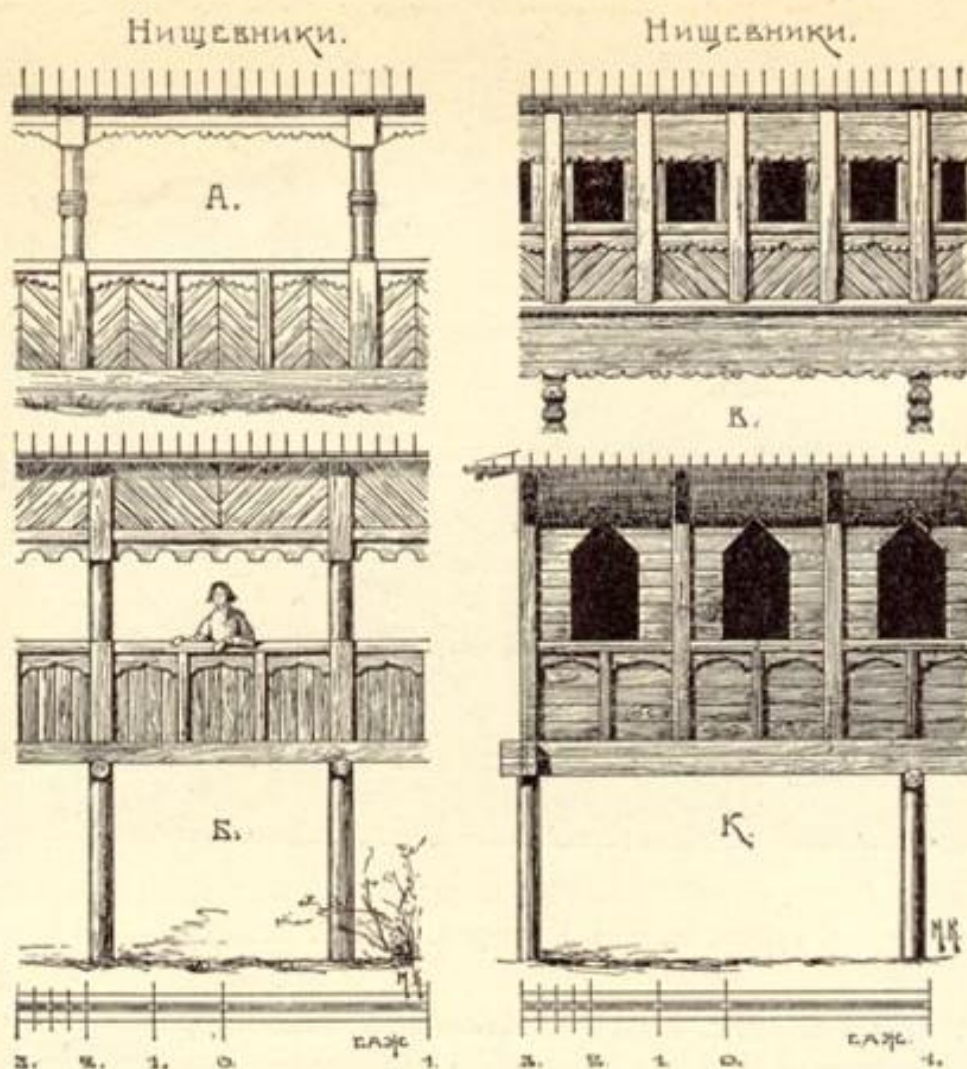

Рис. № 248.

Повидимому¹⁾, такимъ же способомъ устроенъ и нищевникъ церкви Васильевой Слободы; а именно, его стойки врублены въ верхній вѣнецъ нижней рубленной части, обшитой досками, а на верхи стоекъ нарублена верхняя обвязка, служащая опорой для стропилъ крыши нищевника; на высотѣ груди человѣка въ стойки врублены горизонтальные бруски, образующіе „подлокотникъ“, ниже котораго пространства между стойками забраны горизонтальными рядами досокъ. Въ разсматриваемомъ примѣрѣ стойки оставлены гладкими, обычно же въ открытыхъ нищевникахъ ихъ обрабатывали, придавая имъ съ помощью порѣзокъ болѣе или менѣе богатый видъ. Въ закрытыхъ нищевникахъ забирка между стойками устраивалась изъ вертикальныхъ или горизонтальныхъ рядовъ досокъ (рис. № 243), или, наконецъ, въ косякъ (рис. №№ 242 и 223); послѣдній способъ примѣнялся чаще, такъ какъ при немъ получалось меньше щелей отъ усушки досокъ и кромѣ того онъ былъ красивѣе. Закрытые нищевники дѣлались или совсѣмъ глухіе, т. е. безъ оконъ (рис. № 223), или же въ забиркѣ устраивались прямоуголь-

¹⁾ На имѣющемся въ нашемъ распоряженіи рисункѣ Л. В. Даля, изображающаго эту церковь, детали не ясны, поэтому о подробностяхъ конструкціи приходится догадываться.

ныя или островерхія окна, при чемъ вся конструкция такъ же, какъ и въ открытыхъ нищевникахъ украшалась порѣзками (рис. № 248).

Въ церквахъ, имѣвшихъ подклѣтъ, нищевники устраивались такимъ же способомъ, т. е. „забирались въ столбы“, но такъ какъ особыхъ подклѣтвовъ подъ ними, въ большинствѣ случаевъ, не дѣлали, то они были висячіе, и для поддержанія ихъ прибѣгали къ простымъ стойкамъ, врытымъ въ землю (рис. №№ 243 и 248), или же устраивали мощныя и очень красивыя консоли (повалы), состоявшія изъ постепенно выдвигавшихся впередъ бревенъ подклѣта самой церкви, концамъ которыхъ придавали съ помощью вырубки различный профиль, какъ это было, на примѣръ, сдѣлано у церкви Св. Николая въ Уемскомъ приходѣ (рис. № 242).

Форма крылецъ клѣтскихъ церквей зависѣла преимущественно отъ того, какъ эти церкви были основаны, а именно: стояли ли онѣ на подклѣтахъ, или просто на пошвѣ; въ послѣднемъ случаѣ крыльца были довольно примитивны и представляли собою односкатные или двухскатные навѣсы на простыхъ или рѣзныхъ столбахъ, защищавшіе преддверную площадку, къ которой вело двѣ или три ступени; между столбами врубались подлокотники, пространства подъ которыми забирались или сплошь досками, или же рѣзными балясами (рис. №№ 228 и 220). У церквей съ подклѣтами крыльца имѣли весьма разнообразныя приемы, какъ въ отношеніи ихъ размѣщенія (смотри выше), такъ и въ смыслѣ ихъ формъ, повторяя все тѣ же приемы,

какіе намъ уже знакомы по крыльцамъ избъ и хормъ. Поэтому остановимся только на нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе типичныхъ. Самымъ простымъ является крыльцо Уемской церкви (рис. №№ 241 и 242), состоящее изъ одного марша, направленнаго по перпендикулярному направленію къ западной стѣнѣ церкви; два рѣзныхъ столба поддерживаютъ стропильца односкатной крыши и стоятъ на нижнемъ—единственномъ рундукѣ, такъ какъ маршъ лѣстницы упирается вверху непосредственно въ дверь нищевника. Болѣе затѣйливыя крыльца такого типа устраивались съ верхнимъ рундукомъ, опорой которому служили или два столба, врытыхъ въ землю, или же повалы такого же типа, какіе устраивались подъ нищевниками (рис. № 249); верхній рундукъ такихъ крылецъ

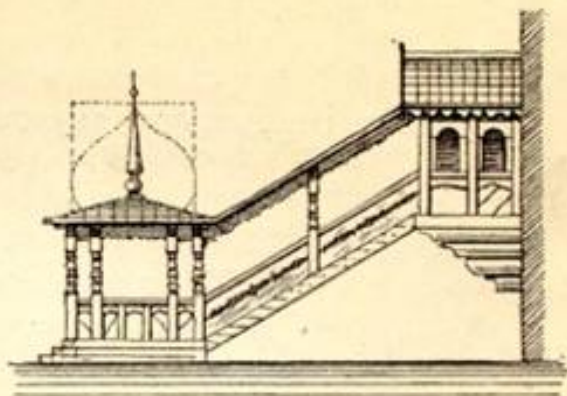

Рис. № 249.
По В. Суслову.

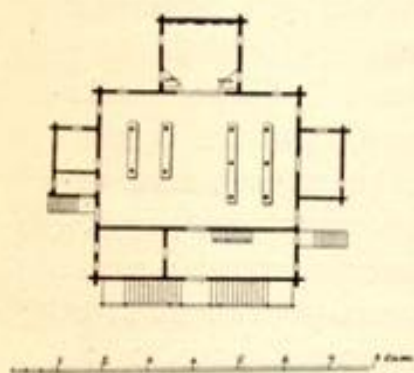

Рис. № 250.
Часовня Костромской губ. По Л. Далю.

иногда забирался съ боковъ досками, въ которыхъ прорѣзались маленькія оконца, и покрывался двухскатной крышей или бочкой. Надъ нижнимъ

же рундукомъ крыша дѣлалась односкатной, двухскатной, колпакомъ, или, наконецъ, крещатой бочкой.

Къ наиболѣе сложному типу крылецъ клѣтскихъ церквей нужно отнести такой, у котораго къ верхнему рундуку сходятся два марша лѣстницъ, расположенныхъ вдоль западной стѣны церкви, если это главное крыльцо, или вдоль сѣверной и южной, если это боковыя крыльца. Такого типа крыльцо устроено у одной старообрядческой моленной¹⁾ Олонецкой губерніи (рис. № 250); оно покрыто двухскатной крышей съ переломами надъ нижними рундуками. Верхній рундукъ этого крыльца основанъ на срубикѣ, равно какъ и у крылецъ Усть-Паденгской церкви (рис. 243), тогда какъ въ другихъ случаяхъ опорой ему служили такіе же кронштейны или столбы, какіе мы видѣли у одномаршевыхъ крылецъ.

Заканчивая обзоръ клѣтскихъ церквей, мы не будемъ останавливаться на мелкихъ ихъ деталяхъ какъ конструктивныхъ, такъ и художественныхъ, а равно и на внутреннемъ убранствѣ этого типа церквей, такъ какъ и то, и другое аналогично у церквей всѣхъ типовъ и поэтому мы вернемся къ этимъ вопросамъ впоследствии.

Замѣтимъ еще, что при обзорѣ клѣтскихъ церквей мы не коснулись тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ есть придѣлы, имѣющіе форму самостоятельной церкви, какъ бы прилѣпленной къ главной. Такія церкви, весьма, правда,

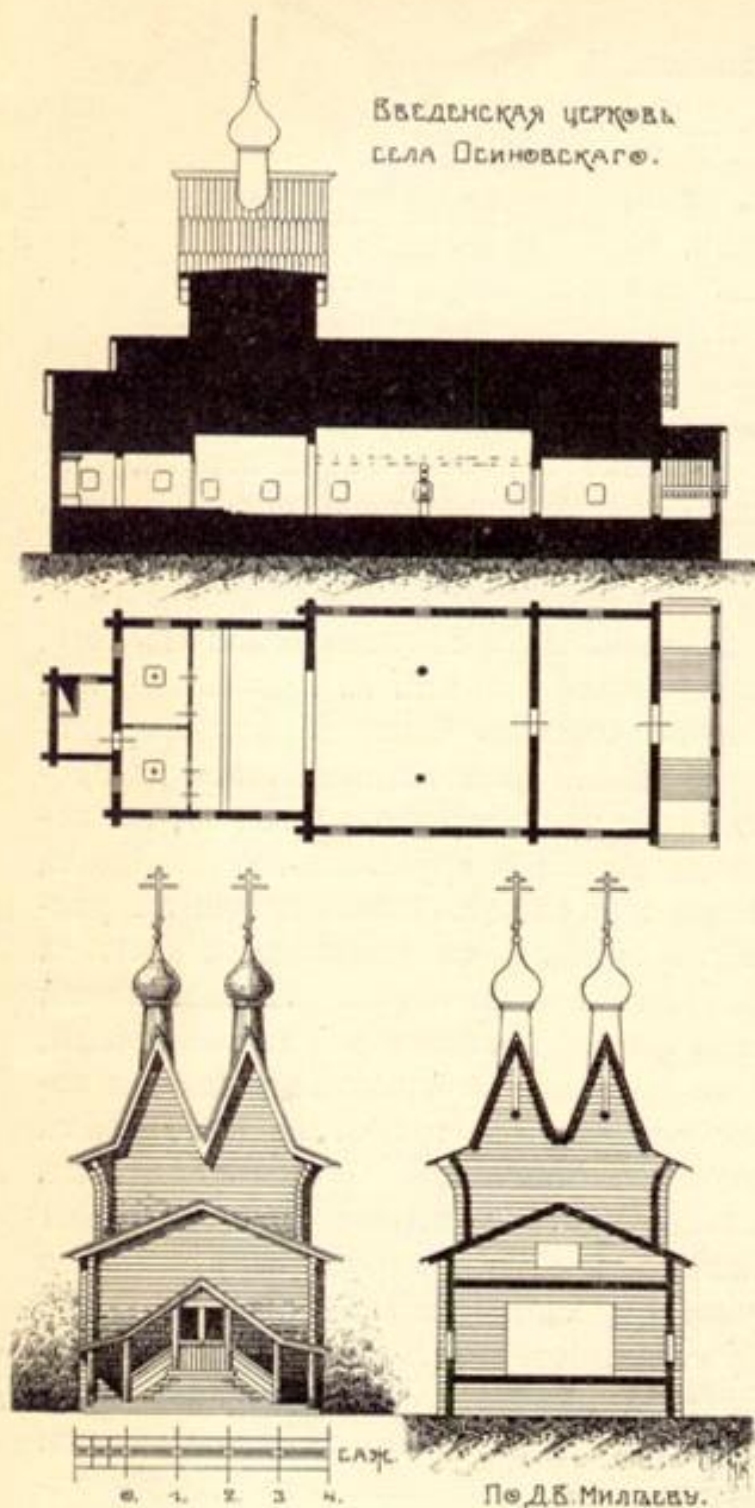

Рис. № 251.

¹⁾ Модель этой часовни, по которой исполненъ рисунокъ, находится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ.

немногочисленные, оставлены нами въ сторонѣ вполне сознательно, такъ какъ клѣтскіе храмы, какъ мы это видѣли, представляютъ всѣмъ своимъ обликомъ нѣчто вылившееся въ окончательно сложившуюся форму и, слѣдовательно, всякій придѣлъ, какъ бы онъ случайно не гармонировалъ съ основнымъ храмомъ, всегда лишитъ его нѣкоторой доли типичности. Доказательствомъ сказаннаго можетъ служить церковь села Осиновскаго¹⁾, у которой помѣщеніе для молящихся и два алтаря размѣщены въ одномъ квадратномъ срубѣ. Восточная часть этого сруба покрыта двухскатной крышей, конекъ которой находится на одной высотѣ съ конькомъ крыши трапезной и притвора, а западная его часть, имѣющая бо́льшую высоту, нежели восточная, покрыта двумя рядомъ стоящими клинчатыми крышами, приходящимися надъ помѣщеніемъ для молящихся (рис. № 251). Эта „двойня“ крышъ, хотя и отмѣчаетъ собою существованіе въ церкви двухъ алтарей, но совершенно не вяжется съ однимъ срубомъ. Получается несоотвѣтствіе между внутреннимъ размѣщеніемъ церкви и ея внѣшнимъ видомъ, который отвѣчалъ бы „двойнѣ“ плана, т. е. двумъ рядомъ стоящимъ срубамъ, а не одному, какъ это есть въ дѣйствительности.

Кромѣ необычнаго для клѣтской церкви покрытія осиновская церковь имѣетъ и необычный планъ; дѣйствительно, за ея алтарями находится небольшой дополнительный прирубъ, въ которомъ стоитъ печь. Возможно, однако, что прирубъ этотъ не одновремененъ остальнымъ частямъ церкви, безспорно древнимъ. Итакъ, хотя разсмотрѣнный памятникъ и не лишень своеобразной прелести, но все же его общій силуэтъ настолько случаенъ, что въ немъ сразу даже трудно угадать клѣтскую церковь (рис. № 252).

Рис. № 252.
Введенская церковь Осиновскаго села.
Рис. Д. Савицкаго.

¹⁾ Шеркурскаго уѣзда, Архангельской губерніи. По однимъ свѣдѣніямъ церковь эта построена въ 1684 году, а по другимъ въ 1776.

ГЛАВА VI.

Въ предыдущей главѣ мы уже отмѣтили, что шатровый типъ церквей былъ излюбленнымъ у русскихъ людей до-петровской эпохи и примѣнялся ими поэтому гораздо чаще, нежели типъ клѣтскихъ церквей; объ этомъ можно вывести заключеніе хотя бы изъ того, что въ альбомахъ Мейерберга и Олеарія изображеній шатровыхъ церквей въ общей сложности больше, чѣмъ изображеній церквей клѣтскихъ. У Мейерберга наиболѣе интересными являются изображенія церквей въ селахъ Зимогорѣ, Коломнѣ, Мѣдной и въ Шошѣ (рис. №№ 253, 254, 255 и 256), а у Адама Олеарія безспорно шатровыя церкви видны на изображеніяхъ городовъ Астрахани и Терокъ (рис. №№ 257 и 258); что же касается такихъ его изображеній церквей, какъ, напримѣръ, подъ Нарвою, то они заставляютъ сомнѣваться въ соотвѣтствіи ихъ съ натурой²⁾; поэтому останавливаться на нихъ не будемъ. Даже у Эрика Пальмквиста, все вниманіе котораго было сконцентрировано на крѣпостяхъ, находимъ одно изображеніе шатровой церкви, принадлежавшей какому-то Никольскому монастырю, который находился въ семи верстахъ отъ Москвы (рис. № 259).

Наконецъ, изображенія шатровыхъ церквей встрѣчаются въ нашихъ старинныхъ иконахъ и планахъ; такъ, на иконѣ Александра Свирскаго (рис. 63) и на планѣ Тихвинскаго монастыря (рис. №№ 260 и 261) мы видимъ нѣсколько шатровыхъ и многоверхихъ церквей, тогда какъ клѣтскихъ нѣтъ ни одной.

Анализировать приведенные примѣры древнихъ изображеній шатровыхъ храмовъ мы сейчасъ не будемъ, оставляя это до того времени, когда намъ придется сравнивать эти изображенія съ подобными имъ шатровыми церквами, которыя уцѣлѣли до настоящаго времени; теперь же перейдемъ непосредственно къ разсмотрѣнію типовъ плановъ, примѣнявшихся при шатровыхъ церквахъ.

Если съ одной стороны строители шатровыхъ церквей рубили ихъ таковыми и при томъ восьмигранными изъ соображеній чисто художественнаго характера, то съ другой стороны ими преслѣдовалась и другая цѣль, исключительно утилитарная—придать главной части храма, т. е. помѣщенію для молящихся, возможно большую вмѣстительность. Послѣднее достигалось именно тѣмъ, что эту часть храма дѣлали въ планѣ не прямоугольной или квадратной, а восьмиугольной, т. е. рубили „кругло“; такой приѣмъ,

²⁾ Смори: Мих. Красовскій. Очеркъ исторіи Московскаго періода древне русскаго церковнаго зодчества. (Отъ основанія Москвы до конца первой четверти XVIII вѣка.) Москва 1911.

Рис. № 253.
Зимогорье.
По Мейербергу.

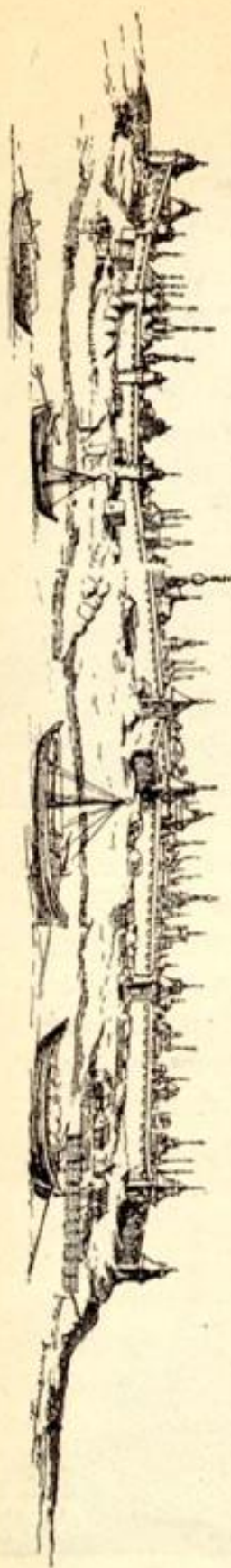
Рис. № 254.
Коломна. По Мейербергу.

Рис. № 255.
Мѣдная.
По Мейербергу.

Рис. № 256.
Рѣка Шоша.
По Мейербергу.

даже при бревнахъ не особенно большой длины, давалъ значительно большую площадь пола, нежели при прямоугольномъ срубѣ. Кромѣ того, восьмигранный срубъ позволялъ вполне конструктивно пристраивать къ храму придѣлы, чего, какъ мы видѣли выше, въ клѣтскихъ храмахъ сдѣлать было почти невозможно, и, наконецъ, при такой формѣ плана можно было придавать главной части храма весьма значительную высоту, такъ какъ восьмигранный срубъ, крытый восьмиграннымъ же шатромъ являлся гораздо болѣе устойчивымъ и въ значительно большей мѣрѣ сопротивлялся напору сильныхъ вѣтровъ, нежели высокая клѣть, крытая высокою же двухскатной крышей. Такимъ образомъ, восьмиугольная форма плана главной части шатровой церкви, обуславливаясь указанными соображеніями двоякаго характера, являлась наиболѣе отвѣчающей общей идеѣ шатроваго приѣма; поэтому слѣдуетъ предположить, что первые шатровые храмы были построены съ восьмиугольнымъ планомъ, и это подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что древнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ ихъ образцы имѣютъ именно такую форму плана ¹⁾.

¹⁾ Очень интересенъ вопросъ: почему наши плотники, насколько объ этомъ можно судить по уцѣлѣвшимъ памятникамъ, совершенно не признавали шестиугольнаго въ планѣ многогранника, а пользовались при постройкѣ церквей исключительно формой восьмигранника. Не имѣя въ виду дать исчерпывающаго рѣшенія этого вопроса, полагаемъ все-таки возможнымъ нѣсколько приблизиться къ нему.

Хотя въ природѣ форма шестиугольника встрѣчается гораздо чаще, нежели форма восьмиугольника (смотри ячейки сотъ, снѣжинки, кристаллы и т. д.) и, слѣдовательно, казалось бы, что этотъ многоугольникъ долженъ первымъ придти въ голову, при выборѣ контура многоугольнаго плана, тѣмъ не менѣе на дѣлѣ это не такъ потому, что архитектура имѣетъ, повидимому, какіе-то другіе законы. Если послѣдніе допускаютъ съ эстетической точки зрѣнія существованіе отдѣльно стоящей шестигранной башни, то соединеніе ея съ какими-либо пристройками весьма затруднительно въ отношеніи архитектурной симметріи; восьмигранная же башня съ этой точки зрѣнія является полной противоположностью, легко входя въ составъ разнообразныхъ архитектурныхъ композицій. Кромѣ того, разбивка на мѣстѣ шестиугольника безъ помощи точныхъ инструментовъ или даже безъ веревки очень затруднительна потому, что не рѣшается съ помощью одного равнобедреннаго прямоугольнаго треугольника, называемаго плотниками „наугольникомъ“. Разбивка же восьмиугольника достигается этимъ путемъ очень легко, такъ какъ сводится къ построенію восьмиугольника по данной сторонѣ (рис. № 262). Дѣйствительно, каждый внутренній уголъ правильнаго восьмиугольника $= 135^\circ$; слѣдовательно, приложивъ наугольникъ катетомъ къ данной сторонѣ восьмиугольника (А—В), пробиваемъ линію по другому его катету (А—С) и, приложивъ къ ней наугольникъ его гипотенузой, пробиваемъ линію по катету А—М, которая и составитъ съ данной стороной восьмиугольника требуемый уголъ въ 135° , послѣдній же даетъ возможность измѣнить направленіе врубки, не дѣлая всей разбивки плана.

Рис. № 258.
Терки. По Олеарию.

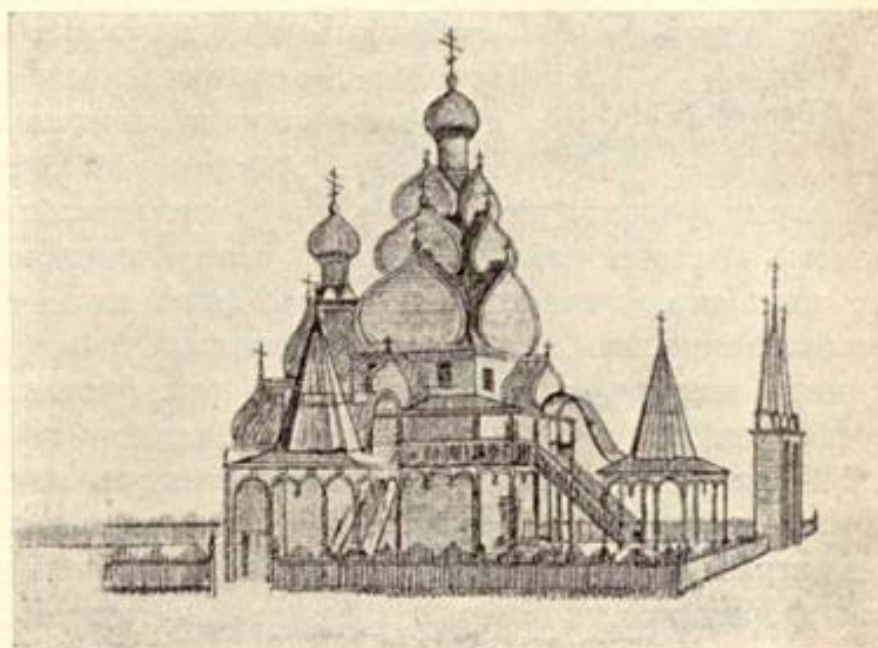

Рис. № 259.
По Э. Пальмквисту.

Рис. № 260.

Рис. № 261.

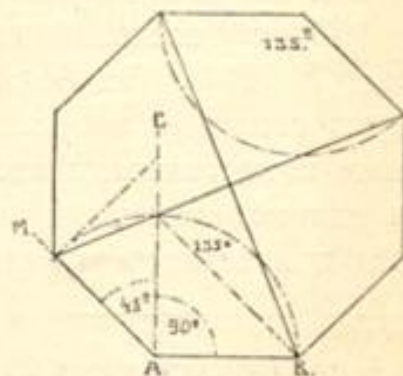
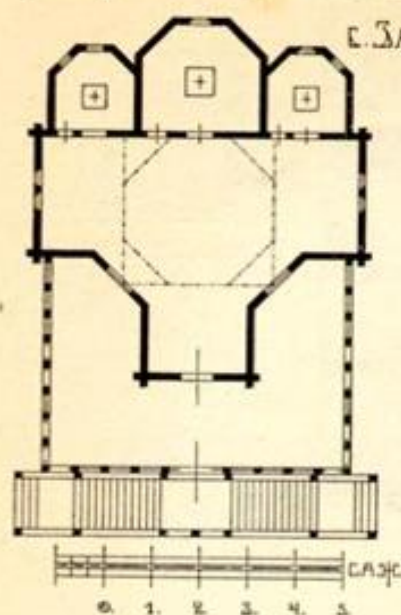

Рис. № 262.

По В. Суллову.

Рис. № 263.

Тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ, шатровые храмы строились также съ квадратнымъ или съ прямоугольнымъ планомъ, т. е. „круглымъ“ у нихъ былъ только верхній срубъ; руководящимъ началомъ при композиціи послѣдняго типа шатровыхъ храмовъ, было конечно, уже только одно эстетическое стремленіе, не сопутствуемое утилитарнымъ расчетомъ, заключавшимся въ намѣреніи придать главной части храма большую вмѣстительность. Останавливаясь на подробномъ разсмотрѣніи плановъ такихъ церквей и на группировкѣ ихъ мы не станемъ, такъ какъ они въ большинствѣ случаевъ совершенно аналогичны планамъ церквей клѣтскихъ; рассмотримъ только нѣкоторые, наиболѣе оригинальные изъ нихъ. Такъ, планъ церкви въ селѣ Заборьѣ ¹⁾ привлекаетъ къ себѣ вниманіе тѣмъ, что его главная часть представляетъ собою комбинацію изъ вытянутого по направленію сѣверъ-югъ прямоугольника и значительно меньшаго по площади квадрата, соединенныхъ промежуточной частью, имѣющей форму трапеціи (рис. № 263). Аналогичнымъ съ только что разсмотрѣннымъ планомъ является планъ церкви въ селѣ Подмонастырскомъ ²⁾ (рис. № 264), такъ какъ онъ отличается отъ перваго лишь тѣмъ, что къ главной его части съ востока примыкаютъ не три, а двѣ апсиды. Оба эти плана при первомъ взглядѣ на нихъ кажутся странными: ихъ форма производитъ впечатлѣніе чего то случайнаго, не продуманнаго; но по существу такой приѣмъ плана является одной изъ стадій эволюціи восьмигранныхъ плановъ шатровыхъ церквей. Въ самомъ дѣлѣ, это, если можно такъ выразиться, урѣзанный съ востока восьмигранный планъ, который, благодаря четыремъ пристройкамъ, получилъ форму креста (рис. № 265); если на мѣсто отрѣзанной части восьмигранника съ примыкавшимъ къ ней восточнымъ прирубомъ помѣстить двѣ или три апсиды, то и получится рассматриваемая нами форма, которая, хотя и говоритъ объ упадкѣ стиля, но все же находится въ тѣсной съ нимъ связи и, слѣдовательно, вовсе не является чѣмъ-то случайнымъ, а объясняется тѣмъ, что строители, желая сохранить въ общихъ чертахъ старинный приѣмъ, хотѣли въ то же время имѣть не одну апсиду, а двѣ или три.

Очень сложный планъ имѣетъ Успенскій соборъ въ городѣ Кеми ³⁾ (рис. № 266). По бокамъ громадной трапезной, раздѣленной пополамъ двумя столпами и баллюстрадами, находятся два придѣла съ самостоятельными пятистѣнными алтарями; прежде у нихъ были отдѣльные нищевники съ одномаршевыми крыльцами, теперь исчезнувшіе. Съ запада къ трапезной примыкаетъ главный нищевникъ, предшествуемый трехмаршевымъ

¹⁾ Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи. Построена въ 1750 г.

²⁾ Того же уѣзда. Построена въ 1758 г.

³⁾ Архангельской губ. Построенъ въ 1714 году.

Ц. св. Николая Чудотворца въ селѣ Подмонастырскомъ.

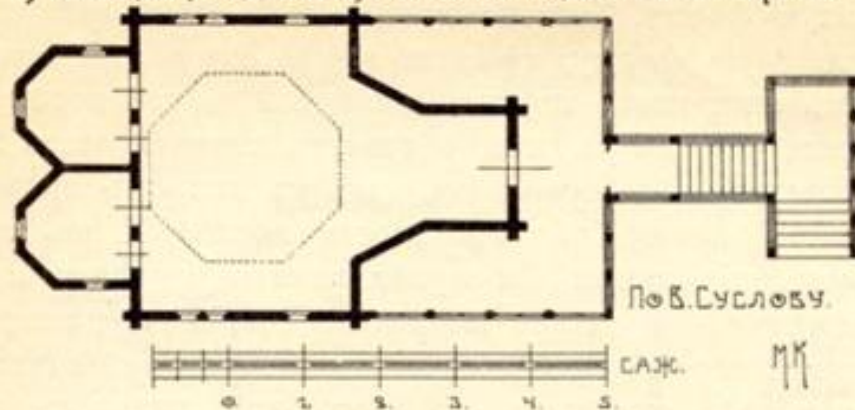

Рис. № 264.

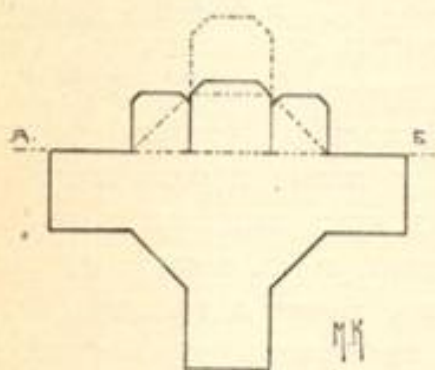

Рис. № 265.

Георгиевская ц. въ Верхней Тоймѣ.

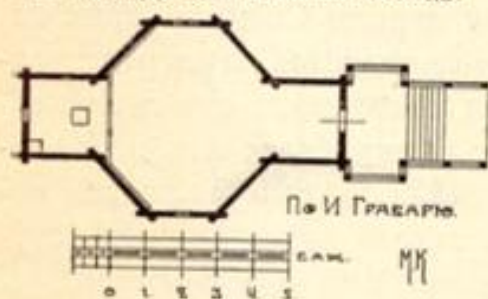

Рис. № 267.

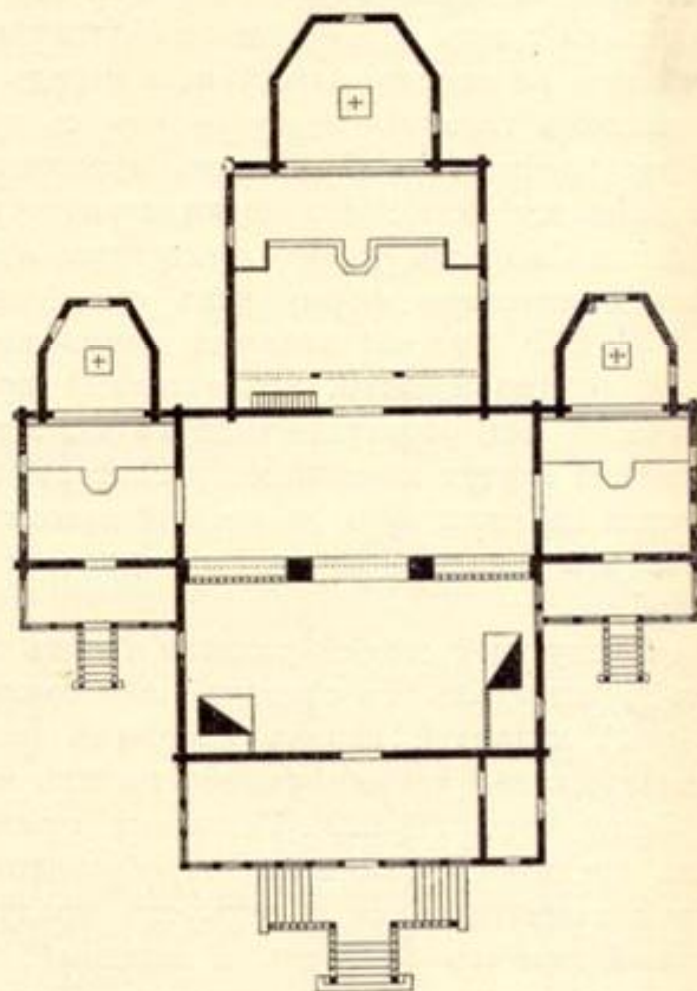

Рис. № 266.
Успенскій соборъ въ Кемѣ.
По В. Суслову.

крыльцомъ, а съ востока главная часть храма съ алтаремъ, также имѣющимъ пятигранную форму. Хотя разсмотрѣнный планъ имѣетъ въ общихъ чертахъ крестовидную форму, тѣмъ не менѣе его нельзя отнести къ крестовымъ планамъ шатровыхъ церквей, типичной чертой которыхъ является то обстоятельство, что центръ ихъ образуетъ главная часть храма (помѣщеніе для молящихся), а не трапезная, какъ въ данномъ примѣрѣ.

Разсмотрѣнные планы, въ особенности послѣдній изъ нихъ, по сущности ихъ композиціи могли бы принадлежать церквамъ клѣтскимъ; въ нихъ нѣтъ специфической детали шатроваго храма—восьмигранника главной части, который первый бросается въ глаза у древнѣйшихъ шатровыхъ церквей. Къ наиболѣе простымъ по композиціи планамъ церквей такого типа надо отнести церковь на Верхней Тоймѣ ¹⁾; ея планъ состоитъ изъ центрального восьмиугольника, къ которому съ востока прирубленъ квадратъ алтаря, а съ запада квадратъ паперти; передъ послѣдней высится одномаршевое крыльцо (рис. № 267). Какъ на вариантъ этого плана можно указать на планъ церкви Нижне-Уфтюгскаго погоста ²⁾, у которой крыльцо помѣщено не передъ папертью, а передъ обширнымъ нищевникомъ, охватывающимъ главную массу церкви съ трехъ сторонъ (рис. № 268). Если въ послѣднемъ примѣрѣ планъ производитъ нѣсколько безпокойное впечатлѣніе, вслѣдствіе его несимметричности, то у плана церкви на Бѣло-слудскомъ погостѣ ³⁾ этого недостатка нѣтъ, такъ какъ нищевникъ имѣетъ здѣсь одинаковую форму какъ съ сѣверной, такъ и съ южной стороны (рис. № 269). Разсматриваемый планъ интересенъ также и въ томъ отношеніи, что, во-первыхъ, его алтарный прирубъ раздѣленъ переборкой на двѣ части для образованія двухъ самостоятельныхъ алтарей; во-вторыхъ, тѣмъ, что внутри нищевника, у сѣверной стѣны паперти устроена лѣстница, ведущая въ трапезную, за которой находится верхній придѣлъ, и, наконецъ, тѣмъ, что крыльцо храма помѣщено не съ западной его стороны, а съ южной.

Слѣдующей стадіей развитія такихъ плановъ слѣдуетъ считать тѣ изъ нихъ, у которыхъ съ сѣверной или южной стороны прирубленъ придѣлъ въ видѣ квадрата, передъ которымъ расположенъ свой собственный нищевникъ, какъ, на примѣръ, это имѣетъ мѣсто у церкви Сійскаго прихода, на Двинѣ (рис. № 270). Подобный приѣмъ плана является непосредственнымъ предшественникомъ крестообразнаго плана, состоящаго изъ центрального восьмиугольника и четырехъ квадратныхъ прирубовъ; изъ нихъ восточный служитъ алтаремъ, а западный, сѣверный и южный являются дополнительными частями каѳоликона. Образцомъ такого приѣма можетъ служить планъ Преображенской церкви въ Кокшенгѣ ⁴⁾, построенной въ 1683 году (рис. № 271). Съ западной стороны къ главной массѣ церкви примыкаетъ обширная трапезная, къ которой ведетъ высокое трехрундуч-

¹⁾ Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губ. Построена въ 1672 г.

²⁾ Того же уѣзда. Построена въ началѣ XVII вѣка.

³⁾ Того же уѣзда. Построена въ 1642 году. Разобрана въ 80 годахъ прошлаго столѣтія.

⁴⁾ Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

Успенская ц. на Нижне-Уфтыгскомъ

погостѣ.

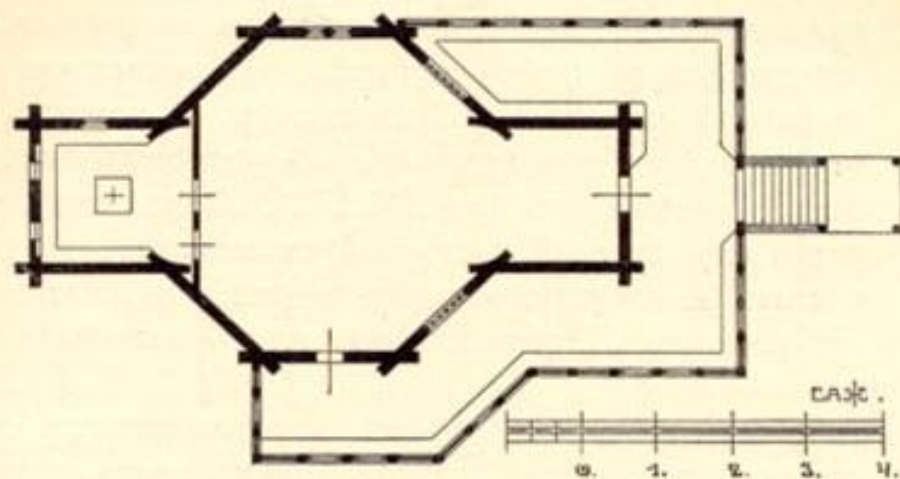
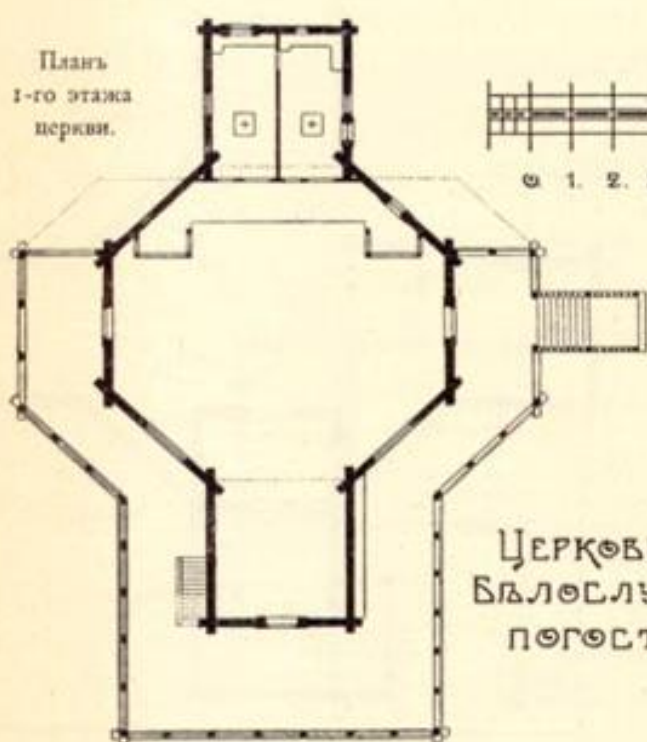
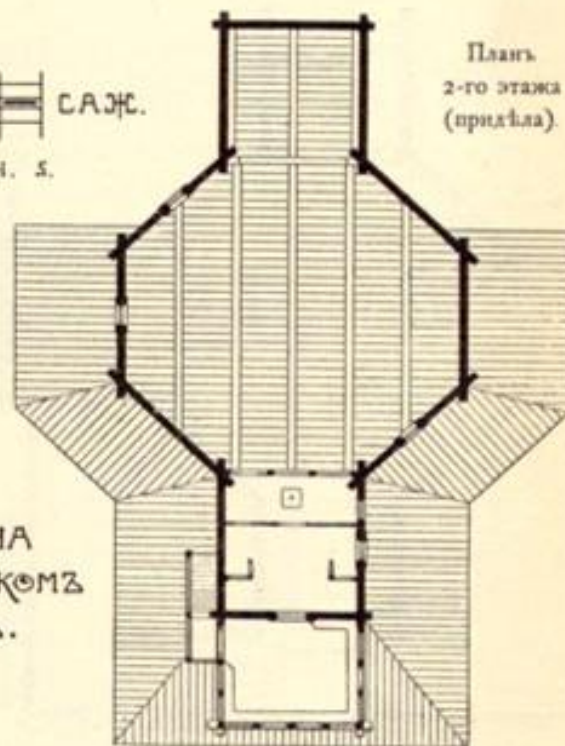
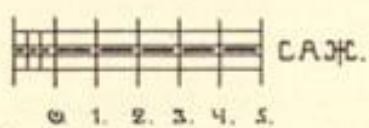

Рис. № 268.

Планъ
1-го этажа
церкви.

Планъ
2-го этажа
(придѣла).

ЦЕРКОВЬ НА
БѢЛОСЛУЦКОМЪ
ПОГОСТѢ.

Рис. № 269.

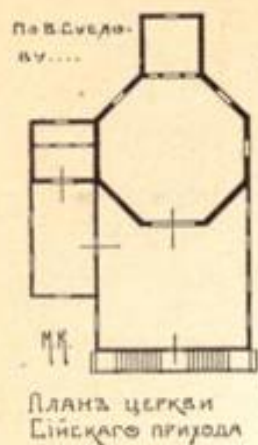

Рис. № 270.

ное крыльцо. Изъ трапезной одномаршевая лѣстница ведетъ въ верхній придѣлъ, передъ которымъ находится небольшая паперть.

Аналогиченъ по идеѣ, но гораздо сложнѣе планъ Троицкой церкви въ посадѣ Неноксѣ ¹⁾: его сѣверный и южный прирубы представляютъ собою придѣлы, вслѣдствіе чего къ каждому изъ нихъ примыкаетъ съ востока свой алтарный, квадратный въ планѣ, прирубъ, а западная часть храма (нищевникъ), повторяя своимъ контуромъ контуръ главной его массы, имѣетъ три крыльца, изъ которыхъ боковыя принадлежатъ придѣламъ (рис. № 272). Планъ этотъ по законченности его деталей и строгой симметричности частей можно считать конечнымъ этапомъ развитія рассматриваемой категории плановъ, т. е. такихъ, существенную часть которыхъ составляетъ восьмиугольникъ.

Наравнѣ съ рассмотрѣннымъ типомъ крестообразнаго плана шатровыхъ церквей часто примѣнялся и другой пріемъ плана, также крестообразнаго, въ которомъ основною фигурою являлся не восьмиугольникъ, а квадратъ. Какъ на самый примитивный планъ такого типа можно указать на планъ Богородицкой церкви въ селѣ Верховьѣ ²⁾ (рис. № 273); онъ представляетъ собою почти равноконечный крестъ, образованный четырьмя прямоугольными, трехстѣнными срубами, изъ которыхъ восточный, служащій алтаремъ, отдѣленъ иконостасомъ отъ остальныхъ, служащихъ каѳо-

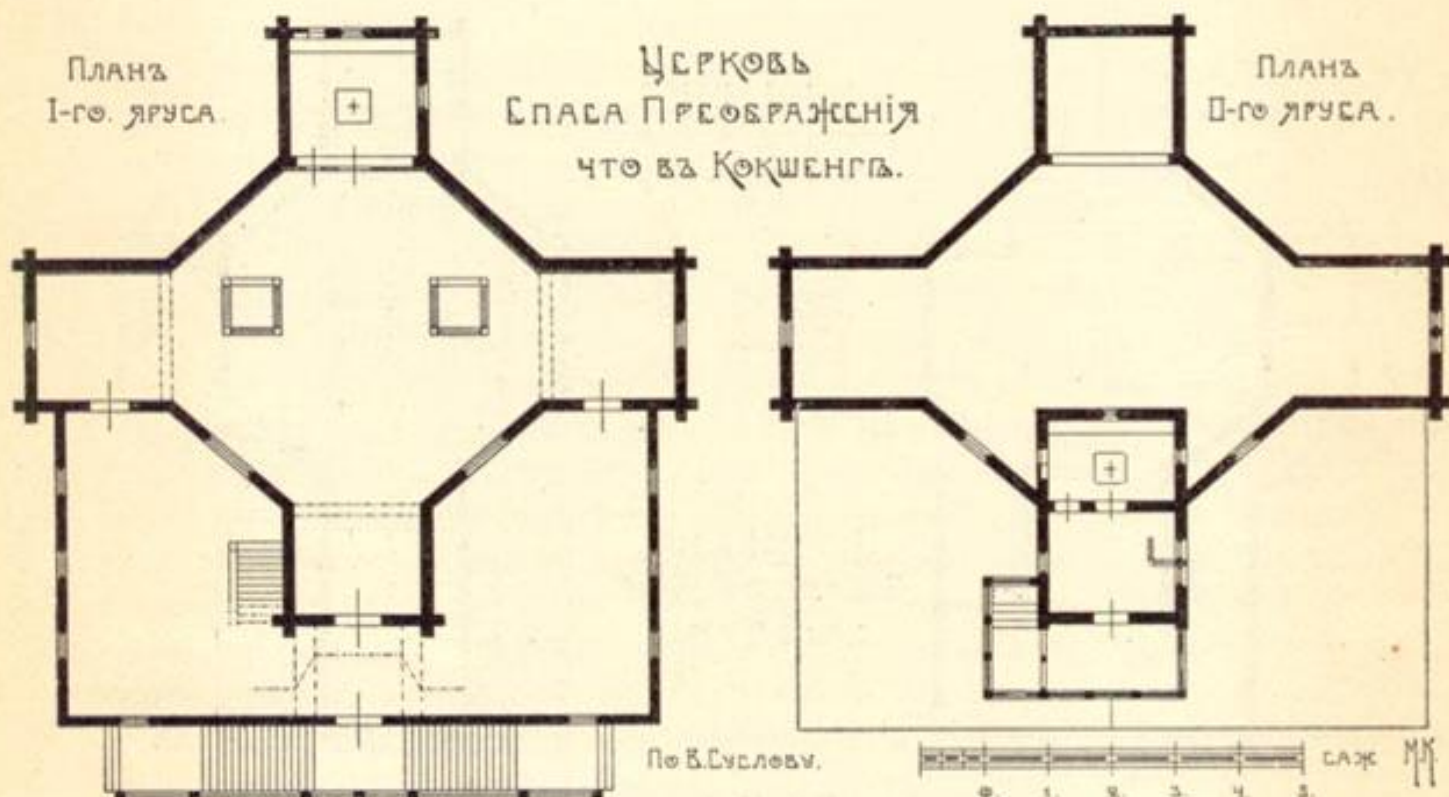

Рис. № 271.

¹⁾ Архангельскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Построена въ 1727 году.

²⁾ Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи. Построена въ XVII вѣкѣ.

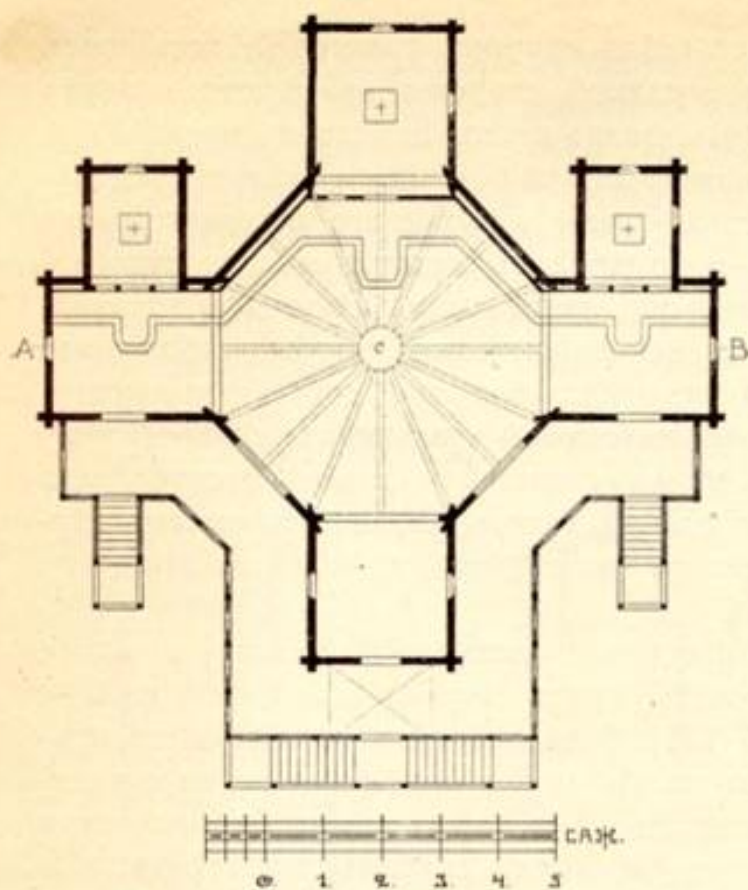

Рис. № 272.
Троицкая церковь въ посадѣ Неноксѣ.
По В. Суслову.

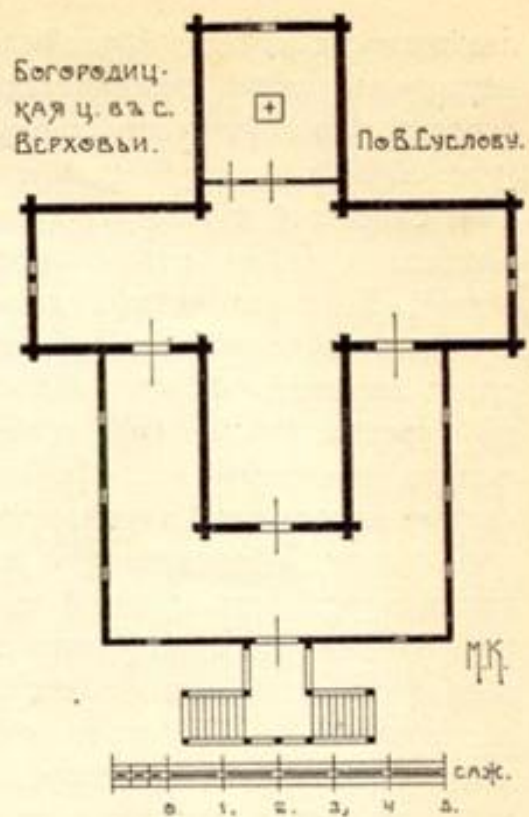

Рис. № 273.

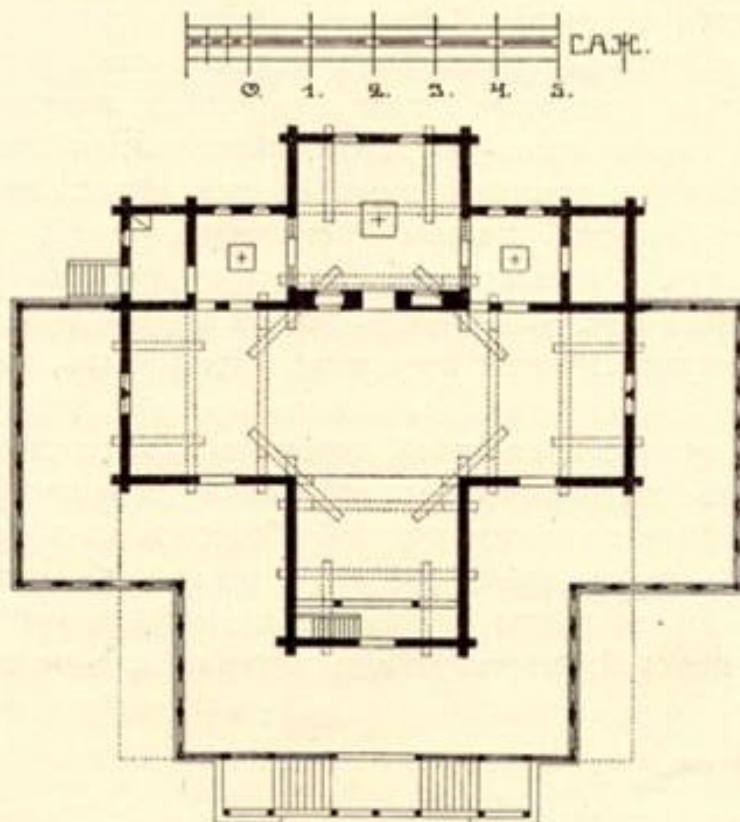

Рис. № 274.
Церковь посада Уны. По В. Суслову.

ликономъ, а западный окаймленъ со всѣхъ сторонъ галлереей; весь этотъ несложный планъ заканчивается съ западной стороны крыльцомъ о двухъ сходахъ. По такому же приему скомпанованъ планъ церкви въ посадѣ Унѣ (рис. № 274), но по бокамъ его главнаго алтаря помѣщены алтари придѣльные: сѣверный и южный; кромѣ того, справа отъ южнаго алтаря устроена ризница, а слѣва отъ сѣвернаго—пономарня съ крыльцомъ для духовенства ¹⁾. Хотя эти четыре дополнительные части плана нѣсколько затемняютъ его основной приемъ, но все же не настолько, чтобы нельзя было сразу замѣтить форму главной части, представляющей собою равноконечный крестъ. Въ прежнее время помѣстительный нищевникъ-галерея охватывалъ основную часть храма съ трехъ сторонъ и передъ западной его частью находилось двухмаршевое крыльцо; теперь нищевникъ имѣетъ другую форму, обозначенную на чертежѣ пунктиромъ, а на мѣстѣ прежняго крыльца устроенъ простой тамбуръ.

Разсмотримъ еще одинъ типъ крестовыхъ плановъ шатровыхъ церквей, образцомъ которыхъ можетъ служить планъ церкви въ Конецгорѣ ²⁾, построенной въ 1752 году (рис. № 275). Если въ двухъ предыдущихъ примѣрахъ основную, крестообразную часть храма образуютъ четыре трехстѣнныхъ сруба, то въ рассматриваемомъ памятникѣ она состоитъ изъ пяти частей: центрального квадратнаго сруба, трехъ срубовъ трехстѣнныхъ и одного пятистѣннаго, служащаго алтаремъ. Такимъ образомъ, центральной частью является здѣсь квадратный срубъ, отсутствующій у двухъ предыдущихъ памятниковъ, и поэтому планъ церкви въ Конецгорѣ можно считать весьма близкимъ по идеѣ къ тѣмъ, выше рассмотрѣннымъ крестовымъ планамъ, у которыхъ центральной фигурой является восьмиугольный срубъ, замѣненный въ данномъ случаѣ срубомъ квадратнымъ.

Послѣдняго типа крестовые планы зародились, повидимому, на почвѣ обычая пристраивать къ основному храму придѣлы; иногда довольствовались однимъ придѣломъ, примыкавшимъ съ юга или съ сѣвера, какъ, на примѣръ, у Флоро-Лаврской церкви Ростовскаго прихода ³⁾ (рис. № 276); но неизбежно получавшаяся при этомъ ассиметричность внѣшняго вида зданія была неприятна и поэтому чаще дѣлали церкви о двухъ придѣлахъ, слѣдствіемъ чего являлась такая крестовая форма плана, какъ у церкви въ Конецгорѣ.

Считаемъ не лишнимъ отмѣтить, что изъ всѣхъ, рассмотрѣнныхъ нами, крестовыхъ плановъ шатровыхъ церквей, только два послѣднихъ имѣютъ многогранные алтари и являются, такимъ образомъ, какъ бы исключеніемъ изъ общепринятыхъ въ то время приемовъ, тогда какъ у тѣхъ шатровыхъ церквей, которыя имѣли планы близкіе по приему ихъ композиціи къ планамъ клѣтскихъ церквей, многогранные алтари были явленіемъ довольно обычнымъ.

¹⁾ Два послѣднихъ прируба присоединены къ храму въ 1871 году. Смори описаніе погостовъ и церквей Архангельской епархіи.

²⁾ Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

³⁾ Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Построена въ 1775 году.

На этомъ закончимъ разсмотрѣніе плановъ шатровыхъ церквей и перейдемъ къ обзору конструктивныхъ приѣмовъ, практиковавшихся при ихъ сооруженіи. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что вообще приѣмы эти были тѣ же самыя, что и при рубкѣ клѣтскихъ церквей; такъ, напримѣръ, срубы ставились обычно прямо на грунтъ, безъ фундаментовъ, иногда на подклѣтахъ, а иногда и безъ нихъ; главная часть храма („церковная стопа“) и алтари рубились изъ бревенъ, а нищевники и притворы „забирались въ столбы“. Однако, нѣкоторые своеобразные приѣмы все-таки

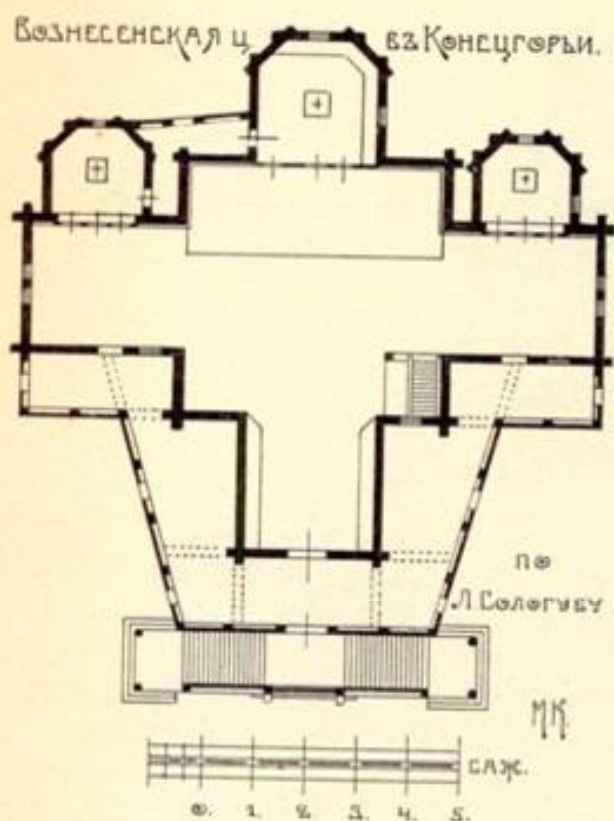

Рис. № 275.

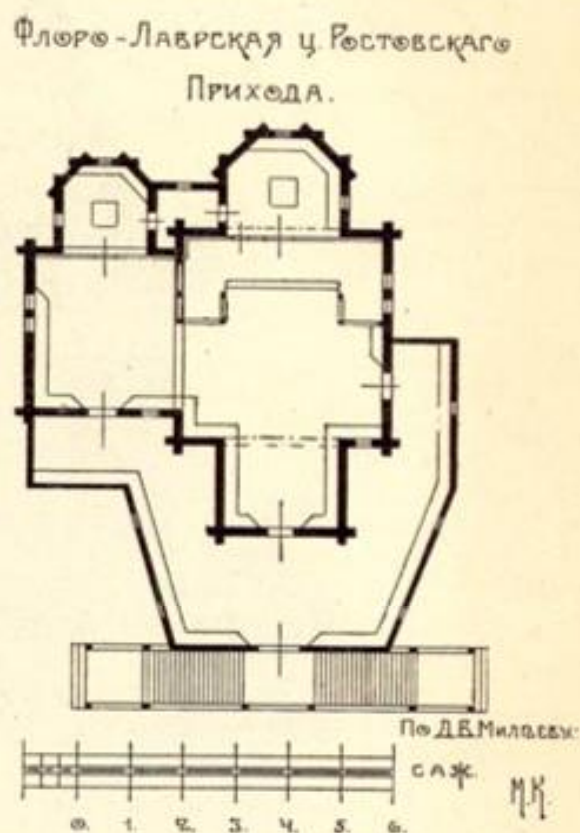

Рис. № 276.

были, но они естественно касались главнымъ образомъ восьмиугольных въ планѣ частей шатровыхъ храмовъ, являвшихся ихъ существенной отличительной чертой отъ храмовъ клѣтскихъ.

Если главная часть храма имѣла восьмиугольный планъ съ самаго низа, то всѣ вѣнцы ея рубились всегда съ остаткомъ, какъ это видно у Успенской церкви на Нижне-Уфтыгскомъ погостѣ (рис. № 277) и у церкви Владимирской Божіей Матери на погостѣ въ Бѣлой Слудѣ (рис. № 278 и 279); если же главная часть имѣла въ нижней части форму квадрата или прямоугольника, и лишь вверху переходила въ восьмигранникъ, то вѣнцы послѣдняго рубились иногда въ лапу, какъ, напримѣръ, у церкви Флора и Лавра въ селѣ Благовѣщенскомъ ¹⁾ (рис. № 280) и у маленькой церквушки, изображенной на рисункѣ 281 ²⁾. Однако, такой приѣмъ встрѣчается отно-

¹⁾ Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Построена въ XVII вѣкѣ.

²⁾ Фотографія этой церкви попала къ намъ случайно, и, къ сожалѣнію, безъ пояснительной подписи, гдѣ эта церковь находится и какъ она называется.

Рис. № 277.
Церковь на Нижне-Уфтыгскомъ погостѣ.
По В. Суслову.

сительно рѣдко, а въ большинствѣ случаевъ какъ нижняя, такъ и верхняя часть церковной стопы рубились съ остаткомъ.

Что же касается такого типа церквей, какъ церковь Спаса въ Кокшенгѣ, т. е. такихъ, у которыхъ планъ имѣлъ форму креста съ восьмиугольникомъ въ центрѣ, то, ради удобства молящихся, приходилось внутри храма вязать въ лапу тѣ углы, которые получались отъ пересѣченія стѣнъ восьмерика со стѣнами прирубовъ или, говоря иначе, входящія углы. Въ Спасской церкви (рис. № 282) такая вязка угловъ доведена до самаго карниза восьмерика и прерывается лишь у декоративныхъ теремковъ (кокошниковъ), гдѣ остатки вѣнцовъ выпущены повалами для того, чтобы подержать эти кокошники.

Казалось бы, что у церквей съ крестовымъ планомъ, имѣющимъ въ центрѣ квадратъ, входящія углы непременно слѣдовало рубить въ лапу, но въ дѣйствительности это дѣлалось не всегда, такъ какъ у Богородицкой

Рис. № 278.
Церковь
на Бѣлослудскомъ
погостѣ.

По В. Суслову.

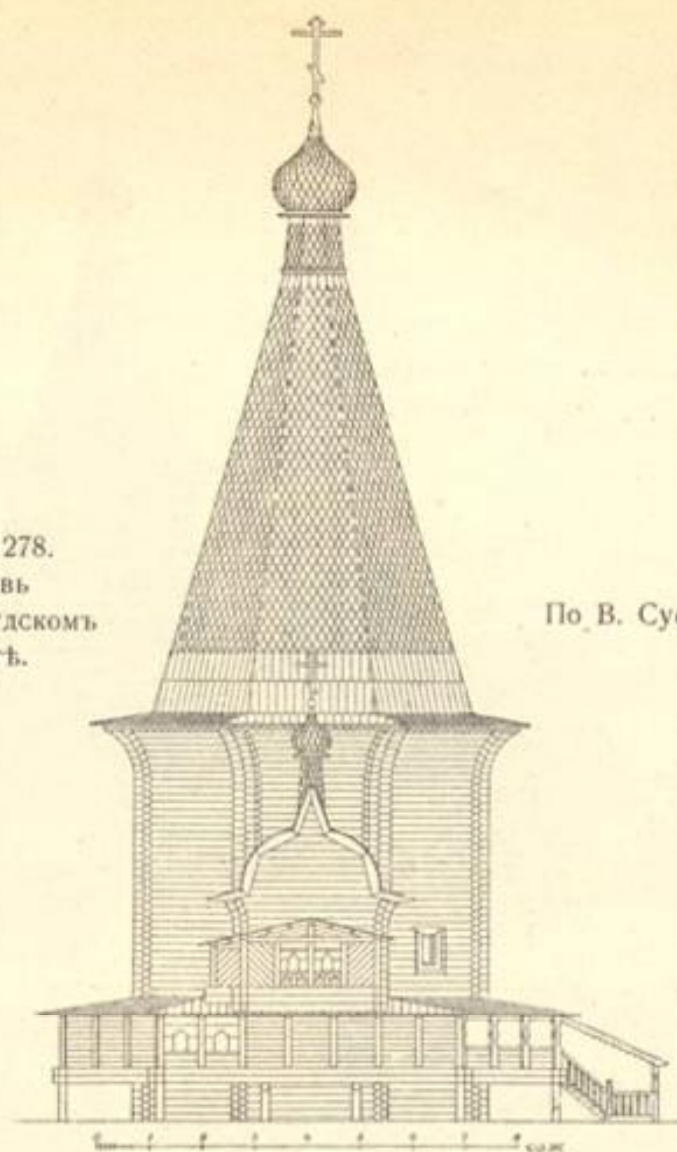

Рис. № 279.
Церковь на Бѣлослудскомъ погостѣ. Фот. И. Билибина.

Рис. № 280.
Церковь села Благовѣщенскаго.
По В. Сулову.

Рис. № 281.
Фот. О. Каликина.

Рис. № 282.
Церковь Спаса въ Кокшенгѣ.
По В. Суслову.

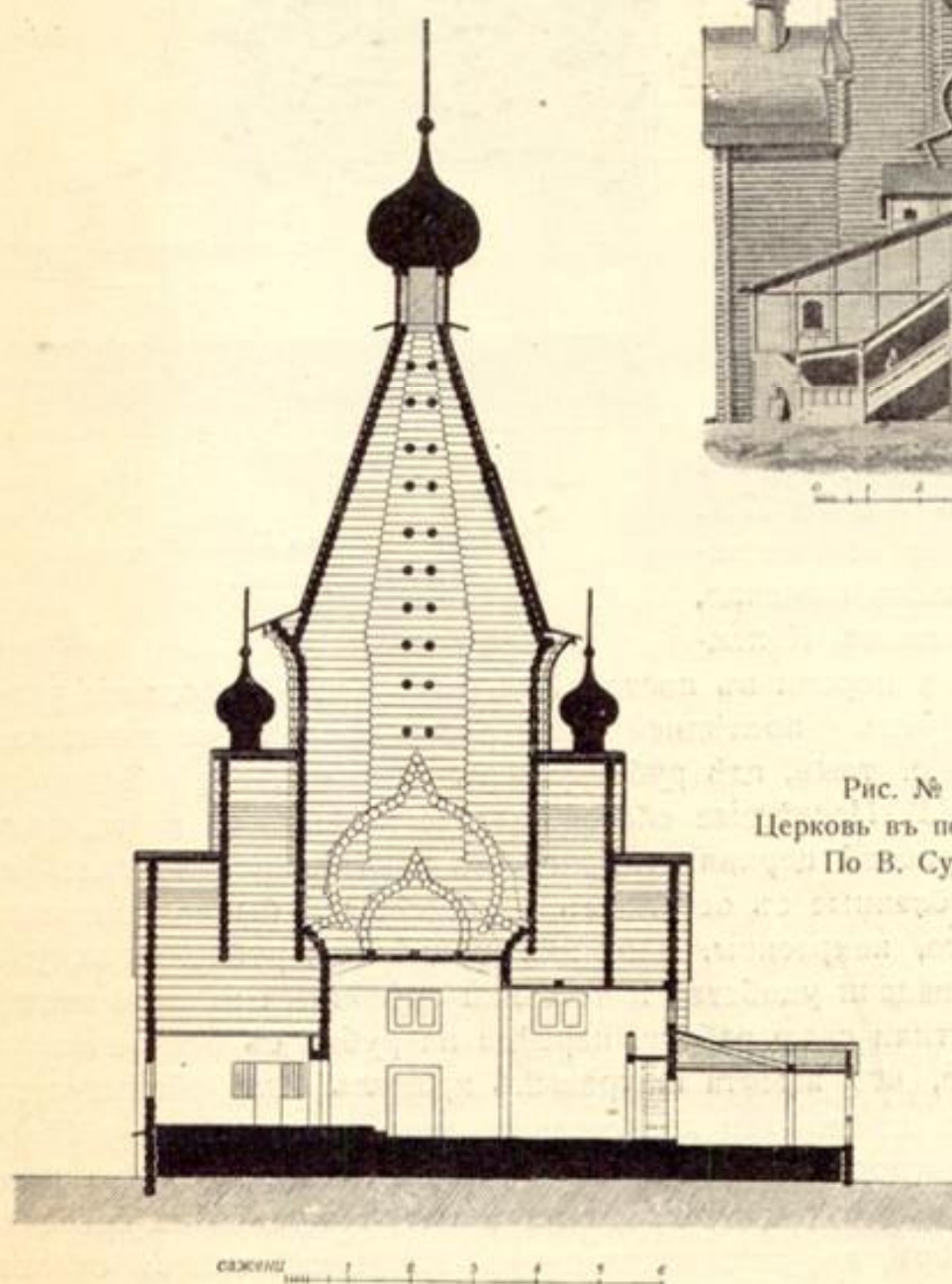
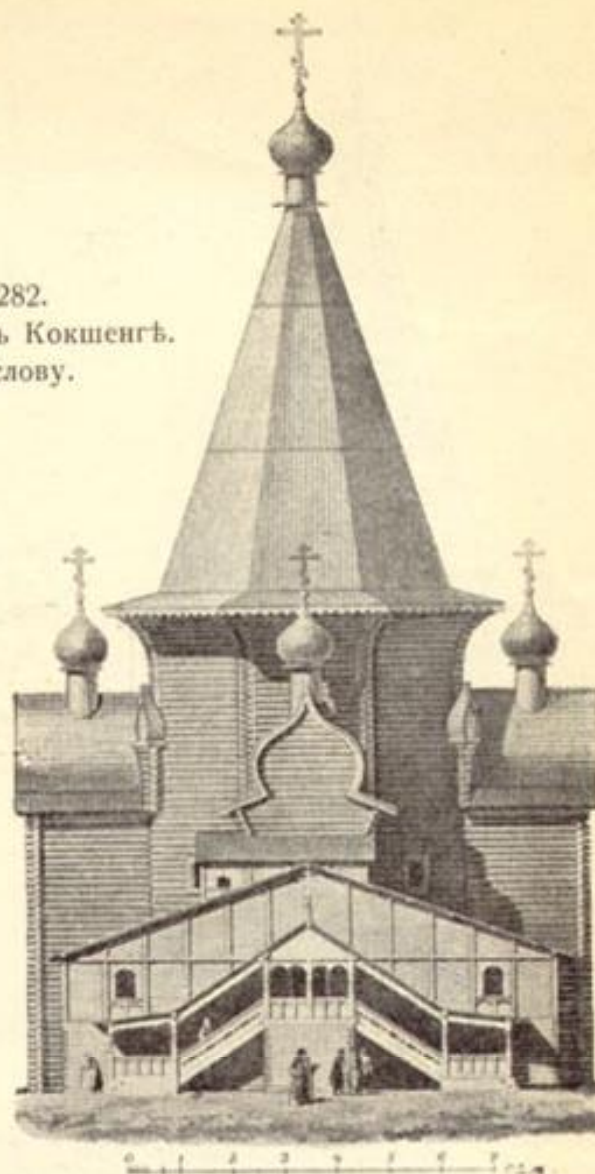

Рис. № 283.
Церковь въ посадѣ Уиѣ.
По В. Суслову.

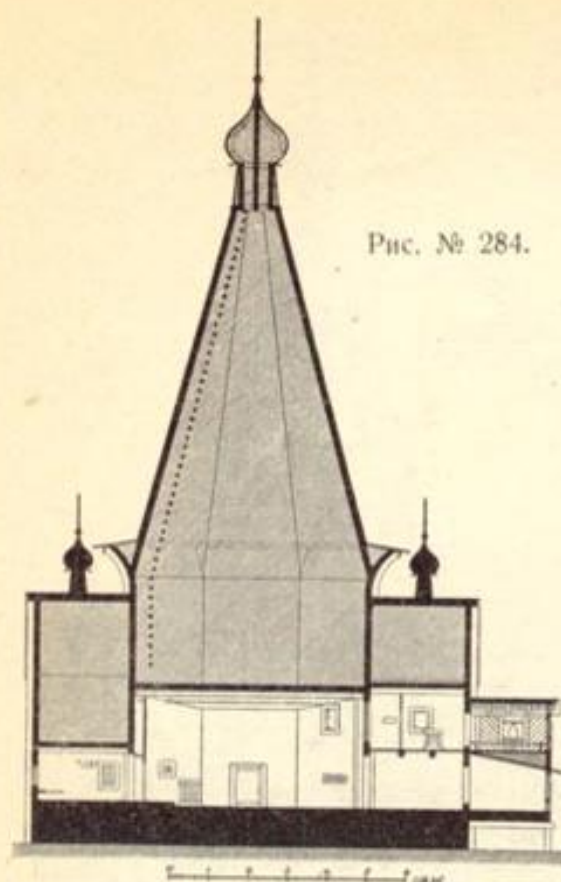

Рис. № 284.

Церковь на Бѣлослудскомъ погостѣ.
По В. Суслову.

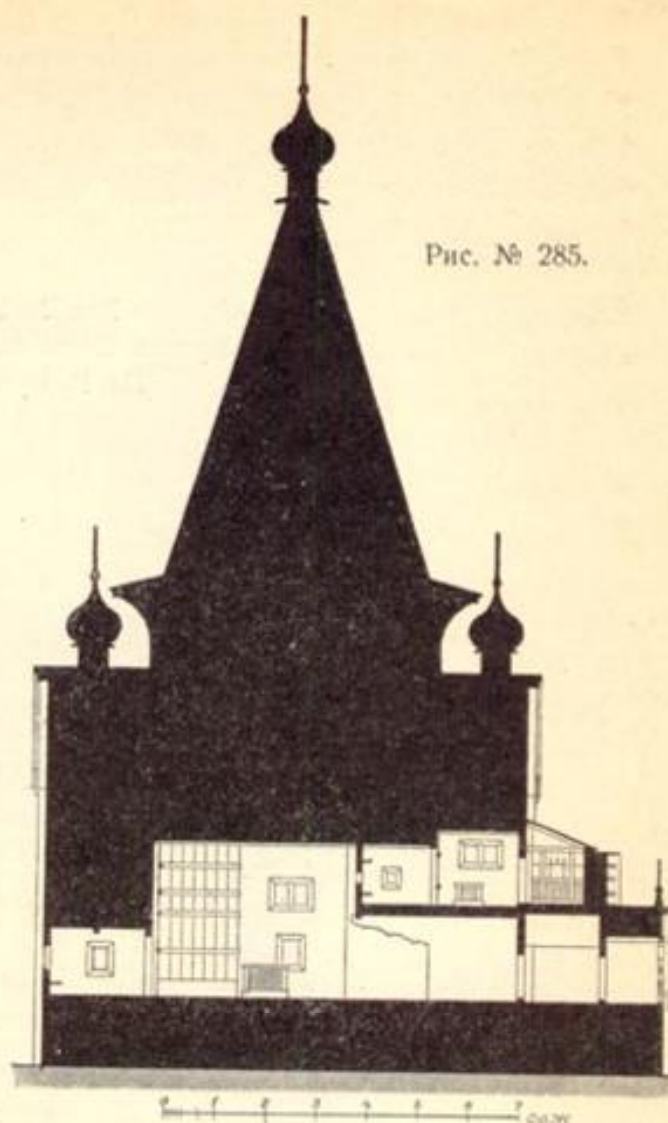

Рис. № 285.

Церковь Спаса въ Кокшенгѣ.
По В. Суслову.

церкви въ селѣ Верховѣ углы эти рублены съ остаткомъ (рис. № 273). У двухъ же другихъ церквей, имѣющихъ такого же типа планъ, а именно, у Вознесенской церкви въ Конецгорѣ (рис. № 275) и у церкви въ посадѣ Унѣ (рис. № 274) входящіе углы рублены въ лапу, при чемъ у послѣдней такая рубка продолжена только до потолка, а далѣе, т. е. тамъ, гдѣ рубка угловъ не видна, она сдѣлана съ остаткомъ (рис. № 283). Послѣднее обстоятельство указываетъ на то, какъ внимательно зодчіе унской церкви отнеслись къ возложенной на нихъ работѣ: внизу, гдѣ рубленные съ остаткомъ углы мѣшали бы молящимся и были бы, кромѣ того, некрасивы, плотники примѣнили рубку въ лапу, а выше потолка, гдѣ задачи удобства и эстетики смѣняются задачей экономіи труда, они упростили свою работу, перейдя на рубку съ остаткомъ.

Несмотря на то, что высота шатровыхъ храмовъ была обыкновенно очень велика, иногда прямо-таки колоссальна, какъ, на примѣръ, у бѣлослудской церкви, у которой она отъ ея низа до креста равняется двадцати саженьямъ (рис. № 284), ихъ внутренняя высота была всегда очень незначительна; такъ, на примѣръ, въ разсматриваемомъ памятникѣ она въ самомъ высокомъ мѣстѣ, т. е. въ восьмерикѣ, равняется всего тремъ саженьямъ. Дѣлалось это съ цѣлью удержанія въ церкви тепла, такъ какъ при откры-

тыхъ изнутри шатрахъ теплый воздухъ поднимался бы къ ихъ вершинамъ, а нагрѣть всю его массу было бы очень затруднительно. Алтарные прирубы имѣли внутри еще меньшую высоту, какъ это видно на разрѣзахъ бѣлослудской церкви и Спаса въ Кокшенгѣ (рис. № 285); высота ихъ алтарей не превышала четырехъ аршинъ. Почти на такой же высотѣ устраивались потолки боковыхъ прирубовъ и западныхъ, что давало возможность устраивать надъ послѣдними небольшіе придѣлы, подобно тому, какъ это сдѣлано у бѣлослудской церкви и у Спаса на Кокшенгѣ.

Самые потолки устраивались различно. Въ церкви Нижне-Уфтыгскаго погоста они сдѣланы горизонтальными, при чемъ потолочныя балки („матицы“) забраны снизу тесомъ въ косякъ (рис. № 286); въ церкви же Флора и Лавра горизонтальныя балки потолка ея главной части оставлены снизу открытыми, говоря иначе, потолокъ здѣсь сдѣланъ простельнымъ, что имѣетъ свою, чисто конструктивную прелесть (рис. № 287). Если потолкомъ нужно было перекрыть большое пространство, то балки укладывались не въ одной горизонтальной плоскости, а съ постепеннымъ подъемомъ въ направленіи къ продольной оси храма, отчего потолокъ получалъ въ общемъ видѣ форму двухскатной крыши, конькомъ которой являлась балка, лежащая въ плоскости продольнаго разрѣза храма. Къ такой конструкціи прибѣгали съ тою

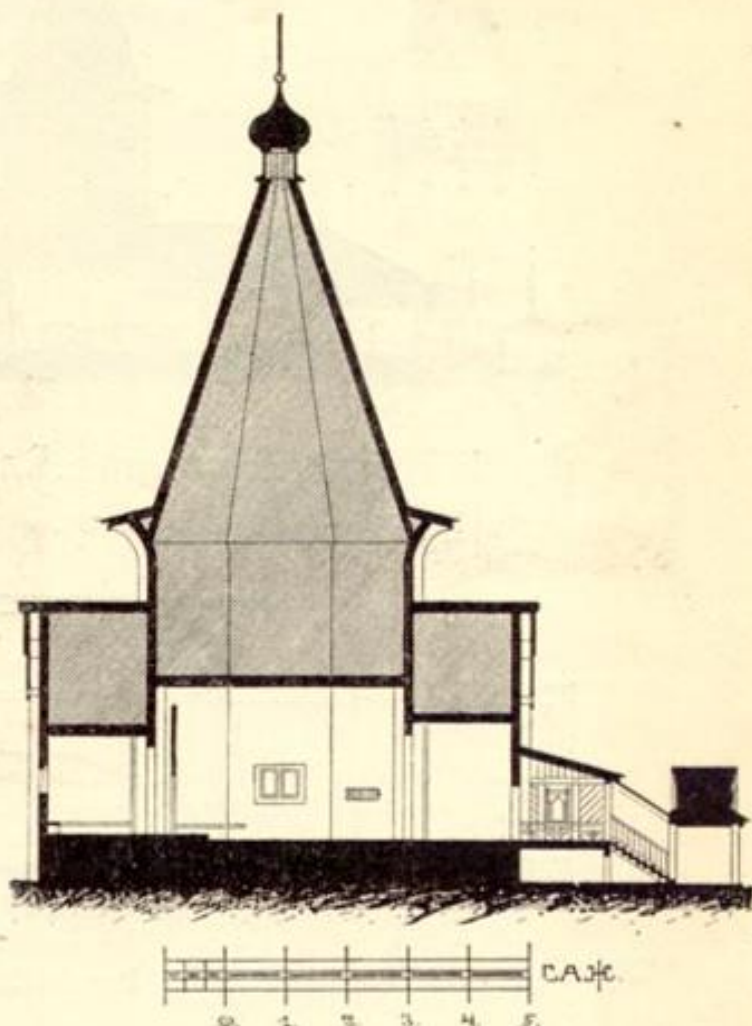
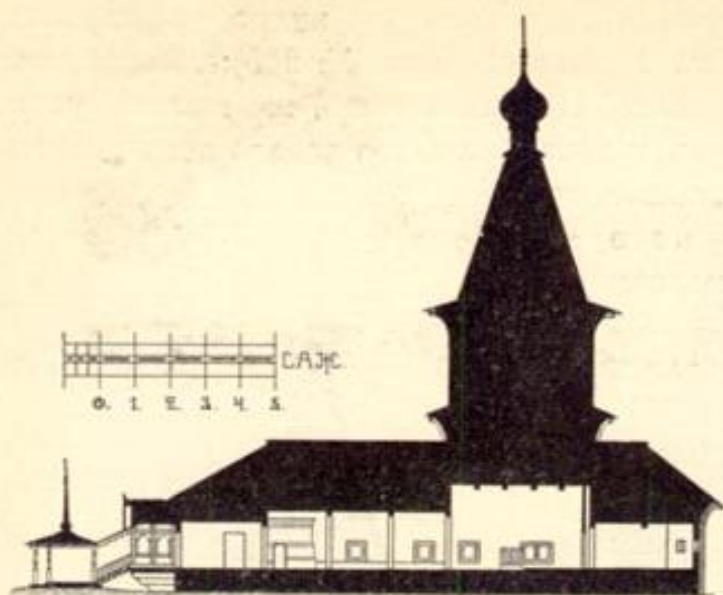

Рис. № 286.
Церковь на Нижне-Уфтыгскомъ погостѣ.
По В. Суслову.

цѣлью, чтобы доски, загнанныя концами въ пазы балокъ, образовывали распоръ и этимъ въ значительной мѣрѣ уменьшали бы прогибъ самихъ балокъ (рис. № 284). Описаннаго типа потолокъ устроенъ въ церкви Бѣлослудскаго погоста, гдѣ, несмотря на восьмигранный планъ перекрываемого имъ помѣщенія, онъ не производитъ непріятнаго впечатлѣнія.

Нѣсколько исключительный характеръ и даже несвойственный приѣмамъ деревяннаго зодчества имѣетъ потолокъ церкви Благовѣщенія въ селѣ Посадномъ ¹⁾ (рис. № 289); онъ представляетъ собою подобіе восьмигран-

¹⁾ Онежскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Построена въ XVIII столѣтіи.

Ц. Флора и Лавра въ с. Благовѣщенскомъ.

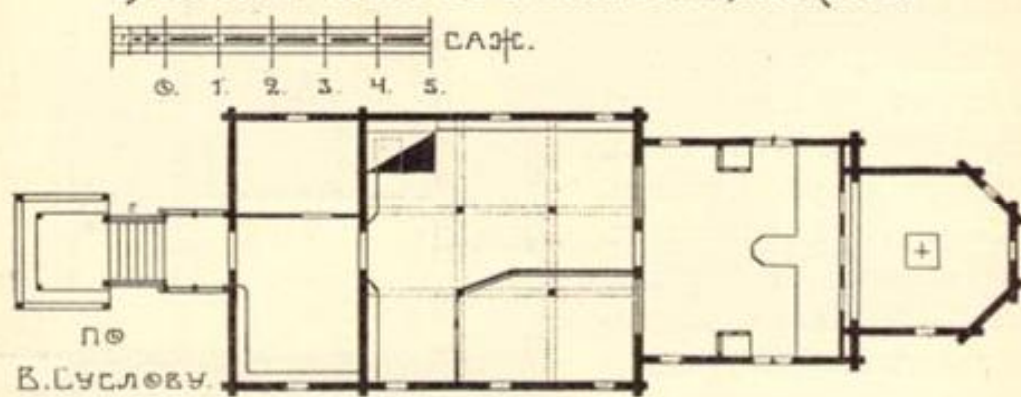

Рис. № 287.

Потолокъ съ голосниками.

Рис. № 288.

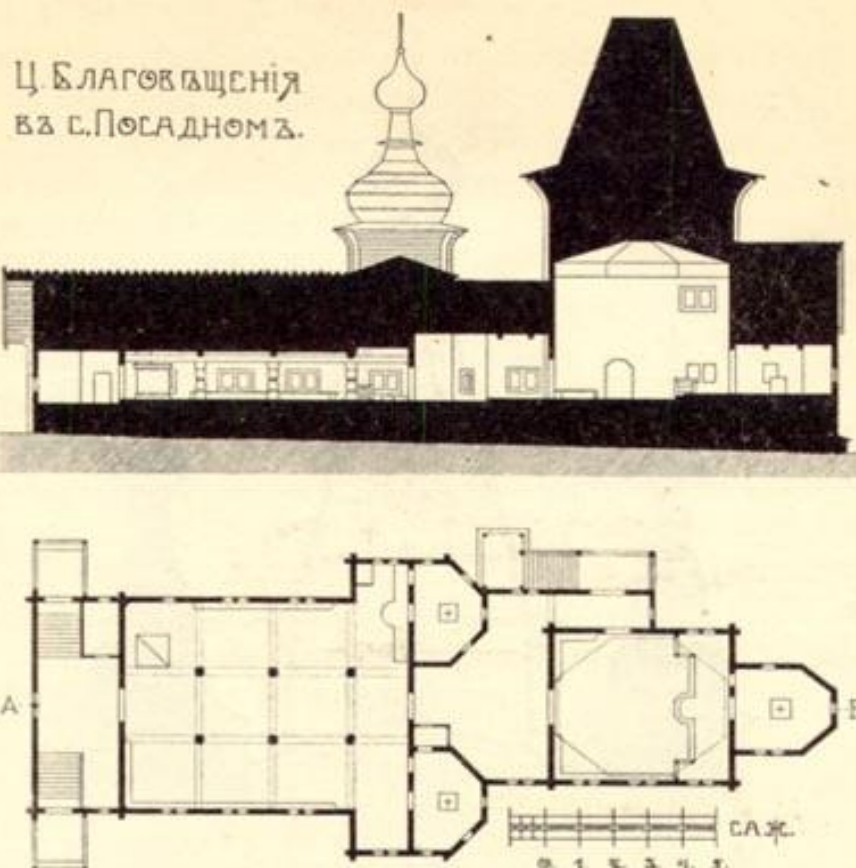

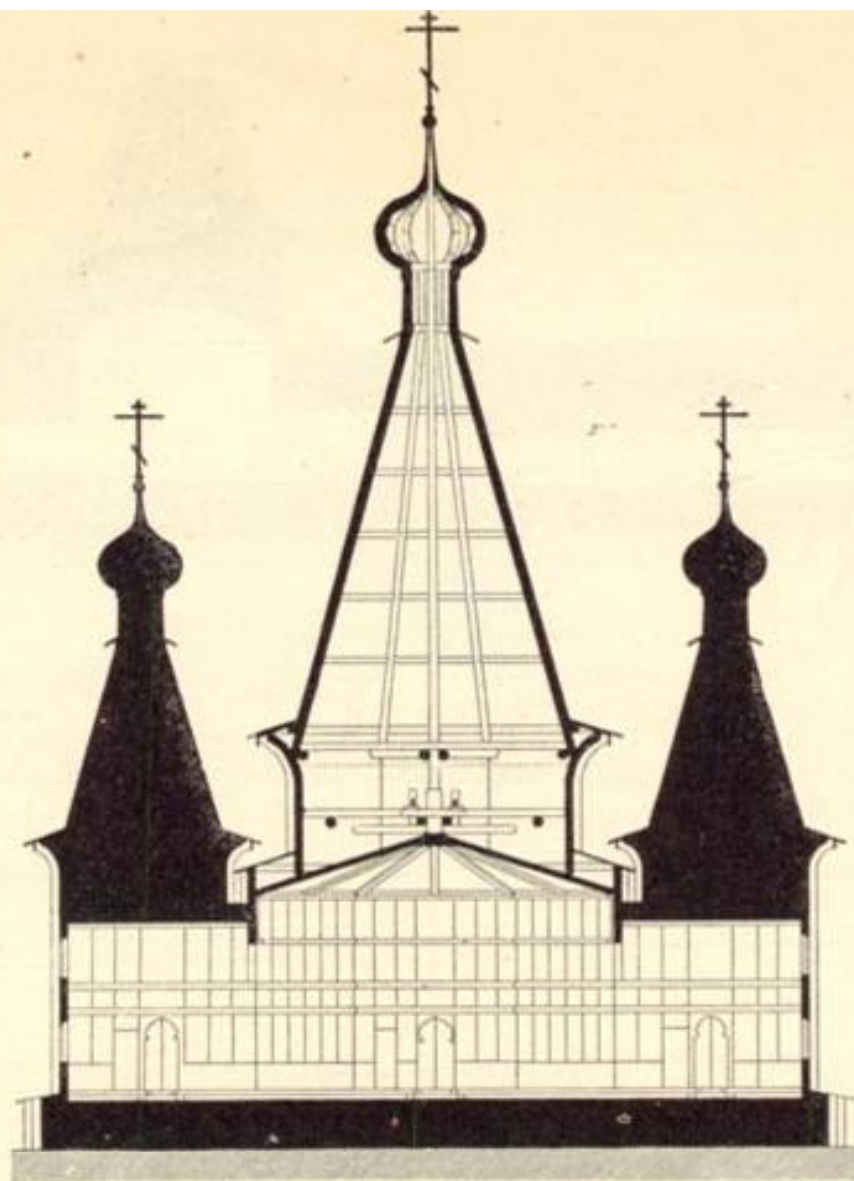
Рис. № 289.

наго свода, вытянутаго по оси церкви (смотри планъ), и является очевиднымъ подражаніемъ восьмиграннымъ сомкнутымъ сводамъ, часто примѣнявшимся въ церквахъ каменныхъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, т. е. въ эпоху стиля русскаго Барокко.

Говоря о потолкахъ шатровыхъ церквей, нельзя не сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ „голосникахъ“, хотя въ деревянныхъ церквахъ, въ противоположность каменнымъ, они устраивались значительно рѣже. Какъ видно изъ рисунка № 288, „голосники“ представляли собою круглыя отверстія, прорѣзанныя въ доскахъ потолка и прикрытыя сверху большими глиняными горшками. Слово „голосники“ не является древнимъ названіемъ этого приспособленія; оно сложилось въ серединѣ прошлаго вѣка, когда изслѣдователи древне-русскаго зодчества обратили на нихъ вниманіе и приняли за резонаторы, т. е. за усилители звуковъ, тогда какъ въ настоящее время многіе склонны приписывать голосникамъ діаметрально противоположное назначеніе, т. е. считаютъ ихъ „глушителями“, которые, поглощая звуковыя волны, мѣшаютъ имъ смѣшиваться и давать тотъ характерный гулъ, который производитъ очень непріятное впечатлѣніе, мѣшая ясности чтенія и пѣнія.

Переходя къ разсмотрѣнію приемовъ устройства шатровъ, замѣтимъ, что основу ихъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ составляла не система стропиль; ихъ дѣлали рубленными, т. е. грани шатра представляли собою какъ бы продолженіе стѣнъ восьмерика, но каждый послѣдующій вѣнецъ рубки былъ нѣсколько меньше предыдущаго, вслѣдствіе чего вся совокуп-

Рис. № 290.
Церковь
въ посадѣ
Нѣноксѣ.

По В. Суслову.

сажени —
0 1 2 3 4 5

КОНСТРУК-
ЦІЯ ШАТРА.

М.К.

Рис. № 291.

ность вѣнцовъ шатра получала пирамидальную форму. Благодаря этому простому приему мастера освобождались отъ необходимости придумывать систему стропиль, что при значительной высотѣ шатровъ, доходящей въ нѣкоторыхъ церквахъ до 10-ти сажень, представляло бы очень серьезную конструктивную задачу; однако, главную роль здѣсь играла, повидимому, не боязнь не справиться съ такой задачей, о чемъ мы можемъ судить по шатру церкви Св. Троицы въ посадѣ Неноксѣ (рис. № 290), гдѣ строители мастерски использовали свое прекрасное знаніе конструктивныхъ приемовъ, создавъ сложную и вполне рациональную систему стропиль. Повторяемъ поэтому, что, очевидно, не боязнь сложности конструкцій обуславливала обычай дѣлать шатры вѣнчатыми, а желаніе сдѣлать ихъ болѣе долговѣчными и хорошо сопротивляющимися могучему напору нашихъ сѣверныхъ вѣтровъ; въ особенности въ послѣднемъ отношеніи вѣнчатые шатры имѣли большое преимущество передъ стропильчатой основой. Правда, на вѣнчатые шатры шло гораздо больше матеріала, но на это въ то время, при неисчерпаемомъ богатствѣ лѣсовъ, можно было со спокойной совѣстью не обращать вниманія.

Вслѣдствіе большой высоты шатровъ, приходилось, точно такъ же, какъ при высокихъ „клинчатыхъ“ крышахъ клѣтскихъ церквей, устраивать у основанія шатра широкія „полицы“, которыя служили для отвода дождевой воды на возможно большее разстояніе отъ нижнихъ вѣнцовъ церковнаго сруба („церковной стопы“) (рис. № 284). Опорою для досокъ полицы служилъ карнизъ восьмерика („поваль“), который дѣлался также рубленнымъ и подчасъ очень большого относа—до трехъ съ половиной аршинъ. Повалы рубились такъ же, какъ и стѣны восьмерика, т. е. въ большинствѣ случаевъ съ остаткомъ, тогда какъ шатры, для большаго удобства обшивки ихъ тесомъ или лемехомъ, рубились всегда въ лапу. Выгнутая поверхность поваловъ обшивалась иногда тесомъ съ раскрашенными орнаментами и надписями, а верхній вѣнецъ поваловъ, приходившійся подъ самыми тесинами полицы, закрывался рѣзными досками „карнистой“. (Рис. № 291).

Шейки луковицъ дѣлались не рубленными; онѣ со-

[Рис. № 292.

Церковь села Панилова. Фот. Д. Милѣва.

Рис. № 293.
Часовня Средне-Погостского прихода.
Рис. Д. Савицкаго.

можетъ служить верхъ шатра часовни Среднепогостского прихода ³⁾, построенной въ XVII вѣкѣ (рис. № 293). Что же касается самыхъ шатровъ, то грани ихъ крылись или лемехомъ, какъ въ паниловской церкви, или тесинами, видимые концы которыхъ также украшались порѣзками различнаго рисунка, какъ, напримѣръ, у древней церкви города Повѣнца, построенной тоже въ XVII вѣкѣ (рис. № 294); послѣдняго типа покрытие было очень красиво, когда, вслѣдствіе значительной высоты шатра, приходилось класть нѣсколько рядовъ тесинъ, отчего шатеръ получался охваченнымъ рядами орнаментальныхъ колецъ. Такое покрытие сохранилось еще на удивительно стройномъ шатрѣ древней церкви въ Челмужахъ (рис. № 295). Въ свою очередь концы тесинъ полицъ у основанія шатровъ украшались порѣзками, что придавало имъ удивительно живописный видъ, какимъ особенно отличается шатеръ Георгіевской часовни (рис. № 293). Чтобы закончить съ конструктивными приѣмами устройства шатровъ, скажемъ еще нѣсколько словъ о „рѣжахъ“, т. е. своего рода лѣстницахъ, которыя устраивались внутри шатровъ и по которымъ можно было проникнуть даже въ полость шейки главы. Рѣжи дѣлались изъ тонкихъ жердей (кругляковъ) и шли или параллельно одной изъ граней шатра, т. е. наклонно (рис. № 284), или же

стояли изъ нижней и верхней обвязокъ, соединенныхъ другъ съ другомъ стойками (рис. № 283). Иногда въ нижней обвязкѣ устраивалась крестовина, которая служила опорой для штанги; вокругъ верха послѣдней сходились верхніе концы кружалъ луковичной главки, а нижніе ихъ концы врубались въ верхнюю обвязку шейки (рис. № 284) ¹⁾.

Луковичныя главки шатровъ и ихъ шейки, подобно маковкамъ клѣтскихъ церквей, всегда покрывались „чешуйчатымъ обиваніемъ“, т. е. крылись лемехомъ, какъ это видно на фотографіи церкви Николая Чудотворца въ селѣ Паниловѣ ²⁾, снятой до ея реставраціи (рис. № 292). Иногда основанія шеекъ и главокъ снабжались полицами, въ видѣ воротниковъ, которыя дѣлались изъ тесинъ съ вырѣзными концами; образцомъ такой отдѣлки

¹⁾ Самыя главки у болѣе древнихъ церквей дѣлались не изъ кружалъ, а изъ горизонтальныхъ вѣнцовъ бревенъ.

²⁾ Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Построена въ 1600 году.

³⁾ Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

отвѣсно, дѣля въ такомъ случаѣ внутренность шатра на двѣ равныя части, и при томъ въ два ряда, какъ на примѣръ, въ церкви посада Уны (рис. № 283). Въ послѣднемъ примѣрѣ рѣжи сдѣланы изъ толстыхъ бревенъ, которыя расположены одно надъ другимъ на разстояніи около двухъ аршинъ, слѣдовательно непосредственно пользоваться ими, какъ лѣстницей, нельзя, но во всякомъ случаѣ они значительно облегчали при ремонтахъ доступъ къ самому верху храма.

Переходя къ обзору внѣшней архитектуры шатровыхъ церквей, замѣтимъ, что первая изъ нихъ, по общему приему композиціи ихъ массъ, врядъ ли могли сильно отличаться отъ церквей клѣтскихъ. Рѣзкаго скачка въ этомъ отношеніи быть не могло; говоря иначе, не могли сразу появиться высокіе восьмерики, начинающіеся отъ самой земли, равно какъ не могли появиться сразу и высокія шатровыя крыши. Надо полагать, что первоначально низкій восьмерикъ робко поднялся надъ двухскатной крышей клѣтской церкви, при чемъ шатеръ его также не имѣлъ большой высоты и походилъ скорѣе на „колпакъ“, нежели на шатеръ. Подобнаго вида часовни и небольшія церкви, вродѣ изображенной на рисункѣ № 281, еще и сейчасъ встрѣчаются на нашемъ сѣверѣ, и въ общемъ ихъ обликъ очень много, если можно такъ выразиться, „клѣтскаго“. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только съ указанной церкви снять восьмерикъ съ покрывающимъ его шатромъ и замѣнить ихъ двухскатной крышей, какъ она сейчасъ же пре-

Рис. № 294.

Церковь въ гор. Повѣнцѣ. Фот. О. Каликина.

Рис. № 295.
Церковь въ Челмужахъ. Фот. И. Билибина.

вратится въ типичную клѣтскую церковь ¹⁾. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе исчезновенія первыхъ шатровыхъ храмовъ, мы не имѣемъ возможности прослѣдить на примѣрахъ послѣдовательное ихъ развитіе потому, что, какъ мы уже упомянули выше, древнѣйшими изъ дошедшихъ до насъ шатровыхъ церквей являются тѣ изъ нихъ, восьмирики которыхъ начинаются съ самаго низа, а всѣ образцы промежуточныхъ стадій эволюціи между первыми и квадратными въ планѣ исчезли безъ слѣда.

Что же касается восьмириковыхъ снизу храмовъ, то уцѣлѣвшіе ихъ памятники говорятъ о формахъ окончательно сложившихся, выработанныхъ на протяженіи не одного столѣтія. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно

¹⁾ Сооруженіе изображенной на рисункѣ 281 церкви, конечно, нельзя отнести ко времени появленія первыхъ шатровыхъ церквей; она, повидимому, была построена въ началѣ XVIII вѣка, т. е. въ эпоху упадка шатроваго стиля. Тѣмъ не менѣе весьма вѣроятно, что по общимъ формамъ она очень похожа на первоначальныя шатровыя церкви, такъ какъ возвратъ въ эпоху упадка къ формамъ первичнымъ представляетъ собою явленіе, не разъ отмѣченное на страницахъ исторіи архитектуры.

Рис. № 296.
Георгиевская церковь
въ Верхней Тоймѣ.

Николаевская ц.
въ селѣ
Паниловѣ.

По Д.В. Милеву.

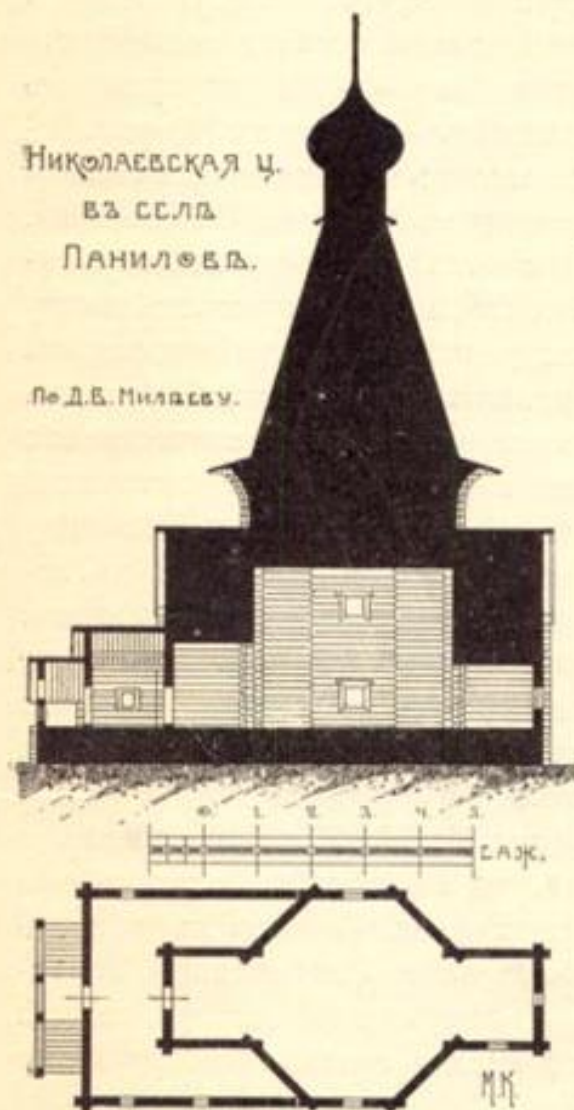

Рис. № 297.

Рис. № 298.
Церковь села Панилова.
По Д. Милеву.

одного взгляда на любую из этих гигантских церквей, изумительно прекрасных в их величественной простоте и составляющих одно органически целое с окружающей их суровой природой. Уже сама эта связь указывает на то, что церкви эти не являются плодом минутной фантазии или вдохновения одного человека, но что архитектура их есть следствие вековой опытности, накапливавшейся под влиянием одних и тех же факторов, а именно климатических условий и вполне определенных представлений о красоте; последние же, не допуская ничего лишнего, признавали красивым лишь то, что было безусловно необходимо, а не придумано досужей фантазией зодчего. Конечно, это не касалось деталей: придать ту или иную художественную форму какой либо логически необходимой части не только не считалось предосудительным, но даже всегда желательным; но зато ни у одного из этих храмов не найти такой самостоятельной части, которая существовала бы ради одной лишь декорации и не оправдывалась бы необходимостью.

Для легкости усвоения существовавших типов шатровых церквей мы будем в дальнейшем группировать их не в зависимости от хронологических данных, а в последовательности постепенного увеличения сложности композиции их главных масс, насколько это только вообще возможно.

Наиболее простой по массам является Георгиевская церковь в Верхней Тойме (рис. № 267 и 296). Главная ее часть—это мощная, восьмигранная от низа до верха башня, покрытая высоким шатром, заканчивающимся маковицей и окаймленным внизу широкой полицей. Маковица, ее шея и большая часть шатра покрыты лемехом; только нижняя часть шатра покрыта тесом, образующим широкий пояс, который придает шатру особую легкость, несмотря на его грандиозные размеры. Стены восьмерика прорезаны кое-где небольшими окнами с мелкими переплетами и широкими наличниками, составляющими единственное украшение величественно спокойной глади бревенчатых стен. Также спокойны стены восточного и западного прирубов, высота которых немного превышает половину высоты восьмерика; в западном прирубѣ нѣтъ ни одного окна, а в восточном, т. е. в алтарѣ, они прорублены в южной и восточной стенах. Крыши прирубов имѣют бочечную форму и покрыты онѣ лемехом, тогда как высокое крыльцо, заканчивающее церковь с запада, покрыто тесом, так как верхний его рундук имѣет двухскатную крышу, а марш и нижний рундук—односкатныя крыши.

Хотя пропорции церкви в селѣ Паниловѣ (рис. № 292, 297 и 298) несколько иные, нежели у церкви в Верхней Тоймѣ, но в общих чертах она скомпанована совершенно так же, как и последняя. Разница в общих массах обуславливается лишь низким срубом длинной трапезной, совершенно охватывающим западный прируб и покрытым тесом на два ската, да крыльцом, которое также крыто на два ската, так как оно однорундучное с двумя маршами ¹⁾).

¹⁾ Крыша трапезной имѣет слишком пологіе скаты; сдѣлать же их с большим подъемом было невозможно потому, что в таком случаѣ онѣ перерѣзали бы кровлю западной.

На только что рассмотрѣнные памятники очень были похожи, по композиціи основныхъ массъ, церковь Успенія Божіей Матери на Нижне-Уфтыгскомъ погостѣ (рис. № 268, 277, 286) и церковь Владимірской Божіей Матери на Бѣлослудскомъ погостѣ (рис. № 269, 278, 279, 284 и 299), которыя, къ сожалѣнію, теперь уже не существуютъ: онѣ были разобраны въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія. Ихъ главныя массы, имѣвшія форму восьмигранныхъ башенъ съ прямоугольными прирубами съ востока и запада, стояли на подклѣтахъ и высоко поднимались надъ нищевниками, основанными на столбахъ; все различіе массъ заключалось только въ слѣдующемъ: у ниже-уфтыгской церкви нищевникъ былъ одноэтажный, огибалъ церковь несимметрично (смотри планъ) и крыльцо примыкало къ нему съ западной стороны, тогда какъ у бѣлослудской церкви надъ серединой западной части нищевника высился второй ярусъ, въ которомъ находилась паперть придѣла (смотри планъ), самъ нищевникъ симметрично охватывалъ рубленную часть храма и, наконецъ, крыльцо было устроено не съ западной стороны, а съ южной. Въ деталяхъ разсматриваемыхъ памятниковъ, конечно, была разница, но подробно на нихъ мы не будемъ останавливаться; укажемъ только на главнѣйшія, а именно: бочечныя крыши прирубовъ ниже-уфтыгской церкви имѣли ломаную форму, близкую къ двухскатнымъ кровлямъ съ переломами, тогда какъ у бѣлослудской церкви онѣ имѣли округлыя формы; затѣмъ, надъ нижнимъ рундукомъ крыльца первой была помѣщена бочка, а у крыльца второй церкви его маршъ и нижній рундукъ были покрыты одной общей односкатной крышей; наконецъ, надъ обѣими бочками бѣлослудской церкви высились прекраснаго рисунка

Рис. № 299.
Церковь на Бѣлослудскомъ погостѣ.
Фот. И. Билибина.

бочки. Это обстоятельство, а также и то, что почти весь западный прирубъ закрытъ трапезной, указываютъ, быть можетъ, на то, что послѣдняя вмѣстѣ съ ея крыльцомъ пристроены впоследствии, а первоначально крыльцо примыкало непосредственно къ западному прирубу, какъ у церкви въ Верхней Тоймѣ; если это въ дѣйствительности было такъ, то оба рассмотрѣнные памятника были первоначально построены совершенно по одному приему.

маковки, увѣнчанныя крестами и сплошь покрытыя лемехомъ (рис. № 278 и 279) ¹⁾.

Хотя всѣ четыре разсмотрѣнныя сейчасъ церкви принадлежатъ, по группировкѣ ихъ массъ, къ одному типу, но все же послѣдняя изъ нихъ значительно богаче первой по числу своихъ отдѣльныхъ массъ. Еще болѣе сложной въ этомъ отношеніи является церковь Спаса въ Кокшенгѣ, у которой, вслѣдствіе крестовой формы плана, появляются двѣ лишнія, по сравненію съ предыдущими памятниками, части, а именно сѣверный и южный прирубы, имѣющіе такую же высоту, какъ восточный и западный (рис. № 271 и 282). Такимъ образомъ, главная масса разсматриваемаго храма имѣетъ симметричный видъ, вполне отвѣчая формѣ плана; эта симметрія особенно подчеркнута главками, которыя увѣнчаны крестами и помѣщены надъ каждымъ изъ четырехъ прирубовъ, а также тѣми кокошниками на ребрахъ восьмерика, о которыхъ мы говорили выше (смотри страницу 220) ²⁾.

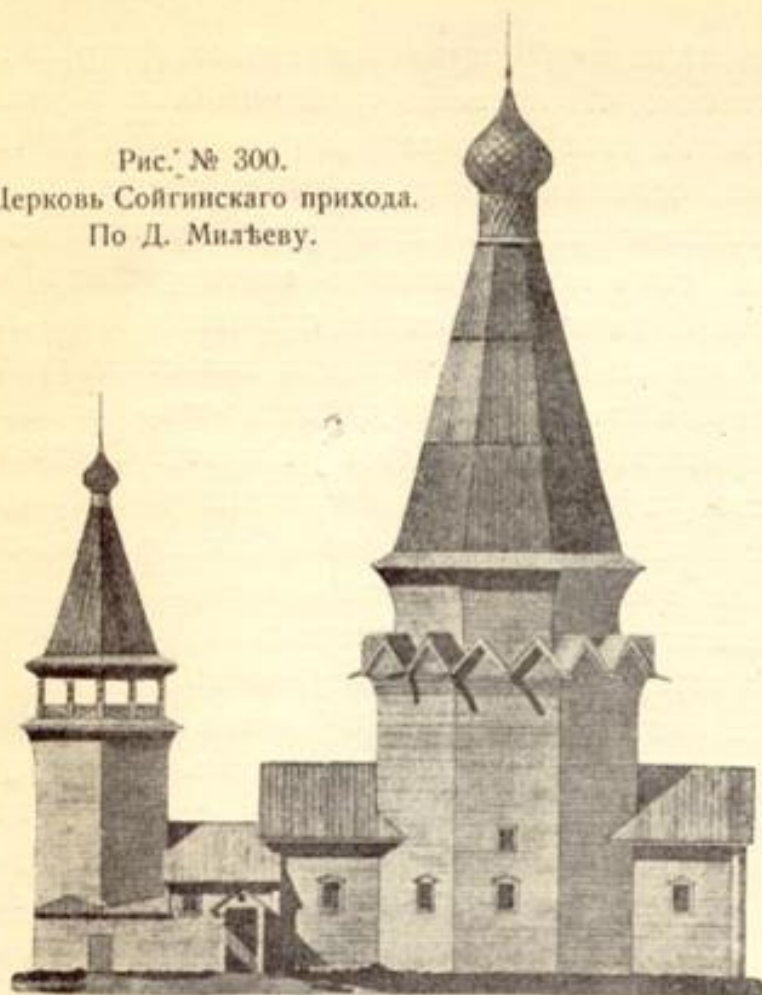
По свидѣтельству профессора В. В. Суслова, которое основано на показаніяхъ мѣстныхъ крестьянъ, первоначальная трапеза Спасской церкви имѣла значительно иной видъ, нежели въ моментъ снятія нашихъ фотографій; рубленнымъ у нея былъ только подклѣтъ, а выше него стѣны состояли изъ стоекъ и обвязокъ, пространства между которыми были забраны тесомъ въ косякъ (рис. № 282). На мѣстѣ же тяжелаго, также рубленнаго въ лапу тамбура (рис. № 302), стояло изящное двухмаршевое крыльцо, верх-

¹⁾ Въ послѣднее время существованія бѣлослудской церкви главки этихъ маковокъ, равно какъ и главка шатра, были покрыты металломъ, но шейки сохранили до конца свое чешуйчатое обиваніе. На реставраціи западнаго фасада бѣлослудской церкви (рис. № 278) и на разрѣзѣ ея (рис. № 284) допущена нѣкоторая неточность, а именно: карнизъ восьмерика (поваль) изображенъ, имѣющимъ плавный выгибъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ представлялъ собою плоскости, пересѣкавшіяся подъ тупымъ угломъ съ гранями восьмерика, какъ это ясно видно на фотографіи (рис. № 299).

Къ такой же категоріи церквей относится Николаевская церковь Сойгинскаго прихода (Олонецкой губерніи), построенная въ 1696 году (рис. № 300 и 301). Тѣмъ не менѣе она стоитъ особнякомъ отъ нихъ и ея главной отличительной чертой является то, что ея башня состоитъ изъ двухъ восьмериковъ; нижній изъ нихъ заканчивается поваломъ, крытымъ не полницей, а кольцомъ фронтониковъ, расположенныхъ попарно надъ каждой гранью восьмерика. Второй восьмерикъ нѣсколько уже и значительно ниже перваго; онъ какъ бы вырастаетъ изъ кольца фронтониковъ, врѣзающихся въ его грани. Другой отличительной чертой разсматриваемой церкви является ея колокольня, находящаяся съ ней въ тѣсной связи, что представляется явленіемъ исключительнымъ, такъ какъ обычно колокольни шатровыхъ храмовъ ставились отдѣльно, на нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи. Кромѣ того, и сама колокольня имѣетъ исключительный характеръ: ея верхняя часть представляетъ собою не восьмерикъ, а шестерикъ съ такой же формы „звономъ“ и шатромъ. Эта форма колокольни, ея тѣсная связь съ церковью, а также случайный характеръ размѣщенія крыльца, находящагося съ южной стороны между колокольней и церковью, указываютъ, быть можетъ, на то, что вся западная часть сойгинской церкви не одновременна съ восточной, передъ которой первоначально было только крыльцо, примыкавшее непосредственно къ западному прирубу (А).

²⁾ Кокошники эти, именуемые мѣстнымъ нарѣчіемъ „херувимчиками“, изображены на реставраціи западнаго фасада (рис. № 282) не на всѣхъ ребрахъ восьмерика; на самомъ же дѣлѣ ихъ было восемь, какъ это видно по слѣдамъ ихъ на прилагаемыхъ фотографіяхъ храма, снятыхъ до обшивки его тесомъ, которымъ онъ теперь обезобразенъ до неузнаваемости. (Рис. №№ 303 — 305).

Рис. № 300.
Церковь Сойгинского прихода.
По Д. Милёву.

Никольская и Сойгин-
ского прихода

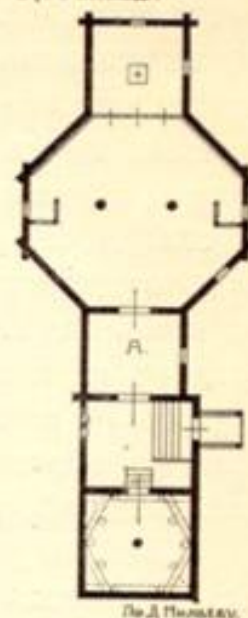

Рис. 301.

Рис. № 302.
Церковь
Спаса на Кокшенгѣ.

Фот. И. Билибина.

ній рундукъ котораго былъ основанъ на срубѣ, придававшемъ всему крыльцу видъ солидной прочности. Естественно, что прежняя трапезная была гораздо менѣ теплой, нежели существующая теперь, но зато при ней храмъ очень выигрывалъ въ художественномъ отношеніи, такъ какъ по сравненію съ внушительными бревенчатыми массами главной части храма, досчатая трапезная казалась особенно легкой, чѣмъ подчеркивалось ея второстепенное значеніе, но въ свою очередь она была внушительнѣе открытаго крыльца; такимъ образомъ, строителемъ была намѣренно соблюдена извѣстная гамма въ солидности разныхъ по значенію частей храма, въ цѣломъ очень грандіознаго, но удивительно пропорціональнаго и живописнаго по силуэту. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что для реставраціи трапезной и крыльца профессоръ Сусловъ не нашелъ на мѣстѣ никакихъ данныхъ, кромѣ общихъ размѣровъ и указаній мѣстныхъ жителей, и поэтому онъ воспользовался для этой цѣли формами трапезной и крыльца церкви Свв. Константина и Елены въ селѣ Заборѣ, къ разсмотрѣнію которой мы теперь перейдемъ.

Какъ мы уже говорили выше (смотри страницу 212), планъ этой церкви весьма близокъ къ планамъ крещатымъ съ восьмиугольникомъ въ центрѣ (рис. № 263); поэтому естественно, что и внѣшнія массы ея должны быть въ общихъ чертахъ похожи на массы предшествующаго памятника. Дѣйствительно, если смотрѣть на церковь села Заборья съ запада, то она отличается отъ церкви въ селѣ Кокшенгѣ главнымъ образомъ своей подшатерной массой (рис. № 306), которая состоитъ изъ верхняго, невысокаго восьмерика, стоящаго на четверикѣ; такимъ образомъ, вмѣсто восьмигранной снизу до верху башни, мы видимъ здѣсь какъ бы трехъярусную башню, при чемъ ярусы ея отдѣлены другъ отъ друга крышами, опирающимися на повалы незначительнаго выноса; въ средній ярусъ упираются бочки трехъ прирубовъ; ихъ обрѣзы (днища, лбы) не составляютъ продолженія торцевыхъ стѣнъ прирубовъ, такъ какъ они немного отодвинуты назадъ, вслѣдствіе чего силуэтъ храма получается нѣсколько иной, чѣмъ у церкви въ Кокшенгѣ, несмотря на то, что надъ бочками ея высятся такъ же, какъ и у послѣдней, маковки, увѣнчанныя крестами. Итакъ, если не принимать во вниманіе разницу въ пропорціяхъ и деталяхъ, то сходство западныхъ фасадовъ этихъ двухъ церквей безспорно велико; но при сравненіи ихъ восточныхъ фасадовъ наблюдаемъ совершенно иную картину потому, что у кокшенгской церкви онъ совершенно такой же, какъ и западный, если, конечно, отбросить трапезную и крыльцо, тогда какъ восточный фасадъ церкви въ Заборѣ совсѣмъ не похожъ на ея западный фасадъ. Дѣйствительно, въ ея прямую въ планѣ восточную стѣну упираются три алтарныхъ прируба, изъ которыхъ средній (главный) выше и обширнѣ боковыхъ (придѣльныхъ). Всѣ три алтаря имѣютъ въ восточныхъ частяхъ трехгранную форму, съ которой среди памятниковъ шатровыхъ церквей мы встрѣчаемся здѣсь впервые, что вполне понятно, такъ какъ церковь въ Заборѣ первая, у которой восьмигранный срубъ главной части замѣненъ со стороны востока прямою стѣной; у церквей же съ восьмигранной средней частью такіе алтари, насколько можемъ судить по уцѣлѣвшимъ памятникамъ, были не въ обычаѣ, несмотря на то, что устройство ихъ съ конструктивной точки зрѣнія не

Рис. № 303.
Церковь
Спаса на Кокшенгѣ.

Фот. О. Каликина.

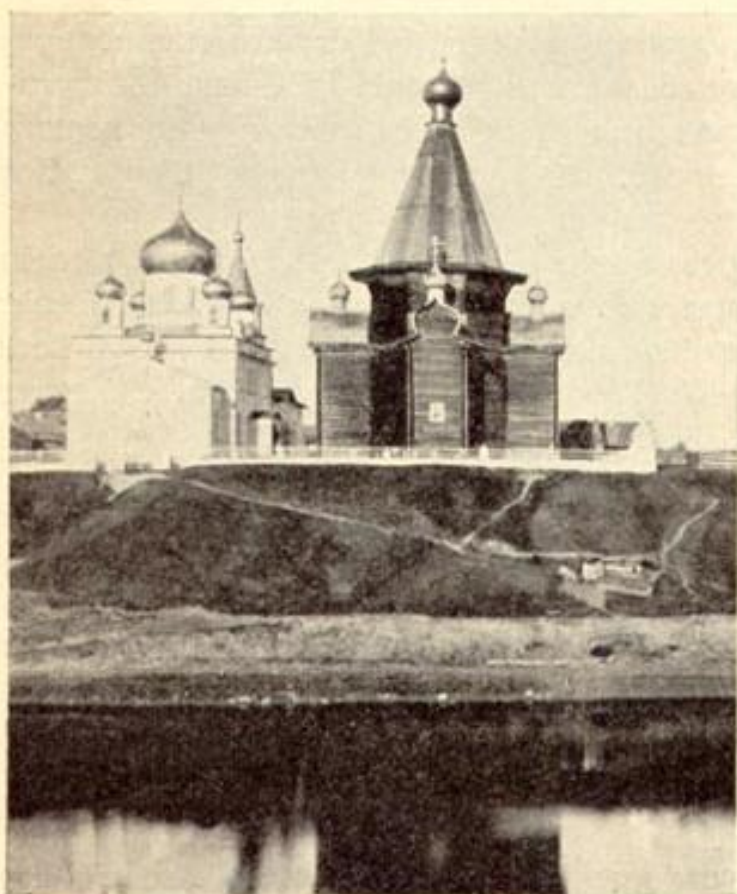

Рис. № 304.
Церковь Спаса на Кокшенгѣ.
Фот. О. Каликина.

Рис. № 305.
Церковь Спаса
на Кокшенгѣ.
Фот. О. Каликина.

представляло никаких затруднений. Но, такъ какъ строители разсматриваемой церкви, придавъ ей восточной стѣнѣ прямоугольную форму, тѣмъ самымъ приблизили ее къ такимъ церквамъ, главныя части которыхъ имѣли внизу прямоугольную въ планѣ форму, то они нашли возможнымъ сдѣлать ее алтари гранеными, какіе, какъ мы видѣли выше, были обычнымъ явленіемъ у церквей клѣтскихъ. Каждый изъ алтарей церкви въ Заборѣ крытъ самостоятельной пятискатной крышей безъ бочекъ и главокъ, вслѣдствіе чего церковь эта четырехверхая, въ противоположность церкви въ Кокшенгѣ, которая имѣетъ пять крестовъ, возвышающихся надъ маковицами.

Разсмотримъ еще одну такого же типа церковь, которая по приему ея плана совершенно аналогична съ церковью села Кокшенги, а по композиціи ея подшатерной части имѣетъ общія черты съ церковью въ Заборѣ. Это Никольская церковь въ Шевдинскомъ Городкѣ ¹⁾; по клировымъ записямъ время ея сооруженія относится къ 1625 году, когда церкви, имѣющія планъ такого типа, дѣйствительно строились довольно часто; но подшатерную массу шевдинской церкви, очевидно, нельзя отнести къ этому же времени, такъ какъ она представляетъ собой башню о двухъ восьмигранныхъ въ планѣ ярусахъ, переходной частью между которыми служить нѣчто вродѣ плоскаго граненаго купола (рис. № 307 и 308). Такого вида купола появились у насъ въ относительно большемъ числѣ въ XVIII вѣкѣ, какъ слѣдствіе вліянія стиля Барокко, занесеннаго на Русь изъ Польши и Малороссіи; ранѣе же XVIII вѣка такая архитектурная форма у насъ не примѣнялась. Однако, это обстоятельство указываетъ, вѣроятно, лишь на то, что первоначальная центральная часть шевдинской церкви, имѣвшая видъ одноярусной восьмигранной башни, была передѣлана при ремонтѣ, имѣвшемъ мѣсто въ XVIII вѣкѣ, и получила тогда свой нынѣшній видъ, несомнѣнно изящный, но далеко не такой величественный, какъ, напримѣръ, у бѣлослудской церкви.

Разсматривая церкви съ восьмериковой средней частью въ послѣдовательности развитія богатства ихъ массъ, мы не считались, за исключеніемъ послѣдняго памятника, со временемъ ихъ сооруженія; если же размѣстить эти церкви въ хронологическомъ порядкѣ, то получится слѣдующая таблица:

Церковь въ Павловѣ	1600 годъ.
„ „ Нижнемъ Уфтьюгѣ	начало XVII вѣка.
Нижняя часть Шевдинской церкви	1625 годъ.
Церковь въ Бѣлой Слудѣ	1642 „
„ „ Тоймѣ	1672 „
„ „ Кокшенгѣ	1683 „
Верхъ Шевдинской церкви	начало XVIII вѣка.
Церковь въ Заборѣ	1750 годъ.

Сопоставляя эту таблицу съ послѣдовательностью обогащенія массъ разсмотрѣнныхъ шатровыхъ церквей, мы въ правѣ сказать, что чѣмъ

¹⁾ Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

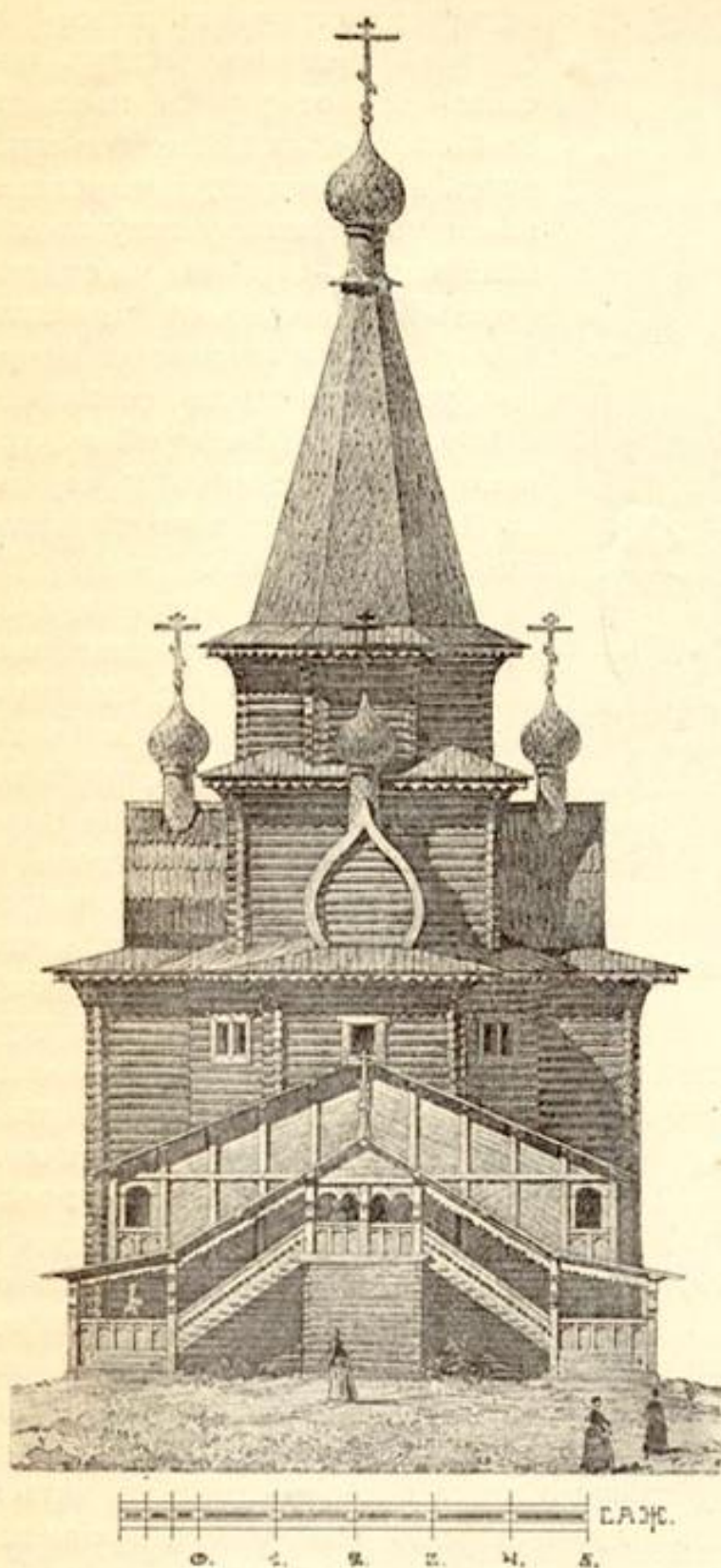

Рис. № 306.
Церковь въ Заборѣ.
По В. Сулову.

Рис. № 307.
Церковь Шевдинскаго городка.
Фот. О. Каликина.

Рис. № 308.
Церковь Шевдинскаго городка.
Фот. О. Каликина.

Рис. № 309.

Церковь въ Верхнемъ-Уфтьюгѣ. Фот. И. Билибина.

кей этой группы. Наиболѣе простой изъ нихъ является церковь Св. Троицы въ Верхнемъ Уфтьюгѣ ²⁾ (рис. № 309). По суровой простотѣ формъ и доминирующему значенію всей подшатерной массы („церковной стопы“) она очень похожа на церковь въ Верхней Тоймѣ, несмотря на то, что построена позднѣе ея, а именно, въ началѣ XVIII вѣка. Ея мощный нижній ярусъ, стоящій на высокомъ подклѣтѣ, органически связанъ съ относительно низкимъ восьмерикомъ, такъ какъ четыре стѣны послѣдняго представляютъ собою непосредственное продолженіе стѣнъ нижняго яруса, т. е. находятся съ ними въ одной плоскости; переходомъ отъ восьмерика къ очень высокому шатру служитъ широкая полица, поддерживаемая прямыми (не вогнутыми) повалами, тогда какъ у нижняго яруса поваловъ совсѣмъ нѣтъ и доски двухскатныхъ покрытій, находящихся надъ его углами, выдаются впередъ очень мало. Шейка и луковичная главка маковицы по характеру ихъ профиля сильно напоминаютъ маковицу церкви въ Бѣлой Слудѣ. Къ восточной стѣнѣ четверика примыкаетъ пятистѣнный срубъ алтаря,

древнѣе храмъ, тѣмъ проще, строже и величественнѣе его видъ, что стоитъ въ непосредственной связи съ малымъ числомъ его основныхъ массъ ¹⁾. За полтора вѣка художественный вкусъ и требованія, предъявлявшіяся къ внѣшнему виду храма, измѣнились: суровая чистота формъ и внушительная строгость общаго облика паниловской церкви уступили мѣсто сложности композиціи и нѣкоторой вычурности, наблюдаемыхъ у церкви въ Заборѣ и въ верхней части шевдинской церкви.

Наравнѣ съ храмами разсмотрѣннаго типа строились также такіа шатровыя церкви, главная часть которыхъ имѣла видъ башни о двухъ ярусахъ, при чемъ верхній ярусъ имѣлъ форму восьмигранника, крытаго шатромъ, а нижній представлялъ собою прямоугольный срубъ („клѣтъ“), что собственно и составляло отличительную черту композиціи церквей этой группы.

¹⁾ Исключеніе составляютъ только церкви въ Шевдинскомъ Городкѣ (ея низъ) и въ селѣ Тоймѣ, нарушающія полное совпаденіе хронологическихъ данныхъ съ количествомъ основныхъ массъ храмовъ.

²⁾ Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

Рис. № 310.
Георгиевская
церковь въ Почѣ.

Фот. О. Каликина.

Рис. № 310 а.
Крыльцо церкви въ Почѣ. Фот. И. Билибина.

крытый на пять скатовъ, надъ которыми помѣщена небольшая бочка съ изящной маковкой.

Средняя часть нищевника, противъ котораго находится одномаршевое, о двухъ рундукахъ крыльцо, стоитъ на рубленномъ подклѣтѣ, а боковыя его части висятъ въ воздухѣ, опираясь только на выпускные концы бревень подклѣта средней части нищевника и подклѣта самаго храма—пріемъ очень удачный съ художественной точки зрѣнія. За исключеніемъ рѣзныхъ причелинъ крыши нищевника, у церкви нѣтъ никакихъ украшеній и вся ея прелесть заключается только въ красотѣ и величавости пропорцій.

Къ такой же категоріи храмовъ относится и церковь Св. Георгія въ Почѣ ¹⁾ (рис. № 310); однако, если главная ея часть имѣетъ такой же башневидный обликъ, какъ у церкви въ Верхнемъ Уфтюгѣ, то въ характерѣ отдѣльныхъ массъ этихъ двухъ памятниковъ наблюдается нѣкоторая разница. Отмѣтимъ слѣдующія наиболѣе существенныя черты отличія Георгіевской церкви: во-первыхъ, четверикъ ея главной части трактованъ не какъ нижній ярусъ башни, а какъ самостоятельная часть, вслѣдствіе чего онъ имѣетъ свой значительнаго выноса карнизъ (повалъ) и крытъ четырехскатной крышей, въ которую врѣзается восьмерикъ, болѣе высокій, чѣмъ у церкви въ Верхнемъ Уфтюгѣ. Во-вторыхъ, стѣны восьмерика не представляютъ продолженія стѣнъ нижняго яруса, вслѣдствіе чего нѣтъ той органической связи между двумя этими

Рис. № 311.
Церковь Климента на Кожскомъ погостѣ.
Фот. В. Суслова.

массами, какая наблюдается въ предыдущемъ примѣрѣ: восьмерикъ здѣсь просто поставленъ на четверикъ и поэтому не образуетъ съ нимъ одного цѣлаго. По этой же причинѣ, несмотря на большую высоту шатра, верхъ храма не кажется такимъ внушительнымъ, какъ у верхне-уфтюгской церкви. Далѣе, алтарь разсматриваемаго памятника имѣетъ восемь стѣнъ, т. е. Георгіевскій храмъ двухпрестольный; несмотря на такую форму плана, алтарь крытъ двухскатной крышей, для чего строителямъ пришлось воспользоваться такимъ же пріемомъ, съ какимъ мы познакомились выше, разсматривая Петропавловскую церковь въ Плесѣ (смотри предыдущую главу рис. № 224). Надъ конькомъ этой крыши поставлена бочка съ небольшой луковичной главкой. Съ запада къ церкви примыкаетъ обширная

¹⁾ Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи. Построена въ 1700 году.

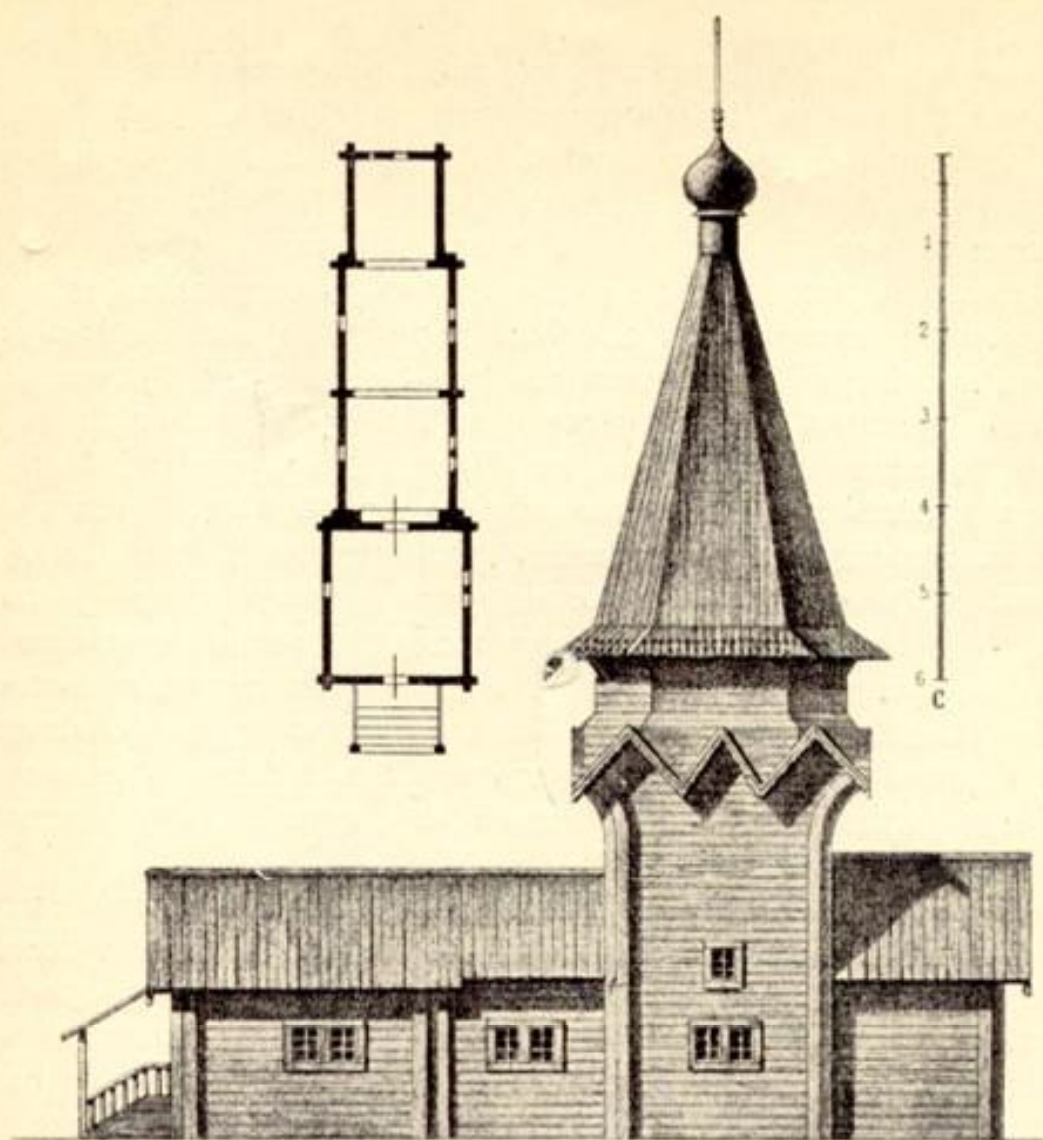

Рис. № 312.
Церковь Деревянского погоста. По Л. Даю.

трапезная, стоящая на высоком рубленном подклѣтѣ, передъ которымъ высится великолѣпное трехмаршевое крыльцо (рис. № 310а).

Подобныя церкви, т. е. такія, у которыхъ башнеобразный силуэтъ главной части не былъ затушеванъ дополнительными массами, пользовались, судя по зарегистрированнымъ памятникамъ такого архитектурнаго приѣма, большою любовью строителей и отличались другъ отъ друга, главнымъ образомъ, по манерѣ композиціи ихъ трапезныхъ, алтарныхъ прирубовъ и крылецъ, а также по деталямъ. Изъ послѣднихъ наибольшимъ распространеніемъ пользовались, повидимому, кокошники ¹⁾, воодружавшіеся надъ выступающими углами четверика и имѣвшіе исключительно декоративное значеніе: скрасить суровую простоту глухихъ бревенчатыхъ стѣнъ; такіе кокошники устроены у церкви Св. Климента на Кожскомъ погостѣ ²⁾, построенной въ 1695 году (рис. № 311) и утратившей въ настоящее время большую долю своего обаянія, вслѣдствіе обшивки ея тесомъ.

¹⁾ „Теремки“ или „Херувимчики“.

²⁾ Онежскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

Очень интересно скомпанованъ переходъ отъ четверика къ восьмиерику у Никольской церкви на Деревянскомъ погостѣ ¹⁾; здѣсь примѣненъ надъ поваломъ четверика рядъ фронтонычиковъ, придающихъ башенной части храма удивительно живописный видъ (рис. № 312). Кромѣ этой детали разсматриваемая церковь интересна также въ томъ отношеніи, что, въ противоположность всѣмъ ранѣе разсмотрѣннымъ шатровымъ церквамъ, ея восьмиерикъ шире четверика, т. е. стѣны перваго не составляютъ продолженія стѣнъ послѣдняго, но слегка свисаютъ надъ ними, будучи основаны на верхнихъ бревнахъ повала четверика. Приѣмъ этотъ яснѣе виденъ на восьмиерикѣ Варлаамовской церкви на Рыборѣцкомъ погостѣ ²⁾, построенной на десять лѣтъ позднѣе Никольской (рис. № 313). Переходъ отъ ея четверика къ восьмиерику не украшенъ фронтонычиками, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ, поэтому выступающіе углы четверика прикрыты здѣсь двухскатными крышками; фронтонычики же, превращенные совершенно въ декоративный мотивъ, подняты у этой церкви подъ самый повалъ ея восьмиерика. Примѣненіе фронтонычиковъ было, повидимому, въ большемъ ходу у нашихъ плотниковъ, при чемъ они дѣлали ихъ иногда въ нѣсколько рядовъ, о чемъ можно судить по одной изъ церквей, изображенныхъ на планѣ Тихвинскаго монастыря (рис. № 314) ³⁾.

У пяти послѣднихъ разсмотрѣнныхъ церквей низъ главной ихъ части (низъ „церковной стопы“) имѣетъ форму четверика; у церкви же Николы Великорѣцкаго въ селѣ Подмонастырскомъ ⁴⁾ основная масса храма осложнена западнымъ прирубомъ, высота котораго почти такая же, какъ у четверика, вслѣдствіе чего прирубъ этотъ значительно возвышается надъ крышей трапезной и составляетъ одно цѣлое съ четверикомъ, вполне отвѣчая такимъ образомъ, плану храма (рис. №№ 264 и 317). Верхъ разсматриваемаго памятника типиченъ для церковной архитектуры начала XVIII вѣка: онъ состоитъ изъ шатра и двухъ поставленныхъ одинъ на другой восьмиериковъ, соединенныхъ между собой подобіемъ граненаго купола, крытаго лемехомъ; такой же куполъ служитъ переходомъ и отъ восьмиерика къ четверику. Шатеръ этой церкви уже потерялъ свое доминирующее значеніе, что наравнѣ съ двухъяруснымъ восьмиерикомъ, куполообразными перехо-

¹⁾ Олонецкой губерніи. Построена въ 1683 году.

²⁾ Олонецкой губерніи.

³⁾ Къ такой же категоріи церквей относится Успенская церковь Кондопожскаго прихода (Олонецкой губерніи), построенная въ 1774 году. Кромѣ кольца фронтонычиковъ она интересна, во-первыхъ, композиціей крылецъ, расположенныхъ вдоль сѣверной и южной стѣнъ трапезной, при чемъ нижніе рундуки ихъ обращены на востокъ, а не на западъ (рис. №№ 315 и 316). Во-вторыхъ, у разсматриваемаго памятника обращаетъ на себя вниманіе его главная (башнеобразная) часть, постепенно уширяющаяся къ ея верху; достигнуто это тѣмъ, что между четверикомъ и первымъ восьмиерикомъ, а также между обоими восьмиериками введены повалы, верхніе края которыхъ переходятъ въ отвѣсную рубку стѣнъ вышележащей части (смотри фасадъ и разрѣзъ). Такое примѣненіе поваловъ, служившихъ первоначально исключительно для поддержанія полицъ, не можетъ быть названо удачнымъ, равно какъ неудачна и конечная цѣль зодчаго, желавшаго уширить верхъ высокой башни; отъ этого уширенія она получила неустойчивый видъ и характеръ неуравновѣшенности массъ.

⁴⁾ Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи. Построена въ началѣ XVIII вѣка.

Рис. № 313.
Церковь
Рыборъцкаго погоста.
По Л. Далу.

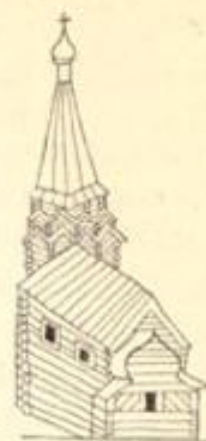
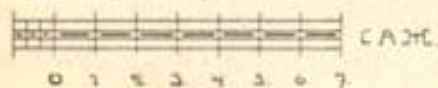

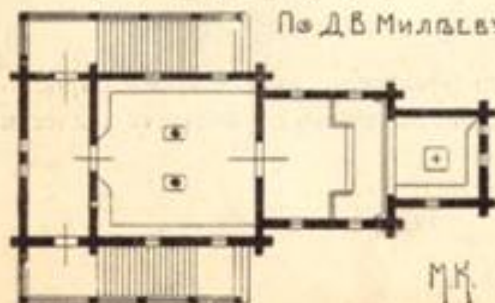
Рис. № 314.
По плану
Тихвинскаго м.

Успенская церковь
вз Кондопогы.

Продольный раз-
рѣзъ.

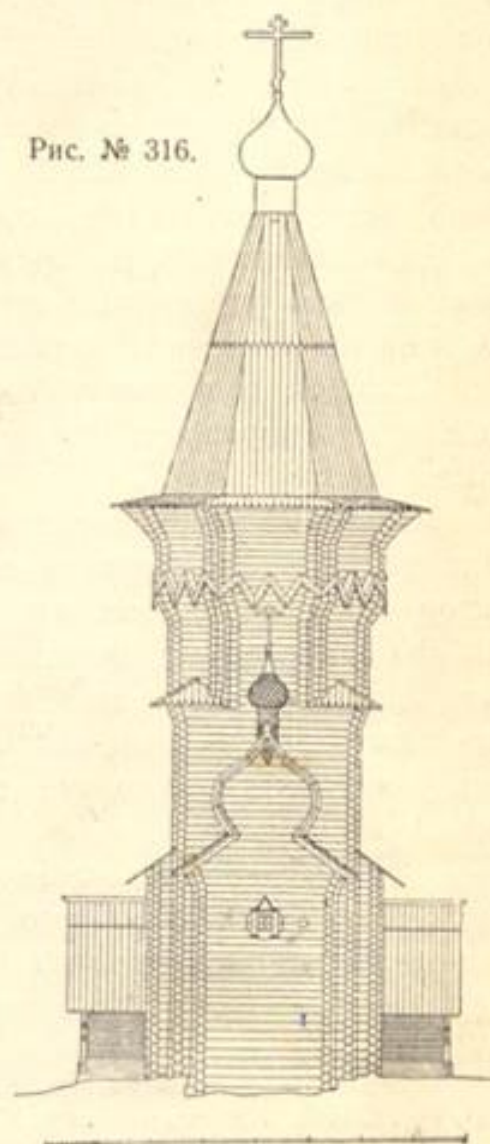
По Д. В. Милеву.

М. К.

Рис. № 315.

Рис. № 316.

Кондопожская церковь.
По Д. Милеву.

дами и окнами въ нижнемъ восьмерикѣ говорить о явномъ упадкѣ шатрового стиля. Тѣмъ не менѣе мы не могли обойти молчаніемъ этотъ памятникъ церковнаго зодчества, такъ какъ, благодаря упомянутому прирубу къ его четверику, онъ является соединительнымъ звеномъ между предыдущей группой храмовъ и той, отличительную черту которой составляютъ два прируба, примыкающіе съ востока и запада къ основной башнѣ храма ¹⁾. Характернымъ образцомъ послѣдняго типа храмовъ можетъ служить церковь Св. Троицы въ Шеговарской волости ²⁾, построенная въ 1666 году (рис. № 318). Прирубы къ ея главной части, изъ которыхъ западный служитъ дополненіемъ помѣщенія для молящихся, а восточный—алтаремъ, имѣютъ въ планѣ прямоугольную форму; высота этихъ прирубовъ одинакова съ высотой четверика башни, такъ что покрывающія ихъ бочки упираются въ западную и восточную грань восьмерика, тогда какъ ни у одной изъ церквей предыдущей группы алтарный прирубъ не достигалъ такой высоты и покрытие его не выходило изъ предѣловъ восточной стѣны четверика. Такимъ образомъ, если съ восточной и западной сторонъ шеговарская церковь, подобно памятникамъ предыдущей группы, имѣетъ видъ башни, то съ остальныхъ сторонъ она значительно отъ нихъ отличается, приближаясь по группировкѣ массъ къ бѣлослудской церкви. Какъ сама церковь, такъ и охватывающая ея западный прирубъ трапезная поставлены на очень высокихъ подклѣтахъ, вслѣдствіе чего крыльцо храма получило смѣлую, но въ то же время удивительно изящную форму. Къ сожалѣнію, въ настоящее время все пространство подъ крыльцомъ зашито досками, за-подъ лицо съ перилами маршей, но прежде оно имѣло такой видъ, какъ на воспроизводимой нами реставраціи, исполненной проф. В. В. Суловымъ (рис. № 319). Конечно, не менѣе пострадалъ общій видъ храма и отъ остальной, сплошь покрывающей его досчатой обшивки, но все же и въ этой безобразной одеждѣ онъ поражаетъ своими могучими массами и прекрасными пропорціями.

Насколько намъ извѣстно, шеговарская церковь является единственнымъ памятникомъ церквей такого типа, но зато изображеніе совершенно такого же типа церкви мы находимъ на иконѣ Александра Свирскаго ³⁾ (рис. № 63), что уже, повидимому, свидѣтельствуетъ о распространенности этого типа, настолько вылившагося въ опредѣленную форму, что установились даже такія детали, какъ „теремки“ надъ углами четверика, имѣющіеся какъ у шеговарскаго храма, такъ и у церкви на иконѣ Александра Свирскаго.

Дальнѣйшее увеличеніе числа массъ выразилось въ прибавленіи еще двухъ прирубовъ: сѣвернаго и южнаго; будучи обыкновенно совершенно такими же, какъ западный и восточный, прирубы эти дополняли планъ

¹⁾ Кромѣ этого церковь Николы Великорѣцкаго интересна ея мастерски спроектированнымъ крыльцомъ о двухъ маршахъ. Съ такого типа крыльцами въ церковномъ зодествѣ намъ еще не приходилось встрѣчаться.

²⁾ Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

³⁾ У лѣваго края иконы.

Рис. № 317.
Церковь села
Подмонастырского.

Фот. И. Дудина.

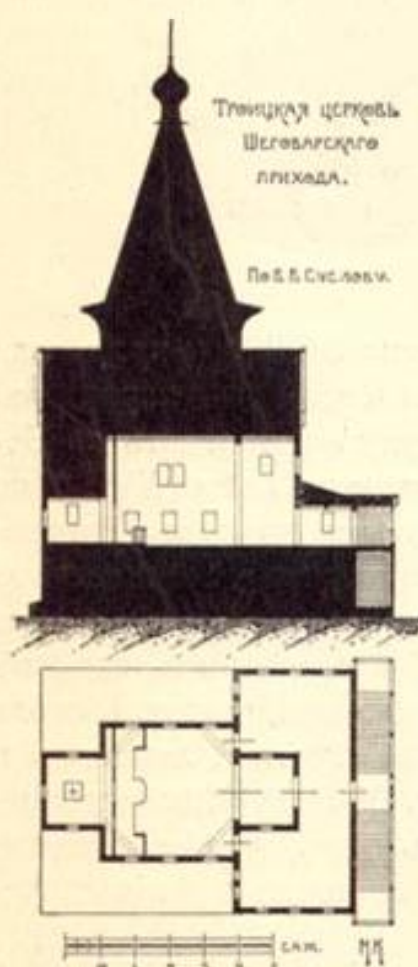

Рис. № 318.

Рис. № 319.
Церковь Шеговарского прихода.
По В. Суслову.

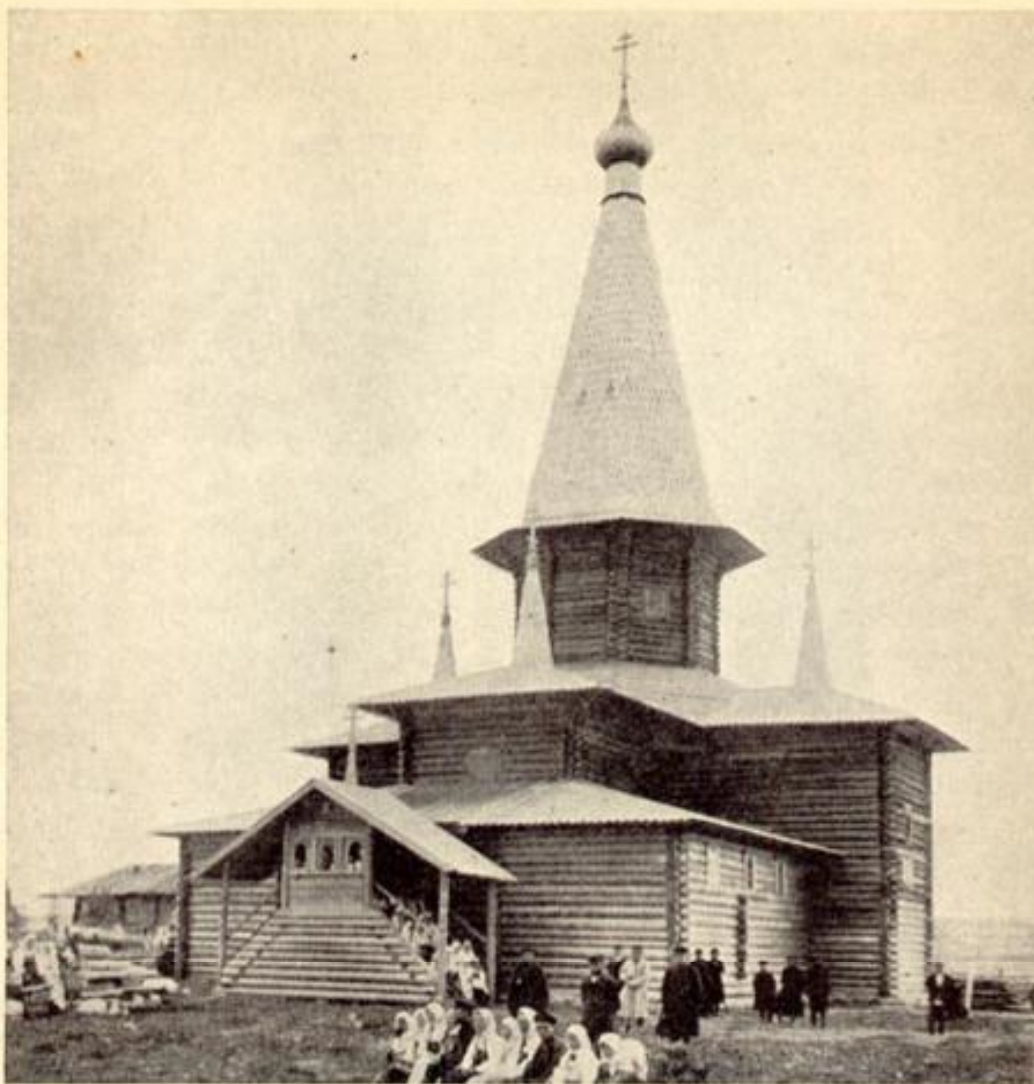

Рис. № 320.
Церковь въ Верховьѣ. Фот. О. Каликина.

храма до формы равноконечнаго креста, а облику главной массы придавали симметричный видъ, уничтожая въ то же время ея башенный характеръ.

Какъ на простѣйшій образецъ такого типа храмовъ укажемъ на Богородицкую церковь въ селѣ Верховьѣ ¹⁾, построенную въ концѣ XVII вѣка (рис. №№ 273 и 320). Подобно большинству шатровыхъ храмовъ, Богородицкая церковь поставлена на высокомъ подклѣтѣ; на такомъ же подклѣтѣ поставлена и ея обширная рубленая трапезная, охватывающая нѣсколько грузной массой низъ западной части храма. Каждый изъ четырехъ срубовъ главной части храма покрытъ плоской трехскатной крышей, въ точкѣ схода реберъ которой поставленъ четырехгранный шатрикъ, крытый лемехомъ и увѣнчанный крестомъ, стоящимъ на маковкѣ (рис. № 321). Никакихъ переходныхъ частей отъ крышъ къ этимъ шатрикамъ нѣтъ, что въ общемъ не лишено оригинальной прелести, хотя и кажется съ точки зрѣнія современной архитектуры нѣсколько наивнымъ приѣмомъ.

¹⁾ Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

Крыши четырех основных срубовъ, имѣющихъ значительнаго выноса повалы, врѣзаются на одномъ уровнѣ въ грани купола, служащаго основаніемъ для четверика, надъ которымъ поднимается замѣчательно стройный шатеръ, увѣнчанный прекраснаго рисунка маковицей.

Крыльцо разсматриваемой церкви хотя и не такъ грандіозно, какъ у шеговарской церкви, но по общей идеѣ композиціи сильно его напоминаетъ. Надъ конькомъ крыши крыльца воодруженъ такого же типа шатрикъ, какъ и надъ крышами храма.

Изображеніе церкви такого же типа оставилъ намъ въ своемъ знаменитомъ альбомѣ Мейербергъ; церковь эта, находившаяся въ селѣ Коломнѣ,

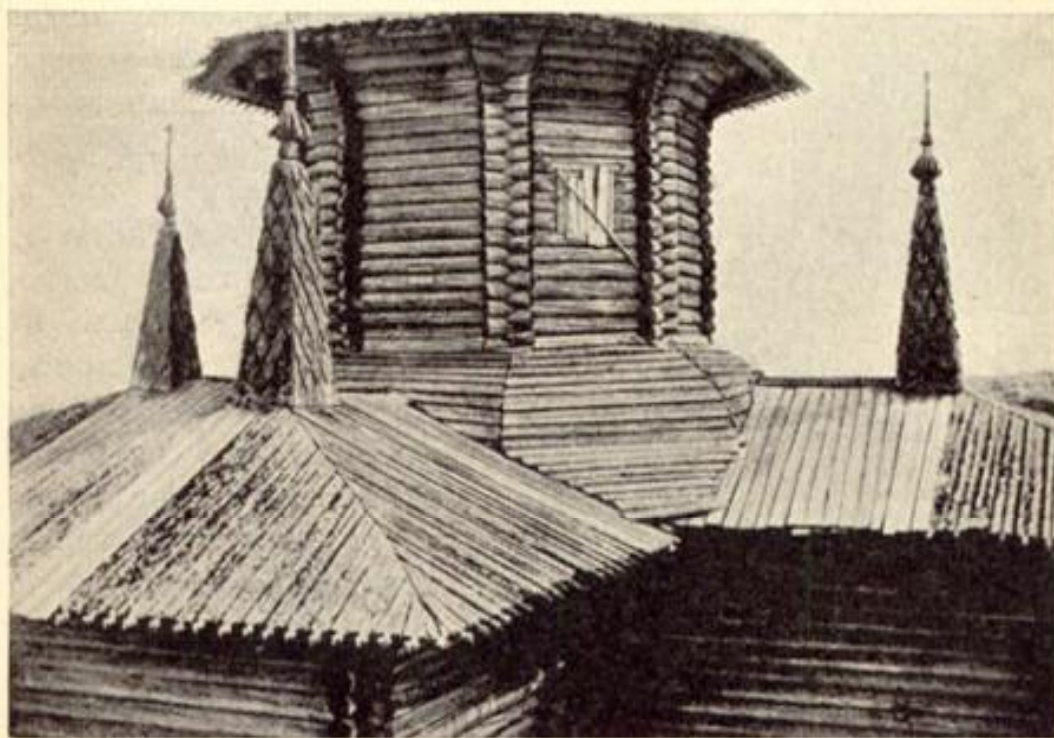

Рис. № 321.
Церковь въ Верховѣ. Фот. И. Билибина.

отличалась отъ только-что разсмотрѣнной, главнымъ образомъ, тѣмъ, что срубы ея были покрыты не на три ската, а на два и надъ ними не было шатриковъ (рис. № 254).

Значительно сложнѣе по массамъ представляется Вознесенская церковь въ Конецгорѣ¹⁾, построенная въ 1752 году. Хотя ея планъ имѣетъ такъ же, какъ и предыдущій памятникъ, крестовидную форму, тѣмъ не менѣе въ группировкѣ массъ этихъ двухъ церквей наблюдается разница; дѣйствительно, у Вознесенской церкви восьмерикъ покоится не на куполѣ, который въ свою очередь опирается на сходящіеся четыре сруба, а на самостоятельномъ четверикѣ, при чемъ стороны послѣдняго шире четырехъ прирубовъ, вслѣдствіе чего углы этого четверика видны извнѣ храма и опускаются до самаго его низа, а массы, дополняющія основной четверикъ

¹⁾ Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

Рис. № 322.

отъ нея по существу только тѣмъ, что центральная ея часть имѣетъ въ планѣ форму квадрата, а не восьмиугольника, то совершенно въ такомъ же соотношеніи находятся Вознесенская церковь въ Конецгорѣ съ церковью Спаса въ Кокшенгѣ, являясь каждая конечной стадіей эволюціи двухъ развѣтвленій одного архитектурнаго стиля²⁾. Однако, стремленіе строителей къ „преукрашенности и преудивленности“ храма не могло на этомъ остановиться, и дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи предпринимались преимущественно въ отношеніи богатства деталей, тогда какъ основныя массы оставались почти неизмѣнными. Къ числу такихъ, богатыхъ деталями цер-

¹⁾ Часть бочки въ ея наиболѣе широкомъ измѣреніи.

²⁾ На границѣ между церквами такого типа, какъ шеговарская, и церквами крещатыми, съ прямоугольникомъ въ центрѣ плана, стоитъ церковь Св. Флора и Лавра (рис. №№ 276, 324 и 325). Она очень похожа на церковь въ Конецгорѣ, но у нея не два, а только одинъ боковой прирубъ, сѣверный, вслѣдствіе чего, если смотрѣть на нее съ запада, она имѣетъ ассиметричный фасадъ и производитъ впечатлѣніе незаконченности, несмотря на ея изящныя пропорціи и прекрасныя детали.

до формы креста, являются въ полномъ смыслѣ слова прирубамъ, такъ какъ онѣ не сходятся своими стѣнами во входящіе углы, какъ у Богородицкой церкви (рис. №№ 275 и 322). Другимъ отличіемъ Вознесенской церкви по сравненію съ предшествующей являются изумительно красивыя бочечныя покрытія ея прирубовъ, изъ которыхъ сѣверное и южное, какъ отвѣчающія самостоятельнымъ престоламъ (придѣлы), осянены небольшими маковками съ крестами (рис. № 323). Нижнія части бочекъ и ихъ пучины¹⁾ врѣзаются въ четверикъ центральной массы, а верхи ихъ (коньки) врѣзаются въ грани восьмерика, объединяя, такимъ образомъ, всѣ отдѣльныя части храма въ одно совершенной формы архитектурное цѣлое, законченное висячими галереями и высокимъ крыльцомъ уже знакомаго намъ типа. Если Богородицкая церковь въ селѣ Верховѣ по общему замыслу ея композиціи тождественна съ церковью въ Шевдинскомъ Городкѣ, отличаясь

Рис. № 323.
Церковь
въ Конѣцгорѣ.

Фот. И. Грабаря.

Рис. № 324.
Флоро-Лаврская ц.
Ростовскаго прихода
Продольный разрезъ.

По Д.В.Милеву.

Рис. № 325.
Флоро-Лаврская
церковь
ростовскаго прихода.
По Д. Милеву.

Рис. № 326.
Церковь въ Варзугѣ. Фот. В. Плотникова.

къ ей крещатаго типа принадлежатъ Успенская церковь въ Варзугѣ¹⁾, построенная въ 1674 году, и церковь въ посадѣ Унѣ²⁾, также относящаяся къ XVII вѣку³⁾; обѣ онѣ интересны своеобразной композиціей ихъ бочечныхъ покрытій. Въ самомъ дѣлѣ, даже при бѣгломъ взглядѣ на первую изъ нихъ раньше всего останавливаютъ на себѣ вниманіе насаженные одна на другую бочки, образующія въ высшей степени оригинальный и эффектный переходъ отъ четырехъ прирубовъ къ основному четверику и къ низкому восьмиерику; а такъ какъ діагональныя грани послѣдняго украшены также небольшими бочками, то восьмиерикъ получился окруженнымъ со всѣхъ

¹⁾ Кольскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

²⁾ Архангельскаго уѣзда, той же губерніи.

³⁾ По мѣстному преданію церковь эта построена въ 1501 году.

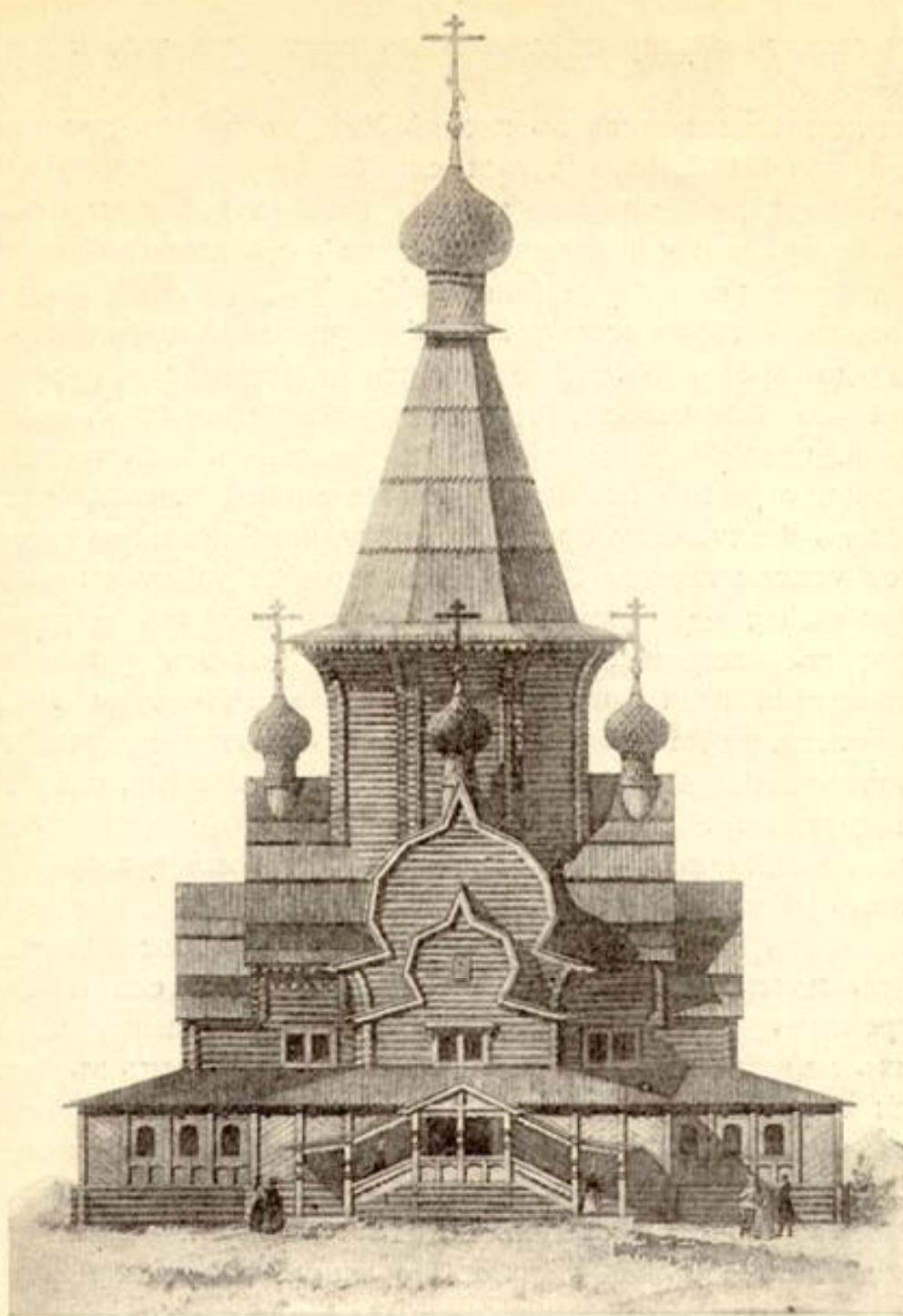

Рис. № 327.
Церковь въ посадѣ Унѣ. По В. Суслову.

сторонъ бочками (рис. № 326). Совершенно такимъ же архитектурнымъ мотивомъ воспользовался строитель одной изъ церквей Александро-Свирскаго монастыря, объ изображеніи котораго на иконѣ Св. Александра мы уже не разъ упоминали (рис. № 63). При сравненіи этой церкви съ церковью въ Варзугѣ замѣтимъ только ту разницу, что у первой изъ нихъ ширина прирубовъ меньше ширины стѣнъ основного четверика, тогда какъ у послѣдней четверикъ какъ бы вырастаетъ изъ сходящихся вмѣстѣ прирубовъ, вслѣдствіе чего варзугскую церковь по комбинировкѣ ея основныхъ массъ

слѣдуетъ поставить между церковью въ селѣ Верховѣ и церковью въ Конецгорѣ ¹⁾).

Что же касается церкви въ посадѣ Унѣ, то она въ первоначальномъ своемъ видѣ должна была казаться еще болѣе богатой формами, нежели церковь въ Варзугѣ, несмотря на то, что каждый изъ четырехъ ея прирубовъ крытъ не тремя громоздящимися одна надъ другой бочками, какъ у послѣдней, а всего лишь двумя (рис. №№ 274, 283 и 327). Впечатлѣніе же богатства формъ, которое оставляла разсматриваемая церковь въ ея прежнемъ видѣ и о которомъ мы можемъ судить по реставраціи проф. В. В. Суслова ²⁾, вытекало изъ особаго приѣма устройства четырехъ ея прирубовъ; дѣйствительно, прирубы эти сдѣланы въ верхнихъ ихъ частяхъ въ видѣ уступовъ, изъ которыхъ нижній покрытъ маленькой бочкой, при чемъ дно ея упирается въ значительно большую бочку, покрывающую верхній уступъ прируба. Всѣ четыре верхнія бочки были прежде увѣнчаны маковками съ крестами ³⁾ и имѣли первоначально точно такъ же, какъ и нижнія, ломаный контуръ; въ настоящее же время бочки имѣютъ дуговыя очертанія, вслѣдствіе обшивки всей церкви тесомъ, что измѣнило ея внѣшній видъ до неузнаваемости; не малую роль въ этомъ сыграла также замѣна прежней галлерей, повторявшей въ планѣ западный контуръ храма, новой, имѣющей совсѣмъ не художественный видъ (рис. № 328).

Стремленіе сдѣлать храмъ возможно болѣе помѣстительнымъ, а также имѣть въ немъ нѣсколько придѣловъ, привело къ возникновенію особой группы шатровыхъ церквей. Если идея многопридѣльности храма была осуществлена въ почской церкви, а также въ церкви села Конецгорья, то все же строители ихъ сумѣли лишь отчасти выразить на внѣшнемъ обликѣ этихъ церквей ихъ многопридѣльность, такъ какъ въ сущности они не измѣнили типичнаго силуэта однопридѣльнаго храма, а ограничились только тѣмъ, что въ одномъ случаѣ прибавили къ его сѣверному и южному прирубамъ небольшія алтарныя апсиды, а въ другомъ прибѣгли къ еще болѣе простому приѣму: расчленили одну апсиду на двѣ, что замѣтно только съ восточной стороны церкви. Но въ послѣдствіи такое неполное осу-

¹⁾ Варзугская церковь сравнительно недавно обшита тесомъ; вѣроятно тогда же погибла ея галлерей—паперть, охватывавшая ее съ трехъ сторонъ.

²⁾ Сравненіе реставраціи этого храма съ изображеніемъ его нынѣшняго вида даетъ наглядное представленіе о томъ, какъ мѣняють свой обликъ памятники деревяннаго зодчества отъ варварской манеры обшивать ихъ тесомъ, имѣющей цѣлью уберечь ихъ отъ загниванія, но совершенно этой цѣли не достигающей.

³⁾ „Краткое историческое описаніе приходовъ и церквей Архангельской епархіи“ (вып. I, стран. 218) указываетъ, что главки надъ сѣверной и южной бочками были поставлены только въ 1871 году, когда были устроены существующіе теперь придѣлы и прирубы по сторонамъ алтаря низкія помѣщенія для ризницы и сѣней (смотри планъ); однако, надо полагать, что проф. Сусловъ реставрировалъ эту церковь о пяти верхахъ на основаніи произведеннаго имъ тщательнаго обслѣдованія ея стѣнъ и чердаковъ; говоря иначе, мы полагаемъ, что въ 1871 году при устройствѣ двухъ боковыхъ маковокъ храму былъ отчасти возвращенъ его первоначальный видъ, а не искаженъ. Вѣрность реставраціи В. В. Суслова подтверждается, между прочимъ, маковками одной изъ церквей, изображенныхъ на планѣ Тихвинскаго монастыря (рис. № 260), которая по ея массамъ похожа на церковь посада Уны.

Рис. № 328.
Церковь посада Уны. По В. Сулову.

ществленіе идеи многопридѣльнаго храма перестало отвѣчать художественнымъ запросамъ народа и поэтому создались такія церкви, какъ Успенскій соборъ въ городѣ Кеми ¹⁾, Воскресенская церковь въ Селецкомъ приходѣ ²⁾ и церковь Св. Троицы въ посадѣ Неноксѣ ³⁾, планы которыхъ повторяютъ въ сущности тѣ же приемы основнаго квадрата или восьмиугольника. Первый изъ этихъ памятниковъ представляетъ собою группу изъ трехъ отдѣльных шатровыхъ церквей, типа „восьмерикъ на четверикѣ“, связанныхъ въ одно архитектурное цѣлое при помощи большой трепезной (рис. №№ 266, 329 и 330). Относительно небольшая высота послѣдней сильно подчеркиваетъ самостоятельный характеръ двухъ башнеобразныхъ придѣловъ и самого храма, величавая масса котораго господствуетъ надъ всѣми остальными;

¹⁾ Архангельской губерніи. Построенъ въ 1714 году.

²⁾ Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Построена въ 1673 году.

³⁾ Архангельскаго уѣзда. Построена въ 1727 году.

Рис. № 329.
Соборъ въ Кемѣ. По В. Суслову.

съ цѣлью подчеркнуть самостоятельное значеніе придѣловъ, строители дали каждому изъ нихъ свой собственный нищевникъ, предшествуемый крыльцомъ. Тѣмъ не менѣе, подчеркивая самостоятельный характеръ придѣловъ, строители сознавали необходимость чѣмъ нибудь выразить, что вся эта группа отдѣльныхъ массъ все же является однимъ храмомъ, а не случайнымъ соединеніемъ нѣсколькихъ или послѣдовательнымъ присоединеніемъ одного къ другому. Это единство достигнуто тѣмъ, что придѣлы точно повторяютъ пропорціи и формы главной части храма до такихъ деталей включительно, какъ теремки надъ выступающими углами четвериковъ. Послѣдніе, къ сожалѣнію, исчезли при обшивкѣ собора тесомъ, подѣ

Рис. № 330.
Соборъ въ Кемѣ.

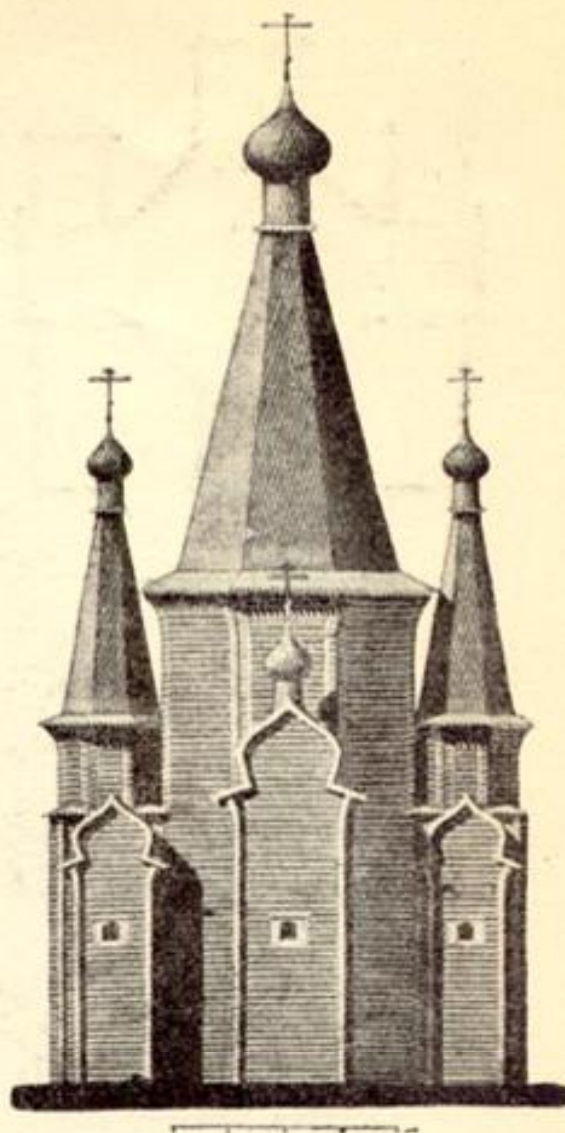

Рис. № 331.
Церковь Селецкаго прихода.

которымъ скрыта теперь художественная обработка нищевниковъ, смягчавшая суровую простоту рубленныхъ стѣнъ храма (рис. № 330).

Самостоятельный характеръ придѣловъ выраженъ не менѣе ясно и у Воскресенской церкви Селецкаго прихода, имѣющей, подобно собору въ Кемѣ, три шатровыхъ верха, изъ которыхъ двое меньшихъ отмѣчаютъ собою придѣлы (рис. №№ 331 и 332). Самостоятельность послѣднихъ подчеркнута у рассматриваемой церкви въ особенности тѣмъ, что главная часть основного храма имѣетъ видъ башни восьмигранной снизу доверху, тогда какъ башни придѣловъ имѣютъ въ планѣ квадратную форму и только вверху переходятъ въ восьмерики (рис. № 331). Несмотря, однако, на то, что многопридѣльность храма ясно выражена его массами, все же не утеряна и идея его единства. Она, пожалуй, даже болѣе здѣсь подчеркнута, нежели у Кемскаго собора, такъ какъ въ послѣднемъ придѣлы примыкаютъ къ трапезной, а у селецкой церкви—къ самому храму, вслѣдствіе чего шатры ея образуютъ тѣсную архитектурную группу.

Третій памятникъ такого типа шатровыхъ храмовъ, т. е. церковь въ посадѣ Неноксѣ, аналогиченъ по плану съ предыдущимъ, но во внѣшнемъ его видѣ характеръ многопридѣльности выраженъ менѣе ясно (рис. №№ 272,

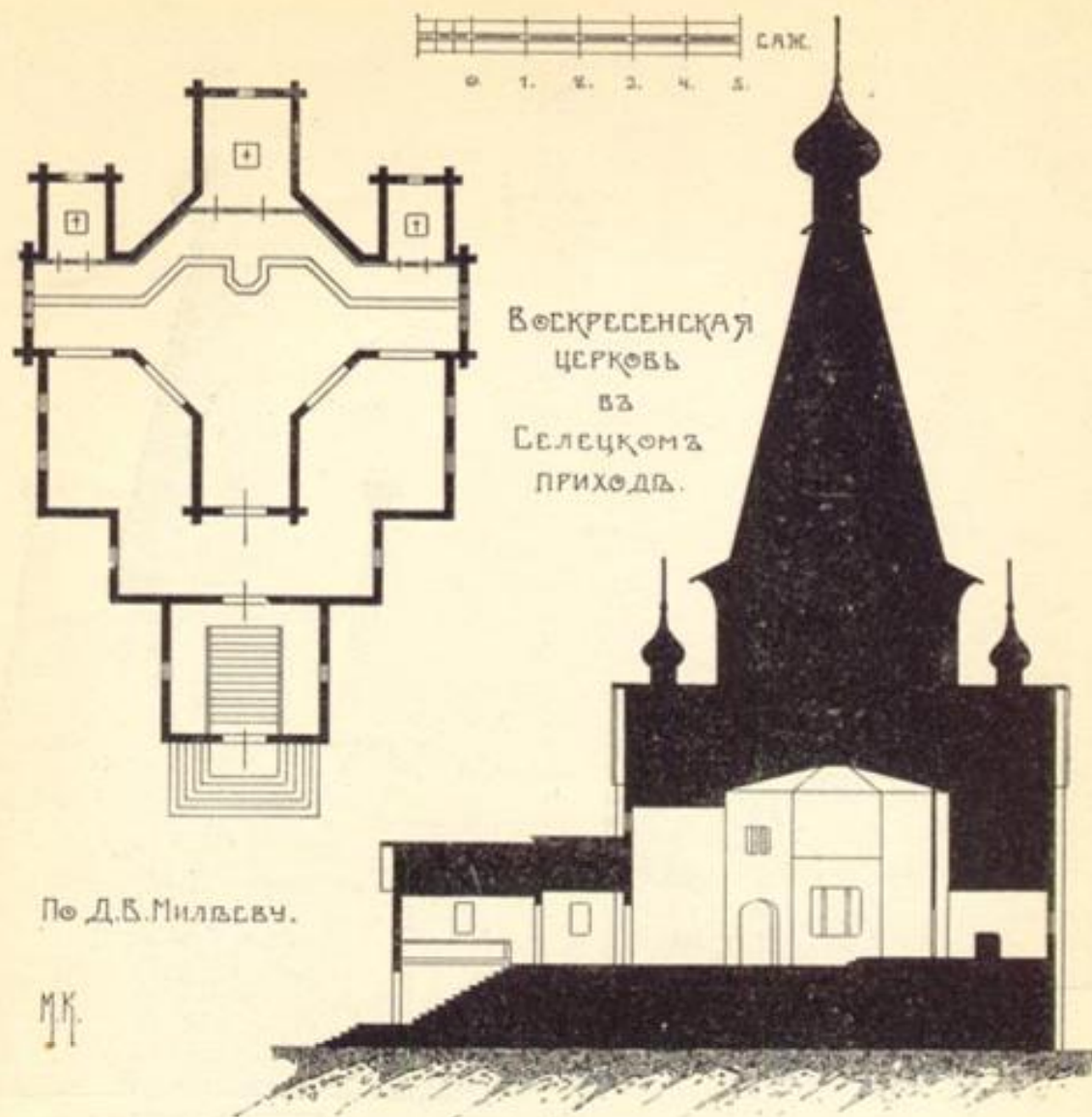

Рис. № 332.

290 и 333). Однако, последнее произошло не вследствие желанія строителей затушевовать самостоятельность его сѣвернаго и южнаго придѣловъ, такъ какъ сами по себѣ придѣлы въ достаточной мѣрѣ имѣютъ выдѣленный характеръ; произошло же это вследствие того, что, стремясь придать храму обликъ, сходный съ пятиглавыми церквами, строители придали западному и алтарному прирубамъ главнаго храма совершенно такой же внѣшній обликъ, какъ и его придѣламъ. Такимъ образомъ, второстепенныя по архитектурному значенію массы получили такіе же размѣры и формы, какъ и двѣ другія части, долженствовавшія быть подчеркнутыми въ силу ихъ самостоятельнаго значенія, и этимъ затушевывали значеніе послѣднихъ. Несмотря, однако, на эту неудачу строителей, произведеніе ихъ должно быть отнесено къ лучшимъ памятникамъ нашего деревяннаго церковнаго строительства какъ по своимъ прекраснымъ пропорціямъ, такъ и по деталямъ, изъ которыхъ много погибло при ремонтахъ и главнымъ образомъ при обшивкѣ досками ¹⁾.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, исчезли нищевникъ съ крыльцами и большая часть его теремковъ. Соборъ въ Кемі и церковь въ посадѣ Неноксѣ представляютъ собою, какъ было указано выше, соединеніе въ одно цѣлое нѣсколькихъ шатровыхъ церквей съ самостоятельными

Рис. № 333.
Церковь въ посадѣ Неноксѣ. По В. Суслову.

трапезными и алтарями. Существовали, однако, и такія церкви, которыя хотя и были увѣнчаны нѣсколькими шатрами, но ихъ многопридѣльность выражалась только этимъ, да соотвѣтственнымъ числомъ алтарныхъ апсидъ; всѣ же остальныя ихъ массы были скомбинированы такъ, какъ у церквей однопрестольныхъ. Примѣромъ можетъ служить двухшатровая церковь села Шохны (Нерехтскаго уѣзда, Костромской губерніи, рис. № 334). Хотя она построена въ началѣ прошлаго вѣка (въ 1803 году), но, безъ сомнѣнія, прототипы ея относились къ болѣе ранней эпохѣ, такъ какъ существуютъ аналогичныя ей двухшатровыя каменныя церкви, построенныя въ XVII вѣкѣ и заимствовавшія свои формы у церквей деревянныхъ.

Наконецъ, есть и такія церкви, надъ которыми, несмотря на то, что онѣ однопрестольныя, возвышается нѣсколько шатровъ; такъ, напримѣръ, церковь Св. Николая въ селѣ Свидскомъ (Кирилловскаго уѣзда, Новгородской губерніи), построенная въ XVII вѣкѣ, имѣетъ кромѣ главнаго шатра второй, малый шатеръ, покрывающій восьмерикъ надъ четверикомъ, который врѣзался въ бочку алтаря (рис. №№ 335 и 336). Такимъ образомъ, надъ бочкой здѣсь поставлена какъ бы миниатюра цѣлаго шатроваго храма, что, конечно, не можетъ быть сочтено приѣмомъ удачнымъ.

Рис. № 334.
Церковь села Шохны.

Рис. Д. Савицкого.

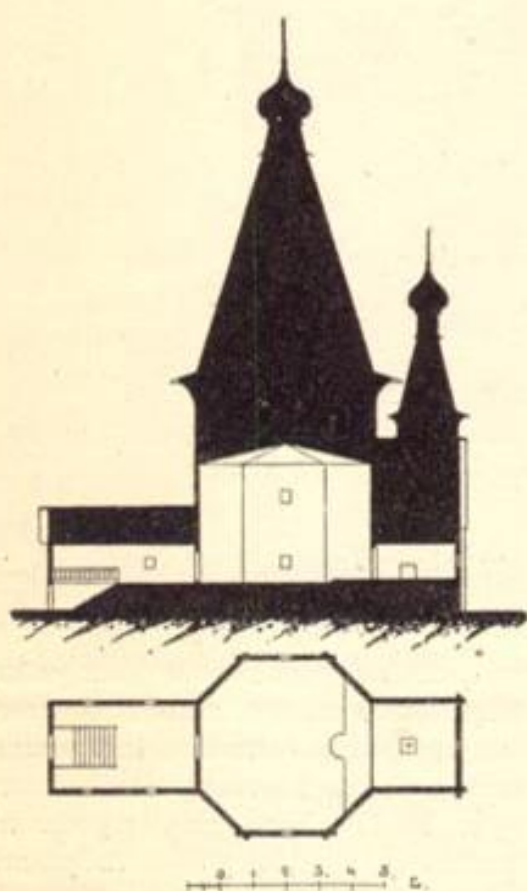

Рис. № 335.
Церковь села Свидского.
По Д. Милёву.

Рис. № 336.
Церковь села Свидского.
По Д. Милёву.

Рис. № 337.
Церковь Архистратига Михаила
въ Юромскомъ-Великодворскомъ.
По Ѳ. Горностаеву.

Разсмотримъ еще одну, послѣднюю группу шатровыхъ церквей, отличительной чертой которыхъ является своеобразный приемъ декораціи ихъ шатровъ. Сущность этого приема заключается въ томъ, что шатеръ стоитъ не на восьмерикѣ, какъ во всѣхъ предыдущихъ случаяхъ, а на четверикѣ и въ нижнюю его часть врѣзаются четыре бочки; при этомъ приемѣ шатеръ теряетъ свое самостоятельное значеніе: онъ находится въ зависимости отъ бочекъ—какъ бы вырастаетъ изъ нихъ, отчего приемъ этотъ носитъ названіе „шатеръ на крещатой бочкѣ“.

Образцомъ такихъ церквей можетъ служить церковь Архистратига Михаила въ селѣ Юромскомъ-Великодворскомъ ¹⁾, построенная въ 1685 году (рис. №№ 337, 338 и 339). Ея поднимающіеся надъ высокимъ башневиднымъ срубомъ шатеръ и бочки имѣютъ сильно вытянутыя вверхъ пропорціи; общая высота главной части церкви превышаетъ 22 сажени, такъ что она значительно господствуетъ надъ всѣми остальными частями, несмотря на то, что онѣ сами по себѣ не низки, такъ какъ стоятъ на подцерковѣ (на подклѣтѣ). Какъ на интересную подробность укажемъ на то, что маковки, возвышающіяся надъ гребнями бочекъ, поставлены не вертикально, а съ небольшимъ наклономъ къ шатру; такой же наклонъ имѣетъ и маковка, осѣняющая бочку пятистѣннаго алтаря. Весь верхъ главной части, равно какъ бочки алтаря и крыльца сохранили до сихъ поръ свое покрытіе лемехомъ;

¹⁾ Мезенскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

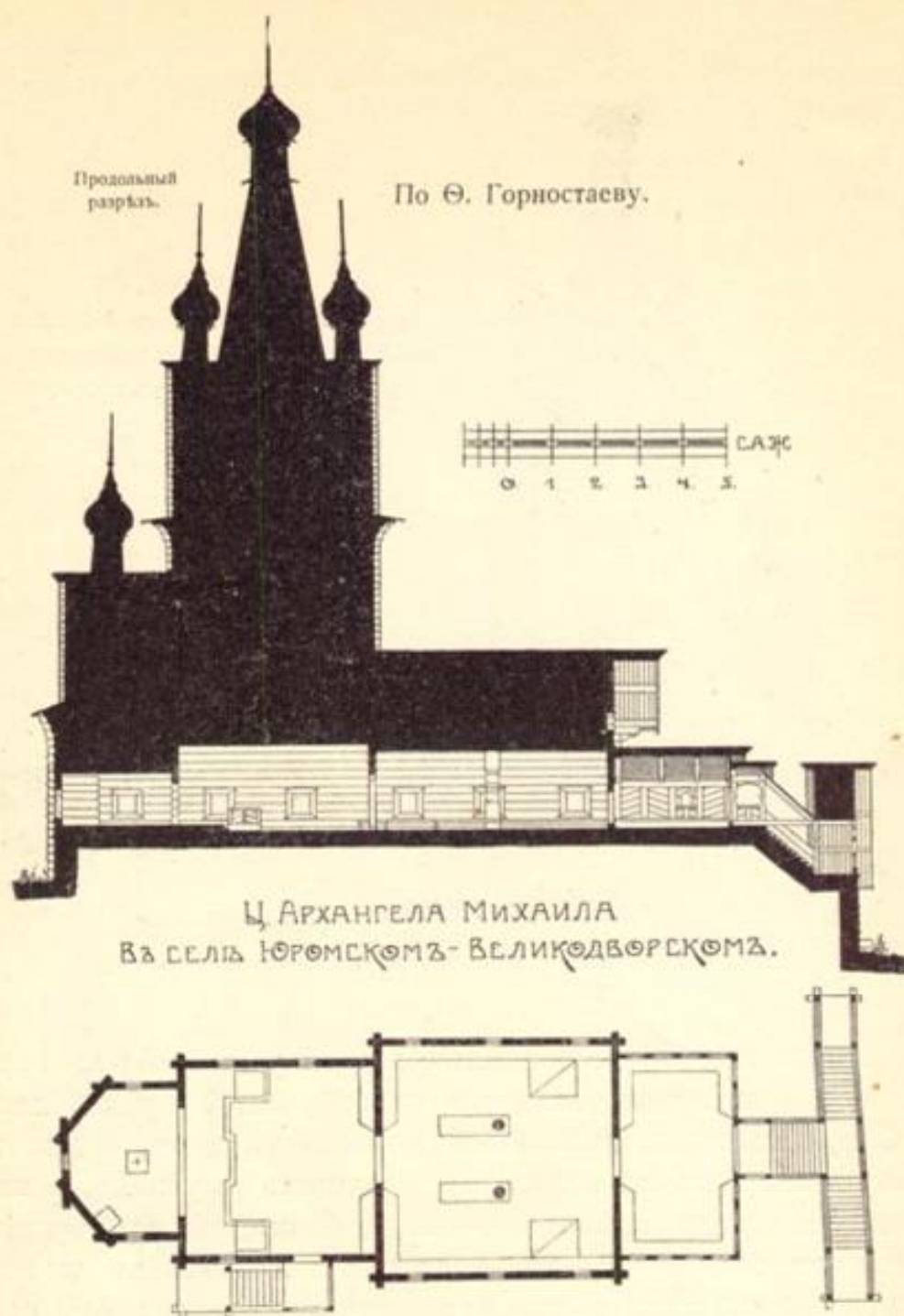

Рис. № 338.

уцѣлѣла также надъ крышей трапезной деревянная „дымница“: первоначально церковь была курной (устроена „по черному“), т. е. дымъ изъ печи попадалъ прямо въ церковь и выходилъ изъ нея черезъ эту дымницу.

Рядомъ съ церковью Арх. Михаила стоитъ другая церковь—Ильинская, построенная въ 1729 году и представляющая собою въ сущности группу изъ двухъ самостоятельныхъ храмовъ, объединенныхъ общей трапезной и крыльцомъ. Сѣверный изъ этихъ храмовъ крытъ шатромъ на крещатой бочкѣ (рис. №№ 340 и 341). Несмотря на свою, если можно такъ выразиться, однобокость, группа эта очень живописна и детали ея прекрасны ¹⁾. Иногда бочки церквей рассматриваемаго типа не ориентирова-

¹⁾ Такимъ же шатромъ на крещатой бочкѣ увѣнчана Троицкая церковь въ Лампожитѣ (Мезенскаго уѣзда, Архангельской губерніи); она построена значительно позднѣе юромскихъ

лись по странамъ свѣта, какъ это сдѣлано у обѣихъ юромскихъ церквей, а ставились по направленію діагоналей четверика, т. е. размѣщались такъ, какъ малыя главы пятиверхихъ храмовъ; иногда же онѣ ставились въ нѣсколько ярусовъ одна надъ другой, постепенно уменьшаясь въ размѣрахъ и почти совсѣмъ скрывая собою шатеръ. Насколько намъ извѣстно, въ натурѣ не сохранилось ни одного памятника съ такимъ убранствомъ шатра, но въ альбомѣ Эрика Пальмквиста на изображеніи церкви Никольскаго монастыря мы видимъ четырехгранный шатеръ, почти совершенно закрытый двѣнадцатю бочками, поднимающимися до самой шейки луковичной главки (рис. № 259). На Богоявленской же церкви города Верхоленска ¹⁾ шатеръ исчезъ совершенно, хотя совокупность бочекъ, покрывающихъ ея четверикъ, все еще напоминаетъ общей ихъ массой эту архитектурную форму, разстаться съ которой древнимъ зодчимъ стоило, повидимому, большихъ усилій (рис. № 343).

На этомъ мы закончимъ обзоръ шатровыхъ церквей; но, прежде чѣмъ перейти къ изученію другихъ типовъ древняго церковнаго зодчества, скажемъ еще нѣсколько словъ о судьбѣ, постигшей шатровое покрытіе, эту въ теченіе долгаго времени излюбленную архитектурную форму нашихъ предковъ, легшую въ основу цѣлаго стиля. По-

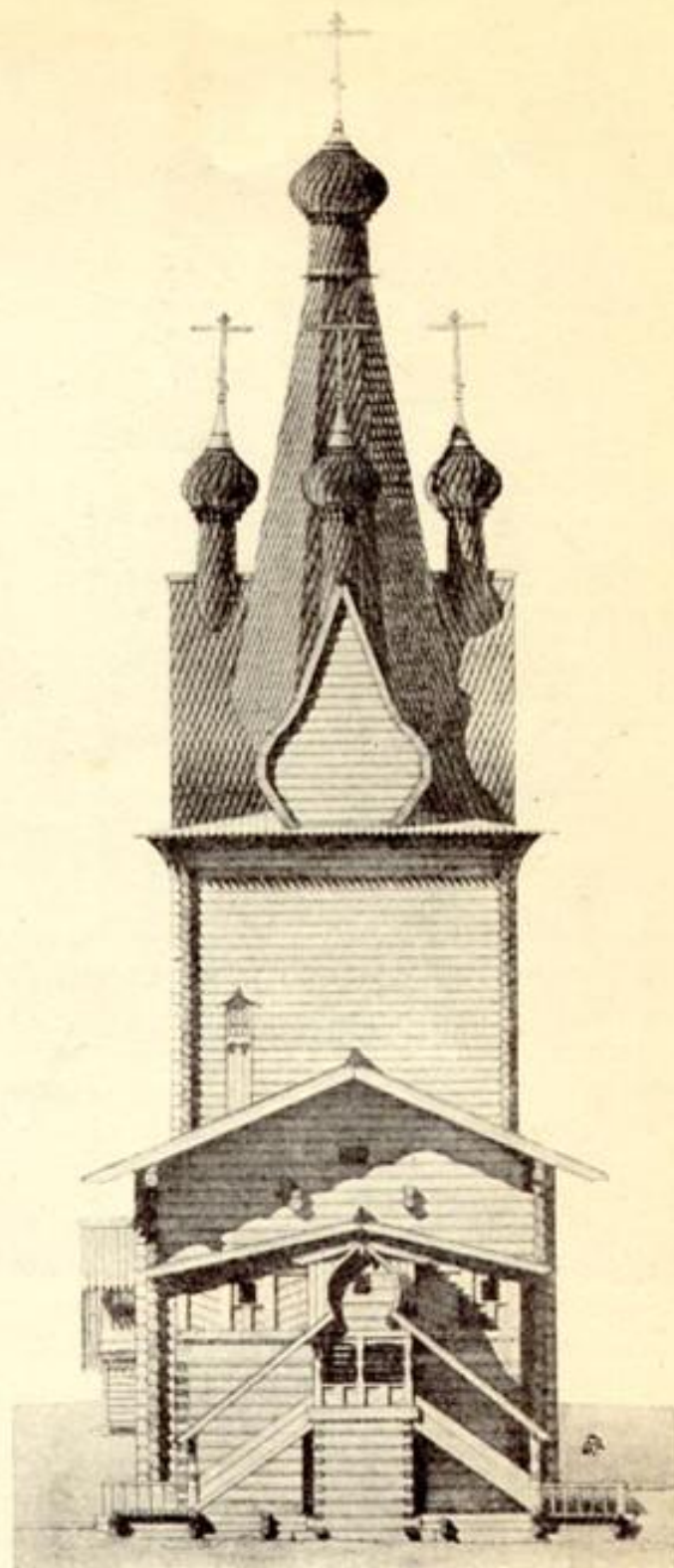

Рис. № 339.
Церковь Архистратига Михаила
въ Юромскомъ-Великодворскомъ.
По Ѳ. Горностаеву.

церквей, а именно въ 1781 году и благодаря этому сохранила въ неприкосновенности свой первоначальный обликъ; уцѣлѣло даже покрытіе лемехомъ бочекъ, шатра и всѣхъ маковокъ. Лемехъ этотъ особенно интересенъ, такъ какъ концамъ его придана рѣдко встрѣчающаяся полукруглая форма, придающая всему покрытію сходство съ рыбьею чешуей, которое и послужило причиной возникновенія названія „чешуйное обиваніе“ (рис. № 342).

¹⁾ Иркутской губерніи, Начало XVIII вѣка.

Рис. № 340.

Ильинская церковь въ Юромскомъ-Великодворскомъ.

явившись почти на зарѣ исторической жизни Руси, какъ разновидность покрытія „колпакомъ“ надъ многограннымъ срубомъ, шатеръ, вѣроятно, являлся первоначально неотъемлемой и единственно логичной формой покрытія такихъ церквей, главный срубъ которыхъ былъ восьмиграннымъ снизу доверху. Вскорѣ, однако, наравнѣ съ такого вида срубами появились въ церковномъ зодствѣ и сложные срубы, состоявшіе изъ соединенія четверика съ восьмирикомъ¹⁾; это нововведеніе не могло особенно сильно отразиться на формѣ шатровыхъ покрытій, и увѣнчиваемыя ими церкви продолжали свою эволюцію въ двухъ параллельныхъ теченіяхъ, отличительной чертой которыхъ была

¹⁾ Нѣкоторые изслѣдователи нашего церковнаго зодчества склонны считать, что типъ шатровыхъ церквей съ квадратомъ или прямоугольникомъ въ основаніи появился на сѣверѣ не ранѣе началъ XVII вѣка и сложился здѣсь подъ сильнымъ вліяніемъ украинскихъ выходцевъ, бѣжавшихъ отъ гоненій, воздвигавшихся католиками и униатами противъ православныхъ. Мнѣніе это основывается, во-первыхъ, на томъ, что самыя древнія изъ дошедшихъ до насъ церквей такой формы построены въ третьей четверти XVII вѣка и, во-вторыхъ, на томъ, что пріемъ „восьмерикъ на четверикѣ“ игралъ весьма видную роль въ зодствѣ Украины.

Нисколько не оспаривая вліянія украинскаго зодчества на нашу церковную архитектуру конца XVII и начала XVIII вѣка, сказавшагося въ появленіи у насъ нѣкоторыхъ типовъ церквей, съ которыми познакомимся въ слѣдующей главѣ, мы все же не можемъ согласиться съ тѣмъ, что это же вліяніе было причиной появленія у насъ шатровыхъ церквей съ восьмирикомъ на четверикѣ, и что время возникновенія послѣднихъ относится къ упомянутой эпохѣ. Въ самомъ дѣлѣ, фактъ совпаденія времени постройки такихъ церквей съ эпохой усиленнаго движенія южныхъ бѣженцевъ на сѣверъ, не можетъ служить подтвержденіемъ приведеннаго мнѣнія, такъ какъ подавляющее большинство дошедшихъ до насъ памятниковъ деревяннаго церковнаго зодчества на сѣверѣ не восходитъ, какъ мы видѣли, далѣе середины XVII вѣка и

Рис. № 341.
Ильинская церковь
въ Юромскомъ-Великодворскомъ.

Рис. № 342.
Церковь въ Лампожиѣ.

Рис. № 343.
Церковь Богоявленія въ Верхоленскѣ.
По И. Серебренникову.

форма плана ихъ основной части, т. е. квадратъ или восьмиугольникъ. Такъ продолжалось до второй половины XVII вѣка, когда возникшее незадолго до того гоненіе на церкви шатроваго стиля не вылилось въ окончательное запрещеніе ихъ строить; оставляя въ сторонѣ вопросъ о причинахъ, обусловившихъ это запрещеніе, отмѣтимъ только то, что всѣ московскіе патріархи, начиная съ Никона, стремились къ возвращенію нашего церковнаго зодчества въ его прежнее русло, т. е. къ пятиверхому типу храмовъ, и поэтому въ ихъ храмозданныхъ грамотахъ всегда имѣлось требованіе, чтобы „верхи строились по чину прочихъ каменныхъ церквей, а не шатровые“. Конечно, въ то время власти не имѣли въ своемъ распоряженіи настолько достаточныхъ средствъ, чтобы сразу и повсюду осуществить это запрещеніе, и поэтому въ наиболѣе отдаленныхъ отъ Москвы областяхъ любимая народомъ шатровая форма покрытія церквей ¹⁾ продолжала примѣняться строителями еще въ теченіе довольно долгаго времени. Тѣмъ не менѣе, ей уже былъ нанесенъ чувствительный ударъ и мало-

лишь очень немногія могутъ быть отнесены къ XVI вѣку. Поэтому, говоря о происхожденіи архитектурныхъ формъ этихъ церквей, приходится очень осторожно основываться на хронологическихъ сопоставленіяхъ и выводить изъ нихъ какія-либо заключенія. Съ гораздо большей увѣренностью можно базироваться на анализѣ и сравненіи самихъ архитектурныхъ формъ, примѣнявшихся въ томъ или иномъ зодествѣ. Пользуясь же этимъ методомъ мы прежде всего въ правѣ сказать, что клѣтъ (четверикъ) и восьмерикъ, какъ самостоятельныя формы, были извѣстны нашимъ плотникамъ задолго до XVII вѣка и поэтому гораздо проще допустить мысль, что послѣдніе сами додумались до такой несложной комбинаціи, какъ восьмерикъ на четверикѣ, чѣмъ полагать необходимымъ для этой цѣли содѣйствіе украинцевъ.

Далѣе, если признать, что вліяніе Украины было однимъ изъ главныхъ факторовъ зарожденія въ нашемъ церковномъ зодествѣ формы „восьмерикъ на четверикѣ“, то придется сказать, что подъ этимъ же вліяніемъ создались, во-первыхъ, типъ сѣверной и центрально-русской деревянной колокольни, образованный этими же основными элементами, во-вторыхъ, такого же типа церкви, изображенія которыхъ мы находимъ у Мейерберга, и, наконецъ, каменные шатровыя церкви и колокольни, у которыхъ основнымъ ядромъ композиціи опять таки является группа изъ четверика съ возвышающимся надъ нимъ восьмерикомъ, крытымъ шатромъ. Однако, какъ мы говорили выше, изображенныя Мейербергомъ церкви, врядъ ли были построены въ годъ его путешествія; естественнѣе предположить, что большинство ихъ было построено задолго до этого времени. Что же касается колоколенъ, въ особенности каменныхъ, то намъ кажется, что онѣ вѣтъ всякаго сомнѣнія представляютъ собою вполне сложившійся типъ сооружений; поэтому, если даже большинство изъ дошедшихъ до насъ колоколенъ построено въ XVII вѣкѣ, то прототипы ихъ во всякомъ случаѣ должны были появиться опять таки раньше XVII вѣка, когда о вліяніи Украины не могло быть и рѣчи. Наконецъ, исторіей архитектуры признается за неоспоримый фактъ, что такія каменные церкви, какъ, напримѣръ, въ селахъ Островѣ, Медвѣдковѣ, Елизаровѣ, какъ церковь Петра Митрополита въ Переяславлѣ Залѣсскомъ (всѣ XVI вѣка) и т. д. заимствовали свои формы изъ деревяннаго церковнаго зодчества, слѣдовательно, въ послѣднемъ задолго до нихъ должна была существовать форма восьмерика на четверикѣ.

Обращаясь же къ архитектурнымъ приѣмамъ малороссійскаго зодчества, мы должны признать, что среди нихъ форма восьмерика, идущаго снизу, но, правда, разслаивающагося на нѣсколько ярусовъ, встрѣчается наравнѣ съ восьмерикомъ на четверикѣ, и поэтому, казалось бы, съ такой же долей правдоподобія этотъ архитектурный типъ можетъ быть признанъ за родоначальника нашихъ восьмериковыхъ снизу храмовъ сѣвера, которые, однако, даже украинцами признаются по ихъ формамъ исконно русскими.

¹⁾ Запрещеніе не простиралось на колокольни.

по-малу шатеръ начинается съ этого времени вытѣсняться другими архитектурными мотивами. Началось съ того, что вмѣсто одной маковки, осѣнявшей шатеръ, начали ставить еще четыре маковки надъ прирубамъ, окружавшими подшатерную массу церкви, и такимъ образомъ какъ бы дѣлали уступку храмозданнымъ грамотамъ, требовавшимъ, чтобы церкви были о пяти верхахъ, но въ то же время обходили самую сущность требованія, чтобы храмъ не былъ шатровымъ. Къ числу такихъ церквей относится церковь Спаса на Кокшенгѣ (1683 годъ). Церковь въ посадѣ Неноксѣ (1727 годъ) тоже является памятникомъ борьбы между жизненной народной традиціей и чисто каноническимъ требованіемъ, не имѣвшимъ въ сущности подъ собою никакой почвы. Наконецъ, памятниками другого способа обхода запрещенія, заключавшагося въ маскировкѣ шатра, являются церкви типа „шатеръ на крещатой бочкѣ“, три стадіи развитія котораго нами были указаны въ двухъ юромскихъ церквахъ и въ церкви Никольскаго монастыря. Въ послѣднемъ типѣ церквей шатеръ уже носитъ на себѣ явные признаки упадка, изъ которыхъ наиболѣе существеннымъ является то обстоятельство, что онъ высится не надъ восьмерикомъ, а надъ клѣтскимъ срубомъ, теряя такимъ образомъ свой архитектурно-логическій смыслъ.

Но наравнѣ съ подобными храмами, строители которыхъ имѣли мужество хоть отчасти отстоять исконную народную форму, строились и такія церкви, у которыхъ принципы шатроваго стиля замѣнены совершенно другими, быть можетъ, не менѣе художественными, такъ какъ вызывались они тѣмъ же стремленіемъ видѣть храмъ Божій „преудивленнымъ и преукрашеннымъ“. Постепенно шатровыя церкви были окончательно вытѣснены церквами новыхъ типовъ, формы которыхъ слагались отчасти изъ другихъ мѣстныхъ формъ, отчасти же подъ давленіемъ постороннихъ вліяній.

ГЛАВА VII.

Всѣ церкви, явившіяся во второй половинѣ XVII вѣка и въ XVIII на смѣну церквамъ шатровымъ, можно раздѣлить на четыре основныхъ группы, а именно: на церкви кубастыя, пятиглавыя, многоверхія и многоярусныя.

Такъ какъ планы этихъ церквей повторяютъ тѣ же приемы, которые практиковались при сооруженіи церквей клѣтскихъ и шатровыхъ, то останавливаться на ихъ группировкѣ и подробномъ разсмотрѣніи нѣтъ надобности. Замѣтимъ только, что, какъ выяснится изъ дальнѣйшаго, среди храмовъ разсматриваемой группы встрѣчаются почти всѣ приемы плановъ предшествовавшихъ эпохъ строительства деревянныхъ храмовъ; это явно говорить о томъ, что высшее духовенство второй половины XVII вѣка призна-

Рис. № 344.

Церковь въ селѣ Ижмѣ. Фот. Н. Невѣрова.

вало всѣ выработавшіеся приемы плановъ допустимыми въ равной мѣрѣ, и, не отдавая предпочтенія какому либо изъ нихъ, воздвигло гоненіе только на самые шатры¹⁾ шатровыхъ храмовъ, а не на общую группировку ихъ массъ. Это подтверждается и тѣмъ, что, хотя запрещеніе обосновывалось между прочимъ на томъ, что шатровыя церкви, вслѣдствіе ихъ значительной высоты, часто загорались отъ ударовъ молній, тѣмъ не менѣе со стороны духовенства не встрѣчалось никакихъ препятствій къ постройкѣ церквей ярусныхъ, высота кото-

¹⁾ Быть можетъ высшимъ духовенствомъ, подъ вліяніемъ духовенства малороссійскаго, было усмотрѣно въ шатрахъ нежелательное сходство съ готическими шпилями католическихъ костеловъ, съ которыми наше духовенство само по себѣ врядъ ли было хорошо знакомо.

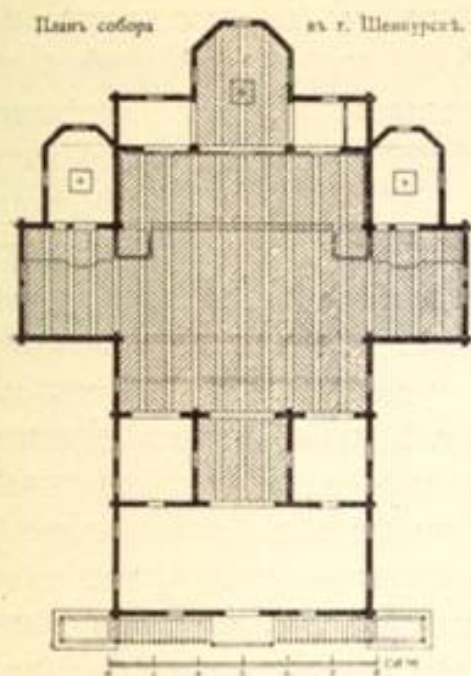
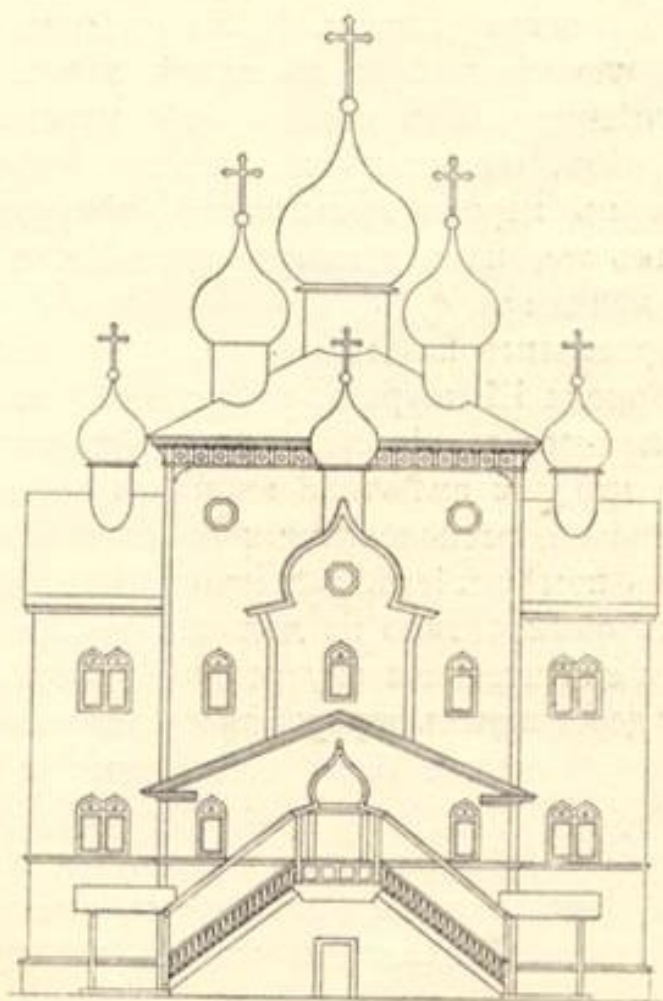

Рис. № 345.
По В. Суслову.

Рис. № 346.
Соборъ въ Шенкурскѣ. По В. Суслову.

Рис. № 347.
Соборъ
въ Шенкурскѣ.

По В. Суслову.

рыхъ была не меньше, чѣмъ у шатровыхъ и, слѣдовательно, имъ могла грозить такая же участь, какъ и первымъ.

То же, что о планахъ церквей разсматриваемаго періода, можно сказать и о ихъ конструктивныхъ приемахъ; послѣдніе, за исключеніемъ немногихъ, о которыхъ скажемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, здѣсь тѣ же самые, что и въ церквахъ клѣтскихъ и шатровыхъ. Поэтому, оставляя пока въ сторонѣ конструкцію, перейдемъ къ разсмотрѣнію внѣшняго вида этихъ церквей, начиная съ пятиглавыхъ.

Хотя Москва въ лицѣ ея іерарховъ ревностно стремилась вернуть наше церковное строительство къ „освященному преданіемъ пятиглавію“, но она вполнѣ достигла этого только въ отношеніи церквей каменныхъ; направить же по этому руслу деревянное зодчество ей не удалось. Объ этомъ наглядно свидѣлствуетъ весьма малое число такихъ деревянныхъ церквей, строители которыхъ имитировали приемы композиціи каменныхъ пятиглавыхъ храмовъ. Такія церкви назывались современными имъ актами строеными „на каменное дѣло“. Само это названіе говоритъ о томъ, что такія церкви не были созданіемъ творческаго духа народа и появились лишь какъ вынужденная уступка извѣстному направленію, сложившемуся въ правящихъ сферахъ. О нелюбви плотниковъ къ такому типу говоритъ также и тотъ убогій видъ церквей „на каменное дѣло“, которымъ онѣ отличаются и который получался вслѣдствіе того, что плотники рубили ихъ нехотя, такъ какъ ихъ „домыслу“, ихъ фантазіи не на чемъ здѣсь было себя проявить. Примѣромъ такого типа деревянныхъ храмовъ можетъ служить церковь въ селѣ Ижмѣ¹⁾, построенная въ 1679 году (рис. № 344). Она представляетъ собою тяжелую квадратную въ планѣ клѣть, крытую высокимъ „колпакомъ“; изъ послѣдняго, безъ какихъ либо переходныхъ частей, вырастаютъ шеи пяти главъ, обшитыхъ лемехомъ и увѣнчанныхъ высокими крестами. Съ запада къ церкви примыкаетъ притворъ, „забранный въ столбы“ и крытый такъ же, какъ и главная часть, т. е. тесомъ съ вырѣзными въ видѣ копій концами.

Къ церквамъ, строенымъ на „каменное дѣло“ относится также Благовѣщенскій соборъ города Шенкурска, сооруженный въ 1681 году. Желаніе строителей этого громаднаго зданія подражать церквамъ каменнымъ сказалось даже въ томъ, что они включили въ планъ храма такія помѣщенія, какъ свѣчная и крестильня, расположенныя по сторонамъ прохода, соединяющаго трапезную съ помѣщеніемъ для молящихся; помѣщеній этихъ въ деревянныхъ церквахъ обыкновенно не дѣлали (рис. № 345). Такимъ же характеромъ отличаются значительная внутренняя высота храма и его хоры, представляющія среди деревянныхъ церквей явленіе весьма рѣдкое (рис. № 346). Тѣмъ не менѣе, строители все же были плотниками и поэтому не могли удержаться отъ устройства прирубовъ, дополняющихъ основной квадратъ храма до формы креста и сближающихъ храмъ по общимъ массамъ съ церквами шатровыми. Надъ каждымъ прирубомъ высится глава и, такимъ образомъ, соборъ въ сущности девятиглавый, но всетаки пятиглавіе главъ

¹⁾ Архангельскаго уѣзда и губерніи.

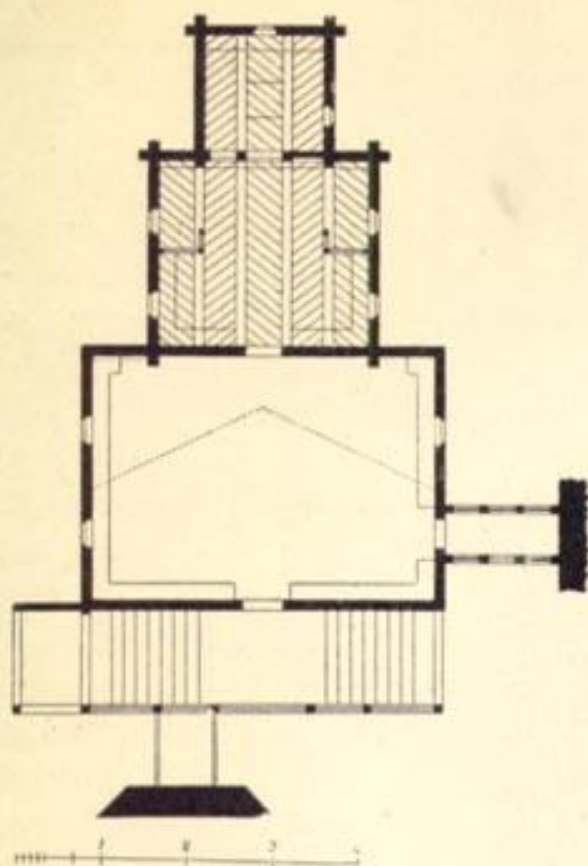

Рис. № 348.
Церковь Св. Параскевы въ селѣ Шуѣ.
По В. Суслову.

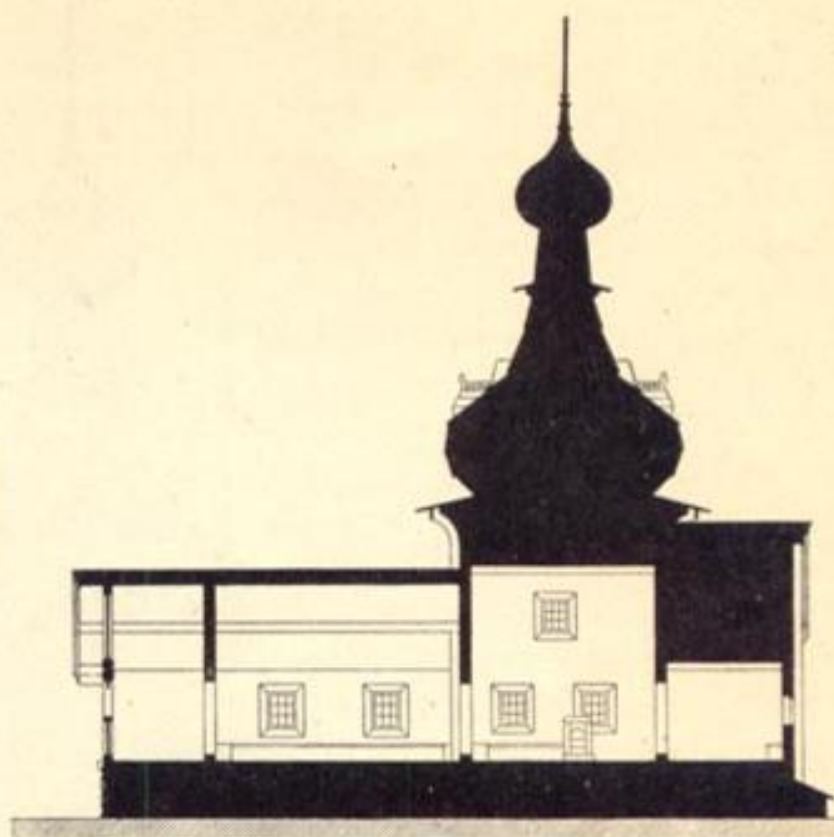

Рис. № 349.
Церковь Св. Параскевы въ селѣ Шуѣ.
По В. Суслову.

ной массы, крытой четырехскатной крышей, доминируетъ надъ всѣмъ, придавая собору опредѣленный характеръ (рис. № 347). Всѣ детали наружной отдѣлки собора относятся къ началу прошлаго столѣтія, когда онъ былъ обшитъ тесомъ.

Подобныя церкви, всецѣло удовлетворяя правиламъ „освященнаго пятиглавія“, вовсе не отвѣчали желанію строителей видѣть храмъ Божій „преукрашеннымъ“; поэтому, въ поискахъ за способомъ осуществить одновременно требованія какъ мірянъ, такъ и духовенства, плотники начали примазывать пятиглавіе къ иной формѣ покрытія, а именно къ „кубу“, вслѣдствіе чего появился особый типъ церквей, называемыхъ по формѣ ихъ кровель „кубастыми“¹⁾.

¹⁾ Съ формой кровли „кубомъ“ мы уже познакомились раньше, при изученіи хороннаго зодчества. Какимъ путемъ появилась она на русскихъ хоромахъ и церквахъ сказать съ увѣренностью, т. е. обосновываясь на научныхъ данныхъ, въ настоящее время нельзя; что же касается догадокъ, то ихъ на этотъ счетъ нѣсколько; такъ, напримѣръ, одни видятъ въ формѣ „куба“ отзвукъ формъ далекой Индіи, другіе хотятъ поставить ее въ зависимость отъ „банекъ“ (куполовъ) малороссійскихъ церквей, третьи же считаютъ, что форма куба настолько проста и такъ близка къ луковичнымъ главамъ и бочкамъ нашихъ церквей, что легко могла зародиться на русской почвѣ сама собой, безъ какихъ либо постороннихъ вліяній. Последняя догадка кажется намъ наиболѣе правдоподобной.

Попытки соединить пятиглавіе съ народными мотивами дѣлались также съ шатровой формой покрытія, о чемъ мы говорили въ предыдущей главѣ, а также съ крышами въ видѣ

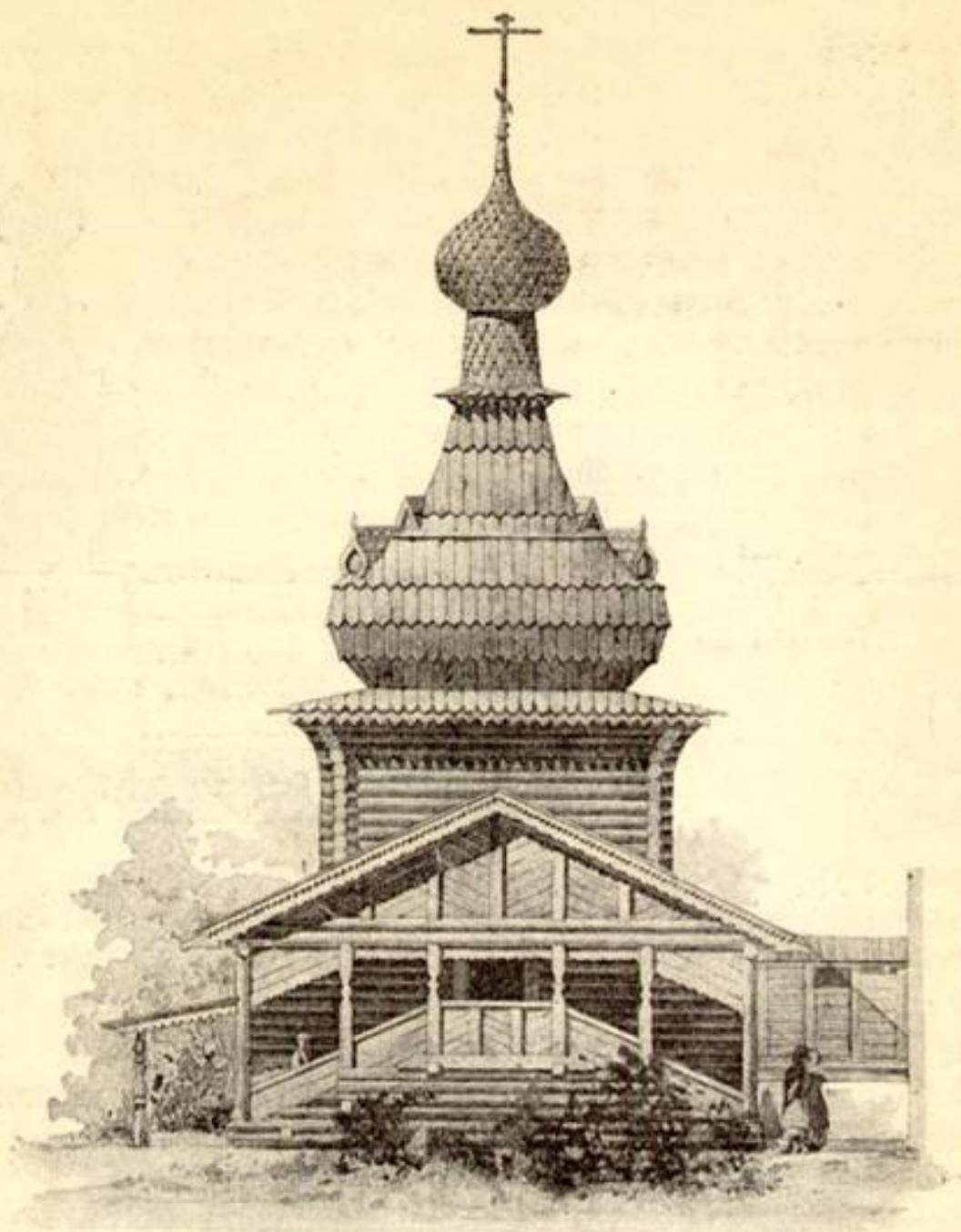

Рис. № 350.

Церковь Св. Параскевы въ селѣ Шуѣ. По В. Суслову.

крещатой бочки надъ квадратнымъ въ планѣ срубомъ. Насколько намъ извѣстно, послѣдняго типа памятниковъ въ натурѣ сохранилось мало, но все же примѣромъ такой пятиглавой церкви можетъ служить оригинальная, но далеко не художественно скомпонованная церковь въ селѣ Нелазскомъ-Борисоглебскомъ (Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи), построенная въ 1694 году. Она стоитъ на очень высокомъ подклѣтѣ и имѣетъ въ планѣ форму равноконечнаго креста (рис. № 351), охваченнаго съ трехъ сторонъ галлереей-нищевникомъ, которая поддерживается колоссальными кронштейнами изъ выпускныхъ концовъ бревенъ. Съ запада къ нищевнику примыкаетъ очень крутой маршъ лѣстницы, передъ которой находится крыльцо; формы послѣдняго заставляютъ предполагать о болѣе позднемъ его происхожденіи, нежели 1694 г. Всѣ четыре конца крестообразнаго сруба крыты бочками, упирающимися въ верхнюю часть центрального четверика. Будь на его мѣстѣ восьмигранный срубъ, церковь естественно завершалась бы шатромъ, такъ какъ весь низъ ея скомпонованъ какъ бы для его воспріятія; но такъ какъ зодчій имѣлъ конечной цѣлью пятиглавіе, то онъ продолжилъ нижнюю рубку четверика, покрылъ его плоской четырехскатной крышей, на которую поставилъ крещатую бочку,

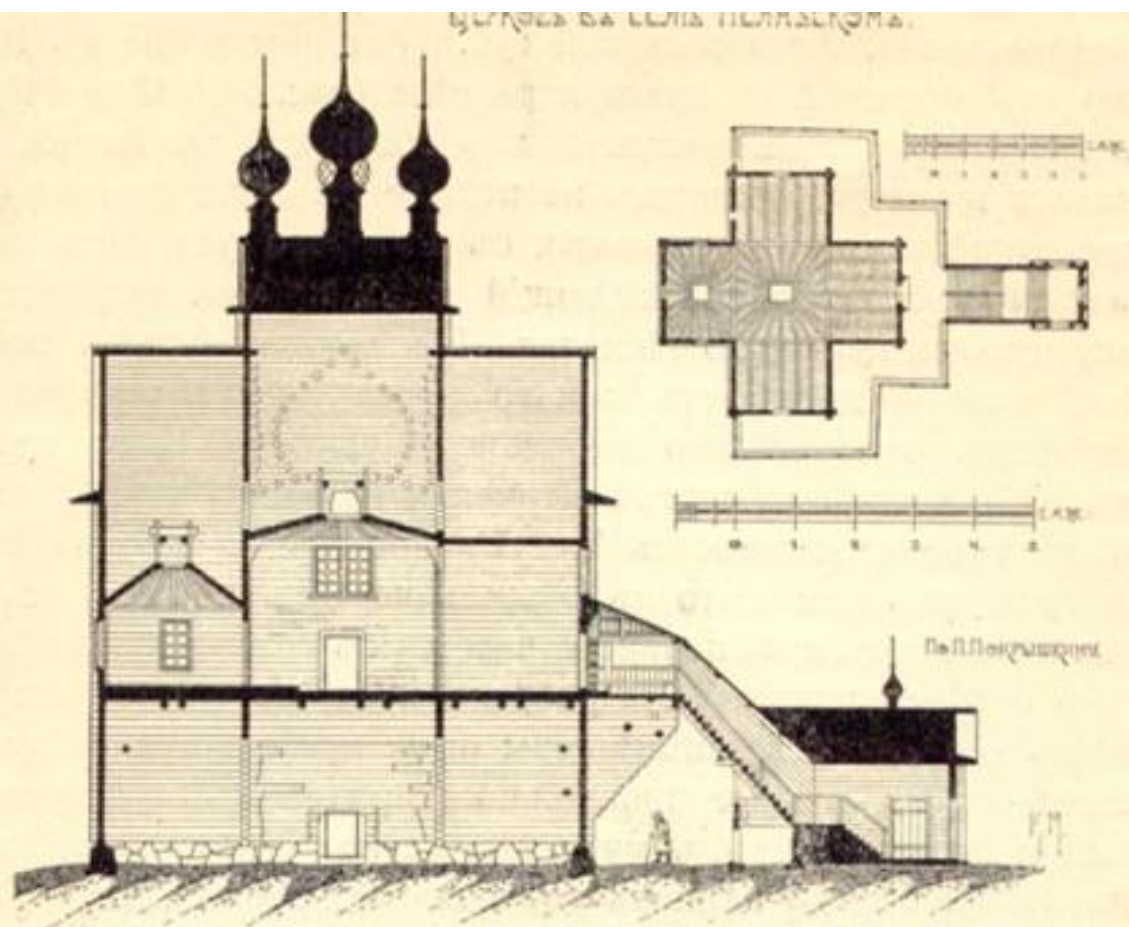

Рис. № 351.

Рис. № 352.

Самая древняя изъ нихъ это церковь во имя Св. Параскевы въ селѣ Шуѣ (Кемскаго уѣзда, Архангельской губ.); она построена въ 1666 году и, какъ видно изъ чертежей ея плана и разрѣза (рис. № 348 и 349), состоятъ изъ трехъ главныхъ частей, а именно: изъ обширной трапезной, помѣщенія для молящихся и алтаря, стоящихъ на невысокомъ подцерковьѣ (подклѣтѣ). Передъ трапезной находится крыльцо, съ котораго устроенъ переходъ на колокольню; другой переходъ, имѣющій видъ крытой галлерейки, соединяетъ трапезную съ церковью Николая Чудотворца. Алтарь покрытъ бочкой, конекъ которой достигаетъ самага верха повала центральной части церкви, имѣющей относительно небольшую высоту — всего три сажени и два аршина. Надъ этой то частью церкви и возвышается кровля „кубомъ“, имѣющая, въ противоположность кубу коломенскаго дворца, сильно вытянутыя вверхъ пропорціи, что въ общихъ чертахъ дѣлаетъ ее похожей на грушу (рис. 350). Верхъ куба плавно сливается съ конической шейкой главки, но отдѣленъ отъ нея полицей. На ребрахъ куба, въ самомъ широкомъ его измѣреніи (въ его „пучинѣ“), помѣщены были прежде кокошники, выше которыхъ виднѣлись небольшіе фронтоны, придававшіе верху церкви очень живописный и богатый видъ, чему также не мало способствовали „чешуйчатое обиваніе“ и рѣзной карнизъ подъ широкой полицей куба ¹⁾.

Церковь Св. Параскевы является чуть ли не единственной ²⁾ среди памятниковъ такого типа, у которой надъ кубастой кровлей высится одна глава; обычно же ихъ устраивали нѣсколько. Образцомъ такой композиціи можетъ служить церковь Вознесенія Господня въ селѣ Кушерѣцкомъ ³⁾, построенная въ 1668 году, и интересная для насъ не только композиціей ея верха, но также и нѣкоторыми конструктивными приѣмами (рис. №№ 354 и 355). Ея башнеобразная главная часть, имѣющая въ планѣ форму квадрата, стоитъ такъ же, какъ и всѣ остальные части церкви, на высокомъ подклѣтѣ и раздѣлена по высотѣ на три помѣщенія (смотри разрѣзъ). Въ нижнемъ изъ нихъ находится теплая церковь, въ среднемъ — лѣтняя, а верхнее не имѣетъ спеціальнаго назначенія и образовалось отъ устройства второго потолка, служащаго опорой для двухъ пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ рубленыхъ стѣнъ, которыя связываютъ тоже рубленныя изъ бревенъ грани куба и несутъ на себѣ каркасъ средней главы. Четыре же малыя главы укрѣплены прямо на срубѣ куба. Съ востока къ основному

играющую роль подножія для вычурныхъ главокъ (рис. № 352). Въ цѣломъ нелазская церковь вышла очень нескладной, съ неуравновѣшенными массами, не объединенными опредѣленной архитектурной идеей, и служить яркимъ примѣромъ той путаницы формъ, которая явилась прямымъ слѣдствіемъ требованія, чтобы верхи строились „по чину“ прочихъ каменныхъ церквей, а не шатровыми.

Изобразить подобнаго же типа церковь хотѣлъ, повидимому, составитель плана Тихвинскаго монастыря, что не совсѣмъ ему удалось; поэтому угадать въ его изображеніи (рис. № 353) пятиглавіе на крещатой бочкѣ довольно трудно.

¹⁾ Въ такомъ видѣ зарисовалъ эту церковь профессоръ В. В. Сусловъ; послѣ же обшивки тесомъ она потеряла кокошники, фронтоны, карнизы и чудесный лемехъ, покрывавшій ея луковичную главку.

²⁾ Если не считать нѣсколькихъ церквей, придѣлы которыхъ крыты одноглавыми кубами.

³⁾ Онежскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

Рис. № 353.

Планъ нижняго яруса.

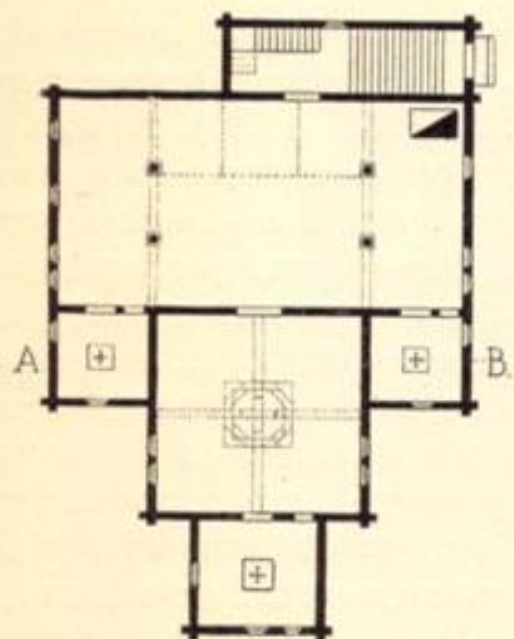
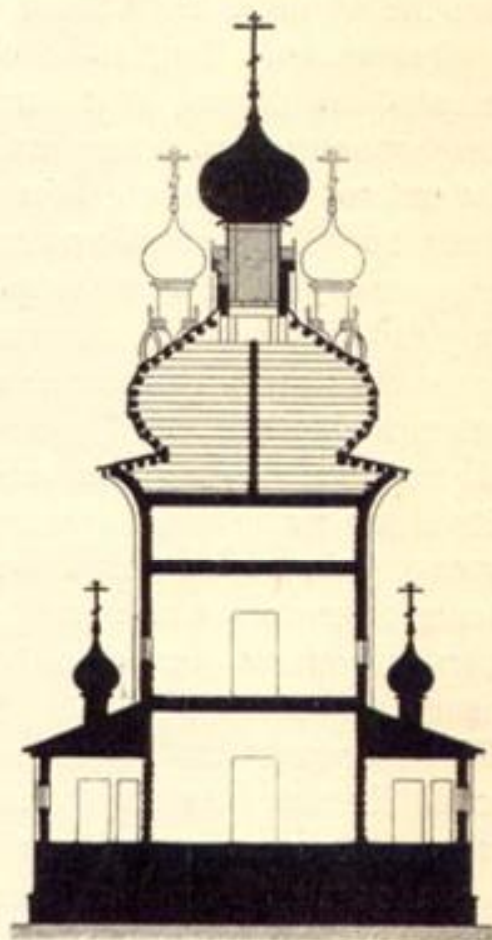

Рис. № 354.
Церковь села Кушерѣцкаго.
По В. Суслову.

Рис. № 355.
Церковь села Кушерѣцкаго.
По В. Суслову.

Разрѣзъ по линіи А-В.

срубу примыкаетъ главный алтарь ¹⁾, имѣющій значительно бѣльшую высоту, чѣмъ алтари придѣловъ, каѳоликаны которыхъ отдѣлены отъ трапезной четырьмя столбами. Къ сѣверо-западной части стѣны трапезной пристроенъ ²⁾ продолговатый срубъ, въ которомъ находятся двѣ лѣстницы: одна, ведущая въ нижній храмъ, и другая—въ верхній.

Обращаясь теперь ко внѣшнему виду разсматриваемаго памятника, остановимся только на его верхѣ (рис. № 356). Переходомъ къ нему отъ сруба служитъ широкая полица, поддерживаемая поваломъ и украшенная рѣзбою и карнизомъ. Кубъ имѣетъ менѣе вытянутыя вверхъ пропорціи, нежели у церкви Св. Параскевы, и переходной частью отъ него къ шеѣ служитъ не полица, а изящная крещатая бочка, украшенная по конькамъ сквозной порѣзкой. Такимъ образомъ, цилиндръ шеи средней главы какъ бы вырастаетъ изъ бочки, лбы которой ориентированы по странамъ свѣта и обшиты городковымъ лемехомъ. Такимъ же лемехомъ покрыты шеи и луковицы всѣхъ пяти главъ; лбы же угловыхъ бочекъ обшиты тесомъ и ориентированы по діагоналямъ храма, благодаря чему бочки прекрасно вяжутся съ ребрами куба. Въ цѣломъ верхъ кушерѣцкой церкви скомпанованъ весьма удачно и своимъ пятиглавіемъ вполне долженъ былъ удовлетворить даже самыхъ ярыхъ гонителей шатровой формы, которымъ врядъ ли могла понравиться церковь Св. Параскевы, такъ какъ ея верхъ, увѣнчанный одной главой, все еще сильно напоминалъ о ненавистной имъ формѣ шатра.

Но если пятиглавіе кушерѣцкой церкви было вполне достаточнымъ съ точки зрѣнія московскихъ властей, то съ точки зрѣнія нашихъ зодчихъ оно было еще далекимъ отъ того богатства формъ и даже нѣкоторой вычурности, къ которымъ они стали стремиться послѣ отреченія отъ принциповъ шатроваго стиля.

Шагъ впередъ въ этомъ направленіи сдѣлали строители церкви Владимірской Божіей Матери въ селѣ Подпорожѣ ³⁾. Не представляя чего либо для насъ новаго въ планѣ или разрѣзѣ (рис. №№ 357 и 358), церковь эта интересна своимъ многоглавіемъ и нѣкоторыми особенностями въ композиціи основныхъ массъ. Дѣйствительно, надъ кубомъ ея центрального четверика высятся, какъ и у кушерѣцкой церкви, пять главъ, утвержденныхъ на немъ непосредственно, безъ какихъ либо переходныхъ элементовъ; кромѣ этихъ главъ имѣются еще четыре, отмѣчающія собою алтарную часть храма и три остальныхъ его прируба (рис. № 359). Шейки этихъ главокъ стоятъ не прямо на конькахъ кровель прирубовъ, а высоко приподняты восьмигранными шатриками, вслѣдствіе чего онѣ образуютъ одну общую группу съ маковицами куба, что явнымъ образомъ составляло конечную задачу строителя—придать своему произведенію богатую и живописную внѣшность. Этой цѣли онъ достигъ, но зато детали подпорожской церкви далеко не такъ удачны, какъ у двухъ предыдущихъ памятниковъ кубастыхъ храмовъ;

¹⁾ Оба эти сруба мѣстное преданіе считаетъ древнѣйшими частями храма, принадлежавшими, быть можетъ, храму Успенія Пр. Богородицы, упоминаемому дозорной книгой 1648 г. по городу Каргополою (Тургасову).

²⁾ Прежде здѣсь находилась галлерея.

³⁾ Онежскаго уѣзда, Архангельской губерніи. 1741 г.

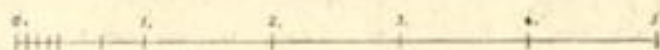

Рис. № 356.
Церковь Вознесения Господня въ селѣ Кушерѣцкомъ.
По В. Сулову.

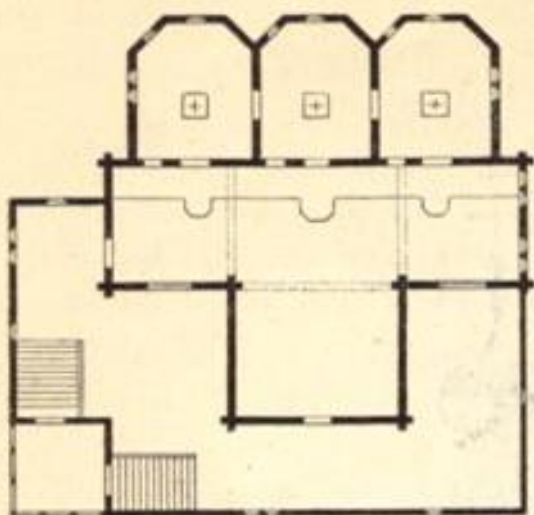

Рис. № 357.
Церковь с. Подпорожья.
По В. Суслову.

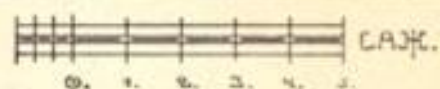

Рис. № 358.
Церковь села Подпорожья.
По В. Суслову.

Рис. № 359.
Церковь Владимирской
Б. М. въ селѣ
Подпорожьѣ.

По В. Суслову.

въ самомъ дѣлѣ, во-первыхъ, шейки маковокъ тонки и не пропорціональны тяжеловатымъ луковицамъ, во-вторыхъ, непосредственная связь такихъ разнохарактерныхъ формъ какъ бочки и шатры, конечно, не могли дать гармоничнаго цѣлаго и, наконецъ, одна общая трехлопастная бочка надъ низкимъ, да еще расчленнымъ на три части алтаремъ, даетъ полную неуравновѣшенность массъ, отчего алтарные срубы кажутся придавленными непосильнымъ для нихъ грузомъ.

Разсмотримъ еще одинъ образецъ кубастыхъ церквей, на которомъ указанное выше стремленіе зодчихъ къ богатству верха храма отразилось особенно сильно; это церковь въ селѣ Бережно-Дубровскомъ¹⁾, построенная въ 1768 году. Ея строитель задался мыслью еще тѣснѣе, чѣмъ у подпорожской церкви, соединить маковицы въ одну группу; для осуществленія этой задачи онъ помѣстилъ дополнительные маковицы на самомъ кубѣ, ориентировавъ ихъ по странамъ свѣта (рис. № 360). Подножіями для этихъ маковицъ служатъ четыре крупныя бочки²⁾, въ коньки которыхъ врѣзаются, слегка конической формы, шейки, украшенныя внизу плоскими фронтончиками; такіе же фронтончики имѣются и у четырехъ діагональныхъ главъ. Такимъ образомъ, главная масса разсматриваемой церкви увѣнчана девятью главками, придающими ей нѣсколько безпокойный, но не лишенный своеобразной прелести характеръ; десятая главка высится надъ конькомъ грузной бочки, покрывающей пятигранный прирубъ алтаря. Отмѣтимъ въ разсматриваемой церкви еще одну подробность, а именно исключительную мощь повала ея центральнаго сруба, прекрасно имъ завершаемаго.

Рис. № 360.

Церковь въ селѣ Бережно-Дубровскомъ.

¹⁾ Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи.

²⁾ На лбахъ этихъ бочекъ намалеваны, вѣроятно, въ самое недавнее время окна, не имѣющія абсолютно никакого смысла.

Рис. № 361.
Церковь
въ Зачачьев-
скомъ
приходѣ.

Фот. изъ
коллекціи
Н. В. Сул-
танова.

Рис. № 362.
Богородицкая церковь въ селѣ Заячеричѣ. Фот. О. Каликина.

Приведенными примѣрами можно было бы ограничить разсмотрѣніе кубастыхъ церквей, но къ нимъ весьма близки такія церкви, кровли которыхъ, хотя и имѣютъ форму очень похожую на „кубъ“, но тѣмъ не менѣе не охватываемую этимъ терминомъ, такъ какъ „кубомъ“ наши плотники вполнѣ опредѣленно называли только такія крыши, которыя состояли изъ четырехъ бочечныхъ пучинъ, сведенныхъ въ вершинѣ въ стрѣлку. Кровли же, образованныя шестью или восемью такими гранями, носили названія „шестигранника“ или „восьмигранника“. Поэтому для церквей, имѣющихъ такого вида кровли, терминъ „кубастыя“ не подходитъ; скорѣе ихъ слѣдовало бы назвать „купольными“, такъ какъ форма ихъ кровель предста-

Рис. № 363.

Николаевская церковь въ селѣ Заячерицѣ. Фот. Ѳ. Калкина.

вляеть въ сущности не что иное, какъ вытянутый вверхъ, на подобіе луковицы, граненый куполь.

Образцовъ такого типа храмовъ до нашего времени уцѣлѣло много, но всѣ они, по нашему мнѣнію, не относятся къ лучшимъ памятникамъ нашего древняго церковнаго зодчества. Причину этого слѣдуетъ, быть можетъ, искать въ томъ, что примѣненіе формы восьмигранника настолько же не обычно въ нашемъ до-Петровскомъ церковномъ зодествѣ, насколько оно типично для церквей Украины; поэтому, являясь, такъ сказать, формой навязанной для нашей церковной архитектуры, восьмерикъ не могъ вдохновлять нашихъ плотниковъ и примѣнялся ими нехотя, въ крайнемъ случаѣ, какъ, на примѣръ, при перестройкѣ Никольскаго храма въ Зачачьевскомъ при-

ходъ ¹⁾ (рис. № 361). Церковь эта, построенная въ 1687 году, всѣмъ своимъ обликомъ, за исключеніемъ верха, аналогична Георгіевскому храму на Верхней Тоймѣ (смотри рис. № 296) и, подобно ему, безспорно была первоначально покрыта шатромъ, который былъ разрушенъ въ 1748 году ударомъ молніи. Объ этомъ случаѣ свидѣтельствуеъ клировая вѣдомость, называя шатеръ храма „верхомъ“ и прибавляя при этомъ, что верхъ былъ тогда же снова отстроенъ ²⁾.

Сильное стремленіе плотниковъ къ многоверхимъ храмамъ, проявившееся въ концѣ XVII вѣка, нашло до нѣкоторой степени исходъ въ созданіи такихъ церквей, какъ въ селахъ Подпорожьѣ и Бережно-Дубровскомъ. Однако, главенствующей формой этихъ церквей все еще является „кубъ“; говоря иначе, многоглавіе здѣсь все еще не самостоятельно — оно еще не нашло своего собственнаго облика и, такъ сказать, только прилаживается къ другимъ, уже сложившимся формамъ. Къ такому же періоду развитія многоверхихъ храмовъ можно отнести церкви въ селѣ Чухчерьмѣ ³⁾ и въ Заостровьѣ ⁴⁾, которыя настолько похожи одна на другую по общей идеѣ ихъ композиціи, что разсматривать ихъ обѣ нѣтъ надобности. Остановимся поэтому только на первой изъ нихъ, построенной въ 1657 году (рис. №№ 364 и 365). Центральная ея часть образована грузнымъ кубическимъ срубомъ, къ которому съ востока и запада примыкають срубы алтаря и притвора, крытые бочками; послѣдній съ трехъ сторонъ охваченъ срубомъ нищевника, передъ которымъ находится маленькое крылечко. Основной срубъ крытъ на четыре ската, надъ которыми высится шатеръ, служащій подножіемъ для центральной главы; вокругъ него размѣщены по квадрату восемь главъ, на такихъ же толстыхъ шеяхъ, какъ и у средней главы. Назвать эту композицію удачной врядъ ли возможно, такъ какъ въ общемъ низъ церкви не вяжется съ ея верхомъ, а въ частности шатеръ не вяжется съ кровлей на четыре ската, являясь формой, явно притянутой насильственно и подчиненной, отчего, несмотря на довольно большіе размѣры этого шатра, цер-

¹⁾ Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

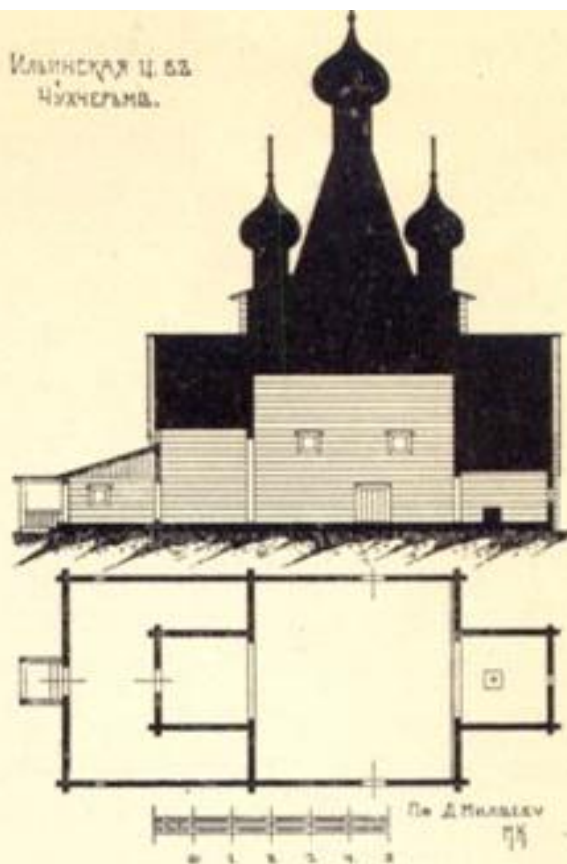
²⁾ Такого же типа верхъ покрываетъ восьмерикъ церкви Рождества Богородицы въ селѣ Зайчерицѣ (Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи). Хотя церковь эта построена въ 1808 году, но всѣ ея массы типичны для обычнаго шатроваго храма съ квадратной клѣтью въ основаніи центральной башни и только ея восьмигранный куполъ производитъ впечатлѣніе чего то случайнаго среди традиціонныхъ формъ болѣе ранняго времени, указывающихъ на то, что даже въ началѣ XIX вѣка все новое очень медленно прививалось и усваивалось въ такихъ глухихъ мѣстахъ, какъ Тотемскій уѣздъ (рис. № 362). Что же касается другой, Никольской церкви того же села, то она въ значительно большей степени, чѣмъ ея сосѣдка, носитъ на себѣ слѣды упадка самобытнаго искусства, несмотря на то, что основныя ея массы, въ особенности крытый бочкой пятигранный алтарь, говорятъ о болѣе древнихъ моментахъ этого искусства. Оставляя въ сторонѣ колокольню этой церкви съ ея не русскимъ, игловиднымъ шпилемъ, отмѣтимъ только покрытие „осьмерикомъ“, выродившееся здѣсь въ какой то недоразвитый куполъ, заверченный жеманной луковичкой на тонкой шейкѣ, которая совершенно неумѣстна рядомъ съ маковкой алтаря, сохранившей формы древняго зодчества (рис. № 363).

³⁾ Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

⁴⁾ Подъ Архангельскомъ. Построена въ 1688 году.

Ильинская ц. въ
Чухчерьмѣ.

По Д. Михайлову
178

Рис. № 365.
Церковь въ
Чухчерьмѣ.

Фот.
Н. Невѣрова.

ковъ въ Чухчерьмѣ никоимъ образомъ не можетъ быть отнесена къ церквамъ шатроваго стиля.

Ничего новаго въ отношеніи группировки основныхъ массъ мы не находимъ и въ многоверхой церкви Покрова на Кижскомъ погостѣ ¹⁾, построенной въ 1764 году (рис. № 366). Дѣйствительно, по общей идеѣ композиціи она представляетъ обычную церковь шатроваго стиля, имѣющую квадратъ въ планѣ ея средней (башнеобразной) части. Но вмѣсто шатра послѣдняя крыта плоской крышей на восемь скатовъ, надъ которой высятся девять верховъ; средній изъ нихъ лишь немного больше круговыхъ, отмѣчающихъ собою каждый уголь восьмерика. Всѣ главы поставлены на пьедесталы: небольшіе восьмерики, служащіе связующимъ элементомъ между крышей и шейками луковичныхъ главокъ, профиль которыхъ замѣчательно красивъ. Шейки и луковицы этихъ верховъ, равно какъ маковка надъ бочкой алтаря и сама эта бочка, крыты острымъ лемехомъ, а верхи шеекъ подъ самыми луковицами украшены рѣзными кольцами. Въ общемъ Покровская церковь производитъ благопріятное впечатлѣніе, подкупая, конечно, главнымъ образомъ своимъ верхомъ, которымъ строитель сумѣлъ придать всему храму нѣчто индивидуальное и какъ будто новое. Особенно выигрываетъ церковь при взглядѣ на нее съ западной стороны, когда сокращается длинная, скучная трапезная и выгодно вырисовываются девять стройныхъ верховъ ²⁾ (рис. № 367).

Совершенно иной пріемъ девятиглавія видимъ у церкви Лядинскаго погоста ³⁾, хотя по композиціи ея основныхъ массъ она совершенно такая же, какъ Покровская церковь на Кижскомъ погостѣ (рис. № 144). Дѣйствительно, надъ восьмерикомъ здѣсь высятся только пять главъ, а каждая изъ четырехъ остальныхъ отмѣчаетъ собою углы ниже лежащаго четверика; всѣ главы вырастаютъ своими шейками прямо изъ кровель, безъ посредства подножій, причемъ форма самихъ луковицъ далеко не такъ изящна, какъ у предыдущей церкви. Такой пріемъ многоглавія ставитъ церковь Лядинскаго погоста между церковью Кижскаго погоста и церквами пятиглавыми, при чемъ она, конечно, болѣе близка къ послѣднимъ, такъ какъ ея пятиглавіе сильно подчеркнуто, будучи выдѣлено въ самостоятельную группу.

Весьма интересный памятникъ девятиглавыхъ церквей представляетъ церковь на Оштенскомъ погостѣ ⁴⁾, построенная въ 1791 году. Несмотря на то, что число главъ сближаетъ эту церковь съ предыдущими, она совершенно отличается отъ нихъ по композиціи главной ея части (рис. № 368). Дѣй-

¹⁾ Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губерніи.

²⁾ Въ отношеніи девятиглавія существуетъ мнѣніе, что оно символизируетъ собою девять чиновъ ангельскихъ или девять чиновъ святыхъ угодниковъ. Съ точки же зрѣнія Исторіи Архитектуры естественнѣе предположить, что каноническое объясненіе числа девяти главъ сложилось уже послѣ того, какъ онѣ стали примѣняться изъ чисто эстетическихъ соображеній зодчихъ. Въдѣ надъ квадратомъ или восьмиугольникомъ, форма которыхъ не находится въ зависимости отъ каноническихъ правилъ, симметрично можно размѣстить только пять, или девять главъ, всякое же другое ихъ число будетъ непріятно рѣзать глазъ.

³⁾ Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи.

⁴⁾ Лодейнопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи.

Рис. № 366.
Покровская церковь въ Кижахъ. Фот. О. Каликина.

Рис. № 367.
Покровская
церковь
въ Кижахъ.

Фот.
О. Каликина.

Рис. № 368.

Церковь Оштенского погоста. По Л. Далю.

ствительно, основной четверикъ послѣдней заканчивается четырьмя ломаными щипцами, похожими на бочки; верхнія части этихъ щипцовъ упираются въ грани восьмерика, вѣрнѣе четверика со скошенными углами, такъ какъ діагональныя его грани значительно уже остальныхъ, тоже заканчивающихся вверху щипцами съ гранеными бочками, которыя охватываютъ, какъ рамками, луковичныя главки, стоящія на конькахъ нижнихъ щипцовъ; верхнія бочки въ свою очередь увѣнчаны луковичными главками и упираются въ грани второго, уже правильнаго восьмерика, надъ которымъ возвышается послѣдній, очень низкій восьмерикъ, покрытый довольно крутымъ колпакомъ. На послѣднемъ поставлена крещатая бочка, лбы которой ориентированы по діагоналямъ восьмерика, а не по странамъ свѣта, какъ это обычно дѣлалось. Бочка эта служитъ подножіемъ для вѣнчающей всю композицію главы, размѣры которой значительно больше размѣровъ остальныхъ главъ, въ особенности тѣхъ двухъ, что помѣщены на конькахъ бочекъ двухъ-апсиднаго алтаря. Шей и луковичныя главъ, а также крещатая бочка и бочки апсидъ крыты лемехомъ, остальные же кровли крыты тесомъ; всѣ наружныя стѣны сохранились не обшитыми и только торцы бревенъ средней и западной части храма закрыты досками ¹⁾. Хотя церковь Оштенскаго погоста построена почти на цѣлое столѣтіе позднѣе тѣхъ, которыя являются образцами окончательно сложившагося стиля многоверхихъ храмовъ и къ обзору которыхъ мы сейчасъ перейдемъ, тѣмъ не менѣе мы считали себя въ правѣ рассмотреть ее предварительно, такъ какъ она повторяетъ, повидимому, архитектурный приѣмъ болѣе древнихъ, не дошедшихъ до насъ церквей, строители которыхъ, все еще сохраняя девятиглавіе, нашли для него новыя формы, которыя заставляютъ считать эти церкви, а вмѣстѣ съ ними и позднюю ихъ копію, т. е. церковь Оштенскаго погоста, послѣдней ступеню къ церквамъ многоверхимъ.

Вполнѣ сложившійся характеръ многоверхаго приѣма имѣетъ церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, находящаяся въ десяти верстахъ отъ города Вытегры ²⁾. По своему плану памятникъ этотъ относится къ

¹⁾ Таковъ былъ внѣшній видъ храма на Оштенскомъ погостѣ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда его обмѣрилъ Л. В. Даль, чертежи котораго мы здѣсь воспроизводимъ.

²⁾ Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. Церковь эта построена въ 1708 году, а въ 1793 году отремонтирована, при чемъ подъ нее былъ подведенъ каменный фундаментъ, за-

крестовымъ сооруженіямъ съ центральнымъ восьмиугольникомъ, при чемъ изъ трехъ его алтарныхъ апсидъ главная является восточнымъ концомъ этого креста, а боковыя образованы особыми прирубамъ къ сѣверному и южному концамъ креста (рис. № 369). Съ запада церковь охвачена нищевникомъ, которому предшествуетъ крыльцо о трехъ всходахъ; какъ нищевникъ, такъ и крыльцо совершенно изуродованы досчатой обшивкой. Центральный восьмерикъ имѣетъ 10-ти саженную высоту; онъ представляетъ собою довольно грузную башню, діагональныя грани которой, на высотѣ верхнихъ бочекъ прирубовъ, украшены кокошниками, имѣющими исключительно декоративное значеніе, такъ какъ они еле выдаются изъ плоскостей граней восьмерика и, слѣдовательно, не могутъ служить имъ защитой отъ дождя (рис. № 370). Вверху всѣ грани башни завершаются бочками, сходящимися къ подножію малаго восьмерика, крытаго крещатой бочкой съ дополнительными вальмами, идущими къ діагональнымъ гранямъ; надъ крещатой бочкой высится главная маковка церкви, окруженная восемью маковками, поставленными на бочкахъ нижняго восьмерика. Такимъ образомъ, верхъ разсматриваемаго храма близокъ по замыслу къ верху Покровской церкви въ Кижахъ, съ тою лишь разницей, что у послѣдней маковки отмѣчаютъ ребра восьмерика, а здѣсь онѣ приходятся надъ серединами его граней. Каждый изъ четырехъ прирубовъ къ основному восьмерику какъ бы разслоенъ по высотѣ на двѣ части, образуя уступы, которые крыты самостоятельными бочками, увѣнчанными маковками. Такимъ образомъ, разсматриваемый памятникъ имѣетъ семнадцать верховъ, если не считать трехъ маволокъ надъ бочками алтарей; это многоглавіе, кажущееся однимъ изъ новшествъ начала XVIII вѣка, представляетъ въ сущности возвратъ къ старинѣ, и при томъ къ своей собственной, чисто народной, такъ какъ изъ лѣтописей извѣстно, что первоначальный соборный храмъ Новгорода, Святая Софія, построенная изъ дубоваго лѣса, имѣла тринадцать верховъ, а нѣкоторыя кіевскія церкви, правда каменные, имѣли пятнадцать, двадцать пять и даже тридцать верховъ. Намъ неиз-

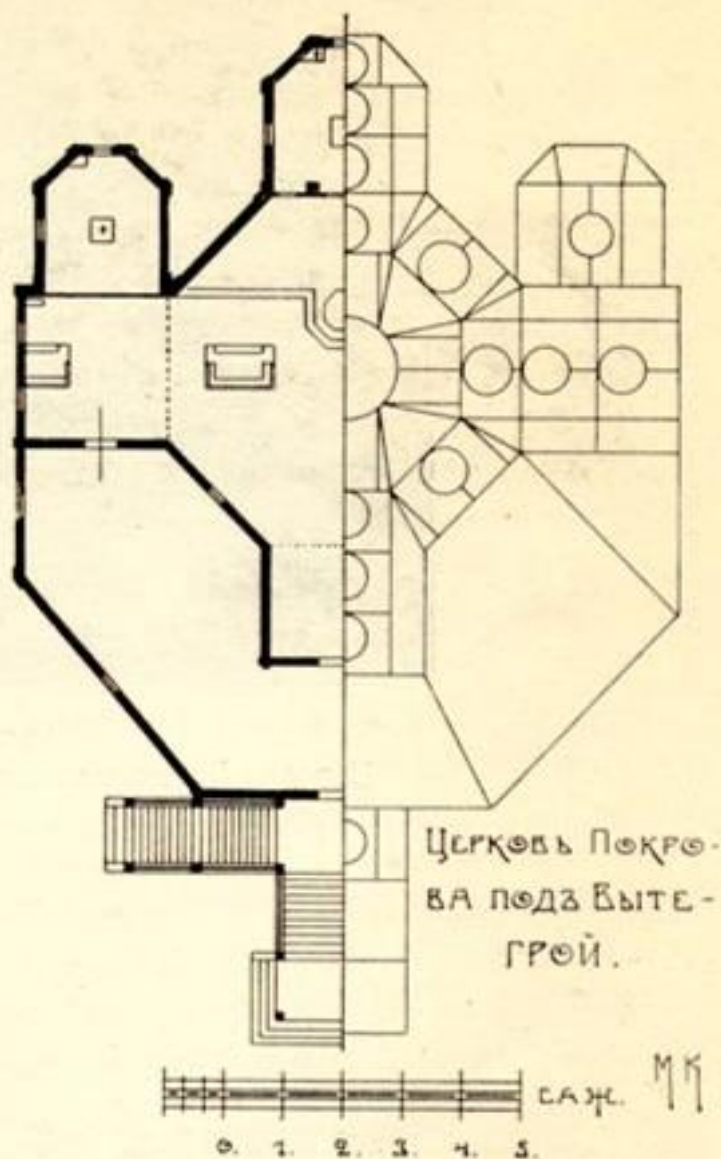

Рис. № 369.

гнившіе нижніе вѣнцы замѣнены новыми, стѣны снаружи обшиты тесомъ, а главы и крыши покрыты бѣлымъ желѣзомъ.

Рис. № 370.
Церковь Вытегорского посада. Фот. Ф. Барщевского.

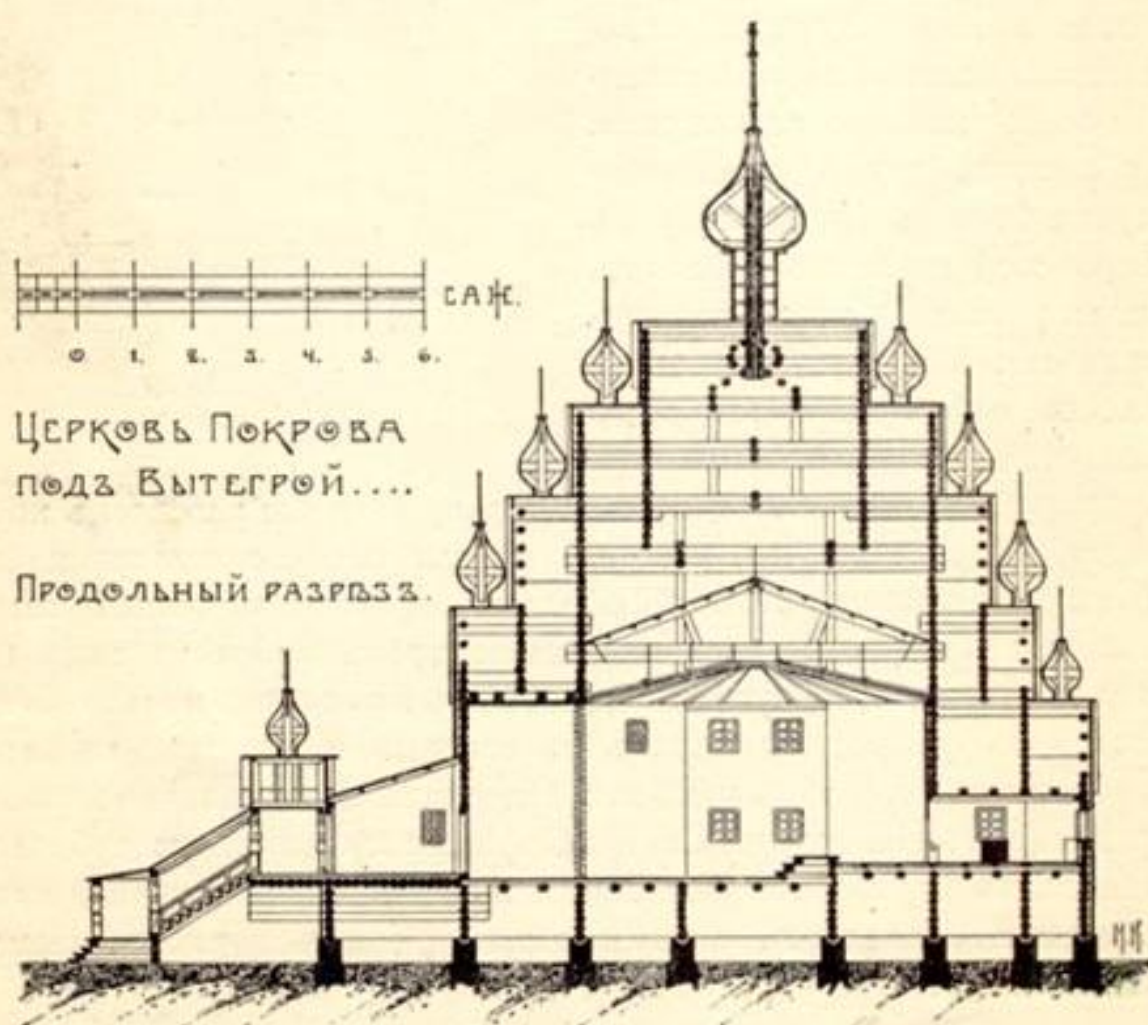

Рис. № 371.

вѣстно, каковъ былъ общій обликъ новгородской Софіи, но во всякомъ случаѣ мы въ правѣ утверждать, что идея многоглавія жила въ народѣ и, быть можетъ, поддерживалась другими многоверхими храмами, служившими звеньями цѣпи, въ началѣ которой стоитъ Софія Новгорода, а въ концѣ церковь Вытегорскаго посада. Къ сожалѣнію, звенья эти исчезли съ лица земли и поэтому остается только надѣяться, что какое-нибудь счастливое архивное открытіе дастъ намъ о нихъ хоть какія-либо свѣдѣнія.

Возвращаясь къ разсматриваемому памятнику скажемъ нѣсколько словъ о его внутреннемъ распорядкѣ и конструкціи. По сравненію съ низкимъ нищевникомъ самъ храмъ кажется внутри большимъ, хотя онъ въ самомъ высокомъ мѣстѣ, т. е. подъ центромъ куполовиднаго потолка, не достигаетъ четырехъ сажень (рис. № 371), высота же алтарей, крытыхъ подобно остальнымъ прирубамъ прямыми потолками, едва превышаетъ одну сажень. Подъ всѣмъ храмомъ устроено довольно высокое подцерковье, такъ что изъ всей высоты зданія только одна треть ея отведена подъ видимую внутри часть, все же остальное занято подцерковьемъ и чердаками, пересѣченными стѣнами и связями простой, но очень логичной конструкціи. Не задерживаясь на ея подробномъ описаніи, укажемъ только на то, что всѣ бочки, какъ и у болѣе древнихъ церквей, срублены здѣсь изъ бревенъ и прочно соединены со срубомъ восьмерика крещатыми въ планѣ связями, имѣющими по высотѣ отъ двухъ до трехъ бревенъ; большинство изъ этихъ связей насквозь пронизываютъ чердаки храма, играя значительную роль въ его устойчивости. Такими же связями схвачены и стѣны восьмерика, а его второй потолокъ покоится на особой стропильной системѣ, къ нижнимъ прогонамъ которой подвѣшенъ на желѣзныхъ хомутахъ первый потолокъ—нижній.

Хотя въ вытегорскомъ храмѣ идея многоглавія нашла, какъ мы уже замѣтили выше, свою окончательно вылившуюся форму, но все же въ немъ еще чувствуется нѣкоторая неуравновѣшенность массъ, причина которой кроется въ тяжеловатости основного восьмерика и въ непропорціонально съ нимъ малыхъ размѣрахъ верхней главы. Эти недочеты композиціи совершенно отсутствуютъ у другого памятника многоверхаго стиля, а именно у церкви Преображенія въ уже знакомомъ намъ Кижскомъ погостѣ. Она построена на шесть лѣтъ позднѣе вытегорской, т. е. въ 1714 году и по своему плану мало чѣмъ отъ нея отличается; главное различіе заключается въ томъ, что у нея одинъ алтарь, а не три, и иная форма трапезной. Въ остальномъ планъ кижской церкви представляетъ такой же крестъ съ восьмиугольникомъ въ центрѣ, какъ и планъ предыдущаго памятника (рис. № 372). То же

Церковь Спаса Преображенія на Кижскомъ погостѣ.

Продольный разрезъ.

По Л.Б. Далю.

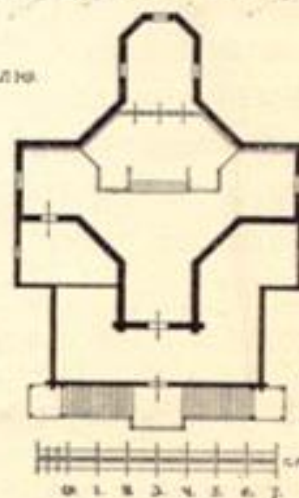

Рис. № 372.

можно сказать и о внутреннемъ видѣ церкви въ Кижѣхъ, такъ какъ единственно чѣмъ она разнится отъ устройства вытегорской церкви, не считая, конечно, деталей, это горизонтальнымъ потолкомъ, балки котораго оставлены открытыми. Что же касается внѣшней архитектуры кижской церкви, то, въ сущности говоря, она богаче своей предшественницы лишь одной значительной массой, именно третьимъ восьмерикомъ, благодаря которому

Рис. № 373.

Преображенская церковь въ Кижѣхъ. Фот. О. Каликина.

явилась возможность поставить надъ бочками второго восьмерика еще четыре маковки, которыя вмѣстѣ съ семнадцатью нижними образуютъ группу изъ двадцати одного верха. Укажемъ еще на одну подробность: верхнія бочки прирубовъ находятся гораздо ближе къ бочкамъ нижняго восьмерика, чѣмъ у вытегорской церкви, вслѣдствіе чего всѣ бочки съ ихъ маковками, подходя ритмичными уступами къ центральной главѣ, образуютъ вмѣстѣ съ нею стройную пирамиду (рис. № 373). Итакъ, здѣсь использованъ такой же приѣмъ, какъ и въ предыдущемъ памятникѣ; здѣсь нѣтъ ни одной новой формы, которая не встрѣчалась

бы намъ на болѣе древнихъ нашихъ церквахъ, но тонкое художественное чутье подсказало зодчему Преображенскаго храма ввести незначительныя по существу детали, превратившія его произведеніе въ шедевръ, который смѣло можно назвать вѣнцомъ народнаго творчества и который въ исторіи русскаго деревяннаго зодчества долженъ занять такое же мѣсто, какое заняла московская церковь Василія Блаженнаго въ исторіи каменнаго зодчества ¹⁾.

¹⁾ Въ настоящее время храмъ обшитъ досками, а его главы, шеи и бочки покрыты желѣзомъ. Въ прежнее же время, когда были видны бревна срубовъ и бочекъ, когда всюду вмѣсто желѣза игралъ переливами отгѣнковъ лемехъ, храмъ долженъ былъ производить впечатлѣніе воплощенной сказки, хорошо всѣмъ съ дѣтства знакомой, но каждый разъ слушаемой съ восторгомъ и съ вѣчно новымъ интересомъ.

Прототипы церквей, называемых теперь многоярусными, а въ старину именовавшихся „четверикъ на четверикъ“, существовали, надо полагать, задолго до того времени, когда этотъ архитектурный приѣмъ вылился въ форму дѣйствительно многоярусныхъ башенъ, что произошло, безспорно, подъ вліяніемъ мотивовъ южно-русскаго зодчества въ XVIII вѣкѣ. Прототипы же эти настолько незамысловаты и такъ мало чѣмъ отличаются отъ церквей клѣтскихъ, что предполагать зарожденіе ихъ подъ давленіемъ какихъ-либо постороннихъ вліяній, повидимому, не приходится. Большинство изъ нихъ, подобно клѣтскимъ церквамъ, разбросано по центральной Россіи, гдѣ гораздо меньше хорошаго строевого лѣса, чѣмъ на сѣверѣ, и гдѣ, слѣдовательно, приходилось ограничиваться скромными какъ по величинѣ, такъ и по формамъ церквами; эта причина въ связи съ желаніемъ имѣть болѣе нарядныя, нежели простыя клѣтскія церкви, естественно привела къ типу „четверикъ на четверикъ“ или „восьмерикъ на четверикъ“. О послѣдней комбинаціи срубовъ и о взглядѣ на ея возникновеніе мы уже говорили выше ²⁾, поэтому сейчасъ отмѣтимъ только то, что такое соединеніе срубовъ наши плотники, насколько объ этомъ можно судить по памятникамъ письменности, подводили подъ тотъ же терминъ „четверикъ на четверикъ“, равно какъ этимъ же терминомъ они обозначали два восьмигранныхъ въ планѣ сруба, поставленныхъ одинъ на другой. Говоря иначе, этимъ терминомъ они опредѣляли лишь положеніе срубовъ, независимо отъ ихъ числа и ихъ формы.

Образцомъ композиціи, гдѣ *четверикъ* поставленъ на *четверикъ* же, можетъ служить Введенская церковь въ заштатномъ городѣ Илимскѣ ¹⁾, состоящая изъ двухъ прямоугольныхъ срубовъ; надъ двухскатной крышей восточнаго сруба, который нѣсколько выше западнаго, поставленъ второй *четверикъ*, сильно вытянутый по направленію сѣверъ-югъ и покрытый бочечной крышей, увѣнчанной двумя маковками, которыя говорятъ о двухъ престолахъ Введенской церкви (рис. № 374). Изъ сказаннаго видно, что Илимская церковь мало чѣмъ отличается отъ Успенской церкви въ Черевковѣ (смотри стран. 193), которую мы отнесли къ группѣ клѣтскихъ

Рис. № 374.
Введенская церковь въ Илимскѣ.
По И. Серебренникову.

¹⁾ Смотри страницу 266.

²⁾ Киренскаго уѣзда, Иркутской губерніи. По клировымъ записямъ сооруженіе этой церкви относится къ 1693 году, однако, есть небезосновательныя предположенія, что она построена въ 1685 году и даже въ 1673.

церквей, но которая, въ сущности, является такимъ же прототипомъ ярусныхъ церквей какъ и Илимская. Говоря иначе, обѣ эти церкви, стоя на рубежѣ между двумя типами памятниковъ старо-русскаго зодчества, говорятъ о тѣсной связи послѣднихъ, а, слѣдовательно и о томъ, что зарожденіе типа ярусныхъ храмовъ началось въ центральной Руси само собою, безъ участія малорусскаго вліянія, сказавшагося позднѣе.

Такое же положеніе, но въ отношеніи церквей, у которыхъ главная часть образована *восьмерикомъ*, стоящимъ на четверикѣ, занимаетъ клѣт-

Рис. № 375.
Георгіевская церковь въ Вершинѣ
на Ергѣ. Фот. И. Грабаря.

ская церковь села Ивашкова (смотри страницу 193). Она является прототипомъ церквей типа „восьмерикъ на четверикѣ“, такъ какъ ея глухой восьмерикъ имѣетъ недоразвитый характеръ и служитъ только подножіемъ для маковки, а не является самостоятельной частью.

Значительно болѣе развитой характеръ имѣетъ восьмерикъ на церкви Св. Георгія въ селѣ Ержской Вершинѣ ¹⁾ (рис. № 375); онъ гораздо ниже восьмерика ивашковской церкви, и поэтому пропорціональнѣе по отношенію къ нижележащему четверику, образуя съ нимъ одно цѣлое при помощи четырехскатной крыши, тогда какъ въ предыдущемъ примѣрѣ восьмерикъ имѣетъ чисто случайный характеръ и кажется кое-какъ прилаженнымъ къ высокой двухскатной кровлѣ клѣтскаго храма. Покрытіе восьмерика Георгіевской церкви настолько плоско, что его почти не видно, вслѣд-

ствие чего шея маковки вырастаетъ какъ бы прямо изъ восьмерика. Послѣдній такъ же, какъ и у ивашковской церкви, глухой, но стѣны его, подобно стѣнамъ нижняго четверика, имѣютъ повалы, нѣсколько оживляющіе скучный силуэтъ всего храма.

Какъ на типичный примѣръ церквей, главная часть которыхъ образована восьмерикомъ, поставленнымъ на четверикѣ, укажемъ на Воскресенскую церковь въ селѣ Кременскомъ ²⁾ (рис. № 376). Она стоитъ на подклѣтѣ и охвачена съ трехъ сторонъ галлереей, что въ Калужской губерніи представляется явленіемъ очень рѣдкимъ; галлерей эта глухая съ сѣверной и восточной сторонъ, а съ южной и западной открытая, при чемъ со всѣхъ сторонъ она висячая и опорой ей служатъ консоли, образованныя постепеннымъ напускомъ бревень. (Рис. № 377). Восьмерикъ церкви не высокъ, но

¹⁾ Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губерніи. Церковь эта построена въ началѣ XVIII вѣка.

²⁾ Медынскаго уѣзда, Калужской губерніи. Построена въ концѣ XVII вѣка.

ВОСКРЕСЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ

СЕЛѢ КРЕМЕНСКОМЪ.

РАЗРѢЗЪ ПО

ЛИН.З.М.

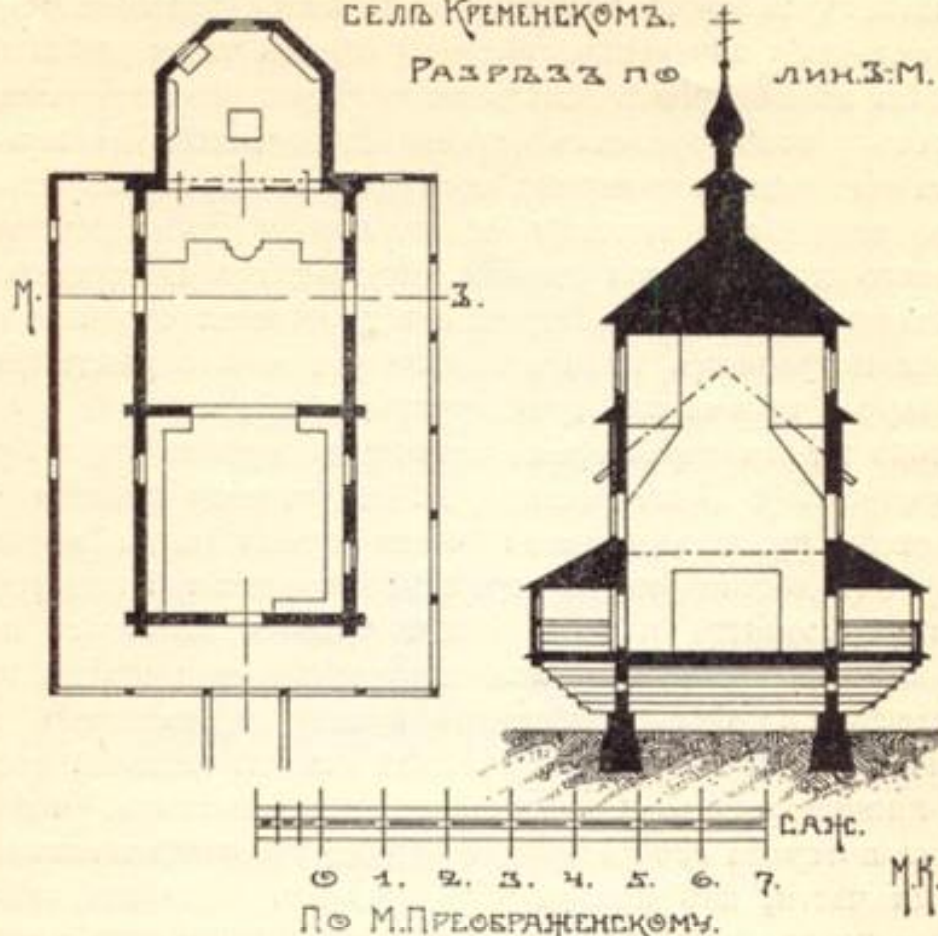

Рис. № 376.

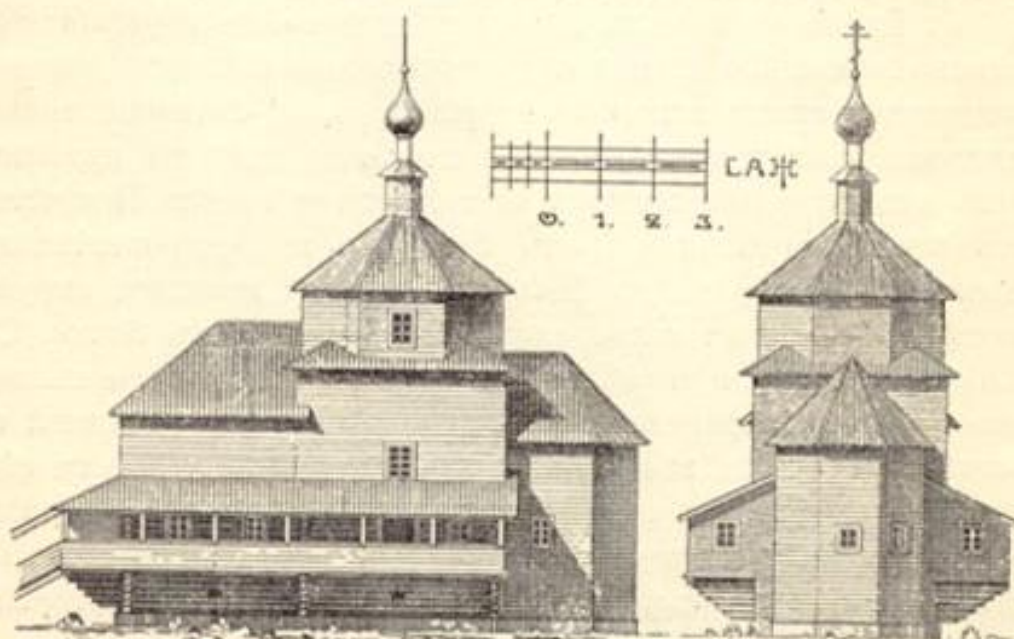

Рис. № 377.

Церковь села Кременского. По М. Преображенскому.

открыть изнутри церкви и двѣ стѣны его прорѣзаны окнами; такимъ образомъ, онъ имѣетъ не одно только декоративное значеніе, но и служить также для увеличенія внутренней высоты главной части храма и для большаго свѣта. Въ этомъ приѣмѣ нельзя не видѣть вліянія украинскаго зодчества, такъ какъ у чисто русскихъ церквей, состоявшихъ изъ четверика и возвышавшагося надъ нимъ восьмерика, послѣдній всегда имѣлъ исключительно декоративное значеніе и поэтому обязательно былъ отдѣленъ потолкомъ отъ внутренняго пространства церкви. Восьмерикъ Воскресенской церкви покрытъ „колпакомъ“, надъ которымъ возвышается стройная маковка на высокомъ восьмигранномъ подножѣ, которое можно разсматривать, какъ зародышъ второго восьмерика трехъярусныхъ церквей.

Нѣсколько инымъ характеромъ отличается церковь Спаса Преображенія въ селѣ Коровномъ¹⁾; дѣйствительно, въ ней гораздо сильнѣе подчеркнуто желаніе зодчаго придать главной части храма видъ ярусной башни (рис. № 378). Это достигнуто, во-первыхъ, значительной высотой основного четверика, перерѣзаннаго надвое общей крышей западнаго и восточнаго прирубовъ; во-вторыхъ, купольнымъ покрытіемъ восьмерика, поперечникъ котораго значительно больше діаметра купола, и, наконецъ, формой маковки, шейка которой обработана въ видѣ самостоятельной части, дающей намекъ на лишній ярусъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что вслѣдствіе этого маковка потеряла свой стародавній обликъ, раздѣлившись на двѣ самостоятельныя части, изъ которыхъ верхняя, т. е. главка, получила видъ утрированнаго по величинѣ яблока, которымъ обычно остріе главки соединяется съ крестомъ, что не преминуто и въ данномъ случаѣ.

Весьма рѣдкимъ памятникомъ церквей, главная часть которыхъ образована двумя стоящими другъ на другѣ восьмериками, является церковь во имя Собора Пресвятой Богородицы, находящаяся съ селѣ Холмѣ²⁾ (рис. № 379). Ея главная часть представляетъ собою грузный низкій восьмерикъ, заканчивающійся вверху чуть замѣтнымъ поваломъ, надъ которымъ едва свѣшиваются скаты довольно крутой крыши, сходящіеся къ низу второго восьмерика. Поперечникъ послѣдняго очень малъ въ сравненіи съ поперечникомъ нижняго; при этомъ и высота его не велика. Покрытъ верхній восьмерикъ крещатой бочкой, надъ центромъ которой помѣщенъ небольшой куполокъ, служащій подножіемъ для средней маковки, окруженной четырьмя малыми, стоящими непосредственно на конькахъ бочки. Съ востока къ главной части храма примыкаетъ пятигранный алтарь, а съ запада прямоугольная въ планѣ трапезная, охваченная открытой, висячей галлереей-нищенникомъ, восточные концы которой охватываютъ также сѣверную и южную грани центральной части церкви. Въ цѣломъ разсматриваемый памятникъ не даетъ художественнаго впечатлѣнія, что зависитъ отъ несоотвѣтствія тяжелаго нижняго восьмерика съ изящнымъ верхомъ, который кажется перенесеннымъ сюда съ какой-то другой церкви³⁾.

¹⁾ Солигаличскаго уѣзда, Костромской губерніи. Построена въ 1768 году.

²⁾ Галицкаго уѣзда, Костромской губерніи.

³⁾ Это несоотвѣтствіе низа главной части съ ея верхомъ указываетъ, быть можетъ, на то, что храмъ имѣлъ первоначально другой видъ. Дѣйствительно, вполне возможно, что нижній

Рис. № 378.
Церковь въ селѣ Коровномъ. Фот. С. Орлова.

Рис. № 379.
Церковь въ селѣ Холмѣ. Фот. С. Орлова.

Холмская церковь интересна для насъ также, какъ примѣръ неудачной попытки соединенія двухъяруснаго приѣма съ пятиглавіемъ. Къ болѣе удачнымъ результатамъ привела такая же попытка строителя церкви Николая Чудотворца въ селѣ Березовцѣ на рѣкѣ Нолѣ¹⁾. Всѣ формы этой церкви, за исключеніемъ тосканскихъ колонокъ и баллюстрады галлерей, появившихся, надо полагать, значительно позднѣе всѣхъ остальныхъ частей храма, говорятъ о началѣ XVIII вѣка, такъ какъ въ нихъ нѣтъ еще явныхъ слѣдовъ вліянія западной архитектуры (рис. № 380). Крестовый, съ восьмиугольникомъ въ центрѣ, срубъ этой церкви, бочки, покрывающія концы этого креста, а также повалъ, вѣнчающій верхъ восьмерика—все это формы намъ знакомыя, примѣнявшіяся строителями шатровыхъ церквей, но вмѣсто шатра надъ восьмерикомъ помѣщенъ здѣсь второй крещатый, съ прямыми углами, срубъ, надъ центромъ котораго высится еще одинъ, квадратный въ планѣ срубикъ. Вся эта группа четвериковъ, образующихъ какъ бы третій и четвертый ярусы храма, служатъ переходомъ къ пяти главамъ, шеи которыхъ поставлены на низкихъ восьмигранныхъ подножіяхъ.

Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами пятиглавыхъ церквей березовецкая, въ сущности говоря, единственная, у которой пятиглавіе тѣсно и художественно слилось съ нижележащими массами храма и это, какъ намъ кажется, объясняется тѣмъ, что строитель Никольской церкви приблизился въ своемъ произведеніи къ схемѣ такихъ многоглавыхъ церквей, какъ вытегорская. Такимъ образомъ, даже строитель лучшей изъ пятиглавыхъ церквей не смогъ влить деревянный пятиглавый храмъ въ какія-либо новыя, характерныя для этой канонической идеи массы, а остановился, такъ сказать, на полъ-пути между шатровыми церквами и многоглавыми²⁾.

Мы сочли необходимымъ разсмотрѣть эти церкви, такъ какъ онѣ, хотя и заканчиваются пятиглавіемъ, все же по существу основныхъ своихъ формъ относятся къ ярусному типу; теперь же снова продолжимъ обзоръ церквей чистаго яруснаго стиля.

восьмерикъ церкви былъ прежде гораздо выше и былъ покрытъ шатромъ, но впоследствии, вѣроятно въ началѣ XVIII вѣка, подвергся по какой-то причинѣ перестройкѣ и получилъ тогда свой нынѣшній обликъ. Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ мѣстномъ преданіи, относящемъ сооруженіе храма къ 1552 году. Конечно, такая давность преувеличена, но если даже мы ее уменьшимъ на сто лѣтъ, то все же предположеніе наше не измѣнится, такъ какъ въ серединѣ XVII вѣка большинство храмовъ строилось шатровыми.

¹⁾ Солигаличскаго уѣзда, Костромской губерніи; годъ постройки неизвѣстенъ.

²⁾ Идея закрѣпленія пятиглавія за ярусными церквами находила поборниковъ и въ сравнительно недавнее время, свидѣтельствомъ чего служитъ церковь Великомученика Георгія въ селѣ Старо-Георгіевскомъ, (Солигалич. у. Костромской губ.), построенная въ 1804 году. На трапезной этой церкви, въ особенности на деталяхъ ея открытой галлерей сильно сказалось вліяніе западно-европейской архитектуры, но массы главной части храма все еще скомпанованы по старымъ традиціямъ, характернымъ не для XIX вѣка, а для XVIII, хотя детали ихъ опять таки говорятъ о стараніи зодчаго идти въ ногу съ его столичными товарищами (рис. № 381). Въ самомъ дѣлѣ, надъ четверикомъ мы видимъ здѣсь пропорціональный ему восьмерикъ, надъ крышей котораго высится четыре прямоугольныхъ въ планѣ срубика, ориентированные по странамъ свѣта и окружающіе пятый срубъ, по размѣрамъ нѣсколько большій. Срубы эти служатъ подножіями для главокъ, которыя вмѣстѣ съ ихъ шейками получили новую форму, очень отличающуюся отъ прежней, о которой можно пожелать, по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ.

Рис. № 380.
Церковъ въ селѣ Березовицѣ на Нолѣ.
Фот. С. Орлова.

Рис. № 381.
Церковъ въ селѣ Старо-Георгіевскомъ. Фот. С. Орлова.

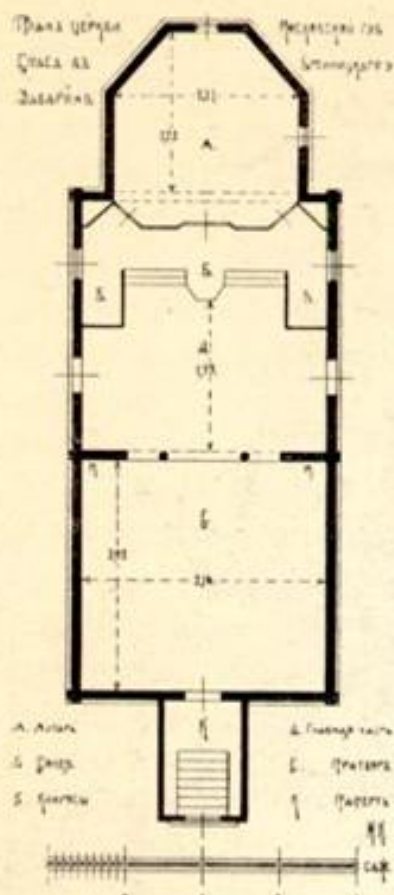

Рис. № 382.

Рис. № 383.
Церковь Спаса въ Заваринѣ
Фот. М. Красовскаго.

Выше мы замѣтили, что подножіе маковки у церкви села Кременского является намекомъ на слѣдующій фазисъ развитія стилия многоярусныхъ церквей, т. е. на церкви *трехъ-ярусныя*, образцовъ которыхъ сохранилось очень много. Въ большинствѣ случаевъ, отличаясь лишь деталями, онѣ очень похожи одна на другую, такъ какъ главная ихъ часть почти всегда состоитъ изъ нижняго четверика, надъ которымъ высятся два поставленныхъ одинъ на другомъ восьмерика, что придаетъ главной части церкви видъ башни, господствующей надъ всѣмъ остальнымъ.

Примѣромъ наиболѣе простой композиціи такого типа можетъ служить церковь Спаса въ Заваринѣ¹⁾ (рис. № 382). Ея главную часть, къ которой примыкаютъ прямоугольная трапезная и пятистѣнный алтарь, образуютъ четверикъ и два восьмерика, при чемъ послѣдніе соединяются другъ съ другомъ довольно крутыми гранями усѣченной пирамиды. Кровля верхняго восьмерика очень плоская и изъ центра ея, безъ всякой переходной части, вырастаетъ шейка луковицы, увѣнчанной ажурнымъ крестомъ (рис. № 383). Простыя крыши алтаря и трапезной, а также отсутствіе галлерей придаютъ внѣшности заваринской церкви сумрачный характеръ, который не мѣняется и внутри, несмотря на то, что свѣтъ проникаетъ въ нее сверху, сквозь окна нижняго восьмерика. Переходомъ къ послѣднему отъ нижележащаго четверика служатъ четыре горизонтальныхъ треугольника (а-а рис. № 384), а надъ

¹⁾ Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи. Построена, повидимому, въ концѣ XVII вѣка.

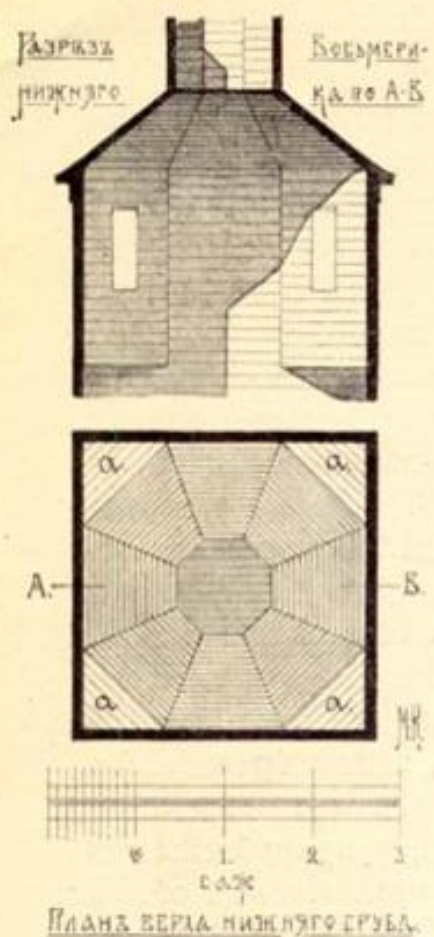

Рис. № 384.

Рис. № 385.
Церковь въ Сѣдѣньгѣ. Фот. О. Каликина.

Рис. № 386.
Церковь въ Сѣдѣньгѣ. Рис. Д. Савицкаго.

нимъ возвышаются скаты уѣченной пирамиды, отдѣленной отъ верхняго (глухого) восьмерика горизонтальнымъ потолкомъ.

Гораздо художественнѣе скомпонована Преображенская церковь въ Сѣднѣгѣ¹⁾. Ея главная часть состоитъ изъ четверика, поставленнаго на

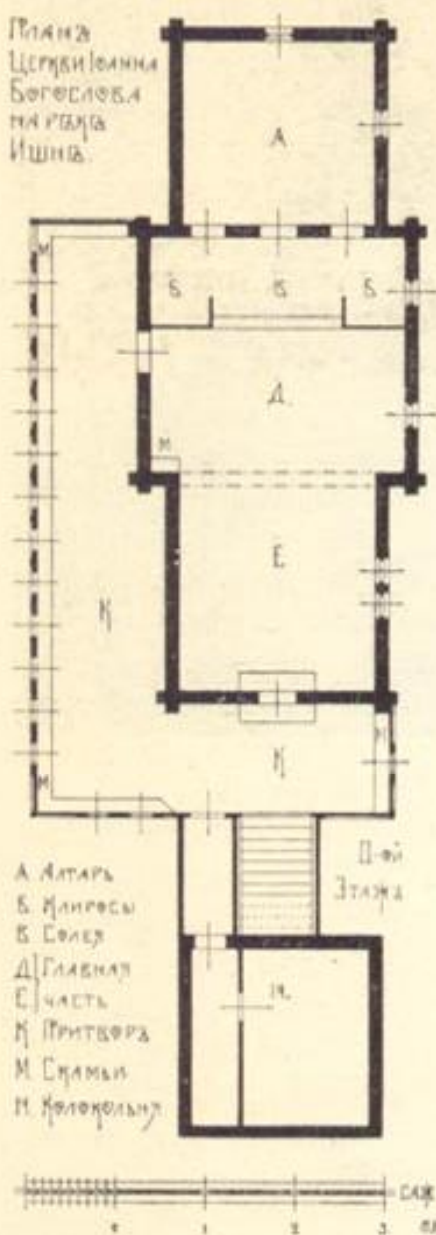

Рис. № 387.

подклѣтъ и уширеннаго вверху значительнымъ поваломъ, надъ которымъ высится два восьмерика, увѣнчанные маковкой (рис. № 385). Переходомъ отъ четверика къ первому восьмерику служитъ плоскій восьмигранный куполъ²⁾, врѣзающийся въ очень плоскую четырехскатную крышу четверика и сохранившій свое первоначальное покрытіе дранью. Трапезной у церкви нѣтъ; съ послѣдней непосредственно соединяется нищевникъ, занимающій всю длину ея западной стѣны, а также части стѣнъ сѣверной и южной; нищевникъ сдѣланъ досчатымъ, забраннымъ въ косякъ въ столбы, и опирающимся на выпущенные, въ видѣ консолей, концы бревень. Къ нищевнику ведетъ одномаршевая открытая лѣстница. Съ востока къ четверику прирублены двѣ граненныя апсиды, которыя крыты одной общей крышей на пять скатовъ (рис. № 386)³⁾. По пропорціямъ Сѣднѣгская церковь очень хороша, въ особенности издали, когда сильно выступающіе карнизы не скрываютъ высоты восьмериковъ и сглаживается непріятное впечатлѣніе отъ ихъ досчатой обшивки.

Разсмотримъ еще одинъ памятникъ трехъярусныхъ храмовъ, церковь Іоанна Богослова на рѣкѣ Ишнѣ, вблизи Ростова Великаго, построенную въ 1687 году и являющуюся однимъ изъ самыхъ интересныхъ образцовъ церковнаго строительства центральной Руси въ концѣ XVII в. Средній четверикъ ишнинской церкви (рис. № 387) срубленъ очень высокимъ, такъ какъ нижняя его часть, подобно низамъ обоихъ его прирубовъ, отведена подъ подклѣты значительной вы-

соты; надъ плоской крышей этого четверика высится глухой восьмерикъ безъ поваловъ, крыша котораго служитъ переходомъ къ третьему ярусу. Съ необычной формой послѣдняго мы встрѣчаемся въ церковномъ зодствѣ впервые — это шестигранная призма, слегка уширенная вверху

¹⁾ Вельскаго уѣзда, Вологодской губерніи. Построена въ 1759 году.

²⁾ Куполъ этотъ является мотивомъ, занесеннымъ на сѣверъ выходцами изъ Украйны, гдѣ онъ носитъ названіе „баньки“.

³⁾ Прежде надъ этой крышей возвышалась еще бочка, слѣды которой, въ видѣ гнѣздъ на восточной стѣнѣ главной части храма, ясно видны еще и теперь (смотри рис. № 386).

плавнымъ поваломъ. Плоская крыша шестерика увѣнчана сильно вытянутой вверхъ луковичной главкой, опирающейся своей шейкой на куполокъ, форма котораго напоминаетъ рѣпу. Вся эта ярусная башня, нижній массивъ которой украшенъ двумя кіотами¹⁾ для образовъ, завершается простымъ, но прекрасныхъ пропорцій восьмиконечнымъ крестомъ (рис. № 388). Западный и восточный прирубы го-

Рис. № 388.
Церковь на Ишиѣ. По И. Шамурину.

раздо ниже средняго четверика, такъ что коньки покрывающихъ ихъ бочекъ приходится какъ разъ подъ его карнизомъ. Какъ видно изъ плана, къ западному и среднему срубамъ церкви примыкаетъ съ сѣвера и запада притворъ (нищевникъ), опорой которому служатъ выпускные концы бревенъ срубовъ; конструкція нищевника обычная: основу его составляютъ прогоны и стойки, пространства между которыми забраны въ косякъ тесомъ; низъ и верхъ волоковыхъ оконъ нищевника украшены вырѣзными досками. Отъ западной части притвора спускается одномаршевая лѣстница, врѣзающаяся въ нижній ярусъ колокольни (рис. № 389), второй ярусъ которой срубленъ опять-таки необычно, а именно въ видѣ стройнаго шестерика, слегка уширенного вверху поваломъ. „Звонъ“ колокольни образуютъ шесть рѣзныхъ стоекъ, соединенныхъ внизу сплошной досчатой оградой; надъ „звономъ“ высится шестигранный же шатеръ, такой удлинненной пропорціи, что въ немъ гораздо больше сходства со шпильями западно-европейской архитектуры, чѣмъ съ шатрами нашихъ болѣе древнихъ храмовъ. Попасть на колокольню можно только изъ нищевника по висячему переходу, идущему вдоль лѣстницы къ верхней части нижняго яруса колокольни (рис. № 387), тогда какъ нижняя его часть играетъ роль паперти, вѣриѣ средняго рундука лѣстницы, такъ какъ здѣсь же помѣщается ея первый маршъ (рис. № 390)²⁾.

¹⁾ Верхній кіотъ типичнаго стариннаго склада, вѣроятно, одновремененъ храму, нижній же, повидимому, болѣе поздняго происхожденія.

²⁾ Такая тѣсная связь колокольни съ церковью, стоящей на высокомъ подклѣтѣ, не вошла въ кругъ традиціонныхъ пріемовъ нашихъ зодчихъ, поэтому допустимо предположеніе, что первоначально на мѣстѣ колокольни разсматриваемаго памятника находился, какъ у огромнаго большинства церквей на подклѣтахъ, обычный рундукъ крыльца, отъ котораго поднимался маршъ лѣстницы. Въ пользу такого предположенія говорятъ, во-первыхъ, упомянутый выше и довольно-таки нескладный переходъ изъ нищевника въ колокольню и, во-вторыхъ, характеръ

Церковь уже давно обшита тесомъ, которымъ особенно сильно изуродованы бочки прирубовъ, потому что на нихъ словно надѣли шапки въ видѣ двухскатныхъ крышъ; только низы округлостей бочекъ остались нетронутыми и здѣсь видно первоначальное покрытие—лемехъ, обработанный въ видѣ мелкихъ „городковъ“¹⁾).

Къ послѣднему фазису развитія многоярусныхъ храмовъ относятся такіе, у которыхъ главная часть, имѣя четыре возвышающихся одна надъ другой массы, представляетъ собою башню, у низа которой лѣплятся трапезная и алтарь, сами по себѣ тоже не малой высоты, но кажущіеся низкими по сравненію съ главной массой.

Нижній ярусъ башни такихъ церквей рубился обыкновенно клѣтью, а три верхнихъ имѣли въ большинствѣ случаевъ форму восьмигранниковъ, постепенно уменьшающихся какъ по высотѣ, такъ и по площади плана. Поэтому отличаются эти башни одна отъ другой главнымъ образомъ формой перехода отъ нижележащаго восьмерика къ вышележащему. Такъ, напримеръ, у церкви въ Верхней Кокшенгѣ²⁾, всѣ восьмерики соединялись другъ съ другомъ уже знакомыми намъ украинскими „баньками“; банька же служила переходомъ отъ верхняго восьмерика къ шейкѣ луковичной главки, вѣнчавшей всю башню, при чемъ пропорціи этой шейки были скорѣе согласованы съ гаммой восьмериковъ, нежели съ пропорціями главки, и поэтому шейка казалась какъ бы пятымъ ярусомъ (рис. № 392). Всѣ восьмерики верхкогшенгской церкви не имѣли оконъ и не были открыты изнутри церкви; говоря иначе, они, въ противоположность ярусамъ украинскихъ башенныхъ церквей, имѣли лишь декоративное значеніе, вслѣдствіе чего весь этотъ памятникъ съ повалами его ярусовъ, пятистѣннымъ алтаремъ, имѣвшимъ вверху типичный переходъ къ двухскатной крышѣ, и длинной трапезной, можно считать чисто мѣстнымъ произведеніемъ, многоярусность котораго была самобытной, развившейся постепенно изъ такихъ композицій, какъ Георгіевская церковь въ Вершинѣ на Ергѣ (смотри стр. 294) и Преображенская церковь въ Соденьгѣ (смотри стр. 301). Украинскими въ немъ были только „баньки“, если только онѣ не представляютъ собою имитаціи тѣхъ

ей архитектуры, слишкомъ „западной“ даже для конца XVII столѣтія, тогда какъ формы самого храма безспорно превосходны и большая ихъ часть все еще проникнута духомъ чистаго народнаго зодчества.

¹⁾ Къ трехъяруснымъ же церквямъ слѣдуетъ отнести и церковь Рождества Христова въ селѣ Починкѣ (Солигаличскаго уѣзда, Костромской губерніи, 1802 года), у которой, однако, башенный характеръ главной части выраженъ очень слабо (рис № 391). Дѣйствительно, эта часть образована невысокимъ четверикомъ, на которомъ стоитъ чрезвычайно низкій восьмерикъ, равный по ширинѣ четверику; поперекъ восьмерика, по направленію сѣверъ-югъ, помѣщенъ третій ярусъ, имѣющій форму длиннаго ящика, покрытаго четырехскатной крышей, надъ которой стоятъ три главки. Послѣднія всѣ покрыты лемехомъ и увѣнчаны одинаковыми крестами, но средняя изъ нихъ нѣсколько больше боковыхъ, которыя отвѣчаютъ двумъ приделамъ во имя Священномученика Власія и Макарія Уиженскаго.

Мы сочли необходимымъ сказать нѣсколько словъ о починкинской церкви, такъ какъ она, во-первыхъ, представляетъ собою образецъ упадка трехъяруснаго стиля и, во-вторыхъ, является рѣдкимъ образцомъ трехглавія на ярусной композиціи, которое, вообще говоря, было исключительнымъ явленіемъ среди деревянныхъ церквей центральной и сѣверной Руси.

²⁾ Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи. За ветхостью разобрана.

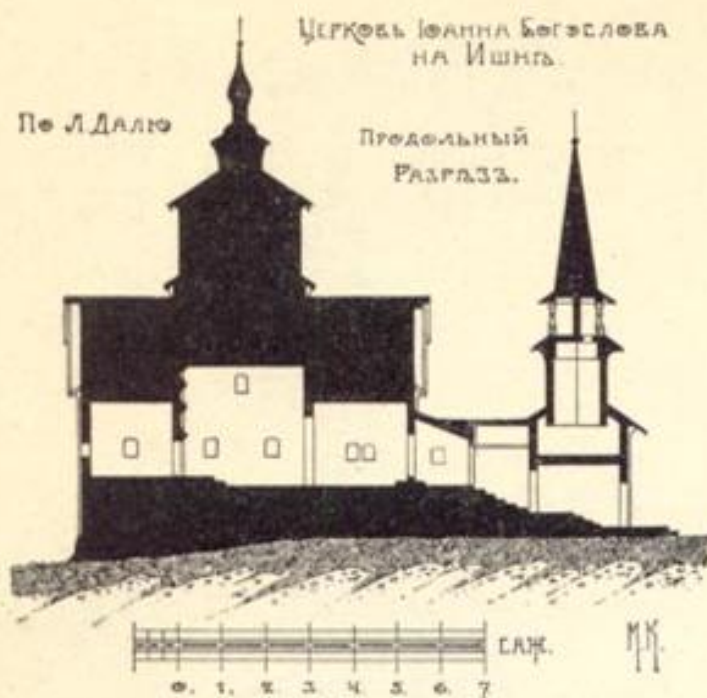

Рис. № 389.

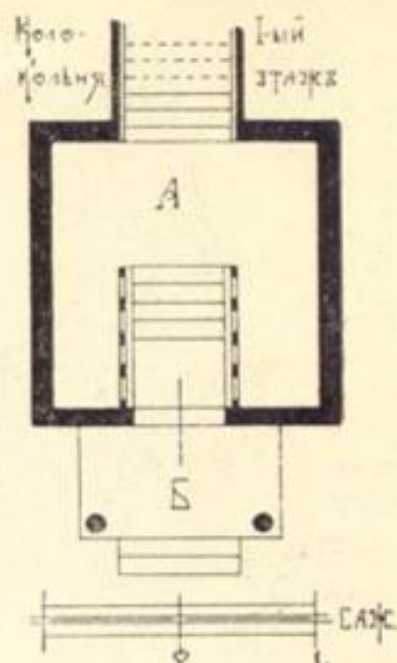

Рис. № 390.
Церковь на Ишнѣ.

Рис. № 391.
Церковь села Починка. Фот. С. Орлова.

Рис. № 392.
Церковь въ Верхней Кокшенгѣ.
Рис. Д. Савицкаго.

Рис. № 393.
Церковь Тихвинской Б. М.
подъ Торжкомъ.
Фот. Ф. Барщевскаго.

граненныхъ, сомкнутыхъ и сръзанныхъ сверху сводовъ нашихъ каменныхъ церквей стиля Барокко, которымъ мы обязаны не одной только Украинѣ.

У церкви Тихвинской Божіей Матери ¹⁾ переходы отъ одного восьмерика къ другому образованы прямыми, узкими полицами, такъ какъ, въ противоположность предшествующему памятнику, восьмерики этой церкви послѣдовательно уменьшаются по величинѣ ихъ поперечниковъ очень мало (рис. № 393). Верхній восьмерикъ покрытъ плоской восьмискатной крышей, надъ которой поставлена большая глава луковичной формы на высокой шеѣ. Всѣ восьмерики Тихвинской церкви прорѣзаны окнами, освѣщающими башню, которая по южной манерѣ вся изнутри открыта.

Совершенно по такому же принципу скомпанована церковь села Архангельскаго на Волу ²⁾; она отличается отъ предыдущей главнымъ образомъ верхнимъ ярусомъ, поперечникъ котораго значительно меньше нижележащаго восьмерика; кромѣ того, восьмерикъ верхняго яруса глухой, имѣетъ повалъ и увѣнчанъ пятиглавіемъ на крещатой бочкѣ, лбамъ которой придана непріятная форма ромбовъ (рис. № 394).

Обѣ эти церкви какъ по характеру ихъ массъ, такъ и по мелкимъ деталямъ типичны для стиля „Русскій Барокко“. Намъ неизвѣстно, когда онѣ

¹⁾ Близъ г. Торжка (Тверской губерніи). Построена въ XVIII вѣкѣ.

²⁾ Варнавинскаго уѣзда, Костромской губерніи. Построена въ 1755 году.

Рис. № 394.
Церковь села Архангельского
на Волу.

Рис. № 395.
Церковь Рождества Богородицы
въ Корневи.

были обшиты тесомъ, но мы склонны думать, что если ихъ обшивка не была сдѣлана тотчасъ же послѣ постройки, то во всякомъ случаѣ немного времени спустя. Объ этомъ говорятъ наличники оконъ, обшитые въ видѣ пилястръ углы и соединяющіе ихъ вверху фризы—вся эта декорация, характерная для стиля Барокко. Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами церквей, рубленныя стѣны которыхъ скрыты теперь обшивкой, эти двѣ не только не потеряли отъ нея своей прелести, но, наоборотъ, совершенно безъ нея невыразимы, такъ какъ онѣ цѣликомъ имитируютъ формы каменные, хотя и

являются конечной стадіей развитія цѣлой группы памятниковъ деревяннаго зодчества, т. е. церквей многояруснаго стиля.

Нѣсколько инымъ характеромъ отличается церковь Рождества Богородицы въ Кореневѣ¹⁾ (рис. № 395); хотя она завершена южнаго типа куполомъ, сливающимся съ шейкой главы, и хотя два ея восьмерика изнутри церкви открыты и прорѣзаны окнами, все же она болѣе близка къ верхкогшенской церкви, нежели къ Тихвинской и Архангельской, такъ какъ въ ней чувствуется какой-то неуловимый характеръ сѣвера, съ которымъ дисгармонируетъ обшивка верхнихъ восьмериковъ. Въ ней совершенно нѣтъ игри-

Рис. № 396.
Церковь въ Кандалакшѣ.
Фот. В. Плотникова.

вости и даже нѣкоторой доли жеманства, которыми проникнуты два предыдущихъ памятника, а ея нижній ярусъ, срубленный восьмерикомъ и этимъ рѣзко отличающійся отъ остальныхъ четырехъярусныхъ церквей, имѣетъ, наоборотъ, суровый и величавый видъ, какъ и все, что создано руками сѣверянъ, строившихъ на самой грани XIX вѣка почти такъ же, какъ и на два вѣка раньше²⁾.

Заканчивая на этомъ обзоръ группъ церквей, явившихся на смѣну шатровымъ, отмѣтимъ еще разъ, что многоглавіе и многоярусность, пройдя рядъ этаповъ, вылились въ концѣ концовъ въ опредѣленные сочетанія основныхъ, правда не новыхъ, массъ и получили такимъ образомъ, подобно церквамъ клѣтскимъ и шатровымъ, свой собственный обликъ, хотя и не

¹⁾ Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи. Построена въ 1793 году.

²⁾ Нѣсколько особнякомъ отъ другихъ четырехъ-ярусныхъ церквей стоитъ церковь Іоанна Предтечи въ Кандалакшѣ (Кемскаго уѣзда, Архангельской губерніи) (рис. № 396). Она построена въ 1786 году и отличительной ея чертой является, во-первыхъ, относительно небольшая высота ея башни и, во-вторыхъ, то, что послѣдняя образована перемежающимися четвериками и восьмериками, тогда какъ обычно башня такихъ церквей состоитъ, какъ мы видѣли, изъ нижняго четверика и трехъ возвышающихся надъ нимъ восьмериковъ.

распадающійся на нѣсколько разновидностей, какъ у послѣднихъ. Это произошло быть можетъ въ силу того, что съ конца первой четверти XVIII вѣка и на всемъ остальномъ его протяженіи, т. е. за все то недолгое время, когда строились многоглавыя и ярусныя церкви, русская жизнь текла особенно быстрымъ темпомъ, не оставлявшимъ времени для распаденія сложившагося стиля на нѣсколько его разновидностей. Въ началѣ же XIX вѣка нахлынувшая съ запада волна успѣла докатиться даже до самыхъ глухихъ угловъ Россіи и поглотила тамъ такихъ строителей, которые, подобно зодчимъ заячерицкой церкви, починкинской и старо-Георгіевской, пытались, насколько это было возможно въ ихъ силахъ, строить по традиціямъ старины.

Что же касается пятиглавія, то, пробуя прилѣпиться къ существовавшему прежде и ко всѣмъ нарождавшимся вновь стилямъ, оно вовсе не нашло своего выраженія въ деревянномъ зодествѣ, такъ какъ то врывалось въ область другихъ деревянныхъ стилей, то имитировало „каменное дѣло“.

Наконецъ, кубастые храмы заняли промежуточное положеніе между многоглавыми и ярусными церквами съ одной стороны и пятиглавіемъ съ другой, такъ какъ такихъ строгихъ въ смыслѣ стиля церквей, какъ Св. Параскевы въ Шуѣ, было, повидимому, мало; большинство же ихъ строителей или вошло, такъ сказать, въ сдѣлку съ пятиглавіемъ, или видимо тяготѣло къ многоглавію, или же, наконецъ, признавало одноглавый кубъ приличнымъ только для завершенія придѣловъ церквей другихъ стилей.

ГЛАВА VIII.

Разсматривая памятники нашего церковного деревянного зодчества, мы почти совсѣмъ не останавливались на мелкихъ деталяхъ; поэтому обратимся къ нимъ теперь, такъ какъ познакомиться съ ними необходимо потому, что онѣ играли далеко не послѣднюю роль въ нашемъ церковномъ строительствѣ и на нихъ преимущественно концентрировалось художественное вниманіе нашихъ плотниковъ, которые, въ силу свойствъ матеріала ихъ мастерства, только на деталяхъ могли вылить въ осязательныя формы свою любовь къ „преукрашенности“.

Къ числу такихъ деталей относятся, главнымъ образомъ, крыльца, двери, окна и столбы большихъ трапезныхъ.

Съ общими приѣмами композиціи крылецъ мы уже знакомы, поэтому остановимся только на нѣкоторыхъ ихъ подробностяхъ. Стойки, поддерживающія крышу крыльца, дѣлались иногда гладкими, имѣвшими въ планѣ квадратную, прямоугольную и въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ круглую форму; обыкновенно же имъ придавали видъ рѣзныхъ балясинъ съ болѣе или менѣе сложнымъ профилемъ, но всегда такимъ образомъ скомпонованнымъ, чтобы не ослабить стойку слишкомъ глубокими вырѣзами. Сочетанія различныхъ ремешковъ, валиковъ, дынекъ и кувшинчиковъ давали очень красивыя и простыя формы, которыя примѣнялись какъ къ квадратнымъ въ планѣ стойкамъ, такъ къ восьмиугольнымъ и круглымъ (рис. № 397 А, В, С, Д). Перила крылецъ и ихъ лѣстницъ устраивались или сквозными, т. е. состоящими изъ отдѣльныхъ стоекъ и поручня (рис. № 397 Е), или же глухими; послѣднія въ свою очередь распадалась на два вида, а именно на перила, состоящими изъ поручня („подлокотника“) и прорѣзныхъ досокъ, какъ, напримѣръ, у марша лѣстницы на рис. № 397 В, и на перила, состоящія изъ поручня и стоекъ, пространства между которыми забирались въ косякъ досками и кромѣ того украшались вырѣзными досками подъ самымъ поручнемъ. Образецъ такихъ перилъ мы видимъ на рундукѣ крыльца знакомой намъ церкви Константина и Елены въ селѣ Заборѣ (рис. № 397 В). Подъ крышами крылецъ точно такъ же, какъ и подъ крышами главныхъ массъ церквей, придѣлывались подзоры, т. е. тесины, украшенныя порѣзками. Рисунки этихъ порѣзокъ отличались безконечнымъ разнообразіемъ, но были всегда очень просты, чтобы сохранить тесинамъ ихъ прочность, которая отъ сложнаго рисунка, конечно, пострадала бы и кромѣ того тесины, прорѣзанныя сложнымъ рисункомъ, стали бы загнивать а, слѣдовательно, и выкрашиваться гораздо скорѣе (рис. № 397).

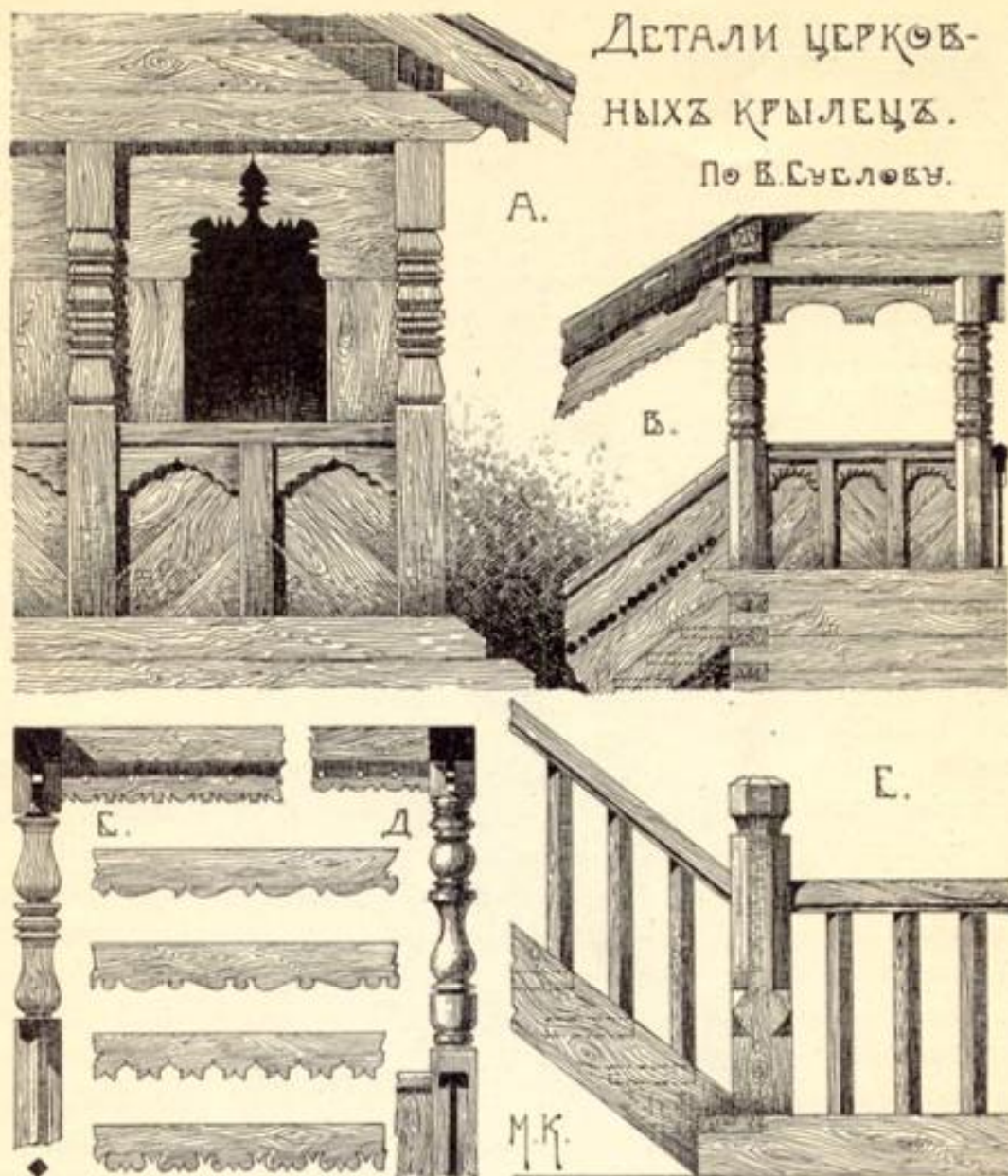

Рис. № 397.

Съ особенной любовью обрабатывались какъ входныя двери, такъ и тѣ, что вели изъ трапезной въ самую церковь. Это не мѣшало имъ быть иногда очень простыми, такъ какъ эстетическое чувство нашихъ плотниковъ было такъ тонко развито, что они видѣли красоту не въ одномъ только нагроможденіи деталей и богатой ихъ орнаментации, но также выискивали ее въ простыхъ и по своему благородныхъ формахъ, въ данномъ случаѣ въ формахъ дверной коробки (колоды). Образцомъ такой простой двери безъ малѣйшаго намека на орнаментацию можетъ служить дверь Вознесенской церкви Конецъ-Горскаго погоста ¹⁾; она ведетъ изъ паперти въ церковь и вся „затѣйливость“ ея ограничена килевидной формой верха пролета (рис. № 398). Болѣе сложной композиціей отличается дверь Богородицкой церкви въ селѣ Верховьѣ (рис. № 399 А); концы верхней части ея колоды (концы „стяжки“), украшенной скромной порѣзкой, заходятъ за боковыя

¹⁾ Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

части, а пролетъ окаймленъ фаской, при чемъ углы его слегка закруглены. Къ еще болѣе сложнымъ по характеру ихъ композиціи дверямъ слѣдуетъ отнести дверь церкви Благовѣщенія ¹⁾, килевидный верхъ которой и боковыя притолки обработаны въ видѣ тройныхъ полуколонокъ, вырѣзанныхъ въ брусьяхъ колоды, а стыкъ дверныхъ полотнищъ (створовъ) прикрытъ граненымъ брускомъ, украшеннымъ посерединѣ двумя розетками, и вверху подобіемъ луковичной главки (рис. № 399 В).

Нѣсколько иначе, но не менѣе богато скомпонована дверь церкви Іоанна Богослова на рѣкѣ Ишнѣ, у которой мотивами художественной отделки являются рельефныя плетенки и украшенныя ложками „дыньки“, придающія ей вмѣстѣ съ великолѣпнымъ замкомъ очень нарядный видъ (рис. № 400).

Наконецъ, богатой отделкой отличаются двери церкви Флора и Лавра ²⁾ и церкви Константина и Елены, съ деталью крыльца которой мы только что познакомились. Первая изъ нихъ соединяетъ трапез-спективные порталы каменныхъ церквей Владиміро-Суздальской эпохи и раннихъ московскихъ церквей, такъ какъ уступы ихъ притолокъ подражаютъ полуколонкамъ и архивольтамъ этихъ перспективныхъ порталовъ. Сходство дополняется перехватами, размѣщенными вверху и внизу прямыхъ частей притолокъ и имитирующими капители и базы послѣднихъ (рис. № 402).

Порѣзки дверей очень часто раскрашивались; такъ, на примѣръ, у ишнинской церкви онѣ покрыты зеленой краской, а у церкви Константина и Елены онѣ раскрашены въ нѣсколько цвѣтовъ, подражающихъ цвѣтамъ радуги, что даетъ очень интересный эффектъ. Не менѣе эффектными были и такія двери, гладкія створы которыхъ сплошь росписывались многоцвѣтными орнаментами. Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи не имѣется фотографіи такихъ дверей изъ какой-либо деревянной церкви, поэтому мы

Рис. № 398.
Церковная дверь. По А. Бобринскому.

ную съ церковью; ея колода, сдѣланная изъ толстыхъ, девятивершковыхъ брусьевъ, обработана вверху на четыре угла и сплошь покрыта порѣзками, а створы сдѣланы ажурными, изъ брусковъ съ вырѣзками, образующими крестики (рис. № 401). Дверь второй церкви очень типична; подобной обработки двери встрѣчаются часто и мотивами для нихъ, очевидно, послужили „пер-

¹⁾ Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи, Березинской волости.

²⁾ Въ селѣ Благовѣщенскомъ, Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

ЦЕРКОВНЫЯ ДВЕРИ.

По
Б. Б. Суслову.

А.

Б.

Рис. № 399.

принуждены привести въ качествѣ примѣра дверь каменной церкви Михайло-Архангельскаго монастыря въ Великомъ Уфтыогѣ, на створахъ которой изображены фантастическіе цвѣты, растущіе изъ горшковъ (рис. № 403).

Отличительной чертой всѣхъ дверей старинныхъ деревянныхъ церквей являются ихъ небольшіе размѣры, что объясняется заботой строителей о сохраненіи тепла.

Въ противоположность дверямъ, окна отдѣлывались богато очень рѣдко; въ большинствѣ же случаевъ они оставлялись безъ всякой художественной обработки, если не считать за таковую слегка закругленныхъ

Рис. № 400.
Церковная дверь. По Л. Далю.

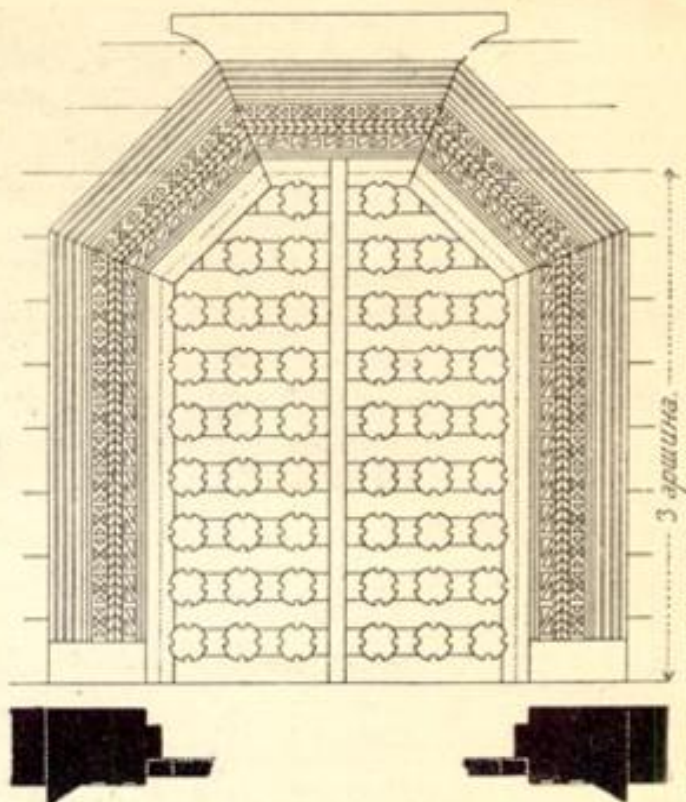

Рис. № 401.
Церковная дверь. По В. Сулову.

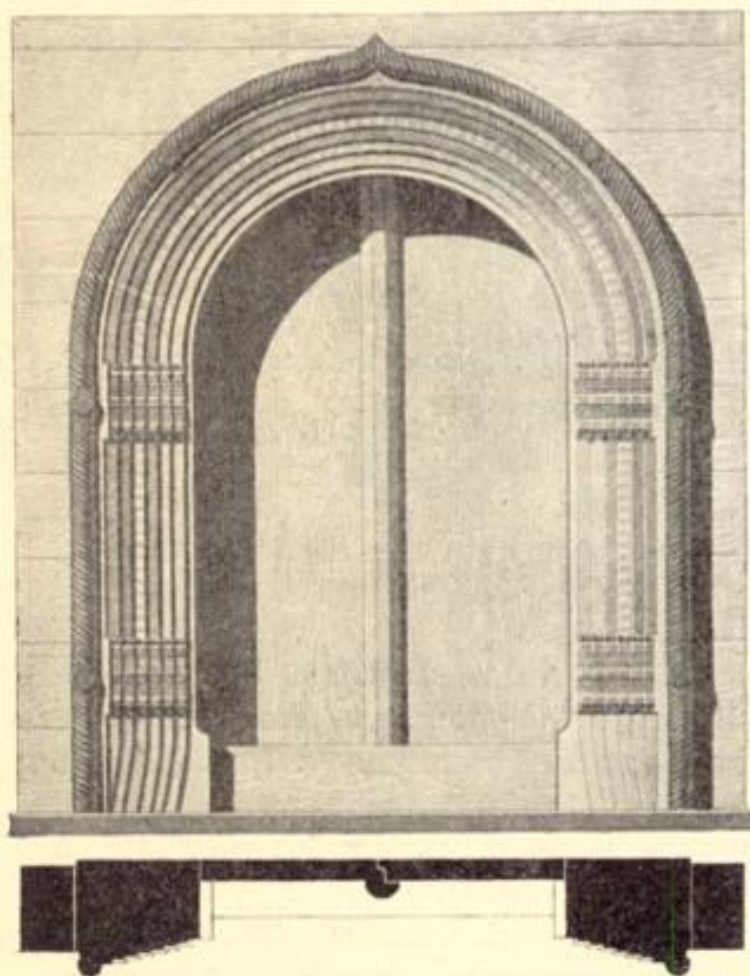

Рис. № 402.
Церковная дверь. По В. Сулову.

Рис. № 403.
Церковная дверь. По А. Бобринскому.

ЦЕРКОВНЫЯ ОКНА.

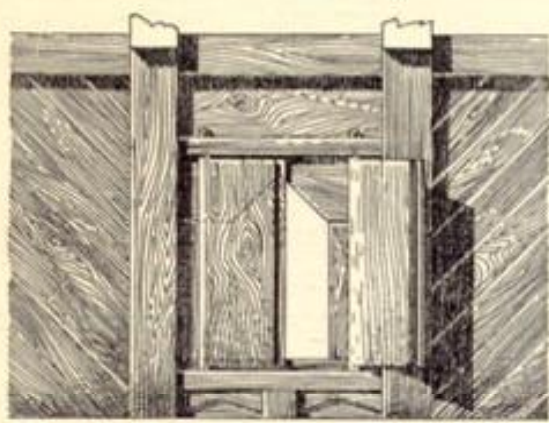
По В. Суслову и А. Павлинову.

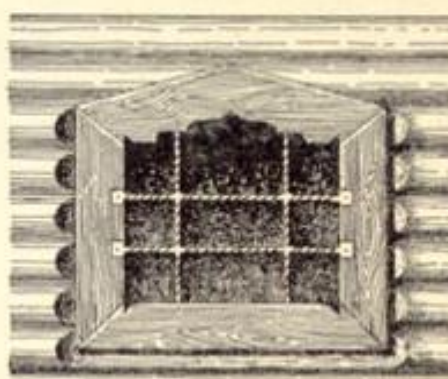
А. ← 2 АРШ. 2 ВЕРШК. →

Б.

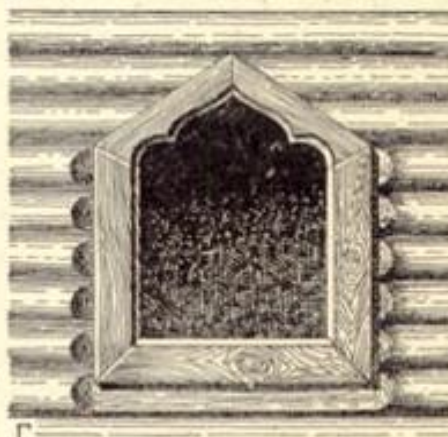
В.

Г.

Д.

Е.

Рис. № 404.

угловъ колоды или неглубокихъ фасокъ, окаймляющихъ ее со стороны просвѣта; такого типа окна дѣлались какъ одиночными, такъ и парными; примѣромъ ихъ могутъ служить окна собора въ городѣ Кемі (рис. № 329). Къ болѣе богатымъ окнамъ можно отнести такія, у которыхъ верхняя часть колоды свѣшивалась концами надъ боковыми и слегка украшалась порѣзками, какъ, напримѣръ, у оконъ церкви Константина и Елены и у церкви въ селѣ Черевковѣ (рис. № 404 А и В); въ окна эти вставлены желѣзныя рѣшетки, имѣющія не только практическій смыслъ, но придающія имъ

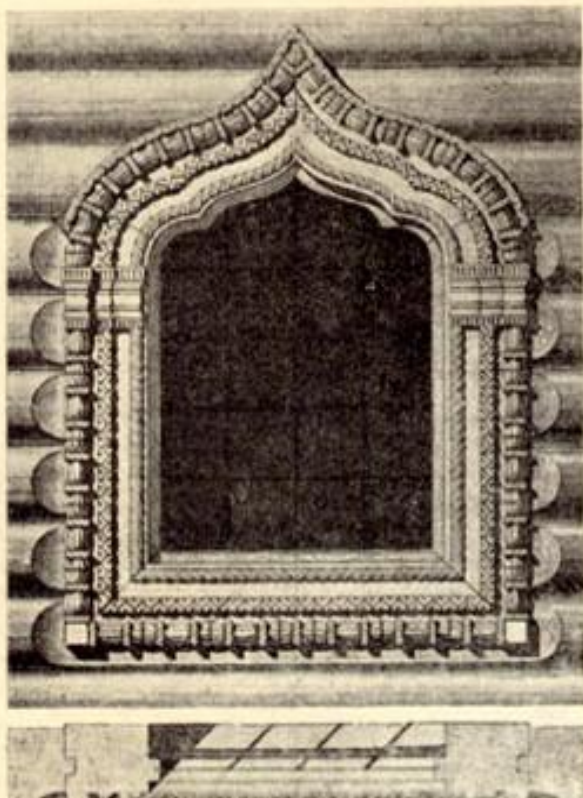

Рис. № 405.
Церковное окно. По В. Суслову.

также не мало красоты. Не менѣе художественное впечатлѣніе производятъ такія окна, верхняя часть которыхъ имѣетъ форму щипца съ пологими или крутыми скатами, въ зависимости отъ чего верхняя часть колоды дѣлалась изъ одного бревна или изъ двухъ (рис. № 404 В и Г). Наконецъ, примѣромъ очень нарядной и художественной отдѣлки можетъ служить обработка „краснаго“ ¹⁾ окна, находящагося у той же черевковской церкви; у него вся колода, верхъ которой имѣетъ изящную килевидную форму, покрыта тягами съ порѣзками въ видѣ дынекъ, жгутовъ и городковъ (рис. № 405). Мотивами для подобнаго рода композицій служили, повидимому, детали оконъ каменныхъ церквей; однако, плотники умѣли такъ ихъ приспособить къ свойствамъ дерева, что онѣ совершенно не имѣютъ тѣхъ непріятныхъ чертъ, которыя обыкновенно являются спутниками всякой имитации.

Окна, освѣщавшія закрытые нищевники, т. е. такіе, у которыхъ пространства между стойками были забраны досками, дѣлались часто безъ колоды ²⁾ и представляли собою различной формы просвѣты, прорѣзанные въ доскахъ забирки. Переpletовъ въ нихъ также не дѣлали, а для защиты отъ дождя и снѣга къ нимъ прилаживались различными, иногда очень остроумными, способами ставни. Такъ у церкви Іоанна Богослова на рѣкѣ Ишнѣ просвѣты нищевника закрываются квадратными щитами (Н),двигающимися въ пазахъ дополнительныхъ стоекъ (М), которыя утверждены въ верхней (Б) и нижней (К) обвязкахъ нищевника вплотную къ бокамъ основныхъ стоекъ (рис. № 406). Для удобства подъема щитовъ и для удержанія ихъ въ опредѣленномъ положеніи къ щитамъ придѣланы вырѣзные ручки, въ вырѣзы которыхъ входитъ одинъ конецъ удерживающаго бруска, тогда какъ другой упирается въ низъ просвѣта ³⁾. Довольно часто встрѣчаются ставни („вертлюги“), вращающіяся на „веряхъ“ ⁴⁾; онѣ бываютъ какъ одностворные, такъ

¹⁾ Если церковь или трапезная освѣщались съ сѣверной и южной сторонъ тремя окнами, то среднее изъ нихъ обыкновенно чѣмъ либо отличалось отъ боковыхъ (размѣрами или болѣе богатой отдѣлкой) и точно такъ же, какъ въ избахъ, называлось „краснымъ“ окномъ. Боковыя же окна дѣлались нерѣдко „волоковыми“.

²⁾ Иногда роль колоды играли стойки и горизонтальные брусья стѣнъ нищевниковъ.

³⁾ Во время одного изъ ремонтовъ щиты были по недоразумѣнію перевернуты верхомъ внизъ, вслѣдствіе чего вырѣзы ручекъ потеряли всякій смыслъ.

⁴⁾ Слово „веря“ первоначально обозначало воротные столбы, къ которымъ привѣшивались полотнища воротъ; впоследствии это названіе примѣнялось и примѣняется еще и сейчасъ

и двухстворные и болѣе удобны, чѣмъ такіе волоковые щиты, какъ у ишнинской церкви. Примѣромъ подобныхъ ставенъ можетъ служить ставня церкви Петра и Павла въ городѣ Плесѣ, представляющая собою щитъ, вращающійся вмѣстѣ съ вертикальной осью, проходящей черезъ середину ставни и входящей концами въ особые гнѣзда, которыя придѣланы около верхней и нижней обвязокъ рамы (рис. № 404 Д). Въ Успенской церкви Ниже-Уфтюгскаго погоста ставни были створные; створка вращалась на нижнемъ и верхнемъ пятникахъ, при чемъ для нижняго пятника было выдолблено гнѣздо въ подлокотникѣ просвѣта, а для верхняго имѣлось сквозное отверстіе въ дополнительномъ горизонтальномъ брусѣ, врубленномъ въ стойки нищевника (рис. № 404 Е).

Разсмотримъ еще нѣсколько примѣровъ тѣхъ просвѣтовъ, которые почти всегда устраивались по сторонамъ дверей, соединявшихъ трапезную съ церковью, и служили для того, чтобы стоящіе въ трапезной могли, если не видѣть, то хоть слышать богослуженіе. Этимъ просвѣтамъ придавалась обыкновенно удлиненная форма и въ прямой зависимости отъ ихъ назначенія въ нихъ обыкновенно не устраивали переплетовъ, а вставляли только

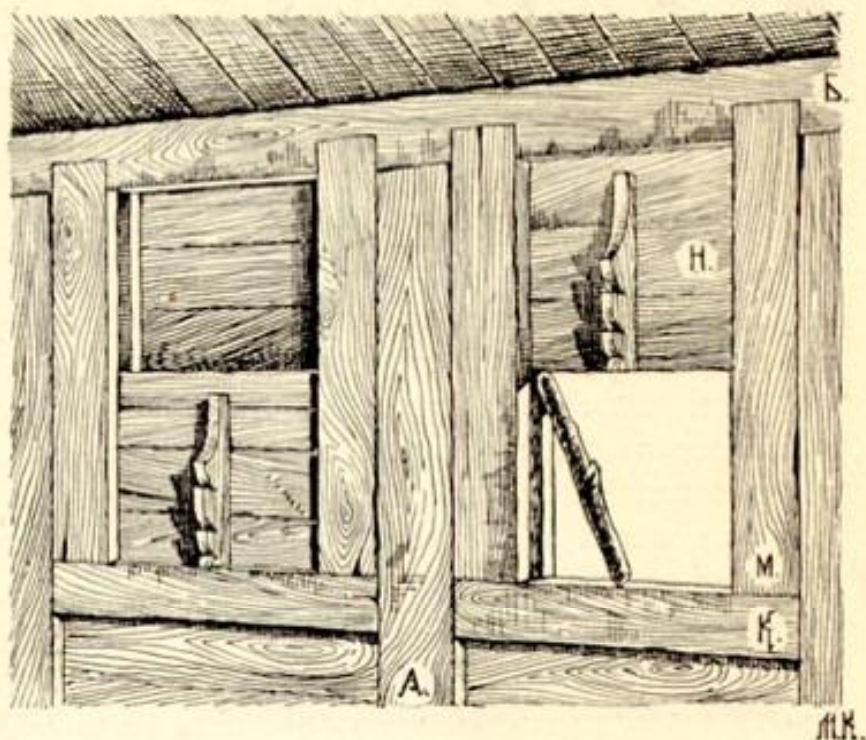

Рис. № 406.

Окно нищевника. Рис. М. Красовскаго.

желѣзныя рѣшетки. Въ трапезной церкви Конецъ-Горскаго погоста такія окна имѣютъ очень незначительные размѣры, такъ какъ они прорублены въ двухъ смежныхъ вѣнцахъ стѣны и, слѣдовательно, высота ихъ не превышаетъ 9—10 вершковъ (рис. №№ 398 и 413). У Петро-Павловской же церкви въ Пучугѣ¹⁾ высота такихъ просвѣтовъ, окаймленныхъ рѣзнымъ наличникомъ и затянутыхъ фигурной рѣшеткой, равняется почти аршину (рис. № 407). Если же почему-либо находили нужнымъ сдѣлать такіе просвѣты закрытыми²⁾, то тогда устраивали желѣзные переплеты, иногда очень сложнаго

ко всякимъ приспособленіямъ, съ помощью которыхъ вращаются створы оконъ и дверей, на примѣръ къ пятникамъ, крючьямъ и петлямъ.

¹⁾ Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

²⁾ Закрытые просвѣты приходилось устраивать тогда, когда трапезная отапливалась курными печами, такъ какъ въ противномъ случаѣ распространявшійся по трапезной дымъ проникалъ черезъ просвѣты въ самый храмъ и портилъ тамъ иконостасъ и облаченія.

рисунка, въ которые вставляли куски слюды ¹⁾, прикрѣпляя ихъ свинцомъ. Такіе переплеты вставлены въ просвѣты трапезной Верхо-Пежемской церкви ²⁾ (рис. № 408).

Переходя къ краткому обзору внутренняго устройства деревянныхъ храмовъ, замѣтимъ, что въ послѣднемъ принимали участіе, конечно, не одни

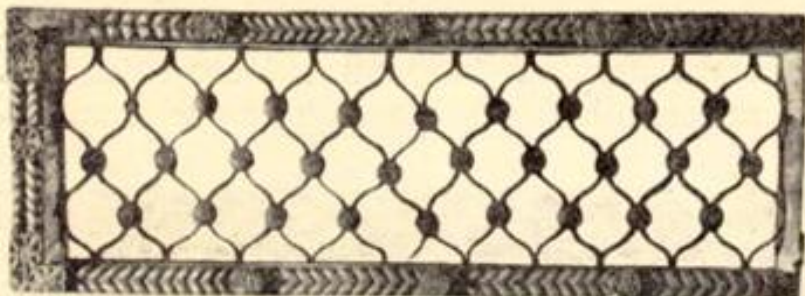

Рис. № 407.

Рѣшетка въ окнѣ трапезной. По А. Бобринскому.

только плотники. Чтобы „нарядить нутро“, нужны были рѣзчики по дереву, иконописцы, кузнецы, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера и т. д. Ихъ работа относится къ области прикладныхъ искусствъ, разсмотрѣніе которыхъ не укладывается въ рамки нашего курса; поэтому остановимся пре-

имущественно на тѣхъ предметахъ внутренняго убранства церквей, которые создавались руками плотниковъ и рѣзчиковъ.

Предметы эти дѣлятся на двѣ опредѣленно разграниченныя категоріи, а именно на такіе, которые входятъ, такъ сказать, въ составъ самого церковнаго зданія, будучи тѣсно съ нимъ связаны, и на такіе, которые переносятся съ мѣста на мѣсто и принадлежать, собственно, къ церковной утвари. О послѣднихъ, хотя они и не имѣютъ прямого отношенія къ архитектурѣ, считаемъ необходимымъ сказать хоть нѣсколько словъ, такъ какъ они не менѣе первыхъ придавали внутренности старо-русскаго деревяннаго храма ея типичный обликъ, теперь почти обезличенный издѣліями рынка, хаотично впитывавшими въ себя въ теченіе долгаго времени всѣ стили Западной Европы и постепенно совершенно ихъ опошлившими.

Къ первой группѣ предметовъ внутренняго церковнаго наряда относятся, кромѣ уже знакомыхъ намъ дверей изъ трапезной въ церковь и просвѣтовъ по сторонамъ ихъ, столбы большихъ трапезныхъ, лавки вдоль стѣнъ, полки для образовъ, клиросы и, наконецъ, иконостасы.

Выше мы уже говорили о назначеніи трапезныхъ, а также объ ихъ размѣрахъ; послѣдніе были иногда настолько велики, что потолочнымъ бал-

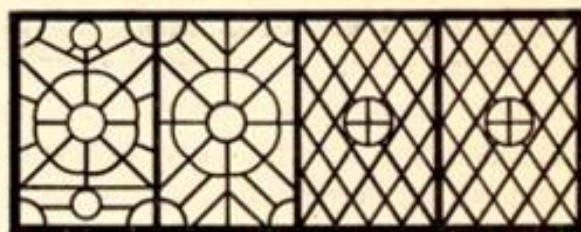

Рис. № 408.

Переплетъ въ окнѣ трапезной.
По В. Суслову.

¹⁾ Наружныя окна также были въ большинствѣ случаевъ слюдяными, такъ какъ стекло было рѣдкостью, а бѣднѣйшія церкви должны были довольствоваться для этой цѣли даже бычьимъ или рыбьимъ пузыремъ.

²⁾ Вельскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

камъ („матицамъ“) не только приходилось давать мощное сѣченіе, но и подпирать ихъ столбами во избѣжаніе прогиба. Въ зависимости отъ длины балокъ находилось и число столбовъ: ихъ ставили одну пару, двѣ, а иногда даже и три. Для большей устойчивости столбовъ и для равномерной передачи имъ нагрузки отъ балокъ ихъ связывали вверху брусчатыми прогонами, непосредственно по которымъ уже укладывались балки. Верхи столбовъ или входили шипами въ выдолбленные соотвѣтственно имъ гнѣзда прогоновъ, какъ, напримѣръ, въ трапезной церкви Благовѣщенія на Турчасовскомъ погостѣ ¹⁾ (рис. № 409), или же имъ придавали форму ухватовъ, которыми

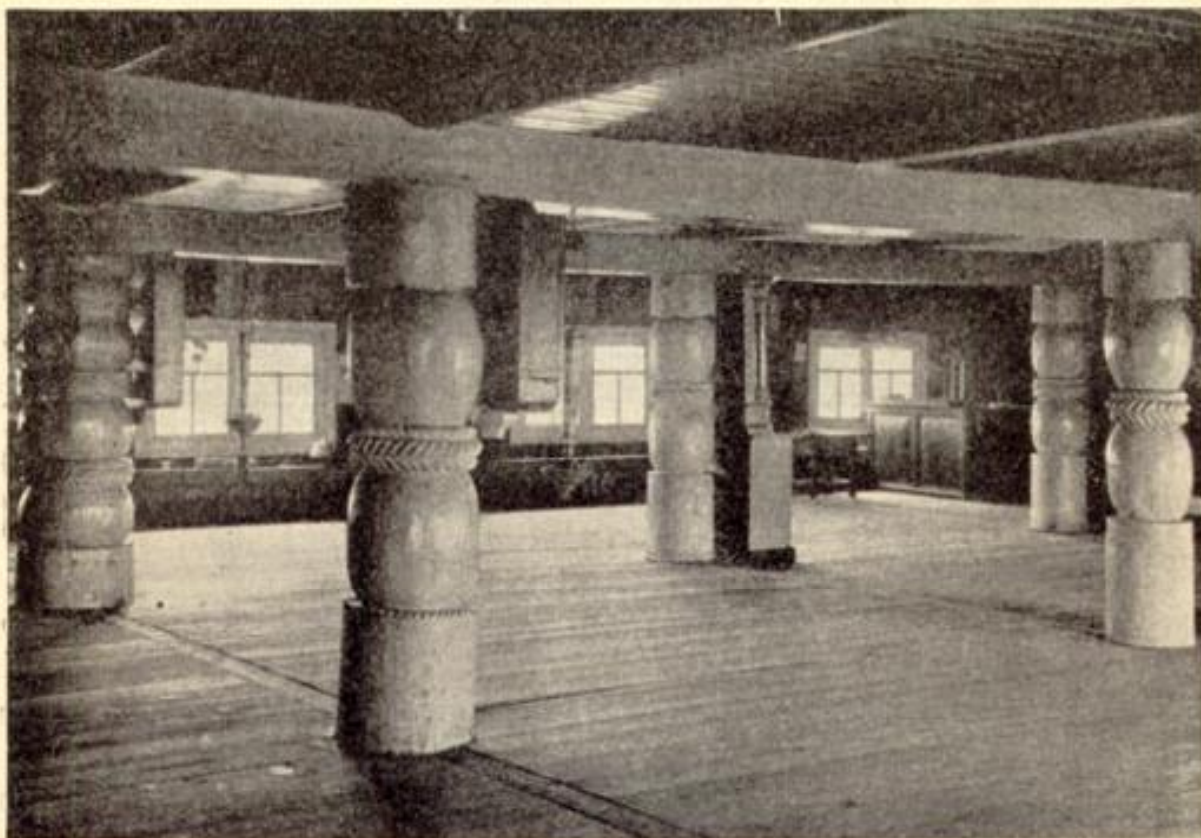

Рис. № 409.

Трапезная церкви въ Турчасовѣ. По А. Бобринскому.

столбы охватывали прогоны и упирались въ матицы, какъ, напримѣръ, у церкви Святого Николая на Шетогорскомъ погостѣ ²⁾ (рис. № 410). Для усиленія прогоновъ подъ нихъ иногда подкладывались дополнительныя короткія части, имѣвшія видъ лежащихъ кронштейновъ и умѣщавшіяся въ тѣ же ухваты, какъ это видно въ трапезной той же церкви Св. Николая. Съ тою же цѣлью устраивались подкосы, которые дѣлались изъ толстыхъ тесинъ и размѣщались попарно съ одной стороны столба, какъ въ Петро-Павловской церкви въ Пучугѣ ³⁾ (рис. № 411), или же съ обѣихъ его сто-

¹⁾ Онежскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

²⁾ Пинежскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

³⁾ Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

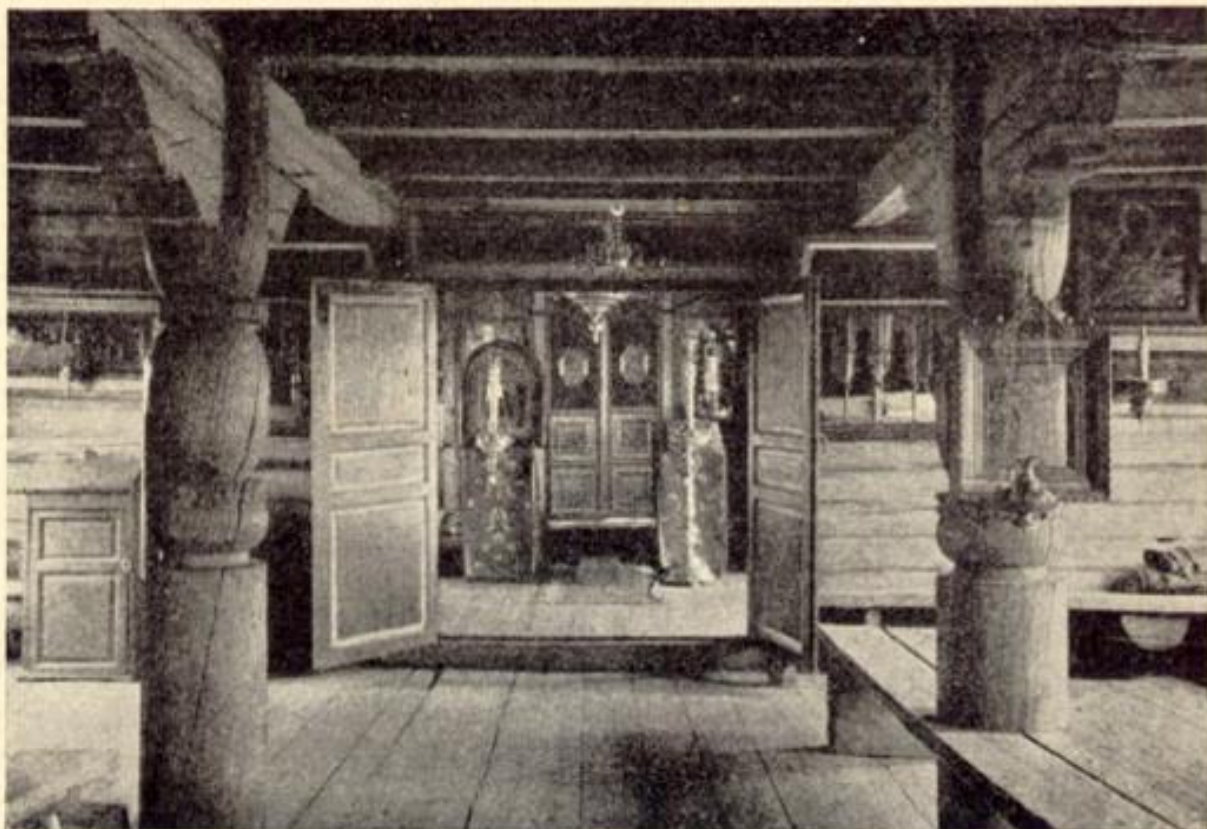

Рис. № 410.

Трапезная церкви на Шетогорскомъ погостѣ. По А. Бобринскому.

ронъ, т. е. крестообразно, какъ, напримѣръ, въ трапезной Никольской церкви въ Шижнѣ ¹⁾ (рис. № 412).

Что касается самой формы столбовъ, то, въ противоположность столбамъ крылецъ, они дѣлались по большей части круглыми или восьмиугольными въ сѣченіи, а не квадратными, такъ какъ при послѣдней формѣ значительно уменьшалось горизонтальное сѣченіе столба, а слѣдовательно и его способность сопротивляться вертикальной нагрузкѣ. Съ этой же цѣлью для столбовъ выбирались особенно толстыя бревна, а рѣзные украшенія дѣлались по возможности не глубокими, что не мѣшало имъ быть подчасъ очень богатаго рисунка, какъ, напримѣръ, въ трапезной пучугской церкви (рис. № 413). Особенно красивы были столбы съ „клеймами“, т. е. съ рельефными розетками, сплошь покрытыми чудесной орнаментаціей (рис. №№ 414 и 415), а также столбы съ подкосами и дополнительными прогонами, которые также не оставлялись гладкими (рис. №№ 410 и 411).

Столбы ставились также, хотя и сравнительно рѣдко, въ самой церкви, но не имѣя здѣсь серьезнаго конструктивнаго значенія, а дѣля лишь храмъ на придѣлы, они были обычно гораздо тоньше столбовъ, устанавливавшихся въ трапезныхъ; къ числу такихъ столбовъ относится уже знакомый намъ столбъ Петро-Павловской церкви въ Пучугѣ (рис. № 411).

¹⁾ Кемскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Въ обоихъ примѣрахъ часть подкосовъ уже исчезла, но видны гнѣзда, въ которыя входили ихъ концы.

Рис. № 411.
Столбъ церкви въ Пучугѣ.
По А. Бобринскому.

Рис. № 412.
Столбъ трапезной у церкви
на Шижнѣ.
Фот. В. Плотникова.

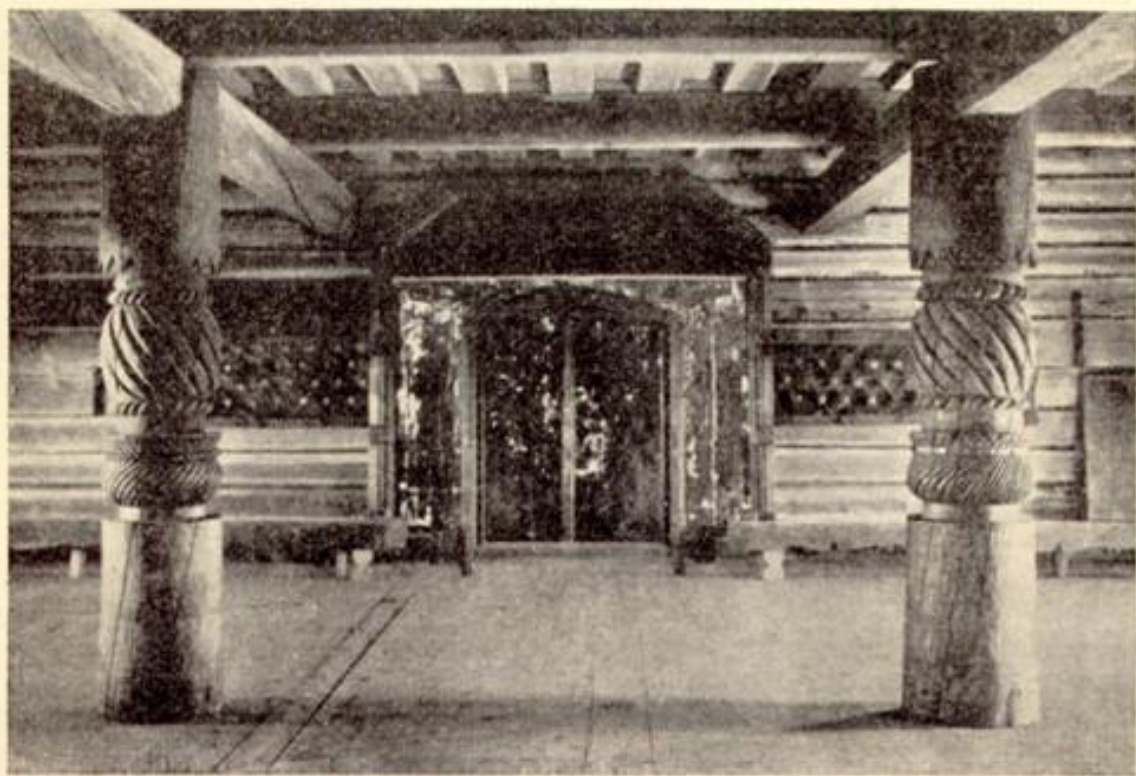

Рис. № 413.
Трапезная церкви въ Пучугѣ. По А. Бобринскому.

Рис. № 414.
Клеймо церковного
столба.
По А. Бобринскому.

Лавки вдоль стѣнъ трапезныхъ, а иногда и между ихъ столбами, являлись такою же необходимой ихъ принадлежностью, какъ неподвижныя лавки у стѣнъ крестьянскихъ избъ; онѣ предназначались не только для старыхъ и немощныхъ богомольцевъ, не могшихъ выстоять безъ отдыха всей службы, но также для сидѣнія всѣхъ богомольцевъ, остававшихся на общія трапезы и „братчины“, о которыхъ мы упоминали выше. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что лавки устраивались не только въ трапезныхъ, но также въ нищевникахъ и, сравнительно рѣдко, въ самой церкви, и даже въ алтарѣ, служа тамъ для отдыха священнослужителей, какъ, напримѣръ, это имѣло мѣсто въ Успенской церкви Нижне-Уфтыгскаго погоста (см. разрѣзъ: рис. № 286). Какъ видно изъ примѣровъ лавокъ, изображенныхъ на рисункахъ №№ 416. и 417, онѣ были очень просты, но въ то же время были почти всегда „опушныя“, т. е. къ ребрамъ досокъ сидѣній придѣлывались украшенныя „рѣзью“ тесины, которыя вмѣстѣ съ фигурными ножками придавали лавкамъ нарядный видъ¹⁾. Существовалъ и другой типъ лавокъ, у которыхъ доски сидѣнья нѣсколько свѣшивались надъ опушными досками, образуя вѣнчавшими вмѣстѣ съ ножками фигурно очерченныя пролеты.

Полки для образовъ, устраивавшіяся на стѣнахъ трапезныхъ, галлерей и даже притворовъ, были или простыми, состоявшими изъ длинной доски съ невысокой закраиной, мѣшавшей образамъ соскальзывать съ полки, или дѣлались затѣйливыми, т. е. состоявшими изъ нѣсколькихъ частей, украшенныхъ порѣзками и окаймлявшихъ иконы вродѣ рамокъ. Если верхняя доска полокъ не имѣла наклона на подобіе отливной доски оконъ, то образа ставились и на нее, а не только на нижнюю доску. Такія полки отличались отъ кіотовъ лишь тѣмъ, что были не переносными, а разъ навсегда прикрѣпленными къ стѣнамъ, да тѣмъ, что были болѣе грубой работы, нежели кіоты, такъ какъ дѣлались обыкновенно плотниками. Нѣсколько образцовъ устройства полокъ и приемы ихъ художественной обработки изображены на рисункѣ № 418; даже по этимъ немногимъ примѣрамъ можно судить о томъ, какъ внимательно плотники относились къ такимъ второстепеннаго значенія деталямъ и какъ любовно отыскивали для нихъ всевозможные мотивы художественной отдѣлки.

Рис. № 415.
Столбъ трапезной.
По А. Бобринскому.

¹⁾ „Лавки съ причелинами и съ подставки“.

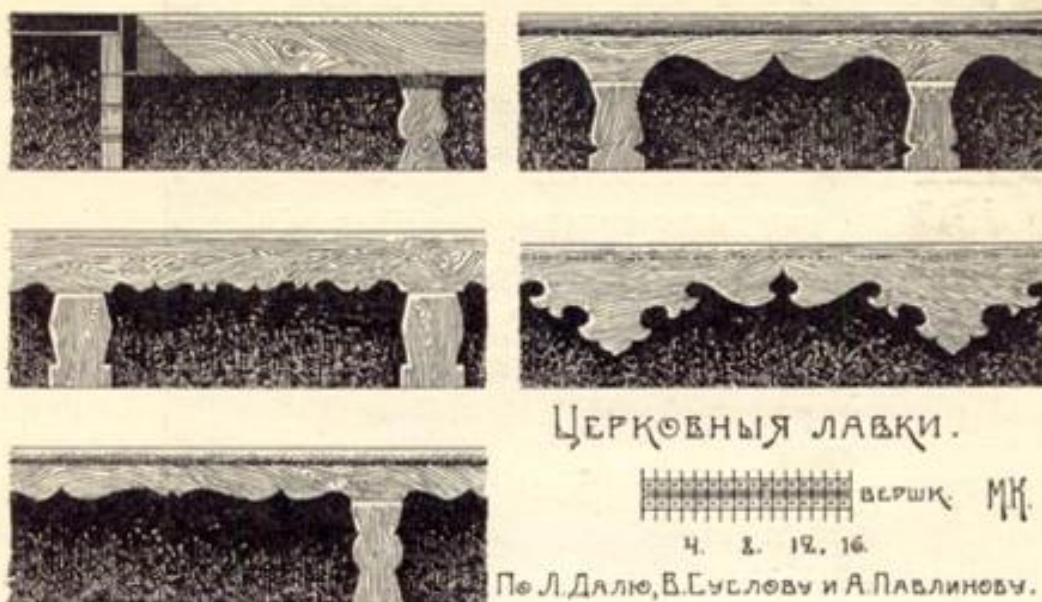

Рис. № 416.

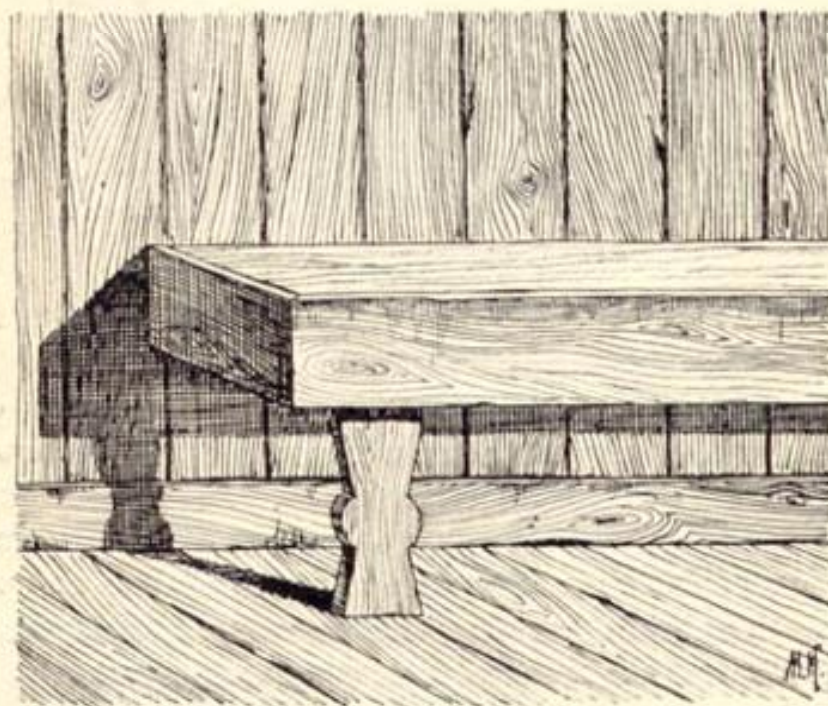
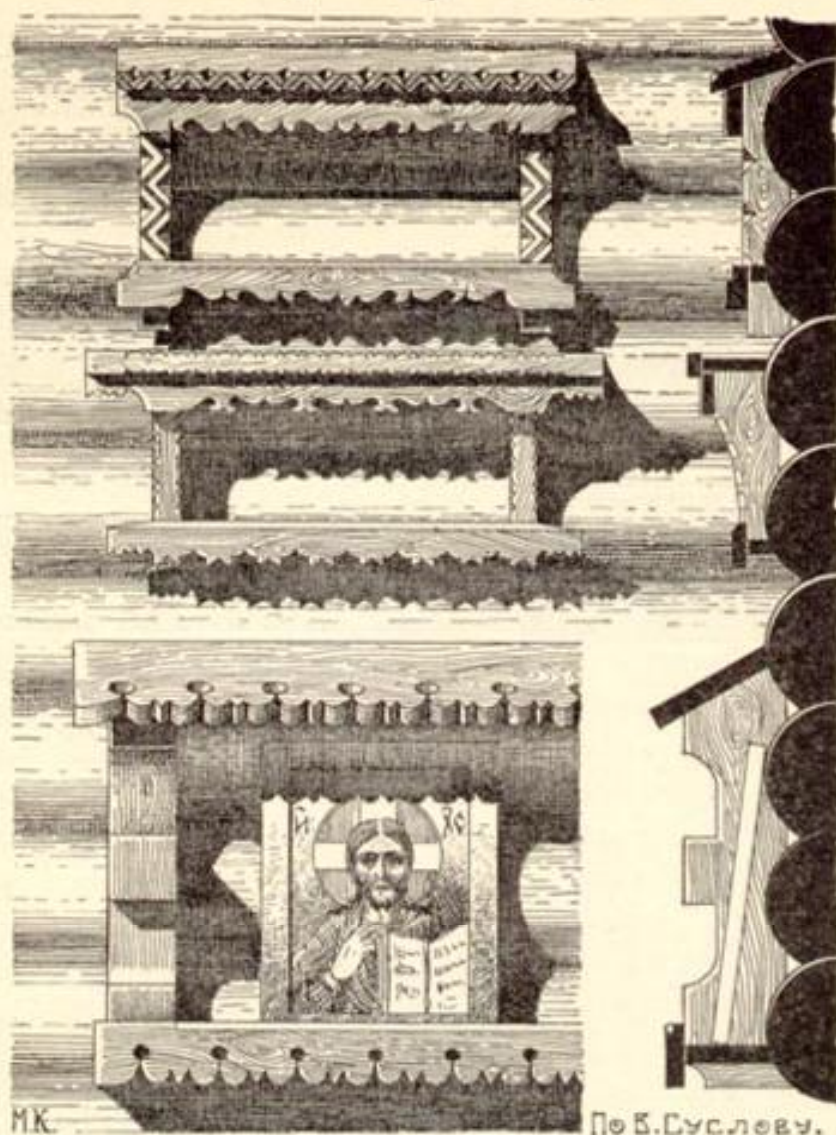

Рис. № 417.
Лавка въ трапезной. По М. Красовскому.

Полки для иконъ

По В. Суслову.

Рис. № 418.

Мѣста для пѣвчихъ (для клира) обыкновенно какъ-либо отгораживались отъ помѣщенія для молящихся и носили названіе „клиросовъ“ или „крылосовъ“; мѣста эти всегда занимали часть солеи, т. е. площадки, приподнятой на одну, двѣ или три ступени надъ поломъ церкви и составлявшей продолженіе пола алтаря. Не устраивались клиросы только въ очень маленькихъ церквахъ или придѣлахъ, гдѣ ихъ невозможно было помѣстить за недостаткомъ мѣста. Чѣмъ отдѣлялись въ глубокой древности мѣста для клира, намъ неизвѣстно, но въ небольшихъ церквахъ, гдѣ вмѣсто хора пѣлъ одинъ дьячекъ, клиросы, вѣроятно, давно получили ту форму, которая удержалась по настоящее время. Они въ большинствѣ случаевъ представляютъ невысокія ¹⁾ рѣшетки, баллюстрады или сплошныя стѣнки, имѣющія въ планѣ форму буквы П, обращенной верхомъ на западъ, т. е. къ молящимся. Такую же форму плана имѣютъ богатые клиросы, украшенные

¹⁾ По грудь человѣка, т. е. до 1 ар. 12 вершковъ.

иногда возвышающимися надъ ними балдахинами („сѣнями“) и встрѣчающіеся чаще въ церквахъ каменныхъ; въ деревянныхъ же церквахъ каждый клиросъ состоялъ обычно изъ двухъ стѣнокъ; одной, обращенной лицомъ къ молящимся и упиравшейся въ одну изъ продольныхъ стѣнъ церкви, и другой — перпендикулярной къ первой, т. е. обращенной лицомъ къ продольной оси храма. Площадь, занимаемая такимъ клиросомъ, обыкновенно не превышаетъ двухъ или двухъ съ половиной квадратныхъ аршинъ, а гораздо чаще и того меньше. У болѣе древнихъ изъ дошедшихъ до насъ клиросовъ стѣнки сплошныя, состоящія изъ квадратныхъ въ планѣ стоекъ и подлокотниковъ, пространства между которыми забраны досками въ прямъ или въ косякъ; подлокотники дѣлались брусковыми или чаще досчатыми, настолько широкими, чтобы на нихъ можно было удобно положить книги. Къ такому типу принадлежатъ клиросы ишнинской церкви, украшенные подъ подлокотникомъ накладными прорѣзными досками и рѣзными (плетенка) брусками надъ фигурными ножками (рис. № 419). Къ такому же типу принадлежитъ клиросъ, изображенный въ рисункѣ № 420; подъ подлокотникомъ его помѣщены широкія доски, украшенныя сквозной порѣзкой прекраснаго рисунка. Стѣнки клиросовъ Петро-Павловской церкви въ городѣ Плесѣ тоже сплошныя, но каждая изъ нихъ украшена парой арочекъ, опирающихся на средній столбикъ и окаймленныхъ фасками (рис. № 422).

Очень интересно скомпонованъ клиросъ псковской церкви Св. Василія, что на горкѣ. Его высоко поднятая задняя стѣнка сдѣлана въ видѣ шкапика для книгъ, поддерживаемаго съ боковъ прорѣзными досками, которыя вдѣланы въ боковыя стѣнки клироса. Последнія, въ особенности ихъ подлокотники украшены мелкой, очень красивой рѣзбой (рис. № 421). Иногда стѣнки глухихъ клиросовъ сплошь покрывались росписью въ нѣсколько красокъ, что придавало имъ видъ хотя и очень нарядный, но совсѣмъ не церковнаго, а скорѣе обиходнаго характера. Таковъ клиросъ церкви Богоявленія въ Соликамскѣ, построенной въ 1687 году (рис. № 423).

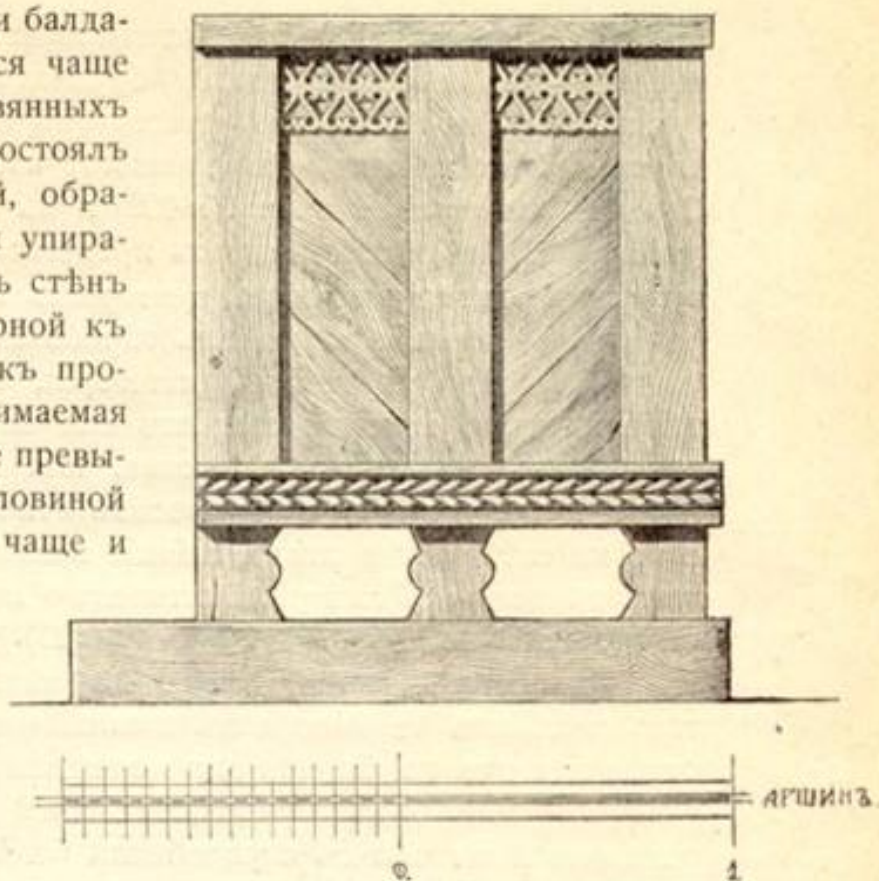

Рис. № 419.
Клиросъ Ишнинской церкви.
По М. Красовскому.

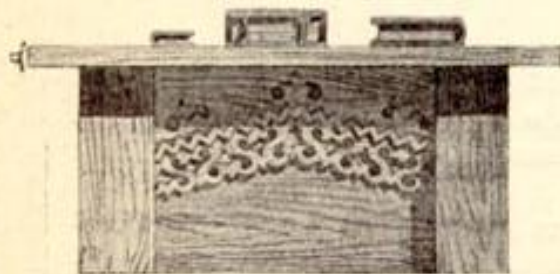

Рис. № 420.
Клиросъ Черевковской церкви.
По В. Суслову.

Ко второму типу относятся рѣшетчатые клиросы, стѣнки которыхъ состоятъ изъ пересѣкающихся брусковъ или вырѣзныхъ дощечекъ, образующихъ ряды фигурныхъ крестиковъ или звѣздочекъ. Такихъ клиросовъ на сѣверѣ сохранилось еще много, напримѣръ въ Кокшенгской церкви Спаса Преображенія (рис. № 422) и въ Вознесенской церкви Емецкаго монастыря¹⁾. Послѣдній клиросъ представляетъ собою въ сущности переходную стадію между первымъ и вторымъ типомъ, такъ какъ низы его стѣнокъ сплошные и только верхи ихъ обработаны ажурно (рис. № 424).

Наконецъ, къ третьей категоріи, наиболѣе поздней, нужно отнести такіе клиросы, которые состоятъ или изъ точеныхъ балясинъ, возвышающихся надъ сплошными стѣнками, или же изъ однѣхъ только балясинъ. Большинство подобныхъ клиросовъ относится къ XVIII вѣку и поэтому носить на себѣ явные слѣды вліянія западнаго искусства, какъ, напримѣръ, клиросъ церкви Димитрія Ростовскаго на Бережно-Дубровскомъ погостѣ²⁾, построенной въ 1770 году (рис. № 425)³⁾.

Въ первыхъ русскихъ храмахъ, какъ извѣстно, иконостасовъ не было, такъ какъ ихъ не было и въ византійскихъ церквахъ, въ которыхъ алтарь отдѣлялся отъ помѣщенія для молящихся алтарной преградой, т. е. невысокой рѣшеткой или баллюстрадой, имѣвшей противъ середины алтаря дверцу одинаковой высоты съ оградой или болѣе высокую. Въ всякихъ сомнѣній, алтарная преграда устраивалась первое время и у насъ, и изъ нея мало по малу создавался иконостасъ, вылившись въ ту законченную современную намъ форму, въ которой онъ освященъ многовѣковымъ преданіемъ. Весьма вѣроятно, что превращеніе это произошло на почвѣ обычая привѣшивать жертвуемыя въ храмъ иконы къ рѣшеткѣ алтарной преграды или такъ прикрѣплять ихъ къ ея поручню, что онѣ возвышались надъ нимъ. Обычай приносить иконы по обѣту въ даръ храму былъ очень распространенъ, поэтому иконъ накоплялось много и съ теченіемъ времени онѣ перестали умѣщаться надъ преградой въ одномъ ряду; возникалъ второй и слѣдующіе ряды, при чемъ болѣе чтимыя иконы передвигались ближе къ дверямъ ограды или даже вѣшались на нихъ, а остальные относились дальше или выше ихъ. Такимъ путемъ образовались не только ярусы иконостаса („поставы“), царскія врата и діаконскія⁴⁾, но и строго опредѣлились мѣста иконъ въ иконостасѣ, въ зависимости отъ ихъ священныхъ изображеній⁵⁾.

¹⁾ Онежскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

²⁾ Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи.

³⁾ Хотя послѣдній клиросъ, равно какъ и Васильевскій (рис. № 421) находятся въ церквахъ каменныхъ, мы все же сочли возможнымъ упомянуть о нихъ, такъ какъ подобные имъ, въ сущности очень простые клиросы, безъ сомнѣнія, устраивались и въ церквахъ деревянныхъ.

⁴⁾ Сѣверныя и южныя.

⁵⁾ Размѣщеніе иконъ обыкновенно нижеслѣдующее: въ двухъ среднихъ клеймахъ („кіотахъ“) царскихъ вратъ изображается Благовѣщеніе, въ четырехъ остальныхъ—Евангелисты; непосредственно надъ царскими вратами—Тайная вечеря, справа отъ нихъ—образъ Спаса, слѣва—икона Богоматери; между этими иконами и діаконскими дверями ставятся „мѣстныя“ иконы, т. е. иконы, изображающія святыхъ или событія, во имя которыхъ сооружена церковь, или же особо чтимыя иконы. На сѣверныхъ діаконскихъ дверяхъ изображается Архангелъ Гавріиль

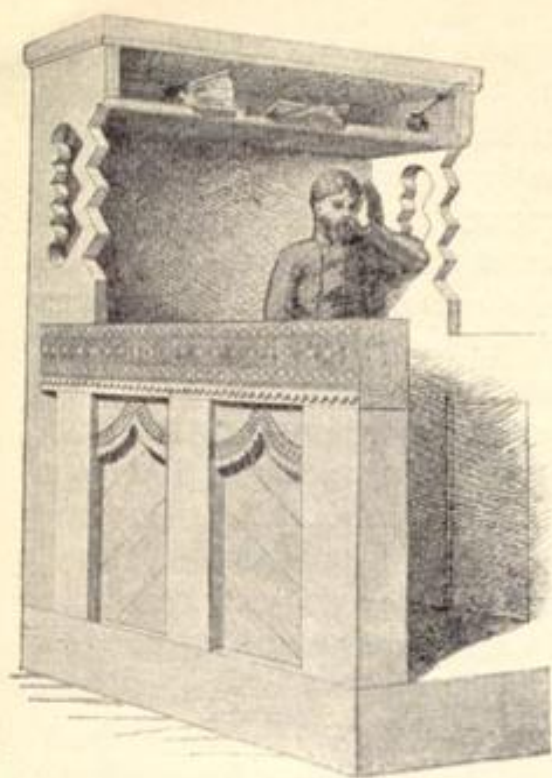

Рис. № 421.
Псковской клиросъ. По Л. Далю.

Рис. № 423.
Ростисной клиросъ. По А. Бобринскому.

КЛИРОСЫ.

По
А. Павлинову
и
Б. Суслову.

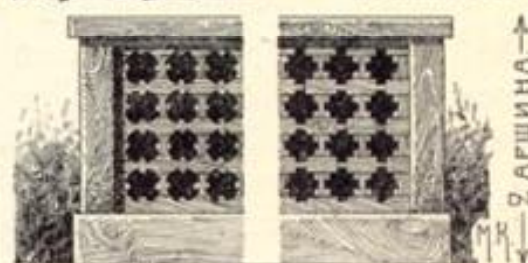

Рис. № 422.

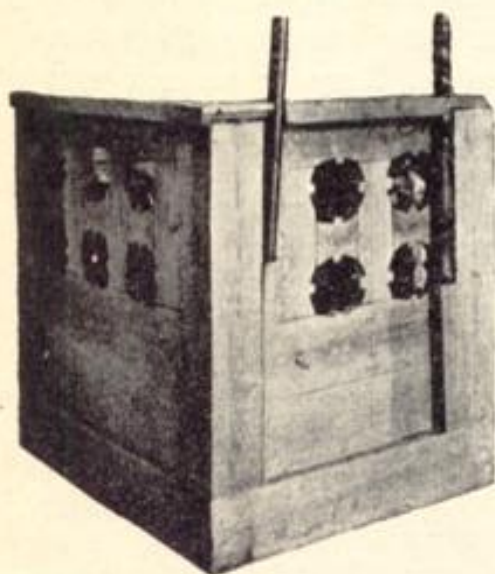

Рис. № 424.
Клиросъ Емецкаго монастыря.
По А. Бобринскому.

Рис. № 425.
Клиросъ Бережно-Дубровскаго
погоста. По А. Бобринскому.

Наконецъ, сложился также типъ царскихъ вратъ съ ихъ составными частями: столпцами, тѣломъ, коруной и створами („полотнами“), украшенными кіютами („клеямами“). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ небольшихъ церквахъ, а чаще всего въ придѣлахъ встрѣчаются иконостасы съ одними діакоонскими дверями, но непременно сѣверными, такъ какъ именно послѣднія, а не южныя необходимы для совершенія литургіи ¹⁾).

Наиболѣе древніе иконостасы устраивались очень просто: они состоятъ изъ такъ называемыхъ „тяблъ“, т. е. прямыхъ, горизонтальныхъ брусевъ, за-

Рис. № 426.
Тябло. По В. Суслову.

дѣланныхъ концами въ сѣверную и южную стѣны церкви, или прибитыхъ къ ея восточной стѣнѣ. Въ верхней и нижней граняхъ такихъ брусевъ вынимались пазы, которые охватывали низъ и верхъ вдвигавшихся въ нихъ иконъ

(рис. № 426). Съ лицевой стороны тябла украшались яркой раскраской въ нѣсколько цвѣтовъ, благодаря чему они не рѣзали глаза, сливаясь съ полихроміей иконъ. Примѣромъ такихъ иконостасовъ могъ бы служить иконостасъ церкви Владимірской Божіей Матери, находящейся въ Бѣлой Слудѣ (смотри выше), но къ сожалѣнію, низъ его потерялъ свой первоначальный видъ отъ болѣе поздняго происхожденія царскихъ вратъ и приставныхъ кіотовъ. Такого же типа иконостасъ сохранился въ церкви Іоанна Богослова на рѣкѣ Ишнѣ (рис. № 427).

Къ болѣе совершеннымъ иконостасамъ слѣдуетъ отнести такіе, основу которыхъ все еще составляютъ тябла, но иконы не стоятъ въ нихъ вплотную одна къ другой, а раздѣляются тоненькими штабиками или росписными брусками, которые значительно тоньше тяблъ. Хотя у такихъ иконостасовъ каждая ихъ икона является обрамленной со всѣхъ сторонъ, но боковыя части обрамленій настолько еще не рельефны, что теряются въ общей массѣ иконостаса и доминирующее значеніе остается за тяблами. Примѣромъ такихъ иконостасовъ можетъ служить иконостасъ Петро-Павловской церкви въ Новгородѣ (рис. № 428).

или Архидіаконъ Стефанъ, а на южныхъ Архистратигъ Михаилъ. Во второмъ ярусѣ помѣщаются иконы праздниковъ, въ третьемъ Апостоловъ и въ верхнемъ Пророковъ.

Приведенная схема размѣщенія изображеній иногда нѣсколько видоизмѣняется, такъ, на примѣръ, если Тайная Вечеря помѣщена въ верхней (неподвижной) части царскихъ вратъ, то надъ ними, во второмъ ряду изображается Спаситель съ предстоящими: по правую его руку Богородица, а по лѣвую Предтеча. Такое изображеніе извѣстно подъ именемъ „деисисъ“ или „деисусъ“; въ старину же этимъ названіемъ именовался и весь иконостасъ.

¹⁾ По мнѣнію Филимонова, высокіе иконостасы сложились въ XIV—XV вѣкахъ; нѣкоторые же изслѣдователи, какъ на примѣръ Г. Сперовскій находятъ возможнымъ считать начало ихъ появленія на цѣлый вѣкъ раньше. Проф. Голубинскій предполагаетъ, что въ окончательно сложившемся видѣ иконостасы появились не ранѣе XVII столѣтія (Филимоновъ. „Археологическія изслѣдованія по памятникамъ“. Вып. 1, стр. 18. Сперовскій. „Христіанское чтеніе“ 1891 г., стран. 348. Голубинскій. „Исторія Русской церкви“, Москва 1904 г., I томъ, стр. 203).

Рис. № 427.
Иконостасъ церкви на Ишиѣ.
Фот. Ф. Барщевского.

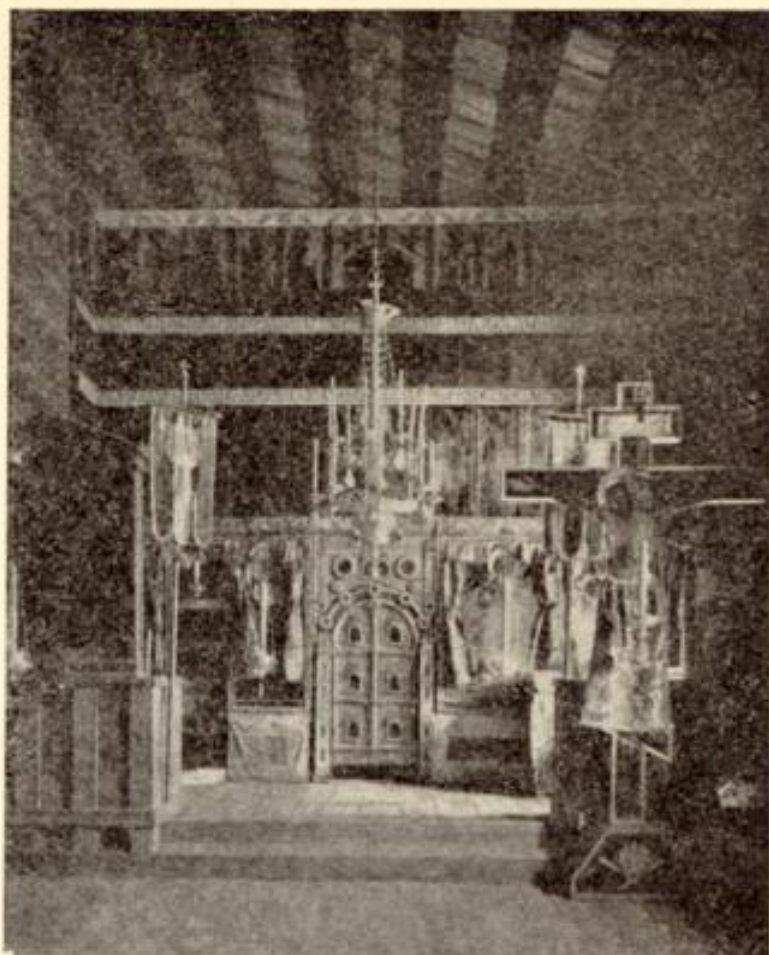

Рис. № 428.
Иконостасъ Петро-Павловской
церкви въ Новгородѣ.
Фот. Ф. Барщевского.

Рис. № 429.
Иконостасъ церкви І. Богослова въ Толчковѣ.
Фот. Ф. Барщевскаго.

Наконецъ, къ послѣдней группѣ иконостасовъ относятся такіе, у которыхъ тябла замѣнены карнизами, а вмѣсто перегородокъ между иконами тянутся полуколонки или плоскія части, соединяющіяся надъ каждой иконой въ арки, имѣющія то полуциркульную форму, то килевую, то, наконецъ, трехлопаственную. Это уже цѣлая архитектурная композиція, подчасъ очень сложная и исполненная съ большимъ мастерствомъ, въ которыхъ выливалась страстная любовь народа къ причудливой орнаментации и богатству красокъ. Какое чарующее впечатлѣніе даютъ такія композиціи, можно судить по иконостасу церкви Іоанна Богослова въ Толчковѣ ¹⁾ (рис. № 429), относящемуся къ тому времени, когда на Руси въ началѣ XVIII вѣка пышно и свое-

образно расцвѣлъ стиль Барокко, оставившій намъ поразительные иконостасы, которые замѣчательны не только волшебной роскошной архитектурой, но и тѣмъ изумительнымъ мастерствомъ, съ которымъ исполнена ихъ рѣзьба ²⁾.

Но какъ бы ни былъ богатъ иконостасъ, центральнымъ мѣстомъ его художественной отдѣлки всегда были царскія врата; это особенно замѣтно въ иконостасахъ болѣе древнихъ, у которыхъ рядомъ со скромно украшенными тяблами и перегородками находятся великолѣпныя царскія врата, тогда какъ сѣверныя и южныя двери почти теряются въ ряду иконъ. Выше мы замѣтили, что царскія врата почти всегда состояли изъ нѣсколькихъ основныхъ частей; ознакомимся теперь съ этими частями нѣсколько подробнѣе, пользуясь схематическимъ чертежемъ царскихъ вратъ знакомой намъ церкви

¹⁾ Близъ Ярославля.

²⁾ Приведенный нами образецъ иконостаса въ стилѣ Барокко принадлежитъ провинціальной церкви, поэтому онъ и не отличается тою безумною роскошью, которую нѣрѣдко можно встрѣтить среди иконостасовъ московскихъ церквей, а также церквей, стоящихъ подлѣ Москвою, въ пригородныхъ вотчинахъ старыхъ княжескихъ и боярскихъ родовъ. (Смотри иконостасъ церкви въ селѣ Дубровицахъ. Древности. Труды комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Томъ III. Листъ XXXIII).

Спаса въ Заваринѣ (рис. № 430). По сторонамъ створокъ вратъ, но не въ одной съ ними плоскости, а впереди ихъ ставились обыкновенно, такъ называемые, „столпцы“ (С—С), только символизировавшіе собою тѣ столбы („верей“), къ которымъ привѣшивались створы дверей древней алтарной преграды, такъ какъ у царскихъ вратъ XVI и XVII вѣка столпцы для этой цѣли никогда не служили; для этого предназначались особыя колоды, закладывавшіяся въ капитальную стѣну, отдѣлявшую церковь отъ алтаря. Столпцы въ большинствѣ случаевъ имѣли квадратную въ планѣ форму и были обращены на западъ или ребрами, или гранями. На послѣднихъ помѣщались небольшія иконы святителей и отцовъ церкви, а на верхахъ столпцовъ утверждались „возглавія“, имѣвшія форму граненыхъ шишекъ на высокихъ и узкихъ шейкахъ (рис. № 431)¹⁾, или же представлявшія собою цѣлую группу луковичныхъ главокъ, осѣненныхъ крестами, какъ, на примѣръ, у царскихъ вратъ церкви Іоанна Богослова на рѣкѣ Ишнѣ²⁾ (рис. № 432). Иногда оба типа возглавій соединялись вмѣстѣ, т. е. вокругъ стоящей въ центрѣ шишки размѣщались четыре или большее число главокъ. Въ иконостасахъ эпохи XVII вѣка столпцы теряютъ даже свое символическое значеніе и превращаются въ парныя колонки, поддерживающія импосты архивольтовъ надъ створами вратъ (рис. № 433)³⁾.

Въ старину верхней части створовъ царскихъ вратъ („полотень“ рис. № 430 А—А) никогда не придавали прямоугольную форму; но зато у нихъ встрѣчаются очень разнообразныя верхи: полуциркульные, стрѣльчатые, подковообразные, килевидные, овальные и, наконецъ, фигурные, образованные сочетаніемъ нѣсколькихъ кривыхъ съ волютами или завитками другой формы (рис. № 434). Нижняя часть полотень дѣ-

Рис. № 430.

Схема царскихъ вратъ. Рис. М. Красовскаго.

¹⁾ Изъ псковской церкви Николая со Усохи.

²⁾ Ишинскія врата исполнены въ 1562 году инокомъ Исаіей и находились прежде въ Ростовскомъ Аврааміевомъ монастырѣ, о чемъ свидѣлствуетъ имѣющаяся на нихъ надпись.

³⁾ Изъ придѣла Костромской церкви Воскресенія на Дебри.

Рис. № 431.
Столбец.
По А. Бобрин-
скому.

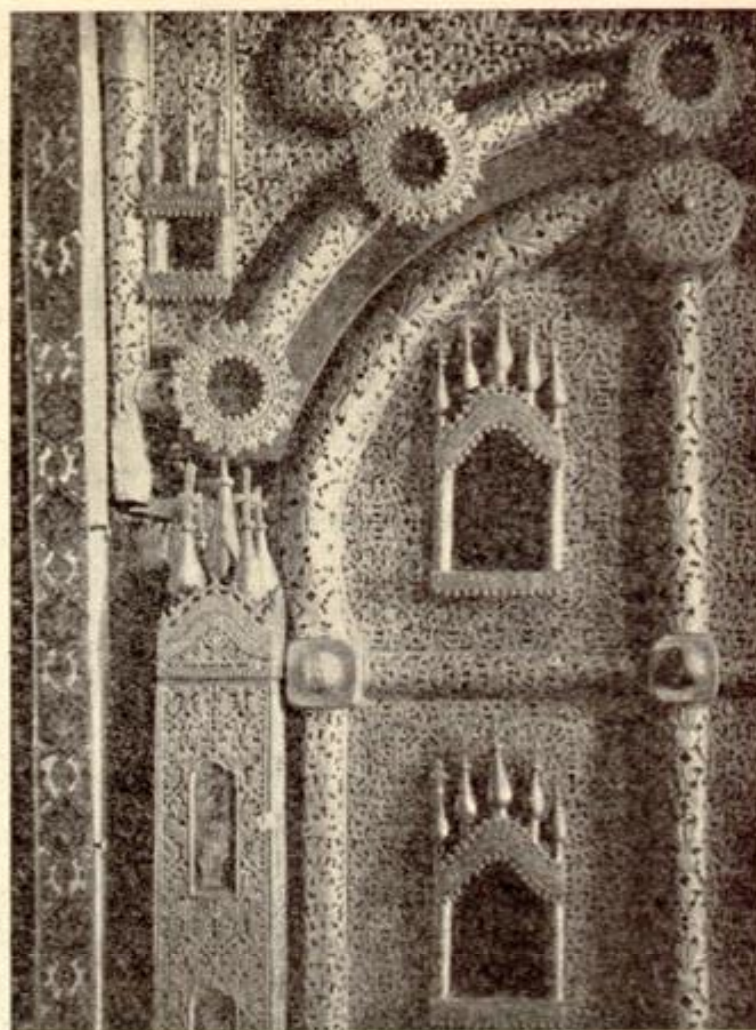
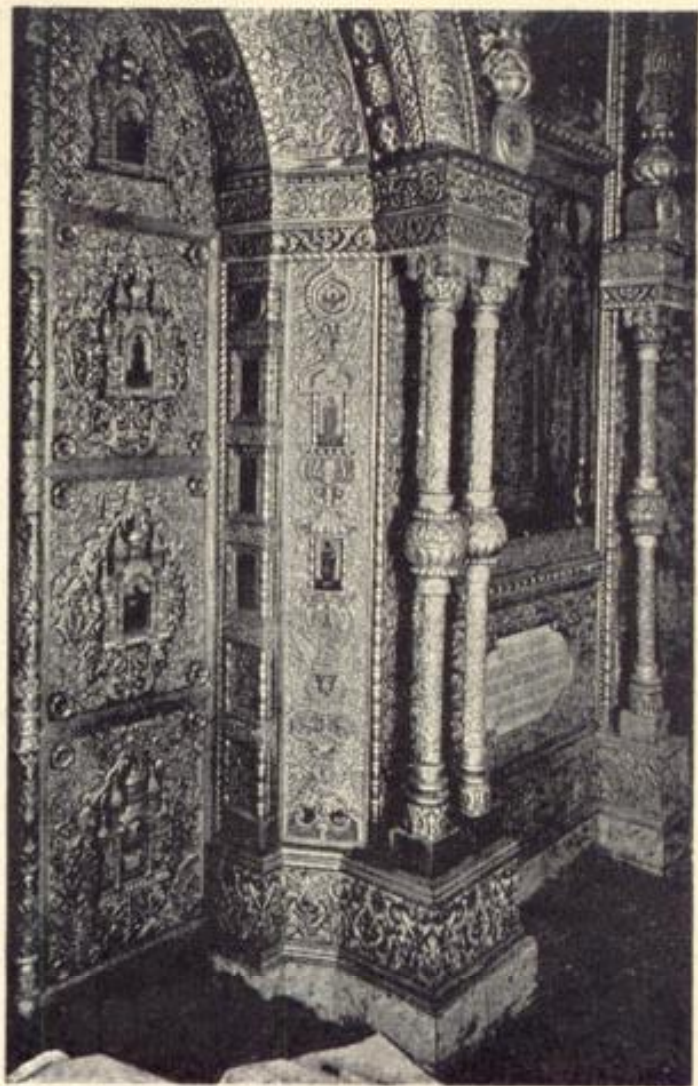

Рис. № 432.
Деталь царских вратъ церкви на Ишиѣ.
Фот. Ф. Барщевскаго.

лится въ большинствѣ случаевъ на четыре части при помощи обрамленій, украшенныхъ въ точкахъ пересѣченія различнаго вида розетками („рѣпьями“). Въ центрахъ образованныхъ такимъ образомъ полей („поликовъ“) оставлялись не покрытыя орнаментомъ мѣста для указанныхъ выше иконъ; мѣста эти, называвшіяся „клеймами“, ограничивались фигурнымъ контуромъ или окаймлялись чудесными по композиціи и исполненію кіотиками, которые очень часто заканчивались вверху, подобно столпцамъ, луковичными главками (рис. № 435). Два такихъ же клейма помѣщались въ верхней части створовъ, образуя вмѣстѣ съ четырьмя нижними шесть мѣстъ для иконъ Благовѣщенія и Евангелистовъ. Стыкъ полотенъ прикрывался полукруглымъ штабикомъ или прямоугольнымъ въ сѣченіи брусомъ съ перехватами и съ богатой орнаментацией; число перехватовъ было кратнымъ числу клеймъ (рис. №№ 436 и 441).

Слѣдующую часть царскихъ вратъ составляло „тѣло“ или „сѣнь“ (рис. №№ 430 Б—Б и 437), находившееся по большей части въ одной отвѣсной плоскости со створами и ограничивавшееся сверху и съ боковъ

Рис. № 433.
 Столбцы - колонки.
 По А. Бобринскому.

СХЕМЫ СТВОРОВЪ ЦАРСКИХЪ БРАТЪ.

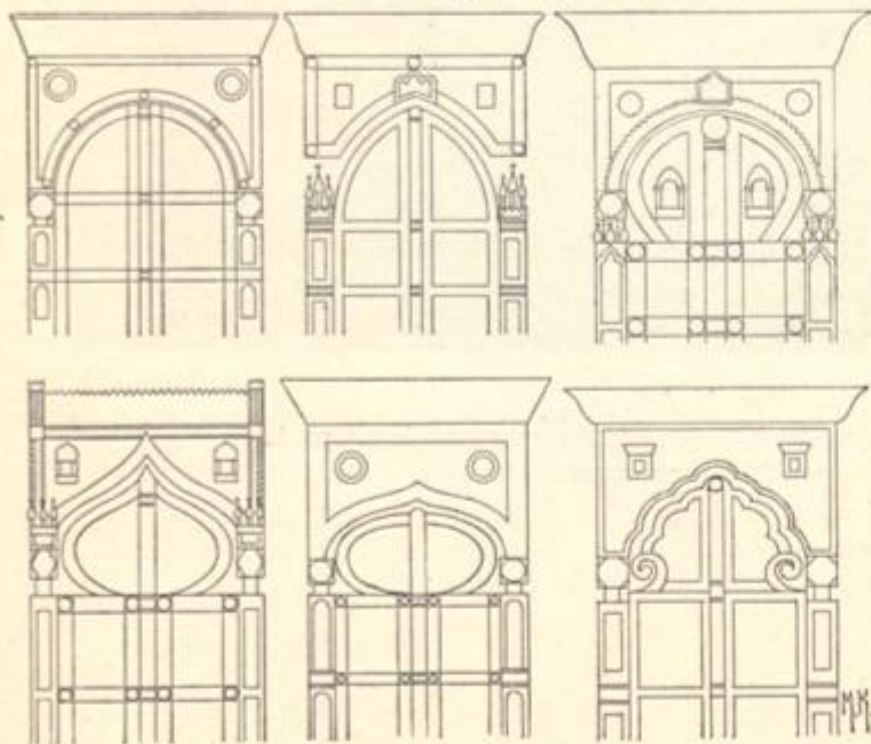

Рис. № 434.
 Рис. М. Красовскаго.

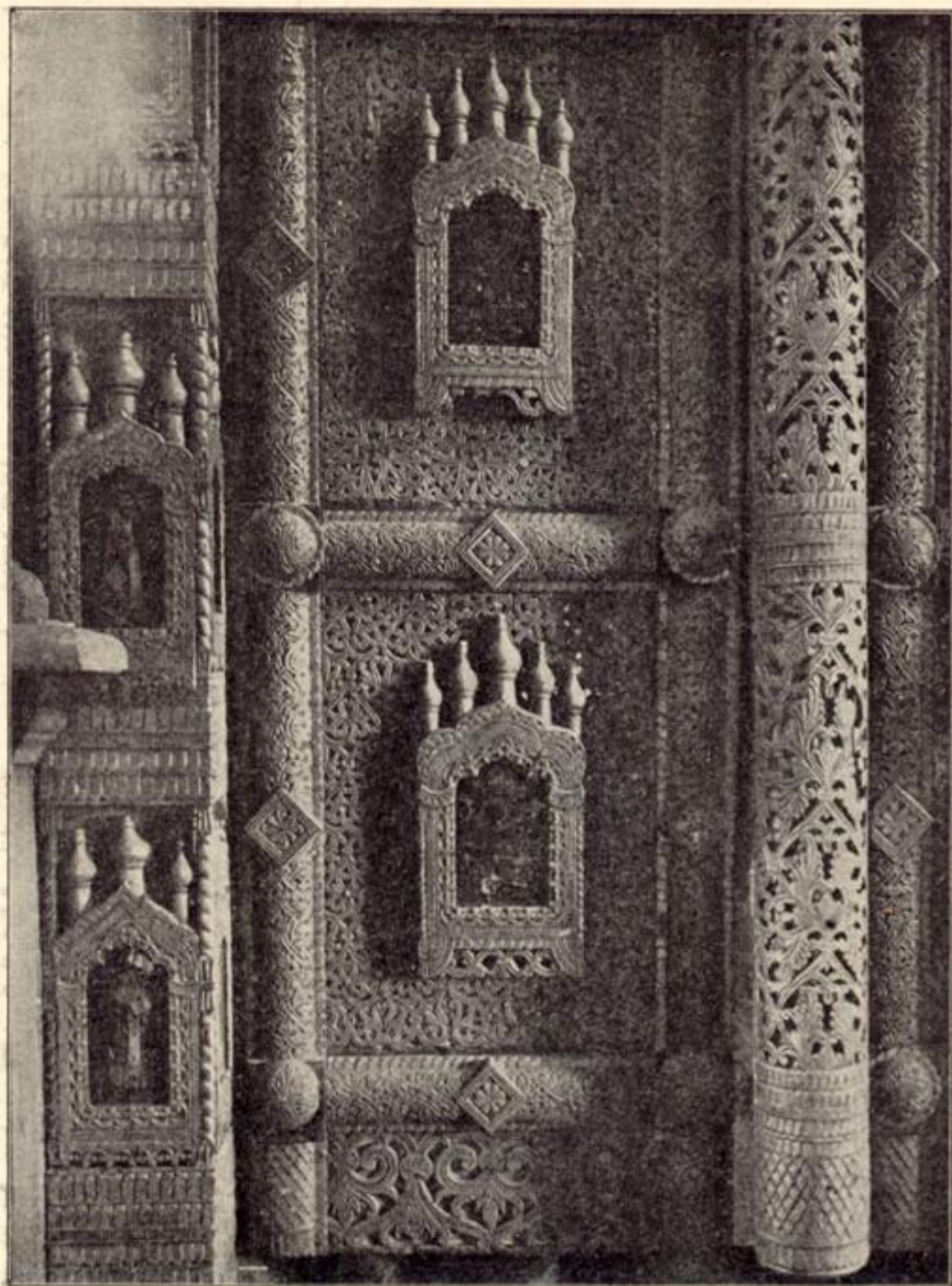

Рис. № 435.
Деталь царских врат Спась-Нередицкой церкви въ Новгородѣ.
Фот. Ф. Барщевского.

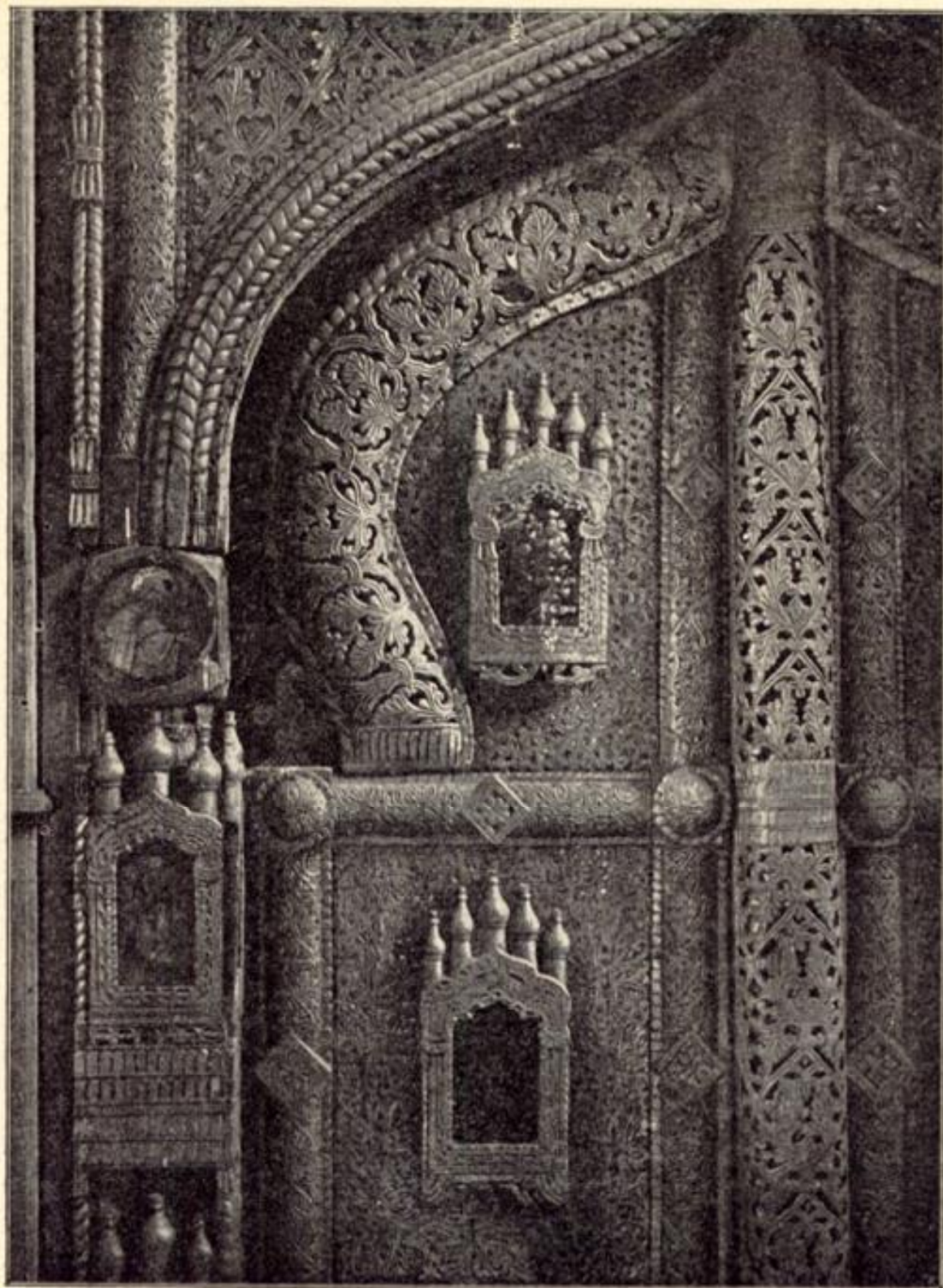

Рис. № 436.
Деталь царских врат Спась-Нередицкой церкви въ Новгородѣ.
Фот. Ф. Баршевскаго.

прямыми линиями, а снизу почти всегда отвѣчавшее формѣ верха створовъ. Края сѣни окаймлялись орнаментированной рамкой съ рѣпьями, а на самой сѣни размѣщались клейма, изъ которыхъ центральное часто дѣлалось больше остальныхъ и служило для помѣщенія въ немъ иконы Св. Троицы ¹⁾ или Тайной Вечери (рис. № 438).

Наконецъ, непосредственно надъ сѣнью возвышалась послѣдняя—вѣнчающая часть царскихъ вратъ, именовавшаяся „коруной“ (короной), на которую она въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно была похожа, какъ, на-

Рис. № 437.
Фот. М. Красовскаго.

примѣръ, въ церкви Спаса въ Заваринѣ (рис. №№ 430 В — В и 439). Коруна эта имѣетъ вверху отвѣсный профиль, а внизу слегка выпуклый, тогда какъ у ишнинскихъ царскихъ вратъ коруна имѣетъ профиль въ видѣ закругленнаго желоба (рис. № 438); нерѣдко встрѣчаются коруны, имѣющія профиль въ видѣ гуська, какъ, на примѣръ, у ярославской церкви Іоанна Предтечи въ Толчковѣ (рис. № 440), а также коруны въ видѣ прямой доски, верхъ которой слегка наклоненъ впередъ. Послѣдняго вида коруна сдѣлана у царскихъ вратъ Спасъ - Нередицкой церкви подъ Новгородомъ (рис. № 441).

Всѣ части царскихъ вратъ въ большинствѣ случаевъ были покрыты рѣзьбою, которой придавали различной глубины рельефъ; такъ, у древ-

¹⁾ Явленіе Аврааму трехъ ангеловъ.

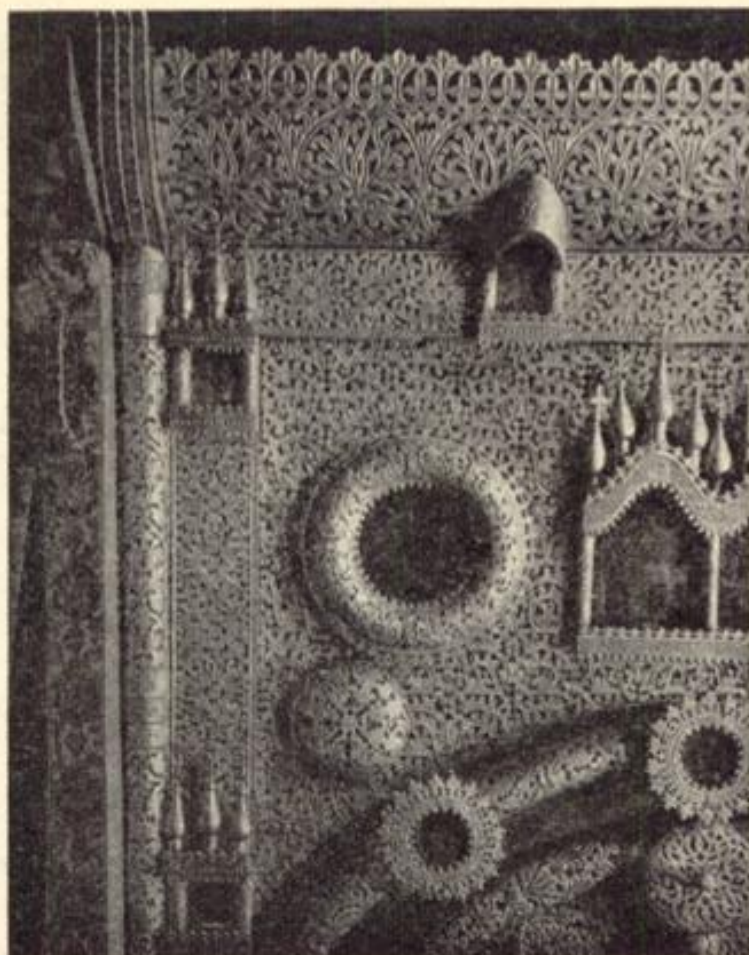

Рис. № 438.
Деталь царских вратъ церкви на Ишнѣ.
Фот. Ф. Барщевского.

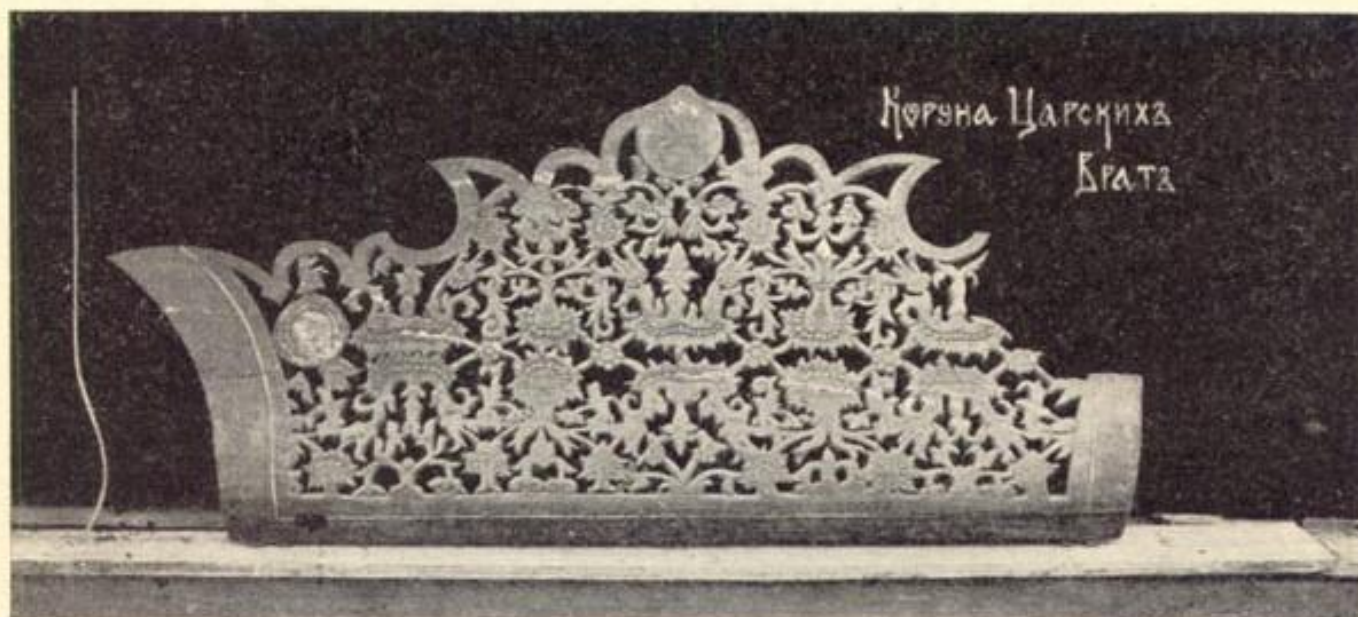

Рис. № 439.
Фот. М. Красовскаго.

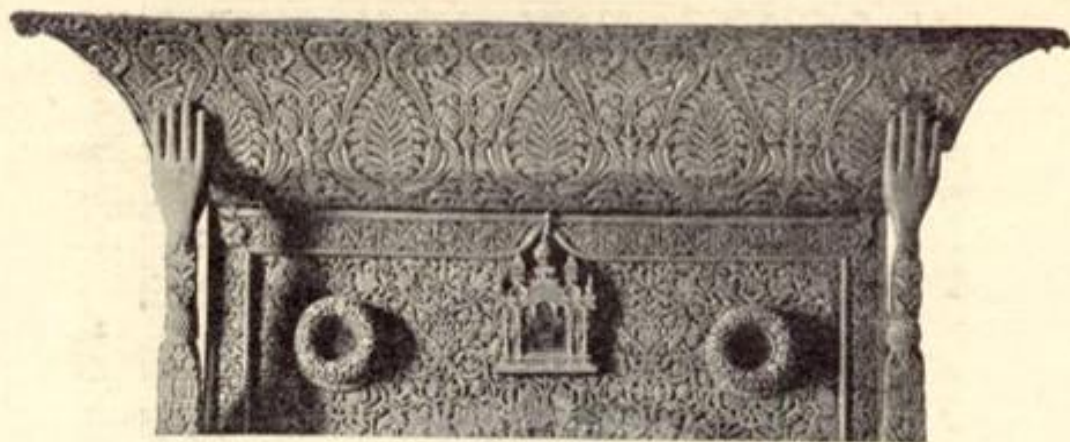

Рис. № 440.
Коруна царскихъ вратъ. По А. Бобринскому.

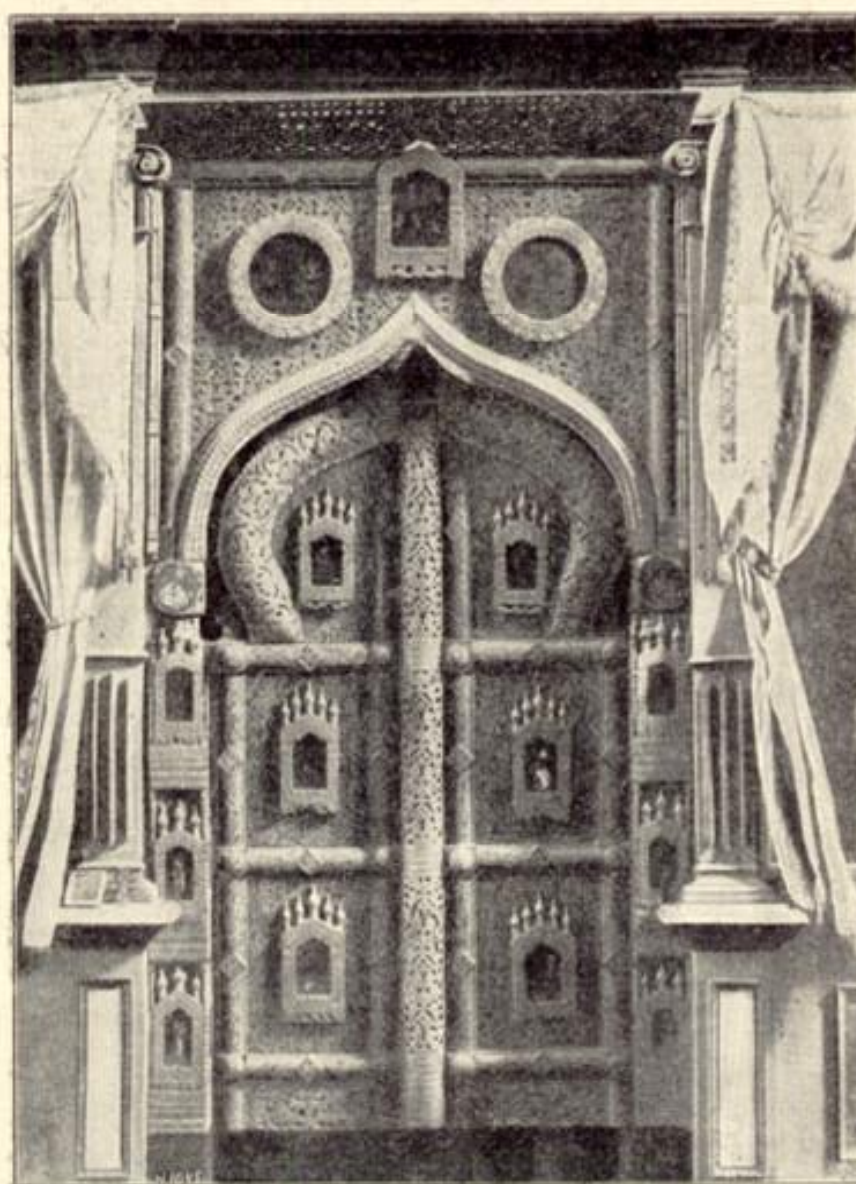

Рис. № 441.
Царскія врата Спасъ-Нередицкой церкви.
Фот. Ф. Барщевского.

Рис. № 442.
Царскія врата Исидоровской церкви.
Фот. Ф. Баршевскаго.

нихъ царскихъ вратъ, хранящихся въ Исидоровской церкви Ростова Великаго, рѣзьба очень неглубока (рис. № 442), у нередицкихъ же вратъ она имѣетъ сильный рельефъ и, наконецъ, у вратъ церкви Спаса въ Заваринѣ она сквозная (рис. № 443). Остановливаясь долѣе на техникѣ рѣзьбы и на характерѣ ея орнаментальныхъ мотивовъ не станемъ, такъ какъ послѣдній отличается большимъ разнообразіемъ и изученіе его не можетъ входить въ предѣлы настоящаго курса, относясь къ области особаго искусства — орнаментики.

Рѣзьба обыкновенно покрывалась раскраской въ нѣсколько тоновъ; относительно рѣже ее золотили, покрывая при этомъ фонъ рѣзьбы одной какой-либо краской, напримѣръ ярко красной, какъ у вратъ церкви на Ишиѣ. Болѣе рѣдко встрѣчаются царскія врата безъ всякой рѣзьбы, но зато раскрашенные въ нѣсколько красокъ; въ такихъ случаяхъ иконы

часто цѣликомъ занимали филенки („полики“) створовъ, а орнаментъ покрывалъ только обрамленія и штабикъ, прикрывающій стыкъ створовъ. Образецъ такихъ росписныхъ вратъ представляютъ врата Знаменскаго Красногравскаго монастыря (Гороховецкаго уѣзда, Владимірской губерніи), изображенные на рис. № 444 ¹⁾.

Заканчивая обзоръ иконостасовъ замѣтимъ еще, что ярусы ихъ размѣщались не только на стѣнѣ, отдѣлявшей церковь отъ алтаря, но загибались иногда на продольныя стѣны, какъ это сдѣлано въ церкви Іоанна Богослова на рѣкѣ Ишнѣ, а въ церквахъ, имѣвшихъ крестообразный планъ, ярусы иконостаса захватывали даже восточныя стѣны прирубовъ; образцомъ такого устройства иконостасовъ можетъ служить иконостасъ Преображенской церкви въ Кокшенгѣ (рис. №№ 285 и 271).

Ко второй группѣ внутренняго „наряда“ храма относятся предметы церковнаго обихода, т. е. аналои, столы, подсвѣчники, шкафы, переносныя скамьи и такіе же кіоты.

Старинные аналои („налои“) можно раздѣлить на два основныхъ типа: на простые аналои и на складные. Первые дѣлались въ видѣ столиковъ, шкафиковъ или стоекъ, при чемъ верхнія ихъ доски имѣли значительный уклонъ и въ нижней части закраину, чтобы положенная на нихъ книга или икона не сползала внизъ; но въ то же время закраина должна была быть не высокой, чтобы не мѣшала перелистыванію. Основу такихъ столиковъ составляли четыре бруска, скрѣпленные въ отвѣсномъ или нѣсколько наклонномъ внутри положеніи. Примѣромъ аналоя съ наклонными ножками можетъ служить аналой Воздвиженской церкви Осиновскаго прихода ²⁾ (рис. № 445). Его ножки схвачены внизу брусками, по срединѣ вырѣзными планками, прикрытыми сверху дощечкой для книгъ, а вверху широкими досками, украшенными сквозной порѣзкой. Аналой, хранящійся въ древнехранилищѣ при Ярославской Архивной Комиссіи, имѣетъ отвѣсныя ножки, пространства между которыми и нижними схватками сплошь забраны ажурными досками и брусками, которые вмѣстѣ съ ножками украшены росписью (рис. № 446). Общей формой аналой этотъ болѣе похожъ на шкафъ, чѣмъ на столъ и занимаетъ какъ бы среднее мѣсто между Воздвиженскимъ аналоемъ и аналоемъ, изображеннымъ на рисункѣ № 447. Послѣдній сдѣланъ массивнымъ и очень прочно, такъ какъ ножки его скрѣплены желѣзными накладками; на высотѣ нижнихъ накладокъ вѣдано дно, благодаря которому аналой одновременно служитъ и шкафикомъ для служебныхъ книгъ. Верхъ такого типа аналоевъ дѣлался иногда на четыре ската, въ видѣ плоской пирамиды, вращавшейся на оси, что давало возможность удобно пользоваться сразу четырьмя книгами. Очень интересный стойчатый аналой находится въ церкви Св. Константина на Кокшенгѣ ³⁾; онъ состоитъ изъ нижней крестовины, стойки

¹⁾ Эти врата, равно какъ почти всѣ остальные, приведенныя нами въ качествѣ примѣровъ, принадлежатъ церквамъ каменнымъ; тѣмъ не менѣе ими пришлось воспользоваться, такъ какъ подобрать нужные образцы изъ числа находящихся въ церквахъ деревянныхъ не удалось, вслѣдствіе неполноты имѣющагося въ нашемъ распоряженіи матеріала.

²⁾ Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

³⁾ Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

Рис. № 444.
Росписныя царскія врата.

Рис. № 445.
Аналой.
По А. Бобринскому.

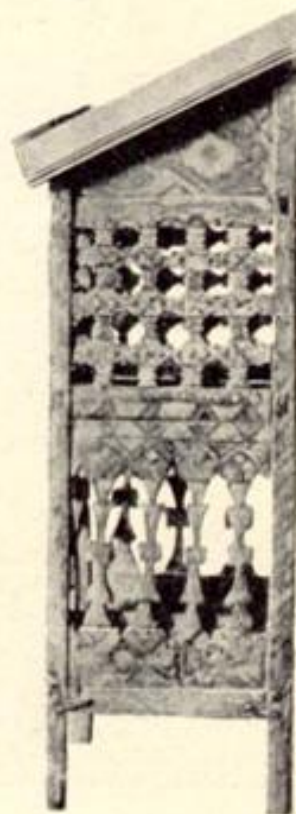

Рис. № 446.
Аналой.
По А. Бобринскому.

Рис. № 447.

Рис. № 449.
Складной аналой.
По А. Бобринскому.

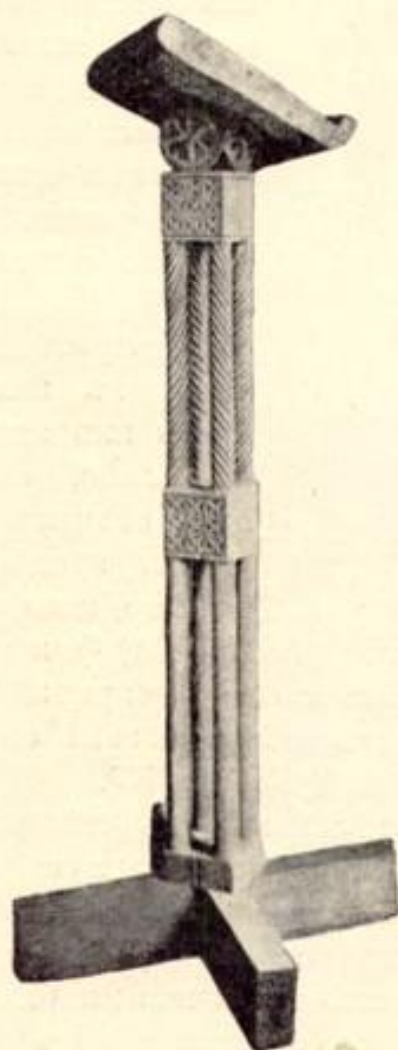

Рис. № 448.
Аналой.
По А. Бобринскому.

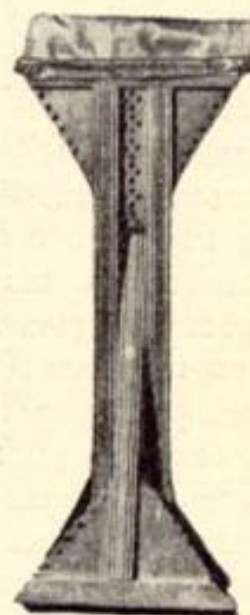

Рис. № 450.
Складной аналой.
По А. Бобринскому.

и верхней доски (рис. № 448). Стойка искусно вырѣзана изъ одного куска дерева въ видѣ четырехъ витыхъ колонокъ, соединенныхъ внизу, вверху и по срединѣ схватками, изъ которыхъ верхняя и нижняя украшены рѣзбой; между верхней схваткой и доской помѣщена рѣзная шишка.

Такіе художественные аналои служили не только для болѣе удобнаго чтенія большихъ и тяжелыхъ богослужебныхъ книгъ, какими въ большинствѣ случаевъ были старинныя, но они ставились также въ разныхъ мѣстахъ церкви, на примѣръ передъ клиросами, покрывались шитыми пеленами, въ видѣ полотенецъ, и на нихъ возлагались иконы. Такіе аналои стояли на опредѣленныхъ мѣстахъ и сравнительно рѣдко съ нихъ сдвигались; для чтенія же

посреди церкви имѣлись особые, легкіе и складные аналои, которые были двухъ типовъ, а именно: они дѣлались или о четырехъ ножкахъ, или о трехъ. Примѣромъ перваго типа можетъ служить аналой, хранящійся въ музеѣ Щукина ¹⁾ (рис. № 449), а примѣромъ втораго — аналой въ Новгородскомъ музеѣ древностей (рис. № 450). Въ обоихъ типахъ ножки вращаются на горизонтальной оси,

Рис. № 451.
Клиросный шкафъ.
По А. Бобринскому.

украшеніе котораго составляютъ фигурныя петли (рис. № 451) ²⁾, и кончая такими шедеврами, какъ свѣчной ящикъ (свѣчной столъ), покрытый богатѣйшей рѣзбой (рис. № 452) ³⁾, или какъ росписной церковный столикъ, хранящійся въ Ростовскомъ музеѣ Бѣлой Палаты (рис. № 453).

Кромѣ уже знакомыхъ намъ лавокъ, придѣланныхъ къ стѣнамъ, въ церквахъ были не рѣдко и переносныя скамьи. Онѣ болѣею частью устраивались съ перекидными спинками, которыя дѣлались или гладкими и тогда приспособлялись такъ, что могли удержаться въ горизонтальномъ положеніи и служить какъ столъ, или же украшались точеными балясами, рѣзными брусками или досками. Приводимъ два образца такихъ скамей (рис. №№ 454 и 455), изъ которыхъ первая находится въ церкви Свв. Петра и Павла въ Пучугѣ, гдѣ она служитъ клиросомъ.

¹⁾ Москва.

²⁾ Успенская церковь, Сумского посада, Кемскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

³⁾ Древнехранилище при Ярославской Архивной Комиссіи.

Рис. № 452.
Свѣчной столъ. По А. Бобринскому.

Рис. № 453.
Церковный росписной столъ.
По А. Бобринскому.

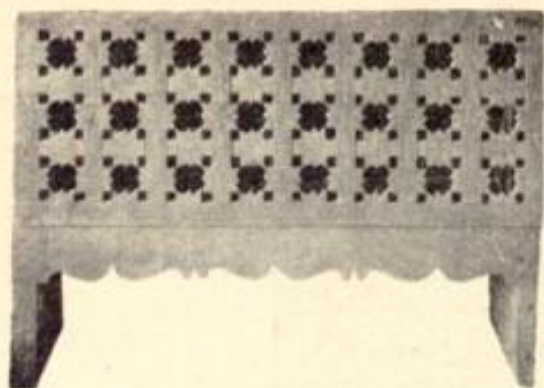

Рис. № 454.
Переносная скамья.
По А. Бобринскому.

ЦЕРКОВНАЯ ПЕРЕНОСНАЯ СКАМЬЯ.

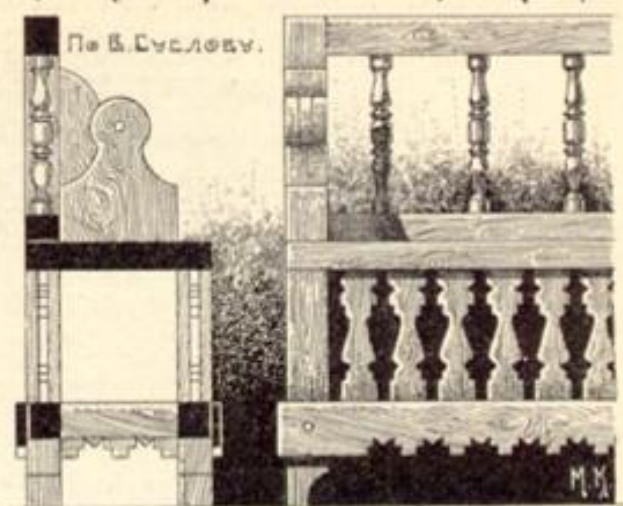

Рис. № 455.

Съ особенной любовью относились у насъ въ старину къ кіотамъ: въ глазахъ прихожанъ они были достойнымъ приношеніемъ своему храму, какъ украшеніе для чтимыхъ иконъ или для тѣхъ, которыя прихожане сами жертвовали въ храмъ; у мастеровъ къ такому взгляду присоединялось чувство радости дать просторный исходъ ихъ потребности создавать чисто художественныя произведенія, скованной при работѣ надъ предметами утилитарнаго назначенія. Этимъ объясняется то большое число дошедшихъ до насъ старинныхъ кіотовъ, а также разнообразіе ихъ формъ, отдѣлки и, наконецъ, матеріаловъ, изъ которыхъ они сдѣланы. Мы остановимся только на нѣсколькихъ деревянныхъ кіотахъ, которые вообще можно раздѣлить на двѣ основныя группы. Къ первой изъ нихъ мы относимъ такіе кіоты, которые, несмотря на все ихъ разнообразіе, все-таки имѣютъ одну общую всѣмъ имъ черту, а именно они представляютъ собою *рамы*, предназначавшіяся для вставки въ нихъ опредѣленныхъ иконъ, по размѣру которыхъ онѣ и дѣлались. Въ свою очередь такіе кіоты-рамы подраздѣляются на два вида: на росписные и на рѣзные. Образцомъ первыхъ можетъ служить кіотъ, находящійся въ главномъ алтарѣ Кемскаго собора (рис. № 456); у него какъ сама рама, такъ и вѣнчающая ее коруна сплошь покрыты яркой росписью въ нѣсколько красокъ по желтому фону. Отверстіе рамы раздѣлено двумя планками на три отдѣленія, соотвѣтственно тремъ изображеніямъ Деисиса ¹⁾, а къ низу ея придѣланъ желѣзный подсвѣчникъ для трехъ свѣчей.

Соединеніе росписи съ рѣзбой мы видимъ на кіотѣ Θεодоровской церкви въ Ярославлѣ. Рѣзба этого кіота очень скромна—она представляетъ собою жгуты, дважды обтягивающіе самую раму и одинъ разъ ея коруну (рис. № 457); у кіотовъ же, изображенныхъ на рисункахъ №№ 458 и 459 ²⁾, она очень богата, въ особенности у второго, гдѣ изящный и сложный, но

¹⁾ Смотри выше объ иконахъ и иконостасахъ.

²⁾ Первый изъ нихъ хранится въ Московскомъ музеи П. И. Щукина, а второй въ Петроградѣ, въ музеѣ Императорскаго Общества Поощренія Художествъ.

Рис. № 456.
Киотъ кемскаго собора. По В. Суслову.

Рис. № 457.
Росписной киотъ. По А. Бобринскому.

Рис. № 458.
Киотъ.

По А. Бобрин-
скому.

невысокій рельефъ орнамента отѣненъ шестью выпуклыми, но то же тонкаго рисунка розетками („рѣпьями“). Не рѣдко встрѣчаются и такіе кіоты, на которыхъ написаны небольшія иконы, изображающія событія изъ жизни того святого, для иконы котораго предназначался кіотъ. Какъ на примѣръ такого типа можно указать на кіотъ въ музеѣ П. И. Щукина; здѣсь въ мелкую рѣзбу рамы вплетено 20 квадратныхъ иконокъ, а на корунѣ помѣщено три круглыхъ ¹⁾).

Ко второй группѣ кіотовъ мы относимъ такіе, которые сдѣланы въ формѣ небольшихъ ящиковъ и обыкновенно представляютъ собою модели церквей. Одинъ такой кіотъ, украшенный рѣзбой и росписью, находится въ церкви Преп. Зосимы и Савватія на Кокшенгѣ ²⁾. Онъ не великъ: высота его $18\frac{3}{4}$ вершка, а ширина $9\frac{3}{4}$ вершка (рис № 460); края верхней

Рис. № 459.
Кіотъ. По А. Бобринскому.

доски украшены жгутомъ, надъ которымъ высятся пять крещатыхъ бочекъ, увѣчанныхъ луковичными главками. Другой такого типа кіотъ, хранящійся въ Московскомъ Историческомъ музеѣ, значительно больше (высота его 1 арш. $13\frac{1}{2}$ вершк.) и раздѣленъ полочкой на два не равныхъ отдѣленія; верхъ лицевой его стороны обработанъ въ видѣ двухъ рѣзныхъ колонокъ, поддерживающихъ плоскую килевидную арочку, сливающуюся со лбомъ крещатой бочки, въ центрѣ которой возвышалась исчезнувшая теперь главка; двѣ малыя главки стоятъ надъ кіотиками, приходящимися надъ колонками. Низъ лицевой стороны, бока кіота и лбы крещатой бочки покрыты росписью (рис. № 461). По предположенію профессора Е. Голубинскаго ¹⁾, такіе кіоты, называвшіеся „Іерусалимами“ и „Сіонами“, служили да-

¹⁾ Смотри: „Народныя русскія деревянныя издѣлія“. Графъ А. А. Бобринскій. Табл. 128, рисун. 8.

²⁾ Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

³⁾ „Исторія Русской церкви“. Томъ I, стр. 174.

Рис. № 460.
Дарохранительница.
По А. Бобринскому.

Рис. № 461.
Дарохранительница. По А. Бобринскому.

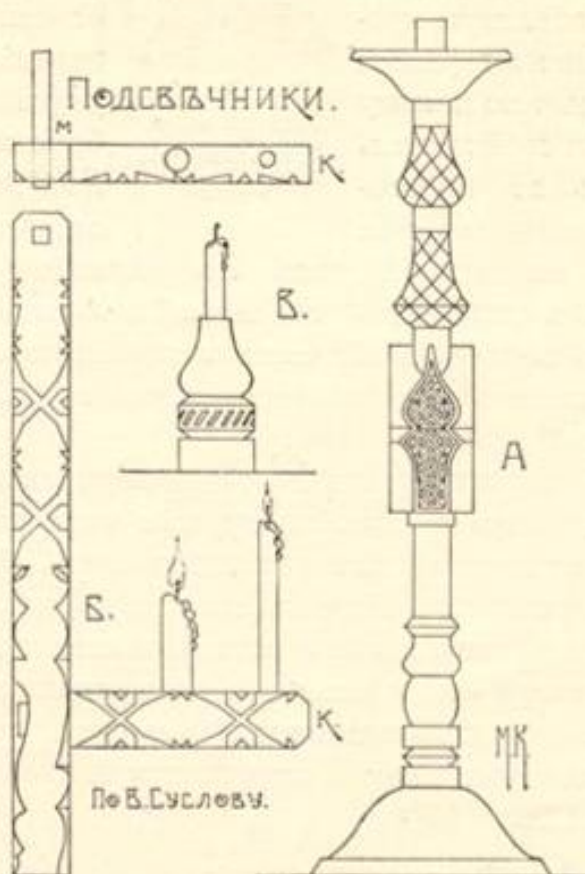

Рис. № 462.

рохранительницами, употреблявшимися по большим праздникам на великомъ выходѣ, за литургіей. Возможно, однако, что они служили и какъ простые кіоты.

Разсмотримъ еще деревянные подсвѣчники, которые теперь встрѣчаются уже довольно рѣдко; они дѣлятся на „приставные“, „висучіе“ и „поставные“. Первые дѣлались значительной высоты (около полутора аршина) и ставились на полъ преимущественно передъ иконами иконостаса, при чемъ служили для укрѣпленія въ нихъ одной или нѣсколькихъ свѣчей. Приводимъ два примѣра такихъ подсвѣчниковъ. Первый изъ нихъ (рис. № 462 А) находится въ церкви села Подмонастырскаго ¹⁾ и интересенъ своими средними выступами, подражающими формѣ крещатаго церковнаго сруба, крытаго бочками; второй принадлежитъ церкви Преп. Зосимы и Савватія (того же уѣзда) и представляетъ собою четырехгранную призму, образованную крестовиной, стойками и ажурными дощечками; сквозь всю призму проходитъ средняя стойка, низъ которой вдѣланъ въ крестовину, а верхъ предназначается прикасаться къ иконамъ и тѣмъ предохранять ихъ отъ огня свѣчей (рис. № 462 Б). Къ „висучимъ“ же подсвѣчникамъ относятся и такіе, которые состоятъ изъ вертикальной части и горизонтальной; свободный конецъ послѣдней вставлялся въ спеціальныя гнѣзда, продѣланныя въ тяблахъ иконостасовъ или въ бревнахъ стѣнъ.

Наконецъ, „поставные“ подсвѣчники вырѣзались для одной свѣчи изъ небольшихъ обрубковъ и, подобно другому типа подсвѣчникамъ, покрывались рѣзными украшеніями или раскрашивались. Такого типа подсвѣчникъ сохранился въ церкви села Подмонастырскаго (рис. № 462 В).

Мы не имѣемъ возможности останавливаться долѣе на обзорѣ остальной церковной утвари—на рѣзныхъ и росписныхъ деревянныхъ запрестольныхъ крестахъ и иконахъ, выносныхъ фонаряхъ, хоругвяхъ, вѣнцахъ, ларцахъ и т. д. ²⁾, которые иногда отличаются замѣчательнымъ мастерствомъ

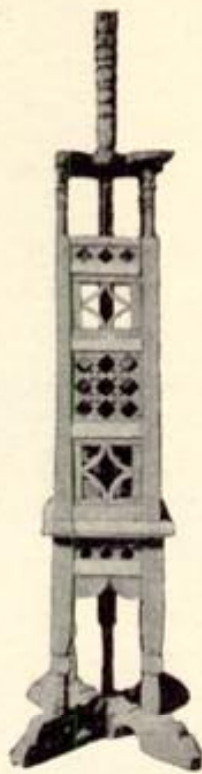

Рис. № 463.
Подсвѣчникъ.
По А. Бобринскому.

для укрѣпленія въ немъ свѣчи (рис. № 463).

„Висучіе“ подсвѣчники привѣшивались къ тябламъ иконостасовъ и представляли собою разной длины рѣзные или росписные бруски; къ верху послѣднихъ придѣлывались „защѣпы“ (рис. № 462 м), т. е. маленькіе брусочки, которыми подсвѣчники защѣплялись за тябла, а къ низу горизонтальные бруски (к), обращенные въ одну или двѣ стороны; въ верхней грани послѣднихъ просверливалось нѣсколько гнѣздъ для свѣчей. Въ задней грани основного бруска, въ мѣстѣ пересѣченія его съ нижнимъ, укрѣплялся дополнительный брусокъ (распорка), параллельный защѣпу, который препятствовалъ низу подсвѣчника

¹⁾ Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

²⁾ Интересующихся этимъ отсылаемъ къ сборнику графа А. А. Бобринскаго „Народныя русскія деревянныя издѣлія“. Москва, 1910.

и художественностью исполненія; полагаемъ, однако, что разсмотрѣнныхъ нами наиболѣе видныхъ предметовъ церковнаго обихода вполне достаточно, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе полное представленіе о старинномъ церковномъ „нарядѣ“ и о той глубоко благоговѣйной любви, съ которой относились къ нему наши предки, умѣвшіе изъ такого простаго матеріала, какъ дерево, создавать шедевры искусства ¹⁾).

¹⁾ Мы не коснулись въ обзорѣ надпрестольныхъ сѣней (киворіевъ), царскихъ и святительскихъ мѣстъ, а также амвоновъ, составлявшихъ почти исключительную принадлежность большихъ и богатыхъ, по большей части соборныхъ, каменныхъ храмовъ.

ГЛАВА IX.

Церковное строительство на югѣ и юго-востокѣ Россіи, т. е. въ Малороссіи и въ Области Войска Донскаго, въ значительной мѣрѣ уклонилось въ сторону отъ тѣхъ пріемовъ деревяннаго зодчества, которые практиковались на сѣверѣ и въ центральныхъ областяхъ. Время постройки уцѣлѣвшихъ памятниковъ народной архитектуры не восходитъ здѣсь ранѣе XVII вѣка, а историческія свѣдѣнія, которыми наука располагаетъ въ отношеніи этой архитектуры, настолько еще не полны и не провѣрены, что выясненіе причинъ отдѣленія южнаго зодчества отъ сѣвернаго, равно какъ вопросъ объ исходной его точкѣ приходится пока считать открытымъ, до того момента, когда точно будетъ выяснено взаимодѣйствіе культуръ и искусствъ тѣхъ народовъ, ареной борьбы которыхъ являлся югъ нынѣшней Россіи. Въ настоящее же время, судя по уцѣлѣвшимъ памятникамъ, можно съ увѣренностью сказать только слѣдующее, а именно, что деревянное церковное зодчество юга успѣло вылиться въ окончательно сложившуюся форму; что на этотъ процессъ потребовалось не мало времени и, слѣдовательно, начало его совпадаетъ, вѣроятно, съ началомъ появленія осѣдлыхъ славянъ въ этихъ мѣстахъ, и, наконецъ, если на уцѣлѣвшихъ памятникахъ явно видны слѣды вліянія иноземнаго искусства, то все же по существу своему памятники эти являются произведеніями мѣстнаго народнаго искусства, стоящаго въ нѣкоторомъ отношеніи въ близкой связи съ церковнымъ зодчествомъ Прикарпатской Руси ¹⁾ и даже русскаго сѣвера.

Поэтому мы не станемъ останавливаться на изложеніи тѣхъ, иногда діаметрально противоположныхъ, мнѣній, которыя высказывались по вопросу объ источникахъ, создавшихъ южное церковное зодчество, а перейдемъ непосредственно къ разсмотрѣнію его памятниковъ, начавъ съ типовъ ихъ плановъ.

¹⁾ Населеніе Прикарпатской Руси, т. е. нынѣшней Галиціи и Буковины, составлявшихъ прежде часть Кіевской Руси и называвшихся Червонной Русью, распадается главнымъ образомъ на поляковъ и малороссовъ; послѣдніе въ свою очередь дѣлятся на двѣ основныя группы: малороссовъ равнинныхъ и малороссовъ горныхъ. Первые по характеру ихъ архитектуры очень сходны съ населеніемъ сосѣднихъ Подоліи и Волыни; послѣдніе же распадаются на три группы, носящія названія гуцуловъ, бойковъ и лемковъ и во многомъ, въ особенности въ архитектурѣ, отличаются отъ нашихъ малороссовъ. Гуцульщина охватываетъ сѣверо-западную часть Буковины и юго-восточную часть Лѣсныхъ Карпатъ между рѣками Бѣлымъ Черемошемъ и Черной Быстрицей. Бойковщина гораздо больше Гуцульщины: она простирается по горной области въ предѣлахъ между Быстрицей на юго-востокъ и верховьями рѣки Сана на сѣверо-западъ. Наконецъ, лемки населяютъ горы къ западу отъ Бойковщины до рѣки Попрада.

Въ отношеніи послѣднихъ деревянныя южно-русскія церкви распадаются на три группы: къ первой изъ нихъ относятся такія церкви, главная часть которыхъ состоитъ изъ трехъ или четырехъ срубовъ, поставленныхъ одинъ непосредственно за другимъ по направленію линіи западъ-востокъ; ко второй относятся такія церкви, срубы которыхъ образуютъ въ планѣ форму креста, и, наконецъ, къ третьей, весьма немногочисленной группѣ, нужно отнести такія церкви, которыя представляютъ собою какъ бы соединеніе въ одно цѣлое трехъ церквей первой группы; говоря иначе, основная ихъ масса скомпанована изъ девяти срубовъ.

Назначеніе отдѣльныхъ срубовъ церквей перваго типа совершенно такое же, какъ и у церквей сѣверныхъ; а именно, западный срубъ, предшествуемый крылечкомъ и папертью, предназначенъ во время службы исключительно для женщинъ, почему онъ и называется „бабникомъ“, („бабинецъ“) или „женочникомъ“. Въ немъ же при отпѣваніи ставится гробъ и здѣсь же совершается потомъ поминальная трапеза, для которой разставляются столы и скамьи (рис. № 464 А); такимъ образомъ „бабникъ“ своимъ послѣднимъ назначеніемъ совершенно аналогиченъ сѣвернымъ „трапезнымъ“. Средній срубъ обыкновенно имѣетъ большіе размѣры, чѣмъ западный и южный; онъ точно такъ же, какъ и у великорусскихъ церквей служитъ помѣщеніемъ для молящихся, но на Дону онъ носитъ названіе „мужичника“, такъ какъ въ немъ стоятъ только мужчины, которые даже входятъ въ него не черезъ бабникъ, а черезъ боковые притворы или крылечки. Съ бабникомъ средній срубъ соединяется широкимъ пролетомъ, а восточная его стѣна закрывается высокимъ иконостасомъ, передъ которымъ находится солея,

Никольская ц. въ Старой Винницѣ.

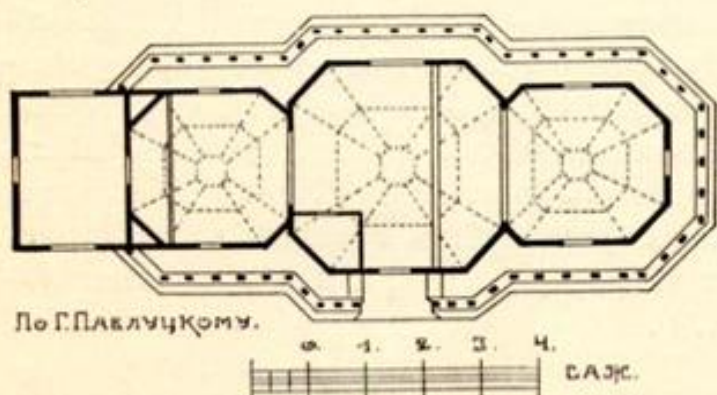

Рис. № 465.

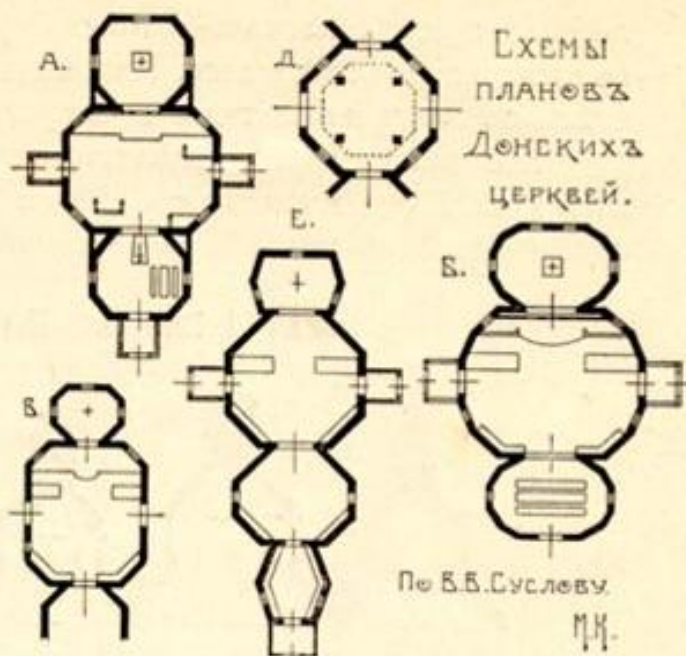

Рис. № 464.

возвышающаяся въ большинствѣ случаевъ на одну или нѣсколько ступеней надъ поломъ церкви. Въ болѣе древнихъ донскихъ церквахъ клиросы ставились не у самой солеи, а посреди сруба или даже у его западной стѣны (рис. № 464 А). Въ нѣкоторыхъ донскихъ церквахъ посреди мужичника возвышаются столбы, поддерживающіе балки потолка или вышележащія срубы (рис. № 464 д); въ Малороссіи по-

добный приём, насколько можно судить по существующимъ памятникамъ, никогда не практиковался. Наконецъ, подобно великорусскимъ церквамъ, у стѣнъ средняго и западнаго сруба устраиваются лавки для отдыха молящихся.

Восточный срубъ служитъ алтаремъ—„пресвитеріей“, какъ его называютъ на Дону; къ нему съ сѣвера или юга примыкають иногда небольшіе срубы, предназначенные для ризницъ. Послѣднія, подобно папертямъ передъ западнымъ срубомъ,

Николаевская ц. въ Старой Винницѣ.

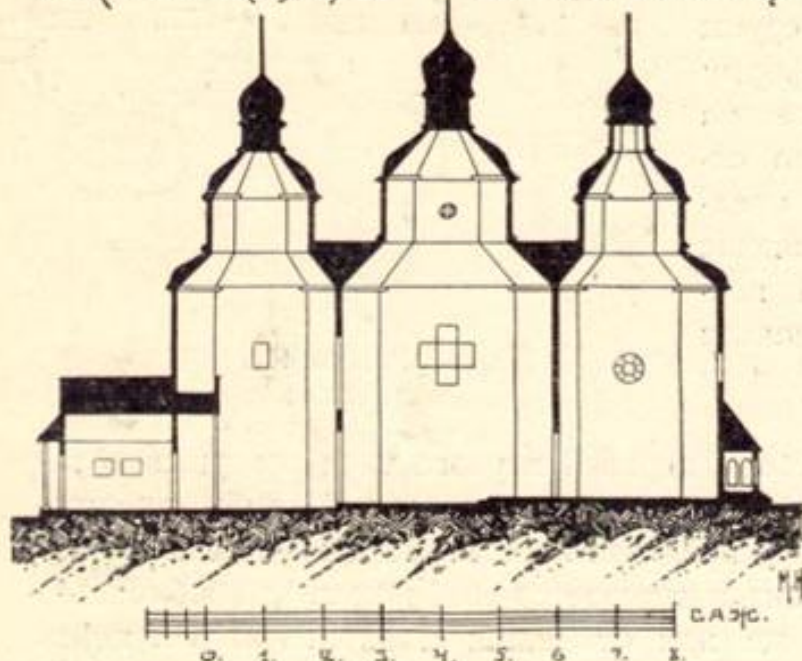

Рис. № 466.

являются въ большинствѣ случаевъ пристройками болѣе поздними, нежели основная часть храма.

Что же касается формы срубовъ разсматриваемой группы плановъ, то на Дону она всегда многоугольная, въ видѣ правильныхъ или вытянутыхъ по разнымъ направленіямъ восьмиугольниковъ (рис. 464 А и В), или же многоугольниковъ съ такимъ большимъ числомъ сторонъ, что они приближаются къ различной формы замкнутымъ кривымъ линіямъ, какъ, на примѣръ, у церкви въ станицѣ Клецкой (рис. № 464 Б).

Иногда входящіе наружные углы церкви, образованные стѣнами двухъ смежныхъ срубовъ, бывають закрыты дополнительными стѣнками, составляющими какъ бы продолженіе сѣверныхъ и южныхъ стѣнъ бабника и алтаря, благодаря чему послѣдніе получаютъ извиѣ форму пятистѣнныхъ срубовъ (рис. № 464 А).

Въ Малороссіи же форма плана у срубовъ церквей разсматриваемаго типа весьма разнообразна; здѣсь встрѣчаются такіе церкви, у которыхъ всѣ три основныхъ сруба имѣють форму восьмиугольниковъ (рис. №№ 465 и 466), или прямоугольниковъ (рис. №№ 467 и 468), или же, наконецъ, срубы имѣють различную форму; такъ, на примѣръ, у Михайловской церкви въ мѣстечкѣ Зиньковѣ¹⁾ къ среднему восьмиугольному въ планѣ срубу примыкають пятистѣнные бабникъ и алтарь (рис. №№ 469 и 470), а Успенская церковь въ селѣ Дашковцахъ²⁾, при такой же формѣ алтаря и бабника, имѣетъ средній срубъ квадратной въ планѣ формы (рис. №№ 471 и 472). Наконецъ, у Воскресенской церкви села Синявы³⁾ алтарный прирубъ имѣетъ пять стѣнъ, средній срубъ имѣетъ въ планѣ форму восьмиугольника, а бабникъ — форму квадрата (рис. №№ 473 и 474).

¹⁾ Летичевского уѣзда, Подольской губерніи.

²⁾ Ушицкого уѣзда, Подольской губерніи.

³⁾ Васильковского уѣзда, Киевской губерніи.

Рис. № 467.

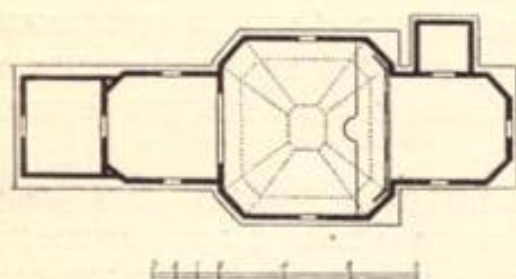

Рис. № 469.

Михайловская церковь въ м. Зиньковѣ.
По Г. Павлуцкому.

Рис. № 471.

Успенская церковь въ с. Дашковцахъ.
По Г. Павлуцкому.

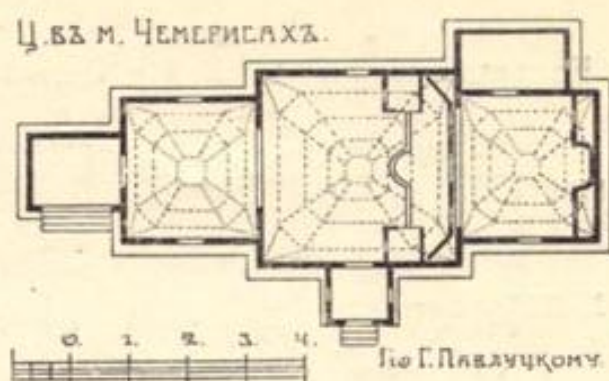

Рис. № 468.

Рис. № 470.

Михайловская церковь въ м. Зиньковѣ.
По Г. Павлуцкому.

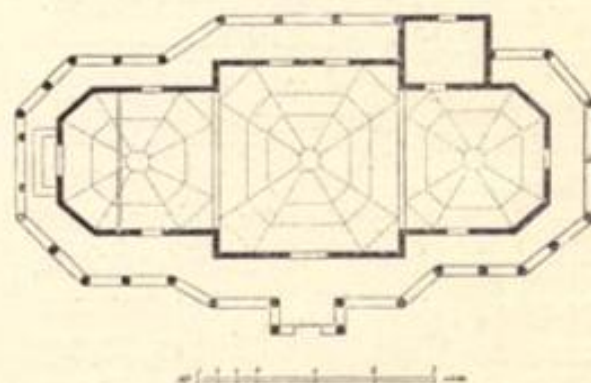

Рис. № 472.

Успенская церковь въ с. Дашковцахъ.
По Г. Павлуцкому.

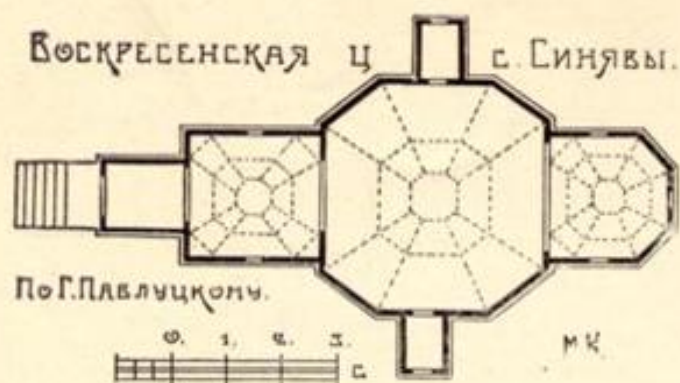

Рис. № 473.

Отличительной чертой мало-российских церквей рассматриваемой группы является галерея, встречающаяся при всякой формѣ срубовъ и опоясывающая церковь кругомъ, отчего она и носитъ названіе „ганкъ“ или „опасань“, т. е. поясъ (рис. №№ 465, 472 и 475)¹⁾. Какъ увидимъ впоследствии, такіа галереи часто встречаются въ церквахъ Прикарпатской Руси, тогда какъ на Дону, если судить по уцѣлѣвшимъ

памятникамъ церковнаго зодчества, онѣ были явленіемъ исключительнымъ и поэтому никогда не получали вполне законченныхъ формъ.

Какъ мы уже замѣтили выше, къ этой же группѣ храмовъ относятся и такіе, которые состоятъ изъ четырехъ срубовъ; примѣромъ такой композиціи можетъ служить планъ церкви Св. Николая въ станицѣ Голубинской (рис. № 464 Е); четвертый срубъ помѣщенъ здѣсь по линіи трехъ остальныхъ, между крыльцомъ и бабникомъ, при чемъ ему придана довольно неудачная форма шестиугольника. Такую же форму имѣетъ и алтарь голубинской церкви.

Церкви второй группы, т. е. такіа, у которыхъ планъ скомпанованъ въ видѣ креста, встречаются рѣже церквей перваго типа и признаются нѣкоторыми изслѣдователями наиболѣе древнимъ приѣмомъ постройки южныхъ церквей. По способу соединенія срубовъ, образующихъ въ планѣ форму креста, церкви эти можно раздѣлить на три подгруппы. Къ первой изъ нихъ мы относимъ такіа церкви, основная часть которыхъ образована тремя срубами: среднимъ, самымъ большимъ и имѣющимъ при этомъ форму, сильно вытянутую по направленію сѣверъ-югъ, и двумя срубами бабника и алтаря. Какъ средній срубъ, такъ равно сѣверный и южный срубы устраивались по числу ихъ стѣнъ весьма различно; такъ, у церкви Св. Николая въ станицѣ Павловской средній срубъ имѣетъ форму вытянутаго прямоугольника (правая сторона рисунка 477 Н), у церкви же слободы Маяки онъ имѣетъ форму восьмиугольника (лѣвая сторона

Рис. № 474.

¹⁾ У всѣхъ приведенныхъ примѣровъ притворы и ризницы являются болѣе поздними пристройками, на мѣстѣ которыхъ первоначально находились галереи.

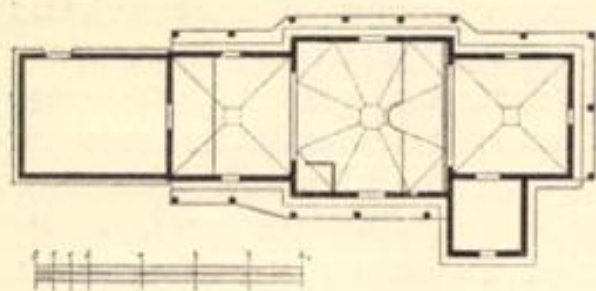

Рис. № 475.
Георгиевская церковь въ Старыхъ Хуторахъ.
По Г. Павлуцкому.

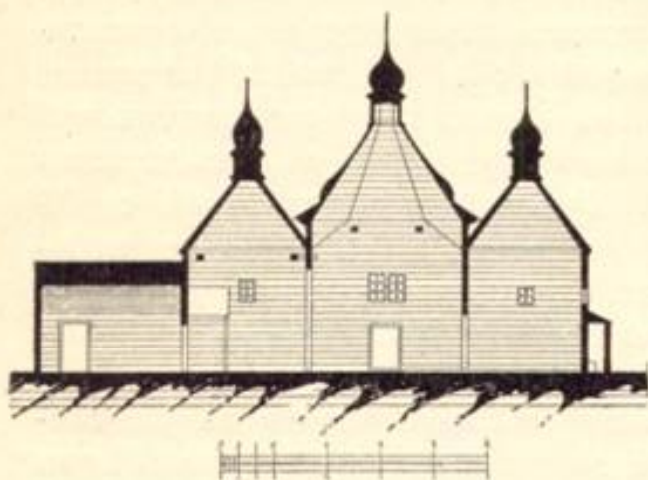

Рис. № 476.
Георгиевская церковь въ Старыхъ Хуторахъ.
По Г. Павлуцкому.

Рис. № 477.

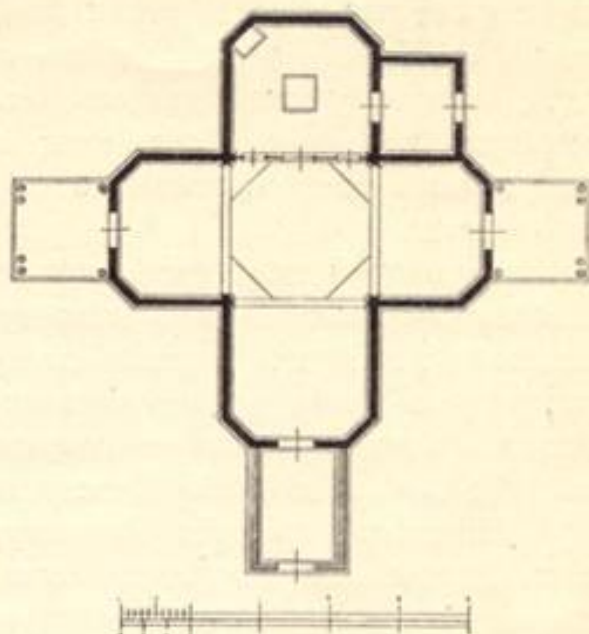

Рис. № 478.
Церковь Рождества Богородицы
въ Ходоровѣ. По Г. Павлуцкому.

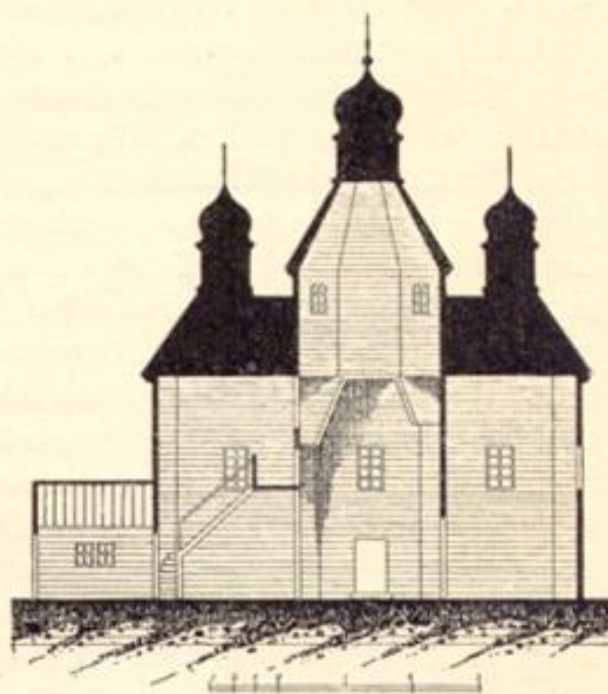

Рис. № 479.
Церковь Рождества Богородицы
въ Ходоровѣ. По Г. Павлуцкому.

рисунка 477 М); алтарь у обѣихъ этихъ церквей устроенъ пятистѣннымъ, а бабникъ прямоугольнымъ, тогда какъ въ церкви станицы Старо-Григорьевской ему придана такая же форма, какъ и алтарю, т. е. пятистѣнная (рис. № 477 К). Въ послѣднемъ планѣ крестовая форма выражена менѣе ясно, нежели у предыдущихъ, вслѣдствіе того, что средній срубъ мало вытянутъ по линіи сѣверъ-югъ; поэтому планъ этотъ является какъ бы связующимъ звеномъ плановъ первой группы съ планами явно крестовидной формы.

Ко второй подгруппѣ крестовыхъ плановъ относятся такіа церкви, которыя образованы четырьмя трехстѣнными или пятистѣнными срубами; изъ нихъ восточный служитъ алтаремъ, два боковыхъ, вмѣстѣ со среднимъ квадратомъ плана, предназначаются для „мужичника“, а западный—для „бабника“. По такому приему скомпанованъ планъ церкви Рождества Богородицы въ мѣстечкѣ Ходоровѣ ¹⁾, построенной въ 1768 году (рис. №№ 478 и 479).

Наконецъ, къ третьей подгруппѣ мы относимъ планы такихъ крестовыхъ церквей, главная масса которыхъ состоитъ изъ пяти срубовъ, а именно изъ одного центрального и четырехъ боковыхъ, образующихъ концы креста, при чемъ средній срубъ по занимаемой имъ площади больше каждаго изъ остальныхъ. Прекраснымъ образцомъ такого рода приема можетъ служить планъ Успенской церкви въ мѣстечкѣ Ярышевѣ ²⁾; центральный срубъ имѣетъ здѣсь форму многоугольника, а всѣ остальные сдѣланы пятистѣнными (рис. №№ 480 и 481). Аналогично предыдущему примѣру, средній срубъ этой церкви, сѣверный и южный служатъ помѣщеніемъ для молящихся, восточный—алтаремъ, а западный—бабникомъ.

Менѣе удачно скомпанованъ планъ Николаевской церкви въ уже знакомомъ намъ селѣ Синявѣ ³⁾; его средній, сѣверный и южный срубы имѣютъ форму восьмигранниковъ, вслѣдствіе чего внутри церкви получаютъ непріятные входящіе углы, которые къ тому же безцѣльно отнимаютъ часть полезной площади (рис. № 482). Бабникъ и алтарь сдѣланы у этой церкви пятистѣнными. Въ серединѣ прошлаго вѣка къ алтарю пристроена съ юга ризница, а къ бабнику притворъ и колокольня.

При церквахъ съ крестовымъ планомъ галлерейки (опасанія), повидимому, никогда не устраивались; по крайней мѣрѣ ни у одного сохранившагося памятника такого типа, насколько намъ извѣстно, ихъ нѣтъ.

Къ третьей группѣ мы отнесли церкви, образованныя девятью срубами. Въ сущности говоря, планъ такихъ церквей, подобно планамъ предыдущей группы, имѣетъ форму креста, дополненнаго четырьмя срубами, размѣщенными по діагоналямъ, т. е. во входящихъ углахъ креста. По такому приему скомпанованъ планъ Николаевского собора въ Медвѣдовскомъ монастырѣ ⁴⁾ (рис. №№ 483 и 484). Первоначальное ядро собора составляли слѣдующіе срубы: во-первыхъ, три восточныхъ, изъ которыхъ средній служитъ главнымъ алтаремъ, а два боковыхъ—придѣльными алтарями; во-вторыхъ, три сред-

¹⁾ Коневского уѣзда, Кіевской губерніи.

²⁾ Могилевского уѣзда, Подольской губерніи.

³⁾ Николаевская церковь села Синявы, построена въ 1730 году.

⁴⁾ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

Рис. № 480.
Успенская церковь въ Ярышевѣ.
По Г. Павлуцкому.

Николѣевская цер.
села Синявы.

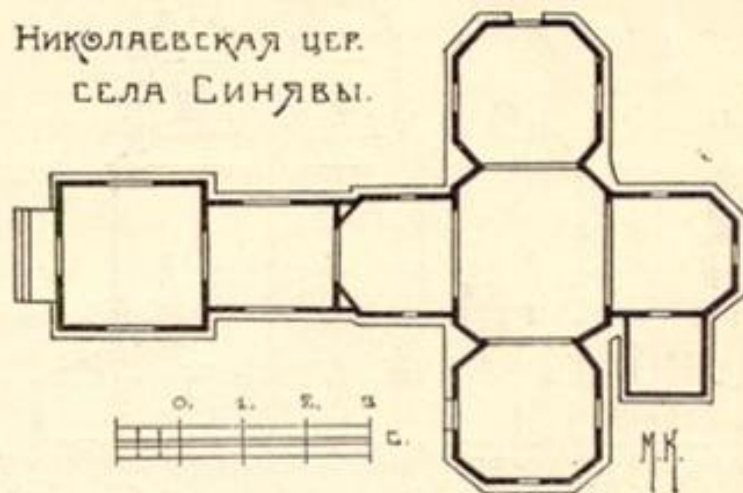

Рис. № 482.

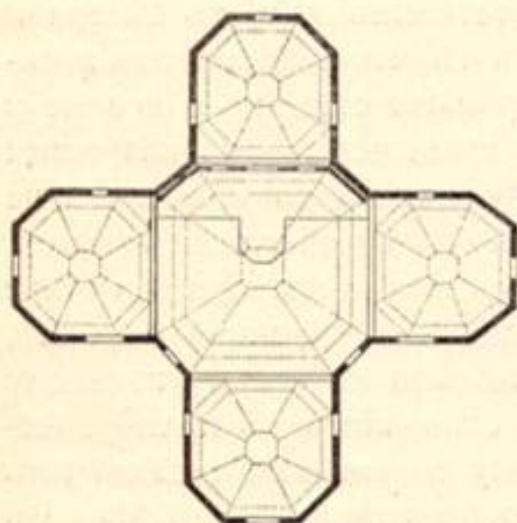
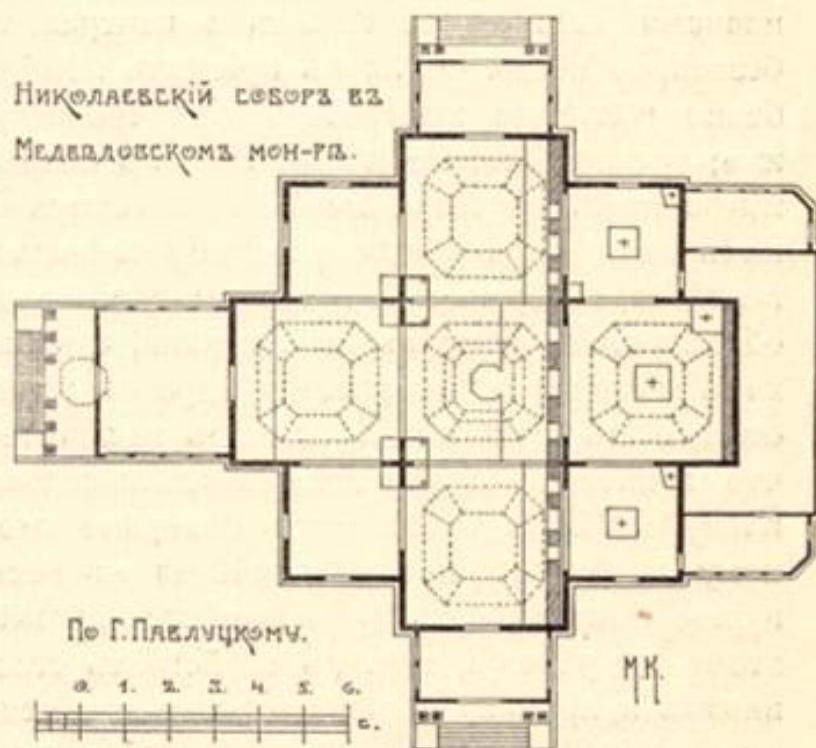

Рис. № 481.
Успенская церковь въ
Ярышевѣ. По Г. Павлуцкому.

Николѣевскій соборъ из
Медведовскаго мон-ря.

По Г. Павлуцкому.

Рис. № 483.

СОБОРЪ МЕДВѢДОВСКАГО
МОНАСТЫРЯ.

По Г. Павлуцкому.

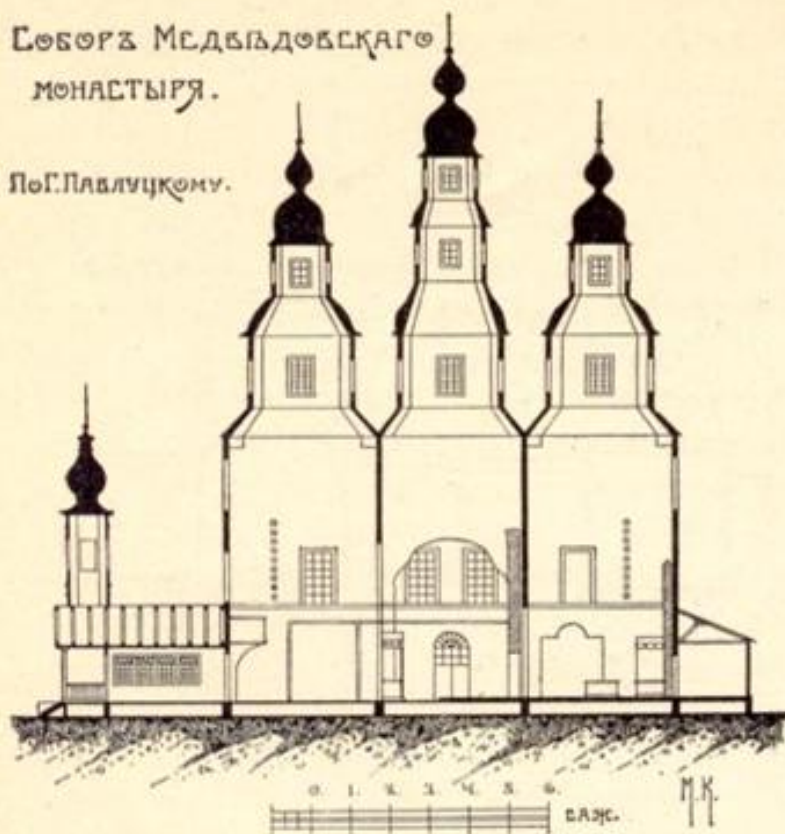

Рис. № 484.

Сопоставляя рассмотрѣнные нами планы южно-русскихъ храмовъ съ планами церквей сѣверныхъ и центрально-русскихъ, мы найдемъ у нихъ безспорно общія черты въ приѣмахъ комбинаціи срубовъ; сходство это особенно рельефно выступаетъ при сравненіи крестовыхъ плановъ сѣвера и юга; трехсрубные же храмы юга, въ особенности тѣ, что состоятъ изъ восьмигранныхъ срубовъ, менѣе сближаются съ храмами сѣвера, но все же у нихъ есть одна общая, рѣзко бросающаяся въ глаза черта—это наружныя галереи, которыя на сѣверѣ вылились въ форму нищевниковъ, никогда не обходившихъ вокругъ всей церкви, а на югѣ въ форму опасаній, которыя, какъ мы видѣли, охватывали церковь замкнутымъ кольцомъ. Существенное отличіе въ композиціи плановъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что южане въ болѣе позднія эпохи сильнѣе тяготѣли къ восьмиугольному плану сруба³⁾, тогда какъ сѣвяряне охотнѣе склонялись къ прямоугольному срубу—къ клѣти, прибѣгая къ восьмиуглу только тогда, когда имъ нужно было сдѣлать очень помѣстительный храмъ (смотри выше стр. 208). Въ этомъ же условіи, т. е. въ свойствахъ строительнаго матеріала, мы склонны видѣть и причину большаго распространенія на югѣ формы восьмиугольнаго оклада сруба; въ самомъ дѣлѣ, обычнымъ строительнымъ матеріаломъ на

нихъ сруба, образующихъ собою главное помѣщеніе для молящихся; и, наконецъ, три западныхъ сруба; средній изъ нихъ представляетъ собою „бабникъ“, а два остальныхъ до пятидесятихъ годовъ прошлаго вѣка служили ризницей и казнохранилищемъ; теперь же они соединяются широкими пролетами съ помѣщеніями для молящихся, а ризница перенесена въ пристройку за алтарями. Къ позднимъ пристройкамъ относятся также всѣ три крыльца съ ихъ колоннами.

Къ такому же типу относятся планы соборовъ въ городахъ Новомосковскѣ¹⁾ и Екатеринодарѣ²⁾, отличающіеся отъ предыдущаго памятника только тѣмъ, что наружныя углы ихъ срубовъ сръзаны (рис. № 485).

¹⁾ Екатеринославской губерніи.

²⁾ Кубанской Области.

³⁾ Вѣроятно, прямоугольная форма срубовъ, или прямоугольныхъ со слегка сръзанными углами, имѣетъ болѣе древнее происхожденіе, нежели срубы восьмиугольные, въ широкомъ распространеніи которыхъ немалую роль должно было сыграть вліяніе стиля Барокко, двигавшагося съ Запада.

югъ являются дубъ и грабъ, не дающіе такихъ длинныхъ бревенъ, какъ сосна и лиственница, поэтому, даже при сравнительно незначительныхъ размѣрахъ церквей, южанамъ волей не волей приходилось прибѣгать къ восьмерикамъ, которые можно сдѣлать довольно вмѣстительными и при относительно короткихъ бревнахъ.

Такимъ образомъ, въ отношеніи плановъ церковное зодчество юга родственно сѣверному; принципы одни и тѣ же—обще-славянскіе, но детали

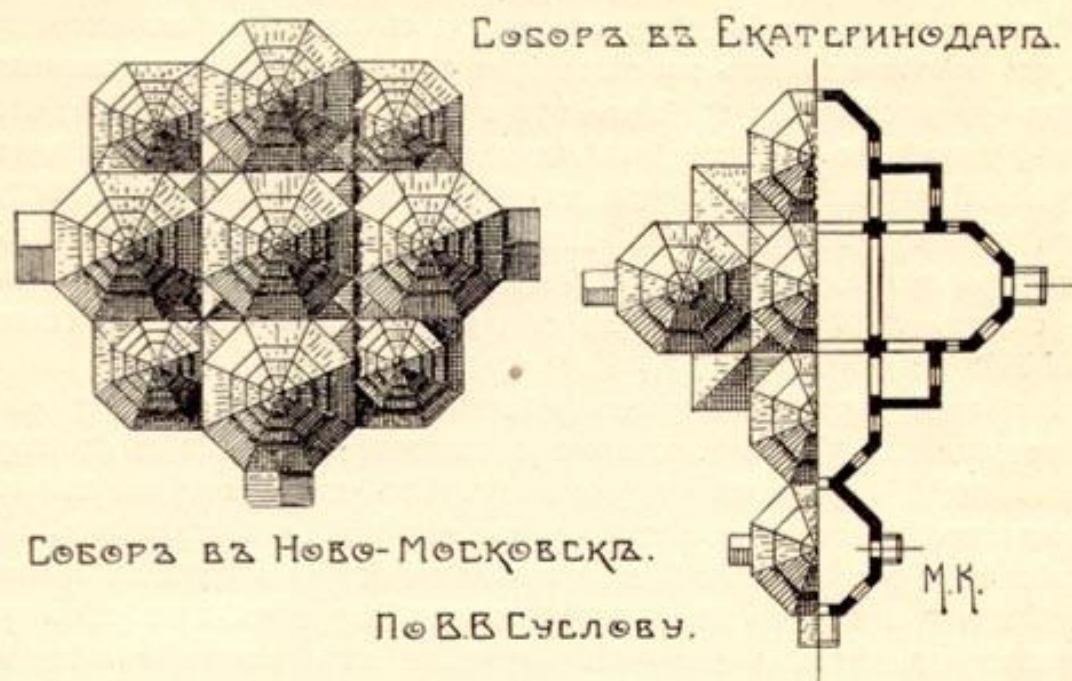

Рис. № 485.

различныя, обусловленныя, повидимому, причинами скорѣе географическими, нежели этнографическими.

Разсмотримъ теперь нѣкоторыя особенности конструктивныхъ приѣмовъ, практиковавшихся на югѣ и отличающихся отъ приѣмовъ великорусскихъ.

Если на сѣверѣ срубы церквей ставились почти всегда непосредственно на грунтъ („на пошвѣ“), то на Дону у большихъ церквей чаще можно встрѣтить подъ срубами каменные фундаменты; въ Малороссіи же какъ большія, такъ и малыя церкви всегда ставились, подобно сѣвернымъ, прямо на землѣ, при чемъ нижній вѣнецъ дѣлался изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ (подвалинъ) и только въ недавнее время подъ нѣкоторыя изъ нихъ подведены фундаменты. Отличительной чертой южныхъ церквей, въ отношеніи ихъ нижней части, является то обстоятельство, что онѣ не имѣютъ высокихъ подцерковныхъ помѣщеній („подклѣтовъ“), которыя такъ обычны на сѣверѣ. Въ зависимости отъ этого у нихъ нѣтъ и высокихъ крылецъ съ многоступенными маршами лѣстницъ, вмѣсто которыхъ имѣются небольшія крылечки съ небольшимъ числомъ ступеней.

Стѣны срубовъ рубились изъ дубовыхъ, грабовыхъ и относительно рѣдко изъ сосновыхъ бревенъ, при чемъ бревна шли въ дѣло цѣльными

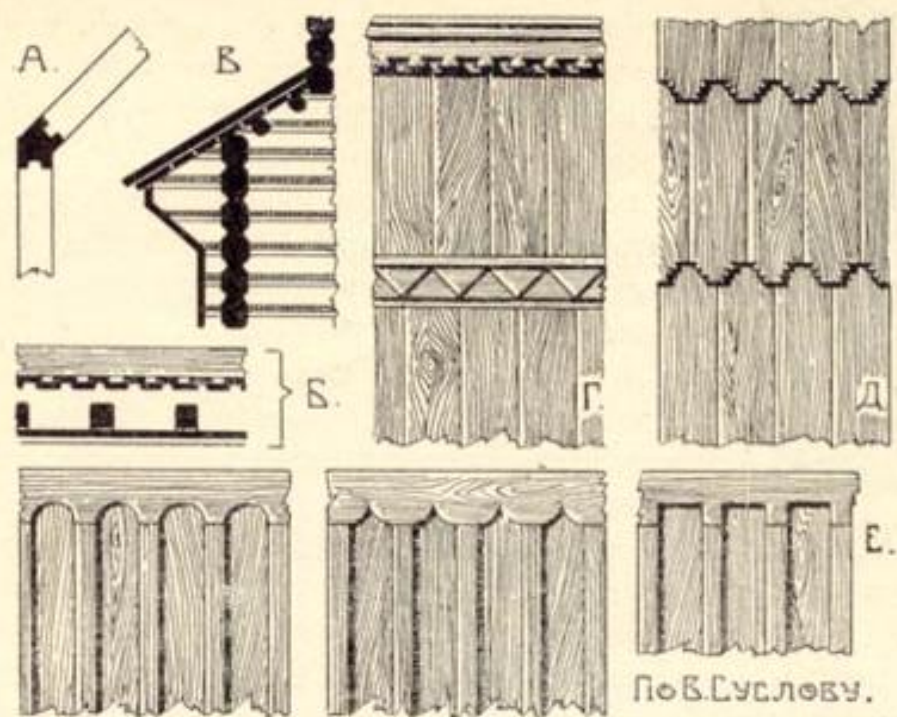
(„цѣвки“) или расколотыми по длинѣ на двѣ части („пленицы“). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ внутреннія поверхности стѣнъ гладко обтесывались подъ одну поверхность. Вязка угловъ производилась обыкновенно въ лапу, но у нѣкоторыхъ небольшихъ донскихъ церквей углы образованы стойками, въ пазы которыхъ загнаны концы горизонтальныхъ бревенъ стѣнъ (рис. 486 А); что же касается обычной на сѣверѣ вязки угловъ съ остаткомъ, то на югѣ она примѣнялась, насколько намъ извѣстно, только въ жилыхъ и хозяйственныхъ постройкахъ, и то лишь на Дону ¹⁾.

Стѣны главнаго сруба дѣлались иногда съ легкимъ наклономъ внутрь зданія, что придавало имъ значительную устойчивость; такой пирамидальный видъ давался чаще срубамъ при значительной ихъ высотѣ, каковая, впрочемъ, у южныхъ церквей была явленіемъ обычнымъ. Такъ, напримѣръ, у Покровской церкви въ Полтавѣ, находившейся до 1900 года въ городѣ Ромнахъ, стѣны нижняго сруба центральной башни имѣютъ сильный наклонъ внутрь храма, тогда какъ нижніе срубы боковыхъ башенъ наклонены только слегка, такъ что на глазъ они даже не кажутся пирамидальными (рис. №№ 487 и 488).

Въ цѣляхъ прочности углы срубовъ схватывались вверху особыми горизонтальными брусками, которые располагались въ мѣстахъ перехода сруба изъ одной формы въ другую, напримѣръ, изъ четверика въ восьмерикъ, или изъ большого восьмерика въ меньшій, и покрывались обыкновенно рѣзбой (рис. № 489). Самые переходы отъ четверика къ восьмерику дѣлались почти всегда въ видѣ треугольных парусовъ, при чемъ уклонъ имъ придавался очень различный. Переходы отъ одного восьмерика къ другому, обрабатывавшіеся снаружи въ видѣ различной формы кровель, внутри церкви всегда представляли собою усѣченные пирамиды, грани которыхъ были рубленныя; точно также вѣнчающіе церковъ купола, имѣвшіе снаружи весьма сложную форму, изнутри церкви дѣлались въ видѣ высокихъ усѣченныхъ пирамидъ или другихъ граненыхъ тѣлъ, образованныхъ не системою стропиль, а горизонтальными вѣнцами бревенъ. Этотъ конструктивный пріемъ, а также отсутствіе длинной зимы съ сильными морозами позволяли устраивать церкви внутри открытыми до самыхъ шей главокъ, вѣнчающихъ купола; вслѣдствіе этого внутренній видъ малороссійскихъ церквей сильно отличается отъ сѣверныхъ, съ ихъ близкими къ полу потолками (рис. № 490). У донскихъ же церквей верхніе ярусы, начиная со второго или третьяго, дѣлались иногда глухими, отдѣленными потолками; послѣдніе устраивались или горизонтальными, по балкамъ („перерубамъ“), подшитымъ снизу досками въ разбѣжку (рис. № 486 Б), или же имѣли форму пологихъ шатровъ, для чего устанавливались стропила, шедшія отъ угловъ помѣщенія вверху, къ его центру.

Всѣ существующія теперь старыя деревянныя церкви Малороссіи и Области Войска Донскаго обшиты тесомъ. Нѣкоторые изслѣдователи склонны предполагать, что обшивка эта была произведена не одновременно съ постройкой, т. е. что въ старину церкви строились безъ обшивки; однако,

¹⁾ Такую рубку имѣютъ нижнія части нѣкоторыхъ церквей въ Прикарпатской Руси.

ДЕТАЛИ ЮЖНЫХ ЦЕРКВЕЙ. М.К.

Рис. № 486.

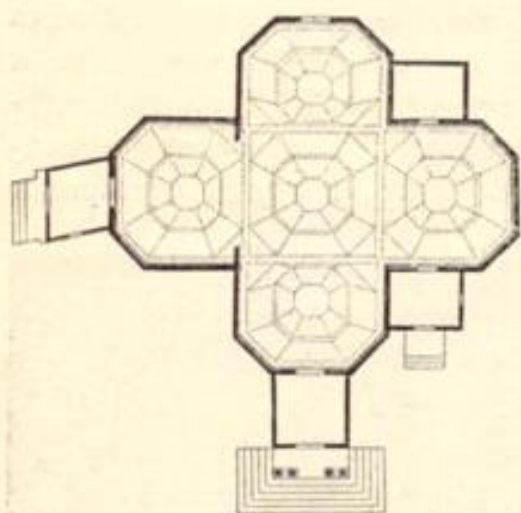

Рис. № 487.
Покровская церковь въ Ромнахъ.
По Н. Макаренкѣ.

Рис. № 488.
Покровская церковь въ Ромнахъ.
По Н. Макаренкѣ.

Рис. № 489.
Скоба. По Г. Павлуцкому.

изслѣдователи эти не приводятъ доказательствъ, подтверждающихъ такое предположеніе. Съ другой стороны, можно привести другого рода соображенія: во-первыхъ, матеріаль, изъ котораго строились церкви относительно мало лѣсистаго юга, никогда не отличался ни прямизной, ни однородностью, поэтому внѣшній видъ построенныхъ изъ него церквей не могъ быть настолько привлекательнымъ, чтобы оставлять ихъ безъ обшивки. Во-вторыхъ, характеръ обшивки какъ малороссійскихъ, такъ и донскихъ церквей очень своеобразенъ, не лишенъ художественности, и вполне отвѣчаетъ духу этихъ церквей—ихъ стремленію вверхъ, что, повидимому, говоритъ о старинѣ этого приѣма, такъ какъ иначе онъ не успѣлъ бы пріобрѣсти такого законченнаго характера. Поэтому мы склонны думать, что если въ далекомъ прошломъ на югѣ и строились церкви безъ обшивки, то существующіе теперь храмы, относящіеся къ XVII и XVIII вѣкамъ, обшиты тотчасъ же послѣ ихъ осадки, т. е., говоря иначе, строители имѣли въ виду обшивку, и она не только не исказила ихъ произведеній, но совершенно у нихъ неотъемлема.

Что же касается способа обшивки, то всѣ церкви юга обшиты тонкимъ тесомъ („шелевкой“), расположеннымъ за весьма рѣдкими исключеніями вертикально. Доски прикрѣплены къ стѣнамъ на небольшомъ разстояніи одна отъ другой и промежутки между ними прикрыты болѣе узкими тесинами („нащельниками“), сливающимися съ промежутками между вырѣзами въ горизонтальныхъ доскахъ, прибитыхъ подъ самымъ карнизомъ церкви (рис. № 486 Е). У донскихъ церквей кромѣ такого рода обшивки встрѣчается обшивка сравнительно короткими тесинами, при чемъ ихъ вертикальные ребра примыкаютъ вплотную другъ къ другу, а торцы прикрыты горизонтальными досками, украшенными рѣзбой (рис. № 486 Г), или же торцы вышележащихъ рядовъ досокъ прикрываютъ торцы нижележащихъ и украшены порѣзками (рис. № 486 Д).

Карнизы у южныхъ церквей играютъ очень незначительную роль; вмѣсто мощныхъ сѣверныхъ паволовъ у малороссійскихъ церквей имѣются незначительнаго выноса и такой же высоты карнизы, образованные нѣсколькими профилированными брусками, почти невидными подъ свѣсами кровель. Только у очень немногихъ донскихъ церквей карнизы устроены болѣе массивно, по внѣшности похожими на

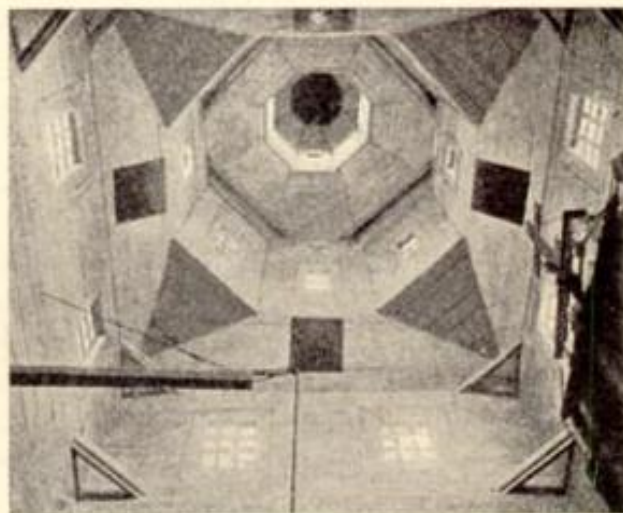

Рис. № 490.
Никольская церковь въ Лебедяни.
По И. Грабарю.

повалы, но по конструкціи совершенно отъ нихъ отличающимися. Основу ихъ составляли бревна верхнихъ вѣнцовъ, выпущенныя изъ-за стѣны въ видѣ кронштейновъ (рис. № 486 В); къ нимъ прибивались сначала толстыя тесины въ направленіи параллельномъ стѣнамъ, а затѣмъ обшивались тонкимъ тесомъ, торцами къ стѣнамъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о конструкціи опасаней. Наболѣе простой ихъ типъ и, вѣроятно, наболѣе древній представляетъ собою широкій навѣсъ въ видѣ крыши, поддерживаемой концами бревенъ, выпущенными на подобіе кронштейновъ (рис. № 491). Такіе навѣсы охватывали церкви на высотѣ немного большей человѣческаго роста и служили для предохраненія низа зданія отъ дождевой воды и для того, чтобы ожидающіе службы прихожане могли укрыться подъ ними отъ дождя и солнца. У болѣе

Рис. № 491.
Церковь въ Княжполѣ. По Г. Павлуцкому.

сложныхъ опасаней крыша поддерживается не кронштейнами, а стойками, которыя у однихъ церквей оставлены гладкими, у другихъ же, какъ, на примѣръ, у Георгіевской церкви въ Старыхъ Хуторахъ (близъ Винницы), обработаны болѣе или менѣе сложно (рис. № 492). Наконецъ, образцомъ наболѣе сложнаго типа опасаней, имѣющихъ видъ галлереекъ, можетъ служить опасаніе Троицкой церкви въ мѣстечкѣ Полонномъ¹⁾. У такихъ опасаней стойки дѣлались гладкими, внизу сплошь зашивались досками, а вверху къ нимъ придѣлывались вырѣзные доски, которыя вмѣстѣ съ вырѣзами въ верхнемъ горизонтальномъ брусѣ образовывали арки (рис. № 203). Форма арки, конечно, не свойственна дереву и, вѣроятно, выработалась въ Малороссіи подъ вліяніемъ архитектуры Запада изъ простыхъ, но естественныхъ для дерева и болѣе древнихъ подкосовъ, какіе встрѣчаются еще кое-гдѣ въ галлерейкахъ церквей Прикарпатской Руси (рис. № 493).

¹⁾ Новоградволинскаго уѣзда, Волинской губерніи. Теперь опасанъ этой церкви сплошь обшита тесомъ.

Рис. № 492.
Георгиевская церковь въ Старыхъ
Хуторахъ. По Г. Павлуцкому.

Рис. № 493.
Церковь на Бойковщинѣ. По В. Щербакивскому.

Всѣ южныя церкви какъ малороссійскія, такъ и Области Войска Донскаго раздѣляются по внѣшнему ихъ виду на четыре группы, отличающіяся одна отъ другой главнымъ образомъ числомъ увѣнчивающихъ церковь верховъ, а именно, къ первой группѣ относятся одноверхія церкви, ко второй—трехверхія, къ третьей—пятиверхія и, наконецъ, къ послѣдней—многоверхія; при чемъ одноверхія и трехверхія церкви отвѣчаютъ первой группѣ плановъ, пятиверхія — крестовой формѣ плановъ и многоверхія — послѣдней ихъ группѣ.

Типъ одноверхаго храма по своей внѣшности является самымъ простымъ и, повидимому, можетъ быть признанъ самымъ древнимъ приѣмомъ церковнаго строительства на югѣ; послѣднее подтверждается тѣмъ, что срубы такихъ церквей, лишь за немногими исключеніями, имѣютъ въ планѣ форму прямоугольниковъ, которую, какъ мы замѣтили выше, слѣдуетъ считать древнѣйшей формой церковнаго плана. Всѣ дошедшіе до насъ одноверхія церкви по своимъ размѣрамъ очень не велики, но сохранили въ своей внѣшности больше чертъ самостоятельнаго народнаго творчества, нежели церкви другихъ типовъ, хотя построены онѣ приблизительно въ одно и то же время съ послѣдними.

Наиболѣе простымъ образцомъ такихъ церквей можетъ служить прелестная церковка Іоанна Богослова въ Княжполѣ ¹⁾ (рис. № 491). Она состоитъ изъ трехъ прямоугольных въ планѣ срубовъ, изъ которыхъ западный служитъ бабникомъ, средній мужичникомъ и восточный алтаремъ. Вокругъ всей церкви, какъ мы уже упоминали выше, обходитъ опасанъ на выпускныхъ кронштейнахъ, прорѣзанная съ южной стороны бабника небольшимъ крылечкомъ на двухъ столбахъ. Бабникъ и алтарь крыты двухскатными крышами довольно крутого подъема, надъ которыми возвышается шатровая крыша восьмерика второго яруса главной части зданія; восьмерикъ этотъ очень низокъ, не имѣетъ оконъ и врѣзается въ крутые скаты крыши ниже лежащаго четверика. Послѣдній нѣсколько шире срубовъ бабника и алтаря, благодаря чему вся средняя часть церкви имѣетъ, съ архитектурной точки зрѣнія, главенствующій характеръ. Надъ шатромъ высится изящная луковичная главка на восьмигранной шейкѣ, низъ и верхъ которой опушены отливами. Главка эта покрыта лемехомъ, тогда какъ всѣ остальные кровли сдѣланы драничными. Всѣ стѣны разсматриваемаго памятника до крыши опасанія обшиты тесомъ съ нащельниками, по способу, описанному нами выше. Весь этотъ небольшой и низенькій храмъ оставляетъ впечатлѣніе произведенія безхитростнаго народнаго творчества, архитектурныя формы котораго сохранили свою первоначальную чистоту.

По такому же приѣму построены церковь Св. Димитрія въ селѣ Залуга-Черченскомъ ²⁾ (рис. № 494) и церковь Рождества Богородицы въ селѣ Камнѣ ³⁾ (рис. №№ 495 и 496). Первая изъ нихъ отличается отъ церкви въ Княжполѣ формой покрытія восьмерика, которое сдѣлано здѣсь въ видѣ

¹⁾ Каменецкаго уѣзда, Подольской губерніи. Построена въ 1747 г.

²⁾ Каменецкаго уѣзда, Подольской губерніи. Построена въ 1738 г.

³⁾ Новоградволинскаго уѣзда, Волинской губерніи. Построена, вѣроятно, въ XVIII вѣкѣ.

Рис. № 494.
Церковь Св. Димитрія въ селѣ Залуга-Черченскомъ.
По Г. Павлуцкому.

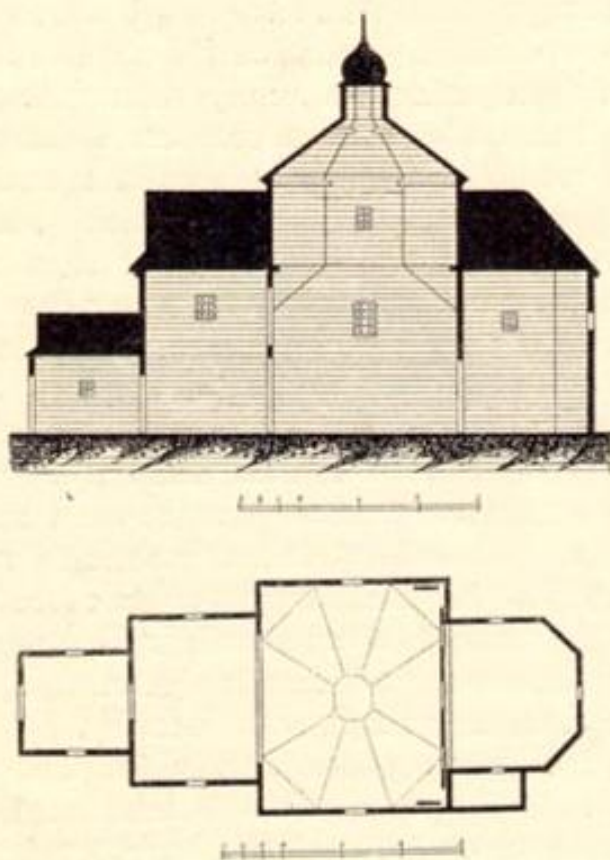

Рис. № 495.
Церковь въ селѣ Камнѣ.
По Г. Павлуцкому.

низкого восьмигранного купола, имѣющаго вверху прямыя скаты и только внизу переходящаго въ округлыя формы. Говоря иначе, покрытіе это имѣетъ форму невысокаго шатра, какъ бы перетянутаго въ нижней его части, т. е. надъ самымъ карнизомъ восьмерика. Церковь же Рождества Богородицы имѣетъ такое же покрытіе восьмерика, какъ и княжпольская церковь, но отличается отъ нея отсутствіемъ опасанія и многограннымъ алтаремъ, крытымъ на пять скатовъ.

Рис. № 496.
Церковь въ селѣ Камнѣ.
По Г. Павлуцкому.

Что же касается церкви Св. Димитрія въ станицѣ Петровской (на Дону), то, хотя она по общему типу и должна быть отнесена къ той же группѣ памятниковъ, но тѣмъ не менѣе она во многомъ отъ нихъ отличается. Въ самомъ дѣлѣ, ея центральный срубъ имѣетъ въ планѣ форму восьмиугольника, а срубы бабника и алтаря имѣютъ скошенные углы; стѣны центральнаго сруба сдѣланы съ легкимъ наклономъ къ его центру и заканчиваются довольно высокимъ и сравнительно небольшого выноса карнизомъ, сдѣланнымъ по тому сравнительно рѣдкому приему, о которомъ мы упомянули выше, говоря о карнизахъ донскихъ церквей. Выше этого карниза, вѣрнѣе надъ спускающимися къ нему скатами крыши, поднимаются еще три низкихъ срубика, отдѣленныхъ другъ отъ друга довольно крутыми скатами крышъ и завершенныхъ шаровидной главкой на едва замѣтной шейкѣ (рис. № 497). Такія же главки, но только гораздо меньшаго размѣра высятся надъ высокими крышами бабника и алтаря, въ точкахъ схода ихъ пяти скатовъ. Передъ дверью бабника устроена небольшая звонница, покрытая двухскатной крышей.

Всѣ разсмотрѣнныя нами церкви имѣютъ безспорное родовое сходство съ такими церквами Прикарпатской Руси, примѣромъ которыхъ можетъ служить церковь въ Подгородѣ, построенная также въ XVIII вѣкѣ (рис. № 498). Дѣйствительно, отличіемъ ея отъ предыдущихъ церквей является только своеобразной формы куполъ восьмерика, увѣнчанный небольшимъ куполкомъ, покоющимся на восьми столбикахъ; всѣ же остальные детали, включая даже кресты надъ фронтонами бабника и алтаря, аналогичны деталямъ церкви Іоанна Богослова въ Княжполѣ ¹⁾.

¹⁾ Къ этому же типу прикарпатскихъ церквей принадлежитъ церковь, изображенная на рисункѣ № 499. Къ сожалѣнію, лицо, доставившее намъ эту фотографію, не могло сообщить ни названія самой церкви, ни названія мѣстности, гдѣ она находится. Тѣмъ не менѣе воспроизвести ее было желательно, такъ какъ по своимъ формамъ она болѣе близка къ чисто народнымъ произведеніямъ, нежели предыдущій памятникъ, у котораго куполъ носитъ на себѣ явные

Съ другой стороны, нельзя не замѣтить у этихъ церквей сходства и съ нѣкоторыми нашими великорусскими церквами, напримѣръ со знакомой уже намъ Воскресенской церковью въ селѣ Кременскомъ (рис. № 377); это сходство, повидимому, говоритъ о томъ, что прототипы такого вида церквей восходятъ къ глубокой древности, когда архитектурные приемы славянъ, только что принявшихъ крещеніе, не успѣли, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, облечься въ различныя формы.

Трехверхія церкви были на югѣ, повидимому, господствующимъ типомъ; по крайней мѣрѣ большинство изъ дошедшихъ до насъ древнихъ церквей Малороссіи и Области Войска Донского завершаются тремя главами. Нѣкоторые изслѣдователи готовы видѣть въ трехъ верхахъ храмовъ олицетвореніе каноническаго догмата тріединства Божества; другіе видятъ въ трехъ-

Ц Св. Димитрія въ
Станицѣ Петровской.

По В. В. Сучлову.

Рис. № 497.

главіи неизбежный отзвукъ архитектуры запада и востока и ставятъ его въ генетическую связь съ постройками французскихъ крестоносцевъ на Неаполитанскомъ берегу (церкви въ Трани и Мольфетта) и даже съ трехкупольными церквами далекой Сиріи. Однако, трудно предположить, чтобы богословскій догматъ ложился въ основу архитектурной композиціи зодчихъ-

слѣды вліянія нѣмецко-мадьярскаго искусства. Куполь же разсматриваемой церкви еще ближе къ формамъ шатра, потому что грани его только внизу слегка закругляются, а середины ихъ и верхи представляютъ собою прямые скаты.

Между восьмерикомъ, которымъ покрытъ этотъ куполь, и нижнимъ четверикомъ центральной части церкви вставленъ дополнительный четверикъ, настолько низкій, что онъ кажется не самостоятельной массой, имѣющей собственное покрытие, а продолженіемъ тѣхъ вставокъ, которыя разслаиваютъ на двѣ части крыши бабника и алтаря. Съ подобными разслоенными крышами мы встрѣтимся въ дальнѣйшемъ, при разсмотрѣніи трехверхнихъ церквей въ Бойковщинѣ.

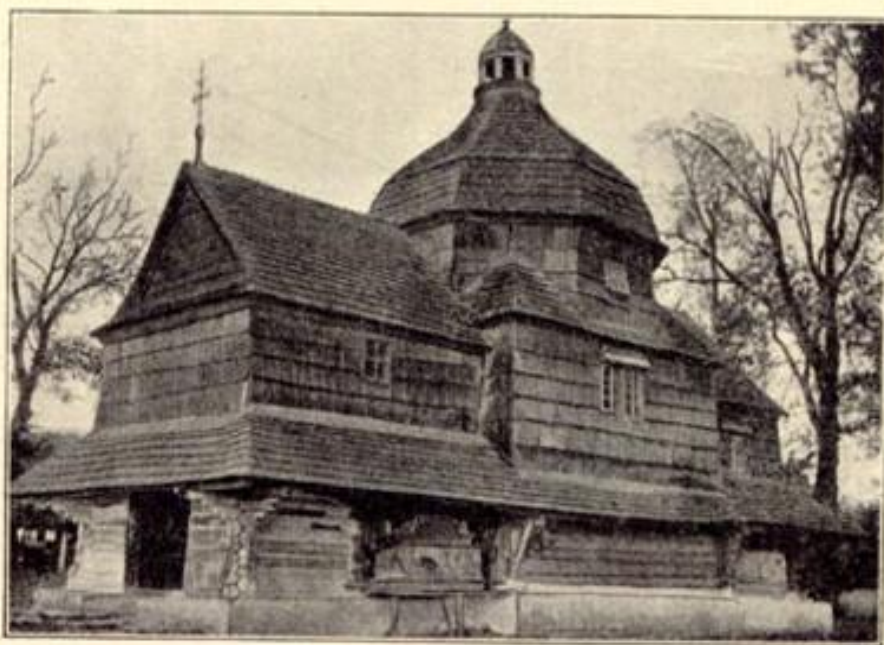

Рис. № 498.
Церковъ въ Подгородѣ. По В. Щербакивському.

Рис. № 499.
Церковъ въ Галиціи.

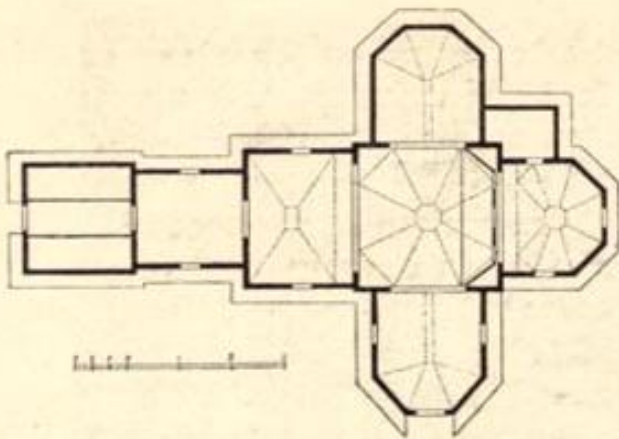

Рис. № 500.
Петропавловская церковь въ Чудновѣ.
По Г. Павлуцкому.

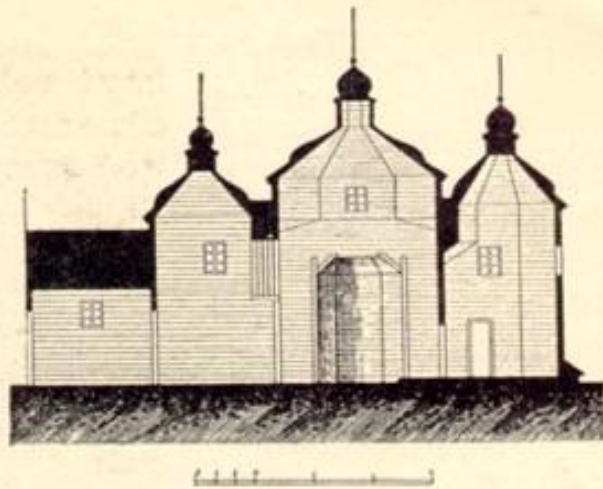

Рис. № 501.
Петропавловская церковь въ Чудновѣ.
По Г. Павлуцкому.

плотниковъ, врядъ ли особенно сильныхъ въ богословскихъ наукахъ, или допустить возможность вліянія на ихъ творчество такихъ отдаленныхъ по мѣсту и по времени образцовъ архитектуры, какъ памятники зодчества Италіи и Сиріи. Проще предположить, что трехглавіе южныхъ церквей вытекало естественнымъ путемъ изъ трехъ срубовъ, входившихъ въ составъ примитивной южной церкви и сложившихся въ свою очередь, вслѣдствіе необходимости имѣть въ церкви три самостоятельныхъ помѣщенія, а также вслѣдствіе свойства имѣвшагося подъ руками строительнаго матеріала. Съ теченіемъ же времени обычай строить церкви трехглавыми сталъ освѣщеннымъ вѣками преданіемъ и незамѣтно слился въ представленіи духовенства и народа съ упомянутымъ выше догматомъ.

Исходя изъ приведенныхъ соображеній, мы относимъ къ наиболѣе древнему типу трехглавыхъ южныхъ церквей такія изъ нихъ, у которыхъ купола выражены съ архитектурной точки зрѣнія неясно и только отмѣчаютъ собою внутреннее тройное дѣленіе церкви.

Примѣромъ такой композиціи можетъ служить Петропавловская церковь въ мѣстечкѣ Чудновѣ ¹⁾ (рис. №№ 500, 501 и 502). Первоначальное ядро этой церкви, загроможденное въ настоящее время позднѣйшей пристройкой трехъ папертей и колокольни, отличается отъ церквей предыдущей группы только тѣмъ, что ея бабникъ и алтарь крыты не двухскатными крышами, а низенькими восьмигранными куполами, завершенными гранеными же луковичными главками на небольшихъ восьмеричкахъ, играющихъ роль ихъ шеекъ. Куполъ надъ бабникомъ ниже купола алтаря, равно какъ и главка его меньше главки послѣдняго, чѣмъ строитель хотѣлъ отмѣтить менѣе важное значеніе бабника по сравненію съ алтарной частью церкви; въ свою очередь куполъ средняго сруба выше и больше восточнаго и, кромѣ того, онъ поднятъ на восьмерикъ, благодаря чему средняя часть церкви такъ же, какъ и у предыдущихъ памятниковъ, имѣетъ доминирующее

¹⁾ Житомирскаго уѣзда, Волинской губерніи, Построена въ XVII—XVIII вѣкѣ.

Рис. № 502.
Петропавловская церковь
въ Чудновѣ.
По Г. Павлуцкому.

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ Ц. въ Полонномъ.

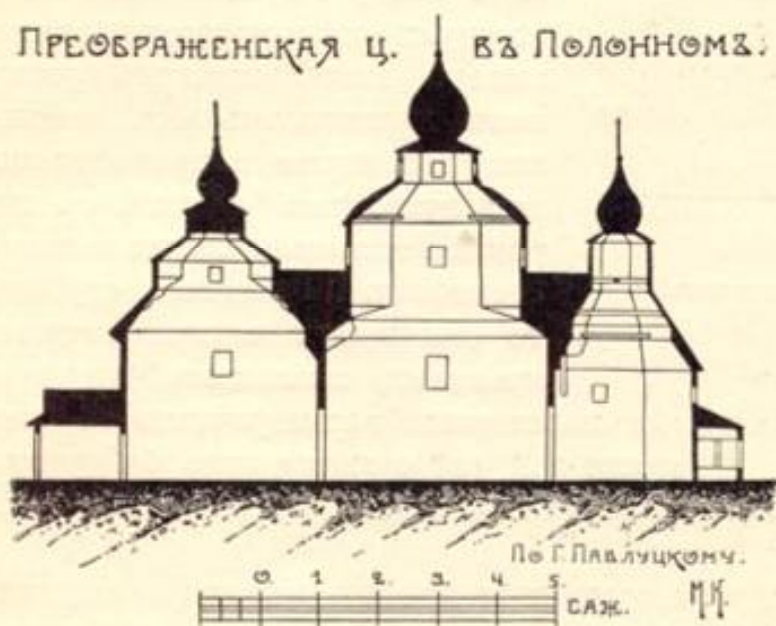
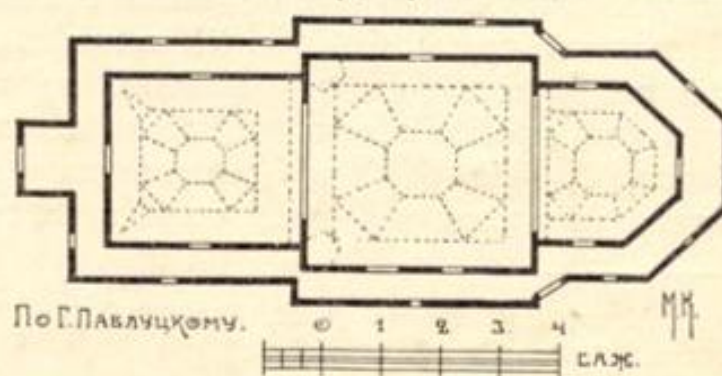

Рис. № 503.

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ Ц. въ Полонномъ.

Рис. № 504.

значение. Купола и луковицы чудновской церкви покрыты въ настоящее время желѣзомъ, но это въ общемъ не измѣнило, повидимому, ихъ первоначальной формы, отличающейся, по сравненію съ куполами разсмотрѣнныхъ выше церквей, нѣсколько вычурной формой, говорящей о связи ея со стилемъ Барокко.

У Георгіевской церкви въ Старыхъ Хуторахъ близъ города Винницы доминирующее значение средняго сруба церкви выражено нѣсколько иначе, а именно тѣмъ, что срубъ этотъ имѣетъ здѣсь нѣсколько большую высоту, но не имѣетъ надъ собой восьмерика, какъ у предыдущихъ церквей (рис. №№ 475, 476 и 492). Вслѣдствіе этого каждый изъ трехъ срубовъ

Рис. № 505.
Преображенская церковь въ Полонномъ.
По Г. Павлуцкому.

имѣетъ въ этой церкви самостоятельный характеръ, подчеркивающий его назначеніе; эта же идея выражена и въ различномъ видѣ покрытій, а именно—средній срубъ покрытъ восьмиграннымъ шатромъ, скаты котораго при переходѣ внизу къ четырехскатному отливу слегка закруглены; вверху шатеръ этотъ отдѣленъ узенькимъ карнизикомъ отъ небольшого восьмерика, покрытаго изящной луковичной главкой съ широкими отливами. Что же касается восточнаго и западнаго срубовъ, то они крыты четырехскатными крышами, имѣющими крутой

подъемъ и также заканчивающимися маленькими восьмеричками съ главками, форма которыхъ, въ особенности той, что высится надъ бабникомъ, значительно отличается отъ луковицы средняго сруба. Съ описаніемъ этой церкви мы уже познакомились выше.

Если въ Георгіевской церкви стремленіе придать каждому изъ трехъ срубовъ видъ самостоятельной и при томъ высокой башни едва намѣчается, то въ Преображенской церкви мѣстечка Полоннаго ¹⁾ оно выражено уже довольно ясно тѣмъ, что надъ четырехскатными крышами алтаря и бабника поставлены восьмерики (рис. №№ 503, 504 и 505). Надъ бабникомъ ихъ, въ сущности говоря, два, такъ какъ верхній изъ нихъ слишкомъ низокъ и широкъ, чтобы его можно было считать шейкой луковичной главы, завершающей сруба бабника. Восьмерикъ алтаря заканчивается главой такой же формы, какъ и у бабника; но въ общемъ вся высота алтаря, считая отъ уровня земли до яблока креста, нѣсколько меньше высоты бабника. Средній срубъ разсматриваемаго памятника повторяетъ формы бабника, но высота его значительно превосходитъ какъ послѣдній, такъ и

¹⁾ Новоградволынского уѣзда, Волынской губерніи. Время постройки этой церкви въ точности неизвѣстно.

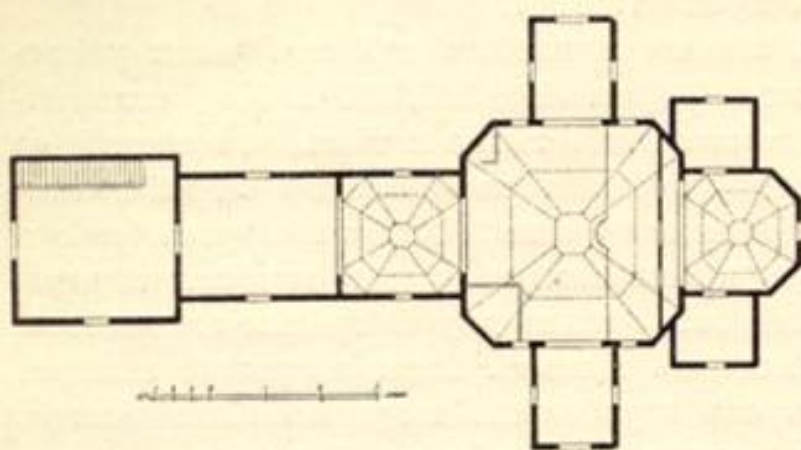

Рис. № 506.
Введенская церковь въ Трипольѣ.
По Г. Павлуцкому.

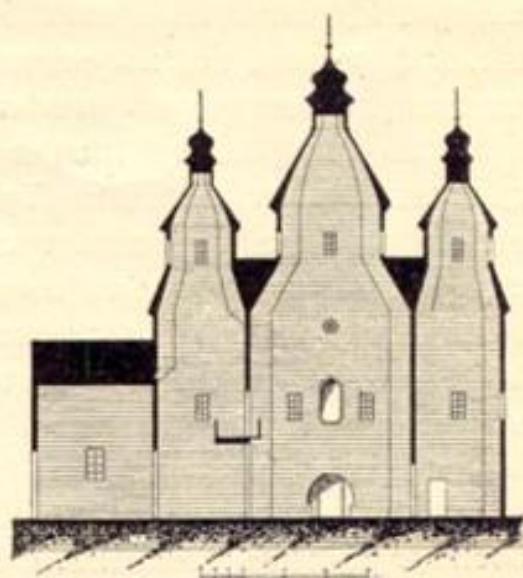

Рис. № 507.
Введенская церковь въ Трипольѣ.
По Г. Павлуцкому.

Рис. № 508.
Введенская церковь въ Трипольѣ.
По Г. Павлуцкому.

алтарь. Церковь въ Полонномъ очень интересна своими нѣскольکو архаичными формами, но, къ сожалѣнію, значительно теряетъ оттого, что опасаніе ея наглухо зашито въ настоящее время тесомъ.

Вполнѣ развитой башенный характеръ имѣютъ всѣ три части у Введенской церкви мѣстечка Триполья ¹⁾ (рис. №№ 506, 507 и 508), отличающейся отъ предыдущихъ трехъ памятниковъ также и тѣмъ, что средній ея срубъ имѣетъ съ самаго низа форму восьмигранной призмы, вѣриѣ четырехгранной призмы со слегка сѣзанными углами. Каждая изъ трехъ башенъ этой церкви состоитъ изъ двухъ призмъ: нижней—очень высокой и верхней—значительно меньшихъ размѣровъ; одна съ другой призмы соединяются при помощи очень крутыхъ и высокихъ скатовъ. Верхнія призмы заканчиваются крышами на подобіе шатровъ и увѣнчаны вычурными главками на восьмигранныхъ шейкахъ. Общія пропорціи всѣхъ трехъ башенъ одинаковы, но средняя башня на много выше восточной и западной, имѣющихъ одинаковую высоту. Нижнія призмы башенъ раздѣляются по высотѣ узенькимъ горизонтальнымъ поясомъ, нѣсколько скрадывающимъ ихъ значительную высоту; кромѣ того, поясъ этотъ объединяетъ башни въ одно архитектурное цѣлое, такъ какъ является единственной, если не считать линій свѣса крышъ, горизонтальной тягой, общей у всѣхъ трехъ срубовъ. Въ позднѣйшее время внѣшній видъ церкви сильно измѣнился отъ пристройки къ ней папертей, ризницъ по сторонамъ алтаря и колокольни.

На церковь въ Трипольѣ очень похожи Михайловская церковь въ мѣстечкѣ Зиньковѣ ²⁾ (рис. №№ 469, 470 и 509) и Успенская церковь въ селѣ Дашковцахъ ³⁾ (рис. № 510); это такія же трехбашенныя церкви, какъ и предыдущая, отличающіяся отъ нея главнымъ образомъ формою куполовъ. Общая форма послѣднихъ у обѣихъ этихъ церквей одинакова: это восьмигранные шатры, перетянутые внизу и закругляющіеся надъ отливомъ карнизовъ; но у церкви въ Дашковцахъ купола гораздо стройнѣе и завершаются изящными главками оригинальной копьевидной формы, тогда какъ у зиньковской церкви главки имѣютъ обычную луковичную форму. Въ соотвѣтствіи съ тяжеловатыми куполами Михайловской церкви находятся и ея грузные восьмерички, помѣщенные между главками и куполами. Подгнившіе деревянные столбы опасанія церкви въ Дашковцахъ замѣнены, въ концѣ первой четверти прошлаго столѣтія, кирпичными, оштукатуренными столбами, стоящими на невысокомъ цоколѣ.

Трехглавыми строились не только такія, сравнительно небольшія церкви, какъ только что разсмотрѣнныя, но также и большіе храмы, какъ, напримѣръ, церковь Св. Николая въ городѣ Винницѣ ⁴⁾ (рис. №№ 465, 466 и 511) и даже соборы, какъ, напримѣръ, соборная церковь во имя Великомученика Георгія въ г. Таращѣ, построенная въ 1759 г. (рис. №№ 512,

¹⁾ Кіевского уѣзда, Кіевской губерніи. Построена въ 1797 г.

²⁾ Летичевского уѣзда, Подольской губерніи. Построена въ 1769 г.

³⁾ Ушицкаго уѣзда, Подольской губерніи. Построена въ 1768 г.

⁴⁾ Построена въ 1746 году на средства Антона Постельника.

Рис. № 509.
Михайловская церковь въ Зиньковѣ.
По Г. Павлуцкому.

Рис. № 510.
Успенская ц. въ Дашковцахъ.
По Г. Павлуцкому.

Рис. № 511.
Церковь Св. Николая въ Винницѣ.
По Г. Павлуцкому.

513 и 514) ¹⁾. Средняя башня этого собора значительно превышает восточную и западную, благодаря тому, что она образована тремя громаздящимися одинъ надъ другимъ восьмериками, между тѣмъ какъ малыя башни, подобно башнямъ предыдущихъ памятниковъ, состоятъ всего изъ двухъ восьмериковъ. Нижніе восьмерики всѣхъ трехъ башенъ раздѣлены по высотѣ почти на равныя части узенькимъ горизонтальнымъ поясомъ, охватывающимъ непрерывной лентой весь соборъ. Башни Георгіевскаго собора имѣютъ мощный, но пропорціональный характеръ, а контура куполовъ, переходы отъ восьмерика къ восьмерику и силуэты вѣнчающихъ купола главокъ, спокойны и не вычурны, чего нельзя сказать о деталяхъ Никольской церкви въ Винницѣ, носящихъ на себѣ слѣды вліянія стиля Барокко.

Обѣ эти церкви являются образцами вполне развитого трехглаваго типа церквей, часто встрѣчающагося также среди памятниковъ церковнаго зодчества Прикарпатской Руси, гдѣ онъ, повидимому, прошелъ всѣ тѣ же стадіи развитія, что и на югѣ Россіи. Дѣйствительно, образцомъ церкви, у которой восточная и западная башни едва намѣчены и представляютъ собою небольшіе куполки, посаженные на конькахъ двухскатныхъ крышъ алтаря и бабника, можетъ служить церковь села Устье - рѣки (въ Гуцульщинѣ) ²⁾, построенной въ XVIII вѣкѣ (рис. № 515). Церковь эта отличается отъ аналогичныхъ ей малороссійскихъ церквей главнымъ образомъ тѣмъ, что средняя ея часть состоитъ не изъ двухъ ярусовъ, а изъ трехъ, при чемъ дополнительнымъ ярусомъ является средній, имѣющій видъ очень невысокаго глухого четверика. Что же касается покрытія средней части этой церкви, то оно имѣетъ совершенно такую же форму, какъ купола зиньковской церкви. Такую же форму имѣютъ и малые купола, возвышающіеся на низенькихъ глухихъ восьмерикахъ. Сходство этой церкви съ малороссійскими церквами довершается описаніемъ, устроеннымъ на выпускныхъ концахъ бревенъ, обработанныхъ въ видѣ кронштейновъ. Кровли разсматриваемаго памятника, подобно кровлямъ большинства памятниковъ Прикарпатской Руси, сдѣланы гонтовыми.

Ясно выраженный башенный характеръ имѣютъ всѣ три части церкви въ селѣ Коршевѣ (въ Галиціи), построенной хотя и въ XIX вѣкѣ, но по приѣмамъ народнаго творчества (рис. № 516). По общей идеѣ композиціи она очень близка къ Георгіевской церкви на Старыхъ Хуторахъ въ Винницѣ. Въ самомъ дѣлѣ, она представляетъ собою такъ же, какъ и послѣдняя, три самостоятельныхъ башни, объединенныхъ въ одно цѣлое общимъ кольцомъ описанія. Каждая изъ башенъ, подобно средней части церкви въ селѣ Устье-рѣки, состоитъ изъ трехъ срубовъ, а именно: относительно высокаго нижняго четверика, едва замѣтнаго средняго четверка и верхняго восьмерика, вѣнчающагося въ крутые скаты четырехгранной кровли и увѣнчаннаго куполомъ такого же типа, какъ у предыдущаго памятника, т. е. имѣющимъ видъ восьмиграннаго шатра, какъ бы стянутаго внизу кольцомъ. Надъ ку-

¹⁾ Кіевской губерніи. Существуетъ ли эта церковь въ настоящее время намъ неизвѣстно, такъ какъ въ 1903 г. она была намѣчена къ разборкѣ и къ переносу на другое мѣсто.

²⁾ Прикарпатскій край.

Рис. № 512.
По Г. Павлуцкому.

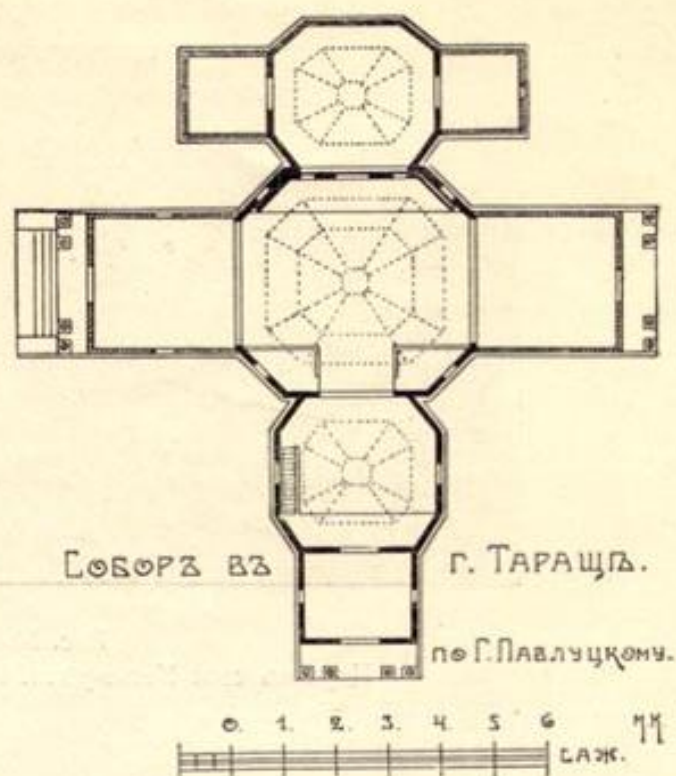

Рис. № 513.

Рис. № 514.
Соборъ въ Таращѣ. По Г. Павлуцкому.

Рис. № 515.
Церковь села Устье-рѣки. По В. Щербакивскому.

Рис. № 516.
Церковь въ селѣ Коршеви.
По В. Щербакивскому.

полами высятся на восьмигранных шейках луковичные главки очень вытянутой формы.

Дальнейшее развитие церквей такого типа заключалось в постепенном их вырастании в высоту, что достигалось оригинальным способом, заключавшимся в том, что покрывающие башни шатры как бы разслаивались на несколько частей, состоявших из низких четвериков, покрытых частями разрезанного шатра. Примером таких разслоенных шатров могут служить крыши церкви Сошествия Св. Духа в Бороны¹⁾ в Бойковщинѣ, построенной в 1746 году (рис. № 517). Четырехгранный шатер средней башни разделен здесь двумя четвериками на три части и прикрыт сверху восьмигранным дополнительным шатриком, который в свою очередь разделен на три части. Аналогично, но несколько в иных пропорциях, скомпонована крыша и над башней алтаря, тогда как шатер над западной башней разделен лишь на две части. Вся эта церковь, начиная сверху и кончая широкими скатами опасанія, покрыта дранью и гонтом, что придает ей удивительно живописный вид, правда несколько архаичный, но прекрасно вяжущийся с окружающей природой, вѣрнѣе составляющий с ней одно неразрывное цѣлое.

Рис. № 517.

Церковь в Бороны. Фот. О. Маркова.

Наконец, к последней стадии развития таких церквей, стоящих как бы на одной параллели с такими малороссийскими церквами, как собор в Таращѣ, являются трехбашенные церкви Бойковщины, у которых каждая башня состоит из цѣлаго ряда ярусов. Примером их может служить церковь Николая Чудотворца в Кривкѣ, построенная в 1763 году (рис. № 518). Средняя башня этой церкви состоит из нижняго четверика и шести, громоздящихся один над другим, восьмериков, отделенных друг от друга скатами крыш. Точно так же скомпонована восточная и западная башни, только западную охватывает галлерея, помещенная непосредственно над крышей опасанія. Такія церкви, как только что рассмотрѣнныя, очень оригинальны, но в то же время производят безпокойное впечатлѣніе излишней дробностью ярусов и крыш, которое еще усиливается сплошным покрытием мелким гонтом и дранью. Тѣм не менѣе, церкви эти представляют громадный интерес, являясь

¹⁾ Близъ г. Турки.

Рис. № 518.
Церковь Св. Николая въ Кривкѣ.
Фот. О. Маркова.

Рис. № 519.
Церковь въ Малновѣ. Фот. О. Маркова.

произведениями чистаго народнаго творчества, котораго не успѣло коснуться вліяніе нѣмецко-мадьярскаго искусства.

Отличительной чертой другой вѣтви трехкупольныхъ церквей Прикарпатской Руси является относительно небольшое число ярусовъ ихъ башенъ, при чемъ башни одной и той же церкви скомпанованы не одинаково и крыты различной формы куполами, совершенно непохожими на шатры, которые, вѣроятно, въ болѣе глубокой древности были излюбленной формой покрытія. Такъ, напримѣръ, алтарный куполь церкви въ Малновѣ ¹⁾ (Галиція), построенной въ 1676 году, еще близокъ къ формѣ шатра, но куполь надъ среднимъ срубомъ этой же церкви уже ничего не имѣетъ съ нимъ общаго, такъ какъ скорѣе напоминаетъ наше сѣверное покрытіе „кубомъ“ (рис. № 519). Стѣны восьмерика, несущаго этотъ куполь, прорѣзаны окнами, тогда какъ у предыдущаго памятника окна устроены только въ нижнихъ срубахъ (въ четверикахъ), а всѣ остальные срубы глухіе и, слѣдовательно, имѣютъ только декоративное значеніе, не увеличивая внутренней высоты церкви. Передъ бабникомъ церкви въ Малновѣ высится колокольня, удачно заканчивающая всю эту прелестную группу простыхъ, но удивительно сочныхъ формъ, похожихъ на коренастые бѣлые грибы.

Совершенно другое настроеніе даетъ внѣшній видъ церкви Св. Юрія въ Драгобычѣ (Галиція) ²⁾. Массы этого памятника спокойно величавы и весь онъ, несмотря на сравнительно небольшіе размѣры, кажется грандіознымъ, что объясняется отсутствіемъ въ немъ такихъ мелкихъ массъ, какъ у церкви въ Кривкѣ (рис. № 520). Хотя у подножія средней башни драгобычской церкви ютятся два маленькихъ прируба, крытыхъ куполками, и такимъ образомъ у нея ихъ всего пять, тѣмъ не менѣе, памятникъ этотъ приходится отнести къ группѣ трехверхихъ церквей, такъ какъ доминирующее значеніе имѣютъ только три купола, а два остальные теряются въ общей массѣ храма. Низъ церкви охваченъ опасаніемъ, которое съ восточной стороны устроено въ видѣ навѣса, поддерживаемаго подкосами, а съ западной стороны и съ боковъ имѣетъ видъ галлерейки съ полуциркульными и трехцентровыми арочками. Вторая такая же галлерейка охватываетъ западную башню

Рис. № 520.
Церковь Св. Юрія въ Драгобычѣ.
Фот. О. Маркова.

¹⁾ Подъ Перемышлемъ.

²⁾ Построена около 1600 года.

на высотѣ середины ея нижняго яруса. Форма куполовъ западной и восточной башни почти одинаковая — грушевидная, со слегка вдавленными вверху гранями, тогда какъ куполь средней башни имѣетъ плавно выпуклыя вверху грани, загибающіяся лишь внизу, при подходѣ къ отливу карниза. Надъ куполами, незамѣтно изъ нихъ вырастая, высятся тоненькія шейки, увѣнчанныя луковичными главками съ сильно вытянутыми вверху остріями. Отличительной чертой церкви Св. Юрія являются карнизы, которые, въ противоположность карнизамъ другихъ прикарпатскихъ и малороссійскихъ церквей, имѣютъ довольно сильный профиль, благодаря чему они рельефно выступаютъ на силуэтѣ церкви.

Всѣ крыши и четверики драгобычской церкви покрыты чешуей изъ драни, и только восьмерики обшиты тесомъ, стыки котораго сливаются вверху съ промежутками полукруглыхъ вырѣзовъ въ горизонтальныхъ тесинахъ, прибитыхъ подъ самымъ карнизомъ.

Этимъ памятникомъ мы закончимъ разсмотрѣніе трехверхихъ прикарпатскихъ церквей и вернемся снова къ малороссійскимъ памятникамъ церковнаго зодчества, остановясь на группѣ пятиверхихъ храмовъ, которыхъ на югѣ значительно меньше, нежели трехверхихъ.

Какъ мы уже замѣтили выше, пять верховъ храма отвѣчаютъ крестообразной формѣ его плана, поэтому пятиглавіе южныхъ церквей, вѣриѣ, ихъ четыре малыя главы размѣщаются не такъ, какъ у церквей великорусскихъ, а именно: малыя главы южныхъ церквей всегда ориентированы по странамъ свѣта, тогда какъ главы великорусскихъ церквей ориентировались въ старину по направлѣніямъ линій сѣверо-востокъ юго-западъ и сѣверо-западъ юго-востокъ. Кромѣ того, пятиглавіе церквей юга есте-

Рис. № 521.
Церковь Рождества Богородицы
въ Ходоровѣ. По Г. Павлуцкому.

ственно вытекаетъ въ большинствѣ случаевъ изъ формы срубовъ и способа ихъ комбинировать, такъ какъ каждая глава завершала собою самостоятельный башнеобразный срубъ и являлась, такъ сказать, логическимъ слѣдствіемъ конструктивнаго приѣма, тогда какъ въ великорусскихъ деревянныхъ церквахъ пятиглавіе не вытекало изъ формы плана, а служило лишь декоративнымъ цѣлямъ, имитируя, какъ мы видѣли выше, формы каменные. Въ силу этихъ причинъ, всѣ уцѣлѣвшіе памятники разсматриваемой группы южно-русскихъ церквей отличаются другъ отъ друга главнымъ образомъ по числу ярусовъ, образующихъ ихъ пять башенъ.

Наиболѣе простой по числу ея основныхъ массъ является церковь Рождества Богородицы въ мѣстечкѣ Ходоровѣ ¹⁾

¹⁾ Коневского уѣзда, Кіевской губерніи. Построена въ 1768 г.

(рис. №№ 478, 479 и 521). Ея боковыя башни состоятъ каждая изъ однояруснаго сруба, покрытаго шатромъ, надъ которымъ высится глухой восьмерикъ, играющій роль шейки для луковичной главки. Изъ центра тѣсной группы этихъ четырехъ башенъ вырастаетъ невысокій восьмерикъ, тоже крытый шатромъ, который увѣнчанъ довольно грузной луковичной главой, на не менѣе грузной восьмигранной шеѣ. Несмотря на нѣсколько тяжелыя пропорціи верховъ

Рис. № 522.
Никольская церковь села Синявы.
По Г. Павлуцкому.

ходоровской церкви, ея общій силуэтъ не кажется придавленнымъ, чего нельзя сказать о Николаевской церкви села Синявы ¹⁾ (рис. №№ 473, 474 и 522), силуэтъ которой какой-то расплывчатый, безъ характернаго для пятиглавыхъ церквей стремленія вверхъ, несмотря на то, что всѣ башни ея образованы двумя ярусами восьмериковъ. Объясняется это тѣмъ, что центральная башня лишь немного выше боковыхъ, а также тѣмъ, что нижнимъ восьмерикамъ придана въ планѣ неудачная форма: они всѣ вытянуты въ одномъ направленіи (по линіи сѣверъ-югъ). Такимъ образомъ, церковь эта ни по плану ея, ни по внѣшнему виду не можетъ быть отнесена къ числу лучшихъ памятниковъ южной церковной архитектуры, но тѣмъ не менѣе она для насъ интересна, какъ примѣръ пятиглаваго храма, всѣ башни котораго имѣютъ по два яруса.

Совершенно иное впечатлѣніе производитъ церковь Успенія Пр. Богородицы въ мѣстечкѣ Ярышевѣ ²⁾. Боковыя башни этого типичнаго пяти-верхаго храма состоятъ каждая изъ двухъ восьмериковъ, изъ которыхъ нижній почти вдвое выше верхняго, но раздѣленъ горизонтальнымъ пояскомъ на двѣ части, вслѣдствіе чего башни кажутся трехъярусными; средняя же башня въ дѣйствительности трехъярусная, благодаря чему она значительно превышаетъ боковыя (рис. №№ 480, 481 и 195). Переходы отъ одного яруса къ другому образованы низкими куполообразными восьмигранниками, крытыми дранью; дранью же крыты и купола, имѣющіе форму шатровъ, грани которыхъ внизу слегка загибаются. Силуэты куполовъ очень красивы и прекрасно завершаются острыми, шлемовидными главками, увѣнчанными крестами, которые украшены вѣнками и вензелями. Вопреки обычаю, алтарный срубъ разсматриваемаго памятника обращенъ не на во-

¹⁾ Васильковского уѣзда, Кіевской губерніи. Построена въ 1730 г.

²⁾ Могилевского уѣзда, Подольской губерніи. Время сооруженія этой церкви въ точности не извѣстно.

Рис. № 523.
Церковь въ Ромнахъ. По Н. Макаренкѣ.

стокъ, а на сѣверъ; въ противоположащей ему боковой башнѣ, т. е. въ „бабникѣ“, устроены хоры, полъ которыхъ перерѣзаетъ ее на двѣ части ¹⁾; остальные же башни оставлены изнутри открытыми вплоть до шеекъ вѣнчающихъ ихъ главокъ.

Церковь въ Ярышевѣ представляетъ собою окончательно сложившійся образецъ пятикупольнаго храма; въ немъ не нашло только полного выраженія присущее церквамъ этого типа стремленіе вверхъ: въ немъ все еще чувствуется нѣкоторая расплывчатость, тогда какъ у Покровской церкви въ Полтавѣ ²⁾ башни такъ стройны, что даже общій абрисъ всей ихъ группы кажется одной башней (рис. №№ 487, 488 и 523). Приѣмъ плана этой церкви такой же, какъ и у ходоровской церкви, поэтому срубъ центральной башни не доходитъ до низа церкви, а покоится на точкахъ пересѣченія

¹⁾ Хоры эти, повидимому, неодновременны остальнымъ частямъ храма.

²⁾ Церковь эта построена въ 1764 году въ Ромнахъ (Полтавской губерніи) и перенесена въ Полтаву въ 1900 году.

срубовъ боковыхъ башенъ. Послѣднія образованы только двумя ярусами восьмериковъ, изъ которыхъ нижніе очень высоки и не раздѣлены, какъ у предыдущаго памятника, горизонтальнымъ поясомъ, благодаря чему храмъ кажется еще болѣе стройнымъ. Купола и главки Покровской церкви носятъ на себѣ слѣды вліянія стиля Барокко; такимъ же характеромъ отличаются кровли, соединяющія ярусы башенъ, и вычурной формы окна, помѣщенные вверху нижнихъ ярусовъ боковыхъ башенъ.

Великолѣпный образецъ пятикупольныхъ композицій представляла церковь села Великой Березянки, построенная въ XVIII вѣкѣ и теперь уже разобранная (рис. № 524). Какъ боковыя, такъ и центральныя ея башни, несмотря на ея мощность, не казались тяжелыми; особенно пропорціонально были скомпонованы три яруса средней башни, при чемъ покрытія ихъ имѣли различную форму, равно какъ и покрытія боковыхъ башенъ. Въ общемъ характеръ покрытій этого памятника былъ болѣе спокойнымъ, чѣмъ у предыдущей церкви, и менѣе отмѣченнымъ вліяніемъ архитектуры Запада.

Отличительная черта березянской церкви заключалась въ томъ, что нижній срубъ ея центральной башни былъ нѣсколько выше нижнихъ срубовъ боковыхъ башенъ, благодаря чему центральная башня уже въ нижней своей части пріобрѣтала господствующее значеніе, чего нѣтъ у церкви въ Ярышевѣ, хотя во всемъ остальномъ послѣдняя скомпонована по такому же приему, какъ церковь въ Березянкѣ.

Въ Прикарпатской Руси, точно такъ же, какъ и въ Малороссіи пятиглавыя церкви строились, повидимому, гораздо рѣже, нежели трехглавыя. По приему плана и по общей идеѣ композиціи онѣ очень близки къ малороссійскимъ, но имѣютъ нѣкоторыя мѣстныя отличительныя черты. Такъ, напримеръ, ихъ нижнюю часть всегда охватываетъ опасаніе, тогда какъ ни у одной малороссійской пятиглавой церкви его нѣтъ; затѣмъ, даже у самыхъ законченныхъ въ отношеніи типа прикарпатскихъ церквей нѣтъ такого ясно выраженаго стремленія вверхъ, какое мы наблюдали у церквей малороссійскихъ, и которое является, надо полагать, слѣдствіемъ вліянія стиля Барокко. Наоборотъ, для прикарпатскихъ пятиверхихъ церквей типична нѣкоторая коренастость общаго ихъ силуэта; говоря иначе, ихъ высота, по сравненію съ площадью плана, не велика и, кромѣ того, она въ значительной мѣрѣ скрадывается широкими крышами опасаній.

Однимъ изъ памятниковъ наиболѣе простыхъ пятиверхихъ церквей прикарпатскихъ славянъ является церковь, на-

Рис. № 524.
Церковь въ селѣ Великой Березянкѣ.
По В. Щербакивскому.

ходящаяся вблизи села Турки, въ Галиціи (рис. № 525). Ея центральную часть образуетъ квадратный въ планѣ срубъ, къ которому съ запада примыкаетъ прямоугольный срубъ бабника, крытый двухскатной крышей, а съ востока пятистѣнный срубъ алтаря, крытый на пять скатовъ; надъ коньками этихъ крышъ высятся маленькія главки, шейки которыхъ опираются на едва замѣтныя восьмигранныя подножія. Съ сѣвера и юга къ

Рис. № 525.
Церковь близъ Турки. По Н. Крюкову.

центральному срубѣ примыкаютъ пятистѣнные срубы, имѣющіе одинаковую высоту съ алтаремъ и бабникомъ и дополняющіе планъ всей церкви до формы креста; крыши этихъ двухъ срубовъ отмѣчены такими же главками, какъ и тѣ, что помѣщены надъ алтаремъ и бабникомъ. Центральный срубъ, поднявшись надъ крышами нижней части церкви, переходитъ въ высокій глухой восьмерикъ, покрытый шатромъ, который имѣетъ внизу перехватъ и увѣнчанъ главкой на восьми-

гранной шейкѣ. Такимъ образомъ, хотя рассматриваемая церковь имѣетъ пять главъ, но пятиглавіе ея имѣетъ зачаточный характеръ, такъ какъ въполнѣ развитыя формы церковнаго верха имѣетъ, съ архитектурной точки зрѣнія, только центральная часть храма, возвышающаяся надъ всѣми остальными. Къ такой же стадіи развитія пятиверхихъ храмовъ слѣдуетъ отнести и церковь въ Хриплинѣ (подъ Станиславовымъ), на стѣнахъ которой частью еще уцѣлѣла обшивка мелкимъ гонтомъ съ вырѣзными концами (рис. № 526).

Примѣромъ типичнаго пятиверхаго храма прикарпатскихъ славянъ можетъ служить великолѣпная церковь въ селѣ Княждворѣ (въ Галиціи), построенная въ XVIII вѣкѣ. Ея пять башенъ имѣютъ по три яруса, изъ которыхъ нижніе объединены въ одно цѣлое общими карнизомъ и крышею, а верхніе вырисовываются въ видѣ самостоятельныхъ верховъ, перехваченныхъ узенькими карнизами (рис. № 527 и 528). Центральная башня массивнѣе остальныхъ, въ особенности сѣверной и южной, но по высотѣ она лишь не на много ихъ больше. Покрываютъ башни высокими шатрами съ перехватомъ внизу и увѣнчаны главками яйцевидной формы, высящимися надъ гранеными шейками. Вокругъ всей церкви такъ же, какъ и у предыдущей, тянется широкій навѣсъ опасанія, подъ которымъ стѣны оставлены не обшитыми, тогда какъ выше него вся церковь сплошь покрыта чешуей изъ гонта и драни. Передъ западной башней находится низенькій, крытый двухскатной крышей срубъ притвора, а за восточной помѣщенъ такой же, и такимъ же образомъ крытый прирубъ, который увеличиваетъ алтарное

Рис. № 526.
Церковь въ Хриплинѣ.

Рис. № 527.
Церковь въ селѣ Князеворѣ. По В. Щербакивскому.

помѣщеніе; надъ фронтонами этихъ прирубовъ поставлены крохотныя главки съ крестами.

Церковь въ селѣ Княждворѣ особенно интересна для насъ въ томъ отношеніи, что на ней ясно видны слѣды постепенной трансформации одно-верхой церкви въ пятиверхую; видна, такъ сказать, вся исторія пятиверхихъ храмовъ прикарпатскихъ славянъ. Въ самомъ дѣлѣ, отбросивъ у этой церкви цѣликомъ сѣверную и южную башни и удаливъ тѣ части восточной и западной башенъ, которыя высятся надъ двускатными крышами алтаря и притвора съ бабникомъ, мы получимъ храмъ такого типа, какъ церковь въ селѣ Устье-рѣки (рис. № 515), т. е. одноверхій храмъ съ зародышами двухъ другихъ верховъ въ видѣ главокъ надъ восточнымъ и западнымъ фронтонами. Далѣе, если возстановимъ восточную и западную башни, не возстановливая при этомъ башенъ сѣверной и южной, то получимъ трехверхій храмъ, близкій по общему абрису къ церкви въ Борынѣ (рис. № 517); наконецъ, если вмѣсто восточной и западной башенъ, возстановимъ нижніе ярусы башенъ сѣверной и южной, покроемъ ихъ пирамидальными крышами и закончимъ ихъ маленькими луковичными главками, то получимъ композицію, весьма похожую на церковь въ селѣ Туркѣ и на церковь въ Хриплинѣ (рис. №№ 525 и 526). На такое послѣдовательное увеличеніе числа массъ наиболѣе простаго и древняго, т. е. одноверхаго типа церквей, указываетъ одна небольшая подробность, заключающаяся въ томъ, что сѣверная и южная башни церкви въ селѣ Княждворѣ менѣе массивны, нежели восточная и западная, чѣмъ какъ бы подчеркнуто ихъ второстепенное значеніе по мнѣнію народа, привыкшаго къ трехбашеннымъ храмамъ и считавшаго поэтому, что боковыя башни, т. е. сѣверная и южная вызываются не необходимостью, а лишь желаніемъ придать церкви красивый и величественный видъ.

Не менѣе, чѣмъ церковь въ Княжполѣ, прекрасна по спокойному благородству основныхъ массъ церковь села Ямницы (подъ Станиславовымъ). Центральная башня этого памятника значительно выше боковыхъ, такъ какъ она поднимается надъ крышею опасанія тремя ярусами, а боковыя только двумя (рис. № 529); шатры всѣхъ пяти башенъ, подобно шатрамъ предыдущаго памятника, имѣютъ внизу округлости; но высота ихъ очень мала, вслѣдствіе чего они болѣе похожи на граненые купола, нежели на шатры, хотя и увѣнчаны такими луковичными главками на шейкахъ, какія чаще встрѣчаются надъ шатрами.

Разсмотримъ еще одинъ памятникъ церквей прикарпатскихъ славянъ, а именно церковь въ Іезуполѣ (въ Гуцульщинѣ), построенную въ 1778 году (рис. № 530). Ея центръ занимаетъ мощная башня, нижній ярусъ которой имѣетъ въ планѣ квадратную форму, а верхній представляетъ собою низкій восьмерикъ, крытый сложной крышей, образованной соединеніемъ шатра съ восьмиграннымъ куполомъ; послѣдній имѣетъ очень некрасивую, придавленную форму и увѣнчанъ луковичной главкой. Четыре малыя башни образованы тоже двумя ярусами срубовъ, при чемъ нижніе изъ нихъ покрыты прямыми скатами, а верхніе такими же составными крышами, какъ у центральной башни; однако, купола ихъ менѣе придавлены,

Рис. № 528.
Церковь въ селѣ Княждворѣ. По В. Щербакивскому.

Рис. № 529.
Церковь села Ямницы.

вслѣдствіе чего не производятъ такого непріятнаго впечатлѣнія, какъ центральный. Верхніе восьмики боковыхъ башенъ непропорціонально малы по сравненію съ нижними и кажутся поэтому не самостоятельными ярусами, а непомѣрно разросшимися шейками главокъ, которыя въ свою очередь разрослись до размѣровъ куполовъ. Эти необычной величины главки какъ-бы придавили шатровыя крыши и превратили ихъ въ пологіе скаты, сильно свисающіе надъ стѣнами нижнихъ восьмикиковъ. Такимъ образомъ, формы верховъ разсматриваемаго храма, кажущіяся на первой взглядъ ничего не имѣющими общаго съ болѣе древней формой покрытій, т. е. съ шатрами, на самомъ дѣлѣ представляютъ собою ихъ трансформацию, происшедшую, однако, подъ давленіемъ формъ нѣмецко-мадьярскаго искусства.

Мы не могли обойти молчаніемъ церковь въ Іезуполѣ главнымъ образомъ изъ-за формы ея покрытій; служить же типичнымъ образцомъ пятикупольныхъ храмовъ она не можетъ, такъ какъ по бокамъ ея западнаго купола имѣются еще два небольшихъ купола, которые сближаютъ ее съ послѣдней группой южно-русскихъ церквей, т. е. съ церквами многоверхими, къ обзору которыхъ мы теперь перейдемъ.

Выше мы упомянули, что планы пятиверхихъ южныхъ церквей имѣютъ всегда форму креста, а планы многоверхихъ церквей представляютъ собою соединеніе въ одно цѣлое трехъ плановъ трехверхихъ церквей; говоря иначе, многоверхіе храмы состоятъ изъ девяти, тѣсно примыкающихъ другъ къ другу, срубовъ. Поэтому Николаевскій соборъ Медвѣдовскаго монастыря¹⁾ стоитъ на границѣ между церквами пятикупольными и многоверхими; въ самомъ дѣлѣ, принадлежа по числу своихъ верховъ къ церквамъ пятикупольнымъ, онъ по своему плану долженъ быть отнесенъ къ церквамъ многоверхимъ, такъ какъ главную его массу образуютъ девять срубовъ (рис. №№ 483, 484 и 531). Дополнительными, по сравненію съ планами пятиверхихъ церквей, являются четыре діагональных сруба, заполняющихъ наружные входящіе углы. Срубы эти на цѣлую треть меньше остальныхъ нижнихъ срубовъ и покрыты односкатными крышами, а не увѣнчаны ярусами восьмикиковъ, какъ пять другихъ срубовъ, образующихъ крестообразную группу высокихъ башенъ, общій силуэтъ которыхъ испорченъ пристройкой папертей и въ особенности главой съ безобразной шеей, поставленной надъ западной папертью (рис. № 531). Переходныя части между восьмикиками медвѣдовскаго собора имѣютъ спокойный характеръ и производятъ пріятное впечатлѣніе; этого нельзя сказать про увѣнчающіе купола, имѣющіе неопредѣленные, вялые контуры, непріятно отличающіеся отъ рѣзко очерченныхъ луковичныхъ главокъ, шейки которыхъ такъ низки, что кажется будто главки непосредственно насажены на купола.

Типичнымъ образцомъ девятиверхихъ церквей можетъ служить Троицкій соборъ въ Новомосковскѣ²⁾. У этого памятника діагональныя части имѣютъ уже видъ башенъ, отличающихся отъ остальныхъ только тѣмъ,

¹⁾ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи. Построенъ въ 1785—1795 годахъ.

²⁾ Екатеринославской губерніи. Соборъ построенъ въ 1772—1779 годахъ мастеромъ Яковомъ Погребнякомъ.

Рис. № 530.
Церковь въ Іезуполѣ. Фот. О. Маркова.

Рис. № 531.
Соборъ Медвѣдовскаго монастыря.
По Г. Павлуцкому.

Рис. № 532.
Соборъ въ Новомосковскѣ,
Фот. Ф. Филянского.

что высота ихъ нижнихъ ярусовъ на треть меньше высоты соотвѣтствующихъ ярусовъ остальныхъ башенъ. Всѣ башни образованы четырьмя ярусами, при чемъ первые ярусы отъ вторыхъ и третьи отъ четвертыхъ отдѣлены прямыми скатами, а вторые ярусы отъ третьихъ отдѣлены куполообразными кровлями, профиль которыхъ имѣетъ форму обратнаго гуська. Верхніе восьмерички крыты плоскими пирамидками, непосредственно на которыя насажены луковичныя главки (рис. № 548 и 532).

Девятиверхихъ церквей очень мало, и это вполне понятно, такъ какъ всѣ онѣ являются соборными храмами, весьма внушительныхъ размѣровъ, а такія сооруженія воздвигались на югѣ, конечно, не часто потому, что затрачивать большія средства на постройку деревянныхъ церквей, которымъ вѣчно грозили ужасы войны, было слишкомъ неосторожно.

Созданіемъ девятиверхихъ храмовъ заканчивается послѣдовательное развитіе числа массъ южно-русскихъ храмовъ и на этомъ типѣ, какъ на самомъ позднемъ, болѣе чѣмъ на другихъ сказалось вліяніе стиля Барокко. Однако, здѣсь эта склонность къ иноземнымъ образцамъ характеризуется главнымъ образомъ не деталями, такъ какъ онѣ совершенно тѣ же, что у трехъ и пятиверхихъ церквей, а общимъ приѣмомъ композиціи, заключающемся въ безпокойной группировкѣ массъ, въ нагроможденіи ихъ и въ погонѣ за эффектами чередующихся свѣта и тѣни, утомляющихъ глазъ и лишаящихъ зданіе храма величаваго спокойствія и простоты.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о деталяхъ и внутренней отдѣлкѣ южно-русскихъ церквей. Подобно сѣверянамъ, южане обращали особое вниманіе на входныя двери, стараясь придать имъ по возможности богатый видъ.

Однако, большого разнообразія формъ здѣсь не наблюдается; въ самомъ дѣлѣ, верхней части дверныхъ пролетовъ придавали обыкновенно форму трапеціи, вслѣдствіе чего дверныя коробки (колоды) составлялись изъ пяти брусьевъ, которые покрывались болѣе или менѣе богатой рѣзбой. Такъ, напримѣръ, у дверей церкви Свв. Петра и Павла въ городѣ Гадячѣ ¹⁾ порѣзкой въ видѣ плетенки украшенъ только внутренній обводъ колоды, а на

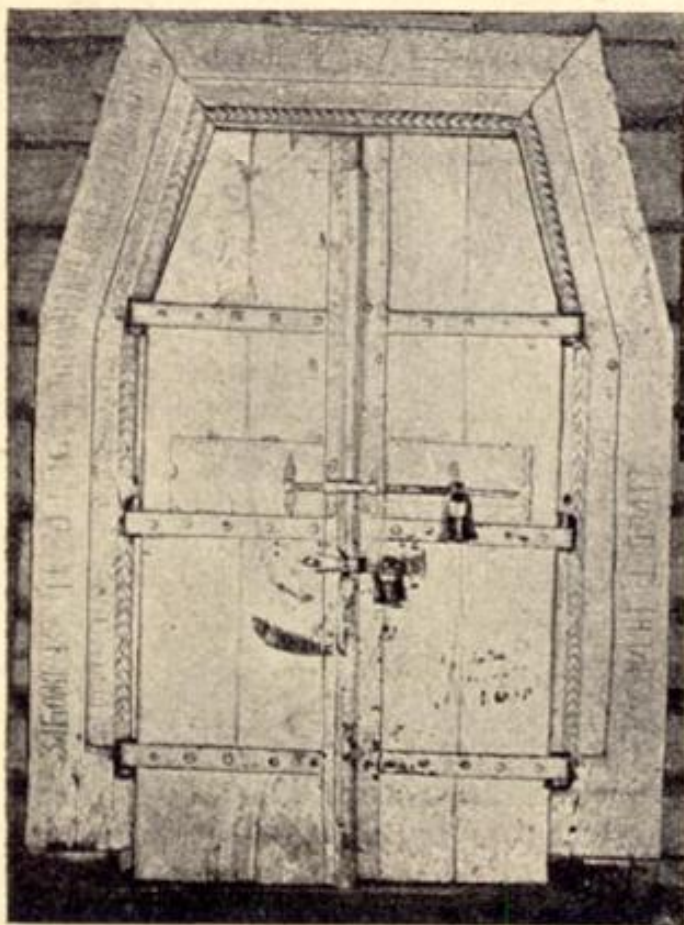

Рис. № 533.
Церковная дверь. По В. Щербакивскому.

¹⁾ Полтавской губерніи.

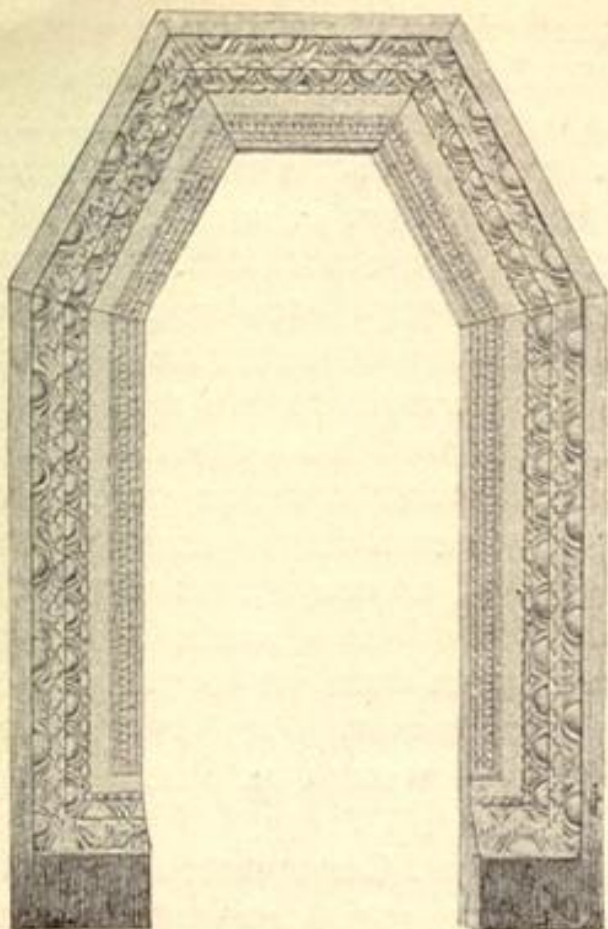

Рис. № 534.

Церковная дверь. По В. Щербакивському.

Рис. № 535.

Церковная дверь. По В. Щербакивському.

остальной ея части видна лишь врѣзная надпись (рис. № 533). Такія надписи встрѣчаются довольно часто и въ нихъ обыкновенно указывается кѣмъ и когда построена церковь. Гораздо богаче украшена рѣзьбой дверная колода, хранящаяся въ Кіевскомъ музеѣ и относящаяся къ началу XVIII вѣка (1706 г.); ея наружная поверхность почти сплошь покрыта орнаментами, главнымъ мотивомъ которыхъ являются своеобразно трактованные іоники, перемежающіеся съ рядами бусъ и городковъ (рис. № 534). Однако, наравнѣ съ трапециoidalными пролетами встрѣчаются, хотя и гораздо рѣже, пролеты съ прямоугольнымъ верхомъ; примѣромъ такой обработки можетъ служить дверная колода, хранящаяся въ музеѣ Полтавскаго земства и относящаяся, подобно предыдущей, также къ XVIII вѣку (рис. № 535); вся ея лицевая поверхность сплошь покрыта размашистыми завитками виноградныхъ лозъ, сходящихся къ кругу, помѣщенному въ серединѣ верхняго косяка и окаймляющему двуглаваго орла. Весь орнаментъ исполненъ сильнымъ рельефомъ и производитъ пріятное впечатлѣніе композиціи опытнаго мастера. Что же касается самаго характера орнаментаціи этого дверного наличника, то онъ весь проникнутъ духомъ западнаго Барокко, тогда какъ въ предыдущемъ примѣрѣ мотивы западнаго орнамента перемѣшаны съ мотивами мѣстнаго народнаго творчества.

Дверныя полотнища, насколько можемъ судить по имѣющемуся въ нашемъ распоряженіи матеріалу, дѣлались гладкими досчатыми, безъ какой-либо рѣзьбы или раскраски и все украшеніе ихъ заключалось въ фигурныхъ

желѣзныхъ схваткахъ и петляхъ, подобныхъ тѣмъ, что видны на церковныхъ дверяхъ села Бѣлашки ¹⁾ (рис. № 536). Для сравненія приводимъ два примѣра обработки дверныхъ пролетовъ въ церквахъ прикарпатскихъ славянъ (рис. №№ 537 и 538); наличники эти очень просты, а ихъ орнаментация бѣдна и даже дѣтски наивна, но зато не носитъ на себѣ слѣдовъ вліянія болѣе утонченной архитектуры иноземныхъ народовъ.

Что же касается церковныхъ оконъ, то ихъ просвѣтамъ придавали по большей части прямоугольную форму, хотя нерѣдко можно встрѣтить и круглые оконные просвѣты, но послѣдніе представляютъ, вѣроятно, менѣе древнюю форму, появившуюся какъ на нашемъ югѣ, такъ и въ странѣ прикарпатскихъ славянъ въ эпоху вліянія на ихъ искусство архитектуры Запада. Какъ изнутри, такъ и снаружи окна существующихъ теперь церквей оставлены безъ всякихъ художественныхъ обрамленій, поэтому такая обработка окна, какую мы видимъ на колокольнѣ села Лисовичей ²⁾, является исключеніемъ въ настоящее время, но въ прежнее время была, вѣроятно, не рѣдкою, такъ какъ по своимъ формамъ она должна быть отнесена къ произведеніямъ народнаго искусства, а послѣднія никогда не бывають единичными (рис. № 539).

Такъ какъ бревна стѣнъ южныхъ храмовъ въ большинствѣ случаевъ выравнивались изнутри подъ одну плоскость, то это давало возможность украшать стѣны росписью; однако, послѣдняя никогда не дѣлалась сплошною: ей придавали видъ или цѣльныхъ композицій, окаймленныхъ простыми орнаментальными обрамленіями, или отдѣльныхъ фигуръ, непосредственно выдѣлявшихся на фонѣ стѣнъ, при чемъ такіа изображенія размѣщались обыкновенно въ верхнихъ ярусахъ храма, а иногда даже и въ его куполахъ. Примѣромъ такого убранства храма можетъ служить роспись церкви въ селѣ Лисовичахъ (рис. № 540), у которой нижнее кольцо изображеній помѣщено на діагональныхъ граняхъ нижняго восьмерика, при чемъ изображенные здѣсь евангелисты занимають эти грани цѣликомъ. На всѣхъ восьми наклонныхъ плоскостяхъ, образующихъ переходъ къ слѣдующему восьмерику, находятся изображенія ангеловъ, заключенныя въ овалы, окаймленные листовными орнаментами. На діагональныхъ граняхъ слѣдующаго восьмерика видны цѣльныя фигуры стоящихъ ангеловъ, рѣзко вырисовывающіяся на фонѣ стѣнъ; наконецъ, грани купола украшены крытыми головками херувимовъ, такъ же рѣзко выступающими, какъ и фигуры нижнихъ ангеловъ. Вся эта роспись, не только по манерѣ самой живописи, но и по схемѣ размѣщенія фигуръ и выбору сюжетовъ, отличается явнымъ католическимъ характеромъ и этимъ выдаетъ свое западно-европейское происхожденіе, каковымъ вообще отмѣчена вся южно-русская, и въ особенности малороссійская иконопись. Напомнимъ, что стѣны сѣверныхъ и центрально-русскихъ деревянныхъ церквей никогда не украшались священными изображеніями, если не считать отдѣльныхъ иконъ, которыя либо вѣшались въ кіотахъ по

¹⁾ Уманскаго уѣзда. Кіевской губерніи.

²⁾ Тарашевскаго уѣзда, Кіевской губерніи. Колокольня эта построена въ концѣ XVII вѣка и теперь, кажется, уже разобрана.

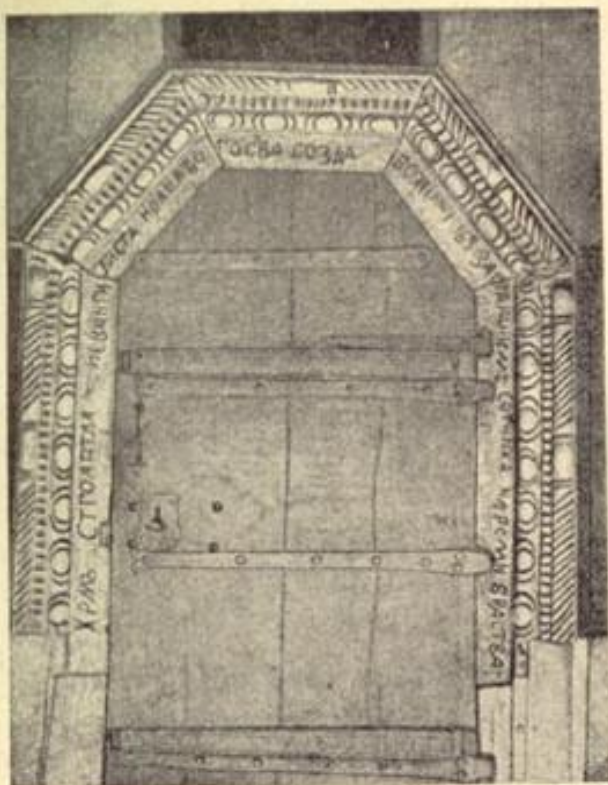

Рис. № 536.
Церковная дверь. По Г. Павлуцкому.

Рис. № 537.
Церковная дверь.
По В. Щербакивському.

Рис. № 538.
Церковная дверь.
По В. Щербакивському.

Рис. № 539.
Церковное окно. По В. Щербакивському.

Рис. № 540.
Церковь села Лисовичи. По В. Щербакивскому.

стѣнамъ, либо ставились на особыхъ полкахъ; въ каменныхъ же храмахъ роспись была обычнымъ явленіемъ, но тамъ она сплошь покрывала все стѣны, пилоны и своды, не оставляя пустыхъ мѣстъ. Такимъ образомъ, роспись южныхъ церквей не отвѣчаетъ духу православныхъ храмовъ и является, вѣроятно, явленіемъ сравнительно позднимъ, а въ болѣе глубокой древности стѣны южно-русскихъ храмовъ оставались, надо полагать, безъ всякой росписи.

Все дошедшіе до насъ иконостасы южно-русскихъ церквей относятся въ большинствѣ случаевъ къ XVIII вѣку, поэтому, отпадаетъ возможность судить о томъ, какой они имѣли видъ въ болѣе древніе періоды южнаго искусства. Существующіе же памятники отличаются, по большей части, богатствомъ, вычурностью, граничащей часто съ жеманностью, склонностью къ кривымъ линіямъ и стремленіемъ вверхъ, т. е. чертами, присущими стилямъ Барокко и Рококо; встрѣчаются также и болѣе спокойные иконостасы, относящіеся, однако, къ еще болѣе позднему стилю — къ стилю Ампиръ.

Исключительной роскошью отличается иконостасъ Покровской церкви въ Полтавѣ ¹⁾. Онъ исполненъ въ стилѣ Рококо съ тѣмъ почти неулови-

¹⁾ Смѣтри страницу 336.

мымъ въ деталяхъ, но яснымъ въ цѣломъ мѣстнымъ оттѣнкомъ, которымъ отличаются подобныя южно-русскія произведенія второй половины XVIII столѣтія. Четыре яруса иконостаса поднимаются на значительную высоту такъ, что детали верхняго изъ нихъ, увѣчаннаго дивно вырѣзанной фигурой Бога-Отца, возлежащаго на облакахъ, едва различаемы снизу. Ниже изображенія Бога-Отца помѣщены не менѣе художественно исполненныя фигуры ангеловъ, также сидящихъ на облакахъ (рис. №№ 541 и 542). Эти три фигуры и облака съ величайшимъ мастерствомъ и вкусомъ вплетены въ причудливую орнаментацію рамъ иконъ, которая, спускаясь внизъ, сливается въ одно гармоничное цѣлое съ пилястрами среднихъ ярусовъ и витыми колонками нижняго. Въ третьемъ ярусѣ прежде также были рѣзныя фигуры двухъ первосвященниковъ, Крестителя и Евангелиста Іоанна, но теперь въ иконостасѣ уцѣлѣли только поддерживавшія ихъ консоли.

На створахъ царскихъ вратъ исполнено сквозною рѣзьбою Благовѣщеніе, а выше его помѣщены Св. Духъ въ видѣ голубя, изображеніе южно-русскаго храма и распятіе, осяенное балдахиномъ, который увѣчанъ короной (рис. № 543). Въ другихъ мѣстахъ иконостаса, на примѣръ надъ діакономскими вратами, тоже виднѣются короны, этотъ излюбленный мотивъ орнаментики церковнаго искусства въ Польшѣ. Да и вообще характеръ иконостаса Покровской церкви типиченъ для западно-европейскаго искусства и вслѣдствіе этого совершенно не отвѣчаетъ спокойному духу убранства православныхъ храмовъ, чуждому въ до-Петровской центральной и сѣверной Руси крикливо театральнымъ эффектамъ, стремленіе къ которымъ создало такія совершенно

Рис. № 541.
Иконостасъ церкви въ Ромнахъ.
Фот. Н. Макаренки.

Рис. № 542.
Иконостасъ церкви въ Ромнахъ.
Фот. Н. Макаренки.

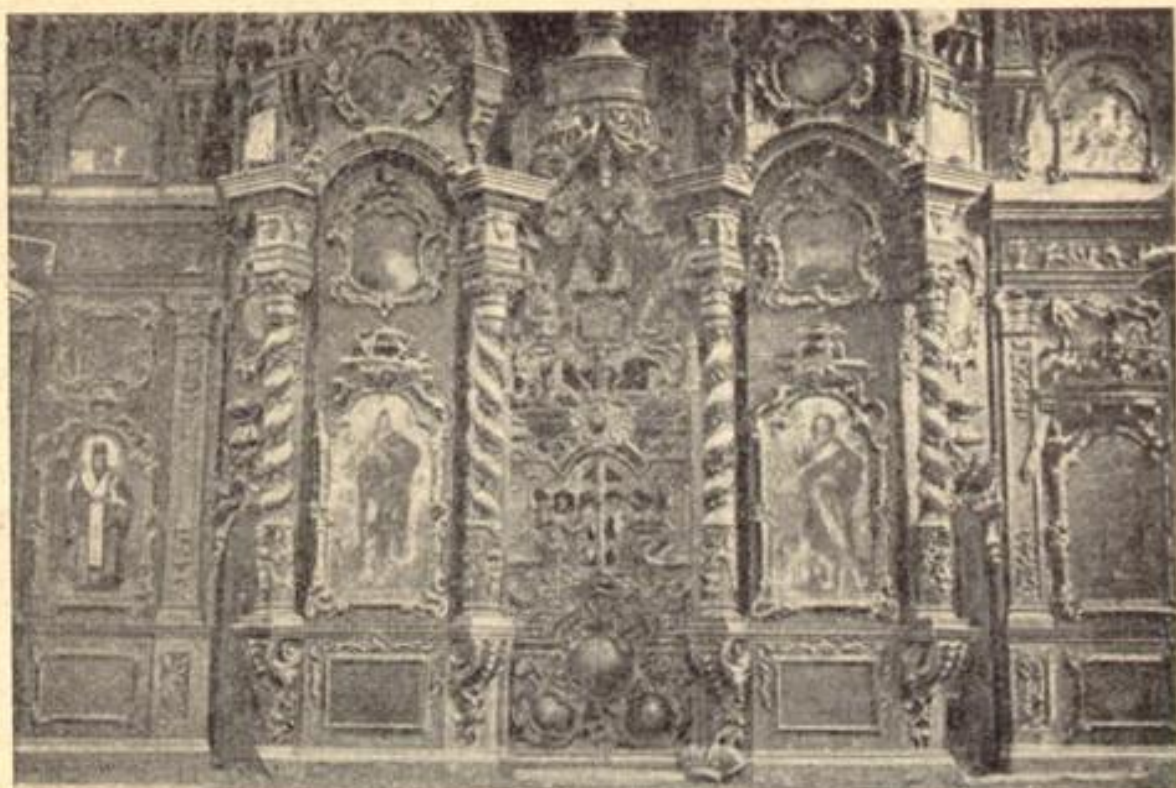

Рис. № 543.

Иконостасъ церкви въ Ромнахъ. Фот. Н. Макаренки.

Рис. № 544.
Иконостасъ
церкви въ селѣ
Очеретнѣ.

По В. Щербак-
кивскому.

Рис. № 545.

Царскія врата. По В. Щербакиньскому.

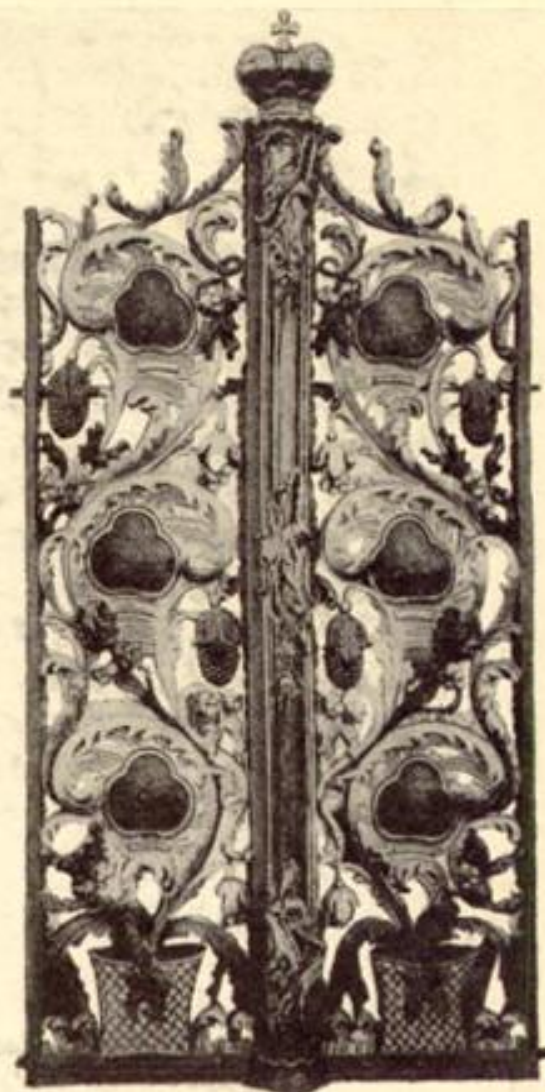

Рис. № 546.

Царскія врата. По Г. Павлуцкому.

не церковныя, жеманно - сценическія позы, какая, на примѣръ, придана фигурѣ Бога-Отца. Это искусство зародилось не въ глубинѣ народныхъ массъ нашего юга; его пропагандировали высшіе слои общества, цѣнившіе его, какъ безспорно высокое искусство, и передавшіе его въ центральную Русь и на Сѣверъ, но простой народъ подобные иконостасы только поражали, не давая ему того молитвеннаго настроенія, какое вызывали въ немъ болѣе спокойныя иконостасы прежняго времени.

Къ произведеніямъ такого же характера, типичнаго для церковнаго искусства Юга въ XVIII вѣкѣ, относится также богатый иконостасъ 1733 года, находящійся въ церкви села Очеретни¹⁾; въ немъ почти совершенно отсутствуютъ горизонтальныя линіи, такъ какъ ярусы иконъ расположены уступами, поднимающимися къ серединѣ, при чемъ иконы заключены въ рамки всевозможныхъ формъ, которыя то соприкасаются одна съ другой, то отдѣлены причудливыми рѣзными колонками, то, наконецъ, соединены въ группы, окаймленныя общими вѣнками (рис. № 544). Что же касается самой рѣзбы, то она отличается здѣсь изумительнымъ мастерствомъ и художественностью: всѣ эти цвѣты, грозди винограда, листья акантовъ и соединяющіе ихъ стебли образуютъ сложное плетеніе великолѣпнаго рисунка и кажутся живыми, а

¹⁾ Липовецкаго уѣзда, Кіевской губерніи.

Рис. № 547.
Царскія врата. По Г. Павлуцкому.

композиціи оба эти иконостаса довольно близки другъ къ другу. Существенной чертой отличія является килевидный верхъ послѣдняго, но обрамленія иконъ здѣсь такъ же разнообразны по формѣ, какъ и въ первомъ примѣрѣ, и такъ же расположены уступами, восходящими къ серединѣ иконостаса. Что же касается орнаментаціи, то она богата только на царскихъ вратахъ, а въ верхнихъ ярусахъ она разбросана только кое-гдѣ и оставляетъ много гладкихъ мѣстъ (рис. № 548).

Еще болѣе скромнымъ въ отношеніи орнаментаціи представляется иконостасъ церкви въ селѣ Печановкѣ¹⁾. Иконостасъ этотъ былъ обновленъ въ 1864 году, но, повидимому, не утерялъ при этомъ своего первоначальнаго вида. Его отличительную черту составляютъ боковыя части, начинающіяся отъ сѣверныхъ и южныхъ вратъ и имѣющія въ планѣ не прямоугольную форму, а закругленную. Несмотря на отсутствіе чистоты стиля, иконостасъ Печановской церкви производитъ очень пріятное впечатлѣніе своими спокойными формами и выдержанностью пропорцій; не вполне вяжутся

не вырѣзанными изъ дерева (рис. № 545). Конечно, нельзя сказать, чтобы подобная высоко художественная работа была рядовымъ явленіемъ въ малороссійскихъ иконостасахъ; чаще встрѣчаются царскія врата, исполненныя съ меньшимъ вкусомъ и съ меньшимъ пониманіемъ пропорцій орнамента. Къ такимъ памятникамъ относятся царскія врата церкви въ селѣ Камнѣ¹⁾ (рис. № 546) и въ особенности царскія врата, хранящіяся въ колокольнѣ Троицкой церкви мѣстечка Зинькова²⁾ (рис. № 547). Если рѣзьба первыхъ изъ нихъ, съ технической точки зрѣнія, исполнена очень хорошо, то общая композиція тяжела для стиля Рококо, несмотря на то, что нѣкоторыя детали излишне мелки. Вторыя же врата грубоваты какъ по рисунку, такъ и по technikѣ исполненія; особенно непріятны фигуры апостоловъ, Богоматери и Архангела Гавріила, наполовину ушедшія въ чашечки грузныхъ цвѣтовъ.

Гораздо меньшимъ богатствомъ, по сравненію съ иконостасомъ церкви въ Очеретнѣ, отличается иконостасъ церкви села Иваницы³⁾, хотя по общей ихъ

¹⁾ Новоградволинскаго уѣзда, Волынской губерніи.

²⁾ Летичевскаго уѣзда, Подольской губерніи.

³⁾ Прилукскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

⁴⁾ Новоградволинскаго уѣзда, Волынской губерніи.

Рис. № 548.
Иконостасъ церкви с. Иваницы.
По В. Щербакивскому.

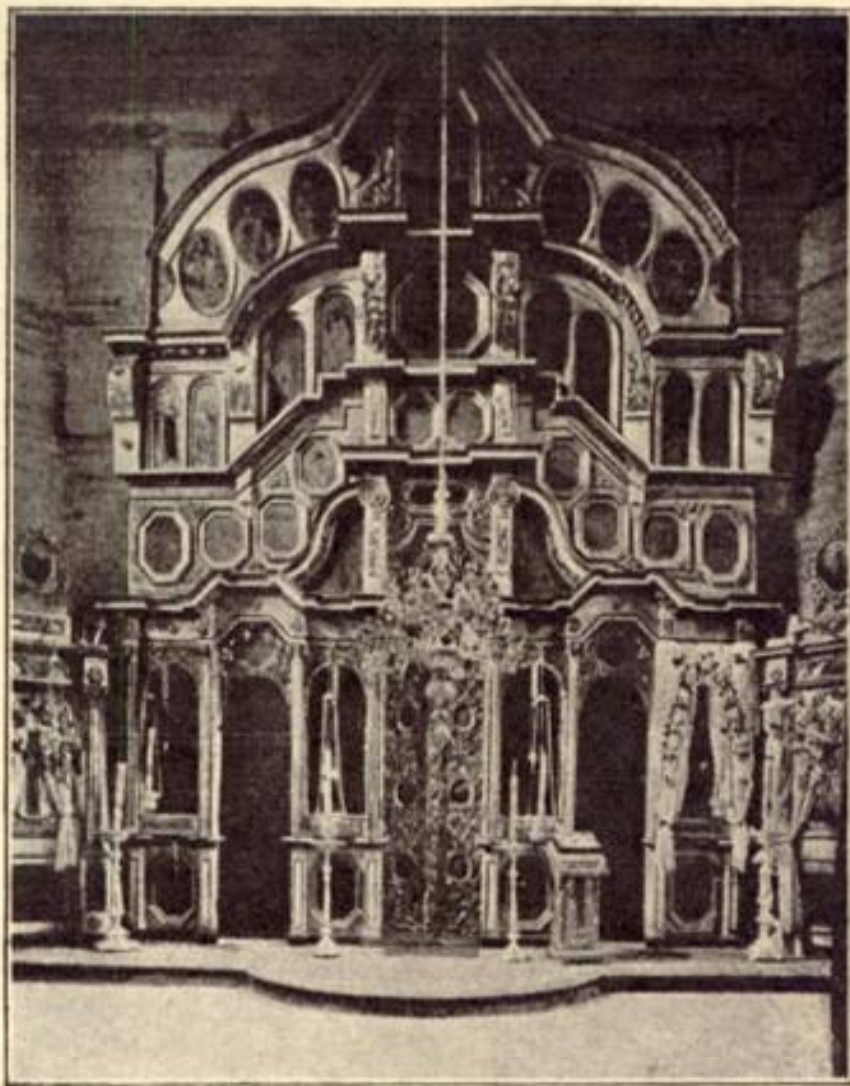

Рис. № 549.
Иконостасъ церкви въ с. Печановкѣ.
По Г. Павлуцкому.

только съ общимъ характеромъ грубо исполненныя и раскрашенныя фигуры колѣнопреклоненныхъ ангеловъ, помѣщенныя на волютахъ нижней части рамы, окаймляющей верхнюю икону (рис. № 549).

На этомъ мы вынуждены закончить нашъ краткій обзоръ внутренняго вида южно-русскихъ церквей, такъ какъ событія настоящаго времени лишили насъ возможности получить фотографическій матеріалъ, необходимый для уясненія описанія внутренней отдѣлки и иконостасовъ церквей Прикарпатской Руси.

Мих. Красовскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

	СТРАН.
Географическія условія края. Строительные матеріалы. Причины отсутствія древнѣйшихъ памятниковъ деревяннаго зодчества. Матеріалы по исторіи деревяннаго зодчества: условія бытовья и историческія; памятники письменности иноземные и мѣстные. Существующіе памятники деревяннаго зодчества. Терминологія	5—16

ГЛАВА I.

Основные элементы зданій. Главнѣйшіе типы нынѣшнихъ крестьянскихъ дворовъ и избъ. Ихъ конструктивныя и художественныя детали. Крестьянскія избы по памятникамъ письменности и сопоставленіе ихъ съ существующими типами. Внутренній видъ избъ. Типъ старо-русскаго помѣщичьяго дома	17—57
---	-------

ГЛАВА II.

Свѣдѣнія о городскихъ домахъ, заимствованныя изъ сочиненій иноземныхъ писателей и изъ памятниковъ русской письменности. Частные жилые дома, казенныя зданія, хоромы знати и царскія хоромы. Внутренній распорядокъ, внѣшній видъ и детали хоромъ	58—87
--	-------

ГЛАВА III.

Типы древне-русскихъ фортификаціонныхъ сооруженій. Виды тыновыхъ оградъ; виды стѣнъ срубами; детали ихъ. Типы башенъ и детали ихъ конструкціи	88—113
---	--------

ГЛАВА IV.

Ворота, калитки и ограды монастырей и погостовъ. Типы надгробныхъ сооруженій и крестовъ. Придорожныя кресты и часовни. Краткія свѣдѣнія по исторіи колоколовъ. Прimitивныя приспособленія для подвѣшиванія колоколовъ. Типы сѣверныхъ и центрально-русскихъ колоколенъ. Южныя колокольни и колокольни Прикарпатской Руси	114—166
--	---------

ГЛАВА V.

СТРАН.

- Историческія свѣдѣнія о языческихъ храмахъ славянъ. Реконструкція языческаго храма. Первые христіанскіе храмы славянъ. Наслѣдіе Византіи; устойчивость сложившихся типовъ деревянныхъ церквей; основныя части храма. Типы храмовъ. Древнѣйшія изображенія клѣтскихъ церквей. Планы клѣтскихъ церквей. Конструктивные приемы. Типы крышъ, нищевниковъ и крылецъ 167—207

ГЛАВА VI.

- Старинныя изображенія шатровыхъ церквей. Планы и конструктивные приемы шатровыхъ церквей. Шатровыя церкви съ восьмигранными срубами; шатровыя церкви съ прямоугольнымъ нижнимъ срубомъ. Многошатровыя церкви. Шатеръ на крестовой бочкѣ. Упадокъ шатроваго стиля 208—269

ГЛАВА VII.

- Пятиглавыя церкви. Кубастыя и купольныя церкви. Типы многоверхнихъ церквей. Многоярусныя церкви 270—309

ГЛАВА VIII.

- Детали церквей: крыльца, двери, красныя и волоковыя окна и просвѣты въ восточной стѣнѣ трапезныхъ. Внутренняя отдѣлка церквей: столбы, лавки, полки для образовъ и клиросы. Иконостасы; ихъ возникновеніе. Ранніе и болѣе поздніе иконостасы. Составныя части царскихъ вратъ. Предметы церковнаго обихода: аналои; столы и свѣчные ящики; переносныя лавки (скамьи); кіоты; подсвѣчники 310—351

ГЛАВА IX.

- Три группы плановъ южно-русскихъ церквей. Конструктивные приемы южно-русскаго церковнаго зодчества. Одноверхія, трехверхія и пятиверхія церкви на югѣ Россіи и въ Прикарпатской Руси. Малорусскія девятиверхія церкви. Детали и внутренняя отдѣлка южно-русскихъ церквей: двери, окна, росписи стѣнъ и иконостасы 352—404

Примечание:

Книга собрана в PDF из отдельных страниц в формате JPEG, и дополнена страницами из другого современного переиздания взамен недостающих.

Антон Матвейчук

<http://drevodel.ucoz.ru>